

АНТОЛОГИЯ

современной британской
драматургии

Новое
Литературное
Обозрение

*Антология
современной британской драматургии*

АНТОЛОГИЯ
современной
британской
драматургии

Новое
литературное
обозрение

Москва 2008

УДК 821.111."19"
ББК 84(4Вел)6-6
А 72

**А 72 Антология современной британской драматургии.
Пер. с английского. — М.: Новое литературное обо-
зрение, 2008. — 768 с.**

В Антологии современной британской драматургии впервые опубликованы произведения наиболее значительных авторов, живущих и творящих в наши дни, — как маститых, так и молодых, завоевавших признание буквально в последние годы. Среди них такие имена, как Кэрил Черчил, Марк Равенхил, Мартин МакДонах, Дэвид Хэроуэр, чьи пьесы уже не первый год идут в российских театрах, и новые для нашей страны имена — Дэвид Грейг, Лео Батлер, Марина Карр. Антология представляет самые разные темы, жанры и стили — от черной комедии до психологической драмы, от философско-социальной антиутопии до философско-поэтической притчи. Переводы выполнены в рамках специально организованного семинара, где особое внимание уделялось смыслу и стилю, поэтому русские тексты максимально приближены к английскому оригиналу. Антология современной британской драматургии будет интересна и театральной аудитории, и широкой публике.

УДК 821.111."19"
ББК 84(4Вел)6-6

ISBN 978-5-86793-602-0

- © Британский Совет, 2008
- © Переводчики, 2008
- © «Новое литературное обозрение»,
2008

**АНТОЛОГИЯ
СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ДРАМАТУРГИИ**

**Издание подготовлено в рамках проекта
Британского Совета «Современная драматургия»**

Переводчики

*Татьяна Осколкова, Надежда Гайдаш, Ольга Кандырина,
Олег Качковский, Юлия Курбакова, Наталья Просунцова,
Оксана Ромина, Анна Генина, Денис Вдовенко, Елена Хрулева,
Мария Баева, Елена Гурченкова, Оксана Куприянова, София Горя,
Влада Клименко, Мария Козловская, Екатерина Коровина,
Юлия Моисеенко, Максим Петренко,
Константин Романовский, Анна Шульгат*

Редакция переводов

Татьяна Осколкова, Саша Дагдейл, Анна Генина

Редакторы-составители издания

Анна Генина, Оксана Ромина

Предисловие

Джеймс Кеннеди

Вступительные статьи

Саша Дагдейл, Анна Генина

Информация об авторах

Надежда Гайдаш

Внимание! Все права на данные тексты принадлежат авторам и охраняются законом об авторских правах. Все права на русский перевод пьес принадлежат Британскому Совету в Москве.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не подлежит копированию, воспроизведению и хранению в любом виде, будь то электронный текст, ксерокопия, фото или аудиозапись, без письменного согласия правообладателей, указанных на странице 541.

Если Вы планируете использовать данный текст в России, свяжитесь с Британским Советом в Москве:

Ул. Николаямская, дом 1

Москва 109189

тел.: +7(495) 782 0200

Предисловие

Антология, которую Вы держите в руках, — результат многолетнего проекта Британского Совета. В рамках этого проекта мы стремились познакомить российские театры, публику, читателей с современной британской драматургией. Молодые талантливые переводчики помогли заговорить по-русски героям пьес Кэрил Черчил, Мартина МакДонаха, Дэвида Хэрроуэра, Лео Батлера и многих других известных и начинающих драматургов, представляющих разные поколения, разные регионы Британских островов (Англию, Шотландию, Ирландию), разные жанры и стили. Переведенные пьесы вызвали живой интерес у российских театров и уже были поставлены в Москве, Новосибирске, Омске, Тольятти, Томске, Воронеже, Риге, Глазове — этот список можно продолжить. В июне 2006 года в Москве прошел Фестиваль новой британской драматургии, в рамках которого состоялись гастроли британских театров, были показаны совместные российско-британские и российские постановки британских пьес, прошли сценические читки тех пьес, которые к тому моменту не нашли еще своего театра. Мы надеемся, что настоящая публикация стимулирует новые постановки уже переведенных пьес и новые переводы — как авторов, представленных в данной Антологии, так и еще не знакомых российскому читателю и зрителю.

Мне приятно сказать, что за последние годы в Британии стали больше знать, больше переводить и ставить современную российскую драматургию — Василия Сигарева, братьев Пресняковых, Ивана Вырыпаева. Королевский Шекспировский театр заказал пьесы Михаилу Дурненкову и Александру Архипову. Театр был и остается одним из мостов, прочно связывающих наши страны, наши культуры.

В заключение мне хотелось бы поблагодарить всех, кто сделал возможным появление этой книги. Прежде всего это консультанты проекта — Саша Дагдейл и Татьяна Осколкова, инициатор и руководитель проекта Анна Генина, менеджеры проекта

Оксана Ромина и Татьяна Ильина, режиссер и переводчик Александр Варганов, актеры Сергей Шевченко и Татьяна Копылова и, конечно же, все переводчики, чьи работы вошли в настоящее издание. Особая благодарность музею-заповеднику «Михайловское», где проходили все семинары по переводу, и лично Георгию Василевичу и Константину Бурченкову за их поддержку проекта, а также издательству «Новое литературное обозрение», которое поддержало наше предложение издать Антологию современной британской драматургии.

Надеюсь, Антология Вам понравится. Мы будем рады услышать Ваше мнение, будем всегда рады видеть Вас на всех мероприятиях Британского Совета.

Искренне Ваш
Джеймс Кеннеди

Директор Британского Совета в России
Советник по культуре Посольства Великобритании

Саша Дагдейл

Новая британская драматургия

Этот новый сборник британских пьес — результат уникального проекта, который объединил российских и британских переводчиков. Перед началом проекта меня попросили прислать список пьес, которые стоит перевести на русский язык. Я опросила многочисленные театральные источники и составила длинный список возможных пьес. Затем я стала выбирать шесть, которые должны были войти в окончательный список. Я учитывала несколько факторов. Первый и самый важный: отобранные пьесы должны давать представление о разнообразии тем, жанров и стилей британской драматургии; включать имена ведущих драматургов — таких как Кэрил Черчил и Мартин МакДонах. Во-вторых, они должны быть «переводными», иными словами, они не должны быть посвящены какой-то слишком частной проблеме или требовать знания какого-то очень специального культурного контекста. Мне также хотелось предложить качественные, долговечные произведения, которые могут дать что-то важное российским читателям или театральным деятелям. В результате мой окончательный список стал компромиссом между этими тремя полюсами. Но это было еще не все. На переводческом семинаре произошел дальнейший естественный отбор — какие-то пьесы переводчики приняли всем сердцем, другие оказались лишены этого живительного эмоционального интереса. Успешные переводы пьес *Top Girls*, «Ножи в курицах», «Там вдали», «Продукт», «Американский пилот», по сути, являются частью переводческого семинара, хотя добавились к списку уже после завершения проекта. Таким образом, наша антология — это коллективное приношение и результат (надеюсь, не завершение) органичного творческого процесса.

Перед тем как перейти к обсуждению отдельных пьес, я бы хотела сказать несколько слов о новой британской драматургии в целом. В 1955 году в помещении Royal Court была основана новая театральная компания — The English Stage Company. Это была реакция на очевидно низкий уровень коммерческих театров. Royal Court и его новый художественный руководитель Джордж Дивайн (George Devine) поставили целый ряд пьес британских и зарубежных драматургов; главным фокусом этих постановок были текст и автор. Вот уже более полувека театр Royal Court был и остается домом драматургов, которых здесь поддерживают и помогают пройти через трудный процесс создания пьесы и превращения ее в спектакль. Не все авторы данной Антологии являются драматургами Royal Court, но Кэрил Черчил и Мартин МакДонах, Кевин Элиот, Лео Батлер и Марина Карр тесно связаны с этим театром. Однако вполне правомерно утверждать, что все остальные авторы Антологии своим профессиональным становлением обязаны той культуре драматического творчества, которую подпитывает само существование театра Royal Court. Другие театры — такие как Traverse в Эдинбурге (здесь родилась новая шотландская драматургия и была впервые поставлена пьеса Хэрроуэра «Ножи в курицах»), National Theatre Studio, Soho Theatre, Paines Plough Theatre Company — расцвели в атмосфере поддержки и поощрения новой драматургии и нового театра.

Новая драматургия признана, а временами даже была в моде. Конечно, это не значит, что все современные пьесы стали классикой. Но шансы на появление классики выше, когда жанр получает такую значительную поддержку.

Пьеса Кэрил Черчил *Top Girls* — это уже классика. Она была написана в период и о периоде правления Маргарет Тэтчер. В захватывающем «прологе» знаменитые женщины разных стран и эпох (Жанна д'Арк, Папесса Иоанна и др.) встречаются в современном ресторане и обсуждают свои жизненные истории и борьбу за выживание. Их пригласила Марлин, успешная деловая женщина, чья жизненная история и является сюжетной основой для пьесы. *Top Girls* — это проницательный взгляд как на расцвет капитализма того периода, так и на то, как капитализм продол-

жает вековую традицию подавления — женщины, личности, эмоций и человечности. Черчил-драматург, несомненно, испытала сильное влияние Брехта.

Разнообразные формообразующие аспекты пьесы, запутанное выстраивание сцен вокруг сюжета, фантастический пролог — все это «отчуждает» нас от персонажей и позволяет рассудочно анализировать ситуацию. При первом чтении любой пьесы Черчил язык кажется простым и естественным, но, по сути, он сконструирован из клише, и персонажи невольно выдают себя, или демонстрируют странную коммуникативную неадекватность. Язык этот непоэтичен, ограничен, увечен — иногда даже коротенькие предложения нарезаны на крохотные кусочки. Обычный разговор становится актом насилия. Хотя политический контекст уже не так актуален — на смену тэтчеризму и экстремальной культуре алчного предпринимательства в Британии пришли другие социальные болезни, — российскому читателю будут интересны блестящая конструкция пьесы и диалог. Другая пьеса Черчил, включенная в Антологию, — *Far Away* — написана относительно недавно (2000). Пейзаж более абстрактный и жестокий, сюрреалистические образы вплетены в контекст многочисленных конфликтов последнего времени. «Увечность языка», которую я отметила в пьесе *Top Girls*, здесь еще сильнее и очевиднее, а линии передачи информации часто заметно разрушены. Черчил представляет определенное направление политического театра, политического в широком смысле. Зритель должен покинуть театр активистом, недовольным устройством мира. В своей книге «Конец театральной эпохи» Марина Давыдова говорит о том, насколько далек европейский политический театр от традиций русского театра. На самом деле в британском театре не так уж много Кэрил Черчил; большинство наших пьес по-прежнему делят внимание между гостиной/кухонной раковиной, а масштаб и эпичность политического театра Кэрил Черчил делают ее одним из самых значительных драматургов ее поколения.

Драматурги Марина Карр и Мартин МакДонах — ирландцы. Но они стали известны благодаря постановкам в Британии, и я считаю, что они оказали глубокое и серьезное влияние на британский театр. На самом деле, МакДонах и Карр продолжили

давнюю традицию — достаточно вспомнить имена Бернарда Шоу и Оскара Уайльда; полагаю, что ни МакДонах, ни Карр не возражают против такого соседства.

«Калека с острова Инишмаан» Мартина МакДонаха входит в его «Аранскую трилогию» (две другие пьесы трилогии — «Лейтенант с Инишмора» и «Банши острова Инишир»). Место действия в пьесах предыдущего цикла («Линанская Трилогия») — малонаселенный запад Ирландии. Аранские острова — это архипелаг в Атлантическом океане, недалеко от побережья Клэра и Галвэя. Эти острова известны как дикое и удаленное место, одно из немногих в Ирландии, где говорят по-ирландски. В начале двадцатого века ирландские националисты сделали их символом истинно «кельтского» и «ирландского», — того, что было утрачено в остальных частях Ирландии. Они также опосредованно связаны с историей ирландской литературы и драматургии. Ирландский драматург Дж. М. Синг (J. M. Synge), который посетил остров Инишмаан и написал книгу о его обитателях, считал их подлинными «кельтами», не испорченными современной жизнью. Документальный фильм «Человек с Арана», снятый в 1934 году Робертом Флаерти, усилил культовый статус островов. МакДонах остроумно использует эти литературно-культурные ассоциации — персонажи «Калеки», бедняки с острова Инишмаан, в 1930-е годы буквально на стенку лезут от нищеты и безысходности и мечтают хоть чуть-чуть улучшить свою жизнь и в то же время с удивительным цинизмом рассуждают о внешнем мире и кинорежиссере, который собирается прославить их маленькие острова. Их «ирландскость» ограничена и спонтанна, их шутки — инстинкт самосохранения. «Калека с острова Инишмаан» — одна из самых смешных и в то же время горьких пьес в Антологии, удивительная и трогательная история, и одновременно взгляд на Ирландию и ирландский национализм.

Действие пьесы Марины Карр «Порция Кохлан» (*Portia Coughlan*) также происходит в глухом уголке Ирландии. Многие пьесы Марины Карр — это вольный пересказ классических мифов, и хотя о «Порции Кохлан» этого не скажешь, ее основные черты те же — эпичность и трагизм. Основные мотивы «Порции Кохлан» связаны с кровным родством, семьей, наследственностью — и безостановочное движение героини к неизбежной гибели.

ли несет отпечаток античной трагедии. Неоценимое достоинство пьесы Марины Карр — язык. Восхитительный лиризм и поэтичность создают особый лингвистический динамизм. У Карр такой же неотразимый черный юмор, как у МакДонаха. Сочетание красоты, трагизма и комедии в ее пьесе увлекает и захватывает.

Новая шотландская драматургия представлена двумя самыми яркими именами — это Дэвид Хэрроуэр (David Harrower) и Дэвид Грэйг (David Greig). Пьеса Хэрроуэра «Ножи в курицах» (*Knives in Hens*) была поставлена в Эдинбургском театре Traverse в 1997 году. В ней действуют три персонажа, помещенные в абстрактный мрачноватый пейзаж, напоминающий фламандскую живопись. Возвышенно-поэтические диалоги — это и история взаимоотношений персонажей, и размышление о языке, о пробуждении личности благодаря работе души, и метафора меняющегося общества.

В недавно написанной пьесе Грэйга язык играет такую же важную роль, как и у Хэрроуэра. В «Американском пилоте» потерпевший аварию летчик ВВС США взят в плен группой крестьян из маленькой глухой деревушки. Местный полевой командир решает, что делать со злополучным летчиком, и произносит длинные монологи о состоянии своей страны и мира. На деле же его философствование ни на что не влияет — американский вертолет спасает пилота и сметает всех остальных огненным шквалом. Пьеса была написана до войны в Ираке, но оказалась на удивление пророческой. Вновь и вновь мы видим на экранах наших телевизоров эту сцену — столкновение двух миров: игнорирующий всех и вся мир Вооруженных Сил США и застывший традиционный мир бедных стран. Грэйг, как и Черчил, следует традициям Брехта — он использует брехтовские приемы (каждый персонаж представляется и рассказывает о себе), начало пьесы весьма напоминает «Кавказский меловой круг». Язык пьесы — это клише нашего времени, клише кино, пресс-конференций, поп-музыки и статей по вопросам этнографии в журнале National Geographic. Это не отражение реальности, не попытка показать какую-то истинную аутентичную ситуацию. Грэйгу гораздо интереснее заставить нас взглянуть попристальнее на лицемерный мир, лицемерные концепции и сделать шокирующее открытие — мир вокруг

нас — загадка, нам не дано им владеть или его контролировать — ни на словах, ни в мыслях, ни при помощи оружия.

Пьеса Джо Пенхолла «Синий апельсин» (*Blue / Orange*) была поставлена в Национальном Театре (National Theatre) в 2000 году и была так популярна у зрителей, что вскоре была перенесена в один из коммерческих театров Вест-Энда. В тот же год пьеса получила несколько престижных наград. Я включила эту пьесу в список для перевода именно из-за ее успеха в коммерческом театре, но сомневалась, что ее можно перевести на русский язык. Я осознавала, что язык пьесы, ее юмор неразрывно связаны со специфической британской ситуацией — проблемами коррумпированной Национальной Службы Здравоохранения, а также с пагубным расизмом среднего класса и что пьеса слишком тесно привязана к Британии. Я оказалась права. Переводчики успешно справились с задачей. В «Синем апельсине» трое персонажей — три превосходных роли. Безжалостное изображение службы здравоохранения дает зарубежным читателям захватывающую возможность взглянуть изнутри на работу британских учреждений.

Пьеса «Искусственное дыхание» (*Mouth to Mouth*) также завоевала признание как критиков, так и широкой аудитории; и так же как «Синий апельсин», она показывает британское общество — только здесь это подавленный, разрушающийся средний класс; пьеса явно появилась под влиянием «Предательства» Пинтера. Страсть выступает как эксплуататор и разрушается от угнетения. Она некомфортна и приводит на грань нервного срыва, но не способна распутать клубок сложных отношений, ведущих к трагическому финалу.

«Собачье счастье» (*Lucky Dog*) — недавняя пьеса молодого автора Лео Батлера. Супружеская пара за рождественским ужином со сдержанной горечью озирает трещащий по всем швам брак. Диалог в пьесе очень смешной, причем не столько по-английски, но и на русском языке подавляемые страсти и сдержанность неожиданно кажутся невероятно забавными. Это хорошо выстроенная пьеса многообещающего автора, но в английском оригинале ее особые художественные достоинства — по-пинте-

ровски лаконичный диалог и то, как Батлер несколькими штрихами позволяет почувствовать трагедию прошлого и неумение супругов найти общий язык.

Я не буду подробно писать о «Продукте» Марка Равенхилла. Я не видела спектакля, в котором сыграл сам автор и который был поставлен сразу же после того, как была завершена работа над текстом. Равенхилл — очень заметная и активная фигура в новой британской драматургии. Его пьеса *Shopping and ****ing* вместе с пьесой Сары Кейн *Blasted* ознаменовали начало ренессанса новой драматургии. С тех пор Равенхилл очень много писал для театра, а совсем недавно он посетил Москву и сыграл свой спектакль. Данный перевод был выполнен в связи с московской премьерой спектакля и является удачным дополнением к Антологии.

В завершение своего краткого обзора я скажу несколько слов о пьесе Филиппа Ридли «Брокенвиль». Филипп Ридли пишет в основном для подростков. Он написал целый ряд романов и пьес, а также сценарий к фильму «Братья Крэй» (*The Krays*). Ридли часто критикуют за жестокость в сочинениях для детей, за неприкрашенный показ действительности, но я думаю, что многие взрослые просто забыли, что нравится подросткам. Подростки хотят видеть реальный мир, хотят видеть экстремальные ситуации, им нравятся эмоциональные и моральные проблемы, которые расширяют их представление о мире. «Брокенвиль», с его жестоким «разрушенным» миром будущего и сюрреалистическим разыгрыванием «разрушенных» сказок, очень точно отвечает этим потребностям. Взрослому зрителю пьеса может показаться схематичной, но она очень привлекательна для старших подростков и написана опытным и вдохновенным детским писателем.

Я надеюсь, вы оцените разнообразие представленных в сборнике пьес. Я также надеюсь, что некоторые из пьес найдут свой театр и своего зрителя в России. Драматургия — отличное пространство для культурного диалога. Театр — один из немногих видов искусства, которые могут выстраивать мосты между культурами и человеческими душами.

Анна Генина

Новая британская драматургия на русском языке: опыт переводческого семинара

В июне 2004 года на сайте Британского Совета в России появилось объявление о конкурсе для желающих участвовать в семинаре по переводу современной британской драматургии. Участникам конкурса предлагалось перевести три фрагмента из трех совершенно разных по языку и стилю пьес, написанных ныне живущими британскими драматургами. Честно говоря, мы не ожидали большого количества заявок — тексты были довольно сложными, да и тема семинара была, что называется, «на любителя». Однако мы получили около двухсот заявок со всех уголков страны — от Дальнего Востока до Таганрога, и многие переводы были выполнены весьма талантливо. Жюри конкурса под председательством Татьяны Осколковой не сумело отобрать 10 участников, как мы планировали вначале, — не хотелось «отсеивать» талантливых людей. В итоге мы отобрали 20 человек, 10 из Москвы, 10 — из разных регионов, включая Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск, Рязань, Саратов, Ярославль, Таганрог, Пермь, а вместо одного семинара провели два.

Мы пригласили консультантами проекта — руководителями семинара Сашу Дагдейл, которая известна своими прекрасными переводами на английский язык современной русской драматургии и поэзии, и Татьяну Осколкову — ведущего переводчика на русский язык современной британской драматургии. Саша предложила две пьесы для работы, и по ее предложению на каждом

из семинаров участники коллективно перевели одну из этих пьес — «регионы» переводили «Собачье счастье» Лео Батлера (*Lucky Dog* by Leo Butler), москвичи — «Родно» Кэрил Черчилл (*Ice-Cream* by Caryl Churchill). По предложению руководителей семинара работа строилась следующим образом: две подгруппы по 5—6 человек в первой половине дня переводили заданный фрагмент текста, а во второй обсуждали оба варианта перевода и выбирали лучший. Присутствие носителя английского языка позволяло уточнять малейшие нюансы текста, коллективное обсуждение вариантов перевода давало возможность создавать индивидуальные речевые характеристики персонажей (многие участники в процессе работы вспоминали «фирменные» словечки и выражения своих родных и знакомых). В последние два дня работы каждого из семинаров к переводчикам присоединялись режиссер Александр Вартанов и актеры — они готовили сценическую читку в присутствии переводчиков, отмечая те места, которые им казались неудачными/непонятными. Первоначально перевод пьес на семинаре замысливался как обучающийся процесс, но в итоге получились хорошие тексты — обе пьесы были представлены публике в Театре.doc (Москва) в виде сценических чтот, «Собачье счастье» было затем поставлено в театре «Парафраз» (Глазов), а также показано на фестивале «Реальный театр» в Екатеринбурге (режиссер Рамин Грэй, Лондон).

На следующем этапе проекта участники разбились на шесть небольших групп, и каждая группа должна была перевести одну из пьес, предложенных Сашей Дагдейл (о выборе пьес см. ее статью — вступление к данной Антологии). Работа велась в течение нескольких месяцев, обсуждение вариантов шло по электронной почте и на небольших мини-семинарах. В июне 2005 года все участники впервые встретились вместе на семинаре по редактированию переводов, который, как и первые два, прошел в гостевом доме музея-заповедника «Михайловское». (Нелишне будет сказать, что особая атмосфера пушкинских мест, возможность гулять по парку и обсуждать трудности перевода, гостеприимство хозяев, — начиная от директора музея Г. Н. Василевича и заканчивая сотрудниками кафе «Березка, — во многом способствовали успеху всех трех семинаров.) Работа строилась следующим образом: каждую пьесу в течение дня обсуждали три подгруппы —

та, что ее переводила, группа «редакторов» (они заранее знакомилась с переводом и готовили свои замечания) и группа «свежая голова» — они не читали перевод заранее. Как и на предыдущих семинарах, Саша Дагдейл помогала понять нюансы оригинала, Татьяна Осколкова и все участники обсуждали особенности русского перевода. Результатом этой июньской недели стали еще пять переводов (какие-то тексты потребовали небольшой дополнительной редактуры), а вот с шестой пьесой — «Синий апельсин» Джо Пенхолла — произошла осечка — выяснилось, что переводчики ее не поняли, так как не знали определенного контекста и реалий современной жизни Британии. От перевода пришлось отказаться, и вместо его обсуждения вся группа, собравшись вместе, слушала читку пьесы на английском языке в исполнении Саши Дагдейл и с ее комментариями, что позволило позднее новой группе переводчиков создать тот вариант перевода, который и лег в основу представленного в данной книге текста (этот вариант также был отредактирован на специальном семинаре в марте 2006 года).

Все вышеупомянутые тексты (за исключением «Родни») были в формате читок апробированы на фестивале «Новая драма» в сентябре 2005 года, а затем вместе с другими пьесами, переведенными уже по завершении семинаров традиционным «одиночным» методом, были представлены на Фестивале современной британской драматургии, который прошел в Москве в июне 2006 года.

Я так подробно рассказываю о проекте переводческого семинара, потому что этот опыт представляется мне невероятно интересным и ценным, а кроме того, читатели могут увидеть, как тщательно — на глаз и на слух — проверялись переводы, перед тем как попасть в данную книгу. Очень хочется верить, что они понравятся нашим читателям и привлекут внимание режиссеров и актеров.

Кэрил Черчил

TOP GIRLS

Перевод Татьяны Осколковой
Copyright © 1982 Caryl Churchill

Сведения о персонажах

ИЗАБЕЛЛА БЁРД (1831—1904) жила в Эдинбурге, в возрасте 40—70 лет много путешествовала.

ГОСПОЖА НИДЖО (родилась в 1258 году), японка, была куртизанкой императора, затем буддийской монахиней, прошла пешком всю Японию.

БЕЗУМНАЯ ГРЕТА, персонаж с картины Брейгеля «Dulle Griet». В фартуке и доспехах, она ведет за собой толпу женщин, которые прорываются сквозь ад, сражаясь с чертями.

ПАПЕССА ИОАННА, женщина, выдававшая себя за мужчину, которая, как считается, была Папой Римским в 854—856 годах.

ТЕРПЕЛИВАЯ ГРИЗЕЛЬДА, покорная жена, история которой рассказана в «Кентерберийских рассказах» Чосера.

Замечания по расположению текста

Как правило, персонаж начинает говорить сразу после того, как предыдущий заканчивает, НО:

1. Если персонаж начинает говорить до того, как предыдущий закончил, место, где он вступает в разговор обозначено значком /.

Напр.

ИЗАБЕЛЛА. Это японский император? / Я как-то встречалась с императором Марокко.

НИДЖО. Вообще-то бывший император.

2. Иногда персонаж продолжает говорить одновременно с другим персонажем:

Напр.

ИЗАБЕЛЛА. В сорок лет я считала, что жизнь кончена.
/Как же

НИДЖО. А я и не говорю, что я это чувствовала все двадцать лет. Чувствовала, но не каждую секунду.

ИЗАБЕЛЛА. мне было плохо. Для поправки здоровья меня отправили в круиз, но мне стало только хуже. Боли в суставах, железки распухли, судороги, ломота, ... *и т. д.*

3. Иногда один из персонажей начинает говорить свой текст не после того, кто говорил непосредственно перед ним, а раньше, и тогда место, где он вступает, обозначено значком*.

Напр.

ГРИЗЕЛЬДА. Видела, когда он проезжал мимо на лошади, мы все видели. И он меня видел в поле, когда я овец пасла. *

ИЗАБЕЛЛА. Овец пасти — мне бы это подошло.

НИДЖО. А тут как раз мистер Наджент мимо скачет.

ИЗАБЕЛЛА. Ничего подобного, Ниджо, просто здоровая жизнь на свежем воздухе.

ИОАННА. * Значит, он просто подъехал, когда вы пасли овец, и сделал вам предложение?

После «когда я овец в поле пасла» одновременно говорится «Овец пасти» и «Значит, вы пасли овец».

Премьера «Top Girls» состоялась в театре «Ройял Корт» в Лондоне 28 августа 1982 года в следующем составе:

МАРЛИН Гвен Тейлор

ИЗАБЕЛЛА БЁРД
ДЖОЙС Дебора Финдли
МИССИС КИД

ГОСПОЖА НИДЖО
УИН Линдси Дункан

БЕЗУМНАЯ ГРЕТА
ЭНДЖИ Кэрол Хейман

ПАПЕССА ИОАННА
ЛУИЗ Селина Кейдел

ТЕРПЕЛИВАЯ ГРИЗЕЛЬДА
НЭЛЛ Десли Мэнвил
ДЖЕНИН

ОФИЦИАНТКА
КИТ Лу Уейкфилд
ШОНА

Режиссер Макс Стаффорд Кларк
Художник Питер Хартвил

В этом же году спектакль был перенесен в Джо Папп Паблик Театр в Нью-Йорке, а в начале 1983 года был вновь показан в «Ройял Корт».

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ Ресторан. Суббота вечером.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Сцена первая Кадровое агентство «Top Girls». Утро понедельника.

Сцена вторая Задний двор дома Джойс. Утро воскресенья.

Сцена третья Кадровое агентство. Утро понедельника.

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ Кухня в доме Джойс. Воскресенье вечером годом раньше.

Замечания для постановщика

Первоначально «Top Girls» были написаны в трех актах, и такая структура мне по-прежнему представляется более четкой: первое действие — ужин, второе действие — история Энджи, третье действие — за год до этого. Но два антракта действительно затягивают спектакль, поэтому в первой постановке пьесы мы сделали два действия с антрактом после второй сцены второго действия. Оставляю это на ваше усмотрение.

Кэрил Черчил, 1985 г.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Ресторан. Стол с белой скатертью, накрытый для ужина. Шесть стульев. МАРЛИН и ОФИЦИАНТКА.

МАРЛИН. Все отлично, да, стол на шестерых. Один человек опаздывает, но мы не будем ждать. Принесите бутылку Фраскати прямо сейчас, только охладите как следует.

ОФИЦИАНТКА *уходит.*

Появляется ИЗАБЕЛЛА БЕРД.

МАРЛИН. А, приехали. Изабелла.

ИЗАБЕЛЛА. Дорогая моя, поздравляю.

МАРЛИН. Да, это действительно этап. Это стоит отпраздновать. В отпуск хочется, но времени нет. Я бы хотела, как вы, в какое-нибудь экзотическое место, но не могу выбраться. Даже не представляю, как вы могли уехать с Гавайских островов. / Мне кажется, я могла бы вечно лежать на солнце, хотя, с другой стороны, я, конечно,

ИЗАБЕЛЛА. Я действительно думала там поселиться.

МАРЛИН совершенно не умею бездельничать.

ИЗАБЕЛЛА. Я позвала свою сестру Хэнни приехать. Давай, Хэнни, поселимся здесь навсегда, будем помогать туземцам. За те деньги, что в Эдинбурге стоят две отбивных, здесь можно кило вырезки купить. И моя душенька Хэнни ответила, да, если мне так хочется, она поедет на Гавайи, но тогда я сказала, оставайся. Ей там гораздо лучше. Хэнни привыкла жить в Тобермори.

МАРЛИН. Бедная Хэнни.

ИЗАБЕЛЛА. У вас есть сестра?

МАРЛИН В общем да.

ИЗАБЕЛЛА. Хэнни была веселая. Хорошая. Как же мне не хватало ее милого лица. Но в Шотландии жить я не могла. Там всегда пасмурно — ненавижу...

МАРЛИН. А! Ниджо!

Она идет навстречу ГОСПОЖЕ НИДЖО.
ОФИЦИАНТКА *приносит вино.*

НИДЖО. Марлин!

МАРЛИН. Мне кажется, надо выпить, пока мы ждем остальных. Мне кажется, просто надо выпить. Ну и неделя была.

ОФИЦИАНТКА *разливает вино.*

НИДЖО. В мое время напивались мужчины. А мы прислуживали, разносили саке.

ИЗАБЕЛЛА. Я саке пробовала. Такой теплый напиток в маленькой чашечке. В дождливую погоду очень бодрит.

НИДЖО. Как-то вечером отец предложил три круга по три чашечки, это нормально, а потом Император должен был объявить еще три круга по три, а он объявил три по девять, можете себе представить.

Потом Император передал свою чашечку отцу и сказал: «Пусть дикий гусь прилетит ко мне этой весной».

МАРЛИН. Пусть что?

НИДЖО. Это литературная аллюзия, отсылка к эпической поэме десятого века, / Его Величество был очень образованным...

ИЗАБЕЛЛА. Это японский император? / Я как-то встречалась с императором Марокко.

НИДЖО. Вообще-то бывший император.

МАРЛИН. Но он был не старый? / Да что вы, Изабелла!

НИДЖО. Двадцать девять.

ИЗАБЕЛЛА. Это длинная история.

МАРЛИН. Двадцать девять — прекрасный возраст.

НИДЖО. Мне было всего четырнадцать, я понимала, что он на что-то намекает, но не понимала, на что. Он прислал мне восьмислойное кимоно, а я отослала его назад. И когда это случилось, я так плакала. Он изорвал все

мои кимоно. Но уже наутро, когда он ушел, / на нем был зеленый халат на алой подкладке и

МАРЛИН. То есть, вы хотите сказать, он вас изнасиловал?

НИДЖО. штаны, покрытые вышивкой, я почувствовала, что отношусь к нему по-другому. Это было так странно. Ну что вы, Марлин, нет, конечно, я принадлежала ему, это то, к чему меня готовили с раннего детства. Скоро я обнаружила, что мне грустно, если он не приходит. И когда день за днем не знаешь, когда его ждать, это угнетает. И мне не доставляло ни малейшего удовольствия приводить к нему других женщин.

ИЗАБЕЛЛА. Я своего отца никогда не видела пьяным. Он был священник. / А замуж я вышла только в пятьдесят.

ОФИЦИАНТКА *приносит меню.*

НИДЖО. О, мой отец был глубоко религиозным. Перед самой смертью он сказал: «Служи Его Величеству, угождай во всем, а если впадешь в немилость, прими постриг».

МАРЛИН. Так он хотел, чтобы вы жили в монастыре, а не скитались по всей стране.

НИДЖО. Странствующих священников много было. Почему им можно, а монахине — нет? / Я ведь все равно сделала, как хотел отец.

МАРЛИН. Можно, можно. / Мне кажется, это замечательно.

Появляется БЕЗУМНАЯ ГРЕТА.

ИЗАБЕЛЛА. Я тоже старалась делать как хотел отец.

МАРЛИН. Грета, прекрасно. Ниджо. Грета. / Я знаю, что Гризельда опаздывает, а Иоанна, будем ее ждать? / Давайте я вам налью.

ИЗАБЕЛЛА. Здравствуйте, Грета. (*Продолжает разговор с Ниджо.*) Я старалась быть настоящей дочкой священника. Рукоделие, музыка, благотворительность. Мне удалили опухоль на позвоночнике, приходилось много времени лежать. Изучала поэтов-метафизиков, гимнологию. / Мне казалось, я получала удовольствие от интеллектуальных изысканий.

НИДЖО. О, вы любите поэзию. В нашей семье восемь поколений поэтов. Стихотворение отца / даже поместили в антологию... .

ИЗАБЕЛЛА. А меня, хоть я и девочка, отец латыни учил. / Но

МАРЛИН. У нас в школе латыни не было.

ИЗАБЕЛЛА. на самом деле я больше любила работать руками. Готовка, уборка, штопка, верховая езда. / Все лучше, чем книжки читать,

НИДЖО. Я даже не сомневаюсь, что вы очень умны.

ИЗАБЕЛЛА. А, Грета? Простая жизнь на свежем воздухе.

НИДЖО. Не могу сказать, что мне нравилась простая жизнь. Больше всего мне нравилось быть фавориткой императора / и носить тонкие шелковые одежды.

ИЗАБЕЛЛА. Грета, у вас были лошади?

ГРЕТА. Свинья.

Появляется ПАПЕССА ИОАННА.

МАРЛИН. Ну, слава богу, Иоанна, можем заказывать. Вы всех знаете? Мы как раз говорили об изучении латыни и о том, какие мы умненькие. А Иоанна, между прочим, в детстве была вундеркиндом. Честное слово. Что вас больше всего волновало, когда вам было десять?

ИОАННА. Оттого что ангелы бесплотны, у них нет индивидуальности. Все ангелы совершенно одинаковы.

МАРЛИН. Во дают.

Они смеются. Смотрят меню.

ИЗАБЕЛЛА. Да, совсем я латынь забыла. Отец занимал огромное место в моей жизни, и, когда он умер, я так горевала. Мне, пожалуйста, цыпленка / и суп.

НИДЖО. Конечно, горевали. А мой молился, а потом задремал на солнце. Я дотронулась до его колена, хотела разбудить. «Интересно, что будет, если...» — сказал он — и умер, не успев договорить. / Если бы он умер во время

МАРЛИН. Какой ужас.

НИДЖО. молитвы, он бы отправился прямо на небеса. / Мне уолдорфский салат.

ИОАННА. Смерть — это возвращение к Господу всех созданий его.

НИДЖО. Не надо было его будить.

ИОАННА. Что такое ад? Это просто незнание истины. Меня всегда привлекало учение Джона Шотландского, хотя он склонен путать / мирское с божественным.

ИЗАБЕЛЛА. Я была просто убита горем.

МАРЛИН. А я, пожалуй, возьму бифштекс с кровью. Вам, Грета?

ИЗАБЕЛЛА. Я, конечно, принадлежу / к англиканской церкви. *

ГРЕТА. Картошку.

МАРЛИН. * Сто лет не была в церкви. / Обожаю рождественские псалмы

ИЗАБЕЛЛА. Усердный труд важнее, чем хождение в церковь.

МАРЛИН. Мне два бифштекса и побольше картошки. С кровью. Да и тружусь я не очень усердно.

ИОАННА. Каннелони, пожалуйста, / и салат.

ИЗАБЕЛЛА. Я старалась, но боже ты мой... Вот Хэнни, она усердно трудилась.

НИДЖО. Первая часть моей жизни — сплошной грех, а вторая — / сплошное наказание за грехи мои. *

МАРЛИН. Как насчет закусок?

ГРЕТА. Суп.

ИОАННА. * И что вам больше понравилось?

МАРЛИН. Разве ваши путешествия были сплошным наказанием? Салат из авокадо. Разве вам / не нравилось путешествовать?

ИОАННА. Я не буду закуски. Благодарю вас.

НИДЖО. Нравилось, но я была так несчастна. / Было больно

МАРЛИН. И винную карту, пожалуйста.

НИДЖО. Думать о прошлом. Мне кажется — это наказание.

МАРЛИН. М-м-м, вы думаете?

НИДЖО. А может быть, я просто тосковала по дому.

МАРЛИН. Или сердилась.

НИДЖО. Сердилась? Нет, не сердилась. / Почему сердилась?

ГРЕТА. Дайте, пожалуйста, еще хлеба.

МАРЛИН. Вы что, никогда не сердитесь? Я вот сержусь, например.

НИДЖО. Но на что?

МАРЛИН. Принесите еще две бутылки Фраскати и еще хлеба, пожалуйста.

ОФИЦИАНТКА *уходит*.

ИЗАБЕЛЛА. Я пыталась понять буддизм, когда была в Японии, но вся эта череда рождений и смертей в вечности наполняла меня совершенно непроходимой тоской. Я предпочитаю что-нибудь более активное.

НИДЖО. А разве я не была активной? Я шла и шла каждый день двадцать лет подряд.

ИЗАБЕЛЛА. Я не про ноги. / Я про голову.

НИДЖО. Я дала обет переписать пять сутр Махаяны. / Знаете, какие

МАРЛИН. Вряд ли нас связывает религия. Мы просто все очень активные.

НИДЖО. Они длинные? Голова у меня работала. /
Даже болела.

ИОАННА. В активной ереси толку мало.

ИЗАБЕЛЛА. Какая ересь? Она англиканскую церковь
/ ересью называет.

ИОАННА. Ересь бывает весьма / соблазнительной.

НИДЖО. Я никогда не слышала о христианстве. Ни-
когда / в жизни. Какое варварство.

МАРЛИН. А я — не христианка. / И не буддистка.

ИЗАБЕЛЛА. Но вы об этом слышали?

МАРЛИН. Мы не обязаны верить в одно и то же.

ИЗАБЕЛЛА. Отправляясь на ужин с папессой, я знала,
что нам не стоит говорить о религии.

ИОАННА. Я всегда с удовольствием участвую в теоло-
гических спорах. Но обратить вас в свою веру не пытаюсь,
я не миссионер. Да я и сама — еретичка.

ИЗАБЕЛЛА. На востоке бывают совершенно варварс-
кие обычаи.

НИДЖО. Варварские?

ИЗАБЕЛЛА. У низших классов.

НИДЖО. Не слышала.

ИЗАБЕЛЛА. У меня от теологии мигрень.

МАРЛИН. А вот и еда.

ОФИЦИАНТКА *приносит закуски.*

НИДЖО. Как же я могла покинуть императорский
двор, если б не стала монахиней? После смерти отца у меня
никого не осталось, только Его Величество. Религия — это
своего рода ничто, / и я посвятила этому «ничто» все, что
от меня осталось.

ИЗАБЕЛЛА. Вот я и говорю, что буддизм не дает уте-
шенья.

МАРЛИН. Да ладно вам, Ниджо, выпейте вина.

НИДЖО. Разве вы никогда такого не чувствовали? Что
больше уже никогда ничего не случится. Я уже умерла.
Ведь со всеми же / такое бывало.

ИЗАБЕЛЛА. Вы думали, что жизнь кончена, а она не кончилась.

ИОАННА. Вам хотелось бы, чтобы она кончилась.

ГРЕТА. Печально.

МАРЛИН. Да, когда я впервые приехала в Лондон, я иногда... и когда я вернулась из Америки, тоже. Но только пару часов. Не двадцать лет.

ИЗАБЕЛЛА. В сорок лет я считала, что жизнь кончена.
/Как же

НИДЖО. А я и не говорю, что я это чувствовала все двадцать лет. Чувствовала, но не каждую секунду.

ИЗАБЕЛЛА. мне было плохо. Для поправки здоровья меня отправили в круиз, но мне стало только хуже. Боли в суставах, железки распухли, судороги, ломота, в общем, глупее не придумаешь. Я была охвачена беспричинным ужасом, дрожала всем телом. Австралия показалась мне отвратительной, от акаций несло какой-то вонью. У меня /

НИДЖО. Вы тосковали по дому.

ИЗАБЕЛЛА. для Хэнни была фотография, но я написала, что не буду посылать — волосы выпали, одежда несвежая. Вид был убийственный, совершенно безумный.

НИДЖО. И у меня такой же в монашеской одежде. Я тогда впервые надела башмаки.

ИЗАБЕЛЛА. Я страстно хотела вернуться домой, / но что такое «дом»?

НИДЖО. А я страстно хотела вернуться на десять лет назад.

ИЗАБЕЛЛА. От этих домов такая тоска берет.

МАРЛИН. А я-то думала, путешествия вас развлекали.

ИЗАБЕЛЛА. О да, очень, / конечно. Это случилось по пути из

НИДЖО. Я не очень веселая, Марлин. Я просто много смеюсь.

ИЗАБЕЛЛА. Австралии на Сандвичевы острова, я вдруг влюбилась в океан. В каюте были крысы, в еде — муравьи, но это был новый мир. Каждое утро я просыпалась счас-

тливой, зная, что мне все будет нравиться. Ничто не раздражало. Никаких нервов. И наряжаться не надо.

НИДЖО. Как, вы не любите наряжаться? Я обожала свою одежду. / Когда мне выпала честь подносить саке брату Его Величества

МАРЛИН. Вы-то одевались поинтересней, чем Изабелла.

НИДЖО. императору Камеяне, прибывшему с официальным визитом, на мне шелковые штаны со складочками и семислойное кимоно разных оттенков красного, а сверху — еще два жакета, / один — желтый на зеленой подкладке, а другой — бледно.

МАРЛИН. Да, весь этот шелк, наверное, был очень...

ОФИЦИАНТКА начинает убирать закуски.

ИОАННА. Когда я ушла из дома, я оделась мальчиком. *

НИДЖО. зеленый. А у госпожи Бетто кимоно было пятислойное в зеленых и лиловых тонах.

ИЗАБЕЛЛА. * Оделись мальчиком?

МАРЛИН. Конечно, / для безопасности.

ИОАННА. Ничего особенного. Мне же было только двенадцать. Женщин не пускали / в библиотеку. А мы хотели учиться в Афинах.

МАРЛИН. Вы бежали одна?

ИОАННА. Нет, с другом. / Ему было шестнадцать,

НИДЖО. А, тайный побег под венец.

ИОАННА. но мне казалось, в науках я разбиралась лучше его, а в философии почти так же...

ИЗАБЕЛЛА. Я, например, всегда путешествовала в дамском платье и решительно отвергала инсинуации прессы, что я, скорее всего, и не женщина.

МАРЛИН. А я брюки в офисе не ношу. / Могла бы, но не ношу.

ИЗАБЕЛЛА. Для женщины моих лет и с моими внешними данными это было не очень опасно.

МАРЛИН. И вас не поймали, Иоанна?

ИОАННА. Тогда нет.

ОФИЦИАНТКА *начинает приносить горячее.*

МАРЛИН. И никто ничего не заметил?

ИОАННА. Заметили, что я была очень умным мальчиком. / А что мы

МАРЛИН. Я бы не смогла так долго притворяться.

ИОАННА. с другом спали в одной кровати, так для бедных студентов на постоялом дворе это обычное дело. Наверное, я и забыла, что притворяюсь.

ИЗАБЕЛЛА. Джим Скалистая Гора, мистер Наджент, обращался со мной в высшей степени уважительно. Мне кажется, он находил интересным, что я могла печь лепешки и заарканивать скот. Больше того, он признался мне в любви — и это было в высшей степени огорчительно.

НИДЖО. А что он сказал? / У нас сначала всегда посылали стихи.

МАРЛИН. Что вы сказали?

ИЗАБЕЛЛА. Я убеждала его бросить пить, / но он отвечал, что поздно.

МАРЛИН. Ах, Изабелла.

ИЗАБЕЛЛА. Он много лет прожил в горах один.

МАРЛИН. А вы с ним —?

ОФИЦИАНТКА *уходит.*

ИЗАБЕЛЛА. Мистер Наджент был человеком, которого любая женщина могла полюбить, но ни одна не смогла бы выйти за него замуж. Я вернулась в Англию.

НИДЖО. А вы написали ему стихотворение на прощанье? / Снег на

МАРЛИН. И больше вы его не видели?

ИЗАБЕЛЛА. Никогда.

НИДЖО. склонах. Рукава мои влажны от слез. В Англии нет ни слез, ни снега.

ИЗАБЕЛЛА. Никогда, но... год спустя в Швейцарии как-то рано утром мне вдруг почудилось, что он стоит передо мной таким, каким я его видела в последний раз, — / в охотничьей куртке, с длинными волосами,

НИДЖО. Привидение!

ИЗАБЕЛЛА. и в тот день, / как я узнала потом, он погиб,

НИДЖО. Ах!

ИЗАБЕЛЛА. получив пулю в голову. / Он просто поклонился мне и исчез.

МАРЛИН. Ох, Изабелла.

НИДЖО. Когда умирает любовник — один из моих любовников умер. / Священник Ариаке.

ИОАННА. У меня умер друг. Мы все хоронили своих любимых?

МАРЛИН. Я, слава богу, нет.

НИДЖО (*обращаясь к ИЗАБЕЛЛЕ*). Я тогда еще монахиней не была, была еще при дворе, а он был священником, и когда он пришел ко мне, он приговорил себя к аду. / Он знал, что, когда умрет, попадет в один из трех нижних. И он умер, он умер, да.

ИОАННА (*обращаясь к МАРЛИН*). Мы ссорились с ним по поводу ученья Джона Шотландского, утверждавшего, что наше незнание Бога равно незнанию им самого себя. Он знает только то, что создает, потому что он создает все, что знает, но сам-то он над бытием — понимаете?

МАРЛИН. Не понимаю, но вы продолжайте.

НИДЖО. Мне было страшно представить, / в каком обличье он возродится. *

ИОАННА. Святой Августин считал, что Неоплатонические Идеи неотделимы от Бога, но я согласна с Джоном в том, что

ИЗАБЕЛЛА. *Буддизм — настолько неудобная религия.

ИОАННА. мир есть производное от Идей, полученных из Бога. Как говорил Дионисий Ареопагитский, сначала мы даем Богу имя, потом отрицаем его, / потом примираем

НИДЖО. В чем теле он возвратится?

ИОАННА. противоречия, встав над этой терминологией.

МАРЛИН. Погодите минутку, что? Что сказал Дионисий?

ИОАННА. Мы спорили, ссорились. На следующий день он заболел, / я ужасно злилась, и, пока я за ним

НИДЖО. Страдания в этой жизни, в следующей еще ужасней, и все из-за меня.

ИОАННА. ухаживала, я все время об этом думала. Материя не есть средство познания сущности. Все сущее происходит из Идеи. Потом я вдруг подумала, что ему никогда не понять моих аргументов, и в эту ночь он умер. Джон Шотландский утверждал, что отдельный человек распадается, исчезает / и личного бессмертия не существует.

ИЗАБЕЛЛА. Не хотелось бы создавать впечатление, что я была влюблена в Джима Наджента. Страстное желание спасти его — вот что я чувствовала.

МАРЛИН (*обращаясь к ИОАННЕ*). И что же вы сделали?

ИОАННА. Прежде всего я решила остаться женщиной. Я привыкла. И я хотела посвятить жизнь познанию. Знаете, почему я поехала в Рим? Итальянские мужчины не носили бород.

ИЗАБЕЛЛА. Любовью моей жизни была моя обожаемая Хэнни и мой дорогой муж, доктор, который за Хэнни ухаживал во время ее последней болезни. Я знала, что, когда Хэнни умрет, это будет ужасно, но не думала, что настолько. Мне казалось, я потеряла половину себя. Как я могла теперь утешествовать, если эта нежная душа не ждет больше моих писем? Самоотверженность доктора Бишоппа во время болезни Хэнни побудила меня выйти за него

замуж. У них с Хэнни были такие чудесные характеры. А я — другая.

НИДЖО. Я думала, у Его Величества — прекрасный характер, потому что, когда он узнал про Ариаке, он был так милостив. На самом деле он просто ко мне охладел. Однажды ночью он даже велел мне пойти к человеку, который меня домогался. / А сам лежал за ширмой и слушал.

ИЗАБЕЛЛА. Мне казалось, что замужество должно резко изменить мою жизнь. Я изо всех сил старалась справиться с нудной повседневностью. И опять сделалась больна — карбункулы на позвоночнике, нервное истощение. Я себе выписала трехколесный велосипед — это заменило мне приключения. А тут Джон и заболел, у него была анемия и рожистое воспаление. Я уже любила его всем сердцем, но поздно. Он превратился в скелет с прозрачными белыми руками. Я возила его на воды в инвалидной коляске. А он таял на глазах и наконец покинул меня. В моей жизни ничего не осталось. Врачи нашли у меня подагру, / и она сильно повлияла на сердце.

НИДЖО. Ничего, ничего в жизни у меня не осталось, когда я лишилась благосклонности императора. С императрицей мы всегда были врагами. Марлин, она сказала, что я не имею права носить трехслойные кимоно. / Но я же приемная дочь своего дедушки премьер-министра. И я имела официальное разрешение носить тонкие шелка.

ИОАННА. Ничего не осталось у меня в жизни, кроме учебы. Я была одержима поиском истины. Я училась в Риме в греческой школе, ставшей знаменитой благодаря Святому Августину. Я была бедна, упорно трудилась, я, по-видимому, блестяще выступала, я все еще была очень молода, я была иностранкой; и вдруг оказалось, что я довольно известна и что я всеобщая любимица. Слушать меня приходили толпы. В день, когда меня избрали кардиналом, я заболела и две недели лежала, не говоря ни единого слова, полная ужаса и раскаяния. Но потом поднялась,

МАРЛИН. Да, успех, конечно, очень...

ИОАННА. решив, что должна продолжать. Вновь я была охвачена / отчаянным стремлением к абсолюту.

ИЗАБЕЛЛА. Да, да, продолжать. Сидя в Тобермори среди цветов, посаженных Хэнни, я сшила себе платье из английской фланели. / Мне тогда было пятьдесят шесть.

НИДЖО. Потеряла благосклонность, но не умерла. Я ушла пешком, никто меня не видел. И двадцать лет я скиталась по Японии.

ГРЕТА. Пешком ходить полезно.

Входит ОФИЦИАНТКА.

ИОАННА. Папа Лев умер и меня избрали. Ну, что ж. Значит, я буду Папой. Я познаю Бога. Я познаю все.

ИЗАБЕЛЛА. Я решила оставить горе дома и отправилась на Тибет.

МАРЛИН. Какие же вы все замечательные. Нам надо еще вина, пожалуйста, две бутылки, наверное, Гризельда даже еще не приехала, а я хочу предложить тост за вас.

ИЗАБЕЛЛА. Нет, давайте за вас, / мы празднуем ваш успех.

НИДЖО. Да, Марлин.

ИОАННА. А что именно, Марлин?

МАРЛИН. Я, конечно, не Папа, но я теперь исполнительный директор. *

ИОАННА. И вы находите людям работу.

МАРЛИН. Да, кадровое агентство.

НИДЖО. * За всех женщин, с которыми вы работаете. И за мужчин.

ИЗАБЕЛЛА. Заслуженный успех. Я просто уверена, что это начало необыкновенной карьеры.

МАРЛИН. Да, это стоит отметить.

ИЗАБЕЛЛА. За Марлин. *

МАРЛИН. За нас за всех.

ИОАННА *Марлин.

НИДЖО. Марлин.

ГРЕТА. Марлин.

МАРЛИН. Мы все прошли большой путь. За наше мужество, за то, что мы смогли изменить свою жизнь, за наши выдающиеся достижения.

Они смеются и пьют.

ИЗАБЕЛЛА. Такие приключения. Мы шли по горной тропе на высоте 7 тысяч футов. Повар был еле живой, у погонщиков мулов сделалась лихорадка и снежная слепота. И хотя у меня страшно болел позвоночник, я держалась.

МАРЛИН. Потрясающе.

НИДЖО. Однажды я заболела и четыре месяца пролежала одна в гостинице. Никто не привел Будде лошадь. Я должна была выживать сама, и я жила.

ИЗАБЕЛЛА. Конечно, жила. Вернуться в Тобермори было куда страшнее. Когда я сидела на одном месте, меня одолевала такая скука. Вот почему / я нигде не задерживалась надолго.

НИДЖО. Да-да, вы совершенно правы. Новые места. Храм на берегу, над морем светит луна. Богиня поклялась спасти все живое. / Она бы даже рыбу спасла. Я была полна надежды.

ИОАННА. Я думала, Папа знает все. Я думала, Бог будет говорить со мной лично. Но он, конечно, знал, что я женщина.

МАРЛИН. А остальные даже не подозревали?

ОФИЦИАНТКА *приносит еще вина.*

ИОАННА. В конце концов я опять завела любовника. *

ИЗАБЕЛЛА. В Ватикане?

ГРЕТА. * Чтоб согреться.

НИДЖО. * Ах, любовника.

МАРЛИН. * Молодец.

ИОАННА. Он был одним из моих камерариев. Папе полагается так много слуг. Кормят прекрасно. И я поняла, что теперь знаю истину. Что Папа скажет, то и истина.

НИДЖО. И какой он был, этот камерарий? *

ГРЕТА. С большим членом.

ИЗАБЕЛЛА. Фу, Грета.

МАРЛИН. *Он на вас запал, еще когда думал, что вы — парень?

НИДЖО. Какой он был?

ИОАННА. Он умел хранить тайну.

МАРЛИН. Значит, истину вы узнали.

ИОАННА. Да, мне нравилось быть Папой. Я посвящала в епископы, люди целовали мне ноги. Крестила английского короля, когда он приехал принимать веру. К сожалению, бывали землетрясения, в одной деревне прошел кровавый дождь, во Франции случилось нашествие гигантской саранчи, но мне кажется, я в этом не виновата, как вы считаете? *

Смех.

Саранча упала в Ла-Манш. Вынесенные на берег огромные кучи мертвых насекомых разлагались, отравляя воздух, и все местные жители умерли.

Смех.

ИЗАБЕЛЛА. * Какие предрассудки! Меня в Китае чуть не убила улюлюкающая толпа. Они думали, что варвары поедают младенцев, что их для укрепления рельсов подкладывают под шпалы, а глаза перемалывают и делают линзы для фотоаппаратов. Они /

МАРЛИН. А фотоаппарат-то у вас был!

ИЗАБЕЛЛА. орали: «Пожирательница детей, пожирательница детей». А некоторые пыгались продать европей-

цам крошечных девочек для фотоаппарата или просто на жаркое!

Смех.

МАРЛИН. В общем, если не считать саранчи, все было весьма успешно.

ИОАННА. Да, если бы не ребенок, я бы, наверное, дожила до старости, как это было с Теодорой Александрийской, жившей в обличье монаха. Девушка, которая в нее влюбилась, / обвинила ее в том, что она — отец ее ребенка и

НИДЖО. Но расскажите нам, что случилось с вашим ребенком. У меня были дети.

МАРЛИН. А вы не думали от него избавиться?

ИОАННА. Разве избавиться от ребенка — не больший грех, чем его родить? / Но что могло быть хуже Папы с ребенком?

МАРЛИН. Вам виднее, это вы Папа, не я.

ИОАННА. Да я бы и не знала, как от него избавиться.

МАРЛИН. У некоторых Пап наверняка были дети.

ИОАННА. Но они их не рожали.

НИДЖО. Да, но вы были женщиной.

ИОАННА. Именно так, но я не должна была ею быть. Женщины, дети и юродивые не могут стать Папой.

МАРЛИН. Значит, вам оставалось только одно — / как-то избавиться от ребенка.

НИДЖО. Надо было тайно отдать его на воспитанье.

ИОАННА. Но я не понимала, что происходит. Я думала, я просто толстею, потому что много ем и все время сижу, ведь Папы ведут довольно роскошную жизнь. С двенадцати я, наверное, не разговаривала ни с одной женщиной. Это камерарий все понял.

МАРЛИН. Но было поздно.

ИОАННА. А, я не стала обращать внимания. Проще было ничего не делать.

НИДЖО. Но вам надо было подготовиться к родам. Сказаться больным и уехать.

ИОАННА. Вероятно, так и надо было сделать.

МАРЛИН. Вы же не хотели, чтобы это открылось?

НИДЖО. Я тоже часто оказывалась в затруднительных ситуациях, а скандалы мне были ни к чему. Первый ребенок был от Его Величества, второй — от Акебоно. Мне было семнадцать лет. Он влюбился в меня, когда мне было тринадцать, страшно расстроился, когда мне пришлось уйти к Императору, это было так романтично, столько стихов. Его Величество не приходил ко мне два месяца, поэтому он думал, что я на четвертом месяце, а я была на шестом, и когда пошел девятый месяц, / я

ИОАННА. А я даже не знала, на каком я месяце.

НИДЖО. объявила, что серьезно больна, а Акебоно — что удаляется в уединение для молитв. Он держал меня поперек живота и поднял, когда ребенок родился. Перерезал пуповину кинжалом, завернул младенца в белую ткань и унес. Это была всего лишь девочка, но мне было жалко ее терять. Потом я сказала Императору, что из-за болезни у меня был выкидыш, и все. Опасность миновала.

ИОАННА. Но, Ниджо, я не имела никакого представления о женском теле.

ИЗАБЕЛЛА. И что же произошло?

ИОАННА. Я, конечно, не знала, что время подходит. На Молитвенный день, как всегда, была процессия, я ехала на коне в папских одеждах, впереди несли крест, за мной следовали кардиналы, все римское духовенство и огромная толпа. / Мы двигались от

МАРЛИН. Одно слово — Папа.

ИОАННА. собора Святого Петра к церкви Святого Иоанна. До этого я чувствовала легкую боль, думала, что-нибудь съела, она прошла и вдруг стала возникать чаще и чаще. Я подумала, вот все кончится, пойду и лягу. Между схватками все еще были длинные промежутки, когда я чувствовала себя абсолютно нормально, не хотелось при-

влекать к себе внимание и портить церемонию. Вдруг я поняла, что со мной происходит. Надо продержаться, добраться до дома и спрятаться. И тут что-то случилось, я стала задыхаться, я больше не могла ничего планировать. Мы оказались на маленькой улице между собором Святого Клементия и Колизеем, и мне было просто необходимо слезть с лошади и чуточку посидеть. Я ощущала какие-то сильнейшие толчки. Я услышала звуки, похожие на коровье мычание, их издавала я. Издали было слышно, как люди кричат. «Папа заболел, Папа умирает». И ребенок просто выскользнул на дорогу. *

МАРЛИН. Кардиналы не знали / куда деваться.

НИДЖО. Боже мой, Иоанна! Да как же так! Прямо на улице!

ИЗАБЕЛЛА. * Какой конфуз.

ГРЕТА. В поле, можно сказать, во дела.

Все смеются.

ИОАННА. Один из кардиналов сказал «Антихрист» и упал в обморок.

Все смеются.

МАРЛИН. И что они? Уж точно не обрадовались.

ИОАННА. Схватили за ноги, выволокли из города и забили камнями насмерть.

Они перестают смеяться.

МАРЛИН. Иоанна, это ужасно.

ИОАННА. Я почти ничего не помню.

НИДЖО. И ребенок погиб?

ИОАННА. О да, конечно, да.

Пауза.

Входит ОФИЦИАНТКА, убирает тарелки. Они начинают говорить тише.

ИЗАБЕЛЛА (*обращаясь к ИОАННЕ*). У меня никогда не было никаких детей. Я очень любила лошадей.

НИДЖО (*обращаясь к МАРЛИН*). Один раз я видела свою дочь. Ей было три года. На ней был халат цвета сливы с / короткими рукавами. Девочку

ИЗАБЕЛЛА. Самую любимую звали Птичка. Маленькая гнедая кобыла. Я на ней ездила в Скалистых Горах.

НИДЖО. взяла жена Акебоно, потому что у нее умер РЕБЕНОК. Все думали, что я просто в гости пришла. Девочку очень хорошо воспитывали, чтобы ее можно было, как и меня, отдать во дворец.

ИЗАБЕЛЛА. Ноги просто железные, всегда веселая и такая хорошенькая. Если к ней подходил незнакомец, она вставала на дыбы, как дикая лошадь из прерий.

НИДЖО. А третьего ребенка, сына священника Ариаке, после родов я не видела. Когда он родился, Ариаке положил его на колени и говорил с ним, как будто тот понимает, и плакал. Четвертый ребенок был тоже от Ариаке. Но Ариаке умер до его рождения. Я никого не хотела видеть, жила одна в горах. И опять это был мальчик, мой третий сын. Но, как ни странно, я к нему ничего не испытывала.

МАРЛИН. Грета, а у вас сколько было детей?

ГРЕТА. Десять.

ИЗАБЕЛЛА. Каждый раз, приезжая в Англию, я чувствовала себя глубоко виноватой и старалась искупить свою вину. Хэнни с Джоном были так добры. А я ничего хорошего в жизни не сделала. Многие годы только потворствовала своим прихотям. Поэтому я бросалась заседать во всякие комитеты, ухаживала за больными во время эпидемии инфлюэнцы. Читала лекции о бережливости в Ассоциации молодых христианок. Без усталости выступала, разоблачая продажный и гнивающий западный мир. Мои

поездки должны приносить пользу не мне одной. Я доводила себя до изнеможения добрыми делами.

МАРЛИН. Господи, почему мы все такие несчастные?

ИОАННА. Больше по этой улице процессии не ходили никогда.

МАРЛИН. Они специально шли в обход?

ИОАННА. Да, делали большой крюк. И придумали кресло с дыркой.

МАРЛИН. С дыркой?

ИОАННА. Да, кресло из цельного куска мрамора с дыркой в сиденье, / оно стояло в церкви Спасителя, и после

МАРЛИН. Вы шутите.

ИОАННА. избрания Папа должен был в него сесть.

МАРЛИН. И кто-нибудь заглядывал ему под юбку? / Быть такого не может!

ИЗАБЕЛЛА. Как это необыкновенно.

ИОАННА. Два святых отца / должны были засвидетельствовать, что он — мужчина.

НИДЖО. Стоя на четвереньках!

МАРЛИН. Кресло с дырой!

ГРЕТА. Яйца!

Никем не замеченная, входит ГРИЗЕЛЬДА.

НИДЖО. А почему он не мог просто приподнять свое одеяние?

ИОАННА. Он должен был с достоинством восседать в кресле.

МАРЛИН. Вы могли заставлять всех ваших камерариев в него садиться. *

ГРЕТА. У кого большой, у кого маленький.

НИДЖО. Очень полезное кресло при дворе.

ИЗАБЕЛЛА. *Или для шотландского аристократа в килте.

Они уже довольно пьяные. Начинают хихикать.

МАРЛИН замечает ГРИЗЕЛЬДУ.

МАРЛИН. Гризельда! / Ну, наконец-то. Вы голодная?

ГРИЗЕЛЬДА. Извините, что так опоздала. Нет, нет, не беспокойтесь.

МАРЛИН. Я и не беспокоюсь. / Есть хотите?

ГРИЗЕЛЬДА. Нет, я правда не хочу.

МАРЛИН. Может быть, пудинг?

ГРИЗЕЛЬДА. Никогда не ем пудинг.

МАРЛИН. Надеюсь, Гризельда, вы не страдаете анорексией. Мы все едим пудинг, я тоже ем и делаюсь толстой и красивой.

ГРИЗЕЛЬДА. Ну, если все, тогда не откажусь.

МАРЛИН. С кем вы знакомы? Это Иоанна, она была Папой в девятом веке, это Изабелла Бёрд, путешественница викторианской эпохи, это госпожа Ниджо из Японии, наложница Императора и буддийская монахиня в тринадцатом веке, ближе к вашему времени, и Грета, ее писал Брейгель. А Гризельда из-за своего необыкновенного замужества присутствует в книгах Боккаччо, Петрарки и Чосера. Дайте мне, пожалуйста, эти отвратительные профитроли.

ИОАННА. Мне забальоне, пожалуйста.

ИЗАБЕЛЛА. Яблочный пирог / со сливками.

НИДЖО. А что это?

МАРЛИН. Забальоне — итальянское блюдо, его Иоанна выбрала, / очень вкусно.

НИДЖО. Римско-католический / десерт? И мне тоже.

МАРЛИН. Грета?

ГРЕТА. Пирог.

ГРИЗЕЛЬДА. Только сыр и печенье, благодарю вас.

МАРЛИН. Да, у Гризельды жизнь похожа на сказку, с той разницей, что Гризельда выходит замуж за принца в начале.

ГРИЗЕЛЬДА. Марлин, он всего лишь маркиз.

МАРЛИН. Да, но все окрестные синьоры — его вассалы, он абсолютный господин, он вершил суд и расправу, а вы — бедная, но красивая крестьянская девушка, и он вас увез. / Почти принц.

НИДЖО. Сколько вам было лет?

ГРИЗЕЛЬДА. Пятнадцать.

НИДЖО. Я выросла при дворе, и все равно это был шок. А до этого вы его видели?

ГРИЗЕЛЬДА. Видела, когда он проезжал мимо на лошади, мы все видели. И он меня видел в поле, когда я овец пасла. *

ИЗАБЕЛЛА. Овец пасти — мне бы это подошло.

НИДЖО. А тут как раз мистер Наджент мимо скачет.

ИЗАБЕЛЛА. Ничего подобного, Ниджо, просто здоровая жизнь на свежем воздухе.

ИОАННА. * Значит, он просто подъехал, когда вы пасли овец, и сделал вам предложение?

ГРИЗЕЛЬДА... Нет, нет, это случилось в день свадьбы. Я стояла около дома, хотела посмотреть на свадебный кортеж. Все мечтали, чтобы он женился, чтобы у него был наследник, который будет о нас заботиться, когда он умрет, / и, наконец, он назначил день свадьбы, но

МАРЛИН. Не думаю, что Уолтер хотел жениться. Кажется, его звали Уолтер? Да...

ГРИЗЕЛЬДА. никто не знал, кто невеста, мы думали, наверное, иностранная принцесса и умирали от желания на нее посмотреть. И тут карета остановилась перед нашим домом, а невесты не видно. И он вышел и пошел разговаривать с моим отцом.

НИДЖО. И отец велел вам служить и угождать принцу.

ГРИЗЕЛЬДА. Отец просто онемел. Маркиз сказал, это не приказ, я могу отказаться, но если я соглашусь, то должна во всем его слушаться.

МАРЛИН. Вот когда надо было насторожиться.

ГРИЗЕЛЬДА. Но жена ведь должна слушаться мужа. / И конечно, я должна была повиноваться Маркизу. *

ИЗАБЕЛЛА. Я дала обет повиноваться моему дорогому Джону, но этот вопрос как-то не вставал. И естественно, пока я была замужем, у меня не могло возникнуть желания поехать за границу.

МАРЛИН. * Тогда чего об этом говорить? Он просто на этом заикнулся.

ГРИЗЕЛЬДА. Уж лучше подчиниться Маркизу, чем какому-нибудь деревенскому парню.

МАРЛИН. Логично.

ИОАННА. А я не подчинялась никому никогда. Все подчинялись мне.

НИДЖО. А как вы были одеты? Не повел же он вас под венец в обычном платье? Это было бы дико. *

МАРЛИН. Там было такое!

ГРИЗЕЛЬДА. *Его сопровождали дамы, которые раздели меня, облачили в белое шелковое платье и украсили волосы драгоценными камнями.

МАРЛИН. И сначала он казался совершенно нормальным?

ГРИЗЕЛЬДА. Марлин, вы всегда к нему придираетесь. / Конечно, он был абсолютно нормальным, таким добрым.

МАРЛИН. Перестаньте, Гризельда, он забрал у вас ребенка.

ГРИЗЕЛЬДА. Уолтер никак не мог поверить, что я его люблю. Не верил, что я всегда буду повиноваться. Ему нужны были доказательства.

МАРЛИН. Мне кажется, Уолтер не любил женщин.

ГРИЗЕЛЬДА. Но меня он любил, Марлин, все время любил.

МАРЛИН. Ну да, просто он как-то странно / выражал свои чувства.

ГРИЗЕЛЬДА. Ему тоже было нелегко.

ИОАННА. Что значит, он отнял у вас ребенка?

НИДЖО. Это был мальчик?

ГРИЗЕЛЬДА. Сначала девочка.

НИДЖО. Все равно тяжело, когда их забирают. Вам хоть дали на нее посмотреть?

ГРИЗЕЛЬДА. Да, конечно, ей было полтора месяца.

НИДЖО. Тогда уж лучше сразу.

ИЗАБЕЛЛА. Но почему муж забрал у вас ребенка?

ГРИЗЕЛЬДА. Он сказал, что люди меня ненавидят, потому что я одна из них. И теперь, когда у меня ребенок, они стали нервничать. Поэтому, чтобы их успокоить, ему надо избавиться от ребенка. Но, сказал он, он не будет вырывать ее у меня, или выкрадывать. Я должна подчиниться и сама отдать девочку. И однажды, когда я кормила, пришел человек и забрал ее. До того, как он вышел из комнаты, я уже знала, он ее убьет.

МАРЛИН. И вы позволили ее забрать? Вы не боролись?

ГРИЗЕЛЬДА. Я попросила дать мне ее на минутку, чтобы поцеловать. И похоронить ее в таком месте, где до нее не доберутся звери. / Это

ИЗАБЕЛЛА. Какой ужас.

ГРИЗЕЛЬДА... ребенок Уолтера, и он имел право делать с ним все, что хочет. *

МАРЛИН. Ну и псих этот Уолтер.

ГРЕТА. Подонок.

ИЗАБЕЛЛА. * Но это же убийство.

ГРИЗЕЛЬДА. Я обещала.

МАРЛИН. Не могу это слышать. Пойду, пописаю.

МАРЛИН *выходит.*

ОФИЦИАНТКА *приносит десерт.*

НИДЖО. Нет, это как раз понятно. Конечно, вы были вынуждены так поступить, в нем была вся ваша жизнь. А потом вы сохранили его благосклонность?

ГРИЗЕЛЬДА. О да, мы были очень счастливы вместе. И никогда не говорили об этом.

ИЗАБЕЛЛА. Очевидно, вы так понимали свой долг. Но вы не заболели от этого?

ГРИЗЕЛЬДА. Нет, я очень хорошо себя чувствовала, благодарю вас.

НИДЖО. И у вас был еще ребенок?

ГРИЗЕЛЬДА. Четыре года не было, а потом, да, родился мальчик.

НИДЖО. Ах, мальчик. / Значит, все кончилось хорошо.

ГРИЗЕЛЬДА. Да, он был доволен. Мальчик был со мной, пока ему не исполнилось два года. Внук крестьянина. Народу это не нравилось. Так Уолтер сказал.

ИЗАБЕЛЛА. Но, позвольте, не мог же он убивать своих детей / просто потому —

ГРИЗЕЛЬДА. О, он говорил неправду. Уолтер никогда не пошел бы навстречу народу. Он просто хотел проверить мою любовь.

ИОАННА. Убивал собственных детей, / чтобы проверить вашу любовь?

НИДЖО. Во второй раз это было легче или труднее?

ГРИЗЕЛЬДА. Мне всегда было легко, потому что я знала, что я сделаю так, как он скажет.

Пауза. Они начинают есть.

ИЗАБЕЛЛА. Надеюсь, у вас больше не было детей.

ГРИЗЕЛЬДА. О нет, нет, больше не было. Прошло двенадцать лет, прежде чем он подверг меня новому испытанию.

ИЗАБЕЛЛА. И что он придумал на этот раз? / Мой бедный Джон, я его не так сильно любила, но ему бы и в голову не пришло...

ГРИЗЕЛЬДА. Он велел мне уйти. Сказал, что народ хочет, чтобы он женился на другой, которая родит ему наследника, и что он получил от Папы специальное разрешение. Я сказала, что вернусь к отцу. Как пришла без всего, / так и ушла без всего. Я

НИДЖО. Если твой господин больше тебя не хочет, лучше уйти.

ГРИЗЕЛЬДА. сняла с себя всю одежду. Он разрешил оставить только рубашку, чтобы я его не позорила. И я пошла домой босиком. Отец вышел мне навстречу в слезах. Все плакали, а я — нет.

НИДЖО. У вас хоть отец был жив. / А у меня никого.

ИЗАБЕЛЛА. Иногда вернуться домой это радость, увидеть опять милое лицо Хэнни.

ГРИЗЕЛЬДА. Да, да, я была очень довольна. И скоро он опять прислал за мной.

ИОАННА. Я бы, наверное, не пошла.

ГРИЗЕЛЬДА. Но он велел мне прийти. Я ~~должна~~ была повиноваться. Он хотел, чтобы я помогла готовить свадьбу. Он собрался жениться на юной француженке, / и никто, кроме меня, не знал, как сделать все, как он любит.

НИДЖО. Приводить к нему другую женщину — это всегда так тяжело.

МАРЛИН возвращается.

ИОАННА. Я не жила жизнью женщины. Я этого не понимаю.

ГРИЗЕЛЬДА. Девушке было шестнадцать, и она была гораздо красивее меня. Я могла понять, почему он ее любил. / Ее младший брат был при ней пажом.

Входит ОФИЦИАНТКА.

МАРЛИН. О господи, я этого не вынесу. Хочу кофе. Шесть кофе. Шесть рюмок коньяка. / Двойных. И побыстрее.

ГРИЗЕЛЬДА. И все пошли на праздник, который я приготовила. А он пропустил всех вперед, подошел ко мне, обнял и поцеловал. / Это был такой шок. Я была словно в полусне.

НИДЖО. Ах, как во сне.

МАРЛИН. И он сказал: «А вот твоя дочь и твой сын».

ГРИЗЕЛЬДА. Да.

ИОАННА. Что?

НИДЖО. О! Ага, понятно. Он вам их вернул.

ИЗАБЕЛЛА. Убийство детей было чудовищным варварством, но вы научились молчать. / Значит, втайне от вас он отдал их куда-то на воспитание.

МАРЛИН. Уолтер — просто скотина. Вы не впали в бешенство? Что вы сделали?

ГРИЗЕЛЬДА. Я? Упала в обморок. Потом рыдала и целовала детей. / Все вокруг меня суетились.

НИДЖО. А вы что-нибудь чувствовали?

ГРИЗЕЛЬДА. В каком смысле?

НИДЖО. Какие-нибудь чувства к детям испытывали?

ГРИЗЕЛЬДА. Конечно, я их обожала.

ИОАННА. Значит, вы его простили и вернулись к нему?

ГРИЗЕЛЬДА. Как он страдал все эти годы...

ИЗАБЕЛЛА. У моей Хэнни был такой же чудесный нрав.

НИДЖО. Значит, вас опять одели?

ГРИЗЕЛЬДА. В золотые одежды.

ИОАННА. А я не умею прощать.

МАРЛИН. Гризельда, вы действительно необыкновенная женщина.

НИДЖО. Мне моих детей никто не вернул.

НИДЖО *плачет*. ОФИЦИАНТКА *приносит коньяк*.

ИЗАБЕЛЛА. Я не могу быть такой, как Хэнни. В Англии я всегда была страшно занята, причем вещами, которые я терпеть не могу. Само присутствие людей утомляло меня бесконечно. И как бы я ни старалась, у меня никогда не получалось быть такой, как Хэнни. Я пыталась и делалась ужасно больна. Доктор рекомендовал носить

стальную сетку, чтобы как-то поддерживать голову. Она оказалась слишком тяжелой для моего больного позвоночника. / Жить в такой депрессивной обстановке просто опасно. С какой стати я должна это делать?

ИОАННА. Не плачьте.

НИДЖО. И отец мой умер осенью, и Император тоже. Сколько горя.

ИОАННА. Да, но не надо плакать.

НИДЖО. Когда он умирал, меня во дворец не пустили. Я спряталась в комнате, где стоял его гроб, потом не могла найти, где оставила свои туфли, бежала босая за похоронной процессией, не могла их догнать. А когда добралась туда, все было кончено. Тонкая струйка дыма — вот и все, что осталось от него. Вот, скажите, если бы я была при дворе, мне разрешили бы надеть полный траур?

МАРЛИН. Не то слово.

НИДЖО. Зачем вы так говорите? Вы ничего об этом не знаете. Так я спрашиваю, мне бы позволили надеть полный траур?

ИЗАБЕЛЛА. И как только люди живут на этом пасмурном острове, как они могут носить эту безобразную одежду? Не могу и не буду жить жизнью леди.

НИДЖО. Я сейчас расскажу вам одну историю. Я тогда страшно рассердилась. Мне было восемнадцать лет, я была на празднике Полной Луны. В этот день варят особую рисовую кашу, мешают ее палками, а потом этими палками бьют женщин по чреслам, чтобы они рожали сыновей, а не дочерей. И вот, Император нас всех бил / как обычно, очень больно — и дело не в том, что

МАРЛИН. Засранец.

НИДЖО. Марлин, это нормально, мы разозлились, потому что он сказал придворным, что они тоже могут нас бить. И они, конечно, с удовольствием. / И тогда у нас с госпожой Генки созрел план. Дамы спрятались

Входит ОФИЦИАНТКА с кофе.

МАРЛИН. Мне, пожалуйста, еще один коньяк. А вообще давайте шесть.

НИДЖО... в его комнатах, госпожа Машимицу с палкой в руках караулила у дверей, и когда Его Величество вошел, Генки его держала, а я била, пока он не закричал и не обещал, что больше никогда никому не прикажет нас бить. А потом началось такое! Придворные были в ужасе. «Мы бы не осмелились даже наступить на тень Вашего Величества». А я его побила. Да. Я его палкой побила.

ИОАННА¹. *Suave, mari mango turbantibus aequora ventis,
e terra magnum alterius spectare laborem;
non quia vexari quemquamst incunda voluptas,
sed quibus ipse maliscareas quia cernere suave est.*

*Suave etiam belli certamina magna tueri
Per campos instructa tua sine parte pericli.
Sed nil dulcius est, bene quam munita tenere
Edita doctrina sapientum templa serena, /
Despicere unde queas alios passimque videre*

Errare atque viam palantis quaerere vitae,

ГРИЗЕЛЬДА. И все-таки — я все думаю — ведь, наверное, было бы лучше, если бы Уолтеру не пришлось на это пойти.

ИЗАБЕЛЛА. Почему я должна это делать? С какой стати?

МАРЛИН. Лучше, конечно.

НИДЖО. А я его палкой побила.

ИОАННА. *certare ingenio, contendere nobilitate,
Noctes atque dies niti praestante labore
Ad summas emergere opes retumque potiri.*

*O miseras / hominum mentis, o pectora caeca!**

ИЗАБЕЛЛА. *O miseras!*

НИДЖО. *Pectora caeca. **

ИОАННА. *qualibus in tenebris vitae quantisque periclis*

¹ Цитирует поэму Лукреция «О природе вещей».

Degitur hoc aevi quodcumquest / none videre
 Nil aliud sibi naturam latrate, nisi utqui
 Corpore seiunctus dolor absit, mente fruatur

ИОАННА *постепенно стихает.*

ГРЕТА. В ад попадаешь через большую дыру. Ад чер-
 ный и красный. / Он похож на деревню, где я родилась.
 Там река и

МАРЛИН (*обращаясь к ИОАННЕ*). Душа моя, затк-
 нись.

ИЗАБЕЛЛА. Послушайте, она была в аду.

ГРЕТА. мост, дома. Некоторые дома горят, как быва-
 ет, когда приходят солдаты. На крыше сидит здоровенный
 черт с огромной дыркой в заднице, он что-то из нее дос-
 тает большой поварешкой, и это на нас валится, и это
 деньги, и многие женщины останавливаются и берут. Но
 большинство женщин дерутся с чертями. Их очень много,
 они не очень большие, не больше нас, и мы их запросто
 валим на землю и бьем. А под ногами — много-много
 странных тварей, на них смотреть противно, вроде как
 крысы и ящерицы. И пакость разная — задница с лицом,
 рыбы на ножках и еще всякие, у которых лица не бывает,
 а у них оно есть. Но плохого они не делают, и ты идешь
 себе дальше. Да что там, с нами и похуже бывало, когда
 испанцы пришли. Всю семью убили. Сына четвертовали,
 он умер на колесе. Птицы его клевали. Новорожденную
 дочку мою солдат мечом разрубил. Не могла я больше тер-
 петь, я с ума сошла, ненавидела их, сволочей. Встала я у
 двери в то утро и стала кричать, пока соседки не вышли,
 и говорю: «А ну, за мной, мы идем туда, откуда приходит
 зло, будем извергам мстить». И они выбегают, как были,
 в фартуках, / кто стирал, кто тесто месил,

НИДЖО. Все дамы пришли.

ГРЕТА. и бежим мы по улице, и земля раскрывается, и
 выходим мы через большое отверстие на улицу, такую, как

наша, только улица эта в аду. В руке у меня откуда-то взялся меч, и наполнила я корзину золотыми чашами, из которых они там внизу пьют. И вы просто бежите и бьете их, бьете, / и ничто вас не остановит. Ох и побили мы их, этих чертей.

НИДЖО. Вот тебе, вот тебе.

ИОАННА. Дальше не помню, ля-ля-ля, ля-ля-ля *motisque timores*

tum vacuum pectus — черт.

Quod si ridicula —

что-то что-то ля-ля что-то ля-ля-ля

splendorem purpureai.

ИЗАБЕЛЛА. В Китае я хотела на прощанье поехать по западной реке. Но врачи были категорически против. Тогда я просто отправилась в Марокко. Море было такое бурное, что на берег меня выгружали корабельным краном, в ведре из-под угля. / Был у меня черный жеребец,

ГРЕТА. Ведро из-под угля, хорошо.

ИОАННА. *nos in luce timemus*

что-то там

terrorem.

ИЗАБЕЛЛА. я его страшно боялась.

НИДЖО *плачет и смеется.*

ИОАННА *встает и отходит в угол, ее тошнит.*

МАРЛИН *допивает коньяк из бокала ИЗАБЕЛЛЫ.*

Отправилась я к берберским шейхам, у меня были широкие синие шаровары, великолепные медные шпоры. Я была единственной европейкой, представленной Императору Марокко. Мне уже было семьдесят. Как же далеко пришлось ехать в надежде на последнюю радость. Я понимала, что этот всплеск энергии ненадолго. И пока он длился, это было прекрасно.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена первая

Кадровое агентство. МАРЛИН и ДЖЕНИН.

МАРЛИН. Так, Дженин, вы ведь Дженин, да? Давайте, посмотрим. Экзамены за 8-й и 10-й класс. / За десятый нет, но вы столько всего сдавали,

ДЖЕНИН. Шесть экзаменов за восьмой класс.

МАРЛИН. что вам могли бы и за десятый зачесть. / Машинопись, не блестяще, но неплохо.

ДЖЕНИН. Мне хотелось работать.

МАРЛИН. И что у вас сейчас за работа, Дженин?

ДЖЕНИН. Секретарь.

МАРЛИН. Секретарь или машинистка?

ДЖЕНИН. Начинала я машинисткой, а последние полгода работаю секретарем.

МАРЛИН. У кого?

ДЖЕНИН. Вообще-то, у всех троих, они меня делят. Офис-менеджер мистер Эшфорд, мистер Филби, / из отдела продаж, и еще —

МАРЛИН. Контора маленькая?

ДЖЕНИН. Вообще-то да.

МАРЛИН. Обстановка приятная?

ДЖЕНИН. Да, вполне.

МАРЛИН. Перспективы?

ДЖЕНИН. По-моему, никаких, в том-то и дело. Мисс Льюис — секретарь директора, всю жизнь там работает, а миссис Бредфорд / —

МАРЛИН. Значит, вам нужна работа с перспективой?

ДЖЕНИН. Хочется чего-то нового.

МАРЛИН. Значит, вас устроит что-нибудь в том же духе?

ДЖЕНИН. Нет, мне нужны перспективы. И больше денег.

МАРЛИН. Зарплата у вас —?

ДЖЕНИН. Сто.

МАРЛИН. Вообще-то, это неплохо. Вам сколько лет?
Двадцать?

ДЖЕНИН. Я коплю, чтобы выйти замуж.

МАРЛИН. То есть работа на длительный срок вас не интересует, да, Дженин?

ДЖЕНИН. Не факт.

МАРЛИН. Ведь чтобы были перспективы, надо что?
Надо с ребенком подождать, правильно?

ДЖЕНИН. Нет, нет, пока никаких детей.

МАРЛИН. Значит, вы им не скажете, что собираетесь замуж?

ДЖЕНИН. Лучше не говорить?

МАРЛИН. Лучше не надо.

ДЖЕНИН. Кольца я не ношу. Мы решили на это денег не тратить.

МАРЛИН. Если что, и снимать не придется.

ДЖЕНИН. Я б и не стала снимать.

МАРЛИН. Когда пойдете на собеседование, говорить об этом не стоит. / Пошли дальше. Какие у вас идеи, Дженин, в какой

ДЖЕНИН. А если спросят?

МАРЛИН. сфере вам бы хотелось работать?

ДЖЕНИН. Я думала, может, в рекламе.

МАРЛИН. О рекламе многие думают. У меня есть несколько вакансий, но, мне кажется, они ищут кого-нибудь поэлегантней.

ДЖЕНИН. Вы про то, как я одета? / Я могу одеться иначе. Так

МАРЛИН. Я имею в виду опыт работы.

ДЖЕНИН... одеваются там, где я сейчас работаю.

МАРЛИН. Есть, например, отдел маркетинга на трикотажной фабрике. / Маркетинг и реклама — вещи довольно близкие. Секретарем к /

ДЖЕНИН. На трикотажной фабрике?

МАРЛИН. менеджеру по маркетингу, тридцать пять лет, женат, я к нему посылала одну девушку, ей очень нравилось, ушла рожать, ваше замужество там упоминать ни к чему. Мне кажется, человек достойный, знает свое дело, нянчить его не придется. Сто десять, то есть больше, чем у вас сейчас.

ДЖЕНИН. Даже не знаю.

МАРЛИН. Вот еще относительно небольшая фирма, отец и два сына, есть кое-какие перспективы, работа секретарем и на ресепшене, зарплата всего лишь сто, но зато ваша должность будет расти вместе с фирмой, и однажды вы окажетесь наверху, а вновь пришедшие девушки будут под вами.

ДЖЕНИН. А что они делают?

МАРЛИН. Абажуры. / Я бы на вашем месте выбрала это.

ДЖЕНИН. Просто абажуры?

МАРЛИН. Огромное разнообразие абажуров. Значит, мы вас туда отправляем, а трикотажную фабрику будем иметь как запасной вариант. Вы располагаете временем? Можете пойти на собеседование в любой день?

ДЖЕНИН. Мне хотелось бы путешествовать.

МАРЛИН. С заграничными клиентами мы не работаем. Обращайтесь куда-нибудь еще.

ДЖЕНИН. Да, я знаю. Я не совсем... Я просто...

МАРЛИН. А жених хочет путешествовать?

ДЖЕНИН. Мне хочется такую работу, чтобы я была здесь, в Лондоне, с ним, и все такое, но чтобы иногда — это глупо, наверное. А такая работа бывает?

МАРЛИН. Например, личный ассистент руководителя межнациональной корпорации. Если вы этого хотите, планировать надо заранее. Вы уверены, что через десять лет вы захотите быть именно на такой работе?

ДЖЕНИН. Я даже не знаю, буду ли я жива через десять лет.

МАРЛИН. Будете, конечно. У вас будут дети.

ДЖЕНИН. Не могу загадывать на такой срок.

МАРЛИН. Все равно вы медленно печатаете. Значит, давайте я вас пошлю в эти два места? Вы ведь не обращались в другие агентства? Чтобы не было никаких недоразумений. Дженин, я хочу, чтобы вы получили одно из этих двух мест, понятно? Если я вас посылаю, значит, я ручаюсь за вас. Выглядите вы неплохо, умеете себя вести, просто держитесь поуверенней и идите с убеждением, что это для вас самая лучшая работа, а вы для нее самый подходящий человек. Если вы в это не поверите, они тем более не поверят.

ДЖЕНИН. А вы верите?

МАРЛИН. Я думаю, если вы постараетесь, вы заставите меня поверить.

ДЖЕНИН. Хорошо, договорились.

Сцена вторая

Задний двор дома ДЖОЙС. В глубине сцены — дом, повернутый к зрителю задней дверью. На переднем плане — шалаш, построенный детьми из всякого мусора. В тесном пространстве ЭНДЖИ и КИТ сидят, прижавшись друг к другу. ЭНДЖИ 16 лет, КИТ — 12. Из дома их не видно.

Из дома доносится голос ДЖОЙС.

ДЖОЙС. Энджи! Энджи, ты во дворе?

Тишина. Они замирают и ждут. Ничего не происходит, они с облегчением вздыхают.

ЭНДЖИ. Хоть бы она умерла.

КИТ. Давай сходим на «Убийцу мира»?

ЭНДЖИ. Ты мне на ногу села.

КИТ. По телику ничего хорошего. Может, мороженого, а, Энджи?

ЭНДЖИ. Что я сейчас тебе скажу...

КИТ. На «Убийцу мира» пойдём?

ЭНДЖИ. Детям до 18-ти запрещается.

КИТ. Я умею проходить.

ЭНДЖИ. Что я тебе скажу...

КИТ. Или еще куда-нибудь двинем. Можем в Ипсвич поехать. Что в «Одеоне» идет?

ЭНДЖИ. Она ж не разрешит.

КИТ. А ты ей не скажешь.

ЭНДЖИ. У меня денег нет.

КИТ. У меня есть.

ЭНДЖИ. Разведет нытье.

КИТ. Хочешь, я ее попрошу?

ЭНДЖИ. У меня денег нет, а чтоб ты платила, я не хочу.

КИТ. Я ее попрошу.

ЭНДЖИ. Она тебя не любит.

КИТ. У меня еще три фунта есть, подарили на день рожденья. Значит, она говорит, не любит меня? Тогда я одна пойду.

ЭНДЖИ. Тебе мама не разрешит. Я должна быть с тобой.

КИТ. Мы ей не скажем.

ЭНДЖИ. Кто его знает, кто рядом окажется. Ты будешь бояться.

КИТ. Не буду я бояться. Все равно она меня не любит. Ну скажи.

ЭНДЖИ. Чего сказать?

КИТ. Это она тебя не любит.

ЭНДЖИ. А я ее — еще больше, сука она, и все.

ДЖОЙС (за сценой). Энджи. Энджи. Энджи. Я знаю, что ты там. Я за тобой бегать не собираюсь. Иди сюда.

Тишина. Ничего не происходит.

ЭНДЖИ. Я вчера ночью лежу. И думаю, вот бы научиться предметы двигать. Не трогать, а просто думать

о них, и чтоб они двигались, понимаешь? Вчера ночью лежу, и вдруг со стены картина падает.

КИТ. Какая картина?

ЭНДЖИ. Которая с бабушкой. Не плакат. Фотография в рамочке.

КИТ. Ты что-нибудь сделала, чтобы она свалилась?

ЭНДЖИ. Не знаю, наверное.

КИТ. Но ты про нее думала?

ЭНДЖИ. Про нее — нет, еще про что-то.

КИТ. Мне кажется, это не очень хорошо.

ЭНДЖИ. Помнишь котенка?

КИТ. Которого?

ЭНДЖИ. Мертвого, какого еще.

КИТ. И что?

ЭНДЖИ. Я его слышала вчера вечером.

КИТ. Где?

ЭНДЖИ. Здесь. В темноте. Представляешь, если б я тебя здесь оставила в темноте на всю ночь?

КИТ. Не оставила бы. Я бы домой пошла.

ЭНДЖИ. Не пошла бы.

КИТ. Пошла.

ЭНДЖИ. Если б я сказала, не пошла.

КИТ. Пошла.

ЭНДЖИ. И ничего бы тогда не увидела. Ничего б не узнала.

КИТ. Я могу днем посмотреть.

ЭНДЖИ. Не можешь. Днем этого не услышишь.

КИТ. Не хочу это слышать.

ЭНДЖИ. Ты просто боишься, и все.

КИТ. Ничего я не боюсь.

ЭНДЖИ. Крови боишься.

КИТ. Все равно это не тот котенок. Ты просто слышала какого-то старого кота, / ты просто слышала какого-то старого кота.

ЭНДЖИ. Откуда ты знаешь, что я слышала? И что я видела? Ничего ты не знаешь, ты еще маленькая.

КИТ. Ты на мне сидишь.

ЭНДЖИ. Отпусти мои волосы, / сука глупая.

КИТ. Корова сраная, ненавижу тебя.

ЭНДЖИ. В гробу я тебя видала.

КИТ. Ты — дрянь.

ЭНДЖИ. Когда я буду мать убивать, ты будешь смотреть.

КИТ. Я так не играю.

ЭНДЖИ. Ты крови боишься.

КИТ *засовывает руку под юбку, вынимает, палец у нее в крови.*

КИТ. Вот, пожалуйста, у меня своя кровь есть, понятно?

ЭНДЖИ *берет КИТ за руку и слизывает кровь с пальца.*

ЭНДЖИ. Все, я теперь — каннибал. А может, я теперь вампиром стану.

КИТ. Да картинка просто плохо висела.

ЭНДЖИ. Ты тоже должна так сделать, когда у меня это будет.

КИТ. Ничего я не должна.

ЭНДЖИ. Страшно?

КИТ. Я это сделаю, может, и сделаю. Но с какой стати мне это делать, потому, что ты так хочешь? Меня на тебя вырвет.

ЭНДЖИ. Ну и пусть вырвет. Мне хоть рвота, хоть кровь. Я не боюсь. Если я не свалю отсюда, я умру.

КИТ. Я пошла домой.

ЭНДЖИ. Нет. Тебе же придется через дом пройти. Она тебя увидит.

КИТ. Я ей не скажу.

ЭНДЖИ. Ну спасибо тебе.

КИТ. Я скажу, что была одна. Скажу, что ты у меня дома и что я за тобой иду.

ЭНДЖИ. Дурочка, она же знает, что я здесь.

КИТ. Тогда почему мне нельзя пройти через дом?

ЭНДЖИ. Потому что я так сказала.

КИТ. Ты моей маме все равно не нравишься.

ЭНДЖИ. А зачем мне ей нравится? Она шлюха.

КИТ. Нет.

ЭНДЖИ. Она это со всеми делает.

КИТ. Нет.

ЭНДЖИ. Ты даже не знаешь, что это.

КИТ. Нет, знаю.

ЭНДЖИ. Тогда скажи, что.

КИТ. Думаешь, ты очень умная. Нам про это в школе рассказывают и по телику показывают. А ты этого не делала.

ЭНДЖИ. Откуда ты знаешь?

КИТ. Оттуда, не делала и все.

ЭНДЖИ. А вот и нет, делала.

КИТ. С кем?

ЭНДЖИ. Так я тебе и сказала / с кем.

КИТ. Все равно не делала.

ЭНДЖИ. Откуда ты знаешь?

КИТ. С кем?

ЭНДЖИ. Не скажу.

КИТ. Ты же говоришь, что все мне рассказываешь.

ЭНДЖИ. Мало ли что, может, я наврала.

КИТ. С кем? Ты не можешь сказать, потому что / ты никогда —

ЭНДЖИ. Шшш.

ДЖОЙС вышла из дома. Она останавливается посреди двора и прислушивается.

Они слушают.

ДЖОЙС. Энджи, ты здесь? Кит? Ты здесь, Китти? Чаю хотите? У меня есть шоколадное печенье. Выходите. Я чайник поставлю. Вкусное печенье, Энджи.

Все трое слушают и ждут.

Ах ты, засранка. Можешь тут подохнуть. Я запрю заднюю дверь.

Все ждут.

ДЖОЙС возвращается в дом.

Некоторое время ЭНДЖИ и КИТ сидят молча.

КИТ. А если война, где самое безопасное место?

ЭНДЖИ. Нигде.

КИТ. Мама говорит, Новая Зеландия. Кожа вся в огне слезет. Поехали в Новую Зеландию?

ЭНДЖИ. Я здесь не останусь.

КИТ. Поехали в Новую Зеландию?

ЭНДЖИ. Ты еще маленькая.

КИТ. Ты еще маленькая.

ЭНДЖИ. Мне уже можно замуж.

КИТ. Ты не хочешь замуж.

ЭНДЖИ. Не хочу, но могу.

КИТ. Я узнаю, где они будут ее бросать, и прямо там встану.

ЭНДЖИ. Ты не сможешь узнать.

КИТ. Все лучше, чем ходить с кожей, которая по земле волочится. Брр! / Вот ты хотела бы ходить с кожей, которая по земле волочится?

ЭНДЖИ. Ты не сможешь узнать, дура, это секрет.

КИТ. Куда ты едешь?

ЭНДЖИ. Не скажу.

КИТ. Почему?

ЭНДЖИ. Это секрет.

КИТ. Но ты же мне рассказываешь все свои секреты.

ЭНДЖИ. Настоящие не рассказываю.

КИТ. Рассказываешь.

ЭНДЖИ. Нет, не рассказываю.

КИТ. Я хочу куда-нибудь уехать от войны.

ЭНДЖИ. Да забудь ты про войну.

КИТ. Не могу.

ЭНДЖИ. Надо. Это скучно.

КИТ. Всю ночь про нее буду думать.

ЭНДЖИ. Все равно я что-нибудь еще сделаю.

КИТ. Что? Ну, Энджи, что? Энджи.

ЭНДЖИ. Это правда секрет.

КИТ. Это же не будет хуже котенка. И чем мать убить.

И чем война.

ЭНДЖИ. Ни за что не скажу, хоть ты сдохни.

КИТ. Мама говорит, это нехорошо, что ты играешь с ребенком моего возраста. Она говорит, а почему у нее нет друзей ее возраста. В школе говорят, ты какая-то странная. Она говорит, что ты плохо влияешь. Она хочет поговорить с твоей матерью.

ЭНДЖИ начинает выворачивать КИТ руку, пока та не вскрикивает.

ЭНДЖИ. Все ты врешь.

КИТ. Это она сказала, не я.

ЭНДЖИ. Скажи, что говно ешь.

КИТ. Не дави на меня.

ЭНДЖИ *отпускает ее.*

ЭНДЖИ. Да плевать мне. Я уезжаю.

КИТ. Ну и давай.

ЭНДЖИ. Вы все проснетесь однажды утром, а меня нет.

КИТ. Класс.

ЭНДЖИ. А когда, я тебе не скажу.

КИТ. Ну и давай.

ЭНДЖИ. Извини, что сделала тебе больно.

КИТ. Я устала.

ЭНДЖИ. Я тебе нравлюсь?

КИТ. Не знаю.

ЭНДЖИ. Точно нравлюсь.

КИТ. Я пошла домой.

КИТ *встает.*

ЭНДЖИ. Нет, не пойдешь.

КИТ. Я устала.

ЭНДЖИ. Она тебя увидит.

КИТ. Она мне шоколадного печенья даст.

ЭНДЖИ. Китти.

КИТ. Куда ты едешь, скажи.

ЭНДЖИ. Сядь.

КИТ *опять садится в шалаш.*

КИТ. Тогда давай, говори.

ЭНДЖИ. Поклянись.

КИТ. Клянусь.

ЭНДЖИ. Я еду в Лондон. С тетей увидеться.

КИТ. И что?

ЭНДЖИ. И все.

КИТ. Я со своей тетей все время вижушь.

ЭНДЖИ. А я со своей нет.

КИТ. Ну и что тут особенного?

ЭНДЖИ. Все особенное. Она особенная.

КИТ. Почему?

ЭНДЖИ. Особенная.

КИТ. Почему?

ЭНДЖИ. Особенная.

КИТ. Почему?

ЭНДЖИ. Мать ее ненавидит.

КИТ. Почему?

ЭНДЖИ. Потому что.

КИТ. Может, она не очень хорошая?

ЭНДЖИ. Она хорошая.

КИТ. Откуда ты знаешь?

ЭНДЖИ. Потому что знаю.

КИТ. Ты ж говоришь, ты ее никогда не видела.

ЭНДЖИ. Видела в прошлом году. И ты видела.

КИТ. Я?

ЭНДЖИ. Не важно.

КИТ. Я ее помню. Эту тетю. И что в ней особенного?

ЭНДЖИ. Она людям работу находит.

КИТ. Ну и что такого?

ЭНДЖИ. Мне кажется, я ее РЕБЕНОК. А мать на самом деле мне тетка.

КИТ. Почему?

ЭНДЖИ. Потому что она в Америку ездит, слушай, заткнись, а?

КИТ. Я была в Лондоне.

ЭНДЖИ. Обними меня и заткнись, потому что меня тошнит.

КИТ. Ты у меня на руке сидишь.

Молчание.

ДЖОЙС выходит из дома и тихо подходит к ним.

ДЖОЙС. Ну, хватит.

КИТ. А, здрасьте.

ДЖОЙС. Тебе пора домой.

КИТ. Мы хотим пойти в «Одеон».

ДЖОЙС. Во сколько сеанс?

КИТ. Не знаю.

ДЖОЙС. А фильм какой?

КИТ. Не знаю.

ДЖОЙС. Не очень-то много ты знаешь.

КИТ. Ну и что из этого?

ДЖОЙС. Сначала Энджи уберет свою комнату.

ЭНДЖИ. Не буду.

ДЖОЙС. Будешь, там свинарник.

ЭНДЖИ. Не буду.

ДЖОЙС. Значит, не пойдешь.

ЭНДЖИ. Нет, пойду.

ДЖОЙС. У тебя ведь денег нет.

ЭНДЖИ. За меня Кит заплатит.

ДЖОЙС. Нет.

КИТ. Давай помогу тебе убраться.

ДЖОЙС. Вот молодец.

ЭНДЖИ. Нет. Жди здесь.

КИТ. Тогда побыстрей.

ЭНДЖИ. Я не тороплюсь. Жди здесь.

ЭНДЖИ идет в дом. Молчание.

ДЖОЙС. Ну не знаю.

Молчание.

Как в школе дела?

КИТ. Нормально.

ДЖОЙС. Ты в каком классе? В третьем?

КИТ. Во втором.

ДЖОЙС. Твоя мама говорит, у тебя большие успехи в английском.

Молчание.

Может, Энджи и не надо было школу бросать.

КИТ. Ей там не нравилось.

ДЖОЙС. И мне не нравилось. И вот результат — посмотри на меня. Если у тебя в школе получается, то и потом получится. А Энджи, учишься — не учишься, все равно ничего не выйдет. Сейчас с работой очень тяжело, не возьмут ее никуда. А возьмут — не завидую я ее начальнику. Пусть уж лучше замуж идет. А кто ее возьмет? Такие, как она, обычно так дома и остаются. Ты, Кит, кем хочешь стать, когда вырастешь?

КИТ. Физиком.

ДЖОЙС. Что?

КИТ. Ядерным физиком.

ДЖОЙС. Зачем?

КИТ. Я смогу, я умная.

ДЖОЙС. Я знаю, киска, что ты умная.

Молчание.

Пойду сделаю чаю.

Молчание.

Наверное, дождь будет.

Молчание.

У тебя есть друзья твоего возраста?

КИТ. Есть.

ДЖОЙС. Это хорошо.

КИТ. Я для своего возраста очень взрослая.

ДЖОЙС. А Энджи простовата? Да нет, она не простая.

КИТ. Я люблю Энджи.

ДЖОЙС. Она по-своему умная.

КИТ. Вы не можете мне запретить.

ДЖОЙС. Да я и не собираюсь.

КИТ. Не можете, вот.

ДЖОЙС. Не груби, Китти. Она с маленькими всегда хорошая.

КИТ. Вы лучше уйдите, а то вон она идет.

Выходит ЭНДЖИ. Она переделась в старое выходное платье. Оно ей несколько тесновато.

ДЖОЙС. Почему ты его надела? Ты комнату убрала?
Кто тебе разрешил убираться в этом платье?

ЭНДЖИ. Я шкаф открыла, а оно там висит.

ДЖОЙС. Конечно, там, оно и должно быть там. Вот радость-то, найти вещь на ее законном месте. Ну и удивилась же она, наверное, — правда, Кит — когда в собственной комнате нашла платье там, где ему положено быть?

ЭНДЖИ. Я решила его поносить.

ДЖОЙС. Но почему сегодня-то? Зачем убираться-то в нем? Пока все не сделаешь, никакого кино. Платье можешь потом надеть.

ЭНДЖИ берет кирпич.

Ты убралась или нет? Не смей никуда ходить, ты меня поняла?

КИТ. Энджи, пошли.

ДЖОЙС. Пока не уберется, никуда не пойдет.

КИТ. Дождь начинается.

ДЖОЙС. Ну, ладно, ладно. Быстренько убери комнату, Энджи, и можешь идти с Кит в кино. Ну и дождь, пошли. Посмотрим сеансы в газете. Мама ведь знает, что ты сегодня поздно вернешься, да, Кит? Давай, Энджи, быстренько. Платье испортишь. Как же ты мне надоела.

ДЖОЙС и КИТ вбегают в дом.

ЭНДЖИ стоит, где была. Звуки дождя.

КИТ выходит из дома, кричит.

КИТ. Энджи. Энджи, иди сюда, промокнешь.

КИТ возвращается к ЭНДЖИ.

ЭНДЖИ. Я это платье надела, чтобы мать убить.

КИТ. Ты хотела убить этим кирпичом.

ЭНДЖИ. Кирпичом можно убить.

КИТ. Но не убила же.

Сцена третья

Офис кадрового агентства Top Girls. Три письменных стола и небольшое пространство, где проводятся собеседования. Утро понедельника. УИН и НЭЛЛ только что приехали на работу.

НЭЛЛ. Кофе кофе кофе кофе / кофе.

УИН. Розы бесподобные. / Русалка.

НЭЛЛ. Надо же!

УИН. Айсберг. Он мне все показывал, говорил, какая как называется.

НЭЛЛ *пьет кофе.*

НЭЛЛ. Ага. И что?

УИН. Розовый сад у него один из лучших в Сассексе. Он даже в выставках участвует.

НЭЛЛ. В чем участвует?

УИН. Его жена уехала к матери. Казалось, мы просто живем вместе.

НЭЛЛ. Здорово устроились. Ты мне даже ничего не сказала.

УИН. Он только в субботу утром позвонил.

НЭЛЛ. Хорошо, что ты была свободна.

УИН. Вот и я ему сказала.

НЭЛЛ. Да ладно тебе — ничего ты не сказала.

УИН. Ты когда-нибудь видела совершенно бесподобно розовый сад?

НЭЛЛ. Не люблю цветы. / Люблю бассейны.

УИН. Марлин. Дитя Эстер. Они все названы именами птиц.

НЭЛЛ. Наша подруга опаздывает. Весь уик-энд веселилась, можно не сомневаться.

УИН. Я бы назвала розу Элвис. Или Джон Конте.

НЭЛЛ. Ховард пришел?

УИН. Если б пришел, уже бы на ковер вызывал из-за любой ерунды.

НЭЛЛ. Пускай сам дрочит.

УИН. Ховард дико расстроен.

НЭЛЛ. Он думает, раз он мужик, это место ему автоматом достанется. У нашей Марлин яйца побольше будут, чем у Ховарда.

УИН. Слабак.

НЭЛЛ. Ничего, выживет.

УИН. Найдет что-нибудь.

НЭЛЛ. Я бы и сама не отказалась сменить обстановку.

УИН. Ты серьезно?

НЭЛЛ. Я дама непостоянная. Люблю новые пастбища.

УИН. И кто этот разбойник?

НЭЛЛ. Пока ничего конкретного.

УИН. Но интерес проявляют?

НЭЛЛ. Интерес всегда проявляют. Если б он пропал, я бы решила, что у меня изо рта пахнет. В большинстве случаев я им просто не по деньгам. И ты тоже.

УИН. Меня пока все устраивает. А может, в Австралию поеду.

НЭЛЛ. Руководящих вакансий-то мало.

УИН. Марлин все захватила.

НЭЛЛ. Ну и молодец. Ей зарплату повысят.

УИН. И ты попроси.

НЭЛЛ. Попросить-то могу.

УИН. Значит, так, что у нас есть? Вот, например, некий мистер Холден, мы с ним на той неделе беседовали.

НЭЛЛ. Ну и как? Годится?

УИН. Наглый. И, по-моему, халтурщик.

НЭЛЛ. Хорош собой?

УИН. Хорошо одет.

НЭЛЛ. Амбициозный?

УИН. Амбиций много, а с мозгами не очень.

НЭЛЛ. Престель Компани просит шестерых, и качественных, а я пока обнаружила только двух с половиной.

УИН. У него разъездная работа, а он решил, что пора поработать в офисе. Посылала его в АйБиЭМ, но его там не взяли.

НЭЛЛ. У Престеля работа как раз разъездная.

УИН. Да, не перегружен он интеллектом.

НЭЛЛ. Справится в офисе?

УИН. Если найдет секретаршу, умеющую расставлять запятые, может далеко пойти.

НЭЛЛ. Имей в виду Престеля, а я отойду на минутку. Там этот бедолага дожидается. И зачем только я сказала, что попробую помочь. Какое же у меня нежное сердце.

УИН. Нежное, как старый башмак. Сколько лет?

НЭЛЛ. Э-э-э... сорок пять.

УИН. Все ясно, молчи.

НЭЛЛ. Ни на что не претендует, в начальники не рвется, просто несчастный мужик, ему бы зарплату повыше да солнышка побольше.

УИН. Вот и нам всем тоже.

НЭЛЛ. Ему просто далеко ездить. У него домик в Дим-черче.

УИН. И жена велела.

НЭЛЛ. Супруге не до переездов. У нее духовные искания.

УИН. Конченный человек, не трать зря время.

НЭЛЛ. Я особо не трачу.

УИН. Как уик-энд, хорошо?

НЭЛЛ. Совсем неплохо.

НЭЛЛ. С кем была?

УИН. В пятницу с одним, в субботу с другим.

УИН. Ну ты даешь.

НЭЛЛ. В воскресенье вечером телевизор смотрела.

УИН. Так кто из них тебе нравится?

НЭЛЛ. Лучше всего было в воскресенье, теплое молоко с медом пила.

УИН. Холден, Бакер, Гарднер, Дьюк.

НЭЛЛ. Вот тут у меня одна дама, считает, что умеет продавать.

УИН. Берем?

НЭЛЛ. Опыт у нее есть.

УИН. Она из сферы обслуживания?

НЭЛЛ. Нет, покруче, что-то связанное с электричеством.

УИН. Крепкая девушка, вроде нас.

НЭЛЛ. Почаще бы такие попадались.

УИН. Здесь вроде тоже ничего интересного.

НЭЛЛ. Я всегда крепких ищущу. Даже если для них нет вакансий, я стараюсь их придержать.

УИН. Да ладно, хватит и того, что мы такие.

НЭЛЛ. Дерек меня опять замуж звал.

УИН. Не понимает, что ему ничего не светит.

НЭЛЛ. Я ему сказала, что домохозяйкой не буду, хотя бы даже и в престижном Аскоте.

УИН. А что, могла бы и поиграть в домохозяйку.

НЭЛЛ. Если уж играть, то козырями.

УИН. Ты могла бы за него выйти и продолжать работать.

НЭЛЛ. Я могу продолжать работать и не выходя за него.

Появляется МАРЛИН.

МАРЛИН. Доброе утро, дамы.

УИН и НЭЛЛ *радостно ее приветствуют и свистят.*

Бедная моя голова.

НЭЛЛ. Кофе кофе кофе.

УИН. С присущим нам тактом мы молчим о том, что ты опоздала.

МАРЛИН. Это все, блин, метро.

УИН. Мы это уже слышали.

НЭЛЛ. И сами так оправдывались.

УИН. Это бедной трудящейся девушке надо приходиться ни свет ни заря, а начальнику-то не надо.

МАРЛИН. Душа моя, передай сахар и заткнись.

УИН. Поздравляем с повышением.

НЭЛЛ. Ховард ходит с кислой рожей.

УИН. Ховард болен. У него язва и сердце. Он мне сказал.

НЭЛЛ. Значит, надо прекращать.

УИН. Прекращать что?

НЭЛЛ. Курить, пить, орать. Работать.

УИН. Особенно работать.

НЭЛЛ. Мы как раз обсуждаем планы на сегодня.

МАРЛИН. Я побеседую с дамами, которых вела Пэм. Их тут у нее много скопилось, пока она в отъезде.

НЭЛЛ. Десяток юных девушек и выпускница художественного колледжа, которая не умеет печатать.

УИН. Я целый уик-энд была у него в Сассексе.

НЭЛЛ. Она потрясена его розовым садом.

УИН. Мне пришлось лечь на заднее сиденье, чтобы соседи не видели, что я приехала.

НЭЛЛ. Ты шутишь.

УИН. Было ужасно смешно.

НЭЛЛ. Да уж, твою мать, обхохочешься.

УИН. Очень смешно.

МАРЛИН. Но тебя же все равно видели в саду.

УИН. Там ограда высокая.

НЭЛЛ. Я думаю, мне надо сообщить его жене.

УИН. Я тебе сообщу.

НЭЛЛ. Она от него уйдет, и у тебя будет розовый сад.

УИН. Как только это откроется, он меня бросит.

НЭЛЛ. И зачем тебе это надо?

УИН. Забавно.

НЭЛЛ. Мне кажется, тебе пора поехать в Австралию.

УИН. Мне кажется, мне пора заняться наглым мисте-ром Холденом.

НЭЛЛ. Если тебе попадутся какие-нибудь шикарные ребята, Марлин, имей в виду, мне нужна парочка для Престеля.

МАРЛИН. После обеда, может, один и будет. А пока я разберусь с этими секретаршами.

НЭЛЛ. Скоро будешь сидеть наверху и надзирать за нами.

МАРЛИН. Вам это неприятно?

НЭЛЛ. Не люблю финишировать второй.

МАРЛИН. Кто ж это любит?

УИН. Лучше ты, чем Ховард. Мы рады за тебя, да, Нэлл?

НЭЛЛ. О да, теперь у нее есть козыри.

Собеседование

УИН и ЛУИЗ

УИН. Добрый день, Луиз, вот у меня ваши документы. Я смотрю, вы посвятили себя работе в одной и той же фирме.

ЛУИЗ. Да.

УИН. Двадцать один год — это очень много.

ЛУИЗ. Вот и мне так кажется. Чувствую, пора что-то менять.

УИН. И лет вам сейчас?

ЛУИЗ. Сорок с небольшим.

УИН. А точнее?

ЛУИЗ. Сорок шесть.

УИН. Это не то чтобы недостаток, хотя если честно, то да, он не обязательно такой уж трагический, в конце концов, опыт тоже имеет значенье.

ЛУИЗ. Надеюсь.

УИН. Скажите мне честно, почему вы уходите? Может быть, у вас неприятности, может, есть причины, не указанные в анкете?

ЛУИЗ. Ничего такого.

УИН. Какого?

ЛУИЗ. Вообще ничего.

УИН. Может быть, у вас на работе были с кем-то отношения, теперь они изменились и сложилась тяжелая атмосфера?

ЛУИЗ. Подобных отношений на работе я всегда категорически избегала.

УИН. Никаких личных конфликтов с непосредственными начальниками или подчиненными?

ЛУИЗ. Я всегда старалась со всеми строить хорошие отношения.

УИН. Я ведь спрашиваю только потому, что это может повлиять на ваши рекомендации, кроме того, важно знать, что вами движет, иметь ясное представление о том, почему вы меняете работу. Значит, я так понимаю, вас не удовлетворяет работа как таковая. Деньги?

ЛУИЗ. Отчасти. Но в основном, нет, не деньги.

УИН. Девять тысяч — вполне достойная сумма. У вас есть иждивенцы?

ЛУИЗ. Иждивенцев нет. Мать у меня умерла.

УИН. Тогда зачем вы меняете работу?

ЛУИЗ. Другие же меняют.

УИН. Но зачем это вам, зачем уходить, если вы проработали там большую часть жизни?

ЛУИЗ. В этом все и дело, я жила ради фирмы, можно сказать, действительно отдала ей жизнь, никогда особо не развлекалась, могла работать по вечерам. По причинам, о которых мы только что говорили, у меня никогда не было на работе никаких сложных запутанных отношений, а если вы преданы делу, вы, в общем-то, мало возвращаетесь в других кругах. С двадцати семи лет я вхожу в руководящий состав компании — вы можете оценить, что это значит. Я создала отдел. Он работает, работает блестяще, а я вижу, что я там застряла. Уже двадцать лет я руководитель среднего звена. Молодежь, которую я выучила, уходит на повышение у нас или в другие компании. Меня же не замечают, да я этого и не жду, я не делаю ошибок и поэтому не привлекаю внимания, все считают само собой разумею-

щимся, что я работаю безупречно. На меня обратят внимание, когда я уйду, наверное, им будет жалко меня терять, предложат, конечно, больше денег, я откажусь. Они поймут, что я для них делала, когда меня там не будет.

УИН. Вы не останетесь, если вам предложат больше денег?

ЛУИЗ. Не останусь.

УИН. Вы там единственная женщина?

ЛУИЗ. Да, если не считать девочек. Была одна, моя ассистентка, только однажды я взяла в ассистенты молодую женщину, у меня всегда были сомненья на этот счет. С женщинами я не очень люблю работать, меня саму, мне кажется, на службе воспринимают скорее как мужчину. Но я взяла эту девушку, у нее были отличные характеристики, работала хорошо, потом возглавила собственный отдел, потом ушла в конкурирующую фирму, где она сейчас член совета директоров, и дай бог ей счастья. У нее другой стиль, это такой новый тип — привлекательная, хорошо одетая — не то чтобы я одевалась плохо. Но вот появился этот новый тип женщин, им сейчас около тридцати. Они не такие осторожные. Они все принимают как должное. А я должна была каждую минуту оправдывать свое существование, и я это делала, доказывала — в общем, вот.

УИН. Что скрывать, вашими конкурентами на вакантные места будут люди моложе вас. Есть компании, которых может заинтересовать ваш опыт — тогда у вас есть шанс. Есть области, куда женщине легче пробиться, вот, например, косметическая фирма, для них ваш опыт может быть привлекательным. Восемь с половиной, не знаю, устраит вас это?

ЛУИЗ. Я доказала, что могу зарабатывать деньги. Сейчас мне важнее уйти. Сейчас или никогда. Я иногда / думаю —

УИН. Не нужно так много говорить на собеседовании.

ЛУИЗ. Да нет. Обычно я о себе не говорю. Я прекрасно знаю, как вести себя в офисе. А с вами говорю только

потому, что, как я понимаю, здесь совсем другая ситуация, понять меня — ваша работа. Вы задавали вопросы.

УИН. Я вполне понимаю вас.

ЛУИЗ. Ну что ж, хорошо, это хорошо.

УИН. Вы выпиваете?

ЛУИЗ. Нет, конечно. Я не трезвенница, если совсем не пить, мне кажется, это подозрительно, может, ты алкоголик. Что вы имеете в виду? Нет, не выпиваю. А что? .

УИН. А я выпиваю.

ЛУИЗ. А я — нет.

УИН. Ну и молодец.

Офис

МАРЛИН и ЭНДЖИ.

Появляется ЭНДЖИ.

ЭНДЖИ. Здравствуйте.

МАРЛИН. Вам назначено?

ЭНДЖИ. Это я. Я приехала.

МАРЛИН. Что? Энджи? Ничего себе!

ЭНДЖИ. Вас так трудно найти. Я заблудилась.

МАРЛИН. Как тебе удалось пройти мимо секретаря? Там девушка сидит за столом, разве она тебя не остановила?

ЭНДЖИ. За каким столом?

МАРЛИН. Неважно.

ЭНДЖИ. Я просто вошла и все. Тебя искала.

МАРЛИН. И нашла.

ЭНДЖИ. Да.

МАРЛИН. Как мама? Ты что, просто на денек приехала?

ЭНДЖИ. Да нет.

МАРЛИН. Садись. Нормально себя чувствуешь?

ЭНДЖИ. Да, спасибо.

МАРЛИН. А где Джойс?

ЭНДЖИ. Дома.

МАРЛИН. Значит, ты со школой приехала?

ЭНДЖИ. Я школу бросила

МАРЛИН. Значит, с подружкой?

ЭНДЖИ. Нет. Сама.

МАРЛИН. Сама приехала, вот это да. И чем ты тут занималась? Шопингом? Или в Тауэр ходила?

ЭНДЖИ. Нет, просто приехала. К тебе.

МАРЛИН. Как приятно, что ты решила навестить теть. Племянницы, которые с этого начинают свою поездку, — большая редкость. Хочешь кофе?

ЭНДЖИ. Нет, спасибо.

МАРЛИН. Чаю, сока?

ЭНДЖИ. Нет, спасибо.

МАРЛИН. Нормально себя чувствуешь?

ЭНДЖИ. Да, спасибо.

МАРЛИН. Устала с дороги?

ЭНДЖИ. Да, устала с дороги.

МАРЛИН. Посиди немножко. Так как Джойс-то?

ЭНДЖИ. В порядке.

МАРЛИН. Как всегда, значит.

ЭНДЖИ. Да уж.

МАРЛИН. Как назло, сегодня такой день, времени совершенно нет, впрочем, в другие дни его нет тоже, а то пошли бы пообедать, сходили бы к Мадам Тюссо. Или на шопинг. Ты когда назад? У тебя какой билет? Сегодня уезжаешь?

ЭНДЖИ. Нет.

МАРЛИН. Когда у тебя поезд?

ЭНДЖИ. Я приехала на автобусе.

МАРЛИН. Значит, когда автобус? Или ты здесь ночуешь?

ЭНДЖИ. Да.

МАРЛИН. У кого будешь ночевать? А, ты, наверное, хочешь переночевать у меня, да?

ЭНДЖИ. Хочу.

МАРЛИН. У меня нет второй кровати.

ЭНДЖИ. Я могу спать на полу.

МАРЛИН. Можешь спать на диване.

ЭНДЖИ. Хорошо.

МАРЛИН. Все-таки Джойс могла бы и позвонить. Всегда она так.

ЭНДЖИ. Ты в этой комнате работаешь?

МАРЛИН. Я здесь последние два года работала, сейчас переезжаю в другой кабинет.

ЭНДЖИ. Как красиво.

МАРЛИН. Новый кабинет еще лучше. Там только один огромный письменный стол и только для меня.

ЭНДЖИ. Можно посмотреть?

МАРЛИН. Потом, там сейчас другой человек. Но в конце следующей недели он уходит, а я буду делать его работу.

ЭНДЖИ. Это хорошо?

МАРЛИН. Это очень хорошо.

ЭНДЖИ. Ты будешь начальником?

МАРЛИН. Да.

ЭНДЖИ. Я так и знала.

МАРЛИН. Откуда ты могла знать?

ЭНДЖИ. Я знала, что ты будешь начальником всего.

МАРЛИН. Ну, не то чтобы всего.

ЭНДЖИ. Будешь.

МАРЛИН. Ладно, увидим.

ЭНДЖИ. На следующей неделе можно посмотреть?

МАРЛИН. А ты на следующей неделе еще здесь?

ЭНДЖИ. Да.

МАРЛИН. А домой тебе не надо?

ЭНДЖИ. Нет.

МАРЛИН. Почему?

ЭНДЖИ. Все нормально.

МАРЛИН. Ты уверена?

ЭНДЖИ. Не беспокойся.

МАРЛИН. Джойс знает, где ты находишься?

ЭНДЖИ. Конечно, знает.

МАРЛИН. Знает?

ЭНДЖИ. Не беспокойся.

МАРЛИН. И сколько времени ты собираешься у меня прожить?

ЭНДЖИ. Помнишь, ты к нам приезжала в прошлом году?

МАРЛИН. Да, хорошо было, правда?

ЭНДЖИ. Это был самый лучший день всей моей жизни.

МАРЛИН. Так сколько времени ты собираешься у меня прожить?

ЭНДЖИ. Ты не хочешь, чтобы я у тебя жила?

МАРЛИН. Хочу, хочу, просто интересно.

ЭНДЖИ. Если ты не хочешь, я не буду.

МАРЛИН. Нет, конечно живи.

ЭНДЖИ. Я буду спать на полу. Я тебя совсем не побеспокою.

МАРЛИН. Чего ты расстраиваешься?

ЭНДЖИ. Нет, что ты, я не расстраиваюсь. Не беспокойся, пожалуйста.

Входит МИССИС КИД.

МИССИС КИД. Простите.

МАРЛИН. Да.

МИССИС КИД. Простите, пожалуйста.

МАРЛИН. Чем могу быть полезна?

МИССИС КИД. Извините за вторжение, но мне необходимо с вами поговорить.

МАРЛИН. Я сейчас занята. / Не могли бы вы подойти к секретарю и —

МИССИС КИД. Я — Розмари Кид, жена Ховарда, вы меня не помните, но мы с вами встречались, я вас, конечно, помню, / а вы, наверное —

МАРЛИН. Да, конечно, миссис Кид, простите, пожалуйста, мы действительно встречались. Я думаю, Ховард

должен быть где-то поблизости, вы заходили к нему в кабинет?

МИССИС КИД. Нет, здесь Ховарда нет. Вообще-то я пришла к вам, не могли бы вы уделить мне пару минут?

МАРЛИН. Но у меня через пять минут встреча.

МИССИС КИД. Это и пяти минут не займет. Я очень извиняюсь. Срочное дело.

МАРЛИН. Ну хорошо. Чем могу быть полезна?

МИССИС КИД. Я просто хотела с вами поговорить, так сказать, неофициально. Я просто не могу не — извините, что отвлекаю вас от работы. Я знаю, работа в офисе это вам не домашнее хозяйство / там-то все время приходится на что-нибудь отвлекаться.

МАРЛИН. Нет, нет, это моя племянница. Энджи. Миссис Кид.

МИССИС КИД. Приятно познакомиться.

ЭНДЖИ. Очень хорошо спасибо².

МИССИС КИД. Ховард сегодня не пошел на работу.

МАРЛИН. Неужели?

МИССИС КИД. Он плохо себя чувствует.

МАРЛИН. Я об этом не знала. Очень жаль.

МИССИС КИД. Дело в том, что он в полном шоке. Из-за того, что произошло.

МАРЛИН. А что произошло?

МИССИС КИД. Да уж вам ли не знать. Это связано с вашим назначением на пост управляющего директора вместо Ховарда. Он ужасно себя чувствовал все выходные. Три ночи не спал. Я тоже не спала.

МАРЛИН. Я очень сожалею, миссис Кид. Может быть, ему надо было принять снотворное?

МИССИС КИД. Как это тяжело — ведь он проработал столько лет.

МАРЛИН. В деловой жизни часто случаются маленькие неудачи. Ховард, конечно же, это прекрасно знает. Через день-другой он придет в себя. С кем не бывает.

² Так в тексте, она отвечает невпопад (*примеч. пер.*).

МИССИС КИД. Если бы вы его видели, вы бы поняли, о чем я говорю. Каково ему будет работать под началом у женщины? Я думаю, если бы был мужчина, ему было бы легче справиться с этим. Он бы считал это нормальным.

МАРЛИН. Я думаю, ему придется справиться.

МИССИС КИД. Все на мне одной держится. Себе-то я карьеры не делаю. Все ему, все ему. И что я за это получаю? Вы, женщины, такие, вы, женщины, сякие. Как будто это я виновата. Вам придется быть с ним очень осторожной. Он страшно уязвлен.

МАРЛИН. Конечно, я буду с ним приятной, тактичной, нельзя без толку дергать людей, когда начинаешь работать. Буду советоваться с ним по поводу всех решений, касающихся его отдела. Но, миссис Кид, никакой разницы между ним и другими коллегами не будет.

МИССИС КИД. Мне кажется, разница есть, потому что он мужчина.

МАРЛИН. Я не совсем понимаю, зачем вы ко мне пришли.

МИССИС КИД. Я должна была что-то сделать.

МАРЛИН. Хорошо, вы это сделали, мы встретились. Боюсь, у меня больше времени нет. Мне очень жаль, что он грузит вас этим. Дерьмо он, этот ваш Ховард.

МИССИС КИД. Но ему же надо семью кормить. У него трое детей. Это несправедливо.

МАРЛИН. Вы что предлагаете — отдать ему эту работу?

МИССИС КИД. Мне приходило в голову, что если вы вдруг не сможете занять это место, то должность, естественно, отдадут ему. Но я вас об этом, конечно, не прошу.

МАРЛИН. И правильно делаете.

МИССИС КИД. Не говорите ему, что я у вас была. Он очень гордый.

МАРЛИН. Если Ховарду так не нравится то, что здесь происходит, почему бы ему не поискать другую работу?

МИССИС КИД. Это угроза?

МАРЛИН. Извините, пожалуйста, но мне действительно пора.

МИССИС КИД. В его возрасте это непросто. А вам наплевать. Я думала, он преувеличивает, но оказывается, он прав. Конь с яйцами, / вот вы кто. И, в конце концов, вы

МАРЛИН. Извините, пожалуйста, но мне действительно пора.

МИССИС КИД. будете одинокой несчастной бабой. Вы вообще не женщина.

МАРЛИН. А не пошли бы вы отсюда подальше?

МИССИС КИД. Надо же что-то делать. Я решила хоть с вами встретиться.

МИССИС КИД *уходит.*

МАРЛИН. Мне надо работать. Ты придешь попозже?

ЭНДЖИ. Ну, класс!

МАРЛИН. Мне надо работать.

ЭНДЖИ. Ты ее послала.

МАРЛИН. Ты придешь попозже?

ЭНДЖИ. А нельзя тут побыть?

МАРЛИН. Не хочешь куда-нибудь сходить?

ЭНДЖИ. Я лучше тут посижу.

МАРЛИН. Сиди, если тебе не скучно.

ЭНДЖИ. Больше всего на свете мне хочется быть здесь.

МАРЛИН. Тогда до встречи.

МАРЛИН *уходит.*

ЭНДЖИ *садится за стол Уин.*

Собеседование

НЭЛЛ и ШОНА.

НЭЛЛ. Значит, вы Шона, правильно?

ШОНА. Ага.

НЭЛЛ. Здесь написано, что вам двадцать девять лет.

ШОНА. Ага.

НЭЛЛ. Что-то я не высыпаюсь в последнее время. Значит, Шона, вы там работаете четыре года, зарплата у вас шесть и три процента комиссионных. И в чем проблема?

ШОНА. Ни в чем.

НЭЛЛ. Тогда почему вы хотите уйти?

ШОНА. Чтоб что-то новое.

НЭЛЛ. Новый товар, новая сфера деятельности?

ШОНА. И то, и то.

НЭЛЛ. Но вы не против разъездов?

ШОНА. Люблю водить.

НЭЛЛ. Вы же не хотите на руководящую работу?

ШОНА. Я бы хотела на руководящую работу.

НЭЛЛ. То есть вы хотите иметь статус менеджера, но при этом продолжать жизнь на колесах?

ШОНА. Ага, я хотела бы продолжать жизнь на колесах.

НЭЛЛ. Сколько клиентов в день у вас бывает?

ШОНА. Шесть.

НЭЛЛ. И сколько из них успешных?

ШОНА. Шесть.

НЭЛЛ. Что-то не верится.

ШОНА. Четыре.

НЭЛЛ. Вам легко заинтересовать людей при первой встрече?

ШОНА. О да, мне очень легко заинтересовать людей при первой встрече.

НЭЛЛ. А как насчет завершения сделки?

ШОНА. Нормально завершаю.

НЭЛЛ. Потому что вы понимаете, не мне вам об этом рассказывать, когда работодатель имеет дело с женщиной, именно это и вызывает у него сомненья, хватит ли у нее характера, чтобы довести дело до конца. Они думают, мы слишком милые. Они думают, мы учитываем сомнения покупателя. Они думают, мы прислушиваемся к его чувствам и потребностям.

ШОНА. Я никогда ничьи чувства во внимание не принимаю.

НЭЛЛ. Я шесть лет занималась продажами, могу продать что угодно, продавала на трех континентах, я только на вид такая, а на самом деле я не очень-то милая.

ШОНА. Я тоже не очень милая.

НЭЛЛ. Как вы проводите время с другими сотрудниками, когда вместе бываете в командировках? Отношения нормальные? Можете поддержать разговор?

ШОНА. Нормальные отношения. Ни с кем не бросаюсь.

НЭЛЛ. В общем, одинокая волчица, да?

ШОНА. Вроде того.

НЭЛЛ. Какая область вас интересует?

ШОНА. Компьютеры.

НЭЛЛ. Это, как вы знаете, наиболее сложная область, вам придется конкурировать с шустрыми ребятами, там мальчики попадают очень крутые, эта сфера очень американизирована.

ШОНА. Поэтому я туда и хочу.

НЭЛЛ. Как относитесь к видеосистемам? Тоже работа для профессионалов экстра-класса.

ШОНА. К видеосистемам отношусь нормально.

НЭЛЛ. Потому что в компании Престель есть штук шесть вакансий, которые я сейчас пытаюсь заполнить. Это будет порядка десяти-пятнадцати тысяч и выше.

ШОНА. Звучит нормально.

НЭЛЛ. Я сама подумываю, не пойти ли мне туда. Но здесь, если работать с VIP-клиентами, тоже хорошие деньги. Вас бы это могло заинтересовать?

ШОНА. Работа здесь?

НЭЛЛ. Я не имею права предлагать, официально еще ничего не происходит, но мы постоянно в поиске. Нас здесь не так много. Можем быть на связи.

ШОНА. Я люблю водить.

НЭЛЛ. Значит, Престель вам больше подходит?

ШОНА. Ага.

НЭЛЛ. У вас есть семья?

ШОНА. Нет.

НЭЛЛ. Значит, переезд для вас не проблема.

ШОНА. Не проблема.

НЭЛЛ. Не могли бы вы рассказать поподробнее, что у вас за работа.

ШОНА. Что за работа? Тут все написано.

НЭЛЛ. Тут только голые факты, а мне надо представить вас работодателю.

ШОНА. Мне двадцать девять лет.

НЭЛЛ. Здесь это есть.

ШОНА. У нас все выглядят моложе своих лет. В нашей семье все всегда молодо выглядят в нашей семье. (ТКурсив — *Примеч. пер.*)

НЭЛЛ. Просто опишите вашу нынешнюю работу.

ШОНА. Моя нынешняя работа сейчас. У меня машина. Порше. Много езжу на север. Прямо по шоссе М1 в левом ряду в Стратфордшир езжу, в Йоркшир, много в Йоркшире работаю. Продаю всякие электрические дела. Ну, там, посудомоечные машины, стиральные хорошо идут с барабаном из нержавеющей стали, с программами всякими. Техническое обслуживание, очень хорошее мы предлагаем техническое обслуживание, запчасти, много запчастей. И холодильники, продаю много холодильников, особенно летом. Люди покупают холодильники летом, потому что масло в жару тает, а ставить молоко в миску с холодной водой и тряпкой накрывать людям надоедает, ясное дело, в наше время люди так не хотят. Я их много продаю. Больших с большими морозильниками. С большими морозильниками. Когда далеко от дома, ночью в гостиницах. Плачу сама. В разных гостиницах ночую. Там меня знают, где я ночую. Приезжаю, принимаю ванну, души принимаю. Потом иду в бар, беру джин с тоником, поболтаю. Потом в ресторан иду, ужинаю. Обычно беру стейк с грибами, люблю грибы. Очень люблю копченую семгу. Еще беру салат. Зеленый. А помидоры нет, не люблю.

НЭЛЛ. Господи, ну и жизнь.

ШОНА. Простите?

НЭЛЛ. Тут ведь ни слова правды?

ШОНА. В каком смысле?

НЭЛЛ. У вас в анкете сплошное вранье.

ШОНА. Не совсем.

НЭЛЛ. Сколько вам лет?

ШОНА. Двадцать девять.

НЭЛЛ. Девятнадцать?

ШОНА. Двадцать один.

НЭЛЛ. И где вы работали? Где-нибудь вообще работали?

ШОНА. У меня получится, вот увидите.

Офис

ЭНДЖИ *сидит там же.*

Входит Уин.

УИН. Кто сел на мой стул?

ЭНДЖИ. Что? Извините.

УИН. Кто ел мою кашу?

ЭНДЖИ. Что?

УИН. Все в порядке, я видела Марлин. Ты — Энджи, да? А я Уин. И я не пойду обедать, потому что я совершенно без сил. Лучше тут посижу и съем йогурт. Любишь йогурт?

ЭНДЖИ. Нет.

УИН. Это хорошо, потому что у меня только один. Ты голодная?

ЭНДЖИ. Нет.

УИН. На углу есть кафе.

ЭНДЖИ. Нет, спасибо. Вы тут работаете?

УИН. Как ты догадалась?

ЭНДЖИ. Потому что у вас такой вид, как будто вы здесь работаете и вы сидите за письменным столом. Вы всегда здесь работали?

УИН. Нет, меня нашли охотники за головами. Это значит, что я работала в похожей конторе, и меня сюда переманили, предложили больше денег. Я разорвала контракт, был скандал. Дамы экстра-класса попадаются редко. У тебя крутейшая тетя.

ЭНДЖИ. Я знаю.

УИН. Ты фанатка? Фанатка своей тети?

ЭНДЖИ. Как вы думаете, я бы могла здесь работать?

УИН. Не сейчас.

ЭНДЖИ. А с чего мне начать?

УИН. Что ты умеешь делать?

ЭНДЖИ. Не знаю. Ничего.

УИН. Печатаешь?

ЭНДЖИ. Так себе. У меня как-то буквы прыгают. Я хотела сдать экзамен по бизнесу за 10-й класс, но не стала.

УИН. А что у тебя есть?

ЭНДЖИ. В каком смысле?

УИН. Экзамены за 8-й класс сдавала? Аттестат зрелости?

ЭНДЖИ. Ничего, ничего этого нету. А у вас есть?

УИН. Да, все это, и еще, как ни смешно, научная степень. Я начинала в медицине, занималась исследовательской работой, но у них денег мало. Хотела поехать за границу. Знаешь, в России продают кока-колу, а в Китае — наоборот, пепси. Это только кажется, что надо все знать и уметь. Мужики такие засранцы, любят они усложнить нам работу. Где бы я ни работала, я делала свое дело лучше других, и это всех раздражало. В итоге я становилась непопулярной, чтобы как-то приободриться, приходилось выпивать. Был у меня парень, четыре года мы прожили, я его содержала, он не мог найти работу. Потом я уехала в Калифорнию. Люблю солнце. Американцы умеют жить. У нас тут все очень медленно. Потом поехала в Мексику, там тоже занималась продажами, но в этой стране одиноким девушкам делать нечего. Вернулась домой, здесь у меня на какое-то время съехала крыша, я думала, что я — это пять

разных людей, я с этим справилась, сейчас полный порядок, психиатр говорит, что я абсолютно вменяема и очень умна. В припадке слабости вышла замуж, он сейчас сидит, уже четыре года сидит, в этом году я его особо не навещала. Мне это нравится больше продаж, я для них недостаточно агрессивна. Когда я начинала, мне казалось, продажи — это хорошо, если ты хочешь общаться с людьми, но ты общаешься с людьми, которые не хотят общаться с тобой. Получается, если ты любишь нравиться, это не для тебя. А здесь твои клиенты хотят общаться с тобой, потому что ты делаешь для них что-то хорошее. По крайней мере, они надеются.

ЭНДЖИ заснула. Входит НЭЛЛ.

НЭЛЛ. Душа моя, а ведь ты сама с собой разговариваешь.

УИН. Какие новости?

НЭЛЛ. Кто это?

УИН. Юная племянница Марлин.

НЭЛЛ. У нее есть брат или сестра? Она никогда не говорит о своей семье.

УИН. Я ей излагала свою историю.

НЭЛЛ. Драму жизни?

УИН. Нет, историю успеха.

НЭЛЛ. Ты слышала, у Ховарда случился сердечный приступ?

УИН. Нет, когда?

НЭЛЛ. Мне только что сказали. Он не пошел на работу, был дома, его забрали в больницу. Не умер. Его жена была здесь, понеслась туда на такси.

УИН. Слишком много жирного, слишком много курит. Надо будет послать ему цветы.

Входит МАРЛИН.

Слышала про Ховарда?

МАРЛИН. Бедняга.

НЭЛЛ. Куда ж с таким здоровьем на такую работу?

МАРЛИН. Спит?

УИН. Она хочет здесь работать.

МАРЛИН. Кассиршей в Макдоналдсе больше по-
дойдет.

УИН. Хороший ребенок, правда?

МАРЛИН. Немножко странная. Не очень умная.

УИН. Она считает, что ты потрясающая.

МАРЛИН. У нее ничего не получится.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Годом раньше. Воскресный вечер. Кухня в доме ДЖОЙС. ДЖОЙС, ЭНДЖИ, МАРЛИН. МАРЛИН вынимает подарки из большой яркой сумки. ЭНДЖИ уже открыла коробку шоколадных конфет.

МАРЛИН. Кое-какие подарочки. / Вечно я забываю ДЖОЙС. Да не надо было.

МАРЛИН. про дни рожденья, не успеешь оглянуться, и Рождество прошло. Вот я и задолжала Энджи несколько подарков.

ДЖОЙС. Что надо сказать?

ЭНДЖИ. Большое спасибо. Большое спасибо, тетя Марлин.

Она разворачивает подарок. Это платье из второго действия, новое.

Мама, посмотри, какое красивое.

МАРЛИН. Надеюсь, размер подойдет. Она так выросла с тех пор, мы виделись. / Энджи всегда была высокая для своего возраста, я помню.

ЭНДЖИ. Какое красивое.

ДЖОЙС. Она такая нескладная.

МАРЛИН. Энджи, ну-ка приложи, давай посмотрим.

ЭНДЖИ. Я лучше надену.

МАРЛИН. Да, померяй.

ДЖОЙС. Тогда пойдешь в свою комнату, незачем / тут стриптиз устраивать.

ЭНДЖИ. Конечно, пойду, а как же. Мам, посмотри, а это тебе. Давай, разворачивай. Что там такое? Можно я разверну?

ДЖОЙС. Да, разверни, киска.

ЭНДЖИ. А ты сама не хочешь? / Ну давай же.

ДЖОЙС. Я не возражаю, можешь сама развернуть.

ЭНДЖИ. Что-то твердое. Это — что это? Бутылка. Вино? Нет. Что это? Ой, смотри — духи. Давай откроем, понюхаем. Какой сильный запах. Прелесть. Подуши меня. Как это сделать? Подуши меня.

ДЖОЙС. Ты еще маленькая.

ЭНДЖИ. Я так играть буду — наряжаться и душиться.

ДЖОЙС. А для этого ты уже большая. Ну-ка, дай сюда, я сделаю, а то весь флакон изведешь / и будешь пахнуть все лето.

ЭНДЖИ. Теперь ты подушишь. Я пахну? И тетю подуши. Подуши тетю. И все будем пахнуть.

МАРЛИН. Я не знала, чего вам хотелось.

ДЖОЙС. Вряд ли у меня это уже было, / это во-первых.

ЭНДЖИ. Вот, мы все пахнем одинаково.

МАРЛИН. Не говори глупостей.

ДЖОЙС. Спасибо большое, Марлин, столько всего.

ЭНДЖИ. Так. Пошла одеваться. Сейчас посмотрим.

ЭНДЖИ *уходит*.

ДЖОЙС. Ты меня застала врасплох, в доме такой разгром. / Если б ты дала знать, что едешь, я бы

МАРЛИН. Какая разница.

ДЖОЙС. что-нибудь приготовила. Мы уже ужинали. Сейчас собирались просто чаю попить. Ты можешь съесть яйцо.

МАРЛИН. Не надо, я есть не хочу. Давай чай пить.

ДЖОЙС. Ты ведь пьешь без сахара?

МАРЛИН. Почему без сахара?

ДЖОЙС. Потому что следишь за собой.

МАРЛИН. Ты не знала, что я приезжаю? Как не знала?

ДЖОЙС. Могла бы написать. Телефона у нас, конечно, нет, но все-таки не каменный век, / почтальон-то к нам приходит.

МАРЛИН. Но ты же просила меня приехать.

ДЖОЙС. Я просила тебя приехать?

МАРЛИН. Мне Энджи сказала, когда мне звонила.

ДЖОЙС. Энджи тебе звонила, неужели?

МАРЛИН. Значит, это Энджи придумала?

ДЖОЙС. Что она сказала?

МАРЛИН. Сказала, что просишь приехать, хочешь повидаться. / Это было пару недель назад. Откуда мне было знать,

ДЖОЙС. Ха.

МАРЛИН. что это она придумала? У меня всегда все расписано на две недели вперед, поэтому мы договорились на этот уик-энд. Я должна была приехать пораньше, но застряла на работе. Она от тебя приветы передавала.

ДЖОЙС. И ты не удивилась, что я сама не звоню?

МАРЛИН. Она сказала, что ты не любишь говорить по телефону. Стесняешься и не умеешь им пользоваться. Я ведь не знаю, что ты теперь собой представляешь.

ДЖОЙС. Разве бывают люди, которые не умеют пользоваться телефоном?

МАРЛИН. Видимо, да.

ДЖОЙС. Я таких не встречала.

МАРЛИН. С какой стати я должна была думать, что она врет?

ДЖОЙС. Потому что она такая.

МАРЛИН. Откуда мне знать, / какая она?

ДЖОЙС. Я не виновата, что ты не знаешь. Ты не приезжаешь, не видишься с ней.

МАРЛИН. Ну вот, приехала. / Не сказать чтобы ты сильно обрадовалась. *

ДЖОЙС. Ладно. * Если б она сказала, я бы купила торг.

Пауза.

МАРЛИН. Я действительно удивилась, что ты хочешь меня видеть.

ДЖОЙС. Я не хочу.

МАРЛИН. Я знаю. Мне уехать?

ДЖОЙС. Я не против встречи.

МАРЛИН. Отлично, теперь я вижу, что мне до смерти рады.

ДЖОЙС. Ты можешь приезжать и встречаться с Энджи в любое время, я тебе не мешаю. / Ты знаешь, где нас найти. Это ты,

МАРЛИН. Спасибо большое.

ДЖОЙС. а не я отсюда уехала. Я-то все время здесь. И дальше буду.

МАРЛИН. Ну, ладно. Ладно.

ДЖОЙС дает МАРЛИН чашку чая.

ДЖОЙС. Чай.

МАРЛИН. А сахар?

ДЖОЙС передает МАРЛИН сахар.

Здесь так тихо.

ДЖОЙС. Тебе виднее.

МАРЛИН. И воздух пахнет по-другому.

ДЖОЙС. Это духи.

МАРЛИН. Нет, когда по переулку идешь.

ДЖОЙС. Что ж у вас в Лондоне за воздух такой?

Входит ЭНДЖИ в новом платье. Оно хорошо сидит.

МАРЛИН. О, чудно. / Энджи, ты в нем такая хорошенькая.

ДЖОЙС. Сидит отлично.

МАРЛИН. Тебе нравится цвет?

ЭНДЖИ. Прелесть. Прелесть.

ДЖОЙС. Лучше сними, / испачкаешь.

ЭНДЖИ. Хочу носить. Хочу носить.

МАРЛИН. Что ж с ним делать, как не носить? Повесить и любоваться?

ЭНДЖИ. Как оно мне нравится.

ДЖОЙС. Раз надо, так надо.

ЭНДЖИ. Если меня спросят, какой мой любимый цвет, я скажу, что этот. Тетя Марлин, большое спасибо.

МАРЛИН. Ты маме не сказала, что пригласила меня.

ЭНДЖИ. Я хотела, чтоб был сюрприз.

ДЖОЙС. Я тебе на днях / устрою сюрприз.

ЭНДЖИ. Я думала, ты будешь рада. Мне девять лет было, когда она приезжала. С тетями надо видаться.

МАРЛИН. Неужели так давно? Как же время летит.

ЭНДЖИ. Мне хотелось.

ДЖОЙС. Я не сержусь.

ЭНДЖИ. Ты рада?

ДЖОЙС. По крайней мере пахну приятней, да ведь?

Ничего не говоря, как будто она здесь живет, входит
КИТ.

МАРЛИН. По-моему, ты это хорошо придумала, Энджи, пора уже повидаться. Пора уже. В конце концов, мы же сестры. Нельзя же совсем не видаться.

ДЖОЙС. Это Китти, / она живет на нашей улице. Это Марлин, тетя Энджи.

КИТ. Что это?

ЭНДЖИ. Подарок. Тебе нравится?

КИТ. Нормально. / Ты выйдешь? *

МАРЛИН. Здравствуйте, Китти.

ЭНДЖИ. * Нет.

КИТ. Чем это пахнет?

ЭНДЖИ. Это подарок.

КИТ. Гадость какая. Пошли.

МАРЛИН. Хотите шоколада?

ЭНДЖИ. Не пойду, у меня дела.

КИТ. А потом выйдешь?

ЭНДЖИ. Нет.

КИТ (*обращаясь к МАРЛИН*). Привет.

КИТ *уходит, не взяв конфету.*

ДЖОЙС. Она маленькая, но Энджи иногда с ней играет, потому что это единственный РЕБЕНОК. Она ей как сестренка. Энджи хорошо ладит с маленькими.

МАРЛИН. Хочешь работать с детьми, Энджи? / Быть учительницей или воспитательницей в детском саду?

ДЖОЙС. Вряд ли она когда-нибудь об этом задумывалась.

МАРЛИН. Чем ты хочешь заниматься?

ДЖОЙС. Она понятия не имеет. / Хорошо, если ее хоть куда-нибудь возьмут.

МАРЛИН. Энджи?

ДЖОЙС. Умом она не в тебя пошла.

Пауза.

МАРЛИН. Я не умная, я настырная.

ДЖОЙС. Может, и так.

МАРЛИН *достаёт из сумки бутылку виски.*

Я алкоголь не пью.

ЭНДЖИ. На Рождество пьешь.

ДЖОЙС. Но сейчас-то не Рождество.

ЭНДЖИ. Сейчас даже лучше, чем Рождество.

МАРЛИН. Стаканы?

ДЖОЙС. Ну ладно, мне совсем немножко.

МАРЛИН. Энджи, хочешь чуть-чуть?

ЭНДЖИ. Мне нельзя, да?

ДЖОЙС. Попробуй, если хочешь. Тебе не понравится.

МАРЛИН. В ночь, когда умер твой дедушка, мы так напились.

ДЖОЙС. Мы не напились.

МАРЛИН. Я напилась. Ты была просто вне себя от горя.

ДЖОЙС. Я по-прежнему сажаю цветы на могилу.

МАРЛИН. Правда?

ДЖОЙС. А как же.

МАРЛИН. Мать навещала?

ДЖОЙС. Конечно, навещала.

МАРЛИН. В смысле, недавно.

ДЖОЙС. Конечно, каждый вторник езжу.

МАРЛИН (*обращаясь к ЭНДЖИ*). Ты помнишь де-душку?

ЭНДЖИ. Однажды вечером он меня нес из ванной в полотенце.

МАРЛИН. Правда? А я не помню, чтобы он меня когда-нибудь купал. А тебя купал, Джойс? Может, помягчел к старости. Он тебе нравился?

ЭНДЖИ. Да, конечно.

МАРЛИН. Почему?

ЭНДЖИ. Чего?

МАРЛИН. Что у вас нового? Как миссис Пейсли? По-прежнему сходит с ума? / Что у Дороти происходит?*

ЭНДЖИ. Миссис Пейсли — это кто?

ДЖОЙС. * Она уехала в Канаду.

МАРЛИН. Да что ты? Зачем?

ДЖОЙС. Не знаю. Уехала и все.

МАРЛИН. Ну и / правильно сделала.

ЭНДЖИ. А Мистер Коноли жену убил.

МАРЛИН. Да что ты, Коноли из Уайтгейтса?

ЭНДЖИ. Ее труп нашли в саду. / Под капустой.

МАРЛИН. Он всегда такой правильный был.

ДЖОЙС. Идиот спесивый этот Коноли. Нанял лучшего адвоката за бешеные деньги, но ничего не вышло. У нее с Мэтью были дела.

МАРЛИН. Сколько ж Мэтью лет?

ДЖОЙС. Двадцать один. / У него мотоцикл.

МАРЛИН. А я думала, ему лет шесть.

ЭНДЖИ. Как же ему может быть шесть? Он на шесть лет старше меня. / Если б ему было шесть, мне бы тогда вообще нисколько, я б еще только родилась.

ДЖОЙС. Тетя это понимает, она просто валяет дурака. Просто хочет сказать, что она так давно не была тут, что совсем Мэтью забыла.

ЭНДЖИ. Ты была на моем дне рождения, когда мне было девять лет. У нас был розовый торт. А Кит тогда было только пять, нет, четыре, она еще в школу не ходила. Она уже умела читать, когда в школу пошла. Помнишь мой день рождения? / Меня помнишь?

МАРЛИН. Я помню этот торт.

ЭНДЖИ. А меня помнишь?

МАРЛИН. Да, я тебя помню.

ЭНДЖИ. Мама была, и папа, и Кит была.

МАРЛИН. Да, а как папа? Где он сейчас? В пивную пошел?

ДЖОЙС. Здесь его нет.

МАРЛИН. Вижу, что нет.

ДЖОЙС. Он съехал отсюда.

МАРЛИН. Как? Когда? / Только что?*

ЭНДЖИ. А ты не знала? Сколько ты всего не знаешь.

ДЖОЙС. * Да нет, уже года три. Энджи, не груби.

ЭНДЖИ. Я не грублю, правда, тетя? А чего ты еще не знаешь?

ДЖОЙС. Ты была в Америке или где еще. Ты открытку тогда прислала.

ЭНДЖИ. Она у меня в комнате. Это Большой Каньон. Хочешь посмотреть? Принести? Давай принесу.

ЭНДЖИ *выходит.*

ДЖОЙС. Может, ты замуж вышла, близнецов нарожала, сходилась, расходилась, мне абсолютно наплевать. Не понимаю, чего ты суетишься.

МАРЛИН. Я не суечусь.

ЭНДЖИ *приносит открытку.*

ЭНДЖИ. «Еду через Америку на новую работу в Лос-Анджелес. Это далеко, но машина мощная. Здесь очень жарко. Как жалко, что тебя со мной нет. Целую, тетя МАРЛИН».

ДЖОЙС. Много заработала?

МАРЛИН. Истратила много.

ЭНДЖИ. Я хочу поехать в Америку. Ты меня возьмешь?

ДЖОЙС. Она не едет в Америку, она уже там была, дурочка.

ЭНДЖИ. Она может поехать опять, дурочка. Это ж не один раз делают. Люди все время ездят туда-сюда на реактивных самолетах. Летают на «Конкорде», на «Лейкере» и иногда плохо себя чувствуют из-за разницы во времени. Ты меня возьмешь?

МАРЛИН. Я туда не собираюсь.

ЭНДЖИ. Сообщишь, если соберешься?

ДЖОЙС. Энджи, / не говори глупости.

ЭНДЖИ. Я хочу быть американкой.

ДЖОЙС. Тебе пора спать.

ЭНДЖИ. Нет, не пора. / Я сегодня вообще не должна спать.

ДЖОЙС. Утром в школу.

ЭНДЖИ. Я проснусь.

ДЖОЙС. Брось, знаю я, как ты встаешь.

ЭНДЖИ. Как я встаю? / Я никак не встаю.

ДЖОЙС. Энджи. Ты останешься ночевать?

МАРЛИН. Да, если можно. / Утром увидимся.

ЭНДЖИ. Ты можешь спать в моей постели, а я лягу на диван.

ДЖОЙС. Нет, ты будешь спать у себя. / Думаешь, я не вижу,

ЭНДЖИ. Ну, мам.

ДЖОЙС. куда ты гнешь? Мы будем разговаривать, / а ты спать — ...представляю.

ЭНДЖИ. Я засну, засну, мне так хочется.

ДЖОЙС. Я сейчас рассержусь, Энджи.

ЭНДЖИ. Мне надо ей кое-что показать.

ДЖОЙС. А потом спать.

ЭНДЖИ. Это секрет.

ДЖОЙС. Это же, наверное, у тебя в комнате, иди давай. Крикни нам, когда будешь готова, и тетя к тебе поднимется.

ЭНДЖИ. Придешь?

МАРЛИН. Конечно.

ЭНДЖИ *уходит.*

Молчание.

Вечер холодный.

ДЖОЙС. Тебя диван устроит? Если хочешь, / спи на моей кровати.

МАРЛИН. Пусть будет диван.

ДЖОЙС. Да, вечером дождь обещали, но пока нет.

МАРЛИН. Я хотела пойти на реку, но уже поздно — надо было пораньше приехать. Там все так же, как было?

ДЖОЙС. Несколько лет назад кустарник вырубил. Это ты так давно не была?

МАРЛИН. А в остальном все по-старому, такая же грязь? И камыши? Они были выше нас, а мы их рвали. А чибисы еще есть?

ДЖОЙС. По воскресеньям какие-то люди приезжают туда гулять. Видимо, посмотреть на грязь и на чибисов.

МАРЛИН. Ты могла уехать.

ДЖОЙС. А кто сказал, что я хотела?

МАРЛИН. Что ты меня все время достала, это скучно.

ДЖОЙС. Как я могла уехать?

МАРЛИН. А ты хотела?

ДЖОЙС. Я сказала, как, / как я могла

МАРЛИН. Если б хотела, уехала б.

ДЖОЙС. О господи.

МАРЛИН. Давай напьемся.

ДЖОЙС. Может, поешь чего-нибудь?

МАРЛИН. Нет, я напьюсь.

ДЖОЙС. Приехать в воскресенье вечером — кто так приезжает?

МАРЛИН. Я приехала утром. Провела здесь день.

ЭНДЖИ (*из другой комнаты*). Тетя! Тетя МАРЛИН!

МАРЛИН. Я пойду.

ДЖОЙС. Иди.

МАРЛИН. Ну ладно.

ЭНДЖИ (*из другой комнаты*). Тетя! Ты меня слышишь?
Я готова.

МАРЛИН *уходит*.

ДЖОЙС *продолжает сидеть*.

МАРЛИН *возвращается*.

ДЖОЙС. И что у нее за секрет?

МАРЛИН. Это секрет.

ДЖОЙС. Да знаю я его.

МАРЛИН. Спорим, не знаешь. Ты всегда так говоришь.

ДЖОЙС. Это ее тетрадка.

МАРЛИН. Да, но что в ней, ты не знаешь.

ДЖОЙС. Это какая-то игра, у них с Кит, какое-то тайное общество.

МАРЛИН. Ты не знаешь пароль. Ты кода не знаешь.

ДЖОЙС. А ты, значит, полностью в курсе. И руку пожимать умеешь как надо.

МАРЛИН. Она ничего про это не говорила.

ДЖОЙС. По-моему, они как-то по-особому пожимают руки. Она часами сидит и пишет об этом, а в школе ничего не делает. Переписывает что-то из книжек по черной магии и про политиков из газет. Детский сад какой-то.

МАРЛИН. Наверное, это заговор, чтобы захватить мир.

ДЖОЙС. Последние два года она в классе для отстающих.

МАРЛИН. Я утром приехала, целый день была в Ипсвиче. У мамы.

ДЖОЙС. Она тебя узнала?

МАРЛИН. Это шутка такая?

ДЖОЙС. Да нет, просто она слегка не в себе.

МАРЛИН. Очень даже в себе, она совершенно вразумительная, спасибо.

ДЖОЙС. Считаю, тебе повезло.

МАРЛИН. Какую же поганую жизнь она прожила.

ДЖОЙС. Кому ты рассказываешь.

МАРЛИН. Что же это за жизнь была, твою мать.

ДЖОЙС. Не надо со мной об этом говорить.

МАРЛИН. Почему не надо? Почему мне нельзя с тобой говорить? / А мне она разве не мать?

ДЖОЙС. Послушай, ты уехала, ты тут не живешь, / мы можем без тебя обойтись.

МАРЛИН. Ну уехала я из дома, что из этого, ну уехала. Люди уезжают, / это нормально.

ДЖОЙС. Мы это понимаем и можем обойтись без тебя.

МАРЛИН. Разве мы были счастливы? Ты была счастлива?

ДЖОЙС. И нечего возвращаться.

МАРЛИН. Значит, это только твоя мать, это твой ребенок, ты всегда хотела, чтобы меня тут не было, / ты мне завидовала, потому что я была

ДЖОЙС. Начинается.

МАРЛИН. младшая, и я была умная.

ДЖОЙС. Если ты собралась разводить психологию, / то это без меня.

МАРЛИН. Почему я не могу навестить собственную семью / без всего без этого?*

ДЖОЙС. Ох. * Приехала раз в сто лет и начала тут рассуждать о маминной жизни. / Я к ней езжу каждую неделю. *

МАРЛИН. Не твое дело. * Не хочешь ездить каждую неделю, не езд.

ДЖОЙС. Кто-то же должен.

МАРЛИН. Нет, не должен. / С какой стати?

ДЖОЙС. Как же я буду себя чувствовать, если не буду ездить?

МАРЛИН. Гораздо лучше.

ДЖОЙС. Надеюсь, ты чувствуешь себя лучше.

МАРЛИН. Не твое дело.

ДЖОЙС. Ты просто спала и видела, как бы смыться отсюда.

МАРЛИН. Конечно, спала и видела, как бы смыться. А что мне тут было делать? Выйти за какого-нибудь сантехника, чтоб он каждый вечер напивался? / И не смей сука блядь сука

ДЖОЙС. О господи.

МАРЛИН. мне тут сука блядь советовать, что мне сука блядь делать.

ДЖОЙС. Как ты могла оставить собственного ребенка.

МАРЛИН. Зато ты ее сразу подхватила.

ДЖОЙС. Ты о чем?

МАРЛИН. Ты ее сразу подхватила.

ДЖОЙС. А что было делать? В приют отдать? Чтоб ее чужие люди забрали, / ты так бы хотела?

МАРЛИН. Своих детей иметь не могла, вот и взяла моего.

ДЖОЙС. Я тогда этого не знала.

МАРЛИН. Черта с два ты не знала, / три года уже была замужем.

ДЖОЙС. Не знала. У многих / и дольше не бывает.

МАРЛИН. То есть тебе повезло?

ДЖОЙС. На себя посмотри — это тебе повезло. Не видала б ты тогда своих тыщ,

МАРЛИН. Не факт.

ДЖОЙС. если б застряла здесь, — / сама говорила.

МАРЛИН. Я могла ее забрать с собой.

ДЖОЙС. Ты не хотела ее забирать с собой. Какой смысл приезжать сюда, / и говорить —

МАРЛИН. Я знаю директора компании, у которой двое детей, она кормит грудью в конференц-зале, одной только прислуге платит сто фунтов в неделю и может себе это позволить, потому что она очень крутая дама и зарабатывает кучу денег.

ДЖОЙС. И что общего между этой дамой и тобой в твои семнадцать лет?

МАРЛИН. Только потому, что ты была замужем и тебе было где жить —

ДЖОЙС. Ты могла жить дома. / Или со мной

МАРЛИН. Не говори чушь.

ДЖОЙС. и с Фрэнком. / Ты сказала, что не будешь ребенка воспитывать. Не надо

МАРЛИН. А ты мне хоть раз предложила?

ДЖОЙС. было заводить, / раз не собиралась воспитывать.

МАРЛИН. Пошло-поехало.

ДЖОЙС. Такая умная, и такую глупость сделала, / глупее не придумаешь, залетела, к врачу не пошла, никому ничего не сказала.

МАРЛИН. Ты этого хотела, сказала, что рада, я помню, как это было, ты сказала, я рада, что ты не избавилась от ребенка, я буду о нем заботиться, ты так сказала тогда у реки. А теперь, значит, солнце мое, выясняется, что она тебе не нужна.

ДЖОЙС. Да ничего я такого не говорю.

МАРЛИН. Потому что я ее заберу, / сейчас же разбужу и соберу чемодан.

ДЖОЙС. Ты не сможешь о ней заботиться, не будешь знать, как к ней подойти.

МАРЛИН. Она тебе не нужна?

ДЖОЙС. Конечно нужна, это мой РЕБЕНОК.

МАРЛИН. Ну и чего тогда ты спрашиваешь, / зачем я ее родила?

ДЖОЙС. Ты просила избавить тебя от нее, / когда ты не —

МАРЛИН. Я говорила, что тебе повезло, / что так —

ДЖОЙС. Если хочешь ребенка — рожай. Ты еще не старая.

МАРЛИН. Может, заведу.

ДЖОЙС. Прекрасно.

Пауза.

МАРЛИН. Я столько времени на таблетках, / что, может, уже и не рожу.

ДЖОЙС. Знаешь, когда Энджи было полгода, я действительно забеременела, но у меня был выкидыш, потому что я так уставала с твоим поганым ребенком, / она все время кричала — я тебе точно

МАРЛИН. Никогда не говорила.

ДЖОЙС. говорила, — / и доктор сказал, если б я все время сидела, положив

МАРЛИН. Да, я забыла.

ДЖОЙС. ноги повыше, я бы его сохранила / и что это был мой единственный шанс, потому что после этого —

МАРЛИН. У меня было два аборта, если тебе интересно. Хочешь, расскажу? Ладно, не буду, это скучно, не бог весть какая проблема. Терпеть не могу эти вонючие разговоры про то, сколько было крови / и как нам

ДЖОЙС. Это все из-за того, что я нянчила твоего ребенка. Доктор сказал.

МАРЛИН. девушкам было плохо. Не хочу я ребенка. Не хочу говорить про гинекологию.

ДЖОЙС. Тогда прекрати. Не смей забирать у меня Энджи.

МАРЛИН. Я приехала через шесть лет. Весь вечер ты говоришь, что я редко бываю. Если я не буду приезжать еще шесть лет, ей будет двадцать один. Нормально?

ДЖОЙС. Шесть лет — нормально, я не против.

Пауза.

МАРЛИН. Я боюсь. Я приехала только потому, что думала, ты хочешь... Я просто хочу...

МАРЛИН *плачет.*

ДЖОЙС. МАРЛИН, не хнычь, пожалуйста, ради бога. Мэрли? Ну ладно, киска. Я ведь тебя люблю. Да прекрати ты, твою мать.

МАРЛИН. Нет, дай поплакать. Мне нравится.

Они смеются, МАРЛИН постепенно перестает плакать.

Я знала, что надо поосторожней, а то заплачу.

ДЖОЙС. В этом доме всегда все плачут. Никто уже не обращает внимания.

МАРЛИН. Ты потрясающе заботишься об Энджи.

ДЖОЙС. Не увлекайся.

МАРЛИН. Письма писать не умею, зато думаю о тебе, правда.

ДЖОЙС. Ты уже пьяная. Пойду чаю сделаю.

МАРЛИН. Я тебя обожаю.

ДЖОЙС встает, чтобы делать чай.

ДЖОЙС. Понятно, почему отсюда уехать хочется. Здесь тоска.

МАРЛИН. Так что у вас с Фрэнком случилось?

ДЖОЙС. Он ведь всегда погуливал, да ведь? Зато если вечером я куда-нибудь собиралась, он психовал, неважно, куда я шла, даже если в вечернюю школу, я хотела поступить в вечернюю школу. В общем, он завел себе девушку, дура полная, ей всего двадцать один, и я сказала, все, давай вали отсюда, проваливай. Мне кажется, она ему даже не нравилась.

МАРЛИН. А как насчет денег?

ДЖОЙС. Я всегда говорила, мне твои деньги не нужны.

МАРЛИН. Нет, он тебе деньги посылает?

ДЖОЙС. Я работаю уборщицей в четырех местах. По-немногу набегает. Тут с работой не очень.

МАРЛИН. Энджи скучает без него?

ДЖОЙС. Она молчит.

МАРЛИН. Они видятся?

ДЖОЙС. Если честно, особого восторга она у него никогда не вызывала.

МАРЛИН. Однажды он пытался меня поцеловать. Когда вы были помолвлены.

ДЖОЙС. Он тебе нравился?

МАРЛИН. Нет, на рыбу похож.

ДЖОЙС. Он тогда был прелестный.

МАРЛИН. Бр-р-р!

ДЖОЙС. А мне он нравился. Первые года три.

МАРЛИН. У тебя есть кто-нибудь?

ДЖОЙС. Выбирать тут особо не из кого. Но что интересно, стоит только остаться одной, мужья подруг тут же начинают заглядывать. Я уж лучше без этого обойдусь.

МАРЛИН. Не понимаю, почему ты не хочешь у меня деньги брать.

ДЖОЙС. Просто не хочу, не переживай.

МАРЛИН. Мое дело спросить.

ДЖОЙС. А как у тебя дела? Работа хорошая?

МАРЛИН. Забавная. / Вернулась из Штатов, .

ДЖОЙС. Наверное, не просто забавная.

МАРЛИН. подустала, попала в это кадровое агентство и по-прежнему там.

ДЖОЙС. Значит, ты всегда можешь найти себе работу.

МАРЛИН. Это правда, могу.

ДЖОЙС. А мужики?

МАРЛИН. А мужики всегда найдутся.

ДЖОЙС. А так, чтобы всерьез?

МАРЛИН. Некоторым мужикам нравится, чтобы их видели с крутыми дамами. Это значит, что в штанах у них действительно что-то стоящее. Но быть каждый день вместе — это они не могут. Все ждут, что я стану маленькой милой женщиной. Хотя, конечно, может, это я такая ужасная.

ДЖОЙС. Да кому они нужны?

МАРЛИН. Как — кому? Мне, например. Но еще больше мне нужны приключения. Поэтому вперед и только вперед. Я думаю, восьмидесятые будут грандиозной эпохой.

ДЖОЙС. Для кого?

МАРЛИН. Для меня. / Я, кажется, на взлете.

ДЖОЙС. Ах, для тебя. Тогда, конечно.

МАРЛИН. Если на то пошло, то и для страны тоже. Экономика встанет на ноги и — у-у-х-х!. / Мэгги дама серьезная³. Я бы ее взяла на работу. / Только бы она продержалась подольше. Нам в этой стране

ДЖОЙС. Ты, конечно, голосовала за них?

МАРЛИН. надо прекратить ныть. / Монетаризм — это совсем не так глупо.

ДЖОЙС. Пей чай и заткнись, киска.

МАРЛИН. Для этого нужно время и воля. Хватит хныкать. / И

ДЖОЙС. А, по-моему, они последние сволочи.

МАРЛИН. кто, оказывается, стоит у руля? Первая женщина премьер-министр. Потрясающе. Блеск. Молодец. / Разве не так? За кого ж мне еще голосовать?

³ Маргарет Тэтчер (примеч. пер.).

ДЖОЙС. Ну и что тут хорошего, если первая женщина — это она? Тебе, я думаю, и Гитлер бы понравился, если бы он был женщиной. Мадам Гитлер. Гитлерина. Великие дела. / Большие риски.

МАРЛИН. Большие боссы по-прежнему угнетают трудовой народ? Все еще за папочкой повторяешь? А своей головой думать так и не научилась. А я верю, что все зависит от человека. Вот смотри, я, например.

ДЖОЙС. Смотрю.

МАРЛИН. Ну, ладно, Джойс, мы же не будем ссориться из-за политики.

ДЖОЙС. Но ведь ссоримся.

МАРЛИН. Давай забудем. Я молчу. Ни слова о политике не слетит с моих уст.

Пауза.

ДЖОЙС. Говоришь, мама прожила ужасную жизнь?

МАРЛИН. Говорю. Вышла за этого козла.

ДЖОЙС. А у него какая жизнь была? / Вкалывал в поле

МАРЛИН. Бурная?

ДЖОЙС. как последняя скотина. / Запьешь, конечно.

МАРЛИН. Да брось ты.

ДЖОЙС. Ты вот любишь выпить. У него на твои виски денег не было.

МАРЛИН. Не хочу о нем говорить.

ДЖОЙС. Это ты начала, я говорила про маму. У нее была поганая жизнь, потому что ничего у нее не было. Она голодала.

МАРЛИН. Голодала, потому что он все пропивал. / Бил ее.

ДЖОЙС. Не он один виноват. / Жизнь у них была дерьмовая, и обращались

МАРЛИН. Она-то его не била.

ДЖОЙС. с ними, как с дерьмом. Он умер, скоро она умрет, и что за жизнь / они прожили?

МАРЛИН. Я видела как-то раз. Ночью спустилась вниз.

ДЖОЙС. Думаешь, я не видела? / Они-то не были в Америке и

МАРЛИН. Мне это до сих пор снится.

ДЖОЙС. не катались по всей стране на быстроходных машинах. / Кошмары ей снятся. А у них вся жизнь была кошмаром.

МАРЛИН. Америка, Америка, хватит завидовать. / Я должна была вырваться,

ДЖОЙС. Завидовать?

МАРЛИН. я знала, с тринадцати лет знала, надо отсюда вырваться, вон отсюда, вон от них, вон из их дома, такого со мной не будет, / я ему не позволю, я все сделаю по-своему, вон.

ДЖОЙС. Завидовать? Завидовать тому, что ты сделала, тебе б стыдно было, если б я пришла к тебе в офис, к друзьям твоим шикарным пришла, это мне за тебя стыдно, ни о ком не думаешь, кроме себя, ты-то хорошо живешь, а для большинства людей ничего / не изменилось.

МАРЛИН. Ненавижу рабочий класс, / ты же про него талдычишь,

ДЖОЙС. Конечно, ненавидишь.

МАРЛИН. ...его больше не существует, рабочий класс — это ленивые и тупые. / Мне не нравится, как они говорят. Мне не

ДЖОЙС. Ну все, пошло-поехало.

МАРЛИН. нравится пивной перегар, не нравится блевотина, которой несет от футбольных болельщиков, не нравятся их бабы сисястые / и братья и сестры

ДЖОЙС. Когда я вижу ролс-ройс, я на него плюю, кольцом его царапаю, / нет, это был мерседес.

МАРЛИН. Да, зрелый поступок.

ДЖОЙС. Коровы, на которых я работаю, ненавижу их, / и тарелки их грязные с телятиной под белым, блять, соусом.

МАРЛИН. и никакие их активисты не заставят меня снизойти до их уровня, и в Сибирь меня не сошлют, / и в психушку не запрут

ДЖОЙС. Нет, ты будешь на яхте плавать, ты будешь главой Кока-Колы, восьмидесятые будут грандиозной эпохой, это точно, потому что мы, наконец, скинем вас, захребетников —

МАРЛИН. только потому, что я ни на кого не похожа. И пусть Рейган кинозвезда вшивая, все равно я его поддерживаю, потому что красные лезут со всех сторон, а я хочу жить свободно в свободном мире —

ДЖОЙС. Чего? / Чего?

МАРЛИН. Я знаю, чего, / и не затыкай мне рот.

ДЖОЙС. Только когда это случится, постарайся оказаться подальше, потому что, если тебя будут бить, я буду только смеяться.

Молчание.

МАРЛИН. Я не хотела переходить на личности. Не верю я ни в какие классы. Любой человек может сделать все что угодно, если только он на это способен.

ДЖОЙС. А если нет?

МАРЛИН. Если он глупый или ленивый, или боится, я не буду помогать ему найти работу, с какой стати?

ДЖОЙС. А как же Энджи?

МАРЛИН. А что Энджи?

ДЖОЙС. Она глупая, ленивая и боится, как же она?

МАРЛИН. Ты на нее слишком давишь. Все у нее будет нормально.

ДЖОЙС. Я на это не надеюсь, нет. Наверное, ее дети будут говорить, ну и поганая у нее была жизнь. Если у нее будут дети. Потому что ничего не изменилось и не изменится, пока они у руля.

МАРЛИН. Они, они. / Они и мы?

ДЖОЙС. И ты — одна из них.

МАРЛИН. А ты — это мы, прекрасные мы, и Энджи — мы, / и мама с папой — мы.

ДЖОЙС. Да, это так, а ты — это они.

МАРЛИН. Ну ладно, Джойс, перестань. Ну и ночь. Ты-то способная, ты могла бы.

ДЖОЙС. Я знаю.

МАРЛИН. На самом деле я не хотела тебя обидеть.

ДЖОЙС. А я хотела.

МАРЛИН. Но мы же все равно друзья.

ДЖОЙС. Вряд ли.

МАРЛИН. Как хорошо за городом. Действительно, надо постараться приезжать почаще. Я хочу спать. Я хочу спать.

ДЖОЙС приносит одеяла, кладет на диван.

ДЖОЙС. Спокойной ночи. Надеюсь, ты не замерзнешь.

МАРЛИН. Спокойной ночи. Джойс —

ДЖОЙС. Нет, дорогая. Извини.

ДЖОЙС уходит.

*МАРЛИН сидит, закутавшись в одеяло, и пьет виски.
Входит ЭНДЖИ.*

ЭНДЖИ. Мам?

МАРЛИН. Энджи? Что случилось?

ЭНДЖИ. Мам?

МАРЛИН. Она пошла спать. Это я, тетя Марлин.

ЭНДЖИ. Мне страшно.

МАРЛИН. Ты страшный сон видела? Что тебе приснилось? Ну теперь же ты совсем проснулась, правда, киска?

ЭНДЖИ. Мне страшно.

Марина Карр

ПОРЦИЯ КОХЛАН

Перевод Надежды Гайдаш и Ольги Кандыриной
Copyright © 1996 Marina Carr

«Порция Кохлан» написана по заказу Государственного
родильного дома в Дублине

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПОРЦИЯ КОХЛАН,	тридцать лет.
ГАБРИЭЛЬ СКАЛЛИ,	пятнадцать лет, брат-близнец Порции, призрак.
РАФАЭЛЬ КОХЛАН,	тридцать пять лет, муж Порции, хромой.
МЭРИЭНН СКАЛЛИ,	за пятьдесят, мать Порции.
СЛАЙ СКАЛЛИ,	за пятьдесят, отец Порции.
МЭГГИ МЭЙ ДОРЛИ,	за пятьдесят, тетка Порции, сес- тра Мэриэнн.
СЕНШИЛ ДОРЛИ,	за пятьдесят, муж Мэгги Мэй.
БЛЭЙЗ СКАЛЛИ,	восемьдесят лет, бабка Порции.
СТЭЙСИ ДОЙЛ,	Циклопша из Кулинани, трид- цать лет, подруга Порции.
ДЭЙМАС ХЭЛИОН,	за тридцать, любовник Порции.
ФИНТАН ГУЛАН,	за тридцать, бармен в «Густом тростнике».

ВРЕМЯ И МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

Наше время. Действие происходит в Белмонт-Велли в
Центральной Ирландии. На сцене должны одновременно
находиться три разных места: гостиная дома Порции Кох-
лан, берег реки Белмонт и бар «Густой тростник».

АКТ ПЕРВЫЙ

Сцена первая

На сцене два световых пятна. Один прожектор направлен на ПОРЦИЮ КОХЛАН, которая находится в своей гостиной. На ней ночная рубашка и трикотажная кофта. Она босиком, растрепана, стоит посреди комнаты с рюмкой в руке и смотрит в пустоту. Окна зашторены. Другой прожектор направлен на ГАБРИЭЛЯ СКАЛЛИ, ее умершего брата-близнеца, который стоит на берегу реки Белмонт и поет. Станным образом, они бессознательно копируют позу и движения друг друга. ПОРЦИЯ стоит с потерянным видом, пьет и с тоской слушает голос ГАБРИЭЛЯ.

Присрамывая, входит РАФАЭЛЬ КОХЛАН, муж ПОРЦИИ. Она не замечает его, он стоит и наблюдает за ней. В руках у него ключи от машины и мобильный телефон. Как только он начинает говорить, голос ГАБРИЭЛЯ стихает. Свет перемещается на РАФАЭЛЯ.

РАФАЭЛЬ. Твою мать.

ПОРЦИЯ *поворачивается, смотрит на него, снова отворачивается и отпивает из бокала.*

Десять часов утра — и уже набираешься!

ПОРЦИЯ. Думала, ты на работу поехал.

РАФАЭЛЬ. Я и поехал.

ПОРЦИЯ. И вернулся, чтоб за мной шпионить.

РАФАЭЛЬ. Да нет.

Он берет бутылку бренди, смотрит, сколько осталось, переводит взгляд на ПОРЦИЮ.

А на кухне посуда, она уже неделю воды не видела, если не больше.

ПОРЦИЯ. И что?

РАФАЭЛЬ. А дети, надеюсь, ты их не возила в школу в таком виде?

ПОРЦИЯ. Их Стэйси отвезла.

РАФАЭЛЬ. Они хоть завтракали?

ПОРЦИЯ. Естественно, завтракали, ты за кого меня держишь?!

РАФАЭЛЬ. Да я просто спросил.

ПОРЦИЯ. А ты не спрашивай! Сам с ними возись, если они тебя так волнуют.

РАФАЭЛЬ. Ага, а ты пойдешь деньги зарабатывать.

ПОРЦИЯ. Да если ты больше ни пенса не заработаешь, мы этого даже не заметим. Чаю?

РАФАЭЛЬ. Не надо.

ПОРЦИЯ. На фабрике дела?

РАФАЭЛЬ. Ага.

ПОРЦИЯ. А у меня сегодня день рождения.

РАФАЭЛЬ. Да ну?

ПОРЦИЯ. Тридцатник — полжизни позади.

РАФАЭЛЬ. Сердце кровью обливается.

ПОРЦИЯ. Выпей со мной — за день рождения.

РАФАЭЛЬ. Совсем с ума сошла, пить в такую рань.

ПОРЦИЯ *демонстративно наливает себе еще.*

ПОРЦИЯ. Твое здоровье!

РАФАЭЛЬ *вынимает из кармана коробочку и бросает ей.*

РАФАЭЛЬ. Я вот зачем вернулся. С днем рождения, Порция.

ПОРЦИЯ. Думала, ты забыл.

РАФАЭЛЬ. Неужели?

ПОРЦИЯ *раскрывает коробочку — там вульгарный бриллиантовый браслет. Она несколько смущена его блеском. У нее вкус не в пример тоньше.*

ПОРЦИЯ. Бриллианты.

РАФАЭЛЬ. Почему бы и нет?

ПОРЦИЯ. Спасибо, Рафаэль, очень красиво.

Стоит и смотрит на браслет.

РАФАЭЛЬ. Порция!

ПОРЦИЯ. А?

РАФАЭЛЬ. Да что с тобой?

ПОРЦИЯ. Ничего.

РАФАЭЛЬ. Ничего... Ладно, тогда я поехал. Убери, чтоб не валялся, — все-таки в пять штук мне обошелся.

РАФАЭЛЬ *выходит. Снова звучит голос ГАБРИЭЛЯ. ПОРЦИЯ слушает его с минуту, потом ставит CD-диск, чтобы заглушить голос. Голос ГАБРИЭЛЯ стихает. ПОРЦИЯ выходит.*

Сцена вторая

Входит МЭГГИ МЭЙ ДОРЛИ, пожилая проститутка. На ней черная мини-юбка, черные колготки, белые туфли на шпильках, вызывающая блузка и много дешевой бижутерии. Она несет большой сверток, во рту у нее сигарета. За ней входит СЕНШИЛ ДОРЛИ, ее муж. Он вдвое ниже ее, щуплый, суетливый, милый.

СЕНШИЛ (*спешит за ней, пританцовывая*). Киска, дай я понесу!

МЭГГИ (*не вынимая сигареты*). Ничего, котик. Донесу. Тебе же врач говорил — береги сердце. (*Кричит.*) Порция!

СЕНШИЛ. Ты уверена, киска?

МЭГГИ. Ясное дело, котик.

СЕНШИЛ (*кивает на сверток*). Все, ставь здесь, киска.

МЭГГИ. Да все нормально, котик. Порция!

СЕНШИЛ. Не сорви голос, киска.

МЭГГИ. Порядок, котик. Вынь сигарету у меня изо рта, дым в глаза лезет.

СЕНШИЛ (*вынимает сигарету у нее изо рта*). Затянешься еще, киска, или выкинуть?

МЭГГИ. Ага. (*Он дает ей затянуться.*) Может, она ушла?

СЕНШИЛ. Но машина-то ее около дома. Присядь, киска, у тебя же варикоз, не стоит тебе шпильки носить, сколько раз я тебе говорил, киска.

МЭГГИ. Порция!

ПОРЦИЯ (*за сценой*). Что?

СЕНШИЛ. Она дома, киска!

МЭГГИ. Это твоя старая тетка!

ПОРЦИЯ. Минутку, я сейчас.

МЭГГИ. Прикури-ка нам сигаретку, Сеншил.

СЕНШИЛ (*суетливо прикуривает*). Ты слишком много куришь, Мэгги Мэй, и ты уже пять лет не проверяла легкие.

МЭГГИ. Проверю, котик, проверю.

СЕНШИЛ. Когда?

МЭГГИ. Скоро.

СЕНШИЛ. Мне уже надоело записывать тебя к врачу, Мэгги Мэй.

МЭГГИ. Конечно, котик, еще бы не надоело.

СЕНШИЛ. Ну как ты не понимаешь, я не позволю садиться мне на шею, Мэгги Мэй.

МЭГГИ (*не слушает*). Знаю, котик.

СЕНШИЛ. Какой мне от тебя от мертвой толк, Мэгги Мэй, в этом все дело.

МЭГГИ. Да я вроде еще жива, Сеншил, жива еще.

Входит ПОРЦИЯ в юбке, свитере и сандалиях. В Акте первом и Акте третьем она одета одинаково.

Наконец-то.

ПОРЦИЯ (*целует МЭГГИ МЭЙ*). Как дела, Сеншил?

СЕНШИЛ. Замечательно, спасибо, а у тебя, Порция? Чудесный день, чудесный, чудесный, в такой день пускать быка к телкам, барана к овцам...

МЭГГИ(*оборачивается к нему*). Был бы тут хоть один бык... Порция, с днем рождения. (*Протягивает сверток.*)

ПОРЦИЯ. Ой, не стоило, Мэгги Мэй.

МЭГГИ. Крестница все-таки, да, Сеншил?

СЕНШИЛ. Да, киска.

ПОРЦИЯ. А что это?

МЭГГИ. Разверни и посмотри.

ПОРЦИЯ *освобождает от обертки метрового коня из белого фаянса, стоящего на задних ногах.*

ПОРЦИЯ(*смеется*). Боже мой, вот сяду на него и ускачу куда глаза глядят.

МЭГГИ. Об этом я и подумала, когда его увидела.

СЕНШИЛ. В магазине садовых принадлежностей купили.

ПОРЦИЯ. Он мне нравится, Мэгги Мэй. Ты ужасно добрая.

МЭГГИ. Мы с Сеншилом на него скинулись.

СЕНШИЛ. Заварить чаю, киска?

МЭГГИ. Завари себе, котик. А я выпью бренди, если Порция предложит.

ПОРЦИЯ. Конечно.

СЕНШИЛ(*вынимает из кармана пачку диетического печенья, предлагает всем*). Хочешь, Порция?

ПОРЦИЯ. Нет, Сеншил.

МЭГГИ. Спасибо, в другой раз, котик.

СЕНШИЛ. Ты ведь не против, что я со своим печеньем, Порция?

МЭГГИ. Да с чего бы ей быть против, котик? Как будто Порция не знает, что у тебя сердце ни к черту.

СЕНШИЛ. Понимаешь, стоит мне съесть хоть одну шоколадную печеньюшку, стоит хоть одной капле шокола-

да превратиться в сгусток, и этот сгусток ка-ак попадет мне прямо в сердце... (*Многозначительная пауза.*) И я труп.

МЭГГИ. Кушай, кушай свое печенье, Сеншил, вот что я тебе скажу.

СЕНШИЛ. Хорошо, хорошо, киска.

СЕНШИЛ *уходит.*

МЭГГИ. Чего-то у тебя настроение ни к черту, Порция.

ПОРЦИЯ (*нет*). Правда?

МЭГГИ. У тебя все-таки день рождения.

ПОРЦИЯ. А-а.

МЭГГИ. Рафаэль нормально с тобой обращается?

ПОРЦИЯ. Угу.

МЭГГИ. Это хорошо. А как дети?

ПОРЦИЯ. Да они уже почти взрослые, Джейсону в декабре двенадцать, Питеру — десять, да и Квинтин в школу пошел. Слишком рано я их завела, замуж-то вышла в семнадцать. Как меня угораздило?

МЭГГИ. Знаю, киска.

ПОРЦИЯ. А я помню, ты ведь мне говорила и вообще.

МЭГГИ. Меня же никто никогда не слушает, кроме Сеншила, и ты посмотри, на кого он похож. А может, оно и к лучшему, ты замужем за богатым человеком, у тебя красивый дом, красивая одежда и все такое...

ПОРЦИЯ. Да я же собиралась в колледж, поступила уже, а папа говорит — нет, выходи за Рафаэля.

МЭГГИ. Никогда не любила старика Слая, да простит мне Бог, что я так говорю о твоём отце.

ПОРЦИЯ. Плевала я на него.

МЭГГИ. И мать твою против меня настроил.

ПОРЦИЯ. Да, мать всегда забитая была.

МЭГГИ. Не всегда. Мы с ней раньше такое вытворяли — город на ушах стоял. А потом твой папаша с его матерью выбили из нее все хорошее, что в ней было, ну и потеря сына, конечно.

ПОРЦИЯ. Да.

Входит СЕНШИЛ.

МЭГГИ. Ну что, попил чаю, котик?

СЕНШИЛ. Да, киска. Хочешь, я посуду помою, Порция?

ПОРЦИЯ. Что? (*Снова звучит голос ГАБРИЭЛЯ и отвлекает ее.*)

СЕНШИЛ. Посуду, говорю, помою.

ПОРЦИЯ. Ой, нет, Сеншил, спасибо, не надо.

МЭГГИ. Сеншил виртуозно моет посуду.

СЕНШИЛ. Обожаю смотреть в окно на бархатцы Мэгги Мэй и мыть тарелки, правда, киска?

МЭГГИ. Да, котик.

ПОРЦИЯ. Такая погода, а я сижу тут, как приклеенная! Мэгги Мэй, мне надо развеяться.

МЭГГИ. Поехали с нами в город.

СЕНШИЛ. Да, поехали.

ПОРЦИЯ. Да нет, я пойду пройдуся, закройте за собой.

ПОРЦИЯ *выходит.*

СЕНШИЛ. Пока, киска.

МЭГГИ. Странная она какая-то.

СЕНШИЛ. Такая одинокая, правда, Мэгги Мэй?

МЭГГИ. Да уж.

СЕНШИЛ. Надеюсь, если тебе когда-нибудь станет одиноко и жутко тоскливо, у тебя хватит совести сказать мне.

МЭГГИ. Ну конечно, котик.

СЕНШИЛ. Ты у меня тут же развеселишься.

МЭГГИ. Разумеется, котик. Ну что, пойдём, или я еще выпью?

СЕНШИЛ. Киска, еще так рано!

МЭГГИ. Только не надо опять этих лекций о вреде пьянства, котик! Терпеть не могу.

СЕНШИЛ. Молчу, киска. Я-то молчу, но учти, тебе это вредно, бренди на завтрак, я стараюсь, завтрак готовлю, а ты хоть что-нибудь съела? Ни кусочка! Приходится все кошке отдавать!

МЭГГИ. Все, все, котик, заткнись!

МЭГГИ *направляется к выходу.*

СЕНШИЛ. Мэгги Мэй, веди себя прилично!

Сцена третья

Берег реки Белмонт. Входит ДЭЙМАС ХЭЛИОН, смуглый красавец, он собирает букет фиалок. Входит ПОРЦИЯ.

ДЭЙМАС (*целует ее, вплетает ей в волосы фиалку*).
Моей девочке в день рожденья! (*Отдает ПОРЦИИ цветы, делает шаг назад и любит.*) Ты скоро станешь старой мымрой, Порция Кохлан.

ПОРЦИЯ. Я смотрю, тебя это совершенно не пугает.

ДЭЙМАС. Что ты так долго?

ПОРЦИЯ (*садится на берегу*). Гости.

ДЭЙМАС. А я тут сижу и думаю: либо она опять меня бросила, либо Одноногий все-таки пронюхал.

ПОРЦИЯ. Сколько раз тебе говорить, не зови его Одноногим, терпеть этого не могу, он же не виноват, что ему ступню отрезало.

ДЭЙМАС. Говорят, он нарочно, чтоб ему страховку дали.

ПОРЦИЯ. Да вранье это все! Какой дурак отрежет себе ногу ради нескольких фунтов?!

ДЭЙМАС. За полмиллиона — да кто угодно. Как трогательно, что ты так защищаешь своего мужа. Надо же, какие мы сентиментальные. Кохлан, если б ты была моя баба

и говорила обо мне, как об этой пародии на мужика, да я б тебе просто голову откусил и съел на ужин.

ПОРЦИЯ. Только я не твоя, Дэймас Хэлион. Я ничья.

ДЭЙМАС. Даже сейчас?

ПОРЦИЯ. Дай сигарету. *(Он прикуривает ей сигарету, Порция ложится на брег и затягивается.)* Красиво здесь.

ДЭЙМАС *(страстно ее целует)*. Пойдем в сарай.

ПОРЦИЯ. Погоди.

ДЭЙМАС. Мне через час обратно.

ПОРЦИЯ. Ну и иди, если торопишься.

ДЭЙМАС. Ну, начинается...

ПОРЦИЯ. Дэймас, ради бога, неужели нельзя просто поговорить? Или не о чем? Мы что, только и можем, что в САРАе пыхтеть?

ДЭЙМАС. Да вы сами на меня вешались, миссис Кохлан, а теперь поговорить захотелось?

ПОРЦИЯ. Что-то не припомню, чтобы в последнее время я на тебя вешалась.

ДЭЙМАС. Да ну? А че ты тогда сюда приходишь?

ПОРЦИЯ. Прихожу, потому что всегда сюда приходила. Наверное, буду приходить и когда меня не станет. Стану призраком, буду тут лежать, курить призрачные сигареты и смотреть, как вы без толку проживаете свою жизнь.

ДЭЙМАС. Такая же долбанутая, как и твой брат.

ПОРЦИЯ. А ты такой же тупой, как все остальные. Думала, выгашу тебя из болота, а ты вон, все барахтаешься.

ДЭЙМАС. Как будто сама не из того же болота! Тетка у тебя блядь, а папаша напоил старого Тима Лэйна и захапал его землю.

ПОРЦИЯ. Он эту землю честно купил.

ДЭЙМАС. Ага, старый Тим Лэйн под столом валялся, когда бумаги подписывал. Так бы он ее и продал трезвый, как же.

ПОРЦИЯ. Закрой свой грязный рот. Тебе-то откуда знать.

ДЭЙМАС. Но самая большая зараза — это ты, Порция Кохлан, всегда такая была. Собиралась замуж за меня — так нет, меня тебе мало было, тебе Рафаэля Кохлана подавай. А че — у него и машина крутая, и фабрика, и фунты вместо глаз.

ПОРЦИЯ. Давай, давай, выговорись, может, легче станет. Господи, что ты разнылся, твою мать!

ДЭЙМАС. На себя посмотри — прямо сияешь от счастья!

ПОРЦИЯ. Ты прав, я несчастная, я очень давно несчастная.

ДЭЙМАС. Ну так пойдем в сарай, время еще есть.

ПОРЦИЯ. Мне пора.

ДЭЙМАС. До завтра?

ПОРЦИЯ. Если будет настроение.

Бросает фиалки в реку.

ДЭЙМАС. Я вообще не понимаю, чего ты от меня хочешь!

ПОРЦИЯ (*направляясь к выходу*). Я тоже.

ДЭЙМАС. Сука!

Уходит.

Сцена четвертая

Бар «Густой тростник». Входят СТЭЙСИ-ЦИКЛОПША ИЗ КУЛИНАНИ и ПОРЦИЯ. Садятся у стойки.

СТЭЙСИ. А Квинтин орал как резаный, когда в школу ехали, пришлось его из машины насильно вытаскивать.

ПОРЦИЯ (*почти не слушая*). Квинтин совсем неуправляемый.

СТЭЙСИ. Порция, он же еще маленький, будь с ним поласковее.

Входит ФИНТАН, бармен. На нем ковбойские сапоги со шпорами, побрякушки.

ФИНТАН. Дамы, в этот знойный летний день вы просто обворожительны.

СТЭЙСИ. У Порции сегодня день рождения.

ПОРЦИЯ. Это повод меня поцеловать. (*Подставляет щеку.*)

ФИНТАН. Нужна мне твоя щека. Щечки — это для бабушек и старых теток. Я целую женщин только в губы. Или целую им ноги.

СТЭЙСИ. Нет, ты слышала? Вот наглый!

ПОРЦИЯ (*протягивает ногу*). Ноги, значит, ноги, а губы для Рафаэля, помоги ему, Господи. (*ФИНТАН целует ей ногу.*) Так, все, хватит-хватит, а то проглотишь.

ФИНТАН. Ничего, я еще и не такое глотал.

СТЭЙСИ. Финтан, мне бутылку сидра. Порция, ты что будешь?

ПОРЦИЯ. Как всегда.

ФИНТАН. Бренди с содовой, сейчас принесу.

СТЭЙСИ. Такой наглый, да? Как тебе моя новая повязка на глаз?

ПОРЦИЯ. Тебе идет.

СТЭЙСИ. Свиная кожа. Я купила сразу четыре штуки: одна — синяя, вторая — зеленая, третья — желтая и еще черная, для церкви и похорон. Из Англии заказывала.

ПОРЦИЯ. Не знаю, Стэйси, думаю, если бы мне глаз выкололи, я бы вообще никакую повязку не носила.

СТЭЙСИ. Ну Порция, нет, так можно детей перепугать, они и без того меня стесняются.

ПОРЦИЯ. Ну и дураки.

Входит ФИНТАН с напитками.

ФИНТАН. Дамы, это за счет заведения, маленький подарок на день рождения, кстати, а сколько тебе?

СТЭЙСИ. Ты прекрасно знаешь. Вы же учились в одной школе, у мисс Салливан, ты был на класс младше. Просто языком мелешь, только бы поглазеть на нее.

ФИНТАН. Удивительное дело, Стэйси Дойл, ты стала такая наблюдательная, с тех пор как у тебя глаза нет.

СТЭЙСИ. Все равно я тебя насквозь вижу, Финтан Гулан. Тебе что, больше делать нечего, кроме как клеиться к замужним женщинам?

ФИНТАН. К тебе это не имеет отношения, Стэйси Дойл. И, к твоему сведению, сучка не захочет — кобель не вскочит.

Смотрит на ПОРЦИЮ, выходит.

СТЭЙСИ. Держись от него подальше. Плохо это все кончится. Плохо.

ПОРЦИЯ. Да он нас просто достает. Не обращай внимания.

СТЭЙСИ. А я тебе говорю, он тебя в койку затащит и всем сообщит об этом. В том году моя сестра двоюродная от него залетела, а он уперся и все отрицал, засранец. Не нравится он мне.

ПОРЦИЯ. Ну его. Твое здоровье. *(Льет.)*

СТЭЙСИ. Пойдете с Рафаэлем отмечать вечером?

ПОРЦИЯ. Отмечать? Мы с Рафаэлем? Не представляю.

СТЭЙСИ. Неужели даже в ресторан не пойдете?

ПОРЦИЯ. Да нет, у нас это все в прошлом. По крайней мере у меня.

СТЭЙСИ. Боже, а мы с Джастином все время куда-нибудь ходим. Порция, вам надо уделять друг другу больше времени.

ПОРЦИЯ. И о чем вы разговариваете, ты и Джастин, когда уделяете друг другу время?

СТЭЙСИ. Что значит «о чем»?

ПОРЦИЯ. Какая разница, — в ресторане через свечку друг на друга смотреть или дома в креслах?

СТЭЙСИ. Конечно есть.

ПОРЦИЯ. Тогда объясни, в чем.

СТЭЙСИ. Ну даже не знаю, могу ли я это объяснить.

ПОРЦИЯ. Смотрю я в последнее время на Рафаэля... Сидит он напротив меня в кресле: всегда усталый, большая нога на пуфике, проверяет что-то в конторских книгах, весь в себе... Мне кажется, что лучше умереть, чем так сидеть, — до того нам весело вместе. Дети спят, дом скрипит, как гроб, — дверьми, половицами. Иногда мне становится нечем дышать.

СТЭЙСИ. Порция, надо что-то с этим делать. Тебе надо уехать из этого дома, подальше от реки. Пусть он тебя куда-нибудь свозит, что ли. Когда ты в последний раз куда-нибудь ездила?

ПОРЦИЯ. Никогда я никуда не ездила.

СТЭЙСИ. А ведь правда, никогда. Порция, но это же просто кошмар какой-то!

ПОРЦИЯ. Не хочу я никуда ехать. По-моему, я и ночи не проживу, если уеду из Белмонт-Вэлли.

СТЭЙСИ. Не выдумывай, все ты перенесешь, тебе даже понравится.

ПОРЦИЯ. Конечно, я выдержу то, что обычно называется отдыхом. Но думать я буду только о реке Белмонт, какая она, бурная или спокойная, сыро или сухо на берегу, пошел ли лосось на нерест, мечут ли икру лягушки в камышах, прилетела ли цапля... Обо всем, о чем шумит река.

СТЭЙСИ. Да, я знаю, знаю, Порция.

ПОРЦИЯ *(допивает до дна)*. Еще по одной?

СТЭЙСИ. Нет, уроки скоро закончатся, дети будут ждать. Я только в туалет зайду.

СТЭЙСИ *выходит, едва слышно звучит голос* ГАБРИЭЛЯ. *Входит* ФИНТАН.

ФИНТАН. Могла бы найти компанию и получше, чем Циклопша из Кулинани.

ПОРЦИЯ. Не смей ее так при мне называть. А если хочешь меня трахнуть, Финтан Гулан, то скажи прямо, как мужик, а то суетишься тут, кудахчешь как курица.

ФИНТАН. Много о себе думаешь, да?

ПОРЦИЯ. Я же вижу, как ты на меня каждый раз смотришь.

ФИНТАН. Неужели?

ПОРЦИЯ. Сам знаешь, ковбой.

ФИНТАН. Ну тогда я свободен сегодня вечером.

ПОРЦИЯ. Еще бы ты не был свободен. В семь. У реки.

ФИНТАН. Свою тебя в ресторан.

ПОРЦИЯ. Поужинать я и дома могу. Вот трахну тебя, и посмотрим, чего ты стоишь без этих твоих ковбойских понтов и слащавых разговоров.

ПОРЦИЯ выходит. СТЭЙСИ возвращается за сумочкой, слышит последние слова ПОРЦИИ.

СТЭЙСИ. Сукин сын, все ищешь, куда засунуть? (*Сдергивает повязку.*) Ну давай! Что, слабо, Гулан?!

СТЭЙСИ выходит.

ФИНТАН. О господи, мама дорогая!

Выходит.

Сцена пятая

Входит ГАБРИЭЛЬ СКАЛЛИ. Бродит вдоль реки Белмонт и поет. Это должно выглядеть призрачно. ПОРЦИЯ в гостиной, закрыв глаза, прислонилась к двери — слушает. Какое-то время стоит неподвижно. Звонок в дверь. ПОР-

ЦИЯ не реагирует. Снова звонок. ПОРЦИЯ не двигается. И снова нетерпеливый, настойчивый звонок, но ПОРЦИЯ опять не реагирует. Входит МЭРИЭНН СКАЛЛИ, мать ПОРЦИИ, и смотрит на дочь, которая стоит, прислонившись к двери, с закрытыми глазами.

МЭРИЭНН. Уже и дверь открыть не можешь.

ПОРЦИЯ (*с закрытыми глазами, песня ГАБРИЭЛЯ за- тихает*). Это ты, ведьма, я по звонку поняла, а ты и сама прелезешь. Тебе, мама, не понять, что человеку бывает нужно побыть одному.

МЭРИЭНН. Опять ты не в настроении? (*Начинает прибираться.*) Вы только посмотрите, какой беспорядок!

ПОРЦИЯ. Не трогай!

МЭРИЭНН (*продолжает убираться*). Можно подумать, тебя с пылесосом и шваброй не научили обращаться, позорище, а не дочь.

Прибирается с бессильной яростью, ПОРЦИЯ расшвыривает все обратно.

Может, хватит?! Где твои дети? Наверно, опять на речке играют. Твое счастье, если они не свалятся и не утонут.

ПОРЦИЯ. А ты и рада будешь порыдать на могилке своих дорогих внуков. Хочешь, чтобы история повторилась, да? Похоронить их, как Габриэля? Знаю я тебя, злыдню. Думаешь, если мой сын утонет, ты сможешь объяснить, почему погиб мой брат? Так вот, мама, ничем ты это не объяснишь! Ничем!

МЭРИЭНН. Не говори ерунды, Порция, я не понимаю, о чем ты. Тебя никогда нельзя было понять, никогда.

ПОРЦИЯ. Я читаю между строк, мама, ловлю случайные слова и недосказанные фразы. Я ориентируюсь в твоих мыслях не хуже, чем на ферме Белмонт, где я знаю каждую кочку, так что нечего тут сцены устраивать и желать смерти моим сыновьям только потому, что ты не смогла

уберечь своего. С моими детьми ничего не случится. Может, я для них ничего не делаю, зато я им не мешаю.

МЭРИЭНН. Бесстыжая! Как у тебя хватает совести винить меня в смерти Габриэля!

ПОРЦИЯ. Сегодня ему тоже было бы тридцать... Иногда мне кажется, что от меня только половина осталась, худшая половина. Знаешь, почему я вышла за Рафаэля? Не потому, что вы с папой так велели, не из-за денег, плевала я на деньги. Я вышла за Рафаэля только из-за его имени, ангельского, как у Габриэля, и надеялась, что благодаря какой-то химической реакции или просто потому, что я так хочу, один станет похож на другого. Но только Рафаэль не Габриэль и никогда им не станет. Он снился мне вчера ночью, бывают такие сны, как наяву. Габриэль пришел к нам на ужин, и уже собирается уходить, и я говорю, Габриэль, останься на выходные, а он отказывается из вежливости. Я говорю, Габриэль, это я, Порция, твоя сестра, какие церемонии, и он смотрит на меня и улыбается, и я знаю, что он останется, и у меня вдруг сердце распахивается, и из груди моей сыплются звезды, как бывает во сне... Мы были очень похожи, да?

МЭРИЭНН. Как две капли, в колыбели различить было нельзя.

ПОРЦИЯ. Родились взявшись за руки... Когда Бог раздавал души, он, наверное, перепутал наши с Габриэлем, или дал нам одну на двоих, и она утонула в реке вместе с ним... Габриэль, Габриэль, какое ты имел право бросить меня, как мог оставить в этом мире. *(Начинает судорожно всхлипывать.)*

МЭРИЭНН. Хватит! Хватит! Прекрати немедленно! *(Трясет ее.)* Хватит уже! Слышал бы тебя отец! Держи себя в руках! Вела бы себя как нормальная женщина, ничего этого бы не было! Прекрати! Прекрати же!

СЛАЙ *ввозит* БЛЭЙЗ *на инвалидном кресле.*

БЛЭЙЗ. Да отцепись ты от моего кресла! Совсем тормоза доломаешь!

СЛАЙ. Мэриэнн, сделай что-нибудь, она меня уже доконала.

МЭРИЭНН. Ты что, не мог ее в машине оставить?

СЛАЙ. Господи, не начинай!

МЭРИЭНН. Все в порядке, миссис Скалли?

БЛЭЙЗ. Да, миссис Скалли.

СЛАЙ. С днем рожденья, Порция.

БЛЭЙЗ. Херня это все, дни рожденья ваши.

СЛАЙ. Мама, я же тебе сказал, не матерись.

БЛЭЙЗ. А я тебе сказала, что первые восемьдесят лет своей жизни я только и делала, что держала язык за зубами, а если и материлась, то шепотом, и если Боженьке угодно будет дать мне еще восемьдесят, то я уж буду говорить, что мне в голову взбредет.

СЛАЙ. Порция, мы с твоей матерью сидели и думали, что бы такое подарить нашей Порции на день рожденья, прямо голову сломали, да, Мэриэнн?

МЭРИЭНН. Ну да.

СЛАЙ. И мы поняли, что наша девочка ни в чем не нуждается и ничего не хочет.

БЛЭЙЗ. Слай-то опять деньги зажал.

МЭРИЭНН. Было у кого поучиться.

БЛЭЙЗ. Вот богом клянусь, если бы в ад пускали за бесплатно, а в рай за деньги, ты бы первый в ад пошел.

СЛАЙ. Порция, ты чего-нибудь хочешь?

ПОРЦИЯ. Нет.

СЛАЙ. Вот, слышишь, Мэриэнн, как я и говорил, она ничего не хочет, ей ничего не надо.

ПОРЦИЯ. Поэтому вы привезли в подарок себя.

МЭРИЭНН. Я вчера видела платье в магазине, сиреневое такое, с золотыми блестками, говорила тебе, Слай, надо было его купить.

СЛАЙ. Ну хорошо, хорошо, купим ей это платье.

БЛЭЙЗ. А теперь можно домой.

СЛАЙ. Не сейчас, мама.

БЛЭЙЗ. Ну почему ноги меня не слушаются! Нет бы вам оставить меня в покое! Боятся, что я дом спалю. А я просто хочу прилечь у камина и послушать графа Джона Маккормака. Но вы разве дадите, мать вашу!

ПОРЦИЯ наливает себе выпить, изо всех сил стараясь не обращать на них внимание.

МЭРИЭНН. В такую рань! Слай, скажи ей!

ПОРЦИЯ. Ты сама знаешь, где дверь, если тебя тошнит от моего вида. Кто-нибудь хочет выпить?

СЛАЙ. Чаю бы.

ПОРЦИЯ. Будь как дома, папа.

МЭРИЭНН. Я заварю, раз твоя дочь не умеет гостей принимать.

МЭРИЭНН выходит.

СЛАЙ. Я тут видел тебя с молодым Хэлионом, у реки.

ПОРЦИЯ. Опять шпионил.

СЛАЙ. Да я просто забор чинил на другом берегу. Порция, на что он тебе сдался? Нет в нем ничего хорошего, и родня у него паршивая.

БЛЭЙЗ. Графа! Поставьте мне графа!

СЛАЙ. Девочка, я с тобой говорю!

ПОРЦИЯ. Он знал Габриэля.

СЛАЙ. Габриэля. Да забудь ты про этого юридивого, он был нашим позором!

ПОРЦИЯ. Забьт Габриэля! Да он везде, везде, папа! Каждый клочок земли на твоих сорока полях напоминает мне о Габриэле. О нем поет скворец на холме, его зовут коровы в хлеву, сама река говорит мне, что он был и его больше нет. А ты хочешь, чтобы я забыла. В конце каждо-

го, каждого тоскливого дня я молюсь, чтобы время... Да что ты понимаешь, папа.

СЛАЙ. Ты что, меня за дурака держишь? Я всю жизнь надрывался, чтобы у тебя было все, я вот этими самыми руками двадцать акров трясины и кустов в лучшую ферму в округе превратил! Думаешь, это все с неба упало?! Нужна бы ты была Рафаэлю Кохлану, если бы не земля и деньги! А ты шляешься со всякими, типа этого Хэлиона! Да эти Хэлионы сроду не вставали коров подоить! Сукины дети! Они телку от осла не отличат!

ПОРЦИЯ. Папа, мы просто разговаривали.

СЛАЙ. Видел я, как вы разговаривали! Говорю тебе, хватит задницей вертеть направо-налево!

ПОРЦИЯ. Может, хватит уже подглядывать за мной из-за каждой кочки? Я взрослая женщина, что хочу, то и делаю, тебя это не касается. (*Собирается уйти.*)

СЛАЙ. А ну, останься, я еще не все сказал! Меня касается все, что позорит доброе имя Скалли! Как будто ты не знаешь, на нас все смотрят, мы у всех на виду! Где твое воспитание, где твои моральные принципы, все, чему мы с матерью тебя учили?

БЛЭЙЗ. Где мой граф Джон!

Входит МЭРИЭНН с чаем, ПОРЦИЯ направляется к выходу.

МЭРИЭНН. Куда это ты намылилась, когда у тебя гости?

ПОРЦИЯ. Гости! Да вы тут уже прописались!

ПОРЦИЯ *выходит.*

МЭРИЭНН. Знаешь, Слай, иногда мне кажется, что она не в себе.

БЛЭЙЗ. А я предупреждала, предупреждала тебя, Слай, не связывайся ты с этими Джойсами из Блэклайона, цыгане, все до единого.

МЭРИЭНН. Никакие мы не цыгане, и вы прекрасно это знаете!

БЛЭЙЗ. Как же, не цыгане! Ста лет не прошло, как сюда переехали, хитрожопые рыжие бестии, а в кармане-то ни шиша! Совет округа на наши кровные вам дома строил! Кто вас знает, откуда вы взялись и с кем раньше путались! Я предупреждала, предупреждала, Слай, а ты разве слушал? У этих Джойсов чертова кровь, и у Габриэля такая же была, и у Порции тоже. Храни нас Бог от цыганьего племени, их черного глаза, черной крови, черных душ!

МЭРИЭНН. Ты так и собираешься молчать, пока она меня грязью обливает?!

СЛАЙ. Да ладно тебе, Мэриэнн, она не всерьез.

МЭРИЭНН. Как это — не всерьез?! А ты-то кем была до свадьбы? Ты вообще из этих вырожденков, Макгавернов! Говорят, тебя твой брат зачал!

БЛЭЙЗ. Ах ты, курва!

СЛАЙ. Господи, за что мне эти бабы.

БЛЭЙЗ. Макгаверны — приличное семейство, не то что всякие там Джойсы!

СЛАЙ. Мама, закрой рот, на хер!

БЛЭЙЗ. Хер тебе в рот, сам заткнись!

СЛАЙ. Все, я молчу, хоть загрызите друг друга.

БЛЭЙЗ (*пытается встать из кресла*). Щас я тебя!

СЛАЙ. Давай-давай, мамочка, сломай себе бедро. Я за лечение платить не буду, и не надейся.

МЭРИЭНН. Пусть только подойдет. Я ей сама его сломаю.

БЛЭЙЗ. Знаю, что тебя гложет, за пятнадцать-то лет оно тебе сердце выело!

МЭРИЭНН. Да что ты знаешь!

БЛЭЙЗ. Ты убила сына, своего прекрасного сына, у которого голос был, как у самого Господа...

МЭРИЭНН. Я его пальцем не тронула, и ты это знаешь, хочешь меня из себя вывести, сука полоумная!

БЛЭЙЗ. Пальцы! При чем тут пальцы! Все знают, ты и взглядом можешь убить, посмотришь — и сглазишь. Знаю я ваше Джойсово отродье, на что оно способно...

СЛАЙ. Мама, хватит, я тебя предупреждаю!

МЭРИЭНН. Все, не желаю больше ее видеть. Сам с ней возись. Да я лучше буду в своей спальне сидеть, как она меня заставляла, когда мы только поженились. Помнишь, ведьма старая, как ты отправляла нас с детьми наверх, когда работы больше не было? Шесть часов вечера, лето, солнце светит, как в полдень, а я должна сидеть взаперти, потому что она не желала терпеть на своей кухне Джойсово отродье! А ты соглашался и помалкивал, все со своими конторскими книгами, все мечтал о лишнем акре, и что, кому ты их теперь оставишь! А мы с детьми в комнате торчали, спать от жары было невозможно, все гадали, что же мы сделали, за что нас выгнали с собственной кухни!

(Направляется к выходу.)

СЛАЙ. Мэриэнн!

МЭРИЭНН. И не зови меня таким жалобным голосом, Слай, меня тошнит, меня столько лет от этого тошнит! Забирай свою мать домой, и сам за ней смотри. Нам твоя забота больше не нужна.

Выходит.

СЛАЙ. Ну что, довольна, карга старая? Не можешь ее в покое оставить!

БЛЭЙЗ. Вези меня домой к моему Джону Маккормаку, а о ней не думай, эту калошу ничем не проймешь. Еще до заката явится с кислым рылом, себя жалеть.

СЛАЙ *вывозит* БЛЭЙЗ.

Сцена шестая

Входит РАФАЭЛЬ. Ищет ПОРЦИЮ.

РАФАЭЛЬ. Порция! *(Нет ответа.)*

Начинает прибираться. Включает музыку. Накрывает стол на двоих, зажигает свечи. Открывает бутылку вина. Все это одновременно с тем, что происходит на берегу реки Белмонт.

На берег выходит ПОРЦИЯ. Курит. Бросает листья в реку. Смеркается. Ухает филин. Порция сидит на корточках и смотрит на реку. Входит ФИНТАН. Некоторое время стоит и наблюдает за ПОРЦИЕЙ.

ФИНТАН. Ты опоздала на два часа.

ПОРЦИЯ *(очнувшись)*. Что?

ФИНТАН. Я пришел в семь, как ты сказала.

ПОРЦИЯ. А, да.

ФИНТАН. Я подумал, ты не смогла вырваться. Хорошо, что я вернулся. *(Достает фляжку с виски.)* Виски?

ПОРЦИЯ. Давай.

ФИНТАН *(наливает в два пластиковых стаканчика)*. Твое здоровье.

ПОРЦИЯ. Твое.

ФИНТАН. Слишком близко к домам. Тут, кажется, земля твоего отца начинается?

ПОРЦИЯ. Да, а я живу за этим лугом.

ФИНТАН. Тебе все по барабану, да?

ПОРЦИЯ. Если тебе интересно знать правду, Финтан, то я о тебе забыла. Я пришла, потому что всегда сюда прихожу.

ФИНТАН. Забыла! К тебе не подъедешь, Порция Кохлан!

ПОРЦИЯ *(едва слушает)*. Правда?

ФИНТАН. Правда.

Кладет руку ей на плечо. ПОРЦИЯ смотрит на руку, он ее убирает.

Как здесь тихо.

ПОРЦИЯ. Если прислушаться, то слышно, как лосось идет на нерест вверх к Шэнону по порогам, а потом в устье и дальше к Индийскому океану.

ФИНТАН. Серьезно?

ПОРЦИЯ. Они идут этим путем первый раз в жизни, с рождения знают маршрут.

ФИНТАН (*без малейшего интереса*). Надо же. Как интересно.

ПОРЦИЯ. Знаешь, почему реку Белмонт так назвали?

ФИНТАН. Да знаю я, мисс Салливан в школе рассказывала. Твою мать, как же я ненавидел английский и все эти говенные стихи, которое она в нас вколачивала. Помню, говорила она что-то про речного бога Бела и не то ведьму, не то шлюху какую-то, она тут всякие мерзости устраивала, пока они ее на хер не уgomонили, вот ей-богу.

ПОРЦИЯ. Не была она ни ведьмой, ни шлюхой! И мерзостей не устраивала! Она была просто не такая, как все эти, которые ее тут на кол посадили и оставили умирать. А Бел услышал крик и забрал ее из Белмонт-Вэлли, и так родилась река. Говорят, когда Бел сюда пришел, он не только девушку забрал. Не знаю, по-моему, правду говорят, что это самое проклятое место из проклятых.

ФИНТАН. Чего?

ПОРЦИЯ. Иногда, когда река спадала, Габриэль слышал голос этой девушки. Говорил, что песня как будто из пещеры доносится.

ФИНТАН. А по-моему, херня это все, бабушкины сказки.

ПОРЦИЯ. Тебя никто не спрашивает.

ФИНТАН. Знаешь, сейчас я бы одну сказочку послушал — про Порцию Кохлан без трусиков. Вот это я бы с удовольствием послушал.

ПОРЦИЯ. Ты, козел! Проваливай с земли моего отца, Финтан Гулан, ублюдок долбаный! Такой же ублюдок, как все твои предки и потомки, которых ты спьяну наделаешь в сточной канаве!

ФИНТАН. Слушай, ты, понтов на полгорода, кончай выделываться! Будь моя воля, я бы тебе язык вырвал!

ПОРЦИЯ. Не трать времени на угрозы, я тебя не боюсь. Пойду-ка я домой по берегу. Пока.

ПОРЦИЯ *уходит.*

ФИНТАН. Динамщица хренова!

Выбегает в ярости.

Сцена седьмая

Свет на РАФАЭЛЯ, который допивает бутылку вина. Свечи почти догорели. РАФАЭЛЬ встает и нетерпеливо ходит туда-сюда. В дверях появляется ПОРЦИЯ, босиком, с сандалиями в руках. Она останавливается у двери.

РАФАЭЛЬ. Ну и где ты была?

ПОРЦИЯ (*смотрит на стол*). Свечи и вино. (*Устало прислоняется к косяку*.)

РАФАЭЛЬ. Да. И еще ужин — тоже для тебя. Но его уже есть нельзя.

ПОРЦИЯ. Да, еще и ужин — ничего себе. (*Вздыхает*.)

РАФАЭЛЬ. Уже почти полночь, Порция!

ПОРЦИЯ. Правда?

РАФАЭЛЬ. Я с семи часов дома, пришел — дети дрянь какую-то едят, видик смотрят, уроки не сделаны, ни обеда, ни ужина... Где ты была?

ПОРЦИЯ. Ой, Рафаэль, отвяжись ты!

РАФАЭЛЬ. Квинтин весь вечер тебя ждал, от окна не отходил.

ПОРЦИЯ. Это когда-нибудь пройдет. *(Вытирает мокрые ноги покрывалом.)*

РАФАЭЛЬ. Порция, ради бога, ему всего четыре года!

ПОРЦИЯ. Я отлично знаю, сколько ему лет, и хочу иметь с ним как можно меньше общего, ясно?

Наливает себе остатки вина, садится и закуривает.

РАФАЭЛЬ. Твои сыновья.

ПОРЦИЯ. Я никогда не хотела ни сыновей, ни дочерей и никогда не делала вид, что хочу, говорила тебе это с самого начала. Но ты почему-то решил, что можешь уговорить меня стать матерью. Что, не вышло? Это у тебя трое детей, вот и нянчись с ними, а я их любить не могу. Я просто не способна.

РАФАЭЛЬ. Порция, я знаю, сегодня тебе хуже, чем обычно, и знаю почему. Я, конечно, не претендую на то, что могу понять всю глубину ваших отношений с Габриэлем. Говорят, связь между близнецами странная и необъяснимая, но теперь уже пора забыть про все это и попытаться жить без него.

ПОРЦИЯ *(взрывается, как сумасшедшая)*. Габриэль! Габриэль! Да как ты смеешь произносить его имя! Дело не в Габриэле, я уже пережила все это, дело в тебе! Ненавижу тебя, урод! Что ты лезешь со своими, блядь, рассуждениями про мои проблемы! Ни хрена ты не понимаешь, ты, старый тупой калека! Видеть не могу, как ты шкандыбаешь вокруг меня в своих ковбойских сапогах ручной работы!

РАФАЭЛЬ. Перестань, Порция, перестань! Замолчи!

ПОРЦИЯ. Ты когда ночью ко мне лезешь — мне только-только заснуть удалось, часто первый раз за несколько недель, и я начинаю проваливаться в сон, ухожу, наконец, из этого ада, и тут приходишь ты и втаскиваешь меня обратно в Белмонт-Вэлли, и тебе повезло, что я еще не ра-

зорвала тебя на куски или не проткнула твоё нежное сердце хлебным ножом!

РАФАЭЛЬ (*подходя к ней*). Порция, ты же так не думаешь, ты просто расстроена, ты не можешь думать того, что ты говоришь!

ПОРЦИЯ (*дрожа от ярости*). Не подходи ко мне! Ты надеешься, что я так не думаю. Тогда слушай и давай навсегда избавимся от иллюзий! Я презираю тебя, Рафаэль Кохлан, и твою паршивую хромоту, и твои дешёвые костюмы, и это твоё «стерпится-слюбится»! Я презираю тебя за то, что ты есть, но ещё больше — за то, кем ты никогда не будешь! А теперь оставь меня в покое! И не зажигай больше для меня свечи, а то я тебе ими глаза выжгу! (*В ярости задувает свечи.*)

РАФАЭЛЬ. Порция, прошу тебя, не говори так со мной, прошу тебя! Подумай, что ты говоришь, это же не ты...

ПОРЦИЯ. Ясно, дурак с первого раза не понимает. Ладно, вот тебе ещё! Ты меня спросил, где я была. Я тебе скажу. Я трахалась с барменом из «Густого тростника». Что, задело? Отлично! Начинаешь меня ненавидеть? Ещё лучше! Мне не нужна твоя жиденькая любовь, Рафаэль Кохлан! И, кстати говоря, он оказался ни на что не годен, как я и думала, ни на что не годен, как и ты. Ну, а теперь давай, поплачь, пусть у тебя сердечко разобьётся. Ничего, не волнуйся, заживет, и я тебе гарантирую, что, когда оно заживет, оно станет таким черствым, что ничем на свете его уже не проймешь!

Свет гаснет.

АКТ ВТОРОЙ

Сцена первая

Берег реки Белмонт. Вечер. Луч света мечется по реке. РАФАЭЛЬ, МЭРИЭНН, СЛАЙ, СТЭЙСИ, ДЭЙМАС, ФИНТАН, СЕНШИЛ и МЭГГИ МЭЙ стоят и молча смотрят, как подъемный блок вытаскивает ПОРЦИЮ из реки. Она повисает высоко в воздухе. С нее течет вода, она вся в тине, водорослях, кувшинках, лягушачьей икре. ГАБРИЭЛЬ стоит на другом берегу вполоборота и поет.

Хореография: все одновременно делают шаг назад, когда ПОРЦИЯ показывается из реки. Все одновременно замирают, когда тело оказывается на самом верху.

Все снова одновременно делают шаг назад. Все смотрят вверх на мертвую ПОРЦИЮ.

ПОРЦИЯ покачивается, блок поскрипывает, ГАБРИЭЛЬ поет, с тела стекает вода.

МЭРИЭНН. О нет!

МЭГГИ. Великий Боже!

СЕНШИЛ. Господи, да прикройте же ее чем-нибудь!

На ПОРЦИИ только белье. Никто не двигается, все в оцепенении смотрят на ПОРЦИЮ. СЕНШИЛ снимает пиджак и пытается ее прикрыть, но она слишком высоко, пиджак соскальзывает и повисает, зацепившись за ее ногу. Проходит какое-то время. Блок опускает ПОРЦИЮ вниз. РАФАЭЛЬ подходит, чтобы взять ее на руки. ФИНТАН тоже подходит, чтобы помочь ему.

РАФАЭЛЬ (сдерживая рычание). Убери лапы от моей жены!

ФИНТАН отступает назад, СЛАЙ делает шаг вперед, освобождает ПОРЦИЮ от веревки, и РАФАЭЛЬ берет ее на руки.

МЭРИЭНН. Все повторилось. Все повторилось. О, Мэгги Мэй, ну зачем она это сделала?

РАФАЭЛЬ (*шепчет*). Порция. Порция.

МЭГГИ. Не знаю, киска, не знаю.

РАФАЭЛЬ. Может, мне ее в дом отнести? (*Беспомощно оглядывается вокруг*.) А?

СЛАЙ (*тихо*). Отнеси.

РАФАЭЛЬ *уносит ПОРЦИЮ, остальные следуют за ним. ФИНТАН и ДЭЙМАС остаются. Они закуривают, какое-то время стоят молча, курят в кулак.*

ДЭЙМАС. Всегда была странной — Порция Кохлан.

ФИНТАН. Да.

ДЭЙМАС. И братец ее тоже.

ФИНТАН. Да.

ДЭЙМАС. Да уж.

ФИНТАН. Габриэль.

ДЭЙМАС. Точно.

ФИНТАН. Всего пятнадцать ему было.

ДЭЙМАС. Его тоже отсюда выгнали.

ФИНТАН. Че, правда?

ДЭЙМАС. На девчонку был похож.

ФИНТАН. И пел, как девчонка.

ДЭЙМАС. Да... Меня всегда одна вещь удивляла в этих близнецах Скалли.

ФИНТАН. И что именно?

ДЭЙМАС. Если им вопрос задавали, они всегда отвечали одинаково — одновременно, те же слова, та же интонация, и вообще.

ФИНТАН. А я и забыл.

ДЭЙМАС. Их можно было посадить в разные комнаты, они все равно отвечали одинаково.

ФИНТАН. Теперь припоминаю.

ДЭЙМАС. А школьную поездку помнишь?

ФИНТАН. Какую?

ДЭЙМАС. В Бетгистаун.

ФИНТАН. Нет.

ДЭЙМАС. Они еще сидели на передних сиденьях, в красных шортах и белых футболках.

ФИНТАН. Ну и чего?

ДЭЙМАС. Ну и шептались, как обычно. А потом мы приехали в Бетгистаун — у меня есть фотография всего класса, до сих пор не могу там отличить одного от другого... И, в общем, когда надо было уже обратно ехать, их нигде не могли найти. Такая кутерьма началась — нет нигде, — вызвали вертолеты, катера, спасателей... Нашли потом в открытом море, милях в пяти от берега. Они просто в лодку сели и грести начали. Бедная мисс Салливан в ужасе была: «Что же вы наделали, дети, что же вы наделали?» — «Мы просто углыли», — говорит один. «Углыли? Господи Иисусе, куда же вы углыли?» — «Да куда угодно, — говорит второй, — только бы отсюда».

ФИНТАН. Куда угодно, только бы отсюда. О господи.

ДЭЙМАС. Вот так.

ФИНТАН. Уверен, что Одноногий никогда не мог с ней сладить.

ДЭЙМАС. Повезло мужику, что она ему досталась. Хотя теперь я ему не завидую.

ФИНТАН. И что она в нем нашла?

ДЭЙМАС. Она могла выйти за любого, Порция Кохлан.

ФИНТАН. Да... могла.

ДЭЙМАС. За любого... за любого.

Они расходятся в разные стороны.

Сцена вторая

Прожектор направлен на СТЭЙСИ, которая вкатывает инвалидное кресло БЛЭЙЗ в гостиную дома Порции.

СТЭЙСИ. Вы хорошо себя чувствуете?

БЛЭЙЗ. Да, миссис Дойл, спасибо.

СТЭЙСИ. Тогда я вас тут оставлю, мне нужно накрыть на стол, пока все не вернулись с похорон.

БЛЭЙЗ. Сначала поставь графа Маккормака.

СТЭЙСИ. Не знаю, стоит ли... В такой день...

БЛЭЙЗ. Давай, девонька. Порция любила, как он поет. Вон он, прямо на тебя смотрит!

СТЭЙСИ. Если что, это вы меня заставили, хорошо?

Играет песня Маккормака. БЛЭЙЗ восхищенно слушает, подпевает.

БЛЭЙЗ. Он шикарный. Родился здесь, не далеко, но сумел выбраться. Когда я была маленькой, у нас был граммофон и одна пластинка. Это Бостон Мактаверн ее принес, пластинку графа. Я ее крутила, пока она не стерлась, и мама моя ее слушала, да, слушала.

Обе минуту слушают графа.

Теперь выключи, а то еще скажут, что мы мертвых не уважаем. Скоро уже явятся, с красными глазами, все тут кладбищем провоняют. Терпеть не могу запах гробов, а ты, Стэйси?

СТЭЙСИ. Не сказать чтобы я часто их нюхала, миссис Скалли.

БЛЭЙЗ. Очень примечательный запах, что-то среднее между жимолостью и свежей гнилью.

СТЭЙСИ. Миссис Скалли, все-таки нельзя так говорить о покойниках.

БЛЭЙЗ. Стэйси, в моем возрасте можно говорить о чем угодно и как угодно. У нас, стариков, только и осталось что злоба да вставные челюсти.

СТЭЙСИ. Порция была моей единственной подругой, а теперь я понимаю, что совсем ее не знала. Знала, что она

несчастливая, хотя кто теперь счастливый? Но это до чего же нужно дойти, чтобы совершить такое! Мэгги Мэй рассказала мне про Слая и Мэриэнн, но все равно это как-то не...

БЛЭЙЗ. Что она рассказала про Слая и Мэриэнн?

СТЭЙСИ. Ну что они...

БЛЭЙЗ. Да не слушай ты эту! Врет она все! Мэгги Мэй Дорли! Кляча драная, вот она кто! А ты, Стэйси Доил, лучше бы не лезла в чужие дела. Нечего слушать, что всякие потаскухи плетут.

СТЭЙСИ. Простите, миссис Скалли, я не хотела вас расстроить.

БЛЭЙЗ (*успокаивается*). Я не расстроилась, девонька, совсем не расстроилась, не обращай внимания.

Входят РАФАЭЛЬ, СЕНШИЛ, МЭРИЭНН, МЭГГИ МЭЙ. Все в черном, как и СТЭЙСИ, и БЛЭЙЗ.

СТЭЙСИ. Ты посиди, Рафаэль, я за тебя похозяйничаю.

РАФАЭЛЬ. Там на кухне еда, выпивка и все остальное.

МЭГГИ МЭЙ *выходит из кухни, несет поднос с бокалами. СЕНШИЛ бросается ей на помощь, чуть не шибаёт с ног.*

СЕНШИЛ. Киска, я понесу.

МЭГГИ. Эй, Сеншил, ты что делаешь, чуть с ног меня не свалил.

БЛЭЙЗ (*ни к кому не обращаясь*). Закопали, да?

МЭГГИ. Да. Упокой ее Господь.

БЛЭЙЗ (РАФАЭЛЮ). Что, хреново тебе? А не хрен было на ней жениться! Ишь, кем себя возомнил, ха!

РАФАЭЛЬ (*отворачивается*). Слай! Иди сюда и разбери со своей матерью.

БЛЭЙЗ. Мы с такими выскочками и не знались, пока ты не возник со своей компенсацией за ногу!

РАФАЭЛЬ. Я не желаю это слушать, миссис Скалли.

СЛАЙ. Мать, веди себя прилично. Извини, Рафаэль, она расстроена.

БЛЭЙЗ (МЭРИЭНН). Утри глаза, еще пятнадцать лет назад было ясно, что так выйдет. (СЛАЮ.) Я предупреждала, предупреждала! А ты слушал? (МЭГГИ МЭЙ.) Виски! «Блэк-буш», черная этикетка!

МЭГГИ. Вы знаете толк в виски, бабуля.

БЛЭЙЗ. Для тебя — миссис Скалли.

Тишина. Всем неловко; пьют, сидя и стоя, поглощенные своим горем, усталостью и т. д.

СЕНШИЛ. Чудесная была служба.

Озирается; на него яростно косится БЛЭЙЗ, остальные молчат. МЭГГИ МЭЙ приходит на помощь.

МЭГГИ. Да, да, чудесная, котик.

БЛЭЙЗ. Да что вы оба понимаете в службах, чудесная, тоже мне. (*Обращаясь к МЭГГИ МЭЙ.*) Стоит тебе появиться в церкви, как священник краснеет, а вино бледнеет. Цыгане гребаные, Джойсы, кровь у них черная, душа черствая. Грязное племя, Белмонт таких еще не видывал! Выпьем! За Джойсов! (*Пьет.*) За Порцию в грязи белмонтского кладбища, где ей и было место с самого рождения, потому что если люди вступают в брак со зверьми, то от них рождаются выродки, в которых нет ни божьего, ни человеческого. Порция и Габриэль. Нелюди. Ваше здоровье! (*Допивает и разбивает бокал о стену.*) Везите меня домой. Следующие похороны мои будут.

СЛАЙ (МЭРИЭНН). Я скоро вернусь.

МЭРИЭНН. А мне что за дело?

СЛАЙ (*взрывается*). Во всем меня винишь! Габриэль, теперь и Порция! Да я мальчишку и пальцем не трогал! Когда его пороть надо было, чтобы он на ферме работал!

МЭГГИ. Ладно, Слай, не кипятись.

СЛАЙ. Нет уж! Я все скажу! Я дважды в неделю этого ребенка в Дублин на уроки пения возил, и это в сенокос-то, когда коровы телились, дома было выше крыши работы! Возил, потому что ты так сказала, как раб какой-то возил, семьдесят миль в один конец, а он сидел сзади, листал тетрадки свои нотные и напел под нос, а на меня хоть бы глянул! Да простит меня Бог, но иногда я смотрел на него в зеркало и думал, что это не мой ребенок, а адово отродье какое-то. А потом он пел всю дорогу домой, и я знал, что это прекрасно, хотя для меня-то он никогда не пел... Господи, мне нравилось, как он поет, я прятался в ризнице, когда он в церкви репетировал, только чтоб его послушать. Как же прекрасно он брал высокие ноты в псалмах, он их так любил...

МЭРИЭНН. Очень своевременно, Слай! Ты на похоронах Порции! Габриэль погиб пятнадцать лет назад! А теперь — Порция. Порция умерла. Порция умерла. Ее тебе совсем не жалко?

БЛЭЙЗ. Слай, скажи что-нибудь, поставь наконец эту крысу на место.

РАФАЭЛЬ. Кто-нибудь, увезите эту женщину из моего дома!

МЭГГИ. Дайте-ка мне. (*Откатывает БЛЭЙЗ от остальных.*) Я как-нибудь влезу ночью к тебе в окно и подожгу тебя прямо в постели, и вот еще что, я рассказывала, как я отсосала твоему супругу прямо на Мохайа-стрит?

БЛЭЙЗ (*шипит*). Ты все брешешь! Ни единому слову не верю!

МЭГГИ. Нет, веришь, потому что не хуже меня знаешь, что тут происходит. Мы-то с тобой знаем, откуда пошла вся эта гниль и кто виноват.

БЛЭЙЗ. Что ты несешь, потаскуха!

МЭГГИ. Было-было, пятьдесят фунтов твоих денег дал, грязный кобель, и ты бы слышала, что он про тебя рассказывал!

БЛЭЙЗ. Ничего он не рассказывал! Ты все врешь!

МЭГГИ. Говорил, что ты старая злобная образина и что он бы лучше трахался с мешком крыс в крапиве.

БЛЭЙЗ. Только послушайте эту спившуюся шлюху! К твоему сведению, мы были счастливы.

МЭГГИ. Счастливы? Да неужели? С чего это тогда он тебя бил до полусмерти? Отчего это Блэйз Скалли неделями никто не видел, а она сидела дома с расквашенной мордой? И почему это он однажды тебя из дому выпер, да еще у всех на глазах?

БЛЭЙЗ. Слай, Слай, отвези меня домой.

СЕНШИЛ (*ест из кармана диетическое печенье*). Киска, о чем вы разговариваете?

СТЭЙСИ (*протягивает РАФАЭЛЮ бутерброд*). Давай, Рафаэль, поешь.

РАФАЭЛЬ. Дети.

СТЭЙСИ. Все хорошо, они у меня, сестра за ними присматривает.

РАФАЭЛЬ. Квинтин?

СТЭЙСИ. С ним все хорошо, хорошо.

Едят, пьют в тишине. Слышен голос ГАБРИЭЛЯ. Гаснет свет.

АКТ ТРЕТИЙ

Сцена первая

Освещена гостиная Порции. Обстановка та же, что и в конце первого акта. Порция дремлет на диване или за столом. Она одета так же, как и в конце первого акта. Утро после дня рождения. Слышен голос ГАБРИЭЛЯ. От него Порция просыпается. Голос становится тише, она напрягает слух. Голос смолкает. Порция полулежа закуривает.

Входит РАФАЭЛЬ в свежем костюме. Он, прихрамывая, проходит через комнату, чтобы забрать бухгалтерские книги. РАФАЭЛЬ смотрит на ПОРЦИЮ, она встречается с ним взглядом и отворачивается. Он хочет отдернуть шторы.

ПОРЦИЯ. Не трогай!

РАФАЭЛЬ подчиняется.

РАФАЭЛЬ. Ты соберешь детей в школу или хочешь, я соберу?

ПОРЦИЯ. Сам собери... пожалуйста.

РАФАЭЛЬ смотрит на часы, но не двигается с места.

РАФАЭЛЬ. Порция.

ПОРЦИЯ. Что?

РАФАЭЛЬ. Я бы с удовольствием забыл все, что ты вчера сказала, если ты возьмешь свои слова назад.

ПОРЦИЯ. Приготовить тебе ужин?

РАФАЭЛЬ. Что?

ПОРЦИЯ. Ужин.

РАФАЭЛЬ. Ужин... Да, пожалуйста.

ПОРЦИЯ. А чего тебе хочется?

РАФАЭЛЬ. В смысле, на ужин?

ПОРЦИЯ. Ну да.

РАФАЭЛЬ. Да все равно, наверно.

ПОРЦИЯ. Хорошо.

РАФАЭЛЬ. Да... хорошо. *(Он все еще не двигается с места.)* А ты не хочешь заехать со мной на фабрику?

ПОРЦИЯ. Нет.

РАФАЭЛЬ. Чем дома сидеть, проветрилась бы и вообще.

ПОРЦИЯ. Терпеть не могу это место, Рафаэль, ты же знаешь.

РАФАЭЛЬ. Да... *(Стоит и смотрит на нее.)* А-а... я чем-нибудь могу тебе помочь, Порция? Хоть чем-нибудь?

ПОРЦИЯ. Да я в порядке, правда.

РАФАЭЛЬ. Квинтин хочет, чтобы ты его одела в школу.

ПОРЦИЯ. Все, замолчи! Ты оставишь меня когда-нибудь в покое или нет! Говорила же, я не могу! Ну хорошо! Я боюсь их, Рафаэль! Боюсь, что с ними что-нибудь сделаю! Господи, ну как ты не понимаешь! Неужели ты думаешь, что я не хочу быть нормальной матерью, играть с ними, делать все, что должна мать?! Когда я смотрю на своих детей, Рафаэль, мне представляются несчастные случаи и страшные увечья. Когда я их купаю, я думаю только о том, что могу их утопить, когда с ними играю — что могу поранить. Мне приходится убегать и прятаться от них, потому что я боюсь, что могу это сделать. Будет лучше, если Квинтин вообще перестанет ко мне подходить, поэтому скажи ему, чтоб не приставал, пока я не размозжила ему голову об стену или не выкинула его в окно!

РАФАЭЛЬ. Порция, ты не в себе!

ПОРЦИЯ. Все в порядке, и не смотри на меня так, как будто я собираюсь зарезать вас ночью в постели! Я этого не сделаю, пока вы меня не трогаете!

РАФАЭЛЬ. Как же «в порядке», когда ты такое говоришь и такое думаешь. Это же совершенно ненормально!

ПОРЦИЯ. Слушай, если бы я задумала что-нибудь ужасное, я бы, наверно, не стала об этом говорить? Про-

сто взяла бы и сделала. А если говорю, значит, ничего делать не буду.

РАФАЭЛЬ. И что это за логика такая?

ПОРЦИЯ. Это моя логика, другой у меня нет.

РАФАЭЛЬ. Ты будешь дома весь день?

ПОРЦИЯ. Может быть.

РАФАЭЛЬ. Позвонить Стэйси, чтобы она детей из школы забрала?

ПОРЦИЯ. Как хочешь.

РАФАЭЛЬ. Порция?

ПОРЦИЯ. Ну что?

РАФАЭЛЬ. Ты меня напугала. Ты же ничего с ними не сделаешь?

ПОРЦИЯ. Я ведь уже сказала, ничего никогда с ними не делала и не сделаю, пальцем не тронула и не трону. Я только хочу, чтобы они ничего от меня не хотели!

РАФАЭЛЬ. Хорошо, хорошо! Попробуй поспать. Ну, до вечера.

ПОРЦИЯ. Угу.

РАФАЭЛЬ *выходит*.

Сцена вторая

Раздается пение ГАБРИЭЛЯ. ПОРЦИЯ слышит его и выбегает из гостиной. ГАБРИЭЛЬ появляется у реки Белмонт, но исчезает, как только ПОРЦИЯ, запыхавшись, прибегает на берег. Его голос стихает. ПОРЦИЯ оглядывается по сторонам. Тишина, слышен только шум реки и птичье пение. Невдалеке стоит ДЭЙМАС и наблюдает за ней. ПОРЦИЯ его не замечает.

ПОРЦИЯ. Можешь ты, наконец, показаться мне или оставить меня в покое? Разве на небесах не так хорошо, как говорят? Или дороги там не вымощены золотом и мра-

мором? Разве ангелы не чистят перышки, попивая кофе на райских бульварах? Ты хоть скучаешь по мне?

ДЭЙМАС. Так-так, с мертвецами говоришь, Кохлан?

ПОРЦИЯ (*заметив его*). Ну и что?

ДЭЙМАС. Говорят, он действительно все еще появляется.

ПОРЦИЯ. Правду говорят... А кто тебе это сказал?

ДЭЙМАС. В тихую ночь слышно, как он поет своим девчачьим голосом. Старик Мейхон рассказывал, что слышал его тут один раз, когда шел после рыбалки с участка Морриса О'Коннора.

ПОРЦИЯ. А-а, старик Мейхон! Его послушать, так все мертвецы из могил выходят.

ДЭЙМАС (*обнимает ее за талию*). Слушай, но я-то живой, хотя и умираю по тебе, маленькая любительница призраков. Я, конечно, не могу преследовать тебя, как привидение, но зато я не бестелесный.

Целует ее. Она не сопротивляется, но и не отвечает.

Поменьше думай о своем дурацком брате и побольше — о том, как нам бывает хорошо, — и будешь счастлива.

ПОРЦИЯ (*отшатывается от него*). Плотские удовольствия для меня в прошлом, Дэймас, и уже очень давно.

ДЭЙМАС. Даже сейчас?

ПОРЦИЯ. Если хочешь знать, секс никогда меня особо не привлекал, а теперь вообще — сосать, потеть и запикивать друг в друга всякие штуки — не вижу смысла. Я лучше буду пазлы складывать, или слушать хорошую оперу, или просто сидеть у реки Белмонт. Знаешь, я лучше пять секунд на берегу посижу, чем окажусь с тобой или с кем-нибудь еще в постели.

ДЭЙМАС. Помнится, одной маленькой шалунье очень нравилось смотреть, как мужики пускают слюни, когда она виляет задницей, и хоть она и говорит, что секс ее не волнует, а сама-то прижимается ко мне, и жар поднима-

ется по ее телу все выше и выше, внутри у нее все горит, особенно в одном месте, промеж ног.

ПОРЦИЯ *отстраняется от него.*

Ах, мы разозлились!

ПОРЦИЯ. Слушай, Дэймас Хэлион, я сюда пришла не для того, чтобы с тобой разговаривать. Я сюда пришла, потому что это земля моего отца. Это наша часть реки, так что иди отсюда вместе со своим убогим пониманием мира и тех, кто в нем живет.

ДЭЙМАС. Ладно, Порция, не заводись из-за ерунды.

ПОРЦИЯ. В клубах и отелях полно девок помоложе, они счастливы будут, если ты их позажимаешь. А меня оставь. Я не собираюсь больше с тобой встречаться, так что тебе нет смысла сюда приходить.

ДЭЙМАС. Порция, я сюда прихожу последние шестнадцать лет.

ПОРЦИЯ. Мне это отлично известно.

ДЭЙМАС. По-твоему, это ничего не значит? Когда-то ты хотела только меня и больше никого, ты это помнишь?

ПОРЦИЯ. Я просто развлекалась, Дэймас Хэлион.

ДЭЙМАС. Я тебе не верю.

ПОРЦИЯ. Можешь верить или не верить, но это так.

ДЭЙМАС. А кто поверит, что хоть один из твоих сыновей не мой? Я думаю, надо сходить к нашему рогоносцу и сказать ему, что его дети, может, не его, а мои.

ПОРЦИЯ. Они дети Рафаэля, храни их Бог. Я за этим следила.

ДЭЙМАС. Слушай, Порция, я совершенно не хочу осложнять твою жизнь еще больше. Я просто хочу быть с тобой. Почему ты не уйдешь от него, как обещала?

ПОРЦИЯ. А я обещала?

ДЭЙМАС. Да.

ПОРЦИЯ. Интересно, куда это я собиралась идти? В любом случае, мне все равно, с Рафаэлем быть или с тобой.

ДЭЙМАС. Да чтоб мне никогда тебя не видеть! Все, хватит с меня этого дерьма, этой бесконечной беготни от меня к Рафаэлю, а от него — к твоему братцу. Меня уже тошнит от тебя, Кохлан, так что не приходи потом ко мне, когда у тебя настроение изменится, ты мне больше не нужна! Сука ты, вот ты кто!

ДЭЙМАС *выходит.*

Сцена третья

ПОРЦИЯ *сидит на берегу реки Белмонт, раздается голос МЭГГИ МЕЙ.*

МЭГГИ *(за сценой)*. Порция!

ПОРЦИЯ. Я здесь.

МЭГГИ *(видит уходящего ДЭЙМАСА)*. Хэлион, что ли?

ПОРЦИЯ. Он самый.

МЭГГИ. Не мне, конечно, читать тебе морали по поводу внебрачных связей, но могла бы и получше найти. Рафаэль-то знает?

ПОРЦИЯ. Рафаэль знает только, как деньги делать и как их копить. Такой же, как папа.

МЭГГИ. Ясно. Сигарету?

Они закуривают, ПОРЦИЯ откидывается назад и затягивается.

Помню, мы с отцом часто приходили сюда порыбачить по ночам.

ПОРЦИЯ. Правда?

МЭГГИ. Один раз щуку поймали, больше беременной овцы была.

ПОРЦИЯ. А помнишь, как...

МЭГГИ. Что?

ПОРЦИЯ. Да ничего... Просто вслух думаю.

МЭГГИ. И о чем?

ПОРЦИЯ. Просто вспомнила, как на Габриэля упали кладбищенские ворота.

МЭГГИ. Да, все тогда подумали, что он конченый человек.

ПОРЦИЯ. Мне кажется, это был знак... Он ведь с тех пор уже не оправился.

МЭГГИ. Это точно.

ПОРЦИЯ. Как ты думаешь, Мэгги Мэй? Наша жизнь во всех подробностях расписана кем-то там, наверху, или мы просто так живем, как придется?

МЭГГИ. Ну, некоторые говорят, что горбатого могила исправит, а другие считают, что каждый выбирает свою жизнь сам. Лично я думаю, что все, что я делала, кем-то спланировано во всех подробностях. Я просто старая толстая шлюха с больными ногами, и мне бы очень не хотелось во всем винить себя.

ПОРЦИЯ. Когда я была маленькая, других детей козой пугали, а меня — тобой. Я долгие годы думала, что самое страшное, что может со мной случиться, — это стать такой, как ты. Теперь я об этом мечтаю.

МЭГГИ. Хочешь быть, как я, киска? Да у меня и нет ничего, кроме Сеншила. Я тебе рассказывала, как мы познакомились?

ПОРЦИЯ. Нет.

МЭГГИ. Над ним всегда смеялись, дурачком его считали. Может, оно и так. Я тогда жила в Лондоне, работала на Кингз Кросс — здоровые злые мужики, слишком много денег и никакого уважения. Так вот, как-то ночью был у меня один клиент, матерился, как ошпаренный бабуин, сделал свое дело, избил меня, забрал мои деньги и туфли в придачу, чтобы не могла его догнать. И вот лежу я около какого-то старого склада и жалею себя. А тут как раз идет Сеншил. Он там был ночным сторожем. В общем, он пустил меня в свою сторожку, предложил чаю, а потом

оказалось, что он родился милях в двадцати от Белмонт-Вэлли. Мы с ним проговорили всю ночь, а наутро он купил мне новые туфли. Так что это все из-за туфель.

ПОРЦИЯ. Сеншил мне всегда нравился, хоть он и с приветом.

МЭГГИ. Мне самой кажется, что Сеншила не мама родила, а кто-то на спицах связал в дождливый летний день. Мне, знаешь, как-то очень спокойно, когда он рядом. Он такой скучный, твою мать, что ничего плохого просто не может случиться.

ПОРЦИЯ. А вдруг я уйду, а его там нет?

МЭГГИ. Куда уйдешь? Ты о чем, киска?

ПОРЦИЯ. Раньше я не сомневалась... и это держало меня на плаву. А теперь я ни в чем не уверена, хотя он точно где-то есть, и я хочу быть с ним.

МЭГГИ. И где же это, Порция?

ПОРЦИЯ. Знаешь, у меня в сердце волчий зуб растет, гонит меня от всех, от самой себя. Вот бы ветер, что ли, унес меня отсюда, чтобы не надо было ничего делать самой.

МЭГГИ. Киска, не говори так, меня прямо дрожь пробирает.

ПОРЦИЯ. Я же знала, что он собирается это сделать, мы хотели сделать это вместе. Но только в последний момент я испугалась и остановилась, а он просто шел дальше, и я его звала, но он меня не слышал из-за прибоя, шел и шел, а я стояла на берегу, вот тут прямо, и кричала, чтобы он вернулся, и он еще оглянулся в последний момент, думал, я сзади иду, и его лицо, Мэгги Мэй, если бы ты видела его лицо! Он хотел повернуть назад, но его подхватило течением, а потом накрыло волной...

МЭГГИ. Господи, киска, а мать с отцом знают?

ПОРЦИЯ. Они не любят говорить про Габриэля.

МЭГГИ. Правда?

ПОРЦИЯ. Никто не любит. По-моему, никто не понимает, что такое быть близнецом. Все настолько общее, все так перемешано, что не знаешь, ты — это два человека или

ни одного. Он мог звать меня Габриэлем, а я его — Порцией. Иногда мы так путались, кто из нас кто, что приходилось ждать, пока кто-то другой нас не различит и не вернет каждого в самого себя. Я могла заставить его заплакать, просто назвав его Порцией. На самом деле не так уж мы друг друга и любили. Господи, ну почему все живы, а он — нет? Если бы я только могла его увидеть, один только раз, мне стало бы легче. Я точно знаю.

МЭГГИ. Но это же невозможно, киска.

Пауза.

ПОРЦИЯ. Мне надо детей из школы забрать. (*Направляется к выходу.*) Ты идешь?

МЭГГИ. Иду.

Обе уходят.

Сцена четвертая

Бар «Густой тростник», ФИНТАН вытирает со стола. Входит СТЭЙСИ, за ней ПОРЦИЯ с сумкой продуктов. Обе уже в подпитии.

ФИНТАН (*холодно*). Слушаю, дамы.

СТЭЙСИ. Бутылку сидра, Порция?

ПОРЦИЯ. Ничего.

СТЭЙСИ *идет к музыкальному автомату и ставит что-то в стиле кантри.*

ФИНТАН (*пытается флиртовать.*) Кто-то вчера перебрал виски, да?

ПОРЦИЯ. Я не пью виски, Финтан Гулан.

ФИНТАН. Да ты его вчера со мной пила.

ПОРЦИЯ. А-а, ну с тобой не считается... (*Смерив его взглядом.*) Таких, как ты, забывают раньше, чем успеют

заметить, взгляд тебя не фиксирует. Ковбоев, типа тебя, убивают в самом начале дешевого вестерна.

ФИНТАН. Знаешь, что тебе нужно, Порция Кохлан?

ПОРЦИЯ. И что же?

ФИНТАН. Тебе нужно вырвать твой паршивый язык и содрать всю кожу с задницы.

ПОРЦИЯ. А знаешь, что нужно нам обоим?

ФИНТАН. Не знаю и знать не хочу.

ПОРЦИЯ. Лучше Стэйси заказ принеси.

ФИНТАН. Конечно, купить можно все, кроме хороших манер.

ПОРЦИЯ. Ты, что ли, у нас специалист по хорошим манерам?

ФИНТАН. Шлюха ты сортирная, Кохлан, выскочка болотная!

Уходит в ярости. СТЭЙСИ начинает танцевать.

СТЭЙСИ. Давай, присоединяйся, Порция.

ПОРЦИЯ *присоединяется. Они лихо отплясывают джайв. Входит ФИНТАН с заказом Стэйси и останавливается. Тупо на них смотрит.*

ФИНТАН. Фунт девяносто! (*Цена напитка.*)

СТЭЙСИ. Поставь на стол.

ПОРЦИЯ. Бренди с содовой!

ФИНТАН. Передумала!

ПОРЦИЯ. Ну.

Входят МЭГГИ МЭЙ и СЕНШИЛ.

МЭГГИ. Увидела твою машину снаружи и говорю: зайти, что ли, выпить рюмочку.

СЕНШИЛ. Но только одну! (*МЭГГИ МЭЙ бросает на него яростный взгляд.*)

МЭГГИ. Порция, киска, рада, что ты развлекаешься, хотя еще только два часа.

ПОРЦИЯ. Потанцуй с нами!

СТЭЙСИ. Сеншил, ты тоже!

СЕНШИЛ *прикладывает руку к сердцу в качестве отказа*. МЭГГИ МЭЙ *снимает туфли и присоединяется к ним*.

СЕНШИЛ (ФИНТАНУ). Чай, пожалуйста, заварочный чайничек...

ФИНТАН. Знаю, знаю, заварочный чайничек, пакетик отдельно, крутой кипятилок, а для мужа (*он кивает на МЭГГИ МЭЙ*) — бренди с содовой.

СЕНШИЛ. Все так, спасибо.

ПОРЦИЯ *подходит к столу выпить, ее настроение снова изменилось. Некоторое время она стоит со стаканом и сигаретой, глядя в пространство, потом переводит взгляд вниз, на реку. Там опять появляется ГАБРИЭЛЬ*.

Все в порядке, киска?

ПОРЦИЯ *смотрит на СЕНШИЛА, залпом выпивает бренди, злорадно ухмыляется, швыряет стаканом в ФИНТАНА, который на нее смотрит*.

ПОРЦИЯ. Опять за свое! Пойдем потанцуем, Сеншил. (*Она берет его за руку, они танцуют.*)

СЕНШИЛ. Только ради тебя, киска.

МЭГГИ МЭЙ и СТЭЙСИ *салятся, пьют и наблюдают, как СЕНШИЛ и ПОРЦИЯ танцуют вальс*.

МЭГГИ. Ты так ее поддерживаешь, Стэйси.

СТЭЙСИ. Порция всегда меня поддерживала... Когда я потеряла глаз (*она касается повязки на глазу*), никто мне так не помог... Она не в себе, Мэгги Мэй.

МЭГГИ. Да-да.

СТЭЙСИ. И дети у нее в ужасном состоянии. Не то что я ее критикую, но ведь за ними никто не смотрит, один Рафаэль, когда время есть. Они такие неуправляемые, агрессивные, и я не знаю, как ей обо всем этом сказать. Но, может, она еще ими займется, может, я напрасно так беспокоюсь... Порция сама была дьявол, а не ребенок, но выросла же нормальная... Правда, Мэги Мэй? Даже если немного странная...

МЭГГИ. Я не знала более тихого ребенка, чем Порция, она как мышка была. А ты в курсе, что у Мэриэнн, ее матери, тоже есть близнец?

СТЭЙСИ. Нет, никогда о нем не слышала.

МЭГГИ. Мало кто слышал. Я даже не уверена, что Мэриэнн сама об этом знает. Мэриэнн и Слай — брат и сестра. Один отец — матери разные, родились в один месяц.

СТЭЙСИ. Господи, да как же это?

МЭГГИ. Моя мать сказала мне, когда уже при смерти была, что Мэриэнн — дочка старого Скалли. Как раз в то же время Блэйз ждала Слая. Она-то знает. Старая сука! Всегда знала. Я в этом уверена.

СТЭЙСИ. И позволила им пожениться?

МЭГГИ. Она изо всех сил вставляла им палки в колеса, но никогда не признавалась, почему. Ей гордость не позволяла, а моей матери — стыд. К тому же отец убил бы ее, если б узнал, — я не преувеличиваю, правда, убил бы. Габриэль Скалли был ненормальным, потому что у них в роду много браков между родственниками, и я почти уверена, что он случайно в реку свалился. Или у него антенна была слишком чувствительная, душила его атмосфера этого дома.

СТЭЙСИ. А Порция знает?

МЭГГИ. Нет, но кровь знает за нее. Я тут несколько раз думала, сказать ей, что ли, вдруг поможет? А потом поняла, что опоздала лет на тридцать... Стэйси, тебе, конечно, не надо объяснять, что об этом лучше помалкивать.

СТЭЙСИ. Я даже Джастину не скажу, а я ему все рассказываю.

МЭГГИ. Умница.

Свет на ПОРЦИЮ и СЕНШИЛА. Звуки из музыкального автомата перемежаются с голосом ГАБРИЭЛЯ, который подхватывает песню. ПОРЦИЯ, закрыв глаза, обнимает СЕНШИЛА. ФИНТАН покачивается из стороны в сторону, наблюдая за ними. МЭГГИ МЭЙ и СТЭЙСИ тоже покачиваются в такт музыке, пьют, курят, погруженные в себя. СЕНШИЛ вынимает печенье из кармана и грызет его, другой рукой он нежно гладит ПОРЦИЮ по голове. ПОРЦИЯ смотрит на него.

ПОРЦИЯ. Господи, Сеншил, ты и в день Страшного Суда, рядом с Господом сидя, будешь печенье грызть.

СЕНШИЛ. Может, даже его угощу.

ПОРЦИЯ. Сеншил, как тебе удалось остаться таким чистым?

СЕНШИЛ. Чистый, вот как ты это называешь?

ПОРЦИЯ. Ага.

СЕНШИЛ. Я просто старый идиот, Порция, любой другой назвал бы меня неудачником.

ПОРЦИЯ. А это так плохо?

СЕНШИЛ. Ну... Я еще не встречал человека, которому бы не хотелось оставить хоть какую-то память, хоть маленькое напоминание о том, что он когда-то жил на этой земле. Некоторые оставляют хорошую память, некоторые — плохую, а мы вот, как тени, не оставляем вообще никакой.

ПОРЦИЯ. Как ты думаешь, а я тоже тень?

СЕНШИЛ. Ты — нет... Но если бы и была, мы все равно нужны, на нашем фоне лучше видны гиганты, которые живут на этом, а может, и на том свете.

СТЭЙСИ. Порция, пошли, а то у детей уже уроки закончились.

ФИНТАН (*зло, вслед Порции и Стэйси*). Ваши величества уже не считают нужным платить за выпивку?

ПОРЦИЯ. Вот, держи.

ФИНТАН. У меня нет сдачи с пятидесяти фунтов!

ПОРЦИЯ. Ну, так оставь ее себе, купишь еще одну побрякушку.

ПОРЦИЯ и СТЭЙСИ *выходят*.

МЭГГИ. Эй! Я разменяю! (*Выхватывает банкноту у ФИНТАНА*.) Сеншил! Дай пятерку!

СЕНШИЛ *моментально достает пять фунтов*. ФИНТАН *выхватывает их и уходит в ярости*. МЭГГИ МЭЙ и СЕНШИЛ *выходят*.

Сцена пятая

Гостиная ПОРЦИИ. Откуда-то сверху едва доносится голос ГАБРИЭЛЯ, ПОРЦИЯ пытается расслышать его. Забирается на стол, слушает, задрав голову, сидит на столе, продолжает слушать. Входит МЭРИЭНН. Смотрит на ПОРЦИЮ.

МЭРИЭНН. Порция.

ПОРЦИЯ *не отвечает, только едва заметно вздрогнула*.

Порция.

ПОРЦИЯ (*с закрытыми глазами*). Тсс.

МЭРИЭНН. Да что с тобой, скажи на милость?

ПОРЦИЯ. Слушаю.

МЭРИЭНН. Что? (*Смотрит вверх*.) Мне Мэгги Мэй позвонила, сказала, что ты не в себе. Как будто ты когда-нибудь в себе. Слезь со стола, когда с тобой разговаривают!

ПОРЦИЯ (*задерживает взгляд на МЭРИЭНН*). Я всегда хотела тебя любить, мама, но у меня никогда не получалось.

МЭРИЭНН. Ну хватит уже болтать чепуху! Слезай. (*Ласково.*) Тебе помочь, Порция? (*Протягивает руку.*) Это Габриэль?

ПОРЦИЯ. Не надо. Не хочу с тобой о нем говорить. Ты оскверняешь его образ во мне.

МЭРИЭНН. С Габриэлем было так тяжело, он одержим был собой и тобой.

ПОРЦИЯ. Я сказала, не хочу о нем говорить.

МЭРИЭНН. А я буду! Да, он был одержим тобой! Из утробы вышел, схватившись за твою ногу, и так до сих пор за нее и держится, где бы он ни был! Порция, ты должна взять себя в руки. Дома у тебя бардак, дети растут без матери. Рафаэль все один делает.

ПОРЦИЯ *смотрит на МЭРИЭНН взглядом, полным ненависти.*

И не смотри на меня так! Не знала бы я, что ты мне дочь, могла бы поклясться, что на меня злобный гoblin уставился!

Одним прыжком, как дикая кошка, ПОРЦИЯ кидается на свою мать, сибиает ее с ног, оказывается наверху.

Ой, спина! Ты совсем из ума выжила!

ПОРЦИЯ (*бьет МЭРИЭНН, которая не может из-под нее выбраться*). Ты всю жизнь меня душишь, я уже дышать не могу!

МЭРИЭНН. Отпусти! Пусти меня! Порция, ну пожалуйста, я ж тебе мать!

ПОРЦИЯ. Почему ты не могла оставить нас в покое? Мы ничего плохого не делали!

МЭРИЭНН. Ты совсем чокнулась! Пусти меня!

ПОРЦИЯ. Шпионила за нами!

МЭРИЭНН *рычит.*

Лезла в наши игры! Некуда было деваться от твоего истеричного визга! Не могла оставить нас в покое! Ну почему!

МЭРИЭНН. Оставить в покое, чтоб вы продолжали свои идиотские, извращенные игры!

ПОРЦИЯ. Мы никому не мешали! А нас с Габриэлем запирали в той комнате...

МЭРИЭНН. Меня тоже запирали...

ПОРЦИЯ. Ага, а ты ревела в подушку! Ты ревела, ревела, наверное, ад — это коридор с дверьми, и за каждой вот так режут, а потом ты срывалась на нас, потому что мы меньше и слабее, но хуже всего были твои жалкие попытки нас любить. Лучше бы ты только злилась! Идиотские пикники с лимонадом и чипсами...

МЭРИЭНН. Правильно, издевайся! Лучше бы я вас вообще не рожала!

ПОРЦИЯ. Мы тоже так думали.

МЭРИЭНН. И я любила Габриэля, а не тебя!

ПОРЦИЯ. Очень жаль, ведь ему на тебя было начхать...

МЭРИЭНН. У него был дар, а ты — бездарь!

ПОРЦИЯ. Он ненавидел тебя! Знаешь, как мы тебя звали? Свинья недорезанная!

МЭРИЭНН. Ты просто тенью его была, ходила за ним, как хвост собачий!

ПОРЦИЯ. Врешь, сука! Пришла сюда говорить о Габриэле, как будто он был твой! Мой он был, мой! И это я его потеряла! И только я для него имела значение!

МЭРИЭНН. Имела! Видела я, что он с тобой делал! Ты начинала задыхаться, стоило ему посмотреть на тебя! Как он из тебя жилы тянул, когда ты что-то не по его делала!

ПОРЦИЯ. Мама, он это делал с собой, он думал, что я — это он!

МЭРИЭНН. Я знаю. Но ты — не он, Порция, ты должна забыть его, это не может так продолжаться.

ПОРЦИЯ. Зачем было разлучать нас?

МЭРИЭНН. Это не я вас разлучила, ты прекрасно это знаешь.

ПОРЦИЯ. Сука! Пошла вон! Вон! Вон! Вон отсюда!!!

Снова нападает, МЭРИЭНН защищается.

МЭРИЭНН. Хватит! Хватит! Перестань!

ПОРЦИЯ. Это не я нас разлучила! Вы с папой! Вы прекратили возить его на пение!

МЭРИЭНН. Мы с отцом прекратили бы многое, если бы могли...

ПОРЦИЯ. Он же только петь и умел, твою мать!

МЭРИЭНН. Порция, Габриэль перестал петь, когда ты прекратила с ним разговаривать, отказалась есть за одним столом, когда стала убегать из комнаты, куда он входил, и начала шляться со Стэйси и Дэймасом Хэлионом. Вот когда он перестал петь. Порция, ты выбросила его, как мусор какой-то, а мы с отцом ничего не могли поделать, только смотрели.

Незаметно входит СЛАЙ с коробкой.

ПОРЦИЯ. Мама, хватит, я не могу, Господи, как я люблю этот мир, люблю его краски, я хочу быть здесь, и чтобы эта смерть не сидела во мне, вечно эта смерть, из-за нее я маюсь, как рыба на крючке. Мама, в ту ночь, когда он погиб, после нашего пятинадцатилетия, я была у реки вместе с ним, и он прошептал, перед тем как уйти, Порция, я ухожу, но я вернусь и буду возвращаться, пока ты не станешь моей.

МЭРИЭНН. Порция, ты была с ним?

СЛАЙ (*шепотом*). С ним.

МЭРИЭНН. И ты его не остановила?

ПОРЦИЯ. Остановила? Один из нас должен был уйти, мы же убивали друг друга, а вы позволили нам биться до смерти! Мы бились, и я победила. Мама, я слышу, как он идет, как зовет меня...

СЛАЙ. Ты была с ним, Порция, как ты могла, как ты могла отпустить его?

МЭРИЭНН. Слай, не надо.

СЛАЙ. Мы везде искали его, надеялись вопреки всему, что найдем целого и невредимого, боялись искать в реке, а ты все знала, все это время знала, где он! Мой единственный сын, а ты отпустила его, и он улетел, как ласточка на исходе лета!

ПОРЦИЯ. Я же хотела уйти вместе с ним... Так вышло.

СЛАЙ. Ах ты сучка! Сучка паршивая! Я видел, как ты играла с ним, как дразнила его, видел все ваши развратные игры, видел, как вы плясали гольшом, мерзость какая, когда весь мир спал, только вы да река не спали... Я с тобой раз и навсегда разберусь, шлюшка такая, ты, ты, блядь, сучка ты!

ПОРЦИЯ. Я тебе не мать и не жена, и нечего тут срывать на мне злобу, трус поганый!

МЭРИЭНН. Слай! Иди домой! Немедленно! Твоя родная дочь!

ПОРЦИЯ. Я не убивала вашего драгоценного Габриэля! Мы все его убили!

СЛАЙ. Ты мне больше не дочь.

ПОРЦИЯ. Папа, не говори так, я просто хочу рассказать, как все было, он уже совсем близко, я слышу его шаги с того света...

СЛАЙ. Чего ты от меня-то хочешь, девочка? Я разбираюсь в скотине, а не в призраках! Чего ты от меня хочешь? Мэриэнн, скажи ей что-нибудь, я не могу. *(Идет к выходу, подбирает коробку.)* Вот платье, которое ты велела купить ей на день рождения.

Идет к выходу, оглядывается на ПОРЦИЮ.

МЭРИЭНН. Иди, Слай, иди.

СЛАЙ уходит. Тишина. МЭРИЭНН открывает коробку, достает красивое платье, протягивает ПОРЦИИ.

Тебе нравится?

ПОРЦИЯ (*шепчет*). Мама.

МЭРИЭНН. Тебе очень пойдет, еще вчера хотела его подарить, на тридцатилетие.

МЭРИЭНН *выходит*. ПОРЦИЯ *надевает платье*.

Сцена шестая

ПОРЦИЯ *накрывает на стол, зажигает свечи, открывает бутылку, разливает вино, выпивает, сидит некоторое время, надевает бриллиантовый браслет. Входит РАФАЭЛЬ: телефон, ключи от машины, бухгалтерские книги. Смотрит на стол с довольной улыбкой.*

РАФАЭЛЬ. Дети спят?

ПОРЦИЯ. Только что уложила.

РАФАЭЛЬ. Задержался на фабрике.

ПОРЦИЯ. Правда? (*Наливает ему вина.*)

РАФАЭЛЬ. Спасибо. Тебе лучше?

ПОРЦИЯ. Ничего.

РАФАЭЛЬ. Рад это слышать.

ПОРЦИЯ. Я несю ужин.

РАФАЭЛЬ. Давай.

ПОРЦИЯ *вносит ужин, раскладывает его по тарелкам. Они набрасываются на еду и жадно заглатывают куски. Не поднимая головы от тарелок и не разговаривая друг с другом, доели.*

ПОРЦИЯ. Еще есть.

РАФАЭЛЬ. Не, пока хватит.

РАФАЭЛЬ *закуривает сигару*, ПОРЦИЯ — *сигарету*.

Я был у этого бармена в «Густом тростнике» — Гулан, что ли, его зовут?

ПОРЦИЯ. Да, Финтан Гулан.

РАФАЭЛЬ. Он клянется, что к тебе и не притронулся.

ПОРЦИЯ. Ну да.

РАФАЭЛЬ. Так это неправда? Да? Порция, ну зачем же было так врать?

ПОРЦИЯ. Может, затем, чтобы скрыть что-то большее.

РАФАЭЛЬ. В каком смысле?

ПОРЦИЯ. Рафаэль, давай забудем это, а? Смотри, я тебе ужин приготовила, налила вина, испекла Квинтина, почитала ему на ночь. Разве нельзя хоть раз в жизни просто доставить друг другу немного радости?

РАФАЭЛЬ. Радости? Мы? С ума сойти. Я, вообще-то, уже давно понял, что тебе на меня наплевать.

ПОРЦИЯ. Может, и не было бы, если бы ты был не таким безразличным, если бы тебе хоть что-нибудь было нужно! Я так и не научилась с этим мириться... И... Рафаэль, я никогда никому не говорила... Понимаешь, мы с Габриэлем занимались любовью — там, у реки, и так было всегда, лет с пяти... Это то, что я помню, но мне кажется, что это началось еще до нашего рождения. Я иногда закрываю глаза и снова чувствую, как вода колышется вокруг, и материнское сердце бьется где-то вверху, и мы с ним, сплетенные в клубок, его нога — на моей голове, моя — в его руке, и мы не знаем, кто из нас кто, и не хотим знать, только вода шумит в ушах, и весь мир — это Порция и Габриэль, прижатые друг к другу в тесной утробе, где нет ни дыхания, ни мысли, ни зрения — только тьма, и биение сердца, и прикосновения... А потом, когда мне было пятнадцать, я стала спать с Дэймасом Хэлионом — думать надо было, конечно, потому что он никогда ничего для меня не значил, — а Габриэль увидел, а Габриэль увидел и никогда больше со мной не разговаривал...

РАФАЭЛЬ. Ты моя жена, Порция, а не Габриэля, и это мне ты изменяла, а не ему! Дэймас Хэлион! Господи, Пор-

ция, ты настолько лучше его! Ну почему тебе надо было так унижать себя и меня!

ПОРЦИЯ. Я же сказала, он ничего для меня не значил. Совсем ничего, Рафаэль.

РАФАЭЛЬ. А-а, к черту Дэймаса Хэлиона! Думал, мне это важно, но мне плевать на него, на этого говнюка сраного! Нет, дело в Габриэле! Я ждал тринадцать лет, чтобы ты заговорила обо мне так, как ты только что говорила о нем. Все, я устал! (*Направляется к выходу.*)

ПОРЦИЯ. Рафаэль, не оставляй меня здесь одну!

РАФАЭЛЬ. Я больше не знаю, как с тобой себя вести. Ты считаешь, что можешь делать со мной все, что хочешь. Раньше так и было. Когда я впервые увидел тебя у реки, я попросил Бога, чтобы ты была моей. Я дал тебе все, что может захотеть женщина, а ты? Смешала меня с грязью, а теперь хочешь нежности? Не дождешься. Я пошел спать.

ПОРЦИЯ. Рафаэль.

РАФАЭЛЬ. Ну что?

ПОРЦИЯ. Я заметила тебя еще раньше, однажды в воскресенье видела, как ты рыбу ловил, и твои спокойствие и уверенность, они были для меня как бальзам на душу, и я спросила, кто это, мне сказали Рафаэль Кохлан, и меня поразило, что человек с таким именем может быть таким настоящим, и я решила, что, если Рафаэль Кохлан меня заметит, у меня появится шанс войти в эту жизнь и жить, а это всегда было так тяжело! А ты хочешь, чтобы я говорила о тебе, как о Габриэле. Я не могу, Рафаэль, не могу! И хотя все говорят, что я должна забыть его, я не могу этого сделать, Рафаэль. Не могу.

РАФАЭЛЬ *выходит. Раздается торжествующее пение*
ГАБРИЭЛЯ.

Мартин МакДонах

**КАЛЕКА С ОСТРОВА
ИНИШМААН**

Перевод Олега Качковского, Юлии Курбаковой,
Натальи Просунцовой
Copyright © 1997 Martin Macdonagh

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КЕЙТ,	за шестьдесят.
ЭЙЛИН,	за шестьдесят.
ДЖОННИПАТИНМАЙК,	за шестьдесят.
БИЛЛИ,	лет семьдесят-восемьдесят. Калека.
БАРТЛИ,	лет шестьдесят.
ХЕЛЕН,	семьдесят-восемьдесят. Ми- ловидная.
МАЛЫШ БОББИ,	тридцать с небольшим. Кра- сивый, крепкий.
ДОКТОР,	сорок с небольшим.
МАМАША,	за девяносто.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ: ОСТРОВ ИНИШМААН, 1934.

Сцена первая

Магазинчик на острове Иннишмаан, примерно 1934 год. Справа — дверь. В глубине сцены — прилавок, за ним — полки, заставленные консервными банками, в основном с горошком. Справа от полок висит старый пыльный мешок. Дверь слева ведет в скрытую от зрителя заднюю комнату. На стене слева — зеркало, рядом стол и стул. ЭЙЛИН ОСБОРН расставляет консервы по полкам. Ее сестра КЕЙТ выходит из задней комнаты.

КЕЙТ. Билли еще не пришел?

ЭЙЛИН. Не пришел еще Билли.

КЕЙТ. Я ужасно волнуюсь за Билли, когда его долго нет.

ЭЙЛИН. Я ушибла руку о банку с горошком, так волновалась за Калеку Билли.

КЕЙТ. Большую руку?

ЭЙЛИН. Нет, другую.

КЕЙТ. Было б хуже, если б ты ушибла большую руку.

ЭЙЛИН. Было б хуже, да так тоже больно.

КЕЙТ. Теперь у тебя обе руки больные.

ЭЙЛИН. Ну как сказать, одна рука больная, а одна ушибленная.

КЕЙТ. Ушиб пройдет.

ЭЙЛИН. Ушиб пройдет.

КЕЙТ. А больная рука останется.

ЭЙЛИН. Больная рука никуда не денется.

КЕЙТ. До самой твоей смерти.

ЭЙЛИН. Вот я и думаю о бедном Билли, у него не только руки, но и ноги больные.

КЕЙТ. У Билли тридцать три несчастья.

ЭЙЛИН. Сто тридцать три несчастья у Билли.

КЕЙТ. Во сколько это у него этот прием у МакШерри с его грудью?

ЭЙЛИН. Не знаю, во сколько.

КЕЙТ. Я, знаешь, ужасно волнуюсь за Билли, когда его долго нет.

ЭЙЛИН. Однажды это ты уже сказала.

КЕЙТ. Что, мне уже и повторить нельзя, когда волнуешься?

ЭЙЛИН. Да можно, можно.

КЕЙТ (*пауза*). Со своими ногами Билли мог в яму провалиться.

ЭЙЛИН. У Билли точно ума хватит в ямы не проваливаться. В яму скорее уж Бартли МакКормик провалится.

КЕЙТ. Помнишь, как Бартли МакКормик в яму провалился?

ЭЙЛИН. Бартли МакКормик — тупой как пробка.

КЕЙТ. Либо тупой, либо под ноги не смотрит. (*Пауза.*) Этот с яйцами был?

ЭЙЛИН. Был, но без яиц.

КЕЙТ. Чего тогда приходил?

ЭЙЛИН. Нет, хорошо, что зашел, а то бы мы ждали яиц и не дождались.

КЕЙТ. Билли тоже мог бы о нас подумать. Не в смысле яиц, а мог бы вернуться побыстрее, мы же волнуемся.

ЭЙЛИН. Может, Билли остановился на корову посмотреть, как в тот раз.

КЕЙТ. Пустая трата времени — на коров смотреть.

ЭЙЛИН. Если ему нравится, что тут такого? Есть занятия похуже, чем на коров смотреть. Такие занятия прямоком в ад ведут. А так он просто к чаю опоздает.

КЕЙТ. Девушек целовать.

ЭЙЛИН. Девушек целовать.

КЕЙТ (*пауза*). Это бедному Билли не светит.

ЭЙЛИН. Кто ж поцелует бедного Билли? Разве что слепая.

КЕЙТ. Слепая или чокнутая.

ЭЙЛИН. Или дочка Джима Финнегана.

КЕЙТ. Она хоть чего поцелует.

ЭЙЛИН. Хоть осла плешивого.

КЕЙТ. Хоть осла плешивого. А бедного Билли, наверное, и она бы отшила. Бедный Билли.

ЭЙЛИН. Жалко.

КЕЙТ. Жалко, ведь лицо у Билли симпатичное, если только не глядеть на все остальное.

ЭЙЛИН. Я бы не сказала.

КЕЙТ. Чуть-чуть симпатичное.

ЭЙЛИН. Я бы не сказала, Кейт.

КЕЙТ. А вот глаза, например. Глаза-то у него хорошие.

ЭЙЛИН. Не хочу обидеть Билли, но у козла глаза и то лучше. Был бы он человек хороший, тогда другое дело, а то он только и умеет, что на коров тарашиться.

КЕЙТ. Хотела бы я его как-нибудь спросить, зачем ему это — на коров тарашиться.

ЭЙЛИН. На коров тарашиться да книжки читать.

КЕЙТ. Никто никогда замуж за него не пойдет. До самой смерти нам с ним мыкаться.

ЭЙЛИН. Это точно. *(Пауза.)* Я не против с ним мыкаться.

КЕЙТ. И я не против с ним мыкаться. Билли славный парень, несмотря на коров.

ЭЙЛИН. Надеюсь, МакШерри ничего страшного у Билли не нашел.

КЕЙТ. Надеюсь, он скоро вернется, а то мы волнуемся. Я ужасно волнуюсь за Билли, когда его долго нет.

Дверь магазинчика открывается, и входит ДЖОННИПАТИНМАЙК, примерно их ровесник.

ЭЙЛИН. ДЖОННИПАТИНМАЙК.

КЕЙТ. Пустозвон.

ДЖОННИ. Как дела? У ДЖОННИПАТИНМАЙКа есть для вас три новости...

КЕЙТ. Пустозвон, ты не видел по пути Калеку Билли?

ДЖОННИ *(пауза. Обиженно)*. Вы меня перебили, миссис Осборн, а третья новость — новость что надо, но раз

уж вы перебиваете меня дурацкими вопросами — пусть. Да, я видел Калеку Билли по пути. Он сидит у дороги, где поля Дарси.

КЕЙТ. А чего он сидит там, у дороги?

ДЖОННИ. Чего сидит? Да как обычно, смотрит на корову. Еще перебивать будете?

КЕЙТ(*печально*). Нет.

ДЖОННИ. Тогда я продолжаю рассказывать свои три новости. Самую лучшую новость я оставлю на закуску, чтобы вы помучились как следует. Первая новость такая: один парень из Леттермора выкрал книгу у другого парня и выбросил ее в море.

ЭЙЛИН. Тоже мне новость.

ДЖОННИ. Согласен, новость так себе, только вот оба этих парня — братья, а книга — *Священное Писание*. Каково, а?

КЕЙТ. Господи помилуй!

ДЖОННИ. Что ж, по-вашему, это не новость?!

ЭЙЛИН. *Новость*, Пустозвон, новость, и еще какая.

ДЖОННИ. Сам знаю, что новость важная, а если кто-то все еще сомневается в том, что у меня важные новости, я пойду в другое место, где мои новости оценят.

ЭЙЛИН. Мы твои новости *ценим*, ДЖОННИПАТИНМАЙК.

КЕЙТ. В жизни не сомневались, что твои новости важные, ДЖОННИПАТИНМАЙК.

ДЖОННИ. Вторая новость такая: гусь Джека Эллери ущипнул кошку Пэта Бреннана за хвост, и кошке было больно, а Джек Эллери даже не извинился за своего гуся, и теперь Пэтти Бреннан терпеть не может Джека Эллери, а ведь Пэтти с Джеком так дружили. Каково?

ЭЙЛИН(*пауза*). Это вся новость?

ДЖОННИ. Да, это *вся* новость.

ЭЙЛИН. Да уж, новость так новость.

ЭЙЛИН *закатывает глаза к потолку*.

ДЖОННИ. Новость так новость. Этот гусь может положить начало кровной вражде. Более того, я надеюсь, что так и будет. Вражда — это хорошо.

КЕЙТ. Надеюсь, Пэтти и Джек все забудут и помирятся. Они ведь в школе были не разлей вода.

ДЖОННИ. Сразу видно, женщина говорит. Забудут, помирятся — какие тогда новости? Никаких. Тут нужна хорошая вражда, или, на худой конец, когда Библию в море швыряют, или что-то вроде моей третьей новости, а такой важной новости ДЖОННИПАТИНМАЙК за всю свою жизнь не слышал...

Входит, хромая, БИЛЛИ, семнадцати лет, рука и нога изувечены.

БИЛЛИ. Тетя Кейт, тетя Эйлин, простите, что так поздно.

ДЖОННИ. Калека Билли, ты помешал мне рассказывать новости.

КЕЙТ. Что сказал доктор, Билли?

БИЛЛИ. Сказал, в груди у меня ничего нет, только легкий хрип, ничего больше нет, только легкий хрип.

ДЖОННИ. Я и не знал, что у парня хрип. Почему Пу-стозвону не сообщили?

КЕЙТ. Почему ты так поздно, Билли? Мы уж так волновались.

БИЛЛИ. Я просто сидел себе на солнышке, там, где поля Дарси.

КЕЙТ. Сидел и что?

БИЛЛИ. Сидел и все.

КЕЙТ. И ничего не делал?

БИЛЛИ. И ничего не делал.

КЕЙТ (*обращаясь к ДЖОННИ*). Вот!

БИЛЛИ. Ничего, просто смотрел на двух коров, они прямо ко мне подошли.

КЕЙТ *отворачивается от него.*

ДЖОННИ (*обращаясь к КЕЙТ*). Вот тебе и вот! А?

ЭЙЛИН. Билли, что ж ты коров никак в покое не оставишь?

БИЛЛИ. Да я на них просто смотрел.

ДЖОННИ. Прошу прощения, я, кажется, что-то рассказывал...

КЕЙТ. Что ты в них нашел? Ты же взрослый мужчина!

БИЛЛИ. Ну нравится мне на хорошую корову посмотреть, и никто мне не указ.

ДЖОННИ (*вопит*). Не хотите слушать мои новости, я их забираю и ухожу! Болтают тут о коровах с придурком этим!

БИЛЛИ. С придурком, значит?

ЭЙЛИН. Ну, рассказывай скорее свои новости, ДЖОННИПАТИНМАЙК.

ДЖОННИ. Если вы закончили с коровами, то я расскажу, хотя уверен, что жареные креветки и те слушают внимательней.

КЕЙТ. Мы слушаем внимательно.

ЭЙЛИН. Мы слушаем внимательно.

БИЛЛИ. Нечего ему поддакивать.

ДЖОННИ. Поддакивать, значит, Калека Билли?

БИЛЛИ. Ты, не называй меня Калекой.

ДЖОННИ. Это почему? Разве тебя зовут не Билли и разве ты не калека?

БИЛЛИ. Разве я называю тебя «ДЖОННИПАТИНМАЙК, у которого такие новости, что даже дохлая пчела сдохла бы со скуки»?

ДЖОННИ. Со скуки, значит? А как тебе такая скучная новость...

БИЛЛИ. По крайней мере, ты согласен, что она скучная. Уже кое-что.

ДЖОННИ (*пауза*). Из Голливуда, штат Калифорния, что в Америке, пришли они, и вел их янки по имени Роберт Флаэрти, один из самых знаменитых и богатых янки на свете. И пришли они на остров Инишмор, и зачем же они пришли? Я поведаю вам, зачем пришли они. Пришли,

чтобы снять кино, кинофильм на миллион долларов, и покажут его во всем мире, и покажут, как живут на островах, и сделают кинозвездами всех, кого возьмут сниматься, и заберут их с собой в Голливуд, и устроят им беззаботную жизнь — никакой работы, только актером быть, а это и работой назвать нельзя, так, одна болтовня. Я знаю, что уже взяли Колмана Кинга и платят ему сотню долларов в неделю, а уж если Колман Кинг может сниматься в кино, то и любой может, ведь Колман Кинг страшен, как кирпич дерьма печеного, это всякий скажет, вы уж меня извините за грубость, я просто образно выразился. Небольшой исход из этих краев на большой остров предрекает ДЖОННИПАТИНМАЙК. Исход девушек и юношей, которые похожи на кинозвезд и хотят попытаться счастья в Америке. Что, само собой, оставляет вас всех не у дел, если, конечно, им там не нужны калеки и неблагодарные. Я-то в молодости, меня бы точно взяли, с моими-то голубыми глазами, с моей-то шевелюрой, да, может, и сейчас возьмут, с моими-то ораторскими способностями я любого бездельника на дублинской сцене обставлю, только, как вам известно, надо за мамашей-пьяницей присматривать. И назовут этот фильм «Человек из Арана», и верно, Ирландия не такая уж дыра, раз янки приезжают сюда кино снимать.

БИЛЛИ сидит сбоку за столом в глубокой задумчивости.

ДЖОННИ. Это и была третья новость Джоннипатина, а теперь скажи мне, хромоногий, скучная это новость?

БИЛЛИ. Эта новость совсем не скучная. В жизни своей я такой важной новости не слышал.

ДЖОННИ. Ну раз уж мы сошлись во мнениях о важности моей новости... «Важнота», конечно, не совсем подходящее слово, сам знаю, да не стану я ради такого, как ты, другое выдумывать... За такую новость возьму-ка я плату натурой, а плата сегодня — пяток яиц, так хочется омлета, да.

ЭЙЛИН. Ой.

БИЛЛИ. Что «ой»?

ЭЙЛИН. Этот с яйцами приходил, но без яиц.

ДЖОННИ. Без яиц?! Я им такую важную новость рассказываю в довесок к двум первым, которые, хоть и поменьше, но тоже не хуже, а у них яиц нет?!

ЭЙЛИН. Он сказал, куры не несутся, а Чума-Хелен разбила те, что еще оставались.

ДЖОННИ. Так что у вас найдется мне на ужин?

ЭЙЛИН. Есть горошек.

ДЖОННИ. Горошек! Разве горошек годится мужчине к ужину? Дай-ка мне сюда кусок грудинки. Во-он тот.

ЭЙЛИН. Какой тебе? Тот, постный?

ДЖОННИ. Да-да, постный.

ЭЙЛИН. Ну знаешь, такой грудинки твои новости не стоят, ДЖОННИПАТИНМАЙК.

ДЖОННИ с ненавистью смотрит на них, затем в раздражении уходит.

Ну, хорош...

КЕЙТ. Не стоит нам с ним ссориться, Эйлин. Как мы еще узнаем, что в мире творится, если не от Джонни?

ЭЙЛИН. Да ведь это первая приличная новость за двадцать лет.

КЕЙТ. Да, а следующей мы теперь можем и не услышать.

ЭЙЛИН. Приходит сюда каждую неделю яйца вымогать.

БИЛЛИ. А новость-то интересная.

КЕЙТ (*подходит к нему*). Тебе обычно дела нет до новостей Джоннипатинмайка, Билли.

БИЛЛИ. Когда новости про то, что жаба споткнулась, дела нет. А когда про съемки, про то, как можно уехать с Инишмаана, очень даже есть.

КЕЙТ. Ты что, снова думаешь о своих бедных родителях?

БИЛЛИ. Да нет. Я так, вообще о своем.

ЭЙЛИН. Он опять за старое?

КЕЙТ (*вздыхает*). За старое.

ЭЙЛИН. Опять думает?

КЕЙТ. Кто его знает.

ЭЙЛИН. Когда доктор твою грудь осматривал, он голову тебе не проверил, а, Билли?

БИЛЛИ (*безучастно*). Нет.

ЭЙЛИН. Думаю, тебе в следующий раз стоит проверить голову.

КЕЙТ. Точно, это дальше по списку.

Дверь магазинчика с грохотом распахивается. ДЖОННИ заглядывает внутрь.

ДЖОННИ (*зло*). Раз уж вам на меня наплевать, давайте сюда свой дерьмовый горошек!

ЭЙЛИН дает ДЖОННИ банку горошка. ДЖОННИ уходит, громко хлопнув дверью. БИЛЛИ не обращает на него внимания, женщины в смущении. Затемнение.

Сцена вторая

БАРТЛИ, парень лет шестнадцати, стоит у прилавка и разглядывает леденцы в двух прямоугольных банках, которые перетряхивает ЭЙЛИН. БИЛЛИ сидит на стуле и читает.

БАРТЛИ (*пауза*). А Ментос у вас есть?

ЭЙЛИН. Все, что есть, перед тобой, Бартли МакКормик.

БАРТЛИ. А в Америке есть Ментос.

ЭЙЛИН. Вот и езжай в Америку.

БАРТЛИ. Тетя Мэри прислала мне семь Ментосов в пакетике.

ЭЙЛИН. Повезло тебе с тетей.

БАРТЛИ. Из Бостона, штат Массачусетс.

ЭЙЛИН. Из Бостона, штат Массачусетс, угу.

БАРТЛИ. У вас их нету?

ЭЙЛИН. Все, что есть, перед тобой.

БАРТЛИ. Вам бы надо завести Ментос, очень вкусные конфетки. Вам бы надо заказать его. Вам бы найти кого-нибудь в Америке, чтобы Ментос присылали. В пакетиках. Посмотрю-ка я еще.

ЭЙЛИН. Давай, посмотри-ка еще.

БАРТЛИ снова принимается копаться в коробках. БИЛЛИ улыбается ЭЙЛИН. Та закатывает глаза и улыбается в ответ.

БАРТЛИ(*пауза*). А Чупа-Чупсы у вас есть?

ЭЙЛИН(*пауза*). Все, что есть, перед тобой.

БАРТЛИ. А вот в Америке есть Чупа-Чупсы.

ЭЙЛИН. Это точно. Наверное, тетя Мэри и их тебе в пакетике прислала.

БАРТЛИ. Нет. Она прислала мне фотографию пакетика. Из конфет она мне только семь Ментосов прислала. (*Пауза.*) Лучше бы прислала четыре Ментоса, а три — Чупа-Чупса, тогда у меня был бы выбор. Или три Ментоса и четыре Чупа-Чупса. Так вот. Но если честно, я и семи Ментосам рад. Вкуснющие конфетки. Хотя фотография Чупа-Чупсов разожгла во мне любопытство. (*Пауза.*) Так у вас их нет?

ЭЙЛИН. Чупа-Чупсов?

БАРТЛИ. Да.

ЭЙЛИН. Нет.

БАРТЛИ. Жалко.

ЭЙЛИН. Все, что есть, перед тобой.

БАРТЛИ. Посмотрю-ка я еще разок. Хочется что-нибудь пососать. Ну, знаете, в дороге.

БИЛЛИ. В какой дороге, Бартли?

Дверь распахивается, входит ХЕЛЕН, хорошенькая девушка лет семнадцати, и начинает орать на БАРТЛИ.

ХЕЛЕН. Ты идешь, засранец, на хрен, или нет?!

БАРТЛИ. Я тут конфетки выбираю.

ХЕЛЕН. Да затрахал ты своими конфетками!

ЭЙЛИН. Ну вот, уже девушки ругаются!

ХЕЛЕН. Точно, девушки ругаются, а как им не ругаться, если они уже битый час ждут своего хренова братца-идиота? Привет, Калека Билли.

БИЛЛИ. Привет, Хелен.

ХЕЛЕН. Опять какое-то старье читаешь?

БИЛЛИ. Точно.

ХЕЛЕН. Все время читаешь, да?

БИЛЛИ. Да. Правда, иногда не читаю...

ЭЙЛИН. Говорят, ты на днях яйца уронила, Хелен? Все перебила.

ХЕЛЕН. Ничего я не роняла. Я кидалась ими в отца Барратта. Зафигачила четыре штуки прямо в рожу, на хрен.

ЭЙЛИН. Ты кидалась яйцами в отца Барратта?

ХЕЛЕН. Ну да. Что это вы за мной повторяете?

ЭЙЛИН. Кидаться яйцами в священника — чистое богохульство.

ХЕЛЕН. Может, и богохульство, но если бы сам Господь Бог хватал меня за задницу на спевке хора, я бы в этого засранца тоже яйцом запустила.

ЭЙЛИН. Отец Барратт хватал тебя за... хватал тебя сзади на спевке хо...

ХЕЛЕН. Не сзади, нет. За задницу, за зад-ни-цу.

ЭЙЛИН. Ни единому слову не верю, Хелен МакКормик.

ХЕЛЕН. Да мне, на хрен, плевать, верите или нет.

БИЛЛИ. Не надо, Хелен...

БАРТЛИ. Хуже всего то, что яйца зря пропали. Обожаю хорошо приготовленное яичко.

ХЕЛЕН. Ты тут про яйца рассуждать собрался или свои долбаные конфетки покупать?

БАРТЛИ (*обращается к ЭЙЛИН*). Скажите, а у вас есть Màm's?

ЭЙЛИН (*пауза*). Бартли, не догадываешься, что я тебе отвечу?

БАРТЛИ. Вы ответите, все, что есть, передо мной.

ЭЙЛИН. Ну вот, уже кое-что.

БАРТЛИ. Погляжу-ка я еще.

ХЕЛЕН *вздыхает, лениво подходит к БИЛЛИ, берет его книгу, смотрит на обложку, морищится и отдает назад.*

БИЛЛИ. Бартли сказал, вы куда-то едете?

ХЕЛЕН. Пльвем на Инишмор, в кино сниматься.

БАРТЛИ. Наверное, Ирландия не такая уж дыра, раз янки приезжают сюда кино снимать.

ХЕЛЕН. Из всех мест на свете Ирландию выбрали.

БАРТЛИ. Слыхали, в Росмуке француз живет.

ЭЙЛИН. Правда?

БАРТЛИ. Как же, что он там делает, Хелен, этот француз? Что-то такое эдакое.

ХЕЛЕН. Зубной врач он.

БАРТЛИ. Зубной врач. Ходит себе и со всеми по-французски говорит, а над ним смеются. Знаете, так, за спиной.

ХЕЛЕН. Наверное, Ирландия не такая уж дыра, раз французы сюда приезжают.

БИЛЛИ. Так, значит, когда вы едете на съемки, Хелен?

ХЕЛЕН. Завтра утром, с отливом.

БАРТЛИ. Скорей бы уж в кино сниматься.

ХЕЛЕН. Ты там выбираешь или трепешься?

БАРТЛИ. Выбираю *и* треплюсь.

ХЕЛЕН. Ты шас будешь выбирать, трепаться и по жопе получать, если еще раз огрызнешься, урод.

БАРТЛИ. Как же.

БИЛЛИ. Кстати, Хелен, а с чего ты взяла, что тебя вообще возьмут сниматься?

ХЕЛЕН. Конечно возьмут, я же красивая. Если я такая красивая, что меня священник за задницу хватал, я и с киношниками разберусь.

БАРТЛИ. Чтоб священник за задницу схватил, много не надо. Плевать им на красоту. Главное, чтоб ты был слабый и беззащитный.

ХЕЛЕН. Если главное, чтобы ты был слабый и беззащитный, что ж тогда священники Калеку Билли за задницу не хватают?

БАРТЛИ. С чего ты взяла, что Калеку Билли священники за задницу не хватали?

ХЕЛЕН. Калека Билли, тебя священники за задницу хватали?

БИЛЛИ. Нет.

ХЕЛЕН. Ну вот.

БАРТЛИ. Я полагаю, должен же быть для них какой-то предел.

ХЕЛЕН. Ты тоже слабый и чаще всего беззащитный. Тебя вот священники за задницу хватали?

БАРТЛИ (*тихо*). Не за задницу.

ХЕЛЕН. Вот видишь!

БАРТЛИ (*обращается к ЭЙЛИН*). А Хубба-Бубба у вас есть?

ЭЙЛИН смотрит на него, ставит коробки на прилавок и уходит в заднюю комнату.

Вы куда? А как же мои конфетки?

ХЕЛЕН. Ну ты наконец готов?

БАРТЛИ. Твоя тетка — просто чокнутая, Калека Билли.

ХЕЛЕН. Миссис Осборн Билли совсем не тетка. Не настоящая тетка, и другая тоже не настоящая. Правда, Билли?

БИЛЛИ. Правда.

ХЕЛЕН. Они его взяли, когда родители Билли пошли и утопились, когда оказалось, что Билли калекой уродился.

БИЛЛИ. Они не ходили и не топились.

ХЕЛЕН. Как же, как же...

БИЛЛИ. Они просто в шторм за борт упали.

ХЕЛЕН. Да ладно. А чего их понесло в море, в шторм, да еще и ночью?

БИЛЛИ. Хотели добраться до Большой земли, а оттуда в Америку.

ХЕЛЕН. На самом деле они пытались удрать от тебя, все равно как, не уехать, так помереть.

БИЛЛИ. Да ни хрена ты не знаешь, ты тогда ребенком была, как и я.

ХЕЛЕН. Я ДЖОННИПАТИНМАЙКу пирожок с картошкой дала, он мне и сказал. Это же он остался на берегу с тобой на руках?

БИЛЛИ. Ну он же не знал, что у них на уме. Его с ними в лодке не было.

ХЕЛЕН. Они же привязали к себе мешок с камнями?

БИЛЛИ. То, что они привязали к себя мешок с камнями, — пустые слухи. Даже Джонни так говорит...

БАРТЛИ. Может, у него был телескоп.

ХЕЛЕН(*пауза*). Может, у кого был телескоп?

БАРТЛИ. Может, у Джонни был телескоп.

ХЕЛЕН. Какая разница, был у него телескоп или нет?

БАРТЛИ *задумывается, пожимает плечами.*

ХЕЛЕН. Затрахал уже со своим телескопом. Вечно ты со своими телескопами в разговор лезешь, на хрен.

БАРТЛИ. В Америке сейчас широкий выбор телескопов. Червяка за милю видно.

ХЕЛЕН. Зачем тебе сдался червяк за милю?

БАРТЛИ. Чтобы посмотреть, что он делает.

ХЕЛЕН. И что же червяки обычно делают?

БАРТЛИ. Извиваются.

ХЕЛЕН. Извиваются. А сколько стоит телескоп?

БАРТЛИ. Хороший — двенадцать долларов.

ХЕЛЕН. Так ты готов выложить двенадцать долларов, чтобы посмотреть, как червяк извивается?

БАРТЛИ (*пауза*). Ага, готов.

ХЕЛЕН. У тебя на яйцах и двенадцати волосинок не найдется, не говоря уж о двенадцати долларах.

БАРТЛИ. На яйцах у меня двенадцати долларов нет, тут ты права. Что за ерунда.

ХЕЛЕН *подходит к нему*.

БАРТЛИ. Не надо, Хелен...

ХЕЛЕН *с силой бьет его в живот*.

(*согнувшись*). Больно! Прямо по ребрам!

ХЕЛЕН. Не ной. Ты как со мной разговариваешь, твою мать! (*Пауза*.) Так о чем это мы говорили, Калека Билли? Ах да, о твоих мертвых родителях.

БИЛЛИ. Не топились они из-за меня. Они меня любили.

ХЕЛЕН. Любили, говоришь? А ты бы стал себя любить, если бы ты был не ты? Ты и сейчас себя не очень-то любишь, а ведь ты — это ты.

БАРТЛИ (*согнувшись*). По крайней мере, Калека Билли не бьет никого по ребрам.

ХЕЛЕН. Нет, и знаешь, почему? Потому что он хилый, на хрен. Мокрый гусь, и тот сильнее бы врезал.

БАРТЛИ (*взволнованно*). Слыхали, гусь Джека Эллери ущипнул кошку Пэтти Бреннана за хвост, и кошке было больно...

ХЕЛЕН. Да слыхали мы.

БАРТЛИ. Ясно. (*Пауза*.) А про то, что Джек даже не извинился за своего гуся, и теперь Пэтти Бреннан...

ХЕЛЕН. Ты что, урод, не слышал, что я сказала?

БАРТЛИ. Я подумал, может, Билли не слышал.

ХЕЛЕН. Билли сейчас думает о своих утонувших родителях, Бартли. Ему на твои гусиные новости столетней

давности плевать. Ты ведь думаешь об утонувших родителях, Билли?

БИЛЛИ. Думаю.

ХЕЛЕН. Ты никогда не выходил в море с той самой ночи, Билли? Боишься?

БИЛЛИ. Боюсь.

ХЕЛЕН. Слабак хренов, да, Бартли?

БАРТЛИ. Если есть мозги, хоть чуть-чуть, да боишься моря.

ХЕЛЕН. Я вот ничуть моря не боюсь.

БАРТЛИ. Ну, с тобой все ясно.

БИЛЛИ *смеется*.

ХЕЛЕН. Это что, оскорбление?

БАРТЛИ. Какое же оскорбление сказать, что ты не боишься моря?

ХЕЛЕН. А почему тогда Калека Билли смеется?

БАРТЛИ. Калека Билли смеется, потому что он вообще с приветом. Правда, Калека Билли?

БИЛЛИ. Да, я с приветом.

ХЕЛЕН *в смущении умолкает*.

БАРТЛИ. Билли, а правда, что ты получил сто фунтов страховки, когда родители утонули?

БИЛЛИ. Правда.

БАРТЛИ. Ничего себе! Деньги еще остались?

БИЛЛИ. Нет, конечно. Все тут же ушло на покупку лекарств.

БАРТЛИ. Даже четверти не осталось?

БИЛЛИ. Нет же. А что?

БАРТЛИ. Если бы у тебя осталась хоть четверть тех денег, ты бы мог купить себе отличный телескоп, представляешь?

ХЕЛЕН. Тебе обязательно со своими долбаными телескопами всюду встревать?

БАРТЛИ. Не обязательно, но мне так нравится! Пошла ты, сучка!

ХЕЛЕН *наступает на БАРТЛИ, тот выбегает из магазина. Пауза.*

ХЕЛЕН. Твою мать, откуда только наглость берется!
БИЛЛИ (*пауза*). Как же вы собрались на Инишмор, Хелен? У вас же нет лодки.

ХЕЛЕН. Нас Мальш Бобби Беннетт отвезет.

БИЛЛИ. За деньги?

ХЕЛЕН. Только за поцелуи, да еще за руку его подержу, надеюсь, только за руку. Кстати, я слыхала, он у него большой. Дочка Джима Финнегана рассказывала. Она знакома с этой штукой у каждого. Картотеку, что ли, ведет?

БИЛЛИ. Про мой она не знает.

ХЕЛЕН. Нашел чем гордиться. Думаю, она не уверена даже, что он у тебя есть, вон какой ты искореженный, на хрен.

БИЛЛИ (*грустно*). Он у меня есть.

ХЕЛЕН. Поздравляю, вот и держи его при себе. Во всех смыслах этого слова. (*Пауза.*) Я ведь только у священников видела. Все время они мне их показывают. Почему — не знаю. Нельзя сказать, чтобы меня это возбуждало. Бурые, и все. (*Пауза.*) Чего это ты скис?

БИЛЛИ. Не знаю, но твои намеки на то, что мои родители предпочли утопиться, лишь бы со мной не мыкаться, веселья не прибавляют.

ХЕЛЕН. Какие намеки. Сказала, как есть.

БИЛЛИ (*тихо*). Ты же не знаешь, о чем они думали.

ХЕЛЕН. Ха-ха? А ты знаешь?

БИЛЛИ *грустно кивает. Пауза. ХЕЛЕН больно тыкает его пальцем в щеку, затем отходит.*

БИЛЛИ. Хелен! Малыш Бобби не возьмет меня с вами на Инишмор?

ХЕЛЕН. А что ты ему можешь предложить? За искореженную руку тебя поддержать?

БИЛЛИ. А Бартли что ему может предложить? Он же тоже едет.

ХЕЛЕН. Бартли обещал помочь грести. А ты можешь грести?

БИЛЛИ снова опускает голову.

А тебе-то зачем туда ехать?

БИЛЛИ (*пожимает плечами*). Сниматься.

ХЕЛЕН. Тебе?

Она смеется и не торопясь отходит к двери.

Нехорошо над тобой смеяться, Билли... А я буду.

Она выходит, смеясь. Пауза. Из задней комнаты возвращается ЭЙЛИН и отвечает БИЛЛИ подзатыльник.

БИЛЛИ. За что?

ЭЙЛИН. Билли Клейвен, сниматься на Инишмор ты поедешь только через мой труп!

БИЛЛИ. Это ведь просто мысли вслух.

ЭЙЛИН. Так, хватит думать вслух! Хватит думать вслух и про себя! Слишком уж много ты тут думаешь! Ты когда-нибудь видел, чтобы Дева Мария думала вслух?

БИЛЛИ. Нет.

ЭЙЛИН. Вот именно, что не видел. И она от этого не страдает!

ЭЙЛИН снова уходит в заднюю комнату. Пауза. БИЛЛИ встает, ковтыкает к зеркалу, оглядывает себя, затем

ковыляет обратно к столу. БАРТЛИ открывает входную дверь и просовывает голову внутрь.

БАРТЛИ. Калека Билли, передай своей тетке, ну пусть так называемой тетке, что я за Ментосом потом зайду, ну пусть не за Ментосом, а просто за конфетками.

БИЛЛИ. Ладно, Бартли.

БАРТЛИ. Сестра только что сказала, что ты собрался с нами на съемки. Я чуть со смеху не помер. Хохма что надо!

БИЛЛИ. Я рад, Бартли.

БАРТЛИ. Может, они тебя потом в Голливуд возьмут. Звезду из тебя сделают.

БИЛЛИ. Может, и так, Бартли.

БАРТЛИ. Звезда-калека. Хе! Так передай тетке, я за Ментосом потом зайду, ну пусть не за Ментосом, а...

БИЛЛИ. Просто за конфетками.

БАРТЛИ. Просто за конфетками. А если не потом, то завтра утром.

БИЛЛИ. Пока, Бартли.

БАРТЛИ. Пока, Калека Билли, ты тут как, ничего, или грустишь?

БИЛЛИ. Все нормально, Бартли.

БАРТЛИ. Ну и ладно.

БАРТЛИ выходит. БИЛЛИ хрипло вздыхает и ощупывает грудь.

БИЛЛИ. Да уж, нормально.

Пауза. Затемнение.

Сцена третья

Ночь. Побережье. МАЛЫШ БОББИ снаряжает лодку. Входит ДЖОННИ, в легком подпятии, подходит к нему и наблюдает.

ДЖОННИ. Гляжу, ты готовишь лодку, Малыш Бобби.

БОББИ. Так и есть, Джонни.

ДЖОННИ (*пауза*). Значит, лодку готовишь?

БОББИ. Я же сказал, что готовлю лодку.

ДЖОННИ. Ну сказал. (*Пауза*.) Так ты готовишь лодку.

(*Пауза*.) Все в ажуре, я так понимаю. (*Пауза*.) Загляденье.

(*Пауза*.) Все готово к поездке, вроде того. (*Пауза*.) Хорошая лодка, я так скажу. Хорошая лодка, бери и плыви. А что еще лучше, на ней есть все, что нужно. (*Пауза*.) Просто блеск.

БОББИ. Джонни, если есть вопрос, давай, спрашивай, а не ходи вокруг да около, как придурок малолетний.

ДЖОННИ. Нету у меня вопросов. Если у Джонни есть вопрос, он берет и спрашивает. Джонни вокруг да около не ходит. Ну уж нет. (*Пауза*.) Я так просто, хотел сказать, какая хорошая у тебя лодка. (*Пауза*.) Лодочка — просто загляденье. (*Пауза*.) Все готово к поездке, вроде того. (*Пауза*. *Продолжает сердито*.) Если ты мне не скажешь, куда собрался, я возьму, на хрен, и уйду.

БОББИ. Вот и иди.

ДЖОННИ. Ну и уйду. Раз ты так со мной обращаешься.

БОББИ. Да никак я с тобой не обращаюсь.

ДЖОННИ. Нет, обращаешься. Ты мне никогда ничего не рассказываешь. Твоя хозяйка в прошлом году взяла и померла от туберкулеза, а кто был последним, кто об этом узнал? Я был последним. Мне ничего не говорили, пока она не преставилась, а ты ведь знал за много недель до этого, и даже не подумал о моих чувствах...

БОББИ. Мне, наверное, стоило дать ей пинка под зад, чтобы она пошла и сама тебе сказала, Пустозвон, знаешь, я до сих пор жалею, что так не сделал.

ДЖОННИ. Вот я и говорю. Значит, готовишь лодку. Все готово к поездке, вроде того, верно?

БОББИ. Ты прямо спроси, и я с удовольствием отвечу, Джоннипатин.

Кипящий от злости ДЖОННИ смотрит на БОББИ, потом уходит. БОББИ продолжает возиться с лодкой.

(Тихо.) Ах ты, ублюдок хренов. (Пауза. Поворачивается налево.) Кто это там по камням шаркает?

БИЛЛИ (за сценой). Это я, Билли Клейвен.

БОББИ. Мог бы и сам догадаться. Кто ж у нас еще шаркает?

БИЛЛИ (выходит). Да вроде никто.

БОББИ. А твои тетки не волнуются, что ты так поздно гуляешь, Калека Билли?

БИЛЛИ. Волновались бы, если б знали, только я от них втихаря ушел.

БОББИ. Нехорошо втихаря бегать от теток, Билли. Даже если они с придурью.

БИЛЛИ. Ты тоже думаешь, что они с придурью, Мальш Бобби?

БОББИ. Я раз видел, как твоя тетка Кейт с камнем разговаривает.

БИЛЛИ. А сама ругается, что я на коров смотрю.

БОББИ. Ну, Билли, я бы не сказал, что смотреть на коров — верх здравомыслия.

БИЛЛИ. Так я на коров смотрю, только чтоб от теток сбежать. Смотреть на коров совсем не весело. Чего уж тут веселого. Стоят и тупо пялятся на тебя.

БОББИ. А ты не пробовал чем-нибудь в корову кинуть? Это могло бы ее взбодрить.

БИЛЛИ. Я ведь не хочу делать им больно.

БОББИ. Ты слишком добрый, вот в чем дело, Калека Билли. Коровам плевать, что в них ни брось. Я как-то раз кинул в корову кирпичом, а она даже не замычала, ну я и дал ей пинка под зад.

БИЛЛИ. Это еще не доказательство. Может, тебе попалась смиренная корова.

БОББИ. Может, и так. Я же не предлагаю тебе в коров кирпичами кидаться. Я в тот раз здорово напился. Это если вдруг скучно станет, вот я про что.

БИЛЛИ. Да я всегда с собой книжку беру. Не хочу наносить вред домашнему скоту.

БОББИ. Мог бы книжкой запустить.

БИЛЛИ. Книжку я лучше почитаю, Бобби.

БОББИ. Как говорится, каждому свое.

БИЛЛИ. Точно. *(Пауза.)* Готовишь лодку, Мальш Бобби?

БОББИ. Черт подери, какие все сегодня наблюдательные!

БИЛЛИ. Повезешь Хелен с Бартли на съемки?

БОББИ *смотрит на БИЛЛИ, потом отходит проверить, нет ли поблизости ДЖОННИ, и возвращается.*

БОББИ. Откуда ты взял, что Хелен с Бартли едут путешествовать?

БИЛЛИ. Хелен сказала.

БОББИ. Хелен сказала. Черт, а я ведь сказал Хелен, что врежу ей, если проболтается.

БИЛЛИ. Говорят, она тебе за поездку поцелуями платит.

БОББИ. Да, правда, но мне плата не нужна. Хелен сама настояла на этом пункте договора.

БИЛЛИ. А ты что, не хотел бы поцеловать Хелен?

БОББИ. Что-то боюсь я этой Хелен. Она какая-то бешеная! *(Пауза.)* А ты, Калека Билли, хотел бы поцеловать Хелен?

БИЛЛИ *грустно и застенчиво пожимает плечами.*

БИЛЛИ. Не представляю, чтобы Хелен когда-нибудь захотела поцеловать такого парня, как я. Как думаешь, Бобби?

БОББИ. Вряд ли.

БИЛЛИ *(пауза)*. Выходит, ты повез бы МакКормиков за бесплатно?

БОББИ. Ну да. Я бы и сам посмотрел, как там снимают. Что такого, если я и пассажиров прихватчу?

БИЛЛИ. А меня ты с собой не возьмешь?

БОББИ (*пауза*). Нет.

БИЛЛИ. А что так?

БОББИ. Места не хватает.

БИЛЛИ. Еще как хватает.

БОББИ. Калека на борту — к беде, это все знают.

БИЛЛИ. С каких это пор?

БОББИ. С тех пор, как Ларри-Самогон взял калеку на борт, да и пошел ко дну.

БИЛЛИ. Знаешь, Мальш Бобби, такой ерунды я в жизни не слышал.

БОББИ. Может, он и не калека был, но нога у него точно была больная.

БИЛЛИ. У тебя предубеждение против калек, вот и все.

БОББИ. Нет у меня никакого предубеждения. Я как-то раз поцеловал девчонку-калеку. И она не просто была калека, а еще и уродина. Я тогда здорово напился, так что мне было плевать. В Антриме, знаешь ли, выбирать не приходится.

БИЛЛИ. Не уходи от темы.

БОББИ. Большие зеленые зубы. От какой такой темы?

БИЛЛИ. От той темы, чтобы взять меня на съемки.

БОББИ. Я думал, эту тему мы уже закрыли.

БИЛЛИ. Да мы ее еще открыть не успели.

БОББИ. Зачем тебе вообще на съемки? Для чего им нужен мальчишка-калека?

БИЛЛИ. Ты понятия не имеешь, что им нужно.

БОББИ. Может, и так. Нет, здесь ты прав. Я как-то раз видел кино, там парень был без рук и без ног. Мало того, он был цветной.

БИЛЛИ. Цветной? В жизни цветного не видел, а уж цветного калеку — и давно. Не знал, что такие бывают.

БОББИ. Ты бы умер от страха.

БИЛЛИ. Цветные? А они что, дикие?

БОББИ. Без рук и без ног — не такие дикие, потому что ничего тебе сделать не могут, но все равно дикие.

БИЛЛИ. Я слышал, год назад в Дублин на неделю приехал цветной.

БОББИ. Наверное, Ирландия не такая уж дыра, раз сюда цветные ездят.

БИЛЛИ. Наверное, так. *(Пауза.)* Черт. Мальш Бобби, ты заговорил о цветных, чтобы снова уйти от темы.

БОББИ. На этой лодке, Билли, не будет никаких калек. Может, как-нибудь, года через два. Если вылечишь ноги.

БИЛЛИ. Через два года мне не годится, Бобби.

БОББИ. А что так?

БИЛЛИ *достаёт письмо и протягивает его* БОББИ. *Тот читает.*

Это что?

БИЛЛИ. Письмо от доктора МакШерри, только обещаю, ни одной живой душе — ни слова!

Дочитав до середины, БОББИ меняется в лице. Поднимает глаза на БИЛЛИ, затем продолжает читать.

БОББИ. Когда ты это получил?

БИЛЛИ. Только вчера. *(Пауза.)* Теперь ты меня возьмишь с собой?

БОББИ. Тетки расстроятся, если ты уедешь.

БИЛЛИ. Интересно, это чья жизнь? Их или моя? Я им оттуда напишу. В конце концов, я всего на пару дней. Мне быстро все надоедает. *(Пауза.)* Так ты меня возьмишь?

БОББИ. Приходи сюда завтра в девять утра.

БИЛЛИ. Спасибо, Бобби, я приду.

БОББИ *отдаёт ему письмо, и БИЛЛИ его прячет. Внезапно появляется ДЖОННИ с протянутой рукой.*

ДЖОННИ. Ну уж нет, постой. Что там за письмо?

БОББИ. А ну, Пустозвон, убывай отсюда быстро.

ДЖОННИ. Покажи-ка Джонни письмо, калека.

БИЛЛИ. Ничего я тебе не покажу.

ДЖОННИ. Как это, не покажешь? Ему ты письмо показал. А ну, давай сюда.

БИЛЛИ. ДЖОННИПАТИНМАЙК, тебе когда-нибудь говорили, что ты грубиян?

ДЖОННИ. Я грубиян? Это я грубиян? Стоят тут, письмо вихаря читают, письма от врачей — самые интересные, а я, значит, грубиян? Скажи хромоногому, пусть письмо отдает, быстро, а не то я про твои дела молчать не стану.

БОББИ. Это про какие дела?

ДЖОННИ. Ну, вроде того, что ты ребят на Инишмор везешь, или как ты с девкой целовался, ну, у которой зубы зеленые. Не то чтобы я тебе шантажом угрожаю, хотя нет, я тебя шантажирую, но ведь разносчик новостей должен добывать новости не мытьем, так катаньем.

БОББИ. Не мытьем, так катаньем, говоришь? Получай свое мытье и катанье!

БОББИ *хватает ДЖОННИ за волосы и заламывает ему руку за спину.*

ДЖОННИ. Больно! Рукупусти, сволочь! Я на тебя полицию напущу!

БОББИ. Лежи и не дергайся.

БОББИ *силой укладывает ДЖОННИ на землю лицом вниз.*

ДЖОННИ. Беги за полицией, калека, а не можешь бежать — ползи!

БИЛЛИ. И не подумаю. Буду стоять тут и смотреть.

ДЖОННИ. Тогда пойдешь как соучастник.

БИЛЛИ. Вот и отлично.

ДЖОННИ. Я старьй больноу человек.

БОББИ *наступает* ДЖОННИ *на зад*.

А ну уйди с моеу заднищ!

БОББИ. Билли, пойдн-ка, набери мне камней.

БИЛЛИ (*подбирает камни*). Больших?

БОББИ. Средних.

ДЖОННИ. Зачем это тебе камни?

БОББИ. Буду кидать их тебе в голову, пока не пообещашь не трепаться о моих делах в городе.

ДЖОННИ. Ни за что в жизни. Я вытерплю любые пытки. Как Кевин Барри.

БОББИ *кидает камнем* ДЖОННИ *в голову*.

А-а-а! Обещаю! Обещаю!

БОББИ. Христом Богом клянешься?

ДЖОННИ. Христом Богом клянусь.

БОББИ. Хреновая у тебя терпелка.

БОББИ *убирает ногу*. ДЖОННИ *встает и отряхивается*.

ДЖОННИ. В Англии со мной бы так не обошлись. Мне песок в уши набился!

БОББИ. Забирай свой песок домой и покажи его своей мамаше-алкашке.

ДЖОННИ. А вот мою мамашу-алкашку не трогай!

БОББИ. И не забудь, что ты обещал.

ДЖОННИ. Обещание было дано под пытками.

БОББИ. Мне плевать, хоть под собачьей задницей. Не забудь, и точка.

ДЖОННИ (*пауза*). Суки вы!

ДЖОННИ *в страшном гневе уходит направо, грозя кулаком*.

БОББИ. Я пятнадцать лет мечтал запустить в него камнем.

БИЛЛИ. А у меня бы духу не хватило.

БОББИ. Наверное, нехорошо в старика камнями бросаться, но он ведь сам меня довел. *(Пауза.)* У тебя же хватает духу плыть на Инишмор, а ты ведь боишься моря.

БИЛЛИ. Да. *(Пауза.)* Завтра в девять.

БОББИ. Лучше в восемь, Калека Билли, а то вдруг Пу-стозвон проболтается.

БИЛЛИ. Ты ему не веришь?

БОББИ. Так же, как верю, что ты принесешь мне кружку пива, не расплескав ни капли.

БИЛЛИ. Нехорошо так говорить.

БОББИ. У меня тяжелый характер.

БИЛЛИ. Вовсе не тяжелый, Мальш Бобби. Совсем наоборот.

БОББИ. Знаешь, моя жена, Энни, умерла от того же. От туберкулеза. Но у нас с ней хотя бы был год. А что такое три месяца?

БИЛЛИ. Я даже до лета не доживу. *(Пауза.)* Помнишь, когда я болел ветрянкой, Энни приготовила мне пудинг с вареньем? И как она мне улыбнулась?

БОББИ. Вкусный был пудинг?

БИЛЛИ *(неохотно)*. Не очень.

БОББИ. Да. Бедная Энни, не умела она пудинги готовить, хоть убей. И все же я по ней скучаю, несмотря на ее кошмарные пудинги. *(Пауза.)* Рад, что хоть как-то могу помочь, Калека Билли. Тебе ведь недолго осталось.

БИЛЛИ. Окажи мне услугу, Мальш Бобби. Не называй меня больше Калекой Билли.

БОББИ. А как же тебя называть?

БИЛЛИ. Просто Билли.

БОББИ. Ясно. Идет, Билли.

БИЛЛИ. А тебе разве не хотелось бы, чтобы тебя звали Бобби, а не Мальш Бобби?

БОББИ. Зачем это?

БИЛЛИ. Не знаю.

БОББИ. Мне нравится, что меня зовут Мальш Бобби.

Что тут такого?

БИЛЛИ. Да ничего. До завтра, Мальш Бобби.

БОББИ. До завтра, Калека Билли... э-э, Билли.

БИЛЛИ. Ну я ведь просил.

БОББИ. Забыл. Извини, Билли.

БИЛЛИ *кивает и ковыляет прочь.*

Эй, Билли!

БИЛЛИ *оглядывается.* БОББИ *машет рукой.*

Ты уж меня извини.

БИЛЛИ *склоняет голову, кивает и уходит направо. Пауза.* БОББИ *замечает что-то в прибое, вытаскивает из воды Библию, смотрит на нее, потом выкидывает обратно в море и продолжает возиться с лодкой.*

Затемнение.

Сцена четвертая

Спальня МАМАШИ О'ДУГАЛ, девяностолетней матери ДЖОННИПАТИНМАЙКА. МАМАША лежит в постели, ДОКТОР МАКШЕРРИ слушает ее стетоскопом, ДЖОННИ ходит вокруг.

ДОКТОР. Вы воздерживаетесь от спиртного, миссис О'Дугал?

ДЖОННИ. Вы что, не слышали, что я вас спросил, доктор?

ДОКТОР. Да слышал я, что вы спросили, но что я, не могу осмотреть вашу мать без ваших дурацких вопросов?

ДЖОННИ. Ах, дурацких вопросов, значит?

ДОКТОР. Я спрашиваю, вы воздерживаетесь от спиртного, миссис О'Дугал?

МАМАША (*рыгнув*). Воздерживаюсь от спиртного или почти воздерживаюсь от спиртного.

ДЖОННИ. Если она и выпьет кружку пива время от времени, вреда никакого.

МАМАША. Вреда никакого.

ДЖОННИ. Даже на пользу!

ДОКТОР. Главное — не больше кружки, тогда да.

МАМАША. Это главное, ну и стакан-другой виски время от времени.

ДЖОННИ. Я же тебе только что сказал не заикаться про виски, дура!

ДОКТОР. А что значит время от времени?

ДЖОННИ. Крайне редко.

МАМАША. Крайне редко, ну и иногда за завтраком.

ДЖОННИ. За завтраком, черт побери...

ДОКТОР. Джоннипатинмайк, разве тебе не ясно, что нельзя давать девяностолетней женщине виски на завтрак?

ДЖОННИ. Да нравится ей это, и она тогда не ноет.

МАМАША. Я не откажусь от глоточка виски, да.

ДЖОННИ. Все разболтала.

МАМАША. Хотя предпочитаю самогон.

ДОКТОР. Но не дает же он вам самогон?

МАМАША. Не дает.

ДЖОННИ. Вот-вот.

МАМАША. Только по праздникам.

ДОКТОР. А что значит по праздникам?

МАМАША. В пятницу, субботу или воскресенье.

ДОКТОР. Когда твоя мать умрет, Пустозвон, я вырежу ее печень, и ты увидишь, какой вред причинила твоя нежная забота.

ДЖОННИ. Не дождетесь, чтобы я смотрел на мамашину печенку. Мне и снаружи на нее смотреть тошно, не говоря уже о внутренностях.

ДОКТОР. Очень красиво такие слова при матери говорить.

МАМАША. Слыхала и похуже.

ДЖОННИ. Оставьте мою мать в покое, хватит уже ее шупать. Раз за шестьдесят пять лет она не допилась до смерти, чего уж теперь волноваться. Шестьдесят пять лет. Черт, ничего по-людски сделать не может.

ДОКТОР. Почему вы хотите допить до смерти, миссис О'Дугал?

МАМАША. Я так скучаю по моему мужу Дональдду. Его акула съела.

ДЖОННИ. В 1871 году его съела акула.

ДОКТОР. Ну теперь-то пора уж с этим смириться, миссис О'Дугал.

МАМАША. Пыталась я, доктор, да не могу. Хороший человек был. Живу с этим ослом все эти годы, а мужа забыть не могу.

ДЖОННИ. Ты кого ослом называешь, ты, дура усатая? Я из кожи вон лез, чтобы доктор МакШерри пришел посмотреть тебя!

МАМАША. Как же, хотел разнюхать побольше о Билли Клейвене, вот и все.

ДЖОННИ. Нет, не... не... А ты вечно проболтаешься, дура.

МАМАША. Я честная женщина, да, Джоннипатин.

ДЖОННИ. Честная, ага, хрена лысого.

МАМАША. А ты мне мало выпить дал.

ДОКТОР собирает свой черный саквояж.

ДОКТОР. Ну, если твоя мамаша — только предлог...

ДЖОННИ. Да не предлог. Мамаше и правда было худо с утра... покашляй, мать...

МАМАША *кашляет.*

Но теперь, кажется, с ней обошлось, вы правы, хотя, раз уж вы здесь, доктор, скажите, что там действительно такое с Калекой Билли? Что-нибудь ужасное? А может, что-то смертельное? Да-а, я думаю, это жутко серьезно, раз вы пишете ему письма.

ДОКТОР (*пауза*). Ты слышал когда-нибудь о врачебной тайне, Джоннипатинмайк?

ДЖОННИ. Слышал, и думаю, это так здорово. А теперь скажите мне, что там такое у Калеки Билли, а, доктор?

ДОКТОР. Когда-нибудь я вскрою тебе череп, Пустозвон, и внутри не найду абсолютно ничего.

ДЖОННИ. Не уклоняйтесь от темы, доктор. Скажите мне, что там такое... постойте, а может, это намек, а? У него что-то с головой? Опухоль мозга? У Билли опухоль мозга!

ДОКТОР. Я даже не думал...

ДЖОННИ. Скажите, что у него опухоль мозга, доктор. Да, это была бы важная новость.

ДОКТОР. Все, я ухожу, спасибо, что потерял с вами столько драгоценного времени. Скажу только одно, а именно — я не понимаю, откуда на этот раз у тебя сведения о Калекке Билли, ведь обычно твои сведения таки-и-и-е точные...

ДЖОННИ. Полиомиелит, полиомиелит. У него полиомиелит.

ДОКТОР. Насколько мне известно, если не считать тех дефектов, которые у Калеки Билли с рождения, у него все в порядке, и лучше не распускай о нем эти глупые слухи.

ДЖОННИ (*пауза*). Туберкулез. Туберкулез. Да, должно быть, у него туберкулез.

ДОКТОР *идет к двери*.

Вы куда? Эй, куда вы — все стоящие новости зажать хотите?

ДОКТОР *выходит.*

Вот подлец! Разве может Билли поехать на Инишмор в такое холодное утро без вреда для здоровья?

Пауза. ДОКТОР *возвращается в задумчивости.*

Что-то он быстро обратно прибежал.

МАМАША. Как кот с шилом в заднице.

ДОКТОР. Билли поехал на Инишмор?

ДЖОННИ. Ну да. С МакКормиками, а Малыш Бобби их повез. Малыш Бобби, которого сразу же арестуют, как только он вернется, за тяжкие телесные повреждения, а вернее, за тяжкие *черепные* повреждения, потому что он мне повредил именно череп.

ДОКТОР. Они поехали посмотреть, как кино снимают?

ДЖОННИ. Посмотреть, как кино снимают, или попать в картину, вот.

ДОКТОР. Но съемки же вчера закончились. А сегодня уже собирают эти их камеры и все такое.

ДЖОННИ (*пауза*). Наверное, они получили сведения из ненадежного источника.

МАМАША. Ага, у этого козла.

ДЖОННИ. Перестань называть меня козлом, сказал же.

МАМАША. Дай мне выпить, козел.

ДЖОННИ. Если заберешь козла обратно, дам тебе выпить.

МАМАША. Забираю козла обратно.

ДЖОННИ *наливает МАМАШЕ большой стакан виски.*
ДОКТОР *в ужасе.*

ДОКТОР. Не надо... не надо... (*Сердито.*) Я что, сам с собой целый день разговаривал?!

ДЖОННИ (*пауза*). А вы не хотите выпить, доктор, раз уж я так ошеломил вас новостями о Калеке Билли?

ДОКТОР. Да что мне до твоих сраных новостей?

ДЖОННИ. Хм. Посмотрим, как вы запоете, когда Билли вернется домой в гробу из-за вашей скрытности, и вас вышибут из докторов, и придется вам горбатым коровам кишки выпускать, только на это вы и годитесь, это все знают.

ДОКТОР. Да не вернется Билли домой в гробу, потому что с ним все в порядке, только небольшие хрипы.

ДЖОННИ. Так вы настаиваете, доктор-недоучка?

ДОКТОР. Мне еще раз повторить, тупица? У Билли Клейвена все в порядке. Понятно?

ДОКТОР *уходит.*

ДЖОННИ. Рак! Рак! Эй, вернитесь! Может, все же это рак? Скажите, с какой буквы это начинается? С «Р»? Или с «П»?

МАМАША. Ты разговариваешь с пустотой, дурак.

ДЖОННИ (*кричит*). Я докопаюсь до правды, так или иначе, МакШерри! Не мытьем, так катаньем! Для настоящего разносчика новостей «нет» — не ответ.

МАМАША. Да. А камнем по голове — ответ?

ДЖОННИ. Оставь этот разговор о камнях, двадцать раз тебе уже сказал, а то я отправлю тебя пинком под зад прямо в Антрим.

ДЖОННИ *садится на постели, читая газету.*

МАМАША. Опять ты со своими погаными новостями.

ДЖОННИ. Мои новости совсем не поганые. Мои новости очень даже важные. Ты слышала, что гусь Джека Эллери и кошка Пэта Бреннана уже неделя, как пропали? Подозреваю, что с ними случилось что-то ужасное, нет, *надеюсь*, что с ними случилось что-то ужасное.

МАМАША. Хотя ты мне и сын, скажу я, Пустозвон, что ты самый занудный старый хрен в Ирландии. А претендентов на этот хренов титул ой как много.

ДЖОННИ. А вот в графстве Керри есть овца без ушей, надо запомнить.

МАМАША(*пауза*). Ну-ка, дай сюда бутылку, раз уж ты собрался болтать про овечьи дефекты.

Он дает ей бутылку виски.

ДЖОННИ. Овечьи дефекты — очень даже интересная тема для новостей. Самая лучшая тема. Ну, кроме разве что серьезных болезней. (*Пауза.*) И я хочу, чтобы ты выпила половину этой бутылки к ужину.

МАМАША. Бедный Калека Билли. Что за жизнь у него. Его родители и этот их мешок с камнями...

ДЖОННИ. Заткнись насчет мешка с камнями.

МАМАША. А теперь еще и это. Хотя, если взять мою жизнь. Сначала бедного Дональда сожрали, потом ты спер из тайника сто фунтов, которые он всю жизнь копил, а ты все в пивнушках спустил. Да еще в придачу эта мерзкая свекольная пазля, что ты варишь по вторникам.

ДЖОННИ. Свекольная пазля тут ни при чем, и разве за последние шестьдесят лет половина этой сотни не ушла в твою слюнявую пасть, а, уродина?

МАМАША. Бедный Билли. Я так много парней похоронила за свою жизнь.

ДЖОННИ. Пей-пей. На этот раз можешь не волноваться.

МАМАША. А-а, я надеюсь сначала тебя в гробу увидеть, Пустозвон. Вот будет праздник.

ДЖОННИ. Какое совпадение, я бы тоже не отказался увидеть *тебя* в гробу, если только найдется такой большой гроб, чтобы туда твоя жирная задница влезла. Но сначала придется срезать с тебя половину сала, это уж точно.

МАМАША. Как же ты меня расстроил своими грубыми словами, Джонни. (*Пауза.*) Идиот хренов. (*Пауза.*) Есть в газете что-нибудь стоящее, почитай мне. Но только не про овец.

ДЖОННИ. Тут вот снимок одного типа, он пришел к власти в Германии, у него такие смешные усики.

МАМАША. Дай-ка мне взглянуть на его усики.

ДЖОННИ *показывает ей фотографию в газете.*

Да, смешные.

ДЖОННИ. Ему бы или отрастить их, или совсем сбрить эту жалкую поросль.

МАМАША. Похоже, этот тип никак не решит, что ему делать.

ДЖОННИ. А парень вроде неплохой, несмотря на усики. Удачи ему. *(Пауза.)* Здесь в Коннемаре живет один немец, ты слышала?

МАМАША. Наверное, Ирландия не такая уж дыра, раз даже немцы сюда приезжают.

ДЖОННИ. Все едут в Ирландию, это точно. Немцы, зубные врачи, все.

МАМАША. А почему, интересно?

ДЖОННИ. Потому, что в Ирландии люди дружелюбнее.

МАМАША. Да, согласна.

ДЖОННИ. Конечно, это точно. Это всем известно. Разве не этим мы прославились? *(Долгая пауза.)* Готов поспорить на деньги, что у него рак.

ДЖОННИ *кивает, продолжая читать газету. Затемнение.*

Сцена пятая

Магазинчик. На прилавке сложено несколько десятков яиц.

КЕЙТ. Ни слова. *(Пауза.)* Ни слова, ни слова, ни слова, ни слова, ни слова, ни слова, ни слова. *(Пауза.)* Ни словечка.

ЭЙЛИН. Сколько еще раз ты будешь повторять это свое «ни слова»?

КЕЙТ. Мне что, и повторить нельзя «ни слова», я ведь так волнуюсь, как же там Билли.

ЭЙЛИН. Да можно тебе повторить «ни слова», раз или два, но не десять же.

КЕЙТ. Билли ждет та же судьба, что и его бедных родителей. Умереть к двадцати годам.

ЭЙЛИН. Ты хоть в чем-то можешь видеть хорошее?

КЕЙТ. Я вижу хорошее, но боюсь, что никогда больше не увижу бедного Билли живым.

ЭЙЛИН (*пауза*). Билли мог бы хоть записку нам оставить, что он едет на Инишмор, а то узнали от Пустозвона.

КЕЙТ. Ни слова. Ни слова, ни слова, ни словечка.

ЭЙЛИН. А Пустозвона прямо-таки распирает от счастья: новости эти его, намеки на письма, на докторов.

КЕЙТ. Мне кажется, Пустозвон что-то знает о Билли и скрывает.

ЭЙЛИН. Когда это было, чтобы Пустозвон что-то знал и скрывал? Да он звонит, даже если кобыла пукнет.

КЕЙТ. Думаешь?

ЭЙЛИН. Знаю.

КЕЙТ. И все же я волнуюсь о Калеке Билли.

ЭЙЛИН. Да, ведь если МакШерри прав, что съемки закончились, Билли скоро вернется, а с ним и все остальные.

КЕЙТ. Ты это на той неделе говорила, а их все нет.

ЭЙЛИН. Может, они остались осмотреть достопримечательности.

КЕЙТ. На Инишморе? Какие там достопримечательности? Забор да курица?

ЭЙЛИН. Может, Билли увидел корову и потерял счет времени.

КЕЙТ. Ну уж на корову-то поглазеть много времени не надо.

ЭЙЛИН. У тебя кучу времени занимали разговоры с камнями, я-то помню.

КЕЙТ. Каменный период был, когда у меня нервы были не в порядке, и ты это знаешь, Эйлин! Мы же решили никогда больше о камнях не заговаривать!

ЭЙЛИН. Ну да, извини, что я заговорила о камнях. Только потому, что я так же волнуюсь, как и ты, у меня камень с языка сорвался.

КЕЙТ. Потому что тот, кто сам не без греха, не должен заговаривать со мной о камнях.

ЭЙЛИН. И какой на мне грех?

КЕЙТ. У нас в коробке было двадцать Чупа-Чупсов по полпенни, а теперь ни одного не осталось. Как же нам получить прибыль, если ты съедешь все новые конфетки до того, как их покупатели увидят?

ЭЙЛИН. Ох, Кейт. Знаешь, как с этими Чупа-Чупсами получается: один съешь — и уж не остановиться.

КЕЙТ. С Ментосом у тебя та же отговорка была. Когда мы Хубба-Буббу получим, даже и не притрагивайся, а то я тебе задам, попомни мои слова.

ЭЙЛИН. Извини, Кейт. Просто я беспокоюсь из-за Билли и ем еще больше.

КЕЙТ. Знаю, Эйлин. Знаю, что ты начинаешь обжираться, когда волнуешься. Просто попробуй держать себя в руках, и все.

ЭЙЛИН. Ладно. (*Пауза.*) Пожалуй, Мальш Бобби — порядочный человек. Он присмотрит за Билли, я уверена.

КЕЙТ. Что же он тогда вообще взял Билли с собой, раз он такой порядочный? Разве он не знал, что мы будем волноваться?

ЭЙЛИН. Не знаю, знал он или нет.

КЕЙТ. Ох и врезала бы я сейчас Мальшу Бобби.

ЭЙЛИН. По-моему, он мог бы...

КЕЙТ. Кирпичом.

ЭЙЛИН. По-моему, он мог бы сказать Билли, чтобы он нам хоть записку прислал.

КЕЙТ. Ни слова. Ни слова.

(*Пауза.*) Ни слова, ни словечка, ни слова...

ЭЙЛИН. Ах, Кейт, не начинай опять свое «ни слова».

КЕЙТ *смотрит некоторое время, как ЭЙЛИН складывает яйца.*

КЕЙТ. Я смотрю, этот с яйцами приходил.

ЭЙЛИН. Приходил. У него гораздо больше яиц, когда Чума-Хелен не работает.

КЕЙТ. Я вообще не понимаю, чего он ее держит.

ЭЙЛИН. Мне кажется, он просто боится Хелен. Или поэтому, или потому, что он в нее влюблен.

КЕЙТ(*пауза*). Мне кажется, и Билли в Хелен тоже влюблен.

ЭЙЛИН. И мне кажется, что Билли в Хелен влюблен. Все это плохо кончится.

КЕЙТ. Слезами или смертью.

ЭЙЛИН. Не нужно падать духом.

КЕЙТ. Слезами, смертью или чем похуже.

Входит ПУСТОЗВОН с важным видом.

ЭЙЛИН. Джоннипатинмайк.

КЕЙТ. Джоннипатинмайк.

ДЖОННИ. Сегодня у Джонни для вас три новости.

КЕЙТ. Рассказывай, только если это хорошие новости, Пустозвон, а то мы сегодня малость расстроены, да.

ДЖОННИ. Есть у меня новость о наших инишморских путешественниках, но эту новость я оставлю на закуску.

КЕЙТ. С Билли все хорошо, Джоннипатинмайк? Расскажи нам сначала эту новость.

ЭЙЛИН. Да, Джоннипатинмайк, расскажи нам сначала эту новость.

ДЖОННИ. Так, если вы будете мне тут указывать, в каком порядке мне рассказывать новости, я просто развернусь и уйду!

КЕЙТ. Не уходи, Джоннипатинмайк! Ну, пожалуйста!
ДЖОННИ. А?

ЭЙЛИН. Расскажи нам новости в том порядке, в каком захочешь, Джоннипатинмайк. Ведь ты же лучше всех знаешь, в каком порядке нужно новости рассказывать.

ДЖОННИ. Конечно, я знаю лучше. Я знаю, что я знаю лучше. И это не новость. Я смотрю, у вас полно яиц.

ЭЙЛИН. Да, Джоннипатинмайк.

ДЖОННИ. Так-так. Итак, новость номер один: в Керри живет овца совсем без ушей.

ЭЙЛИН (*пауза*). Это важная новость.

ДЖОННИ. Не спрашивайте меня, чем она слышит, потому что я не знаю и мне плевать. Новость номер два: кошку Пэтти Бреннана нашли мертвой, и гуся Джека Эллери нашли мертвым, и все в городе говорят, что никто ничего не видел, но мы-то знаем, сколько будет дважды два, но помалкиваем, потому что с Джеком Эллери лучше не связываться.

КЕЙТ. Это печальная новость, потому что теперь, похоже, начинается вражда.

ДЖОННИ. Начинается вражда, и ее не остановить, пока один из этих двоих не прикончит другого. Отлично. Я возьму шесть яиц на омлет, который я обещал мамаше две недели назад.

ЭЙЛИН. А какая же третья новость, Джоннипатинмайк?

ДЖОННИ. Я упоминаю свою мамашу, и никто даже не спрашивает, как она поживает. Вот как в этом доме хорошо воспитаны.

КЕЙТ. Как поживает твоя мамаша, Джоннипатинмайк?

ДЖОННИ. Мамаша в порядке, что говорить, несмотря на все мои усилия.

ЭЙЛИН. Ты все еще пытаешься доконать свою мамашу выпивкой, Джоннипатинмайк?

ДЖОННИ. Пытаюсь, да все без толку. Эта гадина с ее выпивкой за все эти годы стоила мне целое состояние. Она никогда не помрет. *(Пауза.)* Ну вот, теперь у меня есть яйца, я рассказал вам свои две новости. Похоже, мои дела на сегодня здесь закончены.

КЕЙТ. А...а третья новость как же, Джоннипатинмайк?

ДЖОННИ. Ах да, третья новость. Чуть не забыл. *(Пауза.)* Третья новость: Мальш Бобби только что причалил к берегу и привез молодых путешественников назад. Точнее, привез двух молодых путешественников, Хелен и Бартли. И никакого вам Калеки Билли. *(Пауза.)* Я отправляюсь, чтобы арестовали Мальш Бобби за то, что он кидался камнями мне в голову. Благодарю за яйца.

ДЖОННИ уходит. Пауза. КЕЙТ печально теребит старый мешок на стене, затем садится за стол.

КЕЙТ. Он нас покинул, Эйлин. Он нас покинул.

ЭЙЛИН. Мы не знаем наверняка, что он нас покинул.

КЕЙТ. Я это кожей чувствую, Эйлин. С той самой минуты, как он уехал, я это знала. Калеки Билли больше нет, он умер.

ЭЙЛИН. Но ведь доктор нам пять раз сказал, что у Калеки Билли все в порядке.

КЕЙТ. Он это сказал, просто чтобы нас успокоить. Один только Джоннипатинмайк правду говорит, и о том, как родители Билли утонули, он всегда правду говорил.

ЭЙЛИН. О господи, вон по дорожке к нам идет Мальш Бобби.

КЕЙТ. У него мрачный вид, Эйлин?

ЭЙЛИН. Мрачный, но ведь у Мальш Бобби всегда мрачный вид.

КЕЙТ. Мрачнее, чем обычно?

ЭЙЛИН*(пауза)*. Да.

КЕЙТ. О нет.

ЭЙЛИН. И еще он снял шапку.

КЕЙТ. Это не к добру, когда шапку снимают.

ЭЙЛИН. Может, он это просто из вежливости.

КЕЙТ. Мальш Бобби? Да он в коров кирпичами кидается.

БОББИ *входит, в руках шапка.*

БОББИ. Эйлин, Кейт.

ЭЙЛИН. Мальш Бобби.

БОББИ. Присядьте, пожалуйста, Эйлин. У меня для вас новости.

ЭЙЛИН *садится за стол.*

Я только что привез обоих МакКормиков домой, и я должен был привезти домой вашего Билли, знаю, но я не мог привезти вашего Билли домой, потому что... потому что его увезли в Америку на кинопробы для фильма о калеке. Ну... не весь фильм, наверное, о калеке. У калеки, наверное, только маленькая роль. Вот. Но все равно это хорошая роль, да? *(Пауза.)* Хотя есть на свете вещи и поважнее, чем хорошие роли в голливудских фильмах о калеках. Быть со своими родными или друзьями важнее, и я пытался это объяснить Калеке Билли, но он не стал меня слушать, как я ни старался ему втолковать. Они утром сегодня уплыли на корабле. Вот, Билли написал тут записку, просил вам передать. *(Пауза.)* Два-три месяца, не меньше, Билли сказал, его не будет. *(Пауза.)* Да, он еще сказал, что это его жизнь. Наверное, он прав. Надеюсь, ему там будет хорошо. *(Пауза.)* Ну, вот и все. *(Пауза.)* До свидания.

ЭЙЛИН. До свидания, Мальш Бобби...

КЕЙТ. До свидания, Мальш Бобби.

БОББИ *уходит.* КЕЙТ *разворачивает записку.*

ЭЙЛИН. Что такое, черт возьми, кинопробы, а, Кейт?

КЕЙТ. Понятия не имею, что такое кинопробы.

ЭЙЛИН. Может, из письма станет ясно.

КЕЙТ. А-а, какой же у него ужасный почерк.

ЭЙЛИН. Так и не исправился.

КЕЙТ. «Дорогие тетушки, можете себе представить?»

Да уж, *можем*. «Я уезжаю в Голливуд на кинопробы для фильма, который тут снимают, и если я им понравлюсь, со мной договор заключат, и я актером стану». Так и не объясняет, что такое кинопробы.

ЭЙЛИН. А еще умный называется.

КЕЙТ. А это что такое? Я двух слов не могу с его почерком разобрать... «Но если будет успех, то я... возможно... всего через два-три месяца буду так занят на съемках, что писать вам очень часто совсем не смогу... поэтому, если вы не получите от меня никаких вестей с начала лета... не волнуйтесь обо мне. Это значит только, что у меня все хорошо, что я здоров и хочу попытаться счастья в Америке. Чего-нибудь хочу добиться в жизни, чтобы и вы, и мои родители могли мной гордиться. Передавайте привет всем на острове, кроме Пустозвона, и берегите себя, Кейт и Эйлин. Вы плачете очень много для меня... *значите* очень много для меня». А похоже на «плачете». *(Пауза.)* Искренне ваш... Билли Клейвен». *(Пауза.)* Бросил нас, это точно, Эйлин.

ЭЙЛИН *(плачет)*. А мы тут из-за него убиваемся.

ЭЙЛИН *идет к прилавку и начинает копаться в коробке с конфетами*.

КЕЙТ. И это после того, что мы для него делали все эти годы.

ЭЙЛИН. Ухаживали за ним, хоть он и калека.

КЕЙТ. А как он нас позорил со своими коровами — и

вот благодарность.

ЭЙЛИН. Чтоб этот корабль утонул, не доплыв до Америки.

КЕЙТ. Чтоб Билли утонул, как его родители утонули.

ЭЙЛИН (*пауза*). Может, это уж слишком?

КЕЙТ (*плачет*). Может, и слишком, но только потому, что он нас так огорчил. Что это ты ешь?

ЭЙЛИН. А, Чупа-Чупс, и не смотри на меня так.

КЕЙТ. Я думала, ты уже все Чупа-Чупсы съела.

ЭЙЛИН. Я отложила парочку на черный день.

КЕЙТ. Ладно, давай, ешь, Эйлин.

ЭЙЛИН. Хочешь одну, Кейт?

КЕЙТ. Не хочу. Мне сегодня вообще не до еды. Не говоря уж о Чупа-Чупсе.

ЭЙЛИН (*пауза*). Мы же еще увидим Калеку Билли, правда, Кейт?

КЕЙТ. Боюсь, мы скорее увидим дочку Джима Финнегана в монастыре, чем снова увидим Калеку Билли. (*Пауза*.) Я не уверена, *хочу* ли я снова видеть Калеку Билли.

ЭЙЛИН. И я не уверена, *хочу* ли я снова видеть Калеку Билли. (*Пауза*.) Я *хочу* снова видеть Калеку Билли.

КЕЙТ. И я *хочу* снова видеть Калеку Билли.

Пауза. Затемнение.

Антракт.

Сцена шестая

Магазинчик, лето, четыре месяца спустя. На стенах несколько афиш к фильму «Человек из Арана», который идет в церкви. На прилавке банки с конфетами и камень, у прилавка стоит БАРТЛИ, который молча кривит губы и переминается с ноги на ногу в ожидании, когда вернется КЕЙТ. Входит ХЕЛЕН, она несет несколько десятков яиц.

ХЕЛЕН. Ты чего тут ждешь?

БАРТЛИ. Она пошла поискать для меня Хубба-Буббу.

ХЕЛЕН. Затрахал со своей Хубба-Буббой.

БАРТЛИ. Хубба-Бубба — очень вкусные конфетки.

ХЕЛЕН *раскладывает яйца на прилавке.*

Я смотрю, ты яйца принесла.

ХЕЛЕН. Боже мой, какая наблюдательность.

БАРТЛИ. Я думал, это ТОРГОВЕЦ яйцами должен их приносить.

ХЕЛЕН. Он и должен был их принести, но я ему сегодня врезала по ногам, и он не смог прийти.

БАРТЛИ. И за что же ты ему врезала?

ХЕЛЕН. Да он тут стал слухи распускать, что это я убила гуся Джека Эллери и кошку Пэта Бреннана.

БАРТЛИ. Так ведь это ты и убила гуся Джека Эллери и кошку Пэта Бреннана, они сами тебя попросили.

ХЕЛЕН. Да знаю я, но если это разойдется по всему городу, то мне ничего не заплатят.

БАРТЛИ. И сколько тебе должны заплатить?

ХЕЛЕН. Восемь шиллингов за гуся и десять за кошку.

БАРТЛИ. А почему кошка дороже?

ХЕЛЕН. Да мне пришлось заплатить Рэю Дарси за аренду топора. Понимаешь, гуся я затоптала. А кошку так просто не затопчешь.

БАРТЛИ. Для кошки и какая-нибудь доска сгодится, и шиллинг сэкономить, чем за топор отдавать.

ХЕЛЕН. Уж, наверное, я хотела, чтобы все было сделано профессионально, Бартли. Доска — оружие для малых детей. Я бы доской не стала и навозную муху убивать.

БАРТЛИ. А чем бы ты *стала* убивать навозную муху?

ХЕЛЕН. Ничем бы я не стала убивать навозную муху. За навозных мух никто не платит.

БАРТЛИ. А дочка Джима Финнегана однажды убила двенадцать червяков.

ХЕЛЕН. Ага, дыхнула на них, наверное.

БАРТЛИ. Нет, воткнула им в глаза иголки.

ХЕЛЕН. Сразу видно дилетанта. (*Пауза.*) Я и не знала, что у червяков глаза есть.

БАРТЛИ. После того как дочка Джима Финнегана с ними разберется, уже нет.

ХЕЛЕН. А для чего здесь этот камень?

БАРТЛИ. Я застукал миссис Осборн. Она с ним разговаривала, когда я вошел.

ХЕЛЕН. И что она сказала камню?

БАРТЛИ. Она сказала: «Как поживаешь, камень?», а потом приложила его к уху, как будто он ей отвечал.

ХЕЛЕН. Очень странное поведение.

БАРТЛИ. А еще спрашивала, как там Калека Билли в Америке.

ХЕЛЕН. И что же сказал камень?

БАРТЛИ (*пауза*). Камень ничего не сказал, Хелен, потому что камни не разговаривают.

ХЕЛЕН. А, я подумала, миссис Осборн говорила и за камень.

БАРТЛИ. Нет, миссис Осборн говорила только за себя.

ХЕЛЕН. Давай спрячем камень и посмотрим, а вдруг у нее будет нервный припадок.

БАРТЛИ. Это ведь будет не очень-то по-христиански, Хелен.

ХЕЛЕН. Это будет не очень-то по-христиански, да, но зато как весело.

БАРТЛИ. Ладно, Хелен, давай оставим камень миссис Осборн в покое. Ей и так забот хватает — все время о Калеке Билли волнуется.

ХЕЛЕН. Нужно теткам Калеки Билли *сказать*, что Билли умер или при смерти, а то они ждут письма, которое никогда не придет. Четыре месяца, наверное, они уже ждут, и ни слова, и только они одни на всем Инишмаане не знают того, что знает Мальшш Бобби.

БАРТЛИ. А какой от этого толк, если им сказать? Так

у них хотя бы есть надежда, что он еще жив. Какой им толк от новостей Мальша Бобби? А потом, мы ничего не знаем, вдруг случилось чудо, и Калека Билли не умер там, в Голливуде? Может, доктор ошибся, когда дал Калеке Билли всего три месяца.

ХЕЛЕН. Надеюсь, Калека Билли действительно умер в Голливуде, а то занял там место, которое по праву принадлежит красивой девушке, а ведь прекрасно знал, что скоро сыграет в ящик.

БАРТЛИ. Красивой девушке? Какой толк от красивой девушки в роли парня-калеки?

ХЕЛЕН. Я все что угодно сделаю, только бы мне дали роль.

БАРТЛИ. Я сам слышал.

ХЕЛЕН. Что ты слышал?

БАРТЛИ. Слышал, что в Голливуде пруд пруди красивых девушек, это точно. А вот калек там как раз и не хватает.

ХЕЛЕН. Чего это ты Калеку Билли защищаешь? Разве он тебе не обещал пакетик Чупа-Чупсов, которых ты так и не дождался?

БАРТЛИ. Может, Калека Билли умер и не успел отправить мне Чупа-Чупсы?

ХЕЛЕН. Тебе лишь бы оправдание придумать, сорняк несчастный.

БАРТЛИ. Смерть — уважительная причина, если ты обещанных конфеток не прислал.

ХЕЛЕН. Больно ты добренький. Мне иногда даже стыдно признаться, что ты мой родственник.

БАРТЛИ. Добрым быть не больно.

ХЕЛЕН. У-гу. А так больно?

ХЕЛЕН *щиплет* БАРТЛИ *за руку*.

БАРТЛИ (*испытывая боль*). Нет.

ХЕЛЕН (*пауза*). А так больно?

ХЕЛЕН *делает ему «крапивку».*

БАРТЛИ (*испытывая боль*). Нет.

ХЕЛЕН (*пауза*). А так больно?

ХЕЛЕН *берет яйцо и разбивает его о лоб* БАРТЛИ.

БАРТЛИ (*со вздохом*). Лучше уж согласиться, пока ты не разошлась.

ХЕЛЕН. Надо было соглашаться, когда я тебя ущипнула, мог бы головой думать.

БАРТЛИ. Надо было соглашаться, но ты бы все равно яйцо об меня разбила.

ХЕЛЕН. Теперь мы никогда не узнаем.

БАРТЛИ. Ты просто террористка, как только до яиц доберешься.

ХЕЛЕН. До чего же обожаю разбивать яйца о мужиков.

БАРТЛИ. Представь себе, я догадался.

ХЕЛЕН. А можно тебя вообще-то к мужикам отнести? Это не перебор?

БАРТЛИ. Я что-то не заметил, чтобы ты хоть одно яйцо разбила о Малыша Бобби Беннетта, когда он отказался от твоего предложения про поцелуи.

ХЕЛЕН. Мы же были в лодке за милю от берега. Где мне было взять яйцо?

БАРТЛИ. Отказался, потому что ты похожа на ведьму.

ХЕЛЕН. Отказался, потому что был расстроен из-за Калеки Билли, и вообще, эй ты, поаккуратней с ведьмами.

БАРТЛИ. Почему это сырые яйца не пахнут, а вареные пахнут?

ХЕЛЕН. Понятия не имею. Да и вообще мне плевать.

БАРТЛИ. Отказался, потому что ты похожа на плачущую вдову, которая ждет на скале своего подлеца, а он уплыл и больше не вернется.

ХЕЛЕН. В этом предложении что-то очень много «л».

БАРТЛИ. Оно еще к тому же и оскорбительное, помимо кучи «л».

ХЕЛЕН. Ты что-то слишком обнаглел для парня, у которого вся рожа в яйце.

БАРТЛИ. Придет время, когда каждый ирландец окажется сопротивлением угнетателям.

ХЕЛЕН. Это что, Майкл Коллинз сказал?

БАРТЛИ. Кто-то из этих толстяков.

ХЕЛЕН. Хочешь, сыграем в игру «Англия против Ирландии»?

БАРТЛИ. Я не умею играть в эту игру.

ХЕЛЕН. Встань здесь и закрой глаза. Ты будешь за Ирландию.

БАРТЛИ поворачивается к ней лицом и закрывает глаза.

БАРТЛИ. А ты что будешь делать?

ХЕЛЕН. А я буду за Англию.

ХЕЛЕН берет с прилавка три яйца и разбивает первое о лоб БАРТЛИ. БАРТЛИ открывает глаза, желток течет по его лицу, БАРТЛИ печально смотрит на ХЕЛЕН. ХЕЛЕН разбивает второе яйцо о лоб БАРТЛИ.

БАРТЛИ. Вообще-то это нече..

ХЕЛЕН. Еще не все.

ХЕЛЕН разбивает о БАРТЛИ третье яйцо.

БАРТЛИ. Вообще-то это нечестно, Хелен.

ХЕЛЕН. Я тебе преподала урок по истории Ирландии, Бартли.

БАРТЛИ. Не нужен мне урок по истории Ирландии. *(Кричит.)* И уж точно не с яйцами, я ж только что голову вымыл!

ХЕЛЕН. Потери будут еще тяжелее, чем испачканные в яйце волосы, прежде чем Ирландия снова станет независимой страной, Бартли МакКормик.

БАРТЛИ. И мой лучший свитер, посмотри!

ХЕЛЕН. Он тоже весь в яйце.

БАРТЛИ. Знаю, что в яйце! Прекрасно знаю! А я соби-
рался его надеть завтра в кино, но из-за тебя теперь все
накрылось, довольна?

ХЕЛЕН. Я так жду этого кино.

БАРТЛИ. Я тоже ждал этого кино, пока ты мой свитер
не испортила.

ХЕЛЕН. Может, мне завтра в кино яйцами покидаться.
«Человек из Арана», черт возьми. Могли бы снять
фильм «Девушка из Арана», красивая девушка из Арана. А
не какое-то дерьмо про тупых рыбаков.

БАРТЛИ. А что, тебе обязательно нужно яйцами ки-
даться, Хелен?

ХЕЛЕН. Я так горжусь своей работой с яйцами. Эта
идиотка собирается когда-нибудь платить за мои яйца?
(*Зовет.*) Эй, каменная баба!

БАРТЛИ. Она уже там сто лет ищет мою Хубба-Буббу.

ХЕЛЕН. А-а, не могу я до старости лет дожидаться эту
старую задницу. Заберешь деньги, Бартли, и отдашь по
пути домой торговцу яйцами.

БАРТЛИ. Ага, Хелен, ладно.

ХЕЛЕН *уходит.*

Ага, хрен тебе, сука, сраный хрен тебе в рот, стерва...

ХЕЛЕН *просовывает голову внутрь.*

ХЕЛЕН. И пусть не вздумает вычесть за те четыре, ко-
торые ты об меня разбил.

БАРТЛИ. Хорошо, Хелен.

Она снова уходит.

(*Вздыхает.*) Женщины.

КЕЙТ *медленно выходит из задней комнаты, в рассеянности не сразу замечает* БАРТЛИ.

КЕЙТ. Здравствуй, Бартли. Что тебе принести?

БАРТЛИ (*пауза. Потрясенно*). Вы же ушли за Хубба-Буббой.

КЕЙТ, *с минуту подумав, возвращается в заднюю комнату. БАРТЛИ с громким стоном в отчаянии утыкается лицом в прилавок. Небольшая пауза, потом КЕЙТ возвращается и берет свой камень.*

КЕЙТ. Возьму свой камень.

Она снова уходит в заднюю комнату. Пауза. БАРТЛИ берет деревянный молоток, разбивает все яйца на прилавке и выходит, громко хлопнув дверь. Затемнение.

Сцена седьмая

Слышно хриплое дыхание БИЛЛИ, на него направлен луч света, он, дрожа, сидит на стуле в убогом номере голливудского отеля. На протяжении всего монолога он хрипло дышит.

БИЛЛИ. Мама? Боюсь, мне недолго осталось, мама. Кажется, до меня уже доносятся причитания плакальщиц с далекого сурового острова, с моей родины? Родина моя суровая, да, но гордая и щедрая, а я покинул тебя и теперь умираю один в грошовой гостинице, и нет рядом ни матери, чтобы отереть пот со лба, ни отца, чтобы проклясть Бога за мою смерть, ни прекрасной девушки, чтобы оплакать бездыханное тело мое. Тело бездыханное, да, но

благородное и не сломленное. Ирландец! *(Пауза.)* Просто ирландец. С чистым сердцем, честными помыслами, с гордым духом, не сломленным ни вековым голодом, ни вечным угнетением! Дух не сломлен, нет... *(Кашляет.)* Но искалечено тело, и болят легкие, и если начистоту, то сердце разбито, разбито девушкой, которая не знала о его чувствах и теперь уже никогда не узнает. Мама, что ты сказала?

Смотрит на листок бумаги на столе.

Напишу ей, да, открою ей свое сердце. Уже поздно, мама. Может, я еще успею завтра?

БИЛЛИ *встает и, хромая, идет к зеркалу слева, тихо напевая песенку «Стриженный паренек».*

«Прощайте, мать и отец родной, сестричка Мэри, горжусь тобой. А брат мой один, он совсем далеко. Дробить твердый камень ему нелегко».

Он спотыкается, с трудом забирается на кровать, хрипит и смотрит на фотографию на тумбочке.

Какой он, рай, мама? Говорят, там красиво, красивее даже, чем в Ирландии, но, даже если и так, он не может быть прекраснее тебя. Интересно, пускают калек в рай? А вдруг нет, чтоб мы всю красоту не испортили.

Он ставит фотографию обратно на тумбочку.

«Это было в Ирландии, там он убит, и в Ирландии тело его лежит. Пусть все добрые люди проходят мимо, Господи, пожалей стриженного паренька». Да, что-то сегодня грудь сильнее болит, мама. Надо бы поспать. Ведь завтра

много тяжелой работы на складе. *(Пауза.)* Что, мама? Ах да, молитва? Я помню. Как же я могу забыть, ведь ты сама меня учила? *(Крестится.)* Теперь пора мне засыпать, Бога молю меня охранять. Но если... *(Пауза.)* Но если я умру во сне... то я молю... *(Со слезами.)* Молю...

Пауза, БИЛЛИ приходит в себя. Улыбается.

Нет, не волнуйся, мама. Я просто засыпаю. Засыпаю.

БИЛЛИ ложится. Его болезненный хрип все усиливается, потом вдруг слышен мучительный вздох, глаза БИЛЛИ закрываются, голова падает набок, и он лежит без движения. Свет медленно гаснет.

Сцена восьмая

Полутемная церковь. БОББИ, МАМАША (с бутылкой в руке), ДЖОННИ, ХЕЛЕН, БАРТЛИ, ЭЙЛИН и КЕЙТ сидят. Все они смотрят фильм «Человек из Арана». Фильм близится к концу, звук либо приглушен, либо совсем не слышен.

МАМАША. Что такое там делается?

ДЖОННИ. А ты как думаешь?

БАРТЛИ. Вроде они собираются акулу ловить, большую акулу.

МАМАША. Да?

ДЖОННИ. Ты, заткнись и пей.

МАМАША. Ладно, козлик.

БОББИ. Надеюсь, в бутылке просто вода, Джонни Пустозвон.

ДЖОННИ. Конечно, вода. *(Шепчет.)* Не дыши на Бобби, Мамаша.

МАМАША. Не буду.

ДЖОННИ. И полегче с «козликком».

БОББИ. Миссис О'Дугал, Джонни все еще крадет ваши сбережения?

ДЖОННИ. В жизни не прикасался к мамашиным сбережениям. Так, займы брал, ненадолго.

МАМАША. Этот хрен с четырнадцатого года у меня займы берет ненадолго.

ДЖОННИ. В моем представлении это и есть ненадолго.

КЕЙТ(пауза). Большая рыба.

ЭЙЛИН. Это акула, Кейт.

КЕЙТ. Это что?

ЭЙЛИН. Акула, акула!

ХЕЛЕН. Мало того что с камнями беседуете, теперь и что такое акула забыли?

БАРТЛИ. А знаете, акулы водятся в основном в Америке, там полным-полно акул. Иногда они подплывают так близко к берегу, что их и без телескопа видно...

ХЕЛЕН. Господи, опять телескопы!.

БАРТЛИ. У берегов Ирландии акулу редко встретишь. Это первая акула, что я вижу у берегов Ирландии.

ДЖОННИ. Наверное, Ирландия не такая уж дыра, раз акулы сюда плывут.

БАРТЛИ (пауза). Малыш Бобби, а ты ведь недолго в участке сидел. Когда тебя забрали за то, что ты в Пустозвона камнями кидался. Как так?

БОББИ. Караульный только посмеялся, когда про это услышал. «В следующий раз возьми кирпич», — сказал он мне. «Нечего мелочиться».

ДЖОННИ. Этот караульный допрыгается, выпрут его из полиции. Или грязные слухи о нем поползут, это точно.

БОББИ. И мы все будем знать, чьих это рук дело.

ДЖОННИ. Слыхали, он жену кочергой бьет.

ХЕЛЕН. Разве это новость? Тебя вообще в полицию не возьмут, если не бьешь жену кочергой.

БОББИ. К тому же про кочергу — это гнусная ложь.
(Пауза.) Всего-то и был резиновый шланг.

КЕЙТ(пауза). Ни слова. Ни словечка от него.

ХЕЛЕН. Опять у нее крыша поехала?

ЭЙЛИН. Да.

ХЕЛЕН. Эй, крыша набекрень!

ЭЙЛИН. Оставь ее, Хелен.

ХЕЛЕН(пауза). В жизни им не поймать эту хренову акулу. Они уже битый час там крутятся, на хрен.

БАРТЛИ. А точнее, минуты три.

ХЕЛЕН. Если бы они *меня* взяли сниматься, эта тварь долго бы не протянула. Один удар — и все свободны.

БАРТЛИ. Топором Рэя Дарси, видимо.

ХЕЛЕН. Заткнись про топор, ты.

БАРТЛИ. Акулу-то прибить потруднее будет, чем кошку расчленишь?

ДЖОННИ. И это такое Джоннипатинмайк слышит?

ХЕЛЕН *хватает* БАРТЛИ *за волосы и выкручивает ему голову.* ДЖОННИ *делает запись в блокноте.*

ХЕЛЕН. Подожди, вот только домой придем, мать твою. Дождешься у меня, на хрен...

БАРТЛИ. Больно, Хелен, больно...

ХЕЛЕН. Еще бы, не больно, мать твою. А ты как думал.

БОББИ. Хелен, оставь Бартли в покое.

ХЕЛЕН. Пошел ты на хрен, Мальши Бобби Беннетт, ты, хренов поцелуйный кидала. Может, с тобой выйдем, по-толкуем?

БОББИ. Что-то не тянет.

ХЕЛЕН. Ну так заткни пасть.

БОББИ. Согласен, лишь бы не целоваться.

ХЕЛЕН *резко отпускает* БАРТЛИ.

ДЖОННИ. Пустозвон все взял на заметочку. Как минимум кусок баранины от Пэта Бреннана или Джека Эл-лери за эту новость мне обеспечен. Хе-хе.

ХЕЛЕН. Баранину ты с переломанной шеей жрать будешь, если разболтаешь свою новость до того, как Джек с Пэтом заплатят, ты, старый хрен.

ДЖОННИ. Ага, щас.

БАРТЛИ (*пауза*). Посмотрите, какой у того парня носище. (*Пауза*.) Я говорю, посмотрите, какой у того парня носище.

КЕЙТ. Бартли, ты с тех пор больше в ямы не падал?

БАРТЛИ. Послушайте, мне же было семь лет, когда я провалился в эту поганую яму, когда я упал. И чего каждый год вспоминать?

ХЕЛЕН. Они до сих пор не поймали эту хренову акулу. Это что, так сложно?

ХЕЛЕН *кидает яйцом в экран*.

БОББИ. Хватит уже яйцами в экран швыряться, Хелен. Мало тебе тех пяти, которыми ты запустила в бедную женщину?

ХЕЛЕН. Мало, не то слово. В рожу этой сучке я так и не попала. Ни секунды не стоит на месте.

БОББИ. Ты испортишь простыню торговца яйцами.

ХЕЛЕН. Его простыня и так всегда заляпанная.

БАРТЛИ. И откуда же ты знаешь, что его простыня и так всегда заляпанная, Хелен?

ХЕЛЕН. Ну-у... мне дочка Джима Финнегана сказала.

МАМАША (*пауза*). Что же они бедную акулу никак в покое не оставят? И кому она мешает?

ДЖОННИ. Что ж это будет за новость, если ее в покое оставить? Тут нужна мертвая акула.

БОББИ. Ага, мертвая акула или акула без ушей.

ДЖОННИ. Мертвая акула или акула, целующая зеленозубых девок в Антриме.

БОББИ. Ты что, по роже захотел — болтаешь тут про зеленозубых девок?

ДЖОННИ. Ты прервал наш с мамашей спор об акулах.

МАМАША. Им бы стоило дать акуле по роже, а потом оставить беднягу в покое.

ДЖОННИ. Что это ты так акулу полюбила? Ведь это же акула папашу съела?

МАМАША. Да, папашу съела акула, но Иисус учит, что надо прощать.

ДЖОННИ. Он не учит, что надо прощать акулам.

БАРТЛИ (*пауза*). Для начала, у акул нет ушей.

Пауза. Они смотрят на него.

Мальш Бобби сказал, акула без ушей. (*Пауза.*) Для начала, у акул нет ушей.

ДЖОННИ. Про уши уже проехали, ты, тормоз.

БАРТЛИ. А про что мы сейчас?

ДЖОННИ. Про Иисуса, который прощал акул.

БАРТЛИ. Да, вот так тема для беседы.

ХЕЛЕН. Мне всегда Понтий Пилат нравился больше Иисуса. Иисус вообще самодовольный тип.

БАРТЛИ. Иисус однажды послал тысячу свиней в море, слышала о таком? Всех их, бедняг, утопил. А вот в школе всегда пытались это дело замять.

КЕЙТ. Не знала, что Иисус кого-то посылал.

ХЕЛЕН. Эй, вы там? Крыша поехала, да? Что, крыша поехала?

КЕЙТ. Не поехала у меня крыша.

ХЕЛЕН. Поехала. Мне недавно ваш знакомый камень сказал.

КЕЙТ. Что мой камень сказал?

ХЕЛЕН. Ты слышал, Бартли? «Что мой камень сказал»?

ДЖОННИ. Хелен, конечно, у бедной Кейт крыша поехала, какого дармоеда шестнадцать лет растила и любила, а он решил, чего с ней жить, уж лучше со своим туберкулезом в Голливуд уехать и там помереть.

ЭЙЛИН *встает, схватившись за голову, и поворачивается к ДЖОННИ*. БОББИ *тоже встает*.

ЭЙЛИН (*ошарашенно*). Что? Что?

ДЖОННИ. Гм, ой.

БОББИ *грубо хватает ДЖОННИ и поднимает его*.

БОББИ. Я тебя предупреждал?! Я тебя предупреждал?!

ДЖОННИ. А что, они не имеют права знать, что приемыш предал их, уехал — не оглянулся, а теперь умирает?

БОББИ. Ничего при себе держать не можешь!

ДЖОННИ. ДЖОННИПАТИНМАЙК не создан для секретов.

БОББИ. А ну, пошли выйдем. Вот я тебе вмажу, и посмотрим, сможешь ли ты это держать в секрете.

ДЖОННИ. Мамашу перепугаешь, Мальш Бобби, мамашу перепугаешь...

МАМАША. Не перепугаешь, Бобби, давай, вмажь ему как следует.

ДЖОННИ. Больше ты в моем доме омлета не дождешься, сучка!

МАМАША. Я морковный омлет все равно терпеть не могу.

ДЖОННИ. Как что оригинальное — так тебе не нравится.

БОББИ *выволакивает ДЖОННИ на улицу*. *Его визг постепенно стихает*. ЭЙЛИН *стоит напротив БАРТЛИ, все еще схватившись за голову*.

ЭЙЛИН. О чем это Пустозвон тут говорил...

БАРТЛИ. Отойдите, пожалуйста, а то мне не видно.

ЭЙЛИН *подходит к МАМАШЕ.*

ХЕЛЕН. Да на что, на хрен, тут смотреть, одни мокрые парни в каких-то жутких свитерах?

ЭЙЛИН. Миссис О'Дугал, о чем это ваш Джонни тут говорил?

МАМАША (*пауза*). Я слышала, у Калеки Билли туберкулез, Эйлин.

ЭЙЛИН. Не может быть!

МАМАША. Или *был* туберкулез. Ему сказали об этом четыре месяца назад, а еще сказали, что осталось ему только три.

БАРТЛИ. Значит, он, может, уже месяц, как помер. Простое вычитание. Четыре минус три.

ЭЙЛИН. Ну, если это Пустозвон болтает, я вам не верю...

МАМАША. Если б это Пустозвон болгал, то и хрен бы с ним, да новость-то от Мальша Бобби. В ночь перед отъездом Калека Билли показал ему письмо от МакШерри. Мальш Бобби в жизни бы не взял Калеку Билли, только вот пожалел его. Ведь его Энни от того же умерла?

ЭЙЛИН. Да, и умерла в мучениях. Калека Билли... дни и ночи я проклинала его за то, что он нам не пишет, а когда ему писать?

ХЕЛЕН. Когда он уже лежал в земле. Да уж, задачка не из легких.

ЭЙЛИН. Но... но доктор МакШерри, я его пять или шесть раз спрашивала, он говорил, МакШерри, с Билли все хорошо.

МАМАША. Наверное, он не хотел тебя огорчать, Эйлин, как и все вокруг. (*Пауза.*) Мне жаль, Эйлин.

Фильм кончается, ХЕЛЕН с БАРТЛИ встают. ЭЙЛИН сидит и плачет.

ХЕЛЕН. Слава богу, эта хрень кончилась. Куча дерьма.
БАРТЛИ. И ни одного телескопа.

Пленка останавливается, остается пустой экран. Зажигается свет, на экране появляется силуэт КАЛЕКИ БИЛЛИ. Его видит только КЕЙТ. Стоит и смотрит на него.

МАМАША (уезжая в инвалидном кресле). Хелен, так они акулу в конце концов поймали?

ХЕЛЕН. Да это даже не акула была. Так, длинный парень в серой штормовке.

МАМАША. Откуда ты знаешь, Хелен?

ХЕЛЕН. Ведь это я его целовала, чтоб меня взяли в следующий фильм, и ему же врезала по яйцам, когда он обещание не сдержал.

МАМАША. Весь шум из-за парня в серой штормовке. Ну, не знаю.

ХЕЛЕН. Он теперь по-любому долго акул играть не сможет, так я этому хрену врезала.

ХЕЛЕН с МАМАШЕЙ выходят. БАРТЛИ стоит, уставившись на силуэт БИЛЛИ, он только что его заметил. ЭЙЛИН плачет, все еще спиной к экрану. КЕЙТ стягивает простыню, открывая БИЛЛИ, живого и невредимого.

ХЕЛЕН (за кулисами. Кричит). Ты идешь, говнюк?

БАРТЛИ. Сейчас иду.

БИЛЛИ. Не хотел беспокоить вас, пока фильм не кончится.

ЭЙЛИН поворачивается и в изумлении видит его. КЕЙТ бросает свой камень и обнимает БИЛЛИ.

БАРТЛИ. Привет, Калека Билли.

БИЛЛИ. Привет, Бартли.

БАРТЛИ. Ты что, только что из Америки?

БИЛЛИ. Ага.

БАРТЛИ. Ясно. (*Пауза.*) Ты не привез мне Чупа-Чупс?

БИЛЛИ. Нет, Бартли.

БАРТЛИ. А ведь обещал же, Билли, мать твою.

БИЛЛИ. Там была только Хубба-Бубба.

БИЛЛИ *кидает* БАРТЛИ *пакетик конфет.*

БАРТЛИ. Черт, Хубба-Бубба — тоже неплохо. Спасибо, Калека Билли.

КЕЙТ. Ты совсем не умер, да, Билли?

БИЛЛИ. Не умер, тетя Кейт.

КЕЙТ. Это хорошо.

БАРТЛИ. Так как все было, Билли? Ты написал письмо от доктора сам, чтобы Мальш Бобби тебя повез, а на самом деле с тобой все в порядке?

БИЛЛИ. Да, Бартли.

БАРТЛИ. Ну и хитрый же ты для калеки, Билли. Ты идею из «Биггла на Борнео» взял? Когда Бигглз говорит каннибалу, что у него корь, чтобы он не ел Биггла?

БИЛЛИ. Нет, Бартли, я сам придумал.

БАРТЛИ. А как будто из книжки взял.

БИЛЛИ. Я сам придумал, Бартли.

БАРТЛИ. Выходит, ты еще хитрее, чем я думал, Билли. Ты всех на Инишмаане надул, все думали, ты уехал и загнолся, даже я. Ловко ты это.

ЭЙЛИН. Не все. Некоторые думали, ты сбежал, сбежал, потому что ты больше видеть не мог тех, кто тебя вырастил, так они тебе опротивели.

БИЛЛИ. В этом нет ни слова правды, тетя Эйлин, и не потому ли я вернулся, что не мог больше выносить разлуки с вами? Я же прошел кинопробы месяц назад, и янки сказали, что роль у меня в кармане. Но я им ответил, не пойдет, и неважно, сколько денег они мне предложат, по-

тому что теперь я знаю, Голливуд — не для меня. Мое место здесь, на Инишмаане, с теми, кто любит меня и кого люблю я.

КЕЙТ *целует его.*

БАРТЛИ. Ирландия не такая уж дыра, раз калеки бросают Голливуд, чтобы сюда приехать.

БИЛЛИ. По правде сказать, Бартли, не так уж и сложно было бросить Голливуд. Такие дерьмовые тексты меня заставляли читать. «Неужели я слышу причитания плакальщиц, хотя я так далеко от бесплодного острова, где мой дом?»

БАРТЛИ *смеется.*

«Я ирландец! Века угнетения не сломили мой дух, укрепили мое мужество». Вот щас достану свою ирландскую дубину! В общем, сплошное дерьмо. А еще заставляли меня петь «Стриженого паренька».

КЕЙТ. А наш мальчик мог бы актером стать, что скажешь, Эйлин?

БАРТЛИ. Смешно сказал, Калека Билли. Давай еще раз.

КЕЙТ. Пойду домой, проветрю твою комнату, Билли.

БАРТЛИ. Э-э, вы камень забыли. Может, вам по пути поболтать захочется?

КЕЙТ. Бог с ним, с камнем. Теперь мой Билли вернулся, и мне есть с кем говорить, правда, Билли?

БИЛЛИ. Правда, тетя.

КЕЙТ *выходит.*

Она что, опять за камни принялась?

БАРТЛИ. Да. Говорит с ними круглые сутки, над ней все смеются, даже я.

БИЛЛИ. Нехорошо смеяться над чужим несчастьем, Бартли.

БАРТЛИ (*растерянно*). Почему?

БИЛЛИ. Не знаю, почему. Просто нехорошо, и все.

БАРТЛИ. Но это же смешно.

БИЛЛИ. Даже если так.

БАРТЛИ. Ну-у, я не согласен. Но ты не забыл про Хубба-Буббу, так что спорить не буду. Ты мне потом расскажешь, как здорово в Америке, Калека Билли?

БИЛЛИ. Ладно, Бартли.

БАРТЛИ. А ты там телескопы видел?

БИЛЛИ. Нет.

БАРТЛИ (*разочарованно*). Ясно. А как там моя тетя Мэри из Бостона, Массачусетс? Ты ее видел? У нее смешная прическа.

БИЛЛИ. Не видел, Бартли.

БАРТЛИ. Ясно. (*Пауза.*) Все равно я рад, что ты не умер, Калека Билли.

БАРТЛИ *выходит*.

БИЛЛИ (*пауза*). Все, что хочет услышать Бартли, это как здорово в Америке.

ЭЙЛИН. А что, разве не здорово?

БИЛЛИ. На самом деле, там так же, как в Ирландии. Полно бородатых толстух.

ЭЙЛИН *встает, подходит к БИЛЛИ и дает ему подзатыльник*.

Больно! За что?!

ЭЙЛИН. Я тебе дам бородатых толстух! У тебя что, руки бы отсохли, если б ты письмо домой написал? Не отсохли бы, а ведь ни слова! Ни словечка!

БИЛЛИ. Тетя, я был очень занят.

ЭЙЛИН. Понятно. Чтобы написать теткам, которые из-за тебя все извелись, ты слишком занят. А чтобы купить Хубба-Буббу какому-то обормоту и показать, какой ты теперь важный, ты не занят.

БИЛЛИ. Да чтобы Хубба-Буббу купить, всего минута нужна. Разве это подходящее сравнение?

ЭЙЛИН. Не смей бросаться мне тут умными словами. Знаешь, что не прав.

БИЛЛИ. Да ведь «сравнение» — не такое уж умное слово.

ЭЙЛИН. Смотрите-ка, великий и ужасный янки.

БИЛЛИ. А еще в Америке очень сложная почтовая система.

ЭЙЛИН. Не придумывай отговорок. Не думай, что я так скоро прощу и все забуду, как она. Она простила, потому что совсем свихнулась, пока тебя не было. Со мной этот номер не пройдет!

БИЛЛИ. Не надо, тетя.

ЭЙЛИН (*выходит*). Нет, надо. Надо.

Длинная пауза. БИЛЛИ стоит, склонив голову. ЭЙЛИН выглядывает на сцену.

Может, ты еще и картофельных оладьев к чаю хочешь?!

БИЛЛИ. Я не против.

ЭЙЛИН. Ну, знаешь!

Она снова выходит. Пауза. БИЛЛИ смотрит на экран-простыню, снова ее натягивает и стоит, смотрит на нее, слежка ее поглаживая. Справа неслышно входит БОББИ, через мгновение БИЛЛИ его замечает.

БИЛЛИ. Малыш Бобби, я должен тебе кое-что объяснить.

БОББИ. Не надо ничего объяснять, Билли.

БИЛЛИ. Но я хочу, Бобби. Послушай, я никогда не думал, что наступит день, когда мне придется объяснять-

ся. Я надеялся навсегда исчезнуть в Америке. Я бы так и сделал, если бы был там нужен. Нужен для съемок. Но я им не нужен. Вместо меня они наняли блондина из Форта Лодердейл. Он не калека, но янки сказал: «Лучше нанять нормального парня, чтобы сыграл калеку, чем калеку, который вообще на хрен не умеет играть». Правда, он сказал еще грубее. *(Пауза.)* Я думал, я неплохо играю. Часами тренировался в гостинице. А все без толку. *(Пауза.)* И все же я попробовал. Не мог иначе. Мне надо было уехать отсюда, Мальш Бобби, любым способом, как маме с папой, которые тоже хотели отсюда убраться. *(Пауза.)* Пойти утопиться, вот о чем я думал, чтобы... чтобы не смеялись, не дразнили. Что за жизнь — таскаться по врачам, листать одни и те же книги и думать, как бы убить еще один день. Еще день — и что в нем хорошего? Одни насмешки и подзатыльники, вроде как я полоумный какой-то. Деревенский сирота. Деревенский калека, и все. Да здесь полно калек, таких же, как я, только я снаружи, а они внутри. *(Пауза.)* А вот ты, Мальш Бобби, не такой и никогда таким не был. У тебя доброе сердце. Думаю, поэтому тебя было так легко надуть письмом про туберкулез, поэтому я и раскаивался, что надул тебя, поэтому и сейчас раскаиваюсь. Особенно потому, что я поймал тебя на том, от чего умерла твоя хозяйка. Я просто думал, так выйдет убедительнее. Но я думал, я надеялся, если тебе придется выбирать между тем, чтобы тебя надули, и моим самоубийством, то, когда гнев твой пройдет, ты выберешь надувательство. Я не прав, Мальш Бобби? Не прав?

БОББИ подходит к БИЛЛИ, останавливается прямо перед ним и вытягивает из рукава обрезок трубы.

БОББИ. Нет.

БОББИ заносит трубу.

БИЛЛИ. Не надо, Бобби, нет!.

БОББИ *бьет Билли обрезком трубы, БИЛЛИ закрывается руками. Затемнение. БИЛЛИ кричит от боли, снова и снова слышны удары трубы.*

Сцена девятая

Магазинчик поздним вечером. ДОКТОР осматривает окровавленное лицо БИЛЛИ. КЕЙТ у прилавка. ЭЙЛИН выглядывает за дверь.

ЭЙЛИН. Джоннипатинмайк почти всему острову развонил, что Билли к нам вернулся.

КЕЙТ. Сегодняшний день богат новостями.

ЭЙЛИН. У него буханка хлеба в руке и две бараньи ноги под мышкой.

КЕЙТ. Билли вернулся, Малыша Бобби арестовали, а дочка Джима Финнегана постриглась в монашки. Этого уж никто не ожидал.

ЭЙЛИН. У монашек, небось, совсем дела плохи, если уж они приняли к себе дочку Джима Финнегана.

КЕЙТ. Видно, снизились требования в монастырях.

БИЛЛИ. А почему бы дочке Джима Финнегана и не стать монашкой? А что шлюха она, только слухи.

ДОКТОР. Да нет, она и правда шлюха.

БИЛЛИ. Правда?

ДОКТОР. Да.

БИЛЛИ. А вы откуда знаете?

ДОКТОР. Можешь поверить мне на слово.

ЭЙЛИН. Ведь он же доктор.

БИЛЛИ (*пауза*). Просто мне не нравятся люди, которые сплетничают про других, вот и все. Мне самому от таких досталось.

ДОКТОР. Но разве не ты виноват, что о тебе пошли все эти слухи? Разве не ты подделал письма от меня, за что тебе еще предстоит ответить?

БИЛЛИ. Простите, доктор, но у меня разве были другие перспективы?

ЭЙЛИН. «Перспективы» — вы слышали?

КЕЙТ. Они все так умничают, когда вернутся из Америки.

ЭЙЛИН. Перспективы. Ну, не знаю.

БИЛЛИ. Наверное, доктор не откажется выпить чашку чаю, вы не принесете?

ЭЙЛИН. Хочешь от нас отделаться? Если так, то скажи прямо.

БИЛЛИ. Да, хочу отделаться и говорю об этом прямо.

ЭЙЛИН смотрит на него несколько секунд, после чего они обе с грустным видом выходят в заднюю комнату.

ДОКТОР. Не стоит так с ними разговаривать, Билли.

БИЛЛИ. А чего они заладили одно и то же.

ДОКТОР. Я все понимаю, но они ведь женщины.

БИЛЛИ. Знаю. (*Пауза.*) Можно я вас спрошу, доктор. Что вы помните о моих родителях? Что они были за люди?

ДОКТОР. А почему ты спрашиваешь?

БИЛЛИ. Когда я был в Америке, я часто думал о них, о том, что бы они стали делать, окажись они там. Они ведь в Америку отправились в ту ночь, когда утонули?

ДОКТОР. Говорят, так и было. (*Пауза.*) Насколько я помню, лучшими из людей назвать их было трудно. Твой отец был законченным пьяницей и постоянно ввязывался в драки.

БИЛЛИ. Я слышал, моя мама была красивой женщиной.

ДОКТОР. Да нет, нет, ужасной уродиной.

БИЛЛИ. Правда?

ДОКТОР. Она своим видом могла свинью испугать. Но, гм, несмотря на внешность, иногда была довольно милой, хотя изо рта у нее разило так, что на ногах не устоять.

БИЛЛИ. Говорят, отец бил ее, когда она была беременна, поэтому я такой и родился.

ДОКТОР. Ты такой родился из-за болезни, Билли. Битье здесь совсем ни при чем. Так что не романтизируй.

БИЛЛИ *кашляет, хрипит.*

Я вижу, хрипы у тебя не прошли.

БИЛЛИ. Нет, хрипы у меня не прошли.

ДОКТОР. Хрипам давно пора бы пройти.

Он вынимает стетоскоп и прикладывает к груди
БИЛЛИ.

Стало лучше или хуже со времени поездки? Вдохни.

БИЛЛИ. Может, немного похуже.

ДОКТОР *прикладывает стетоскоп к спине* БИЛЛИ.

ДОКТОР. Но ведь крови нет, когда ты кашляешь, правда?

БИЛЛИ. Немножко бывает. *(Пауза.)* Время от времени.

ДОКТОР. Выдохни. А как часто это время от времени, Билли?

БИЛЛИ*(пауза)*. Почти каждый день. *(Пауза.)* Это туберкулез?

ДОКТОР. Нужно сделать анализы.

БИЛЛИ. Но похоже на туберкулез?

ДОКТОР. Похоже на туберкулез.

БИЛЛИ (*тихо*). Вот так совпадение.

ДЖОННИ тихо входит. Все это время он подслушивал под дверь. Под мышками у него две бараньи ноги, в руках буханка хлеба, которые он держит при себе на протяжении всей сцены.

ДЖОННИ. Значит, все-таки туберкулез?

ДОКТОР. Слушай, Пустозвон, ты когда-нибудь перестанешь подслушивать под дверью?

ДЖОННИ. Храни нас Господь, но я уверен, что именно он наслал на Калеку Билли туберкулез за то, что он клялся, что у него туберкулез, когда туберкулеза у него не было, а из-за этого получалось, что новости у Пустозвона недостоверные.

ДОКТОР. Господь не насыляет на людей туберкулез, Пустозвон.

ДЖОННИ. Нет, насыляет.

ДОКТОР. Не насыляет, я сказал.

ДЖОННИ. Но ведь язву египетскую наслал, а это чем хуже?

ДОКТОР. Язва и туберкулез — разные вещи, Пустозвон, он и язву египетскую не насылал.

ДЖОННИ. В Древнем Египте.

ДОКТОР. Да не было этого.

ДЖОННИ. Но что-то же он сделал с этими чертовыми египтянами!

БИЛЛИ. Он убил их первенцев.

ДЖОННИ. Он убил их первенцев и обрушил им на головы жаб, вот. Я смотрю, мальчик знает Писание. Твои тетki уже слышали, что у тебя туберкулез, Калека Билли?

БИЛЛИ. Нет, не слышали, и ты им ничего не скажешь.

ДЖОННИ. Да это же моя работа — рассказывать!

БИЛЛИ. Это совсем не твоя работа, и потом, разве тебе мало новостей на сегодня? Можешь оказать мне услугу раз в жизни?

ДЖОННИ. Раз в жизни, говоришь? (*Вздыхает.*) Ладно, не скажу.

БИЛЛИ. Спасибо, Пустозвон.

ДЖОННИ. ДЖОННИПАТИНМАЙК добрый христианин.

ДОКТОР. Я слышал, ты сегодня в кино опять свою мамашу самогоном поил, Пустозвон.

ДЖОННИ. Понятия не имею, где она его взяла. Она суший дьявол, честное слово!

ДОКТОР. А где сейчас твоя мамаша?

ДЖОННИ. Дома. (*Пауза.*) Лежит под лестницей.

ДОКТОР. А что она там делает, под лестницей?

ДЖОННИ. Ничего. Просто так лежит. И, кажется, счастлива. Выпивка у нее есть.

ДОКТОР. А как она оказалась под лестницей?

ДЖОННИ. Свалилась с нее! Как еще можно оказаться под лестницей?

ДОКТОР. И ты оставил ее там лежать?

ДЖОННИ. Я что, нанимался ее поднимать?

ДОКТОР. А ты как думал?

ДЖОННИ. Слушайте, у меня работы хватает и по распространению новостей. У меня есть дела поважнее, чем мамаш подбирать. Видите, какие я раздобыл бараньи ноги и буханку в придачу? День удался.

ДОКТОР молча складывает свою черную сумку, потрясенный; ДЖОННИ восхищается бараниной.

ДОКТОР. Я уйду, Билли. Пойду домой к Джонни, посмотрю, жива ли еще его мамаша. Ты придешь завтра анализы сдать?

БИЛЛИ. Приду, доктор.

ДОКТОР *выходит, не спуская глаз с ДЖОННИ*. ДЖОННИ *садится рядом с БИЛЛИ*.

ДЖОННИ. Моя мамаша вовсе не лежит под лестницей. Просто я больше не могу выносить этого хрена занудного.

БИЛЛИ. Ты нехорошо поступил, Джонни.

ДЖОННИ. А ты прямо главный эксперт, знаешь, что хорошо, а что нет. Да, Калека Билли?

БИЛЛИ. Наверно, нет.

ДЖОННИ. И потом, что тут плохого? Делай что хочешь и посылай всех на хрен, вот девиз Джоннипатинмайка.

БИЛЛИ. Ты, когда под дверью подслушивал, слышал, что МакШерри говорил о моей маме?

ДЖОННИ. Кое-что слышал.

БИЛЛИ. Он правду говорил?

ДЖОННИ пожимает плечами.

Про это из тебя слова не вытянешь, а про гусиную вражду или овечьи дефекты языком метешь — как метлой машешь.

ДЖОННИ. Кстати, о гусиной вражде, слышал последнюю новость?

БИЛЛИ вздыхает.

Мы-то все думали, что Джек Эллери и Пэтти Бреннан готовы поубивать друг друга после гибели кошки и гуся, так можешь себе представить? Какой-то малец видел их сегодня утром на сеновале, целовались взапрос. У меня это в голове не укладывается. Чтобы два парня целовались, да еще те, которые друг другу даже не нравятся.

БИЛЛИ *(пауза)*. Ты сменил тему, Пустозвон.

ДЖОННИ. Это я мастер — темы менять. А какая была тема? Ах да, твои утопшие родители.

БИЛЛИ. Они правда были такими жуткими, как Мак-Шерри говорит?

ДЖОННИ. Совсем они не были жуткими.

БИЛЛИ. Нет? Но ведь они бросили меня и решили уплыть.

ЭЙЛИН возвращается с чашкой чая.

ЭЙЛИН. Вот чай для доктора.

БИЛЛИ. Доктор ушел.

ЭЙЛИН. Как, без чая?

БИЛЛИ. Очевидно.

ЭЙЛИН. Ты опять умничаешь, Билли Клейвен?

ДЖОННИ. Давайте я выпью докторский чай, чтобы сохранить мир в семье.

Дает ему чай.

Джоннипатинмайк готов на любые жертвы, лишь бы помочь людям. А печенья у вас нет?

БИЛЛИ. Ты снова меняешь тему?

ДЖОННИ. Не меняю. Я хочу печенья.

ЭЙЛИН. У нас нет печенья.

ДЖОННИ. Готов поспорить, у вас навалом печенья. А что вон там на полках, за банками с горошком?

ЭЙЛИН. Там тоже горошек.

ДЖОННИ. Вы заказываете слишком много горошка. А как человек может пить чай с горошком? Если он нормальный, конечно, а не придурок. (*Поправляет баранью ногу под мышкой.*) Вы же не можете сказать, что Джоннипатинмайк придурок. Ну уж нет.

БИЛЛИ. Джоннипатинмайк. Так про моих родителей. Про их плавание.

ЭЙЛИН. Это новость столетней давности, Билли. Забудь про это...

ДЖОННИ. Если парень хочет услышать, пусть слушает. Ведь он теперь совсем большой и много путешествовал, так почему бы ему не послушать?

ЭЙЛИН. Ты ведь не расскажешь ему?

ДЖОННИ *смотрит на нее несколько секунд.*

ДЖОННИ. Той ночью я встретил их на берегу. Смотрели они в темноту, слушали рокот волн, и ничего такого я бы и не подумал, если бы не увидел вдруг, что к рукам у них привязан мешок с камнями, и садятся они с ним в лодку. Такой большой холщовый мешок, вот как один из этих. Отдали они мне тебя, а сами начали грести и поплыли на глубину.

БИЛЛИ. Значит, они все-таки с собой покончили из-за меня?

ДЖОННИ. Да, покончили, но не поэтому. Ты думаешь, чтобы избавиться от тебя?

БИЛЛИ. А почему же еще?

ДЖОННИ. Сказать ему?

ЭЙЛИН *кивает.*

За неделю до этого они узнали, что ты умрешь, если не отправить тебя в окружную больницу и не начать лечение. Но лечение стоило сотню фунтов, а у них таких денег в помине не было. Так вот, это страховка, которую выплатили после их смерти, спасла тебе жизнь. И представляешь, именно в тот день, когда я встретил их на берегу, они завели страховой полис.

БИЛЛИ (*пауза*). Значит, они покончили с собой ради меня?

ДЖОННИ. Страховку выплатили через неделю, и тебя еще до конца месяца выписали.

БИЛЛИ. Значит, они все же любили меня, несмотря ни на что.

ЭЙЛИН. Они любили вопреки всему, Билли.

ДЖОННИ. Ну как тебе новость?

БИЛЛИ. Отличная новость. Мне сегодня очень нужна была хорошая новость. Спасибо тебе, Пустозвон.

Они пожимают друг другу руки, и БИЛЛИ садится.

ДЖОННИ. Не за что, Калека Билли.

БИЛЛИ. Билли.

ДЖОННИ. Билли. *(Пауза.)* Ладно, я пошел домой к мамаше. Надеюсь, она откинула копыта, когда доктор пришел, и у нас будет сегодня еще одна хорошая новость. *(Пауза.)* Скажите, хозяйка, вы можете чем-нибудь запла- тить ДЖОННИПАТИНМАЙКУ за новости, только не го- рошком?

ЭЙЛИН. Есть Чупа-Чупсы.

ДЖОННИ *(разглядывает пакетик)*. А что такое Чупа- Чупсы?

ЭЙЛИН. Это Чупсы, которые чупают.

ДЖОННИ *(пауза. Немного подумав)*. Это я не буду.

ДЖОННИ выходит. Долгая пауза.

БИЛЛИ. Надо было раньше мне все рассказать.

ЭЙЛИН. Я не знала, как ты отнесешься к этой ново- сти, Билли.

БИЛЛИ. И все же надо было рассказать. Легче вынес- ти правду, чем страх перед тем, какой она может быть.

ЭЙЛИН. Прости меня, Билли.

Пауза. БИЛЛИ позволяет ей слегка себя обнять.

БИЛЛИ. Прости, что я сказал «очевидно».

ЭЙЛИН. То-то же.

Она похлопывает его по щеке. Входит ХЕЛЕН.

Привет, Хелен. Что тебе?

ХЕЛЕН. Ничего. Просто пришла посмотреть на раны Калеки Билли. Говорят, они глубокие.

БИЛЛИ. Привет, Хелен.

ХЕЛЕН. Ты как идиот хренов во всех этих повязках, Калека Билли.

БИЛЛИ. Наверное, да. Э-э... тетя, там чайник не кипит?

ЭЙЛИН. Что? Да нет. А-а. *(Цыкает.)* Да-да.

ЭЙЛИН *выходит в заднюю комнату*, ХЕЛЕН *оттягивает бинты, чтобы заглянуть под них*.

БИЛЛИ. Хелен, мне же больно.

ХЕЛЕН. Ты прям как девчонка, на хрен, Калека Билли. Ну, как там в Америке?

БИЛЛИ. Да нормально.

ХЕЛЕН. Ты видел там таких же красивых, как я?

БИЛЛИ. Ни одной.

ХЕЛЕН. А почти таких же красивых?

БИЛЛИ. Ни одной.

ХЕЛЕН. А в сто раз хуже, чем я?

БИЛЛИ. Ну, может быть, пару раз и видел.

ХЕЛЕН *больно тычет его в лицо*.

(Кричит от боли.) А-а! Я хотел сказать, ни одной.

ХЕЛЕН. Думай, что говоришь, Калека Билли.

БИЛЛИ. Почему ты такая жестокая, Хелен?

ХЕЛЕН. Мне приходится быть жестокой, и вообще, не хочу, чтобы меня использовали, поэтому мне приходится быть жестокой.

БИЛЛИ. На тебя, небось, лет с семи никто не покушался, Хелен.

ХЕЛЕН. Скорее уж с шести. В шесть я врезала по яйцам священнику.

БИЛЛИ. Может быть, тебе немножко поубавить жестокости и стать просто милой девушкой?

ХЕЛЕН. Ага, конечно. Да я скорее себе спицу гнутую в задницу вставлю. *(Пауза.)* Меня только что уволил ТОР-ГОВЕЦ яйцами.

БИЛЛИ. А почему он тебя уволил, Хелен?

ХЕЛЕН. Ума не приложу, почему. Может быть, дело в том, что мне недостает пунктуальности. Или в том, что я перебила все яйца. Или в том, что я могу врезать ему, когда мне хочется. Правда, ни одна из этих причин не может считаться уважительной.

БИЛЛИ. Конечно нет.

ХЕЛЕН. Или, может, дело в том, что я плюнула в жену торговца яйцами, но и эта причина не уважительная.

БИЛЛИ. Зачем ты плюнула в нее, Хелен?

ХЕЛЕН. Затем, что она этого заслуживает. *(Пауза.)* Кстати, я еще не врезала тебе за то, что ты занял место в Голливуде, которое по праву мое. Ведь мне пришлось перецеловать четверых режиссеров на Инишморе, чтобы обеспечить себе место, которое ты занял без единого поцелуя.

БИЛЛИ. Но тогда на Инишморе был только один режиссер, Хелен. Человек по имени Флаэрти. А тебя я возле него вообще не видел.

ХЕЛЕН. Тогда кого же я целовала?

БИЛЛИ. Я думаю, местных конюхов, которые научились подделывать американский акцент.

ХЕЛЕН. Вот ублюдки! А почему ты меня не предупредил?

БИЛЛИ. Я собирался, но, по-моему, тебе это нравилось.

ХЕЛЕН. Целоваться с конюхами бывает приятно, это правда. Я даже, может быть, прошлась бы с конюхом разок-другой, если бы только от них не воняло свиным дерьмом.

БИЛЛИ. А ты сейчас с кем-нибудь гуляешь?

ХЕЛЕН. Нет.

БИЛЛИ (*пауза*). Знаешь, а меня еще никто не целовал.

ХЕЛЕН. Конечно, никто не целовал. Потому что ты калека дурацкий.

БИЛЛИ (*пауза*). Странно, но, когда я был в Америке, я думал о том, по чему бы стал скучать, если бы остался там навсегда. Я думал, стал бы я скучать по нашим местам? По каменным стенам, улицам в зелени и морю? Нет, не стал бы. Стал бы скучать по нашей еде? По горошке, картошке, горошке, картошке и горошке? Нет, не стал бы. Стал бы скучать по людям?

ХЕЛЕН. Эта твоя речь надолго?

БИЛЛИ. Я почти закончил. (*Пауза*.) На чем я остановился? Ты меня сбила...

ХЕЛЕН. «Стал бы скучать по людям».

БИЛЛИ. Стал бы скучать по людям? Ну, немножко стал бы, по теткам. По Малышу Бобби с его обрезком свинцовой трубы, по Джоннипатинмайку с его идиотскими новостями я бы скучать не стал. И по тем парням, что смеялись надо мной в школе, и девчонкам, что ревели, стоило мне с ними заговорить, тоже. Я думал про все это, и получалось, что если Инишмаан завтра поглотит морская пучина, то я ни по ком особенно горевать не стану. Кроме тебя, Хелен.

ХЕЛЕН (*пауза*). Станешь горевать по коровам, на которых любишь смотреть.

БИЛЛИ. Эта история с коровами раздута сверх всякой меры. То, к чему я веду, Хелен, это...

ХЕЛЕН. А ты к чему-то ведешь, Калека Билли?

БИЛЛИ. Да, а ты все время меня перебиваешь.

ХЕЛЕН. Ну давай, веди.

БИЛЛИ. Я веду вот к чему... В жизни каждого парня наступает момент, когда он должен взять судьбу в свои руки и попытаться что-то сделать, и даже если он знает,

что у него один шанс на миллион, он все же должен его использовать, иначе для чего вообще тогда жить? Так вот, я и спрашиваю, Хелен, может быть, когда-нибудь, ну, я не знаю, когда у тебя будет время, или, может быть... я понимаю, что я, конечно, не красавец, но вдруг ты захочешь как-нибудь вечером прогуляться со мной. Ну, может, через неделю, или две, или еще когда-нибудь?

ХЕЛЕН (*пауза*). Я не понимаю, чего ради мне гулять с калекой? И потом, какая же это будет прогулка, это будет ковыляние, потому что нормально ходить ты не можешь. Мне придется дожидаться тебя через каждые пять ярдов. И чего ради нам с тобой идти ковылять?

БИЛЛИ. За компанию.

ХЕЛЕН. За компанию?

БИЛЛИ. И еще...

ХЕЛЕН. И что еще?

БИЛЛИ. И еще для того, что делают влюбленные.

ХЕЛЕН смотрит на него с минуту, потом начинает тихо смеяться, давится смехом, встает и идет к двери. Возле двери она останавливается, оглядывается на БИЛЛИ и со смехом выходит. БИЛЛИ молча смотрит в пол, КЕЙТ тихо выходит из задней комнаты.

КЕЙТ. Она все равно не очень хорошая девушка, Билли.

БИЛЛИ. Ты подслушивала, тетя Кейт?

КЕЙТ. Ничего я не подслушивала, ну, хорошо, немножко подслушивала. (*Пауза.*) Подожди, пока появится какая-нибудь хорошая девушка, Билли. Девушка, которой будет все равно, как ты выглядишь. Которая увидит, какое у тебя сердце.

БИЛЛИ. И сколько мне ждать, пока появится такая девушка?

КЕЙТ. Совсем недолго. Ну, может, год или два. Или в крайнем случае пять.

БИЛЛИ. Пять лет...

БИЛЛИ *кивает, поднимается, негромко хрипит и выходит в заднюю комнату*. КЕЙТ *начинает прибираться в магазине*. ЭЙЛИН *входит и помогает ей*. *Где-то в отдалении слышен кашель БИЛЛИ*.

ЭЙЛИН. А что это Калека Билли такой мрачный?

КЕЙТ. Билли предложил Чуме-Хелен прогуляться с ним, а она сказала, что скорее пойдет с обезьяной с проломленным черепом.

ЭЙЛИН. Вряд ли Чума-Хелен так красочно выразилась.

КЕЙТ. Да, тут я немного приукрасила.

ЭЙЛИН. Я вот что думаю. (*Пауза*.) Надо бы Калеке Билли кого-нибудь попроще, чем Хелен.

КЕЙТ. Да, надо бы ему кого-нибудь попроще, чем Хелен.

ЭЙЛИН. Ему бы начать с какой-нибудь тупой уродины, а потом двигаться дальше.

КЕЙТ. Билли надо бы отправиться в Антрим. Это пойдет ему на пользу. (*Пауза*.) Хотя, может быть, ему и не понравятся тупые уродины.

ЭЙЛИН. Да на Билли не угодишь.

КЕЙТ. Да уж.

ЭЙЛИН (*пауза*). Ты не слышала, что Джоннипатинмайк рассказывал Билли историю про то, как его родители привязали к себе мешок с камнями и утопились, чтобы его страховка спасла?

КЕЙТ. Джонни умеет наглести. А ведь это наш Билли был в мешке с камнями, и лежать бы ему сейчас на дне морском, если бы Пустозвон не бросился в воду и не спас

его. А потом стащил у мамыши сотню фунтов, чтобы заплатить за лечение.

ЭЙЛИН. Когда-нибудь надо рассказать Билли правду, Кейт.

КЕЙТ. Конечно, вот только эта история расстроит Калеку Билли и вообще.

ЭЙЛИН. Думаешь? Да тысячу раз еще успеем рассказать.

КЕЙТ. Да, успеем.

Они заканчивают уборку перед закрытием, ЭЙЛИН запирает дверь, КЕЙТ уменьшает свет масляной лампы.

Это первая ночь за много месяцев, когда я смогу спокойно заснуть, Эйлин.

ЭЙЛИН. Да, я знаю. Ты покончила со своими каменными заскоками?

КЕЙТ. Да, покончила. Они бывают, только когда я волнуюсь, и знаешь, хоть я и умею это скрывать, я ужасно волнуюсь, когда Билли нет с нами.

ЭЙЛИН. Я тоже ужасно волнуюсь, когда его нет с нами, но я же не впутываю сюда камни.

КЕЙТ. Давай забудем про камни. Теперь Билли снова с нами.

ЭЙЛИН. Да, теперь он снова с нами. Навсегда.

КЕЙТ. Навсегда.

Они улыбаются и, держась за руки, выходят в заднюю комнату. После паузы появляется БИЛЛИ. Он ковыляет к масляной лампе, делает огонь ярче, видны его покрасневшие глаза, он всхлипывает. Он снимает мешок со стены и складывает туда банки с горошком, пока мешок не становится тяжелым, затем привязывает мешок к руке. Он на мгновение застывает на месте, потом медленно ковыляет к двери. Раздается стук. БИЛЛИ вытирает слезы, прячет

мешок за спину и открывает дверь. ХЕЛЕН просовывает голову внутрь.

ХЕЛЕН (*яростно*). Ладно, я согласна, я с тобой прогуляюсь, но только там, где ни один хрен нас не увидит и когда будет темно. И не вздумай меня лапать, я не хочу, чтобы пострадала моя хренова репутация.

БИЛЛИ. А-а... Хорошо, Хелен.

ХЕЛЕН. Ладно, можешь лапать, только не часто.

БИЛЛИ. Завтра подойдет?

ХЕЛЕН. Завтра ни хрена не подойдет. Завтра же у Бартли день рождения.

БИЛЛИ. Правда? А что ты ему подаришь?

ХЕЛЕН. Я подарю... черт, сама не знаю, почему я это сделала, он теперь точно не заткнется, на хрен, или по крайней мере не заткнется, пока я ему, на хрен, по морде не врежу, да и тогда, небось, не заткнется, но я купила этому засранцу телескоп.

БИЛЛИ. Какая ты молодец, Хелен.

ХЕЛЕН. Наверное, я к старости становлюсь мягче.

БИЛЛИ. Я тоже так думаю.

ХЕЛЕН. Правда?

БИЛЛИ. Да.

ХЕЛЕН (*лукаво*). Правда, Билли?

БИЛЛИ. Да.

ХЕЛЕН. Ага. А как тебе такая мягкость?

ХЕЛЕН *тычет* БИЛЛИ *в повязку на лице, тот кричит от боли.*

БИЛЛИ. А-а! Больно же!

ХЕЛЕН. То-то. Увидимся послезавтра на нашей хреновой прогулке.

БИЛЛИ. Ладно.

ХЕЛЕН *быстро целует* БИЛЛИ, *подмигивает ему и закрывает за собой дверь. БИЛЛИ некоторое время стоит по-*

трясенный, затем вспоминает про мешок, привязанный к руке. Пауза. Он развязывает веревку, расставляет банки по местам и вешает мешок на стену, гладит его. С улыбкой ковыляет в заднюю комнату, но по пути останавливается и сильно кашляет, прижимая руку ко рту. Когда кашель прекращается, он отнимает руку. Она в крови. БИЛЛИ перестает улыбаться, приглушает свет масляной лампы и выходит в заднюю комнату. Затемнение.

Конец

Дэвид Харроуэр

НОЖИ В КУРИЦАХ

Перевод Оксаны Роминой
Copyright © 1997 David Harrower

«Никто мне не нужен, только не мне,
если во мне нет нужды никому»

Сцена первая

*Сельская местность.
Деревянный дом на краю деревни. Вечер.*

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Я не поле. Как это я — поле? Поле — оно какое? Ровное. Сырое. Черное от дождя. Я не поле.

ВИЛЬЯМ. Я и не говорил.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Ты сказал, что я поле.

ВИЛЬЯМ. Сказал, что будто поле.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Ты сказал, что я поле.

ВИЛЬЯМ. Сказал, что будто поле. Будто поле.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Одно и то же.

ВИЛЬЯМ. Совсем не то же, женщина.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Если я как поле — значит, поле и есть.

Вильям (*смеется*). Не надо быть чем-то, чтобы быть, как что-то.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Как это?

ВИЛЬЯМ. Говорю тебе, не надо.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Что ж я еще? Огонь?

ВИЛЬЯМ. Ног под собой не чую. Будто глина вместо ног.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА... Ботинок? Дверь? Кровать?

ВИЛЬЯМ. Так говорят... Будто.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Не слыхала.

ВИЛЬЯМ. Будто женщина. Луна, будто кусок сыра. Она, будто кусок сыра. Но не сыр.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Ты был там, что ли? Луна — это луна. При чем тут сыр?

ВИЛЬЯМ. Так говорят. (*Слышит что-то.*) Что это? Лошади?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. И сыр, как луна?

ВИЛЬЯМ. Ш-ш. Пойду посмотрю. Чего с ними не так.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. И сыр, как луна?

ВИЛЬЯМ. Я лучше знаю.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Знаю.

ВИЛЬЯМ. С чем хочю, с тем тебя и сравниваю. И я говорю, ты была, как поле. Когда там сидела, была, как оно. Сейчас нет. Прошло. Сейчас уже не как поле.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Скажу тебе, как что я. Я как я, и больше ничего.

ВИЛЬЯМ. Ты даже очень ничего.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Ты даже очень ничего.

ВИЛЬЯМ. Лучше всех на деревне.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Это поле? (*Он трогает ее.*) Скажи. Это поле?

ВИЛЬЯМ. Ты не видала того поля.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Что это за поле такое?

ВИЛЬЯМ. Мало кто на деревне знает его.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Где оно?

ВИЛЬЯМ. На окраине.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Я работала на всех полях в округе.

ВИЛЬЯМ. Сходи туда.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Я бывала там.

ВИЛЬЯМ. Оно самое дальнее. Последнее поле.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Я все поля видала.

ВИЛЬЯМ. Это хорошее поле. Хорошего размера. За всю свою жизнь ни разу не видал, чтоб оно обманывало, или упрямилось, или обижалось, как остальные. Оно сделано для мужика, для его лошади и плуга. Ровное и хорошее до самого края, там оно чуть подымается, но и это не выматывает. Хорошая земля, богатая. Пшеница растет ровно. Даже когда оно отдыхает, трава там растет самая сладкая в округе. Лошади, что там паслись, знают. Сходи, посмотри, женщина.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Как-нибудь схожу. Вернусь и расскажу тебе, что видала.

ВИЛЬЯМ. Умыться надо прежде, чем к лошадям пойду.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА (*уходя*). Сыр, что другие женщины делают, он как луна. Мой сыр как сыр.

ВИЛЬЯМ. Раз я лежал там, и лошади тихо паслись вокруг меня. Я глянул вверх, и все, что было во мне, обнажилось. И весь я — в кругу бескрайней травы. Красной. Сырой. Заячьи сердца слеплены коровьей слюной. Я молча лежал. Облака сошли с меня, как тогда в декабре, когда я вытащил жеребенка на свет. Уже так не бывает. Помню, до темноты, привел их обратно в конюшни, и это поле все еще было у меня в голове. И что тогда нашло на меня? Мальчишкой был. Мог бы жить в том поле всю жизнь, если б позволили. Грязью воняет.

Сцена вторая

Открытое пространство.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА *входит*. *У нее в руках корзина.*

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Ветер дует. Солнце светит. Пшеница растет. Небо — ... Птица — летит. Облака — ... Дерево... Что? Стоит. Дерево стоит. Небо — ... Небо — ... Заяц бежит. Облака — ... бегут? ... растут? Листья на деревьях — ... висят? Небо — ... Небо—

Сцена третья

Поле.

Вильям в рубашке с коротким рукавом. Ест. Рядом сидит
МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. *Между ними открытая корзина.*

ВИЛЬЯМ. Захворала?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Нет.

ВИЛЬЯМ. Жар?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Нет.

ВИЛЬЯМ. Что тогда? С тобой что-то не так.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Ничего.

ВИЛЬЯМ. Я же тебя видел.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Шла сюда. Несла обед тебе и твоей лошади.

ВИЛЬЯМ. Видел, ты там стояла. Что ты там делала?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Я смотрела. Я смотрела на...

ВИЛЬЯМ. Что... ?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Я увидела ... лужу, лужу, под ней землю разглядеть можно. Чистую лужу после свежего дождя. Видно трещинки в земле. Видно птичьи следы. Видно сияющее солнце. Как это называется?

ВИЛЬЯМ. Лужа.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Нет. Как правильно?

ВИЛЬЯМ. Правильно назвать — лужа.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Почему?

ВИЛЬЯМ. Нужно идти, куда идет женщина. Идти, а не стоять.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. В луже мутная, грязная вода. Ничего не разглядеть. А что я видела? Чистая, сверкающая вода. Что это?

ВИЛЬЯМ. Лужа. Говорю тебе, все равно лужа. Грязная лужа, чистая лужа. Одно и то же.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Все вещи меняются, каждый раз, когда я смотрю на них.

ВИЛЬЯМ. Что-то меняется. Что-то нет. Держись того, что знаешь. Так лучше. Не стой и не глазей. Деревня увидит. Пойдут разговоры. Ты ж знаешь эту деревню.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Я много чего не знаю. Много. Когда дерево делает так на ветру... (*Трясется всем телом.*) Что это? Как это называется? Почему оно так делает? Все тогда видно через листья. Можно ли на это смотреть, не знаю? Что это такое?

ВИЛЬЯМ. Поймешь. Узнаешь. Ты усомнилась в Боге?
МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Нет. Никогда не усомнюсь в Боге.

ВИЛЬЯМ. Ты еще молода. Поэтому так. А я нет. И говорю тебе, узнаешь. И будет. Что утром делала?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Когда ты ушел, зарезала двух кур и накормила остальных. Одну обменяла на мешок соли, другую вывесила у огня сушиться. Выдернула четыре моркови с грядки и вымыла. Сходила к колодцу за водой. Слепила свечу из остатков сала. Уронила нож на деревянный пол. Отдубила овчинку. Заквасила молоко. Соткала одеяло на зиму. Вычесала волосы от вшей. Преклонила колени и помолилась. Смотрела на свои руки. Принесла обед тебе и твоей лошади.

ВИЛЬЯМ ест. Удивленно приподнимает брови на «уроненный нож», поглядывает за лошадью.

ВИЛЬЯМ. Мы работали с рассвета. Ты не ешь?
МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Лучше на тебя посмотрю. Ешь как лошадь.

Он изображает жующую лошадь — до жути похоже. Она смеется.

ВИЛЬЯМ. В одном мы все схожи. Всем нравится покушать. Не встречал ни одного мужика или бабу, кому б не нравилось. Даже тем, с чужих краев.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Вот что у тебя в голове, когда ты пашешь? Вот что ты видишь? Чужие края. Чужих людей. Их еду.

ВИЛЬЯМ. Все пахари устают в землю смотреть. Черная. Спина, шея ноют. Направо, налево глянешь — упадешь. Я на небо смотрю. Но шея и глаза устают.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Нам не дано вверх долго смотреть. Лица на макушке бы были, если б так.

ВИЛЬЯМ. Знаю.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Бог за всем смотрит. Он все видит. У него для всего название есть.

ВИЛЬЯМ. Это так. Наши лица здесь, на северной стороне, чтоб прямо смотреть.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Это все, что нам нужно, чтоб смотреть между нашей землей и его небом. Я рада, что мы.

ВИЛЬЯМ. Что мы что?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Рада, что мы поженились. Если б я за тебя замуж не пошла, пошла б за другого, но все уж было бы не так. Поняла это, как только тебя увидела.

ВИЛЬЯМ. Налей молока.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Люблю целовать твой хуй.

ВИЛЬЯМ. Вот. Поешь.

Сцена четвертая

Около деревенского дома.

Раннее утро. МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА идет к конюшне и зовет Вильяма.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Вильям? Вильям?

ВИЛЬЯМ. Ш-ш-ш. Вот так. Тише. Тише.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Вильям, Вильям, может — он — здесь? Вильям, Вильям, может он там? (*Входит.*) Вильям!

ВИЛЬЯМ. ЗАКРОЙ СВОЙ РОТ, ЖЕНЩИНА, ИЛИ, КЛЯНУСЬ БОГОМ, Я СДЕЛАЮ ЭТО ЗА ТЕБЯ. Говорил тебе в день нашей свадьбы, женщина. Не ходить в конюшню без спросу. Не пугать лошадей. Они не знают, кто ты. Ты их пугаешь.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Прости, Вильям... А когда уже можно будет?

ВИЛЬЯМ. Не решай за лошадей. Может, еще через лето. Они должны узнавать твой запах. И твой голос. Каждая из них.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА... Где ты?

ВИЛЬЯМ. У последнего стойла.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Кровать была пуста. И холодная.

ВИЛЬЯМ. Я почти всю ночь здесь.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА (*продвигаясь дальше*). Что... ?

ВИЛЬЯМ. Отойди. Эта кобыла не в себе. Ее всю трясет.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Она умирает?

ВИЛЬЯМ. Нет. У нее жеребенок в животе.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. И все?

ВИЛЬЯМ. Это ее первый, женщина.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Обо мне так же заботься, когда нашего первого я буду вынашивать.

ВИЛЬЯМ. Иди в дом, женщина. Холодно.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Знаешь, с которым это она?

ВИЛЬЯМ. Вон тот. Говорил ему держаться подальше. (*Жеребицу.*) Говорил тебе. Держись подальше. Последний раз я этому верю. Иди, в дом.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. А ты идешь?

ВИЛЬЯМ. Я ж тебе сказал. Я ей тут нужен.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Она же не сейчас рождает.

ВИЛЬЯМ. Нет. Но я ее не оставляю. Она не понимает, что с ней. Она всего лишь девочка.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. С лошадьми ты быть хочешь, не со мной. Жить в этой конюшне.

ВИЛЬЯМ. Я такой, женщина. Ты знала.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Полно мальчишек на деревне. Найми одного в помощь.

ВИЛЬЯМ. Не нужны они мне. Это особые лошади, а мальчишки нет. Ты мне нужна. Ты будешь помогать. Теперь иди, поешь. Будешь мою работу сегодня делать.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. А что нужно-то?

ВИЛЬЯМ. Сама должна знать. Зерно. Перемолоть надо.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Мне идти на мельницу?

ВИЛЬЯМ. Я остаюсь с ней.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Ты хочешь, чтобы я пошла туда?

ВИЛЬЯМ. Я это и сказал.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА... Сегодня?

ВИЛЬЯМ. Ты хочешь, чтоб оно сгнило и мы померли с голоду? А? Телега уж нагружена. И эту скотину забери. (*Жеребцу.*) Подальше от меня.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Говорят, он убил жену свою и дитя, что она вынашивала. Мужики и бабы — те, что пропали, говорят, котами, козлами и обезьянами стали. По базарам скитаются и еду кланчат.

ВИЛЬЯМ. Он знает, у тебя есть я. Знает, что я сделаю.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. С детства все говорят об этом мельнике.

ВИЛЬЯМ. Просто нужно его ненавидеть. Он этого ждет. Каждой косточкой своего тела. Ненавидеть. Так принято на деревне.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Я ненавижу его.

ВИЛЬЯМ. Повтори.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Я НЕНАВИЖУ его.

ВИЛЬЯМ. Громче.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Я НЕНАВИЖУ ЕГО. Покажешь ему, что трусишь, тут же и начнется. Я ненавижу всех мельников. Утопить их всех в пруду и смотреть, как их тела гниют и пухнут.

ВИЛЬЯМ. Так и продолжай. Одиннадцатую часть ему полагается. Смотри, чтоб больше не прибрал. Так и скажи — рукава закатать, мельник,

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Рукава закатать, мельник!

ВИЛЬЯМ. ...когда зерно меряешь. Одиннадцатую часть. Ублюдок. И смотри за ним. Смотри за нашим зерном.

Сцена пятая

Мельница.

Легкое журчание реки.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА *с трудом стаскивает первый мешок зерна с телеги.*

Входит ГИЛЬБЕРТ ХОРН, наблюдает за ней. Она его замечает, но продолжает разгружать телегу.

ГИЛЬБЕРТ. Может, помочь с твоими мешками?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА *(низким голосом)*. Держись от меня подальше, парень.

ГИЛЬБЕРТ. Просто предложил помочь с твоим зерном.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Не нужна твоя помощь.

ГИЛЬБЕРТ. Так было бы...

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Сама справлюсь!

ГИЛЬБЕРТ. В первый раз здесь.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Я знаю, как все делается.

ГИЛЬБЕРТ. Знаешь, значит, что долгая и нудная работа. Где муж? Валяется больной в кровати, ни на что не годный?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Он в поле, тянет плуг. Здоровый и сильный.

ГИЛЬБЕРТ. Знает, что жена его сама не из слабых. Раз послал одну.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Никто меня не посылал, мельник. Сама пришла. Давай запускай жернова. Хочу поскорей закончить.

ГИЛЬБЕРТ. Ты это ему скажи. Красивый, а? Поскорей закончить? Скажи ему. Жернов вращается сам по себе. Не слушает никого. Даже женщину, которая сама по себе. Придется сидеть и ждать, как всем остальным. Муж тебе этого не сказал?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Куда зерно идет?

ГИЛЬБЕРТ. Туда. Сейчас пушу воду на колесо. Заходи в дом. Там печь и скамья, можешь присесть.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Я здесь останусь.

ГИЛЬБЕРТ. Жернов старый. Вращается медленно.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Здесь, я сказала.

ГИЛЬБЕРТ. Когда вращается, хоть уши затыкай.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Здесь буду, пока муку мою не увижу.

Он уходит. Колесо начинает вращаться. Шум нарастает, начинает оглушать. Она терпит, дрожит, заткнув уши. В конце концов убегает.

Сцена шестая

Дом Гильберта.

Он сидит за столом. МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА входит в дверь.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Холодно.

ГИЛЬБЕРТ. Хочешь эля? Глоток? (*Она мотает головой.*) Тыходишь или там будешь стоять?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Здесь стоять буду.

ГИЛЬБЕРТ. Не возражаешь, я чуть выпью?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Мне все равно. Твой дом.

Он пьет. Громко зевает.

ГИЛЬБЕРТ. Ааааааххх. Да... работа... работа... работа...

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Небось спину надорвал, вертеть-то жернов.

ГИЛЬБЕРТ. Э?

Молчание. Он продолжает пить.

Не всякий может быть мельником. Нужен мужик, что много работать может. Один. Деревня в этом ничего не понимает.

Долгое молчание. Наконец он указывает на дверь.

Видишь вон то? Там. Вон там. Как называется? Знаешь? Подпорка для двери. Это моя подпорка... Разве у вас в деревне не так?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Чего?

ГИЛЬБЕРТ. Если у вещи есть название, значит, у нее есть и назначение.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Да кто ты такой? Дверь закрывать ты меня не заставишь, мельник.

ГИЛЬБЕРТ. Ну-ка не замораживай «мой дом».

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Где мое зерно?

ГИЛЬБЕРТ. Там.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Я пришла с пятью мешками.

ГИЛЬБЕРТ. Хорошо считаешь.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. И уйду с пятью мешками.

ГИЛЬБЕРТ. Как я их здесь оставлю?

Он встает и берет еще выпить. Тихонько посвистывает. Она начинает еще больше волноваться, судорожно смотрит за зерном, смотрит за ним.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Прекрати! Прекрати это!

ГИЛЬБЕРТ. А?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Мужу все расскажу, мельник. Сказала, прекрати! ... Чего смеешься? ПРЕКРАТИ!!!

ГИЛЬБЕРТ. Да, другая жизнь у тех, кто в земле копается. Пыль в глазах твоих, крестьянка. Губы на ветру шлепают. Уши открыты. Землекопы набили их именем Гильберта Хорна. Что там гниет у тебя?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Нет там у меня ничего.

ГИЛЬБЕРТ. Нет? Ни колдовства моего? Ни смертных заклинаний? Ни редких трав? Ни порошка из костей, глаз животных и птиц? Ни жены моей и ребенка? Ни того, что я убил обоих? Ни того, что семья мне не нужна? Нет там ничего такого?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Злобное отродье.

Начинает пятиться к двери.

ГИЛЬБЕРТ. Куда пошла, навозная голова?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Подальше от твоего колдовства, ублюдок.

ГИЛЬБЕРТ. Деревня это смерть. Ничто.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Глаз с тебя не спущу, парень. Головы не отверну. Убью, если тронешь.

Он отворачивается и снова садится. Она почти за дверью.

ГИЛЬБЕРТ. Так ты замужем за Жеребчиком Вильямом?

Она замирает.

С ним ты спишь. С деревенским пахарем. Жеребчиком Вильямом.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Нет. Нет.

ГИЛЬБЕРТ. Нет?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Оставь его в покое.

ГИЛЬБЕРТ. Его что, не так звать?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Его зовут Вильям.

Гильберт: . А я слышал Жеребец Вильям.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Не смей его так называть.

ГИЛЬБЕРТ. Вся деревня его так зовет.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Ты лжешь.

ГИЛЬБЕРТ. Я слышал. Жеребчик Вильям...

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Ты лжешь.

ГИЛЬБЕРТ. ...и невеста Жеребчика.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Плюну в того, кто так скажет.

ГИЛЬБЕРТ. Слышал, что кличка-то из-за его любви к молодым кобылкам.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Нет...

ГИЛЬБЕРТ. Нет?... К одной кобылке? К особенной?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. ...Зависть это.

ГИЛЬБЕРТ. Зависть? Давненько такого не слышал. Это деревня тебе такое сказала?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Да.

ГИЛЬБЕРТ. И кому я завидую?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Нам завидуешь. Деревенским.

ГИЛЬБЕРТ. Завидую тебе и Жеребчику и другим, что живут в этом мертвом месте? Вашей прогнившей жизни? Чему же я завидую?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Я вижу, как ты смотришь. В глазах твоих — зло.

ГИЛЬБЕРТ. Покажи.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Что?

ГИЛЬБЕРТ. Зависть.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Не могу.

ГИЛЬБЕРТ. Почему?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Нет у меня этого. Тупица.

ГИЛЬБЕРТ. Так все говорят.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Кто?

ГИЛЬБЕРТ. Ты это уже заметила?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Что?

ГИЛЬБЕРТ. Лошади у него на первом месте.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Нет. Он меня любит. Больше всех

ГИЛЬБЕРТ. Больше всех?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. И всегда так будет.

ГИЛЬБЕРТ. Тогда тебе такое не понравится.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Мне нравится любовь. Лучше, чем злоба.

ГИЛЬБЕРТ. Тебе нравится, что его кличут Жеребчик Вильям?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Сказала тебе, не называй его так.

ГИЛЬБЕРТ. Тебе не нравится Жеребчик Вильям?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Нет. Нет.

ГИЛЬБЕРТ. Вот об этом я и говорю.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. О чем?

ГИЛЬБЕРТ. Какая власть у тебя над языками других?

Она уходит.

Сцена седьмая

Деревенский дом.

Вильям входит и видит в доме МОЛОДУЮ ЖЕНЩИНУ.

ВИЛЬЯМ. Ты наши мешки там оставила, женщина?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Жернов мельника старый, еле вращается. Я стояла, мерзла, пока он там сидел.

ВИЛЬЯМ. Все мое зерно оставила с этим мельником...

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Зерно и завтра наше будет, Вильям.

ВИЛЬЯМ. А как мне ночью спать сегодня?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Вместе ляжем. А завтра возьмешь телегу и лошадь. Мука перемелется к тому времени. Вся.

ВИЛЬЯМ. Ты хочешь, чтоб я туда вернулся?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Я с кобылой останусь. Или в поле пойду.

ВИЛЬЯМ. Вернулся и увидел, как он смеется над нами.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Нет. Он знает тебя. Знает, что ты сделаешь.

ВИЛЬЯМ. Нет? Не смеется? Мельник, что ни черта не делает. Сидит там с нашими пятью мешками. Мельник, что ни разу в поле не ходил, плуга не толкал. Руки свои запускает в зерно, что мы вырастили. Мы ж ему дали то, что он хочет. Мельнику, который земли боится. Не смеется, женщина? В дом к нему заходила?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Стояла, мерзла, пока он сидел.

ВИЛЬЯМ. Он нос свой оттуда не высовывает. Там только сидит и болтает.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. И болтает, и болтает...

ВИЛЬЯМ. И будет болтать со следующим, кто к нему придет. Про пахара и его жену, которая убежала со страху.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Я не убежала.

ВИЛЬЯМ. Про жену, что зерно наше оставила. Так и вижу этого чертова мельника, как про нас болтает. Это не я должен вернуться туда, женщина. У тебя ж много ненависти было. Куда она подевалась? Только страх теперь. Где ненависть?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Была ненависть. Пока туда шла. Но это он. Рядом. Смотрел так.

ВИЛЬЯМ. Потому, что видел то, чего у него никогда не будет.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Что?

ВИЛЬЯМ. Хорошую, сильную жену. Знай это, женщина. И говорить мне этого не надо. Давно тебя приметил. Видел, как ты росла. Выбрал женой своей. Той, что работала бы, как я. Чтоб потела, как я. Чтоб слушала только то, что надо. Слушала жернов, а не мельника. Язык — все, что у него есть. Болтать целыми днями и ночами с самим собой. И больше ничего. Иди обратно. Иди. Как жена моя.

Сцена восьмая

Деревенский пейзаж.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Солнце греет ветер, что дует. Ветер гонит облака под небом. Черное облако несет дождь. Белое облако... Птица летит под белым облаком — на дерево. Дерево для дров. Птица для... Одна птица. Одна на счастье, две на несчастье, три на здравье, четыре на процветанье, пять на болезнь, а шесть на смерть. Мертвая птица, пирог испечен. Ветер гонит облака под солнцем. Белое облако для... Заяц бежит по полям. Заячий корм. Птица — дерево... теряет птицу. Птица улетела. Ветер гонит белое облако с солнца. Белое облако для... Белое облако для...

Сцена девятая

Дом Гильберта.

Гильберт сидит за столом, пишет на бумаге чернильной ручкой.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА *входит, останавливается у двери. Смотрит на него и на ручку. В конце концов, он поднимает голову.*

ГИЛЬБЕРТ. Все еще пять. Посчитала? Все еще пять, а?

Пауза.

Последний мешок загрузил.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Видела.

ГИЛЬБЕРТ. Куда ты ушла?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Другой работы у меня полно. Не терять же время, слушая твою пустую болтовню.

ГИЛЬБЕРТ. Теперь не долго ждать осталось.

Длинная пауза.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Новый жернов нужен тебе, мельник. Домой вернуться бы, пока небо не почернело.

ГИЛЬБЕРТ. Каменщик почти изготовил новый. Когда закончит, ваши мужики его ко мне прикатят.

Он снова пишет.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Что это там у тебя?

ГИЛЬБЕРТ. Что?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. ...вон то.

ГИЛЬБЕРТ. Это? Ты не знаешь, что это? Это ручка. Чернильная ручка.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Зачем она тебе?

ГИЛЬБЕРТ. Купил на базаре у бродячего музыканта.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Деньги потратил вместо еды на ненужную палку.

ГИЛЬБЕРТ. Оно того стоит.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Мукой нашей украденной — этим заплатил.

ГИЛЬБЕРТ. Посмотри, как огонь в ней отражается.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Зачем она? Кормит тебя?

ГИЛЬБЕРТ. Нет.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Греет тебя?

ГИЛЬБЕРТ. В руке держать хорошо.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Деньги на ветер.

ГИЛЬБЕРТ. Пишет хорошо.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Что?

ГИЛЬБЕРТ. Я ... пишу ей...

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Что ж ты пишешь?

ГИЛЬБЕРТ. Что сделал.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Размолот зерно. Перестал молотить зерно. Размолот зерно. Перестал молотить зерно.

ГИЛЬБЕРТ. Не только это.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Как новая игра барина. Это он записывает свое безделье. Баринном стать захотел, мельник?

ГИЛЬБЕРТ. Моя жизнь не только зерно. Я записываю то, что здесь, в моей голове. В конце дня, каждый день. Отсюда... досюда.

Показывает пачку бумаги.

Смотри, сколько себя записал. Могу сказать все, что у меня в голове было вчера, или... прошлой зимой, почти каждый день с той поры.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Это хитрые уловки колдуна.

ГИЛЬБЕРТ. Колдуна?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Сжечь это надо.

ГИЛЬБЕРТ. Это? Колдовство? Почему же?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Бог посылает все, что в голове у тебя, он и забирает. Грех себе это оставлять.

ГИЛЬБЕРТ. Крестьянка, а не может быть, что Бог дал нам это...

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Не нам.

ГИЛЬБЕРТ. ...чтоб мы больше о мире узнали?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Злая палка у тебя в руке.

ГИЛЬБЕРТ. Я могу сказать, кто приходил на мою мельницу, кто снаружи стоял, кто в дом заходил выпить, кто ни слова не сказал, кто обругал меня с ног до головы, кто в дверях застыл, испугался Гильберта Хорна так, что убежал обратно в деревню... (*пишет*) с лошадей и телегой мужа своего.

Пауза. Она понимает.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Ну-ка сотри это оттуда.

ГИЛЬБЕРТ. Чернила уже высохли.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА... Тогда сожги. Сожги, ублюдок! Брось в огонь.

ГИЛЬБЕРТ. Я благодарен ему, что не родился в этой деревне. В этой черной дыре, старой и умирающей от рождения. Старики у подножья кровати стоят с ножами и выпускают ей кровь. Темная ночь — вот все, что осталось вокруг ваших костей. Глаза вырвали и оставили лишь холодную гальку в пустых дырах.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Ты воняешь злыми, гнусными словами, мельник.

ГИЛЬБЕРТ. Зло — все, что деревенский сказать может, когда встречает человека с глазами и языком, которым он как друзьям доверяет. Человека, который медленно и внимательно на мир смотрит со всеми его названиями. «Пока небо не почернело?» Не надо мной. Я живу под другим небом.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Это в землю мы тебя отправим — и сверху засыплем. Рот свой заткни.

ГИЛЬБЕРТ. Тогда я стану таким, как вы. Под землей. Ничего видеть не буду глазами из гальки. Ничего видеть не буду.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Я вижу.

ГИЛЬБЕРТ. Ничего знать не буду.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Я вижу. И знаю, что я вижу.

ГИЛЬБЕРТ. Тропу. Грязь. Лошадь. Здесь. Там. Небо...

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Я вижу больше, чем ты говоришь. Есть у меня названия почти для всего в этом мире божьем.

ГИЛЬБЕРТ. Расскажи-ка какие.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Ничего тебе не скажу. Не отдам тебе то, что у меня в голове.

ГИЛЬБЕРТ. Потому, что там один навоз.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Есть у меня названия... Есть... Тебе не скажу.

ГИЛЬБЕРТ *наклоняется вперед и кладет ручку на край стола перед ней.*

ГИЛЬБЕРТ. Тогда напиши их.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Это трогать не буду...

ГИЛЬБЕРТ. Напиши, что видела, когда к моей мельнице шла. Докажи, что деревня — это не только крестьяне с прогнившими мозгами.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Камнями тебя за это.

ГИЛЬБЕРТ. Конечно.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Хочешь, чтоб камнями? Я им расскажу.

ГИЛЬБЕРТ. Не умеешь писать.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Умею, мельник.

ГИЛЬБЕРТ. Докажи. *(Она мотает головой.)* Как же это колдовство? Ты же пишешь.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Мелом.

ГИЛЬБЕРТ. Ручка лучше мела.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Все равно не получишь то, что у меня в голове.

ГИЛЬБЕРТ. Что я могу с этим сделать? Всего лишь чернила на бумаге.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Не знаю. Что-нибудь.

ГИЛЬБЕРТ. Когда закончишь, я сожгу, что ты написала.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Твои уловки.

ГИЛЬБЕРТ. Тогда с собой заберешь. Отнесешь домой. Покажешь Жеребчику, что ты умеешь.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА *колеблется*.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Нет... Зачем тебе то, что здесь? Это мое.

ГИЛЬБЕРТ. Как же другие об этом узнают? (*Молчание.*) Ты умеешь писать, а?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Сказала, умею.

ГИЛЬБЕРТ. Тогда напиши что-нибудь, что вся деревня про тебя знает.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Как «что», мельник?

ГИЛЬБЕРТ. Твое имя.

Молчание. Она подходит к столу. Он подталкивает к ней лист бумаги.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Без уловок.

ГИЛЬБЕРТ. Без уловок.

Она с трудом, но решительно справляется с ручкой.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Докажу тебе, у меня не невозная голова.

Она поднимает лист бумаги вверх, так, чтоб он мог прочитать.

ГИЛЬБЕРТ. Знаешь что, жена Жеребца. Красиво тебя назвали.

Они смотрят друг на друга. Он встает. Она отходит назад к двери с листом бумаги.

Твоя мука готова. Я заберу то, что мне полагается.

Сцена десятая

Деревенский дом.

ВИЛЬЯМ. Вот и жена. Она не испугалась убийцы-мельника? (*Она мотает головой.*) Она лошадь в конюшню поставила? (*Она кивает.*) Пять наших мешков принесла? (*Она кивает.*) За мукой внимательно смотрела? (*Она кивает.*) Миску каши не хочет? (*Она отряхивается.*) Эта шелуха ко всему прилипает. Она почувствует, как та к ее коже прирастет. Она найдет воды, чтобы умыться. Она будет благодарна мужу за его помощь.

Она идет к воде. Устало смотрит на руки. Тихо вскрикивает, увидев чернильные пятна на большом и указательном пальцах одной руки.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Ах... !

ВИЛЬЯМ. ...Что это, женщина?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА *замирает.*

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Искра. От огня. Вильям, давай пойдем спать.

ВИЛЬЯМ. Не умоешься?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Ты не потерпишь пот и грязь на себе одну ночь?

ВИЛЬЯМ *ухмыляется, глаза становятся шире.*

ВИЛЬЯМ. Слов лучше не было с нашей свадьбы.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Ложись. Я быстро.

Он подходит к кровати. Она окунает пальцы в воду и пытается оттереть. ВИЛЬЯМ посвистывает, раздеваясь. Потом ложится. Появляется смеющееся видение ГИЛЬБЕРТА. На нем ослепительно белый фартук мельника. У ног мешок муки.

ВИЛЬЯМ. Ты идешь, женщина?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Я сейчас, Вильям, я...

Она закрывает глаза, пытаясь избавиться от видения. Одновременные звуки оттирания рук, посвистывания ВИЛЬЯМА и отдаленного смеха ГИЛЬБЕРТА.

Как кобыла, Вильям?

ВИЛЬЯМ. Ей лучше...

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. О господи, боже мой...

ВИЛЬЯМ. Что говоришь, женщина?

ГИЛЬБЕРТ исчезает.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Помолимся перед сном, ВИЛЬЯМ.

ВИЛЬЯМ. Ты молись. Сюда как придешь, Бог уж не поможет.

Фыркает на свою грязную остроту. Отмыв пальцы, она ложится в постель.

Сцена одиннадцатая

Деревенский дом.

Сумерки рассвета. Снова появляется видение ГИЛЬБЕРТА. Он берет муку из мешка, хлопает руками. В возду-

хе большое облако муки. МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА *в свободной сорочке. Она переворачивается во сне, чихает и просыпается.*

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА... ! Вон из дома! Ты! Вон! Вильям, выгони его. ВИЛЬЯМ.

Поворачивается, чтобы разбудить ВИЛЬЯМА. На его месте никого нет.

Что ты с ним сделал? Я его позову. Он выкинет тебя! Он тебе покажет!

Она выбегает к конюшне. Подходит к двери, останавливается и прислушивается. Поднимает руку, чтобы постучать в дверь, но слышит голос ВИЛЬЯМА.

ВИЛЬЯМ. Такая сладкая. Хорошенькая ты. Хорошая.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА *успокаивается, расслабляет плечи и счастливо улыбается.*

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Господи, Боже мой, родился жеребенок. Спасибо, Господи.

Снова слышится нежный голос ВИЛЬЯМА. Она слушает его, наслаждаясь.

ВИЛЬЯМ. Не торопись... медленно и хорошо... красавица, красавица. Сладкая моя.

Изнутри слышится женский смех. МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА *удивленно смотрит на дверь конюшни. Снова слышится смех. Она убегает в дом, ищет ГИЛЬБЕРТА. Брошается к своей одежде, потом вон из дома и убегает.*

Сцена двенадцатая

Деревенский пейзаж.

Незадолго до рассвета.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Когда солнце взойдет, теплый ветер подует мне в лицо. Я посмотрю наверх и увижу яркие солнечные лучи в небе. Облака станут... станут белыми. Пшеница... золотая пшеница будет расти на добром поле. Птица будет петь на высоком дереве. Высокое дерево... будет стоять, и теплый ветер встряхнет его листья. Заяц побежит по доброму полю, где растет золотая пшеница. Новый день придет на смену ночи. Ночь закончится.

Сцена тринадцатая

Дом Гильберта.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Открывай! Ублюдок! Сними их!

ГИЛЬБЕРТ... Пахарь, ты? Не трогал я ее. Не стал бы. Знаю, что твоя.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Ты знаешь, где он, мельник. Напустил свои чары на него. Только я здесь. Только я здесь, подонок. Открывай! Не уйду, пока не откроешь. (*Дверь открывается.*) Сними с нас чары, мельник! Сними их!

ГИЛЬБЕРТ. Что тебе надо?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Сними чары с меня и с моего пахаря. Что мы тебе сделали?

ГИЛЬБЕРТ. Ты сошла с ума.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Завидуешь нам. Теперь вижу. По глазам.

ГИЛЬБЕРТ. Иди домой.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Мужиков на тебя позову. Это ты этим сделал, а? Колдун. Вода все смыла. Не могли чары сильными быть. Залез в мою голову. Пробрался. Смеялся. Мукой в нас кидал. Это все твое колдовство. Оно заманило его в конюшню. Твой смех женским сделало. Это снимет чары?

Она говорит и одновременно рвет бумагу.

ГИЛЬБЕРТ. Женский смех?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Снимет? Отвечай, мельник.

ГИЛЬБЕРТ. Ты хоть в конюшни поглядела, жена жеребца?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Вот еще. Смотреть на твое колдовство.

ГИЛЬБЕРТ. Женский смех. Ха-ха.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Сними чары, мельник... Пожалуйста. Прошу тебя. Хочешь со мной лечь? Этого хочешь? Оставишь нас в покое тогда. Давай. Что хочешь — здесь, под юбкой. Бери, мельник.

ГИЛЬБЕРТ. Поднимись... Я просто хочу поцеловать тебя.

Она подходит и целует его. Он теряется в ее поцелуе, в ней.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Снял ... Оо... Ты снял их, мельник? (*Он пожимает плечами.*) Что? Они разрушились?

ГИЛЬБЕРТ. Не знаю. Просто тебя поцеловать хотел. Вот и все мои чары.

Он ухмыляется. Она с размаху дает ему кулаком в лицо. Он падает.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Боже, пошли этому человеку страшную смерть. Этому колдуну.

ГИЛЬБЕРТ. ПОШЛА НА ХУЙ! Нет у меня колдовства. ПОШЛА НА ХУЙ ОТСЮДА. Катись в свою немую деревню. Катись к своему жадному мужику. Беги, давай. БЕГИ. Может, еще застанешь девку Робертсона, которая все еще лижет его уставший хуй.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА *пятится назад. Он с силой хлопывает дверь. Она остается стоять, одна, за дверью.*

Сцена четырнадцатая

Дом Гильберта.

Позже. МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА все еще стоит около дома. Гильберт выходит и укутывает ее в одеяло. Она поворачивается и заходит в дом. Садится за стол, берет ручку и начинает писать на листке бумаги.

Сцена пятнадцатая

В доме у Гильберта.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА *просыпается за столом, замечает его одеяло на ее плечах.*

ГИЛЬБЕРТ. Уже вечер. Бумага лучше, чем подушка. Сам на ней засыпал.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Почему я здесь? Что ты со мной сделал?

ГИЛЬБЕРТ. Ничего. Сама взяла ручку.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА *смотрит на ручку, замечает лист бумаги, берет и читает.*

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Это я. Теперь я живу. Другие прежде жили, и будут жить потом. Я родилась здесь, потому что так захотел Бог. Он держал меня в моей матери, пока я не увидела все, что Его в этом мире. Все, что я вижу и знаю, заложено Богом. Вокруг, каждый день — все, что он сотворил — и рассвет, и закат, и земля, и небо. Это нельзя потрогать так, как можно потрогать стол, нельзя поддержать, как я держу поводья у лошади. Это не может быть продано или приготовлено. Его мир здесь, перед моими глазами. А я только должна втыкать названия во все, что есть, как я втыкаю нож в живот курицы. Так я знаю, что Бог здесь. Я смотрю на дерево и говорю дерево, а потом ухожу. Но в дереве больше, чем дерево, и это Бог, которому у меня нет названия. Каждый день я хочу узнать больше. Лужу, сквозь которую видна земля. Дерево, покачивающееся на ветру. Морковь, что слаще остальных. Холодную землю в тени камня. Теплое дыхание усталой лошади. Лицо мужчины вечером после работы. Голос женщины, когда никто ее не слышит. Теперь я знаю, что должна найти названия для себя. Я должна внимательно смотреть на все, и Бог наградит меня. Так я лучше узнаю Бога. Деревня солгала. Вильям солгал. Не потому, что я ничего не стою, не потому, что я молода, а они старше. Бог им ничего не дал. Теперь я знаю. Я вижу, как Вильям тянет плуг по полю. У меня нет названия для того, что у меня в голове. Это не зависть. Это что-то большее. Но я не боюсь. Я должна внимательно смотреть и понять, что это. Все, что у меня в голове, заложено Богом. Каждое найденное название приблизит меня к Нему.

Она берет ручку и продолжает писать.

Это не зависть. Нет. Что это? Что это? Что же это такое? **ВИЛЬЯМ** (*откладывает ручку*). Скажи, что это не ты сделал.

ГИЛЬБЕРТ. Нет.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. У меня нет боли или страдания. Значит, это Бог. Это Бог.

Она сбрасывает одеяло, подходит к двери, оборачивается и выходит. Он пристально смотрит на то, что она написала.

Сцена шестнадцатая

Деревенский дом. Ночь.

ВИЛЬЯМ *в кровати. Она стоит над ним.*

ВИЛЬЯМ... Это... ты? ... Женщина. ?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Да, ВИЛЬЯМ.

ВИЛЬЯМ. Аааааах ... Где была?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. На последнем поле.

ВИЛЬЯМ. А?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. На самом дальнем. Говорила, что схожу туда, вернусь и расскажу тебе, что видала.

ВИЛЬЯМ. Тебя не было весь день, женщина...

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Я молилась.

ВИЛЬЯМ. Весь день?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. За нас, ВИЛЬЯМ. Молилась за нас и все, что у нас есть. Оно было так прекрасно, что я начала молиться, ВИЛЬЯМ. Бог вознаграждает того, кто дольше молится. Просила богатого урожая, ВИЛЬЯМ.

ВИЛЬЯМ. Хорошо.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. И силы лошадям.

ВИЛЬЯМ. Хорошая молитва.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. И за кобылу. Помолилась.

ВИЛЬЯМ. Жеребенок ее родится до конца недели.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Чтоб ее боли облегчить. Чтоб не стонала. Как сейчас стонет.

ВИЛЬЯМ. Мне скажи прежде, чем еще раз уйдешь.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Скажу.

ВИЛЬЯМ. Здесь живешь, здесь и быть должна. А не уходить, ничего не сказав.

Он подходит к ней и обнимает.

Соскучился, женщина. Всю деревню обыскал. «Не видали ли мою? Не видали ли мою?»

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. А они что?

ВИЛЬЯМ. Не видали.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Ты за деревню ходил, Вильям?

ВИЛЬЯМ. Времени не было. Поле пахать надо. И новый жернов поставили, завтра покатым к мельнику.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Завтра?

ВИЛЬЯМ. Поэтому ты мне здесь и нужна. Первый раз мы выкатываем жернов, как муж и жена. Мужикам нужно, чтобы бабы их криками своими подгоняли. Теперь спать пошли, женщина.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Мне надо было туда сходить, Вильям. Увидеть это поле. Ты прав был. Оно как я. Красивое поле.

ВИЛЬЯМ. Говорил те. Пошли спать, женщина, пошли.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Будешь умываться перед сном, Вильям?

ВИЛЬЯМ. Нет.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Уже умылся?

ВИЛЬЯМ. Жены не было, чтоб помочь. Не потерпишь пот и грязь на себе одну ночь?

Позже ночью.

ГИЛЬБЕРТ снова появляется. МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА сладко потягивается в кровати, глаза открыты. Она встает и берет мужу из мешка. Размазывает ее по телу. ВИЛЬЯМ вскрикивает во сне.

ВИЛЬЯМ. Ааааааах! О... хoho.

ГИЛЬБЕРТ *исчезает. Она возвращается в кровать.*

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. ВИЛЬЯМ.

ВИЛЬЯМ. Ох... не слышала, женщина? Она сходит с тебя. Ох.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Что?

ВИЛЬЯМ. Кожа... кожа твоя... Я трогал ее, и она сошла... как овечья шкура. Сухая. О... Теплая сошла. И ты осталась вся в дырах, а... глаза твои так и не открылись. Ты не слышала, женщина? Как кожа рвалась. Ооо... Ты не слышала? Оо... Воды.

Он, спотыкаясь, уходит. Она остается лежать.

Сцена семнадцатая

Деревня. Около мастерской каменщика.

Голоса деревни. ВИЛЬЯМ и МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА.

ВИЛЬЯМ. Погляди на камень! Погляди, какой большой! Каменщик! Деревня гордится тобой. Лучший жернов, что когда-либо был высечен. Праздник это. Вон вся деревня собралась. И Бог хороший день дал. Солнце ярко светит. Ветер западный. Все, о чем просили. Ну, держись, мельник! Когда камень катится, земля гремит. Давай, не отставай, женщина. Кричи, за мужика своего.

Сцена восемнадцатая

Около мельницы.

Новый жернов установлен. МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА и ВИЛЬЯМ сидят рядом, отдыхают. ГИЛЬБЕРТ входит с бочонком виски.

ВИЛЬЯМ. Что надо, мельник? Отдыхаем мы.

ГИЛЬБЕРТ. Хочу деревню отблагодарить за их работу, за пот.

ВИЛЬЯМ. Себе жернов катили, мельник. Только мукой за землю нашу платить можем.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. И только из нее хлеб наш печем.

ГИЛЬБЕРТ. Не возьмешь стопку благодарности от мельника?

ВИЛЬЯМ. Другие пили?

ГИЛЬБЕРТ. Некоторые пили, некоторые нет.

ВИЛЬЯМ. Ладно. Попробую твое зелье, мельник.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Пусть первый выпьет.

ГИЛЬБЕРТ пьет, предлагает ВИЛЬЯМУ.

ГИЛЬБЕРТ. Это красивый, редкий камень... даже больше чем камень — памятник. Вторая церковь. Высеченная из любви и жизни.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. И кто забирает это? Самый недостойный.

ВИЛЬЯМ смеется.

ГИЛЬБЕРТ. Может, женщине твоей стопку налить?

ВИЛЬЯМ. Налить, женщина?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Наливай. Это вода, а не виски. Слабоватое и холодное.

ВИЛЬЯМ. Женщина права.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Ты что, моешься в нем, мельник? Так ты его готовишь?

ГИЛЬБЕРТ. Для меня в самый раз.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Не с кем пить тебе. Вот что.

ВИЛЬЯМ. Давай еще. Избавлю тебя от него.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Хочешь хорошего виски, мельник, в деревню иди. У нас купишь.

ВИЛЬЯМ. Все, нам пора, мельник.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА *падает на землю.*

Женщина... ? Женщина! Что ты ей дал, мельник?!

ГИЛЬБЕРТ... ничего не давал.

ВИЛЬЯМ. Это ты... убью тебя.

ГИЛЬБЕРТ. Клянусь, пахарь.

ВИЛЬЯМ. Женщина... (*Трогает ее лицо.*) Глупая. Глупая женщина. В поле весь день стояла. Не ела. Только молилась. Работа ждет. Не хочешь увидеть, как старый жернов ломают?

ГИЛЬБЕРТ. Пахарь, я хочу его себе оставить.

ВИЛЬЯМ. Нет. Старый он. Негодный. Мужикам работа нужна.

ГИЛЬБЕРТ. Прошу тебя, пахарь. Хочу себе оставить. Этот жернов я со своей женой вместе вращал. Долго он мне служил. И деревне.

ВИЛЬЯМ. Куда ж тебе его надо? К кровати подкатить?

ГИЛЬБЕРТ. В сарай за домом. Поставьте к дальней стене.

ВИЛЬЯМ. М-м.

ГИЛЬБЕРТ. До дома вашего далеко. У меня печь растоплена. Женщине твоей в тепле, глядишь, лучше станет.

ВИЛЬЯМ. Неси, если можешь. Работа-то тяжелая, мельник. Женщин носить.

ГИЛЬБЕРТ. Еще раз спасибо, пахарь.

ВИЛЬЯМ. Слышал уже. Не нужны спасибо твои. Чтоб на ногах стояла, когда вернусь, женщина.

ВИЛЬЯМ *уходит.* ГИЛЬБЕРТ *кричит ему вслед.*

ГИЛЬБЕРТ. Пахарь! Пусть мужики нос зажмут. У меня
нужник в сарае.

*Поворачивается и видит, что МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА
привстала. Оба уходят.*

Сцена девятнадцатая

Дом Гильберта.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА *лежит на кровати. Рядом си-
дит* ГИЛЬБЕРТ. *Входит* ВИЛЬЯМ.

ВИЛЬЯМ. Женщина? Вставай, давай. Все уж разош-
лись. Женщина. Нет у тебя чего для нее, мельник? Запладу.

ГИЛЬБЕРТ. Нет ничего.

ВИЛЬЯМ. Ночь на дворе, женщина. Спать мне надо.
И лошади нет, мельник?

ГИЛЬБЕРТ. На что она мне. Здесь с ней оставай-
ся, спи.

ВИЛЬЯМ. Не могу спать на чужой кровати.

ГИЛЬБЕРТ. Тогда сам ее неси.

ВИЛЬЯМ. После двух-то жерновов и виски? (*Осматри-
вается.*) Так это здесь ты вечерами сидишь?

ГИЛЬБЕРТ. У огня, как и ты.

ВИЛЬЯМ. И чего делаешь?

ГИЛЬБЕРТ. Готовлю. Курю. Читаю.

ВИЛЬЯМ. На что тебе столько книг?

ГИЛЬБЕРТ. Одну закончу, могу взять другую.

ВИЛЬЯМ. Поэтому они так стоят? Одна к другой? Не-
правильно это. Кроме них, ничего здесь нет. Небось боль-
шого хочется?

ГИЛЬБЕРТ. Чего большего?

Вильям указывает на МОЛОДУЮ ЖЕНЩИНУ.

...Я такой же мужик, как и ты.

ВИЛЬЯМ. Ты мельник, мельник. Не как я. Совсем не как я.

ГИЛЬБЕРТ. Не всякая женщина полюбит мельника. Большинство думает, что у нас мертвые черви в штанах.

ВИЛЬЯМ. Не только это, мельник. Не только из-за того, что в штанах. Они тебя не только из-за этого ненавидят. Проснись.

ГИЛЬБЕРТ. Мне уж все равно, пахарь.

ВИЛЬЯМ. Молиться тебе надо, мельник, чтоб одним из нас стать. Молиться за деревню, что ненавидишь. Даже дети бегут от тебя. Не думал почему? Ты берешь часть нашего зерна за помол. Таков закон. Но мы тебя больше, чем закон, ненавидим. Мы глупые и жестокие. Слепые. Ненавидим тебя, больше всего на свете. Почему так? Почему, мельник? Твоя жена была дочерью мельника, а? Наверняка. Любила тебя? ... Ты любил ее? Как давно ты здесь женщину видел? На кровати? Ну, что у тебя в голове, когда на нее смотришь? Посмотри на нее. Посмотри. Новая земля. Помнишь цвета ее? Помнишь, как дух твой захватывает? Свежая земля. С росой. Трава вокруг камня. Помнишь запах? Помнишь силу? Помнишь, как кажется тебе, что разрушаешь ее своим телом, делаешь новую землю, будто Бог. Помнишь, как она тебе отвечает? Как теряешься в ней? В ногах. В шее. В животе. В руках. В груди. Все это не те названия, мельник. И кто их дал? Совсем не те, что у мужчины. Совсем не те. У женщин не ноги. Не руки. У них что-то большее. У меня для них свои названия. Только мои. Она знает. Больше никто.

ГИЛЬБЕРТ. Я любил свою жену.

ВИЛЬЯМ (*смеется*). Деревня прогнала бы меня за такие разговоры.

ГИЛЬБЕРТ. Почему?

ВИЛЬЯМ. В церковь ходишь, как я.

ГИЛЬБЕРТ. Никогда там не слушаю.

ВИЛЬЯМ. «Слава божья — он сам, а не его творение». Так они сейчас говорят. Мне надо отлить. Веришь в это, мельник? Слава божья — он сам, а не его творение.

ГИЛЬБЕРТ. Не знаю.

ВИЛЬЯМ. Не это ли Бог? Посмотри. Не это ли? Ты слишком долго без этого жил. Посмотри на нее. Запомни.

ГИЛЬБЕРТ. Она твоя жена.

ВИЛЬЯМ. Я пахарь, мельник. Земля слабеет, если на ней долго работать. Нужно ей давать отдыхать. Всегда найдется новое поле для посева. Еще один Бог.

ГИЛЬБЕРТ. К САРАю иди. Найдешь его по звуку реки.

ВИЛЬЯМ. Дурак, если думаешь, что в такую темень пойду.

Он берет свечу и уходит. МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА встает, подходит к двери и тоже выходит. ГИЛЬБЕРТ следует за ней.

Сцена двадцатая

Сарай.

ВИЛЬЯМ *в деревенском туалете. Старый жернов освещен свечой.* МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА и ГИЛЬБЕРТ *подходят сзади него. Они толкают жернов на Вильяма.*

Сцена двадцать первая

Дом Гильберта.

ГИЛЬБЕРТ и МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА *стоят друг напротив друга и смотрят, как каждый медленно раздевается. Из Сарая слышны стоны умирающего ВИЛЬЯМА. Стоны постепенно затихают. ГИЛЬБЕРТ и МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА идут к кровати.*

Сцена двадцать вторая

Дом Гильберта

Позднее. МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА и ГИЛЬБЕРТ лежат рядом.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Ты так ничего и не сказал.

ГИЛЬБЕРТ. Ждал, пока он умолкнет.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Кто? Жеребчик Вильямьям? Деревенский пахарь? Все. Нет его. Можешь говорить теперь.

ГИЛЬБЕРТ. О чем ты думаешь?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. О тебе. Подонок. Злобное отродье. Ублюдок мельник. А что?

ГИЛЬБЕРТ. У меня есть что-то здесь, что-то...

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Что?

Пауза.

Смотри! Солнце встает.

ГИЛЬБЕРТ. Как и вчера.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Никогда не видала рассвета с мельницы. Никогда не видала такие краски. Вот что у тебя в голове. Это Бог дарит нам больше того, что он есть. Смотри! Пред нами новый мир. В то утро, когда я прибежала, ты сказал, ты прокричал — пошла на хуй.

ГИЛЬБЕРТ. Пошла на хуй.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Мне так никто не говорил. Никогда этого не слышала.

ГИЛЬБЕРТ. Я сам это первый раз сказал.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Что это значит?

ГИЛЬБЕРТ. Не знаю. На базаре слышал, кричали. Продавец Библии из Германии. Мальчишка писал на его палатку.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Пошла. На Хуй. Теперь это мое.

ГИЛЬБЕРТ. Когда он там стоял... он спросил, твой пахарь спросил: «Что у тебя в голове, мельник, когда на нее смотришь?» Ты слышала? Я видел мою жену. Ту женщину, что была моей женой. А потом, ты. Здесь. В моей голове. Без одежды. Вся в поту. Двигалась. Стонала, как ветер. Глаза открыты, объятия открыты. Я был в тебе, на твоих губах, на твоих сосках, в твоих волосах. Это Бог тебя послал? Я чувствовал свое тело по-новому. Бог это сделал? Нет... Не Бог. Те слова, что твой пахарь говорил. Его слова.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Нет.

ГИЛЬБЕРТ. Его слова заставили меня сделать это.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Он все лгал.

ГИЛЬБЕРТ. Все в моей голове. Все я.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Нет. Пахарь ничего не видел. Он ничего не знал. Я ни на что не похожа. Ты это увидел.

ГИЛЬБЕРТ. Все я.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Ты это увидел. Скажи, что ты это увидел.

ГИЛЬБЕРТ. Не Бог. Я. Не понимаешь, женщина?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Нет.

ГИЛЬБЕРТ. Все в моей голове.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Замолчи. Это он. Он.

ГИЛЬБЕРТ. Куда ты?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Нужно похоронить пахаря. Его рот землей заткнуть.

ГИЛЬБЕРТ. Похоронить здесь?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Уже светает. Мне надо назад в деревню.

ГИЛЬБЕРТ. Это из-за того, что я сказал. О твоём Боге.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Нет. Надо им рассказать. Вильям пропал. Кровать пустая и холодная. Поле пусто. Кобышны пусты.

ГИЛЬБЕРТ. Они придут за мной — твоя деревня.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. За ненавистным мельником.

ГИЛЬБЕРТ. Не могут жить без своего пахаря.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Нет. «Он бросил меня. Ушел за другой женой. Ушел в ночи. А я сижу одна у камина. Посмотрите на мои лужи слез. Несчастливая жена».

ГИЛЬБЕРТ. И как долго?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Как долго? Пока не поверят.

ГИЛЬБЕРТ. А потом?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Жить на мельнице?

ГИЛЬБЕРТ. Жить в деревне?

Она уходит.

Это не Ты. Это я.

Сцена двадцать третья

Конюшня.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА *принимает жеребенка у кобылы.*

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Шшш... Не бойся. Чувствуешь мои руки? Теплые руки. Сильные. Жена Вильяма. Друг. Тихо. Вот так. Дыши. Шшш... Уже идет. Еще чуть-чуть, маленькая, еще чуть-чуть. Уже и голова, и шея. Глаза. Ну, еще разочек. Шшш... Вот. Вот. Смотри, мамаша... Жизнь. Новый жеребенок на этом свете.

Сцена двадцать четвертая

Поле. День.

Прошло сколько-то времени. МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА оглядывается вокруг, что-то тихо себе бормочет. Появляется ГИЛЬБЕРТ.

ГИЛЬБЕРТ. Рабочий день закончился. Что ж не идешь в деревню с остальными? Говорят, ни с кем не разговариваешь. Слышал, про тебя болтали на мельнице. Работает в поле. Следит за лошаадьми. Сидит весь вечер дома. И ни слова.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Зачем говорить с ними? Деревня мне поверила.

ГИЛЬБЕРТ. Несчастливая жена.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Сказала все, что нужно было.

ГИЛЬБЕРТ. Они не приходили за мной.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Ты не сбежал.

ГИЛЬБЕРТ. Завтра деревня найдет пустую мельницу.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Куда же денется мельник?

ГИЛЬБЕРТ. Пойду в город, что не будет называть меня мельником.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Долго придется идти.

ГИЛЬБЕРТ. Посмотрю на мир. Все тут уж видал. Все знаю. Ничего для меня уж не осталось. Все, что у меня есть, — здесь.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Вещи меняются каждый раз, когда я смотрю на них. У каждого свое название.

ГИЛЬБЕРТ. Все еще вижу тебя. Каждое утро. Все еще слышу его слова.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Столько названий. Я выучу каждое.

ГИЛЬБЕРТ. Я хочу большего. В городе есть книги, бумага и чернила. У тех людей, что ушли из деревни. Они дни напролет говорят обо всем на свете.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Это то, что тебе рассказали?

ГИЛЬБЕРТ. Нужно ж чему-то верить.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Новые вещи у меня в голове. Каждый раз, когда я смотрю. Новые названия. Мне не надо другого места.

ГИЛЬБЕРТ. На деревне еще говорят.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Что же?

ГИЛЬБЕРТ. Ты одна приняла жеребенка.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Теперь лошади мне доверяют.

ГИЛЬБЕРТ. Ты внимательно его рассмотрела?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Это красивый жеребец. Быстрый и сильный.

ГИЛЬБЕРТ. Деревня говорит, что это Вильям. Жеребчик-Вильям бегают по полям.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Говорят больше. Говорят, что он счастлив теперь. Деревня права. Жеребец счастлив.

ГИЛЬБЕРТ. Вот, жена жеребца. Напиши, что теперь знаешь. Напиши, что видишь.

Он дает ей ручку, затем уходит.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Деревне нужен новый мельник.

Конец

Кэрил Черчил

ТАМ ВДАЛИ

Перевод Анны Гениной
Copyright © 2000 Caryl Churchill

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ДЖОАН, молодая девушка.

ХАРПЕР, ее тетья.

ТОДД, молодой человек.

Парад (сцена 2.5): пять человек недостаточно, двадцать лучше, чем десять. Сто?

1.

Дом ХАРПЕР. Ночь.

ДЖОАН. Не могу заснуть.

ХАРПЕР. На чужой кровати.

ДЖОАН. Да нет, это мне даже нравится.

ХАРПЕР. Может, тебе холодно?

ДЖОАН. Нет.

ХАРПЕР. Хочешь чего-нибудь выпить?

ДЖОАН. Кажется, мне все-таки холодно.

ХАРПЕР. Это легко поправить. В шкафу есть еще одеяла.

ДЖОАН. Уже поздно?

ХАРПЕР. Два.

ДЖОАН. Ты собираешься ложиться?

ХАРПЕР. Хочешь выпить чего-нибудь горячего?

ДЖОАН. Нет, спасибо.

ХАРПЕР. Тогда я пойду спать.

ДЖОАН. Хорошо.

ХАРПЕР. Так всегда на новом месте. Поживешь здесь с недельку — согласишься на этот вечер совсем другими глазами.

ДЖОАН. Я бывала в разных местах. Я жила у друзей. И я не скучаю по родителям, не беспокоюсь.

ХАРПЕР. А по собаке скучаешь?

ДЖОАН. Пожалуй, я скучаю по кошке.

ХАРПЕР. Она спит на твоей кровати?

ДЖОАН. Нет, я ее сгоняю. Но она пробирается в комнату, если дверь неплотно закрыта. Кажется, что дверь захлопнулась, но там остается щелочка, и она ночью толкает дверь и открывает ее.

ХАРПЕР. Поди-ка сюда. Ты вся дрожишь. У тебя нет температуры?

ДЖОАН. Нет, все в порядке.

ХАРПЕР. Ты просто очень устала. Иди спать. Я тоже ложусь.

ДЖОАН. Я выходила.

ХАРПЕР. Когда? Только что?

ДЖОАН. Только что.

ХАРПЕР. Ничего удивительного, что тебе холодно. Здесь днем жарко, а ночью холодно.

ДЖОАН. Звезды здесь ярче, чем дома.

ХАРПЕР. Это потому, что здесь нет уличного освещения.

ДЖОАН. Было не очень хорошо видно.

ХАРПЕР. Не удивительно. Как ты вышла? Я не слышала, чтобы дверь открывалась.

ДЖОАН. Я вышла через окно.

ХАРПЕР. Не сказала бы, что я в восторге.

ДЖОАН. Да нет, это не опасно, там крыша и дерево.

ХАРПЕР. Когда человек ложится спать, он должен находиться в постели. Ты и дома по крышам лазаешь?

ДЖОАН. Дома я не могу, потому что... нет, не лазаю.

ХАРПЕР. Я за тебя отвечаю.

ДЖОАН. Да, прости меня.

ХАРПЕР. Что ж, довольно приключений для одной ночи. Теперь ты заснешь. Иди ложись. Ты просто на ходу засыпаешь.

ДЖОАН. Я не просто так.

ХАРПЕР. Не просто так выходила?

ДЖОАН. Я слышала шум.

ХАРПЕР. Сова?

ДЖОАН. Крик.

ХАРПЕР. Это сова. Здесь столько разных птиц, даже золотистую иволгу можно увидеть. Люди сюда специально приезжают, чтобы за птицами понаблюдать, и мы иногда готовим для них чай или кофе, или продаем воду в бутылках, потому что кафе здесь нет, а люди этого не знают и страдают от жажды. Ты утром увидишь, как здесь красиво.

ДЖОАН. Похоже было, что человек кричал.

ХАРПЕР. Уханье совы больше всего похоже на крик человека.

ДЖОАН. Это человек кричал.

ХАРПЕР. Бедняжка, как ты, верно, напугалась, когда услышала, как кто-то кричит. Надо было сразу спуститься сюда ко мне.

ДЖОАН. Я хотела посмотреть.

ХАРПЕР. Но было темно.

ДЖОАН. Да, но я увидела.

ХАРПЕР. Ну и что, по-твоему, ты увидела в темноте?

ДЖОАН. Я увидела дядю.

ХАРПЕР. Вполне возможно. Он любит подышать свежим воздухом. Это не он кричал, надеюсь?

ДЖОАН. Нет.

ХАРПЕР. Тогда все в порядке. Ты с ним заговорила? Боялась, наверное, что он спросит, почему ты не спишь так поздно

ДЖОАН. Нет, я была на дереве.

ХАРПЕР. Он тебя не видел?

ДЖОАН. Нет.

ХАРПЕР. То-то он удивится, да он смеяться будет до упаду, когда услышит, что ты была на дереве. Он рассердится, но не всерьез, он решит, что это хорошая шутка, он и сам такое вытворял, когда был мальчишкой. Ну, пора спать. Я тоже иду.

ДЖОАН. Он кого-то толкал. Он заталкивал кого-то в сарай.

ХАРПЕР. Он, верно, заталкивал в сарай большой мешок. Он работает допоздна.

ДЖОАН. Я не уверена, что это была женщина. Это мог быть и юноша.

ХАРПЕР. Знаешь, скажу тебе... когда ты столько лет замужем. У людей есть свои привычки, это нормально, в этом нет ничего плохого, это его друзья, у твоего дяди была небольшая вечеринка.

ДЖОАН. Вечеринка?

ХАРПЕР. Просто небольшая вечеринка.

ДЖОАН. Да, там было несколько человек.

ХАРПЕР. Да, несколько его друзей.

ДЖОАН. И грузовик.

ХАРПЕР. Да, вполне возможно.

ДЖОАН. Когда я приложила ухо к борту грузовика, я услышала плач.

ХАРПЕР. Как ты могла это услышать, ты же была на дереве.

ДЖОАН. Я слезла с дерева. Подошла к грузовику, а потом заглянула в окно сарая.

ХАРПЕР. Не надо совать свой нос куда попало, когда ты в гостях.

ДЖОАН. Да, лучше бы я этого не видела. Прости.

ХАРПЕР. Тебя никто не видел?

ДЖОАН. Им было не до меня.

ХАРПЕР. Хорошо, что тебя никто не видел.

ДЖОАН. Если это была вечеринка, почему там было столько крови?

ХАРПЕР. Нет там никакой крови.

ДЖОАН. Есть.

ХАРПЕР. Где?

ДЖОАН. На земле.

ХАРПЕР. В темноте? Что ты могла увидеть в темноте?

ДЖОАН. Я на нее наступила.

Приподнимает босую ногу.

Я почти все оттерла.

ХАРПЕР. А, это там, где днем собака попала под машину.

ДЖОАН. А разве кровь бы не высохла?

ХАРПЕР. Нет, потому что земля сырая.

ДЖОАН. Какая собака?

ХАРПЕР. Большая собака, большая дворняга.

ДЖОАН. Ужас какой, ты, наверное, очень расстроилась, она у тебя долго была?

ХАРПЕР. Нет, она была молодая, вечно убегала, никогда не слушалась, грузовик подавал назад.

ДЖОАН. Как ее звали?

ХАРПЕР. Флэш.

ДЖОАН. Какого она была цвета?

ХАРПЕР. Черная, с белыми пятнами.

ДЖОАН. А почему в сарае были дети?

ХАРПЕР. Какие дети?

ДЖОАН. Разве ты не знаешь, какие дети?

ХАРПЕР. Как ты увидела, что там были дети?

ДЖОАН. Там горел свет. Поэтому я увидела кровь в сарае. Я могла разглядеть лица, и на некоторых была кровь.

ХАРПЕР. Ты узнала чужую тайну. Ты понимаешь это?

ДЖОАН. Да.

ХАРПЕР. Что-то, чего ты не должна знать.

ДЖОАН. Да, прости.

ХАРПЕР. Что-то, о чем ты не должна рассказывать. Потому что, если расскажешь, жизнь людей окажется под угрозой.

ДЖОАН. Почему? кто им угрожает? мой дядя?

ХАРПЕР. Конечно не твой дядя.

ДЖОАН. Ты?

ХАРПЕР. Конечно не я, думай, что говоришь. Ладно, я тебе расскажу все как есть. Твой дядя помогает этим людям. Он помогает им бежать, прячет их. Некоторые из них еще оставались в грузовике, и поэтому они плакали. Твой дядя переведет всех в сарай, и с ними все будет в порядке.

ДЖОАН. У них лица были в крови.

ХАРПЕР. Это оттого, что с ними случилось раньше. Потому что на них напали те люди, от которых твой дядя их спасает.

ДЖОАН. Там была кровь на полу.

ХАРПЕР. Один из них был тяжело ранен, но твой дядя перевязал его.

ДЖОАН. Он им помогает.

ХАРПЕР. Разумеется.

ДЖОАН. Не было никакой собаки. Не было вечеринки.

ХАРПЕР. Нет, но теперь я говорю тебе правду. Ты не должна об этом рассказывать, иначе ты поставишь под угрозу жизнь твоего дяди, и мою, и свою тоже. Ты не должна ничего рассказывать, даже родителям.

ДЖОАН. Зачем вы меня пригласили, если у вас тут такие тайны?

ХАРПЕР. Грузовик должен был приехать вчера. Пока ты здесь, такое больше не повторится.

ДЖОАН. Теперь можно, ведь я все равно знаю. Не надо из-за меня ничего менять. Я могла бы помочь дяде, ухаживать за людьми в сарае.

ХАРПЕР. Нет, он должен это делать сам. Но спасибо за предложение, очень любезно с твоей стороны. Ну а теперь, после всех волнений, может, пойдешь спать?

ДЖОАН. Почему дядя их бил?

ХАРПЕР. Кого бил?

ДЖОАН. Он бил мужчину, палкой. Железной. Он ударил ребенка.

ХАРПЕР. Один из тех людей в грузовике был предателем. На самом деле он не был одним из них, он только притворялся, он хотел их выдать, они его уличили и сказали твоему дяде. Тогда тот человек напал на твоего дядю, напал на других людей, твоему дяде пришлось с ним драться.

ДЖОАН. Вот почему там было столько крови.

ХАРПЕР. Да, так было нужно, чтобы спасти остальных.

ДЖОАН. Он ударил ребенка.

ХАРПЕР. Наверное, это был ребенок предателя. А бывают такие гадкие дети, которые предают даже своих родителей.

ДЖОАН. Что с ними будет?

ХАРПЕР. Рано утром грузовик увезет их.

ДЖОАН. Куда?

ХАРПЕР. Туда, где их спрячут. Зачем тебе лишние тайны?

ДЖОАН. Он бил только предателей.

ХАРПЕР. Конечно. Неудивительно, что ты не можешь заснуть, как не расстроиться, увидев такое. Но теперь ты понимаешь, что все не так плохо. Ты стала участником движения за лучшее устройство мира. Ты можешь этим гордиться. Ты можешь смотреть на звезды и думать, вот мы, песчинка во Вселенной, и я на стороне людей, которые хотят добра, и ты почувствуешь, как твоя душа устремляется к небесам.

ДЖОАН. Я могу чем-то помочь?

ХАРПЕР. Поможешь мне утром с уборкой. Хорошо?

ДЖОАН. Да.

ХАРПЕР. А сейчас иди-ка спать.

2.

Несколько лет спустя. Шляпная мастерская.

1.

ДЖОАН и ТОДД сидят на рабочих скамеечках. Каждый только что начал работу над шляпой.

ТОДД. Тут полно голубого.

ДЖОАН. Пожалуй, я начну с черного.

ТОДД. Цветные смотрятся выигрышнее.

ДЖОАН. Цвет будет, я просто начинаю с черного, чтобы оттенить цветное.

ТОДД. На прошлой неделе я сделал шляпу, это была абстрактная картинка улицы, голубой цвет — автобусы, желтый — дома, красный — листья, серый — небо. Никто не догадался, но я-то знал, что к чему. Не так уж много в жизни радостей.

ДЖОАН. Разве тебе здесь не нравится?

ТОДД. Ты ведь новенькая, да?

ДЖОАН. Это моя первая шляпа. Моя первая профессиональная шляпа.

ТОДД. Ты изучала шляпное дело в университете?

ДЖОАН. Моя дипломная шляпа была в форме жирафа два метра высотой.

ТОДД. За неделю такую не сделаешь.

ДЖОАН. Я знаю.

ТОДД. Раньше нам давали две недели на подготовку к параду, потом урезали до одной, а теперь поговаривают, что сократят еще на один день.

ДЖОАН. Значит, у нас будет лишний выходной?

ТОДД. Значит, нам меньше заплатят. И мы не сможем делать такие же классные шляпы.

ДЖОАН. А разве так можно?

ТОДД. Будешь спорить, да?

ДЖОАН. Я же только начала.

ТОДД. Ты скоро поймешь, что тут не все гладко.

ДЖОАН. А я думала, что мне повезло с этим местом.

ТОДД. Так и есть. Ты знаешь, куда пойти пообедать?

ДЖОАН. Наверное, здесь есть столовая?

ТОДД. Да. Но мы туда не ходим. Я тебе покажу, где мы едим.

2.

День спустя. Они работают над шляпами, которые гораздо богаче украшены, то есть те, над которыми они работали в предыдущей сцене, надо заменить на новые, которые гораздо ближе к завершению.

ДЖОАН. Твоя очередь.

ТОДД. Я плаваю в реке перед работой.

ДЖОАН. А это не опасно?

ТОДД. Твоя очередь.

ДЖОАН. Я получила удостоверение летчика.

ТОДД. Я до четырех утра смотрю судебные процессы и пью перно.

ДЖОАН. Я скоро получу комнату в подземке.

ТОДД. У меня есть собственное жилье.

ДЖОАН. Правда?

ТОДД. Хочешь посмотреть? Уже почти готово.

ДЖОАН. Я не понимаю твой стиль, но перья мне нравятся.

ТОДД. Я не слишком стараюсь. Я здесь уже давно.

ДЖОАН. Собираешься уйти?

ТОДД. Моя очередь. Что-то не так с нашими заказами.

ДЖОАН. Но нам нужны заказы.

ТОДД. А если мы их не заслуживаем? Если наши шляпы вовсе не самые лучшие?

ДЖОАН. Что же на самом деле происходит?

ТОДД. Одно тебе скажу, кое у кого есть шурин. Знаешь, где он работает?

ДЖОАН. Где он работает?

ТОДД. Я об этом здесь говорить не стану. Расскажи мне что-нибудь еще.

ДЖОАН. Мне не нравится сидеть допоздна и смотреть процессы.

ТОДД. Я смотрю их по ночам, после того как возвращаюсь.

ДЖОАН. Откуда возвращаешься?

ТОДД. А откуда бы тебе хотелось?

3.

День спустя. Они работают над шляпами, которые становятся очень большими и экстравагантными.

ТОДД. Мне не нравятся шляпы в виде животных.

ДЖОАН. Я была студенткой.

ТОДД. Абстрактные шляпы снова в моде.

ДЖОАН. Мне всегда нравились абстрактные шляпы.

ТОДД. Ты, наверное, пропустила время, когда все их ненавидели.

ДЖОАН. Это, наверное, было до меня.

Молчание. Они продолжают работать.

Знаешь, ты все время говоришь об этом, и я не понимаю, почему ты не предпримешь что-нибудь.

ТОДД. Ты здесь всего третий день.

ДЖОАН. Руководство погрязло в коррупции — так ты мне сказал. Нам слишком мало платят — так ты мне сказал.

Молчание. Они продолжают работать.

ТОДД. Слишком много зеленого.

ДЖОАН. Так и задумано, чтобы его было слишком много.

Молчание. Они продолжают работать.

ТОДД. Я заметил, что ты смотрела на шляпу того блондинчика. Надеюсь, ты ему сказала, что идея не нова.

Молчание. Они продолжают работать.

Я здесь единственный человек, у которого есть моральные принципы, и не говори мне, что я должен что-то предпринять, я целыми днями думаю, что предпринять.

ДЖОАН. Может, что-нибудь и придумаешь.

Молчание. Они продолжают работать.

4.

День спустя. Они работают над шляпами, которые стали огромными и нелепыми.

ТОДД. Она прекрасна.

ДЖОАН. Тебе нравится?

ТОДД. Нравится.

ДЖОАН. Мне твоя тоже нравится.

ТОДД. Ты не обязана меня хвалить. Она не из лучших.

ДЖОАН. Нет. В ней есть — как бы это сказать, это уверенная в себе шляпа.

ТОДД. Я готовлю парады вот уже шесть лет. Я заслуженный, опытный мастер. И когда я пойду говорить с тем человеком, он может прислушаться.

ДЖОАН. Ты собираешься с ним говорить?

ТОДД. У меня назначена встреча после смены.

ДЖОАН. Ты можешь потерять работу.

ТОДД. Могу.

ДЖОАН. Я восхищена.

ТОДД. На это и рассчитано.

ДЖОАН. Ты скажешь про шурина?

ТОДД. Сначала я скажу о деньгах. Потом упомяну шурина. У меня есть друг, он журналист.

ДЖОАН. Ты скажешь про журналиста?

ТОДД. Я могу как-то намекнуть, не упоминая журналиста. Возможно, будет лучше, чтобы он не видел связи между мной и журналистом.

ДЖОАН. Но он будет подозревать.

ТОДД. Пусть подозревает. Вот только, если я потеряю работу.

ДЖОАН. Что же?

ТОДД. Я буду скучать по тебе.

ДЖОАН. Уже?

5.

День спустя. Процессия оборванных, избитых заключенных в цепях движется к месту казни. У каждого на голове шляпа. Готовые шляпы еще огромнее и нелепее, чем в предыдущей сцене.

6.

Неделю спустя. ДЖОАН и ТОДД начинают работу над новыми шляпами.

ДЖОАН. Я все еще не могу в это поверить.

ТОДД. Никому раньше не удавалось победить за первую неделю работы.

ДЖОАН. Теперь все будет казаться неудачей.

ТОДД. Ты же не можешь выигрывать каждую неделю.

ДЖОАН. Я это и имела в виду.

ТОДД. Но пока ты здесь работаешь, ты будешь делать фантастические шляпы.

ДЖОАН. Иногда мне жаль, что их не хранят.

ТОДД. Их было бы слишком много, что с ними делать?

ДЖОАН. Их можно снова использовать.

ТОДД. Точно, и мы останемся без работы.

ДЖОАН. Так жаль, что их сжигают вместе с телами.

ТОДД. А я считаю, что это здорово. Шляпы эфемерны. Это как метафора чего-то.

ДЖОАН. Может, жизни?

ТОДД. Ну да, вот именно, жизни. Из примерно трехсот шляп, что я здесь сделал, только три выиграли и попали в музей. Но меня это не слишком беспокоило. Ты творишь красоту, и она исчезает, мне это нравится.

ДЖОАН. Ты такой...

ТОДД. Какой?

ДЖОАН. Ты заставляешь меня думать иначе. Вот я никогда не задумывалась о том, как здесь все устроено, а сейчас я вижу, как это важно.

ТОДД. Я думаю, мои моральные принципы произвели на него впечатление.

ДЖОАН. Повтори мне в точности, что он сказал в конце.

ТОДД. «Об этом стоит подумать».

ДЖОАН. Звучит обнадеживающе.

ТОДД. Это может означать, что он подумает, как от меня избавиться.

ДЖОАН. Потрясающая форма для новой шляпы.

ТОДД. Это новая идея. Ты меня вдохновляешь.

ДЖОАН. Есть еще журналист. Если он копнет поглубже, мы сможем показать коррумпированную финансовую структуру, на которой держится шляпная индустрия, а не только это место, я уверена, что вся индустрия с душком.

ТОДД. Ты так думаешь?

ДЖОАН. Я думаю, мы должны выяснить.

ТОДД. Ты изменила мою жизнь, ты понимаешь это?

ДЖОАН. Если ты потеряешь работу, я уволюсь.

ТОДД. Мы можем не найти другой работы со шляпами.

ДЖОАН. Есть и другие парады.

ТОДД. Но мне кажется, что ты шляпный гений.

ДЖОАН. Если только все парады не коррумпированы.

ТОДД. Мне нравятся эти бусинки. Используй бусинки.

ДЖОАН. Нет, ты возьми их.

ТОДД. Нет, ты.

3.

Несколько лет спустя. Дом ХАРПЕР, день.

ХАРПЕР. Ты правильно сделал, что отравил ос.

ТОДД. Да, я думаю, всех ос надо уничтожить.

ХАРПЕР. Я вчера выходила, и когда я была на опушке леса, будто тень легла на землю, и это была туча бабочек, и они сели прямо за мной, и все деревья и кусты стали красными — так много их было. Две бабочки сели мне на руку, я перепугалась, одна запуталась у меня в волосах, но мне удалось их раздавить.

ТОДД. У меня нет проблем с бабочками.

ХАРПЕР. Они могут облепить лицо. Римляне кончали жизнь самоубийством с помощью сусального золота, они засовывали листочек золота в горло и перекрывали трахею, я считаю, с бабочками такое тоже возможно.

ТОДД. Я проходил мимо сада, там паслись лошади, и неожиданно осы ринулись на них с яблонь. Лошади неслись галопом и ржали от боли, у каждой голова как осиный рой. Хорошо бы она проснулась.

ХАРПЕР. Мы не знаем, сколько времени она шла.

ТОДД. Она правильно сделала, что пришла.

ХАРПЕР. Нельзя уходить вот так запросто, когда идет война.

ТОДД. Можно, если нужно спастись.

ХАРПЕР. А ей надо было спастись?

ТОДД. Она должна была добраться до безопасного места для перегруппировки.

ХАРПЕР. Разве это безопасное место?

ТОДД. Да, относительно безопасное. Все думают, что это просто дом.

ХАРПЕР. Коты вступили в войну на стороне французов.

ТОДД. Никогда не любил котов, от них пахнет, они царапаются, они тебя любят только потому, что ты их кормишь, они кусаются, у меня был кот, который так и норовил тебя цапнуть.

ХАРПЕР. Ты знаешь, что они убивают младенцев?

ТОДД. Где?

ХАРПЕР. В Китае. Они запрыгивают в колыбельки, когда никто не смотрит.

ТОДД. Но некоторые коты все же ничего.

ХАРПЕР. Не думаю.

ТОДД. Я знаю одного кота по соседству.

ХАРПЕР. Ты бы с этим поаккуратнее.

ТОДД. Но французы ведь не то чтобы наши враги. Это же не марокканцы или там муравьи.

ХАРПЕР. Не канадцы, не венесуэльцы и не комары.

ТОДД. Не инженеры, повара, дети до пяти лет, музыканты.

ХАРПЕР. Торговцы машинами.

ТОДД. Португальские торговцы машинами.

ХАРПЕР. Русские пловцы.

ТОДД. Таиландские мясники.

ХАРПЕР. Латышские стоматологи.

ТОДД. Нет, латышские стоматологи неплохо работают на Кубе. У них там дом недалеко от Гаваны.

ХАРПЕР. Но Латвия посылает свиней в Швецию. Стоматологи связаны с международной стоматомафией, вот кому они на самом деле преданы, стоматологам из Дар-эс-Салама.

ТОДД. Мы не обсуждаем Дар-эс-Салам.

ХАРПЕР. Ты что, хочешь оправдать резню в Дар-эс-Саламе?

Она пришла сюда, потому что ты в отпуске, и если кто-нибудь узнает, я буду виновата.

ТОДД. Это же только до завтра. Я ее разбужу. Через несколько минут.

ХАРПЕР. Ты видел передачу про крокодилов?

ТОДД. Да, но крокодилы — как они ухаживают за своими детенышами и носят их к воде в своей пасти.

ХАРПЕР. Кто угодно будет помогать своим детям.

ТОДД. Я просто хочу сказать, что я был бы не против иметь крокодилов на стороне наших союзников. Слушай, их же не остановить.

ХАРПЕР. Крокодилы — это зло, и противостоять крокодилам — это всегда правильно. Их кожа, их зубы, отвратительный запах тухлого мяса из пасти. Крокодилы поджидают, когда зебры начнут переходить через реку, разевают свои пасти, хватают слабых и утягивают их на дно. Крокодилы по ночам нападают на деревни и утаскивают детей прямо из постелей. Крокодилы поедают своих

врагов медленно, откусывая сначала ступни, потом лодыжки, колени, добираются до гениталий, а если они топяются, то идут по городу, откусывая головы. Крокодил может тащить дюжину голов так же бережно, как он переносит своих детенышей; утащит обратно к реке, и они будут качаться на воде, как трофеи, пока не сгниют.

ТОДД. Я просто хотел сказать, что мы могли бы их использовать.

ХАРПЕР. А эти милые пушистые водоплавающие птички, самая маленькая всегда отстаёт и кричит «Подождите, подождите», и это так опасно, потому что их могут съесть. И их мать готова пожертвовать собой, чтобы спасти их.

ТОДД. А дикие утки к ним относятся?

ХАРПЕР. Дикие утки вовсе не относятся к хорошим водоплавающим птицам. Все селезни насильники, и они на стороне слонов и корейцев. А крокодилы всегда зло.

ТОДД. Как ты думаешь, разбудить ее или дать ей поспать? У нас совсем не будет времени, чтобы побыть вместе.

ХАРПЕР. Ты согласен со мной насчет крокодилов?

ТОДД. В чем дело? Ты что, не знаешь, на чьей я стороне?

ХАРПЕР. Я не знаю, что у тебя на уме.

ТОДД. У меня на уме то же, что у всех нас.

ХАРПЕР. Или возьми оленей.

ТОДД. Ты имеешь в виду милых малышек бэмби?

ХАРПЕР. Это была ирония?

ТОДД. Это был сарказм.

ХАРПЕР. Потому что они вырываются из лесов, скачиваются с гор и терроризируют торговые центры. Если самкам удастся убежать, когда в них стреляешь, они нападают на кого-то еще и топчут их своими страшными глянцевыми копытами, оленята путаются под ногами у покупателей, и те падают с эскалаторов, молодые самцы врезаются в стеклянные витрины...

ТОДД. Меня не надо учить ненависти к оленям.

ХАРПЕР. ...а старые, ты знаешь, какие тяжелые у них рога, какие острые, когда они врываются в толпу подростков, удирающих по улице?

ТОДД. Да, я это знаю.

Он задирает рубашку и показывает шрам.

ХАРПЕР. Это был олень?

ТОДД. Вообще-то это был медведь. Мне не нравится, когда во мне сомневаются.

ХАРПЕР. Это было, когда слоны пошли войной на голландцев, я всегда доверяла слонам.

ТОДД. Я стрелял в коров и детей в Эфиопии. Я травил газом объединенные войска испанцев, программистов и собак. Я голыми руками разрывал на части скворцов. И мне нравилось делать это голыми руками, я был точно в лихорадке, когда мои руки были в крови и перьях, я мог это делать целый день, это было лучше, чем секс. Так что не надо говорить, что на меня нельзя положиться.

ХАРПЕР. Я не отрицаю, что ты умеешь убивать.

ТОДД. Я знаю, что это не только восторг. Я выполнял скучную работу. Я работал на бойне, забивая свиней и музыкантов, и к концу дня спина болит, а перед глазами только люди, подвешенные за ноги.

ХАРПЕР. Так ты считаешь, что олени — зло?

ТОДД. Мы это уже проехали.

ХАРПЕР. И если голодный олень придет сюда во двор, ты его не покормишь?

ТОДД. Конечно нет.

ХАРПЕР. Как же так, ведь олени за нас. Вот уже три недели.

ТОДД. Я не знал. Ты сама говорила.

ХАРПЕР. Их природная доброта стала явной. Достаточно посмотреть в их кроткие карие глаза.

ТОДД. Это хорошая новость.

ХАРПЕР. Ты ненавидишь оленей. Ты обожаешь крокодилов.

ТОДД. Я запутался, потому что очень устал.

ХАРПЕР. Ты должен уйти.

ТОДД. Я же не чужой.

ХАРПЕР. Думаешь, я могу заснуть?

ДЖОАН выходит и попадает в объятия ТОДДА.

Ты не можешь здесь оставаться, они придут за тобой. Что ты скажешь, когда вернешься, что ты сбежала, чтобы провести день со своим мужем? У всех есть кто-то, кого они любят и хотят повидать, и уж во всяком случае, они скорее повидают их, чем будут лежать в какой-то дыре и ждать, пока их искусают муравьи. Или ты вообще не собираешься возвращаться, потому что если так, то лучше бы ты застрелила меня прямо сейчас. Кто-нибудь видел, как ты уходила? какой дорогой ты пришла? за тобой следили? Здешние орланы могли видеть, как ты пришла сюда. И ты рискуешь жизнью, сама не зная ради чего, ведь он говорит неправильные вещи. Разве тебе все равно? Может, ты не умеешь отличить добра от зла, что я знаю о тебе, два года прошло, я должна бы радоваться тебе, но как?

ДЖОАН. Конечно, птицы видели меня, все видели, как я шла, но никто не знал, зачем, я могла выполнять задание, все куда-то идут, и никто не знает, зачем, и, кстати, я убила двух котов и ребенка до пяти лет, так что это вполне может сойти за задание, и я не понимаю, почему я не могу уйти на день и вернуться, потом я пойду до конца. И я не так боялась птиц, как погоды, погода тут на стороне японцев. В горах были грозы, я шла через селения, в которых прежде не бывала. У крыс кровь идет из горла и ушей, и это хорошо, и так же сочилась кровь у девочек вдоль дороги. Это было так утомительно, потому что все было призвано на службу, там тела лежали штабелями, и

если ты спрашивал — один был убит булавками, другой кофе, они были убиты героином, бензином, бензопилой, лаком для волос, отбеливателем, наперстянками, и пахло дымом там, где мы жгли траву, которая не желала служить. Боливийцы занимаются гравитацией, это секрет, чтобы не сеять панику. Но мы продвинулись с шумом, и тысячи погибли от света в Мадагаскаре. Кто мобилизует темноту и молчание? — вот о чем я думала по ночам. На третий день я с трудом могла идти, но я спустилась к реке. Там был лагерь чилийских солдат, выше по течению, но они меня не видели, и четырнадцать черно-белых коров пришли на водопой ниже по течению, так что я понимала, что мне придется пересечь реку там, где я была. Но я не знала, на чьей стороне река, поможет ли она мне плыть или утопит меня. Течение на середине было намного быстрее, вода была коричневой, я не понимала, значит ли это что-нибудь. Я долго стояла на берегу. Но я знала, что только так я могу попасть сюда, так что в конце концов я одной ногой ступила в воду. Она была очень холодной, и больше ничего. Когда ты делаешь первый шаг, ты еще не знаешь, что произойдет потом. Но в любом случае ты уже по щиколотку в воде.

Джо Пенхолл

СИНИЙ АПЕЛЬСИН

Перевод Надежды Гайдаш и Олега Качковского
Copyright © 2000 Jo Penhall

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КРИСТОФЕР, двадцать четыре года.

БРЮС, чуть старше двадцати.

РОБЕРТ, за пятьдесят.

Действие происходит в течение суток в государственной психиатрической больнице в Лондоне.

АКТ ПЕРВЫЙ

Консультационный кабинет. Прозрачный кулер. На круглом столе большая стеклянная ваза с тремя апельсинами. БРЮС и КРИСТОФЕР стоят друг напротив друга.

КРИСТОФЕР. Мистер БРЮС...

БРЮС. КРИСТОФЕР...

КРИСТОФЕР. Мистер БРЮС...

БРЮС. Как дела?

КРИСТОФЕР. Брюсик-Брюсик-Брюсик, у тебя как?

БРЮС. Спасибо, хорошо.

КРИСТОФЕР. Хорошо. Ага, хорошо. А у меня-то как хорошо, чувак.

БРЮС. Садись.

КРИСТОФЕР. Это у меня сегодня все хорошо. Понял — нет?

БРЮС. Падай на стул.

КРИСТОФЕР. Зашибись! Сегодня мой день, ага. Самый мой день. Чего уж тут...

БРЮС. Ну да, конечно, а теперь садись.

КРИСТОФЕР. Дай пять.

БРЮС. Ну держи.

БРЮС протягивает КРИСТОФЕРУ руку. КРИСТОФЕР вместо обычного рукопожатия выделяет всякие штуки. Они ударяются кулаками.

КРИСТОФЕР. Я теперь свободный чел. Понял — нет?

БРЮС. Ну... Кхе-кхе... Так.

КРИСТОФЕР. Я счастливый чел. Меня шас разорвет, блин, я не могу.

БРЮС. Крис?

КРИСТОФЕР. А, э-э... О... Ладно. Буду вести себя хорошо. Ты прав. Сяду, пожалуй.

КРИСТОФЕР садится с наигранным спокойствием.

БРЮС. Расслабься.
КРИСТОФЕР. Я должен расслабиться и успокоиться.
БРЮС. Дыши глубже. Хочешь воды?
КРИСТОФЕР (*ерзает на стуле*). А?
БРЮС. Хочешь выпить воды?
КРИСТОФЕР. Колы.
БРЮС. Нет, тебе нельзя...
КРИСТОФЕР. Ледяной колы. Всегда кока-кола!
БРЮС. Ты же знаешь, тебе нельзя колу...
КРИСТОФЕР. Нет, можно, потому что...
БРЮС. Что я говорил про колу?
КРИСТОФЕР... завтра я еду домой.
БРЮС. Почему вредно пить колу?
КРИСТОФЕР. Да ладно, че ты, я же домой еду.
БРЮС. Крис, не валяй дурака. Ты же знаешь, как это важно. Почему вредно пить колу?

Пауза.

КРИСТОФЕР. Зубы портятся.
БРЮС. Нет, то есть да, но... Почему еще вредно?
КРИСТОФЕР. Башню сносит.
БРЮС. Нет, нет, все-таки, что она с тобой делает?
КРИСТОФЕР. Ну башню сносит... Короче, док, я знаю, ну все, брат, понял я.
БРЮС. Тебе вредно пить колу, так?
КРИСТОФЕР. Так. Она вредная.
БРЮС. Какое у нас здесь первое правило?
КРИСТОФЕР. Ни кофе, ни колы.
БРЮС. Правильно, ни кофе, ни колы. Один вред от них.
КРИСТОФЕР. М-м.
БРЮС. Мы от них перевозбуждаемся.
КРИСТОФЕР. Точно-точно-точно-точно, я прям вздрючиваюсь.
БРЮС. Правильно, и что мы вместо них выпьем?

КРИСТОФЕР. Без понятия.

БРЮС. Чего бы ты хотел?

КРИСТОФЕР. Если честно, «укус змеи». Понял — нет?

БРЮС. «Укус змеи», значит. Да, ну...

КРИСТОФЕР. Мешаешь сидр с пивком, или с ромом, или с виски, или-или-или...

БРЮС. Крис, КРИСТОФЕР. Какое у нас правило насчет алкоголя?

КРИСТОФЕР. Но...

БРЮС. Какое у нас правило насчет алкоголя?

КРИСТОФЕР. Алкоголя.

Пауза.

А, да. Алкоголь. Хе-хе. Понял — нет?

БРЮС. Что бывает из-за алкоголя?

КРИСТОФЕР. Кровь разжижается.

БРЮС. Нет, ну, возможно, да, но...

КРИСТОФЕР. Глючить начинает.

БРЮС. Ну... Да, но...

КРИСТОФЕР. Наверно, это про будущее глюки.

БРЮС. Ну и... иногда, может быть, и да, но в чем главный вред алкоголя?

КРИСТОФЕР. Хреново с него.

БРЮС. С него хреново. Совершенно правильно. Хочешь стакан воды? А? Свежей холодной воды. Из э-э... из этой штуки.

КРИСТОФЕР. Вода из штуки. Клево.

БРЮС. Да, свежая холодная вода. Дай-ка... я сейчас...

БРЮС встает, и КРИСТОФЕР внезапно тоже встает.

Нет-нет, сиди, я просто...

КРИСТОФЕР. Нет, ты сиди...

БРЮС (*садится*). Ну давай сам.

КРИСТОФЕР (*садится*). Нет-нет, я...

БРЮС. Я... послушай, ну, это глупо.

БРЮС *делает жест рукой.*

КРИСТОФЕР. Правда, можно?

БРЮС. Милости прошу.

КРИСТОФЕР *встает, подходит к кулеру, наливает воду в два пластиковых стаканчика.*

Хорошая водичка.

КРИСТОФЕР *(пьет, у него трясутся руки).* Хорошая водичка, моргалики запивать.

БРЮС... Действительно.

КРИСТОФЕР. Наконец-то, ага. Моргалики запивать.

БРЮС. Разумеется.

КРИСТОФЕР *(садится).* Понял — нет? Хе-хе. Ведь понял же — нет? А? А? Доктор все-таки.

КРИСТОФЕР *ставит перед БРЮСОМ стаканчик и продолжает пить из своего.*

Понял — нет?

БРЮС. Хм. Конечно...

КРИСТОФЕР. Понял — нет?

БРЮС. Ну...

Пауза.

Нет, не понял.

КРИСТОФЕР. Да все ты понял.

БРЮС *пьет.*

Где колеса, чувак?

БРЮС. Ах, колеса, конечно...

КРИСТОФЕР. А то как же, ага. «Где колеса, чувак? Ну дела, от этих пациентов башка раскалывается, раскалы-

вается башка, ну-ка, что там у нас в чемоданчике, а ну-ка таблеточку, где наши таблеточки? Где наш тамазипанчик? Опять у меня ниггер больной. *Черножопый такой ниггер.* Господи Боже! Я Больше Не Могу!» Ага? Ага. Домой к своей приходишь: «Ах, я больше не могу. Нет-нет. Не могу успокоиться. Нет-нет, да, нет, детка, сейчас не могу, пока не закинусь — не встанет!» Понял — нет? Ха, ха, ха, ха, ха. Нет-нет. Ха-ха. А то как же. Врубился?

Пауза.

БРЮС. Ну...

КРИСТОФЕР. Ага, ага... рассказывай! Сразу видно — белый док. Знаешь, как белые врачи базарят? «Колеса? *Какие* колеса? Да ты иди отдохни, ниггер. Тебя же прет от них! Это, типа, *мои* колеса»...

БРЮС. Ну это спорный вопрос.

КРИСТОФЕР. Хрен отопрешься. Все вы такие, доктора! Хрен отопрешься, говорю.

БРЮС. Я все-таки не уверен, что...

Кристофер(*пьет воду, его руки трясутся*). Гонишь. Гонишь. Че ты тогда тут делаешь? Че ты тогда здесь?

БРЮС. А ты почему здесь, Кристофер, как, по-твоему?

КРИСТОФЕР. Че?

БРЮС. Почему ты здесь? Как ты думаешь?

КРИСТОФЕР. Почему я здесь?

БРЮС. Да.

Пауза.

КРИСТОФЕР. Без понятия.

БРЮС. Ты здесь уже довольно давно.

КРИСТОФЕР. Да, давно... правда.

БРЮС. Как ты думаешь, почему? Если бы просто из-за наркотиков, тебя бы здесь не было, верно? Ты был бы там, на улице. Разжился бы у кого-нибудь травкой и... домой. Верно?

Пауза.

Я бы точно так сделал! А? Ха-ха. Покурил бы. Футбол посмотрел.

Пауза.

Ха-ха.

Пауза.

Нет. Разумеется, нет. Я не принимаю наркотики, ты же знаешь. Шутки шутками, а ради наркоты здесь сидеть бессмысленно. Лучше дома быть, кайф ловить, ну, получать от них *удовольствие*, удовольствие от наркотиков. Оттягиваться. Ты меня понимаешь?

Пауза.

Ведь они оказывают *расслабляющее* воздействие.

Пауза.

Я вот к чему — я, собственно, об этом и хотел поговорить — ты здесь, чтобы поправиться, так? Потому что ты был очень болен. Верно?

Долгая пауза.

КРИСТОФЕР. Без понятия.

БРЮС. Ага.

КРИСТОФЕР. А че? Я же домой еду. А ты, типа, и не рад.

БРЮС. Ну я не так рад, как ты.

КРИСТОФЕР. А че, я тебе все время говорил, со мной все пучком, вот и ты согласился, и я, и я, и я... Я отваливаю.

Пауза.

Я не знаю, почему я здесь.

Пауза.

Тут одни психи кругом, ага. Сумасшедший дом. Я так и сказал, когда приехал. Когда сюда попал. Осмотрелся, увидел всех этих, ну, придурков, и подумал... Ё-моё! Божечки! Да они тут психи ненормальные! Ха-ха-ха-ха-ха-ха... Выпустите меня отсюда...

БРЮС. Ха-ха, да...

КРИСТОФЕР. Чувак, да здесь психушка.

БРЮС. Согласен, и в самом деле... здесь довольно много...

КРИСТОФЕР. Довольно много?! Издеваешься, да?

БРЮС. ...в какой-то степени...

КРИСТОФЕР. Да они ПСИХИ!

БРЮС... ну, скажем, сумасшедших, да...

КРИСТОФЕР. Да дебилы! Двинутые конкретно!

БРЮС. Людей с... ну, вообще-то мы не используем термин «сумасшедшие»...

КРИСТОФЕР. Ты сам только что так сказал.

БРЮС. Сказал, да, но не следовало... я... пошутил, я, понимаешь... так нельзя говорить.

КРИСТОФЕР. Но ты же сказал.

БРЮС. Да, но... ты понимаешь, о чем я?

КРИСТОФЕР. Ты первый сказал.

БРЮС. Хорошо. Послушай, есть вещи... есть такие термины, которыми раньше постоянно пользовались, тогда они не были обидные, а теперь все несколько по-другому. Некоторые слова.

КРИСТОФЕР. Некоторые — это какие еще?

БРЮС. Просто... термины, они даже не очень обидные, но...

КРИСТОФЕР. Вот и я о чем, что я такого сказал?

БРЮС. Ну...

КРИСТОФЕР. Чистую *правду!*

БРЮС. Нет, не правду... Это... ладно, не в этом дело... просто некоторые термины некорректны. И «сумасшедшие» — одно из них. Оно... не годится. Слишком расплывчатое.

КРИСТОФЕР. «Расплывчатое». А. Ладно. Извиняюсь.

БРЮС. Вот, например, шизофрения. Раньше то и дело говорили — шизофрения, когда два в одном. Но не имели в виду диагноз. Да. Когда-то «шизофренией» называли двойственность, раздвоенность, аналогичную расщеплению личности. Но теперь мы знаем: не это определяет шизофрению. Раздвоение личности? Бессмыслица. Тебе понятно? Следовательно, этот термин не годится. Он неточен. То, что мы называем некорректным употреблением терминологии. Это очень щекотливая тема. Мы должны выражаться *предельно* точно. Потому что это слишком... как бы это сказать... слишком серьезно.

Пауза.

Тебе поставили диагноз «пограничное состояние расстройства личности». Что это значит?

Пауза.

Пограничное состояние расстройства личности. Да? Ключевое слово — «грань». Потому что, строго говоря, ты находишься *на грани* между неврозом и психозом.

КРИСТОФЕР. Прямо... на грани?

БРЮС. Да. Вот корректный термин, правда?

Потому что если неправильно назвать болезнь, то как правильно понять пациента? Как правильно информировать... общественность? Никто ничего об этом не знает. У большинства идиотские представления. И в результате одни проблемы. Поэтому мы пытаемся бороться с пред-
рассудками. Объяснять.

Пауза.

Вот о чем я хотел сегодня поговорить. О твоём диагнозе. Об этом термине, об этом клейме, и о том, что это значит, понимаешь, мне начинает казаться, что... твой диагноз... не совсем точен...

КРИСТОФЕР. Ты объяснил, я сказал «извиняюсь», чего тебе еще, крови моей хочешь?

БРЮС. Я просто говорю... принимая во внимание течение болезни...

КРИСТОФЕР. Течение? Какое еще течение, блин! Ты о чем, командир?

В дверях появляется РОБЕРТ с пластиковым стаканчиком кофе, останавливается на пороге.

РОБЕРТ. Ты хотел меня видеть.

БРЮС. Доктор Смит. Да, проходите. Здравствуйте.

РОБЕРТ. Как делишки?

БРЮС. Прекрасно. А у вас?

РОБЕРТ. Не помню, я тебе сказал спасибо за шикарную жратву?

БРЮС. Простите?

РОБЕРТ. За изумительный ужин в субботу. После регби. За еду.

БРЮС. А. Спасибо.

РОБЕРТ. Какая женщина. Смотри непусти ее, Брюс.

БРЮС. Ага.

РОБЕРТ. С такой до столыника дотянешь.

БРЮС. Дело в том...

РОБЕРТ. Не знаю, у кого еще хватило бы куража сделать такое фондю. Я еще подумал: «Во дает, вот это экзотика».

БРЮС. Это были просто гренки с сыром.

РОБЕРТ. Гренки с сыром? Отличная вещь.

БРЮС. Конечно, вы привыкли не к такому...

РОБЕРТ. Наоборот. То, что надо. Мокро и противно. Лягушатники нас сделали, замотали совсем.

БРЮС. Да, под пиво ничего пошло.

РОБЕРТ. Нет, ты когда-нибудь видел такой разгром? Еще и лягушатникам проиграли. Хорошо хоть не австралийцам...

БРЮС. Доктор Смит...

РОБЕРТ. ...или вообще новозеландцам, или другим зулусам каким-нибудь.

БРЮС. Доктор...

РОБЕРТ. Гренки с сыром, а? Студенческие годы напомнило. Уложи эту женщину в ближайшую койку и вперед.

БРЮС. Доктор...

РОБЕРТ. *Размножайся.* Много маленьких Брюсиков. А не переделать ли тебе чердак? Мы в молодости вечно что-нибудь перестраивали. В твоём возрасте — самое оно.

РОБЕРТ *заговорщицки подмигивает* КРИСТОФЕРУ, КРИСТОФЕР *непонимающе на него смотрит.*

БРЮС. Док...

РОБЕРТ. Хотя придется, конечно, потратиться. Но ничего, вот станешь консультантом...

БРЮС. Д...

РОБЕРТ. ...и о бабках можешь не волноваться.

БРЮС. Видите ли...

РОБЕРТ (*Кристоферу*). Привет.

БРЮС. Помните Кристофера? Крис, ты помнишь доктора Смита? Он старший консультант.

КРИСТОФЕР. Внимание, тревога. Внимание, тревога! Вижу пришельцев из космоса! Центр управления полетами, СОС, СОС!

РОБЕРТ. Ха-ха-ха.

БРЮС. Мм, да...

РОБЕРТ. Остроумно.

БРЮС. Да. Слушайте...

КРИСТОФЕР. Тревога-тревога-тревога! Понял — нет?

БРЮС. Давайте не будем отвлекаться.

РОБЕРТ. Конечно, я вас отвлекаю.

БРЮС. Нет-нет, вы...

РОБЕРТ. Я...

БРЮС. Я хотел, чтобы вы...

РОБЕРТ. Конечно, вы просили чтобы я...

КРИСТОФЕР. Понял — нет?

БРЮС. Я пригласил доктора Смита поприсутствовать.

РОБЕРТ. Да, да. Я вот налил себе кофейку и просто притаюсь в уголке...

КРИСТОФЕР (*одновременно с «в уголке»*). Кофе!..

РОБЕРТ. Вы меня и не заметите.

КРИСТОФЕР. У него кофе.

БРЮС. У нас достаточно воды в...

КРИСТОФЕР. Вау!

БРЮС. Это не тебе.

КРИСТОФЕР (*вскакивает и тянется к кофе*). Да ладно тебе, мужик! Это ж кофе!

БРЮС. Крис, Крис... (*Роберту*.) Извините.

КРИСТОФЕР. Я хочу кофе.

БРЮС. Кристофер, послушай, это не твой кофе.

КРИСТОФЕР. Давай пополам, а?

БРЮС. Это же не твой кофе, так?

КРИСТОФЕР. Чувак, да ладно тебе!

БРЮС. Крис... Хватит, Крис! Какое у нас правило насчет кофе?

КРИСТОФЕР *садится и цыкает зубом.*

Ни колы, ни кофе. Извини, ты знаешь правила.

КРИСТОФЕР. Какие?

БРЮС. Тебе прекрасно известно.

КРИСТОФЕР. Да, но я завтра сваливаю. Сваливаю и все.

РОБЕРТ. По-моему, он дело говорит.

БРЮС *поворачивается к РОБЕРТУ.*
РОБЕРТ *достает пачку сигарет, закуривает.*

Извините. Я вам мешаю.

Роберт встает и направляется к выходу, но Брюс жестом просит его остаться.

БРЮС. Нет-нет, вовсе нет. Правда.

КРИСТОФЕР. У тебя сигареты! Док, дай сигаретку, ну хоть одну, так курнуть хочется, понял — нет?

БРЮС *кивает.*

РОБЕРТ *снова садится и протягивает пачку КРИСТОФЕРУ. Он берет одну сигарету, потом еще одну, потом еще две и рассовывает их: одну — за ухо, две — в нагрудный карман, последнюю — в рот.*

РОБЕРТ *дает ему прикурить, КРИСТОФЕР выпускает струю дыма.*

РОБЕРТ. Полегчало?

КРИСТОФЕР. Нервишки шалят. Завтра выхожу. И ты мне больше не начальник, когда я выйду, а выйду я (*смотрит на часы*) ровно через двадцать четыре часа. Больше я не... Там уже все, не ваша зона. Двадцать четыре часа — и ищи свищи! Затрахался я тут в вашей дыре. Понял — нет?

Пауза.

Ну... сорок восемь часов максимум.

РОБЕРТ. Дай ему кофе, все равно он домой собирает-ся. Или вот, я даже не притронулся.

РОБЕРТ *предлагает КРИСТОФЕРУ свой кофе, КРИСТОФЕР протягивает руку, но БРЮС опережает его, выпивает кофе одним глотком и метко кидает пластиковый стаканчик в угол, в мусорное ведро.*

КРИСТОФЕР. Блин, чувак!

БРЮС. Кофе содержит кофеин.

РОБЕРТ. Может, тогда чая?

БРЮС. Чай тоже. Вода вон там.

КРИСТОФЕР. Мужик, ну за что ты так?

РОБЕРТ. Если я не вовремя...

БРЮС. Нет, как раз вовремя. Я хотел, чтобы вы посмотрели.

РОБЕРТ. Что?

КРИСТОФЕР. Я уже *шмотки собрал!*

БРЮС. Уже?

РОБЕРТ. Я просто...

КРИСТОФЕР. А то! Думаешь, я не тороплюсь! (*Роберту.*) Вот я бы сейчас кофейку дернул. На дорожку, понял — нет?

БРЮС. Кто разрешил тебе собираться?

РОБЕРТ (*привстал, замер в неудобной позе*). Слушайте, может, я...

КРИСТОФЕР. Никто, я сам так решил. Я просто (Да сиди ты!) заснул пижаму в сумку, зубную щетку бросил. (Замри.) Целых пять минут потратил. А чего? Думаешь, я тут у вас тапочки-халатики потырил?

БРЮС. Дело в том...

КРИСТОФЕР. Потому что я, я, я... что я?

РОБЕРТ. Я могу потом зайти...

КРИСТОФЕР. Потому что я... (Да все нормально, сиди.) Потому что я?.

БРЮС. Нет...

КРИСТОФЕР. Я...

БРЮС. Нет...

КРИСТОФЕР. Что «нет»? Ты даже не знаешь, что я сказать-то хотел. Ну что я хотел сказать?

РОБЕРТ. Может, мне все-таки остаться?

БРЮС. Нет, я не...

КРИСТОФЕР. Потому что я черный?

Пауза.

БРЮС (*Роберту*). Паранойя. Нигилизм. Мания преследования...

КРИСТОФЕР. Потому что я «нигтер хитрожопый»?

БРЮС. Нет. Я уже не первый раз это повторяю. Нет.

РОБЕРТ. Так я зайду попозже?

БРЮС. Доктор Смит...

КРИСТОФЕР. МОЖЕТ, ТЫ УЖЕ ОПРЕДЕЛИШЬСЯ, ПОКА Я ТУТ НЕ ОХРЕНЕЛ СОВСЕМ! Скачет тут, как кенгуру.

БРЮС. КРИСТОФЕР...

КРИСТОФЕР. Да я сто лет как КРИСТОФЕР. (Тоже мне, кофе хряпнул и уже Бэтмэном себя считает.)

БРЮС. Как ты разговариваешь с консультантом?

КРИСТОФЕР. Я его стараюсь.

БРЮС. Успокойся. Ты и в самом деле ведешь себя как...

КРИСТОФЕР. Как кто? Ну! Скажи. Как нигтер хитрожопый!

КРИСТОФЕР *цыкает зубом и принимается тарачиться на РОБЕРТА.*

БРЮС. Ну... Ладно, откровенно говоря, да, но лучше так не стоит, верно? Да? И когда ты выйдешь отсюда и начнешь так пялиться на людей, что они подумают?

КРИСТОФЕР. Что?

БРЮС. Что люди подумают? Когда ты выпишешься? Когда будешь готов...

КРИСТОФЕР. Хрен их знает.

БРЮС. Как, по-твоему, что они подумают?

КРИСТОФЕР. Не знаю.

БРЮС. Они подумают, что ты — э-э... «хитрожопый нигтер», вот что они подумают. Который зубом цыкает. Ты

же не такой. Это глупо. Бред. Ты же не какой-нибудь там... э... отморозок с Ямайки.

КРИСТОФЕР. Ты еще будешь мне объяснять, кто я?

БРЮС. Нет, я...

КРИСТОФЕР. Будешь объяснять, кто я?

БРЮС. Я просто хочу, чтобы ты... был самим Собой.

КРИСТОФЕР. Да говно это все! Дичь какая! Теперь у меня еще и кризис самоидентификации! Ну чувак, да ты, я посмотрю, понаглее обезьянки будешь!

Пауза.

РОБЕРТ. М-м. «Хитрожопый» — не совсем тот термин, который мы...

БРЮС (*Роберту*). Расстройство восприятия? Дезорганизованное поведение? Нарушение навыков общения? Вы понимаете?

РОБЕРТ. Ну и что?

БРЮС. А?

РОБЕРТ. Оглянись вокруг. *Мы все* невосприимчивы, дезорганизованы, у нас у всех нарушены навыки общения. А? Хе-хе. Это *нормально*.

Пауза.

А-ха-ха.

БРЮС. Можно переговорить с вами наедине?

КРИСТОФЕР *вскакивает, ударяет кулаком по столу.*

КРИСТОФЕР. Эй ты! Я с тобой разговариваю! Когда меня выпустят, никто ничего не подумает, меня здесь не будет! Я уеду далеко-далеко, где все тихо и спокойно, ни людей, ни машин, ни грязи, самолеты не жужжат, как мухи над арбузом, и городов нет, и теликов гребаных, и асфальт там не курочат и не долбят ни фига, никаких со-

седей сверху, снизу, сбоку, никто не орет днем и ночью. Никто не орет, никто. Там вообще людей нет. И никто на меня не пялится только потому, что ни разу черных не видел, кроме как в «Улице Сезам»! Далеко-далеко уеду.

(Ну че он вылупился?) Ишь какой нервный, что ты яйцами трясешь, как кот пугливый.

Че думаешь, съем тебя?

Вот возьму и съем — что скажешь?

БРЮС. Крис, никто на тебя не пялится.

КРИСТОФЕР. А он?

РОБЕРТ. А что такого?

КРИСТОФЕР. Что?

РОБЕРТ. Что такого? Ты посмотри на себя. А теперь... сядь и... расслабься, хорошо? Конечно, все пялятся, когда ты себя так ведешь. Ты же понимаешь.

КРИСТОФЕР *переводит взгляд с одного на другого, цыкает зубом.*

Пауза.

БРЮС (*Роберту*). Истощение нервной системы. Не может прямо смотреть в глаза. Думает, что мы на него пялимся.

РОБЕРТ. А мы этим и занимаемся.

Пауза.

КРИСТОФЕР. Все, меня нет. Однозначно. Точно. Сва-лю в пустыню. Чтобы пляжи. Пальмы. Само собой, пого-да цивилизная. Понял — нет?

БРЮС. Крис?.. Ты не мог бы подождать пару минут в соседней комнате?

КРИСТОФЕР. А че я сказал?

БРЮС. Ничего, нам просто надо...

РОБЕРТ. Проконсультироваться.

БРЮС. Да, правильно.

РОБЕРТ. У меня и на бейдже написано — консультант.
(Забыл надеть.)

БРЮС. Пожалуйста. Ты меня очень обяжешь. Выйди в ту дверь.

КРИСТОФЕР (*вздыхает*). Ладно. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

БРЮС. Что ты имеешь в виду?

КРИСТОФЕР. Надеюсь, ты не дашь ему на что-нибудь себя подбить.

РОБЕРТ. Да ни боже мой. Нет, нет и еще раз нет.

КРИСТОФЕР. Надеюсь, ты насчет меня не передумаешь. Ведь мои двадцать восемь...

БРЮС. Крис...

КРИСТОФЕР. Мои двадцать восемь дней...

БРЮС. Я знаю...

КРИСТОФЕР. Мои двадцать восемь дней тью-тью. Тью-тью, брат. Повеселились и хватит. Все, нету меня. Покедова.

БРЮС. Э-э, угу. Да... спасибо.

КРИСТОФЕР *встает, потягивается, внимательно на них смотрит и выходит.*

Тишина.

БРЮС. Думаете, он знает?

РОБЕРТ. А что тут знать? Он у нас во втором отделении. Двадцать восемь дней истекли. Прошел курс лечения и отправляется домой.

Пауза.

Я прав?

БРЮС. Но...

РОБЕРТ. Что «но»?

БРЮС. Ну... Вы же догадываетесь, о чем я хочу вас попросить.

Пауза.

РОБЕРТ. О чем?

БРЮС. Перевести его в третье отделение.

РОБЕРТ. Вдохни поглубже и забудь.

БРЮС. Но...

РОБЕРТ. Выписывай его. Ты все делаешь правильно.

БРЮС. Но это неправда.

РОБЕРТ. Нет, правда. Ты поступаешь честно, правильно, *справедливо* и так, как написано в учебниках.

Пауза.

К тому же у нас нет свободных коек.

БРЮС. Меня очень беспокоит...

РОБЕРТ. А те, что есть, — Для Экстренных и Крайне Тяжелых. Иначе у нас по всей больнице будут хроники *на каталках* ездить, «Формулу-1» нам тут устроят.

БРЮС. Слушайте...

РОБЕРТ. Будет скандал.

Меня отсюда попрут к чертовой матери раньше, чем он выйдет, а следующим будешь ты. Вот так. Я не получу профессора. Ты не кончишь ординатуру. Сколько лет ты учился? Шесть? О чем мы говорили в субботу?

БРЮС. Когда?

РОБЕРТ. После регби. О чем мы говорили?

БРЮС. Не знаю, о чем?

РОБЕРТ. О твоей ординатуре. Я сказал, что в будущем году стану твоим Руководителем, «Наставником», научу тебя «всему, что знаю»... но нужно играть по правилам.

БРЮС. По правилам?

РОБЕРТ. Вот именно. Ты, главное, желтую карточку не схвати, а гол я и сам забью.

БРЮС. Но...

РОБЕРТ. Послушай мой совет, если ты любишь свою работу и ни во что не вляпаешься, наверняка станешь кон-

сультантом. Потом, не век же тебе им оставаться. Рано или поздно ты захочешь стать старшим консультантом. А в один прекрасный день, возможно, и профессором.

БРЮС. Если я...

РОБЕРТ. Но в этом вопросе нельзя допускать сомнений.

БРЮС. Но я *в самом деле* сомневаюсь.

РОБЕРТ. Послушай меня, тебе не стоит пренебрегать моими советами.

БРЮС. А, вы в этом смысле.

РОБЕРТ. Иначе больницу закроют, а на этом месте построят второй Купол Тысячелетия.

БРЮС. Из-за одного перевода в третье отделение никто больницу не закроет. Ведь так? Или вы, правда, думаете?

РОБЕРТ. Да. Возможно.

БРЮС. Правда?

РОБЕРТ. Да. Возможно.

Пауза.

Иди По Пути Наименьшего Сопротивления.

БРЮС. Но... Нельзя же выгнать его только потому, что у нас не хватает коек.

РОБЕРТ. Ты его не «выгоняешь»... ты делаешь то, что должен. То, для чего *они* здесь — и то, чего *ждут* от тебя *все*.

Пауза.

Ну? Ты даешь ему *свободу*.

Водворяешь в лоно общества.

Возвращаешь ему жизнь.

Он будет среди своих.

БРЮС. Каких «своих»? Нет у него никаких «*своих*». Он вообще нормально-то никогда не жил.

РОБЕРТ. Это твои догадки.

БРЮС. Нет, это правда. Он из Уайт-Сити. Там живут одни выходцы с Ямайки. Он туда не так давно приехал, никого там не знает. Он ненавидит это место.

РОБЕРТ. Где он рос?

БРЮС. Везде понемножку. Без постоянного места жительства.

РОБЕРТ. А семья? Мать-то у него должна быть.

БРЮС. По-моему, он с ней давно не общается.

РОБЕРТ. И ты предлагаешь *держат* его здесь только на том основании... на каком? Что ему одиноко?

БРЮС. Иначе он совсем свихнется.

РОБЕРТ. Свихнется, если ты его не выпишешь.

БРЮС. Но он еще не готов. Вы его видели. Он нестабилен.

РОБЕРТ. Пограничное состояние расстройства личности. На грани между неврозом и психозом.

БРЮС. перевозбужден, кричит, на всех пялится.

РОБЕРТ. Ты бы тоже кричал и пялился, будь ты на грани между неврозом и психозом.

БРЮС. Ослабление ассоциативных связей? Паранойя?

РОБЕРТ. Плюс к этому еще развязность, импульсивность, неадекватность, проблемы с личной жизнью, с деньгами, жильем, сексом, общением, алкоголем, полное неумение справляться с тем, что делает нас людьми, — ну и что? На Свете Миллионы Таких. Пограничников. На границе. Иногда заходят, но постоянно не живут. Видишь ли, формально, не так уж он и болен. Неприятно, конечно, но факт.

Пауза.

Таковы правила, хоть убей.

БРЮС. «Хоть убей?» «На свете миллионы таких». «Хоть убей?» Вы издеваетесь?

РОБЕРТ. Нисколько. Именно поэтому нам так трудно. Когда-нибудь, когда ты, как и я, станешь консультантом, а ты им станешь, если сам все не просрешь, молодые врачи будут говорить то же, что и ты сейчас, а ты будешь повторять мои слова. На Свете Миллионы Таких. Смирись. Двадцать восемь дней мы с ними нянчимся, ждем, пока они успокоятся. Потом, когда кризис миновал и говно за ними немножко прибрали, они возвращаются в тот же ад, откуда к нам попали, как правило, немного счастливее и, может, даже чуть мудрее. И так до следующего раза.

Пауза.

БРЮС. Кристофер — шизофреник.

Пауза.

Вы слышите?

РОБЕРТ. Нет, у него пограничное состояние расстройства личности.

БРЮС. Если перевести его в третье отделение, я бы смог еще с ним поработать, пока не поставлю точный диагноз.

РОБЕРТ. Ни в коем случае.

БРЮС. Шизофрения простого типа с четкими симптомами, включая параноидальные. Вероятны также расстройства мышления.

РОБЕРТ. Не параноидная шизофрения?

БРЮС. Возможно, но я не стал бы заходить так далеко в своих...

РОБЕРТ. Простая или параноидная — еще месяц уйдет, чтобы ее диагностировать.

БРЮС. Так подержите его в третьем отделении.

РОБЕРТ. Галлюцинации бывают?

БРЮС. Иногда.

РОБЕРТ. С каких пор?

БРЮС. С тех пор как поступил.

РОБЕРТ. Какого характера?

БРЮС. Дайте время — и сами все увидите.

РОБЕРТ. Да нет у тебя времени. И вообще, он здесь уже месяц. Есть положительная динамика — следовательно, имел место короткий психоз в рамках пограничного расстройства, и все тут.

БРЮС. Он параноик. Вы же видели.

РОБЕРТ. Какая параноя при пограничном расстройстве? Придерживайтесь МКБ-10.

БРЮС. Ох и любите вы эту МКБ-10. Там столько синонимов к слову «псих», а самого слова — нет. Получается, что можно психа психом не признавать. Носитесь со своей МКБ-10, как Винни Пух с горшком меда.

РОБЕРТ. Ладно. Пограничное состояние расстройства личности и Немножко Придурок.

БРЮС. Нет. Доктор. Прошу вас.

РОБЕРТ. «Эксцентричный».

БРЮС. Послушайте...

РОБЕРТ. Он был поддатый?

БРЮС. «Поддатый»?

РОБЕРТ. Поддатый. Нетрезвый. Когда его привезли.

БРЮС. Да... Кажется...

РОБЕРТ. Пограничное состояние и алкоголизм? Праздник, который всегда с тобой.

БРЮС. Что? Неправда!

РОБЕРТ. Это как посмотреть. Мне бы очень не хотелось задерживать этого мальчика из-за наших с тобой разногласий. Все дело в семантике. И в данном случае, доктор, моя семантика лучше вашей, значит, моя взяла.

БРЮС. Я не могу жить с таким диагнозом.

РОБЕРТ. Тебе и не надо.

БРЮС. Я не могу жить с такой *перспективой*.

РОБЕРТ. Ну, для нового диагноза нужно не меньше месяца.

БРЮС. Я не могу держать его еще месяц без нового диагноза!

Пауза.

РОБЕРТ. Что он, собственно, натворил?

БРЮС. Пока ничего.

РОБЕРТ. Он пытался что-то сделать с собой?

БРЮС. Нет.

РОБЕРТ. С кем-то еще?

БРЮС. Нет, конечно.

РОБЕРТ. Ты не можешь его опять госпитализировать, пока он чего-нибудь не сделал. Я к чему: он опасен для себя или для окружающих?

БРЮС. Хотите дождаться, когда станет?

РОБЕРТ. Надо знать наверняка.

БРЮС. Когда узнаем, поздно будет.

РОБЕРТ. Пока он ничего не сделал, сделать ничего нельзя.

Каламбур получился.

БРЮС. Каламбур?

РОБЕРТ. Каков фактор риска? Садись, пиши. Как будто бизнес-план сочиняешь.

БРЮС. Как будто... бизнес-план?

РОБЕРТ. Если мы его отпустим — если избежим этих «существенных расходов»...

БРЮС. Это рискованно.

РОБЕРТ. Насколько?

БРЮС. *Очень.*

РОБЕРТ. Что он тогда сделал?

БРЮС. Когда?

РОБЕРТ. Когда его привезли. Что случилось?

БРЮС. Он был... он был на рынке... Он делал... Не знаю, вел себя странно.

РОБЕРТ. Странно себя вел на рынке. На каком?

БРЮС. Это важно?

РОБЕРТ. Мне интересно.

БРЮС. В Шепердс-Буш.

РОБЕРТ. Вел себя странно. Странно — страшно или странно — смешно?

БРЮС. В истории болезни все есть. Почитайте.

РОБЕРТ. Да ты сам скажи.

БРЮС. Не хотелось бы.

Пауза.

РОБЕРТ. Почему?

Пауза.

Почему, доктор? Что он натворил?

БРЮС. Деликатный вопрос.

РОБЕРТ. Ну раз вы такой застенчивый...

БРЮС. Я просто считаю, что это неважно.

РОБЕРТ. Мы не можем его задерживать, если он не опасен. Ты знаешь правила.

БРЮС. По-моему, у него начинается депрессия.

РОБЕРТ. Сейчас она у *меня* начнется.

Пауза.

Слушайте. Доктор. Если его продержать здесь слишком долго, он *не сможет* вернуться домой, потому что забудет, что такое дом. Забудет, как все бывает в жизни, забудет, Как Жить. Выписывай его. Назначь медсестру, лечение на дому — ему удобнее, нам удобнее, расходы меньше, начальство в восторге.

БРЮС. Хорошо. Представим на секунду, что у нас все идеально: нет проблем с деньгами, нет бюджетных ограничений. Допустим даже, что у нас *есть* свободные койки. Что бы вы тогда сделали?

РОБЕРТ. В идеальном мире я бы отправил его, на хрен, домой, да еще и с песнями, и все бы радовались. А чего нет-то? У тебя есть работа. А если не справляешься, поезжай куда-нибудь и подумай как следует. Уйди из серьезной медицины, поработай корректором в каком-нибудь журнальчике, типа «Уэльский акушер», попиши левые статьи на тему «Социальная справедливость в стоматологии».

Пауза.

Он еще там? Где он?

БРЮС. Он там.

РОБЕРТ. Где? В...

БРЮС. В маленькой комнате.

РОБЕРТ. Какой маленькой комнате? В кладовке, что ли?

БРЮС. Не в... ну, вы знаете. В комнате ожидания. Там, где ждут. Нововведение такое.

Пауза.

РОБЕРТ. В общем, Брюс, с твоим пациентом все в полном порядке. Он, конечно, слегка нервный, грубоватый, скандальный, слегка перегибает — но, может быть, там, откуда он родом, это нормально.

БРЮС. «Откуда он родом»?

РОБЕРТ. В его среде.

БРЮС. Он из Шепердс-Буш. Что вы этим хотите сказать?

РОБЕРТ. Ничего не хочу.

БРЮС. Что значит «откуда он родом»? Что вы имели в виду?

РОБЕРТ. Ничего.

БРЮС. Так что вы хотите сказать?

РОБЕРТ. Да ничего.

Пауза.

Я просто хочу сказать...

Пауза.

Может быть... Может, все дело в тебе. Может, это ты его нервирешь. А?

БРЮС. Что?!

РОБЕРТ. Слушай, так бывает. Вот какой вопрос мы должны задать себе. Такая у нас профессия.

БРЮС. «Может, дело во мне? Я его нервирую?»

РОБЕРТ. Да.

БРЮС. Он параноидный шизофреник.

РОБЕРТ. Предположительно.

БРЮС. Чуть какая.

РОБЕРТ. Спрашивается: а кого, собственно, считать нормальным человеком? Что такое в нашем понятии «норма»? Нам, разумеется, кажется, что уж мы-то уж точно знаем, что она такое. И что такое «человек». А может, он больше человек, чем мы с тобой. Может, это *нас* лечить надо.

БРЮС. Он «больше человек, чем мы»?

РОБЕРТ. Да.

БРЮС. А нас лечить надо.

РОБЕРТ. Возможно.

Пауза.

БРЮС. Почему?

РОБЕРТ. Хорошо, считайте, что я «фантазер». «Сумасброд». Но если допустить, что у него *есть право* быть неуравновешенным, озлобленным, параноидным и подавленным и все такое. Может, это *единственная адекватная* реакция на мир, в котором мы живем?

БРЮС. Что?

РОБЕРТ. Человек — единственный из видов, который безумен по своей природе. «Нормальная психика формируется средой, в которой человек...

БРЮС. Ушам своим не верю.

РОБЕРТ. ...живет». И может быть, так оно и есть.

БРЮС. А может быть, это *бред сивой кобылы*. (*Короткая пауза.*) Простите. Доктор Смит. Но. Кто, какой экзистенциалист это сказал? Вы бы еще, э-э, Рональда Лэнга процитировали.

РОБЕРТ. Это и был Лэнг.

БРЮС. Лэнг — *псих*. Самый натуральный.

РОБЕРТ. А по-моему, что-то в этом есть...

БРЮС. Сейчас вы будете мне еще Шекспира анализировать: у Гамлета было пограничное состояние расстройства личности плюс агрессивность, импульсивность и нерешительность.

РОБЕРТ. Так и есть!

БРЮС. Вы уверены, что должны мне это говорить? Знаете, меня не этому учили.

РОБЕРТ. При всем уважении, доктор, пора бы уже повзрослеть. Расслабьтесь, успокойтесь, забудьте про учебники и подумайте, наконец, что такое *человек*. Человек. Умение Быть Человеком. Как сказал *Ален Гинзберг*, никогда не забуду: «Человек — это не существительное, это *глагол*».

Пауза.

Ну как? Да не будь ты таким *занудой*.

Молчание.

БРЮС. Ален Гинзберг.

РОБЕРТ. Ладно, неудачный пример. Слушай...

В официальных рекомендациях относительно содержания душевнобольных сказано, что изоляция от общества

не способствует их выздоровлению, и наш долг — с этим согласиться. Иначе проблем не оберешься.

БРЮС. Если я его выпишу, он сорвется, и у него разовьются самые ужасные формы шизофрении, при этом он останется без диагноза, без врача и без лекарств.

РОБЕРТ. Доктор Флаэрти...

БРЮС. И с этим ничего нельзя поделывать...

РОБЕРТ. Доктор Флаэрти.

БРЮС. ...из-за политики руководства?

РОБЕРТ. Успокойся.

БРЮС. Извините. Я сорвался.

РОБЕРТ. Если ты не выпустишь парня, он здесь пропишется на всю жизнь.

Ему станет только хуже.

Сделаешь из него больного.

Пауза.

БРЮС. Ну, э-э, я так не думаю.

РОБЕРТ *подходит к двери, открывает.*

Входит КРИСТОФЕР.

РОБЕРТ. Можешь заходить. Мы уже побеседовали. Присаживайся, вот, молодец. Хочешь чего-нибудь, воды?

РОБЕРТ *наливает воду для КРИСТОФЕРА, он жадно ее выпивает.*

КРИСТОФЕР *встает и начинает ходить из угла в угол.*

БРЮС. Хочешь еще?

КРИСТОФЕР *кивает и протягивает стаканчик БРЮСУ. Снова выпивает и продолжает ходить из угла в угол.*

Это из-за галоперидола. Руки-ноги затекли?

КРИСТОФЕР. Ничего, я тут прыгаю. Расхаживаюсь потихоньку.

БРЮС. Старайся меньше двигаться.

КРИСТОФЕР. Мне нравится ходить.

БРЮС. Я знаю. Так ты однажды и заблудился.

КРИСТОФЕР. Я раз до кольцевой дошел.

БРЮС. Знаю. Наверное, чудесная была прогулка.

РОБЕРТ. Bravo.

БРЮС. Нет, не «bravo», старайся себя контролировать.

РОБЕРТ. Да пусть гуляет, если ему хочется. Господи. Хоть до кольцевой дороги. Радуйся жизни. Так. Когда ты собираешься нас покинуть?

КРИСТОФЕР (*ходит из угла в угол*). Через двадцать четыре часа.

РОБЕРТ. Утром, вечером?

КРИСТОФЕР. Сразу после обеда.

РОБЕРТ. Полагаю, тебе есть куда пойти.

БРЮС. Муниципальное жилье. В Уайт-Сити.

РОБЕРТ. Чудесно.

КРИСТОФЕР. Только я туда не пойду.

РОБЕРТ. А.

КРИСТОФЕР. Не люблю Уайт-Сити.

РОБЕРТ. Почему?

КРИСТОФЕР. Из-за мусоров.

РОБЕРТ. Из-за мусоров.

КРИСТОФЕР. Менты. Фараоны. Мусора. Легавые.

РОБЕРТ. Из-за полиции?

КРИСТОФЕР. Меня *постоянно* тормозят в этом Уайт-Сити. Это они повязали меня в Шепердс-Буш. Потому что все время болтают по рации. Они меня ждали. Пасли до рынка. От самого Уайт-Сити пасли, ясный пень. Я чуть не обсохся.

РОБЕРТ. Понятно, ну...

КРИСТОФЕР. Чувак, они за мной шпионили.

РОБЕРТ. Как ты думаешь, почему?

КРИСТОФЕР. Что? *Почему?*

РОБЕРТ. Да, почему? Почему они за тобой «шпионили»?

КРИСТОФЕР. Старик, а ты как думаешь?

РОБЕРТ. Я первый спросил.

КРИСТОФЕР. Потому что фашисты они все. Ясное же дело.

Молчание.

РОБЕРТ. Где бы ты хотел жить?

КРИСТОФЕР. Где бы я?

РОБЕРТ. Предпочел?

КРИСТОФЕР. В Африке.

РОБЕРТ. В Африке.

Пауза.

КРИСТОФЕР садится и пристально смотрит на РОБЕРТА.

А-ха-ха. Да, неплохо. Почему бы и нет?

КРИСТОФЕР. Я уже сказал.

РОБЕРТ. Да, я имею в виду, сейчас, когда выпишешься.

КРИСТОФЕР. Никакого сейчас. Я еду в Африку. В Центральную Африку, у меня отец оттуда.

РОБЕРТ. А. Ну... когда тебя выпишут и если ты... если все образуется и ты... у тебя есть работа?

КРИСТОФЕР. Есть, в Африке.

РОБЕРТ. Ла-адно. А жилье?

КРИСТОФЕР. В Африке. В Уганде.

Молчание.

РОБЕРТ. А друзья?

КРИСТОФЕР. В Африке.

РОБЕРТ (*короткая пауза*). Превосходно.

РОБЕРТ *встает.*
Возвращает БРЮСУ бумаги.

Ну я закончил. Доктор Флаэрти?

БРЮС. Закончили?

РОБЕРТ. Вполне. Приятно было побеседовать, КРИСТОФЕР. Очень надеюсь, что мы больше никогда не увидимся, э-хе-хе.

РОБЕРТ *пожимает КРИСТОФЕРУ руку, КРИСТОФЕР ТУПО НА НЕГО СМОТРИТ.*

Шутка.

БРЮС. Вы так просто уйдете?

РОБЕРТ. А что такое? Я тебе еще нужен?

Они смотрят друг на друга.

КРИСТОФЕР *все еще держит РОБЕРТА за руку.*

КРИСТОФЕР (*Роберту*). Че это с ним? (*Брюсу*.) Командир, какие проблемы?

БРЮС. Если вы не против, останьтесь, пожалуйста, — я задам Крису еще несколько вопросов.

РОБЕРТ. Каких вопросов?

БРЮС. Стандартных. Я еще не сделал выписку.

РОБЕРТ *неохотно садится, высвобождая руку из руки КРИСТОФЕРА.*

РОБЕРТ. Ну что ж. Приступай.

БРЮС. Потому что, Крис, доктор Смит считает, что тебя можно выписывать, раз ты этого хочешь.

КРИСТОФЕР. Да, знаю. Я выписываюсь.

БРЮС. Вот что меня интересует, ты на самом деле этого хочешь?

КРИСТОФЕР. *Наглухо* хочу, понял — нет?

БРЮС. И... ты уверен, что готов. Уверен?
КРИСТОФЕР. На все сто.

Пауза.

БРЮС. Хорошо. Всего пара вопросов.
КРИСТОФЕР. Валяй.
БРЮС. Что находится в этой вазе?
КРИСТОФЕР. В смысле?
БРЮС. Что в этой вазе? Какие фрукты?

Он протягивает ему вазу с апельсинами. КРИСТОФЕР долго на них смотрит. БРЮС берет апельсин и дает КРИСТОФЕРУ, который пристально на него смотрит. Еще один апельсин он бросает РОБЕРТУ.

Крис, что в вазе?
КРИСТОФЕР. Апельсины.
БРЮС. Апельсины, хорошо, какие апельсины?
КРИСТОФЕР. Апельсины, и все.
БРЮС. Да, но ведь не *оранжевые* апельсины?
КРИСТОФЕР. Нет.
БРЮС. Что ты мне вчера говорил? Помнишь?

Пауза.

КРИСТОФЕР. Это синие апельсины.
БРЮС. Синие апельсины. Так?
КРИСТОФЕР. Синее не бывает.
БРЮС. Очисти один. Посмотри, какой он внутри.

Они ждут, пока КРИСТОФЕР чистит апельсин.

Какой он внутри?

Пауза.

Крис?

КРИСТОФЕР. Синий.

БРЮС. Значит, кожура синяя, и даже под кожурой то же самое — синий апельсин?

КРИСТОФЕР. Точно. Насквозь синий.

Пауза.

Плохой он. Тухлый. Не ешь его.

Пауза.

То есть, господи! Ха-ха. Что это? Черная магия?

БРЮС. Вуду.

КРИСТОФЕР. Вуду! Ой, нет! *Жуть!* Понял — нет? Прямо, прямо... *дурдом* какой-то!

БРЮС. *Жуть.*

КРИСТОФЕР. *Жуть!* Сдохнуть можно!

БРЮС. Действительно, сдохнуть можно...

КРИСТОФЕР. «Опять наш стремный ниггер вуду занялся».

Пауза.

Мой папа, да, папа мой, у него это любимые фрукты. Апельсины. Только *оранжевые*. Понял — нет?

БРЮС. Кто твой отец, Крис? Крис?

Пауза.

КРИСТОФЕР *съедает дальку апельсина.*

Кто твой отец?

КРИСТОФЕР. В смысле?

БРЮС. Как его зовут?

КРИСТОФЕР. Я уже говорил.

БРЮС. Скажи еще раз. Для Роберта.

КРИСТОФЕР. Зачем?

БРЮС. Просто так... Крис, пожалуйста... Это же простой вопрос.

КРИСТОФЕР. Без комментариев. Понял — нет?

БРЮС. Не понимаю. Почему?

КРИСТОФЕР. Если я тебя спрошу, кто твой отец, всем насрать, кто он. А мой отец — да я во все газеты попаду, ага?

БРЮС. Не понял. Почему в газеты?

КРИСТОФЕР. Из-за того, кто он.

РОБЕРТ. А кто он?

КРИСТОФЕР. Не скажу.

БРЮС. (Что за ерунда.) Слушай. Пожалуйста. Помогите мне.

КРИСТОФЕР. Хочешь, чтобы я помог тебе? А зарплату за тебя получить не надо?

РОБЕРТ. Если ты не скажешь, кто он, нам будет сложно тебя отпустить. Придется остаться здесь. Понимаешь?

БРЮС. Крис, кто твой отец?

Пауза.

КРИСТОФЕР. Это дико звучит.

БРЮС. Ради бога, Крис...

КРИСТОФЕР. Неловко как-то.

БРЮС. Крис!

КРИСТОФЕР. Как я могу сказать, вы же подумаете, что у меня совсем крыша поехала! А вдруг я себе хуже сделаю, понял — нет?

РОБЕРТ. Не сделаешь. Мы обещаем.

КРИСТОФЕР. «Обещают» они! Прямо гора с плеч свалилась!

БРЮС. Пожалуйста... Сделай это для меня. Только это.

Пауза.

КРИСТОФЕР. Мой отец... мой папа... был большой человек.

Пауза.

Не хотите — не верьте... мой папа... бывший президент Уганды его превосходительство Иди Амин.

БРЮС. Потрясающе...

КРИСТОФЕР. И знай он, где я нахожусь, я бы вам не позавидовал.

БРЮС. В... Крис...

КРИСТОФЕР. Я бы вам не позавидовал.

Такой Человек Херней Не Страдает, понял — нет?

Он вас *сожрет*.

Переварит и высрет, на хрен, в толчок к тараканам.

Просто так Мясником не назовут.

Верьте.

Молчание.

РОБЕРТ. Да... Понятно...

КРИСТОФЕР. Какие-нибудь еще вопросы?

РОБЕРТ. Ну...

КРИСТОФЕР. У него сорок три человека детей и сотня внуков. Он семейный человек. Мусульманин. Живет в Саудовской Аравии. В изгнании. Иногда в Париж катается, отдыхать. Каждый день получает из аэропорта груз восточноафриканских апельсинов. В память о былых временах. Водит «шевроле», играет на аккордеоне. Изгнанные диктаторы обычно западают на «мерседесы», но он не любит привлекать к себе внимание.

РОБЕРТ. Понятно...

КРИСТОФЕР. Матушку мою выпер из Уганды, она ведь родом из Заира. Всех иностранцев турнул. Понял — нет? Гордиться нечем, но что поделаешь. Он такой. Старомодный.

РОБЕРТ. Старо... модный... Мнэ...

Пауза.

Говоришь, твоя мать из Заира?

КРИСТОФЕР. Не верите, да?

РОБЕРТ. Когда это было?

КРИСТОФЕР. В семьдесят четвертом. Я еще не родился тогда.

РОБЕРТ. *Не родился?*

КРИСТОФЕР. Меня *зачали*. Вот ей и пришлось уехать. Он не мог стать отцом иностранца. Ясное же дело.

БРЮС и РОБЕРТ *переглядываются.*

У него есть другая жена в Харингее. У нее ресторанчик. Его прикрыли из-за гигиены, понял — нет?

БРЮС. Можешь идти в палату. Крис? Мы еще поговорим.

КРИСТОФЕР. Но...

БРЮС. На сегодня все.

КРИСТОФЕР. Мы закончили?

БРЮС. На сегодня да.

КРИСТОФЕР. А че я сказал?

БРЮС. Да ничего.

КРИСТОФЕР. Я прошел?

БРЮС *улыбается.*

Молчишь. Плохо дело.

БРЮС. Тебе не о чем беспокоиться.

КРИСТОФЕР. Не о чем, так, значит?

БРЮС. Не о чем. Все будет хорошо.

КРИСТОФЕР. Но я все равно еду домой, так?

Пауза.

Я же еду домой, да?

Пауза.

Я... Я же еду домой?

РОБЕРТ. Тсс... Хорошо? Расслабься.

Пауза.

КРИСТОФЕР. Но... Я...

РОБЕРТ. Тсс.

Пауза.

КРИСТОФЕР. Я...

РОБЕРТ (*помахивая пальцем*). М-м.

Пауза.

КРИСТОФЕР. Но я же еду домой, так?

РОБЕРТ. Ну разумеется.

БРЮС. Крис? Мы с тобой еще поговорим. Возвращайся в палату.

КРИСТОФЕР. Но я же еду домой?

РОБЕРТ. Да.

БРЮС забирает у КРИСТОФЕРА остатки апельсина, тот встает и, шаркая, выходит.

РОБЕРТ берет у БРЮСА остатки апельсина и съедает дольку.

Очень любопытно.

БРЮС. Вы довольны?

РОБЕРТ. «Le Monde Est Bleu Comme Une Orange».

БРЮС. Что?

РОБЕРТ. Стихотворение Поля Элюара. Был во Франции такой сюрреалист.

БРЮС. Неужели?

РОБЕРТ. Мир синий, словно апельсин. (*Короткая пауза.*) Это аналогия.

БРЮС. Классические галлюцинаторные проявления.

РОБЕРТ. Или это сравнение?

БРЮС. Он уже выстраивает картину мира вокруг этого... «отца», который любит апельсины и тэ дэ.

РОБЕРТ. Гипомания. Единичный психотический эпизод, требующий краткосрочной госпитализации, а по возвращении домой — курса нейролептиков. Все просто.

БРЮС. А если нет? Если это только верхушка айсберга?

РОБЕРТ. Он слышит голоса? Слуховые галлюцинации были?

БРЮС. Пока нет.

РОБЕРТ. Другие галлюцинации, кроме синих апельсинов?

БРЮС. Вам этого мало?

РОБЕРТ (*пожимает плечами*). Почему-то ему хочется видеть синее вместо оранжевого. С невротиками всегда так. Видят что хотят. Может, он знает это стихотворение.

БРЮС. Шутите, да?

РОБЕРТ. И в мыслях не было. В Центральной Африке предостаточно франкоговорящих. Может, ему мама в детстве стихотворение читала. Вот образ и отпечатался у него в голове. Начались проблемы — он и проявился.

БРЮС. Да нет, вы шутите.

РОБЕРТ. Есть такой комикс. «Тин-Тин и синие апельсины». Там про безумного профессора, он вывел апельсины, которые могут расти в Сахаре. Правда, ярко-синие и соленые. В Бельгийском Конго книжку запретили, считали, что Тин-Тин коммунист. Но в колониальной Уганде, ясное дело, «Тин-Тином» вся буржуазия зачитывалась. Он стал культовым, символом протеста для среднего класса. Такой вот у Криса образ в сознании, который вот-вот станет явью. Пограничное состояние расстройства личности плюс расшатанные нервы.

БРЮС. Вы это на ходу выдумываете?

РОБЕРТ *качает головой.*

Вы, конечно, не можете не признать, что с ним что-то не так. Мы, конечно, несем Ответственность...

РОБЕРТ. Ответственность за то, чтобы его выписать. Во втором отделении дольше держать нельзя. Лекарства и медсестра два раза в неделю.

БРЮС. Он не станет пить таблетки, вы же знаете, они никогда не...

РОБЕРТ. Для этого и нужна медсестра. Пока он не поправится.

БРЮС. Они не пьют таблетки, потому что это допотопная отравка, которая буквально парализует и не дает нормально жить. Разве нормальный человек станет это пить по своей воле?

РОБЕРТ. Вот именно.

БРЮС. И?

РОБЕРТ. Новое поколение нейролептиков. Клозапин, Рисперидон, Оланзапин. Пусть отправляется домой.

БРЮС. Да они же в сто раз дороже! Вы можете выделить на это средства или ему самому платить?

РОБЕРТ. Рисперидон и Клозапин уже сертифицированы, к началу следующего года будут дешевле шоколадок.

БРЮС. Что?

РОБЕРТ. Все равно дешевле, чем в больнице. Сам посчитай.

БРЮС. Хорошо. Продержим его здесь до начала следующего года. Элементарно.

РОБЕРТ. Не остри. Здесь тебе не дом отдыха.

БРЮС. Ему нужен уход. Вы же *согласились*, что ему показаны нейролептики.

РОБЕРТ. Может, показаны, а может, и нет. Может, он и в самом деле имеет какое-то отношение к Иди Амину. Господи-Боже-на-горном-велике! Он нехило детишек настрогал.

БРЮС. Да вы шутите.

РОБЕРТ. А может, нет.

БРЮС. Господи, сколько можно!

РОБЕРТ. Все, все, успокойся.

Он ходит из угла в угол, вытирает ладони о рубашку, потирает руки, говорит невнятно.

Значит, так (*прокашливается*), вполне возможно, он слышал какую-то семейную историю, которая передавалась из поколения в поколение, легенда такая, может, Иди Амин приезжал в их деревню, ну и тэ дэ, земля слухами полнится, он и поверил. Бывает. Почитай мою книгу.

БРЮС. Какую книгу?

РОБЕРТ. Честно говоря, это продолжение моей докторской. Она еще не закончена. Не хватает одной главы, чего-нибудь эдакого, сложного и непонятного, такого «*je ne sais quoi*», в общем, сам не знаю.

Серьезно. По-моему, в этом что-то есть.

БРЮС. Доктор, по-моему, и в фэн-шуйе что-то есть, вот только я бы не стал писать о нем докторскую.

РОБЕРТ. А я, как твой Руководитель, с тобой не согласен.

БРЮС. Я читал вашу докторскую. «Культурное безумие и специфика бредовых представлений малых народов». Позволяет понять истоки возникновения бреда. В Африке обычное дело — бред про колдунов, а у нас — про «Спайс Герлз» и пришельцев. Культурная специфика Кристофера в том, что его мать жила в Уганде, отсюда и бред про диктатора, о котором он, без сомнения, слышал от матери. Вы утверждаете, что он не болен, что это культурная особенность.

РОБЕРТ. Я утверждаю, что он не сумасшедший. Это другое.

Пауза.

Ты знаешь, что было с его матерью в Уганде? Может, ее изнасиловали солдаты во время переворота? Может, сам Иди Амин? Откуда тебе знать, она могла быть журналисткой или поварихой во дворце. Ты у нее спрашивал?

БРЮС. Это невозможно.

РОБЕРТ. Почему?

БРЮС. Я не могу ее найти. Кажется, она живет в Фелтэме.

РОБЕРТ. Где в Фелтэме?

БРЮС. Ни у кого нет точного адреса.

РОБЕРТ. Найди. Может, это *не все* правда, хотя кто знает?

Сколько возможностей открывается!

Это как раз подтверждает мои исследования.

БРЮС. О чем вы? Его нельзя использовать для исследований.

РОБЕРТ. А почему? Почему бы и нет? Подумайте сами.

В афро-карибской этнической группе Лондона больше душевнобольных, чем в любой другой.

Почему?

Может, диагнозы неверны? Дело в нас? Или в них? В чем причина? В чем ответ? Где лекарство?

От «шизофрении» лекарства нет.

От «психоза» нет лекарства.

Только *паллиативные* препараты.

А если это *не* психоз? Насколько все проще! Что, если это лечится? *Когнитивная терапия. Минимум* лекарств.

Конец «черному психозу».

Только представь.

Святой Грааль.

И засранец, который его нашел ... это *мы*.

Молчание.

БРЮС. Конец «черному психозу».

РОБЕРТ. Фигурально выражаясь.

БРЮС. Вы опять «фантазируете»?

РОБЕРТ (*качает головой*). Конец паллиативным средствам. Конец «допотопной отраве».

БРЮС. Ладно. Допустим, это правда. Все правда. Кристофер — сын Иди Амина. А также шизофреник. И то, и то. Об этом вы не думали?

Пауза.

Ну что, лопнула ваша теория, как мыльный пузырь, да?

Молчание.

РОБЕРТ. Так, слушай. Хочу напомнить: наша диагностика бывает *Этноцентрична*. Ты оцениваешь ситуацию, исходя из собственных культурных критериев.

БРЮС. «Этноцентрична»?

РОБЕРТ. В нас все еще живет наше колониальное прошлое. Подозрительность у нас в крови — это наша культурная особенность.

Например, позавчера по пути с регби мы зашли в магазин за бутылкой вина. Я обратил внимание, что пакистанец за прилавком не сказал ни «спасибо», ни «пожалуйста». Я спросил себя, он просто *такой* человек или это *хамство*? Или все дело в том, что в урду нет ни «пожалуйста», ни «спасибо» — и в его культуре это просто не принято?

БРЮС. Что вы несете? Он всегда говорит и «спасибо», и «пожалуйста».

РОБЕРТ. Ну хорошо. В таком случае я должен спросить себя, может, дело во мне? Каковы *мои* культурные ожидания?

БРЮС. Слушайте, туда после регби все фанаты заваливаются, пьяные в стельку, и это *они* не говорят «пожалуйста» и «спасибо»...

РОБЕРТ. И все-таки мы должны бороться с нашим этноцентризмом.

БРЮС. Мне не очень нравится, к чему вы ведете.

РОБЕРТ. Доктор, это моя *Территория*.

За этим вы меня и звали.

Я знаю, сколько будет дважды два.

Я Старший Консультант, вот и консультируйся.

Я здесь не затем, чтобы о погоде беседовать.

И нечего тут выпендриваться.

Я здесь, потому что Я ЗНАЮ.

БРЮС. Но... при всем уважении, доктор Смит, вы не знаете. Он *мой* пациент... поэтому... э-э...

РОБЕРТ. Ну хорошо. Все равно. Выпиши его. Следующий.

Пауза.

БРЮС. Но...

РОБЕРТ. Можно препираться сколько угодно, однако, по мнению чрезвычайно опытного заведующего отделением, доктор Флаэрти, у нас, во-первых, Нет Коек, и во-вторых, имеется пациент, которому Не Нужна Койка.

БРЮС. Но я думаю...

РОБЕРТ. А я думаю, что ты слишком много думаешь. Я думаю, что думанье можно предоставить мне. А теперь извини, мне пора.

РОБЕРТ *подходит к двери*.

БРЮС. Но... вы же сказали... вы говорите, что КРИСТОФЕР... не может отличить реальность от бреда, потому что он... что? Потому что он?.

РОБЕРТ. Потому что у него пограничное состояние. Все.

БРЮС. Потому что он ч...

РОБЕРТ. Потому что у него пограничное состояние. До свидания, доктор.

БРЮС. Потому что он черный?

РОБЕРТ *вздыхает, скрипит зубами.*
Возвращается к БРЮСУ.

РОБЕРТ *(холодно)*. Я говорю, что там, откуда он родом, это вовсе не бред. Там, откуда мы, — полнейший бред. Понятно?

БРЮС. Он же из Шепердс-Буш.

РОБЕРТ. Он считает себя африканцем. И мы больше не говорим «черный»...

БРЮС. Нет, говорим...

РОБЕРТ. Мы говорим «афро-карибский».

БРЮС. Карибский-то здесь при чем?

РОБЕРТ. Хорошо, он «африканец».

БРЮС. Из Шепердс-Буш.

РОБЕРТ. Надоела мне эта демагогия.

БРЮС. «Демагогия»?

РОБЕРТ. Хватит с меня словоблудия. Его корни в Африке.

БРЮС. Не слишком ли глубоко вы копаете?

РОБЕРТ. В последний раз говорю: я — твой Руководитель, ты — мой подчиненный, а твой тон выходит за рамки субординации и становится откровенно оскорбительным.

БРЮС. Извините... но...

РОБЕРТ. Знаешь, на что готовы молодые врачи, чтобы попасть под мое Руководство? Я имею в виду нормальных врачей... умных. На что они готовы, чтобы обеспечить свое будущее? Ради шанса стать консультантом? Они мне *жопу* готовы лизать.

Молчание.

(Но это к делу не относится.)

*Он подходит к двери и выглядывает наружу.
Возвращается. Садится.*

Так. Ты хочешь, чтобы я рекомендовал тебя на должность консультанта, или нет?

БРЮС. Конечно, хочу.

РОБЕРТ. Тогда веди себя как профессионал. Как член Королевской коллегии психиатров.

БРЮС. Но я же еще не...

РОБЕРТ. Но ты хочешь им стать? А? Тогда соберись. Не будь таким наивным. Иначе я назначу ему другого врача.

БРЮС. Вы не можете отнять у меня пациента.

РОБЕРТ. Лично назначу медсестру и выпишу его.

БРЮС. В таком случае я обращусь к Руководству.

РОБЕРТ. Я и есть Руководство. (Но это между нами.)

БРЮС. Я совершенно уверен ... Я... убежден... что его надо оставить у нас на некоторое время.

РОБЕРТ. А если из-за тебя ему станет хуже?

Подумай. Он поступил к нам с пограничным расстройством личности, но из-за твоего диагноза ему придется остаться здесь на неопределенное время, и его личность окончательно распадется. Вмешается семья, местные депутаты. Позору не оберемся.

Пауза.

И, и, и помимо всего прочего, почему тебе так приспичило именно сейчас изменить диагноз? Ему осталось двадцать четыре часа до нормальной жизни. Хочешь *разрушить его жизнь*? У него и так проблем хватает.

Пауза.

Ты хоть представляешь, какую ответственность на себя берешь? Ни один врач не хочет ставить такой диагноз. Ни участковый врач, ни терапевт, ни консультант. Никто. Понимаешь?

БРЮС. Разумеется. Но... э-э... при всем уважении, это-это-это ... я в это верю.

РОБЕРТ. Знаете, доктор, при всем уважении, этого маловато будет.

БРЮС. Маловато делать то, что я считаю правильным?

РОБЕРТ. Да. Это наивно.

БРЮС. Наивно?!

РОБЕРТ. Именно. Ты наивен. И ты меня уже *достал*.

Молчание.

БРЮС. Почему вы не хотите меня выслушать?

РОБЕРТ. Что? Тебя «выслушать»? Тебя?! Слушать — не мое дело, *твое*... О Господи.

Пауза.

Так. Хорошо. Слушай.

Объясняю главное.

Раскладываю по полочкам.

Шизофрения — болезнь *non grata*.

Шизофрения — это финиш.

Ее не понимают.

Не хотят понимать.

Она пугает.

Вгоняет в депрессию.

Ее не берут чудо-лекарства, вроде Прозака или Виагры.

Она не в моде.

Она не лечится.

Это не героин и не экстази.

Это не фишка супермоделей, рок-звезд и модных писателей.

О ней не говорят за столом.

Педофилы и то популярнее.

Фильмы снимают про наркоманов, алкоголиков, бандитов и тех, кто, напившись в стельку, избивает жен до полусмерти, но шизофрении, друг мой, в хит-парадах нет.

БРЮС. Значит, это нужно менять.

РОБЕРТ. И... что?!

БРЮС. Менять.

РОБЕРТ. «Менять». Хмм. Ну... видишь ли, ты не сможешь ничего изменить. Неужели не понимаешь? Даже я не смогу. Честное слово.

Руководство — даже не я, остальные члены совета — они усомнятся в твоей компетенции. Они задумаются, почему это, собственно, тебя так волнует. Они зададутся вопросом, нет ли у тебя личной заинтересованности, засмеют, а потом отымеют по самые помидоры. Сто процентов.

БРЮС. Личная заинтересованность?

РОБЕРТ. Они усомнятся в твоём психическом *здоровье*.

Молчание.

Тебя назовут Сумасшедшим.

И *меня* назовут, потому что я твой Руководитель и допустил, что мое отделение дошло до такого безобразия.

БРЮС. Ну если вы не хотите мной руководить... Если вы передумали... только скажите.

РОБЕРТ. Вовсе нет. Я руководитель учебной практики, я здесь, чтобы учить.

БРЮС. Э... это из-за субботы? Я после регби что-то не так сказал?

РОБЕРТ. Послушай. Я не Страшный Серый Волк, а ты не Красная Шапочка. Я не отменяю твое решение и, разумеется, не хочу выписывать Кристофера, если он еще не готов. Мне *не все равно*. И тебе не все равно, я это знаю. Но иногда можно *перестараться*. Можно *перебрать* со всем

этим сочувствием и состраданием. Ты пытаешься быть всем сразу. Врачом. Другом. *Разумным* человеком. Мы все хотим быть *разумными* людьми.

А? Брюс? Ну пожалуйста. Давай. Разве я тебе не друг?

Пауза.

Мы ведь друзья?

БРЮС *медленно кивает.*

Утро вечера мудренее.

А я еще раз с ним побеседую. Утром мы снова соберемся и вместе решим. А? Обещаю без тебя ничего не предпринимать.

БРЮС. Да. Хорошо. Как скажете.

РОБЕРТ. Не расстраивайся ты так. Подожди, скоро сам станешь Консультантом. И подумай, как чердак перестроить.

БРЮС. РОБЕРТ...

РОБЕРТ. БРЮС... БРЮС... БРЮС...

У тебя вся жизнь впереди.

Правда.

Мы с тобой хотим одного. Честно.

Мы верим в одно и то же.

Я На Твоей Стороне.

Свет гаснет.

АКТ ВТОРОЙ

Тот же вечер. РОБЕРТ и КРИСТОФЕР сидят за столом друг напротив друга. Настольная лампа — единственное освещение.

РОБЕРТ достает из пачки сигарету и закуривает. КРИСТОФЕР достает сигарету из-за уха, РОБЕРТ дает ему прикурить. Оба затягиваются.

РОБЕРТ. Слушай-слушай-слушай-слушай.

Пауза.

Слушай.

Пауза.

Такие мысли бывают у всех. Это нормально. Даже у меня. Да. У меня. Иногда приходишь с работы домой, с долгого ночного дежурства — обычного дежурства, ничего из ряда вон, ничего особенного, ну с коллегой поцапался из-за ерунды, приходишь домой, закрываешь за собой дверь и с ног валишься. Как будто вся жизнь из тебя вытекла. Думаешь... Зачем Это Мне? А? На что это мне сдалось? Столик в ресторане «Айви», если представляюсь профессором. Семинары в Норвегии. Прыщавые ординаторы водят на регби и в рот смотрят. Ну и что? Бывает, видишь профессора, он подъезжает к больнице на новеньком ягуаре, только что из «Ля Рошели» по пути в гольф-клуб, где членство — тысяча фунтов в год, потом выпить в Мейфэр-клуб, отобедать с директорами фармацевтических компаний, посещения в рыцари, интервью на радио, нха-ха-ха...

И я думаю... Почему все так?

Что они, такие уж «эксперты»?

Я хочу быть профессором!

Чего мне не хватает?

А ответ-то какой?

Да плевать! Это их жизнь. И все равно я чувствую, что я какой-то ущербный, и жизнь моя — никчемная. А что, нельзя, что ли, им завидовать? Почему я не могу так думать? Это не жадность, не алчность. Это очень по-человечески. Я веду себя как человек. Это ко всем относится. Каждый вправе сделать шаг.

Но самоубийство?!

Кристофер!

Зачем?

Молчание.

Такое со всеми бывало. В определенные моменты. Жизни. Всем, бывает, кажется, что они... неудачники. Это нормальное человеческое состояние. Способность испытывать разочарование. Это и отличает нас от животных. Разочарование. М-м. Так и есть. Способность горевать по утраченным возможностям. По жизни, которую мы могли бы прожить. По тем, кем могли бы стать. Нас душат эти мысли.

Иногда мы говорим: Зачем Жить Дальше? И хотим поставить точку. Послать все к черту. Все равно жизнь — говно. Это тоже по-человечески. Собак не огорчает бренность бытия. Собаки не ноют: «О, если б этот плотный сгусток мяса растаял, сгинул, изошел росой!» Конечно нет. Почему? Они же собаки! Это была бы полная ерунда! Собаки совсем другие. Они умеют себе яйца лизать. Они гении простоты. Мха-ха-ха. Понимаешь? Развивай в себе Гения Простоты.

Пауза.

КРИСТОФЕР. Учиться Себе Яйца Лизать?

Значит, вы мне это советуете, доктор, да?

РОБЕРТ. Мха-ха-ха. Мха-ха-ха, ну... Вдруг поможет...

КРИСТОФЕР. Ты же врач, мать твою за ногу.

РОБЕРТ. Знаю, я пошутил, но ты, ты же понимаешь. Жизнь — это дар. Пища, запахи, деревья, небо, многообразие бытия... Это чудесный дар, и если ты сейчас почему-то этого не видишь, то я Исцелю Твои Глаза. Чтобы ты Прозрел. Обещаю, клянусь, я тебя вылечу. Сделай несколько глубоких вдохов. Успокойся. Подумай сам. Ну какой из тебя самоубийца? Выдумал тоже.

Молчание.

КРИСТОФЕР. Я не хочу домой.

Пауза.

Я передумал. Я остаюсь.

РОБЕРТ. КРИСТОФЕР...

КРИСТОФЕР. Я... Я... У меня нет дома. Я не... я не готов.

РОБЕРТ. Что за жизнь у тебя там, дома?

КРИСТОФЕР. Я уже рассказал про мусоров.

РОБЕРТ. Так. Хорошо. Кроме... «мусоров». Что у тебя за жизнь?

Пауза.

Крис?

Пауза.

КРИСТОФЕР. Все на меня пялятся. Как будто знают... знают обо мне.

Чего я и сам о себе не знаю.

РОБЕРТ. Что, например?

КРИСТОФЕР. Че?

РОБЕРТ. Что они такого могут знать, чего ты сам не знаешь?

КРИСТОФЕР. Не знаю. Они меня ненавидят. Думают, я плохой.

РОБЕРТ. Кто — они?

КРИСТОФЕР. Че?

РОБЕРТ. Кто они, эти люди, которые... думают, что ты плохой?

КРИСТОФЕР. Я слышу всякое. По ночам. За окном. Иногда слышу... голоса. Они говорят обо мне.

РОБЕРТ. О тебе?

КРИСТОФЕР. Смеются иногда.

РОБЕРТ. И ты не имеешь ни малейшего понятия, кто это.

КРИСТОФЕР. Да. Иногда я слышу машины. Они шумят. Как будто... гудят, странно так. И пищат. Странно пищат. Громко очень.

РОБЕРТ. Это мусорщики.

КРИСТОФЕР. По выходным?

РОБЕРТ. Тогда строители. Понял? У нас строительный бум. Проценты по кредитам низкие, люди всюду покупают, продают, перестраивают — все хотят от жизни больше. Столько всего. Люди жадны до жизни.

КРИСТОФЕР. Только не в Уайт-Сити. Уайт-Ссити. От одного названия блевать тянет.

РОБЕРТ. У тебя же есть друзья. Соседи. Люди, которым не все равно.

КРИСТОФЕР. Нет у меня никаких друзей.

Я пытаюсь с кем-нибудь подружиться, но не получается. Пытаюсь поговорить — тоже не выходит. Иногда ляпнешь что-нибудь.

Вечно я что-нибудь ляпну. И девчонки у меня нет. Кому я такой нужен?

Пауза.

РОБЕРТ. Ну. Найдешь друзей, когда выпишешься.

КРИСТОФЕР. Я подружился с Брюсом.

РОБЕРТ. Один ты не будешь. Я об этом позабочусь.

КРИСТОФЕР. Да, но я хочу двойной стеклопакет. И не говори про строительный бум. Живу как в консервной банке, твою мать.

Пауза.

РОБЕРТ. Ну, Крис, понимаешь, я не смогу устроить, чтобы тебе поставили двойной стеклопакет. Это не моя работа. Если ты хочешь двойной стеклопакет...

Обратись в совет. В муниципалитете.

КРИСТОФЕР. Ты же сказал, что сможешь.

РОБЕРТ. Да, но...

КРИСТОФЕР. Так помоги...

РОБЕРТ. Это...

КРИСТОФЕР. Помоги мне...

РОБЕРТ. Это не мое дело! Нха-ха-ха. Понимаешь?

КРИСТОФЕР. Да, но я думал, если я перееду куда-нибудь, где...

РОБЕРТ. Ладно. Это возможно. Совет рассмотрит твою просьбу о переселении.

КРИСТОФЕР. Но я, типа, в Африку хочу.

РОБЕРТ. В Африку хочешь.

КРИСТОФЕР. В Африку.

РОБЕРТ. Туда, где твои корни.

КРИСТОФЕР. Какие «корни»?

РОБЕРТ. Тебе кажется, что там «твое место»?

КРИСТОФЕР. Ты че, чувак, говорю же. Там хорошо. И, и я же говорил, у меня оттуда папа.

РОБЕРТ. Иди Амин.

КРИСТОФЕР. Иди Амин Дада. Это полное имя. Иди Амин Дада.

РОБЕРТ. Ла-адно...

Пауза.

Расскажи мне о матери. Чем она занималась в Уганде?

КРИСТОФЕР. Официанткой была.

РОБЕРТ. «Официанткой». Правда? В баре?

КРИСТОФЕР. Нет, блин, в канцтоварах.

РОБЕРТ. Солдаты там пили?

КРИСТОФЕР. А?

РОБЕРТ. Солдаты любили там выпивать?

КРИСТОФЕР. Не знаю.

РОБЕРТ. Я это к чему... как... как твоя мама встрети-
лась с президентом Иди Амином?

Молчание.

КРИСТОФЕР *смотрит в пустоту.*

Кристофер?

КРИСТОФЕР. Тебе не понять.

РОБЕРТ. Почему это?

КРИСТОФЕР. Тебе не понять.

Молчание.

РОБЕРТ. Может, все-таки расскажешь?

КРИСТОФЕР. Она была студенткой. Он закрыл уни-
верситет по политическим мотивам.

РОБЕРТ. Это она тебе рассказала?

КРИСТОФЕР. Она об этом не говорит, понял — нет?
Это ж личное.

Пауза.

Расстраивается только.

РОБЕРТ. Что она изучала?

КРИСТОФЕР. Че?

РОБЕРТ. Какой предмет? Английскую литературу?

КРИСТОФЕР. Почему это?

РОБЕРТ. Я вот о чем: она читала тебе стихи, например?
Или пьесы?

КРИСТОФЕР. Нет.

РОБЕРТ. А в школе? В школе ты читал стихи?

КРИСТОФЕР. Нет.

РОБЕРТ. А. Ну ладно. Хорошо.

Пауза.

А книжки? Детские книжки? Комиксы? «Тин-Тин»?
«Астерикс»? Давала же она тебе книжки.

КРИСТОФЕР. Нет.

РОБЕРТ. Вы общаетесь? Кристофер? Ты знаешь, где
она живет?

Пауза.

Крис?

КРИСТОФЕР. В Фелтэме она живет.

РОБЕРТ. Ты знаешь ее адрес? Можешь его назвать?

Пауза.

Не хочешь говорить, где она живет?

Почему я должен тебе верить, если ты даже адрес матери скрываешь?

КРИСТОФЕР. Брюс тоже мне не верит, но я докажу.

РОБЕРТ. «Докажешь»?

КРИСТОФЕР. Еще как.

РОБЕРТ. Как?

КРИСТОФЕР. А зачем тебе?

РОБЕРТ. Ну... Потому что я спросил...

КРИСТОФЕР. А если я тебе не верю?

РОБЕРТ. Ну... тогда... очень жалко.

КРИСТОФЕР. Жалко? (*Короткая пауза.*) Так прямо и жалко?

РОБЕРТ. Ага.
КРИСТОФЕР. А-а.

КРИСТОФЕР *думает*.
Достает из кармана портмоне, откуда вытаскивает
тщательно сложенную газетную вырезку.

Разворачивает и протягивает РОБЕРТУ.
РОБЕРТ *нерешительно берет вырезку и читает.*
КРИСТОФЕР *читает через плечо.*

РОБЕРТ (*читает*). «Груз восточноафриканских апель-
синов из аэропорта... Прозвали Мясликом... любит играть
на аккордеоне», так это ясно... «... Сорок три ребенка от че-
тырех жен»...

КРИСТОФЕР. От пяти.

РОБЕРТ. А?

КРИСТОФЕР. От пяти жен. Была пятая жена. Се-
кретная.

РОБЕРТ. Пя... П... Где?

КРИСТОФЕР (*показывает пальцем*). Не та, у которой
ресторанчик. Другая. Гражданская жена. «Живет в ни-
щете».

РОБЕРТ (*читает*). ...«Живет в... в Фелтэме».

КРИСТОФЕР. «В нищете».

РОБЕРТ. «В нищете... в Фелтэме». Ни хрена себе. Дав-
но у тебя эта газета?

КРИСТОФЕР. Мать дала.

РОБЕРТ. Хрен знает что.

Они смотрят друг на друга.

Молчание.

Роберт берет за голову, напряженно думает.

КРИСТОФЕР (*показывает пальцем*). Смотри. Его фо-
тография.

РОБЕРТ (*кивает на вырезку*). Можно я возьму?

КРИСТОФЕР. Нельзя.

РОБЕРТ. Кристофер, пожалуйста... послушай...

КРИСТОФЕР *выхватывает вырезку, складывает ее и убирает, одновременно говорит.*

КРИСТОФЕР. Меня преследуют. Я боюсь за свою жизнь. Живу в страхе. Они Знают, Кто Я.

РОБЕРТ. Кто они?

КРИСТОФЕР. Люди. Где я живу. Голоса. И... полиция. Все не просто так.

РОБЕРТ. Они... слушай, это же простые люди. Рабочие. Полицейские.

КРИСТОФЕР. Другие тоже. Есть еще один. Бананами в меня кидается.

РОБЕРТ. Бананами?.

КРИСТОФЕР. На работе. Даже на работе, понял — нет?! Здоровый мужик, а голова маленькая такая, как груша. Ручки тоненькие, зато до земли висят. Настоящий отморозок. Кожа такая бледная. Стремный мудака. Он там главный. Ночью приходит. В дверь долбит. Говорит, из-под земли меня достанет. Пришьет меня, и никто ничего не заметит — я ему верю. Их там целая семья. Племя целое. Они мне не нравятся. Они другой расы совсем. Это ж зомби! Трупаки! Упыри ходячие!

Фанаты футбольные.

Пауза.

РОБЕРТ. Хулиганы?

КРИСТОФЕР. По субботам целые толпы идут на Лофтус-Роуд.

После игры. И перед игрой. С бананами.

И... и почтовые ящики обмазывают говном — настоящим, не собачьим даже. Ссут в почтовый ящик, двери поджигают. Позорники. «Маугли» меня прозвали.

Будь тут мой отец — им не жить.
Он бы их порвал.
Сто пудов.

Молчание.

Больше всего я от их вида стараюсь. Бошки мелкие такие. Бригоголовые уроды.

РОБЕРТ. То есть... скинхеды?

КРИСТОФЕР. Зомби!

РОБЕРТ. Почему ты думаешь, что они... «трупаки»?

КРИСТОФЕР. Они на вид *палумертвые* какие-то. Кожа белая такая, как манная каша, понял — нет?

РОБЕРТ. КРИСТОФЕР...

КРИСТОФЕР. «Козлы бритые», вот как я их называю.

РОБЕРТ. Козлы бритые. Понятно. Но... они же не настоящие... «зомби», правда, Крис? Ну что, «зомби» они или «скины»?

Пауза.

Есть же разница.

КРИСТОФЕР. Смешно тебе, да?

РОБЕРТ. Ничуть. От этого зависит, отправишься ты домой или нет.

КРИСТОФЕР. Чувак, они опасны. Точно. Стремные они. Может, меня завтра кокнут уже.

РОБЕРТ *трет глаза и вздыхает.*

Знаешь, какая продолжительность жизни среднестатистического черного мужчины? Шестьдесят четыре года. Всего-то. В каком возрасте нам полагается пенсия? В шестьдесят пять! Обдираловка, вот что! Понял — нет?

РОБЕРТ. Значит... в целом, ты не считаешь, что боллен. Да?

КРИСТОФЕР. Нет, болен. Меня тошнит уже, понимаешь, чувак? От всего тошнит. Тошно мне. Понял — нет?

РОБЕРТ. Ты ведешь дневник?

КРИСТОФЕР. Дневник? Нет. А ты?

РОБЕРТ. Заведи дневник.

КРИСТОФЕР. На фига? Я никуда не хожу.

РОБЕРТ. Нет, пиши о том, что происходит.

КРИСТОФЕР. Да никогда ничего не происходит. С утра до ночи — и ни хрена.

РОБЕРТ. О том, что творится у вас в районе. Почтовый ящик и все такое. Ладно?

Потом пойдешь в муниципалитет, покажешь там дневник. Они подыщут тебе новое жилье.

КРИСТОФЕР. Иногда бывает одиноко, но...

РОБЕРТ. Да, знаю, это нормально. Нормально. По-человечески. И вот что я тебе еще скажу...

КРИСТОФЕР. Иногда я боюсь людей.

РОБЕРТ. Конечно, боишься. Знаешь, что надо делать, когда это случается?

КРИСТОФЕР. Что?

РОБЕРТ. Смеяться.

КРИСТОФЕР. Смеяться?

РОБЕРТ. Когда тебя достают, смейся. Тебе наплевать. Они и отвяжутся.

КРИСТОФЕР. Смеяться, да?

РОБЕРТ. Это их с ума сведет. Правда, хорошая штука, попробуй.

КРИСТОФЕР. А, понял. Смеяться. Шас.

ХА-ХА-ХА-ХА-ХА. ХА-ХА-ХА-ХА-ХА. От улыбки станет мир светлей!

А ПОТОМ ТЕБЯ В ДУРКЕ ЗАПРУТ!

Мужик, ты че херню порешь? Понял — нет? Соберись, ё-моё!

РОБЕРТ. Ладно. Плачь. На голове стой. Будь собой. Только Не Принимай Близко К Сердцу.

КРИСТОФЕР. «Будь собой». Ты что, профессор по этому делу?

РОБЕРТ. Строго говоря, я доктор «по этому делу». Нха-ха-ха-ха. Нха-ха-ха. Видишь? Ты тоже так можешь.

Молчание.

Нет. Ты прав. Извини. Но понимаешь, Крис, мне кажется, ты не болен, и я хочу, чтобы ты нашел свое место в жизни, наконец.

КРИСТОФЕР. Я и говорю, доктор, мне не повезло с жильем.

РОБЕРТ. Ну и... тебя надо переселять, а не запирать.

КРИСТОФЕР. Мне там страшно.

РОБЕРТ. Знаю, знаю. И вот что, я открою тебе тайну. Знаешь? Мне тоже бывает страшно.

КРИСТОФЕР. Чего ты боишься?

РОБЕРТ. А?

КРИСТОФЕР. Чего ты боишься?

РОБЕРТ. Всего. Жизни. Научного мира.

Пауза.

Мне тоже одиноко. Всем нам...

КРИСТОФЕР. А тебе почему одиноко?

РОБЕРТ. Вдруг я не потяну.

Вдруг меня с моими исследованиями поднимут насмех.

Вдруг у меня не останется друзей.

Вдруг я не стану профессором.

Вдруг никто не захочет меня слушать.

Говорить со мной.

И, и, и даже если они со мной говорят, они говорят со мной или с Кем-то Там На Вершине Научной Иерархии? С каким-то Великим Мыслителем. С мистером Супером-Пупером Завотделением. С кем-то, но Не Со Мной. Понимаешь?

Пауза.

Всем страшно. Всем одиноко.

КРИСТОФЕР. По-моему, Брюс прав. Я не готов. Я не хочу уходить.

РОБЕРТ. Хорошо... ну... он тебе так прямо и сказал?

КРИСТОФЕР. Он спросил, уверен ли я.

РОБЕРТ. И ты сказал, что уверен, да?

КРИСТОФЕР. Я соврал. Понял — нет?

Пауза.

РОБЕРТ. Ты соврал.

КРИСТОФЕР. Соврал.

РОБЕРТ. Почему?

КРИСТОФЕР. Потому что хотел свалить.

РОБЕРТ. Ага! Вот она, правда! Ты «хотел свалить». Ведь хотел же.

КРИСТОФЕР. А теперь не хочу.

РОБЕРТ. Нет, хочешь.

КРИСТОФЕР. Не хочу.

РОБЕРТ. А по-моему, хочешь.

КРИСТОФЕР. Ни хрена я не хочу, чувак.

РОБЕРТ. Нет, хочешь, и я буду тебе это предлагать, неважно, даже если ты мозгами этого не понимаешь.

Пауза.

Пока ты головой не поймешь, чего хочешь... и только чувствуешь что-то на подсознательном уровне, а чувствуешь ты, что хочешь «свалить», ты никогда не поправишься. И никогда отсюда не выберешься.

КРИСТОФЕР. Я никогда?.

РОБЕРТ. Да. Никогда. Ты останешься в больнице — в этой ли или в какой-нибудь другой, и до конца своих дней будешь в больницах валяться.

До конца своих дней.

Пауза.

КРИСТОФЕР. Вот теперь мне страшно.

РОБЕРТ. Ну да. Конечно, страшно. Так и должно быть.

Ты психуешь, как и всякий нормальный человек.

КРИСТОФЕР. Я не говорил, что психую.

РОБЕРТ. А по-моему, психуешь.

КРИСТОФЕР. Ё-моё. Ну и что мне делать?

РОБЕРТ. Я уже сказал, что тебе делать.

КРИСТОФЕР. А?

РОБЕРТ. Я только что сказал, что тебе делать.

Кристофер смотрит в пустоту.

Крис?.. Дневник?.. Муниципалитет...

КРИСТОФЕР. Он сказал, что мне можно остаться.

Доктор Флаэрти сказал...

РОБЕРТ. Знаешь что? Ты только думаешь, что тебе страшно. Это просто мысль, и все. И по-моему, это не твоя мысль.

КРИСТОФЕР. Ты о чем это?

РОБЕРТ. Мне кажется, тебя напугали чьи-то чужие мысли.

КРИСТОФЕР. Тебе кажется... что я думаю чужие мысли?

Пауза.

Чьи?

РОБЕРТ. Я хочу сказать... смотри. Может, доктор Флаэрти «передал» тебе свой страх — и теперь это твой страх.

То есть ведь может же быть, что доктор Флаэрти...

Случайно вложил свои мысли тебе в голову.

КРИСТОФЕР. Вложил свои мысли. В мою голову?.

РОБЕРТ. Слушай, утром ты уже был готов уезжать. Места себе не находил. Минуты считал. Требовал кофе, собирал вещи, помнишь? Ну так ура, время уже пришло.

КРИСТОФЕР. М-м...

РОБЕРТ. Так что случилось? Что изменилось, друг мой? А?

Пауза.

Ничего. Ты уже вещи собрал.

Пауза.

Ничего не изменилось. Ты отправляешься домой. И хватит думать. Отправляйся.

КРИСТОФЕР. Ну ты понимаешь, мне показалось, показалось, что доктор Флаэрти...

РОБЕРТ. Что? Он что-то тебе сказал? Что он сказал?

КРИСТОФЕР. Нет, мне показалось что...

РОБЕРТ. Ты что, его мысли читаешь?

КРИСТОФЕР *смотрит на него во все глаза.*

Пауза.

Ладно, забудь, я глупость сморозил. Но но но... Я что хочу сказать, Откуда Тебе Знать? Он ведь тоже хочет, чтобы ты уехал. Хочет от тебя избавиться. Уж я-то знаю.

КРИСТОФЕР. Он хочет от меня избавиться?

РОБЕРТ. Да. Друг мой, ты всех нас давно достал, так что прошу на свободу! Мха-ха-ха. Иди. Свободен.

Пауза.

Мха-ха-ха. Понимаешь?

Пауза.

Я пытаюсь тебе помочь.

КРИСТОФЕР. Я читал его мысли?

РОБЕРТ. Я же сказал, забудь.

КРИСТОФЕР. Он хочет от меня избавиться?

РОБЕРТ. Я пошутил! Это шутка!

КРИСТОФЕР. Апельсины синие.

Молчание.

Помнишь, он спросил меня, какого цвета апельсины?

РОБЕРТ. М-м.

КРИСТОФЕР. А я сказал, синие. Так и было. Я видел.

Пауза.

Ярко-синие. Светились просто.

РОБЕРТ. У тебя был психотический эпизод. Пока все кажется тебе немножко странным. Ничего страшного.

КРИСТОФЕР. «Немножко странным»? Они синие были!

РОБЕРТ. Мы выпишем тебе от этого лекарство.

КРИСТОФЕР. У меня глюки.

РОБЕРТ. Нет-нет-нет, слушай. Нет их у тебя.

КРИСТОФЕР. Что?

РОБЕРТ. Нет у тебя никаких... галлюцинаций. Я думаю... ладно... я думаю, ты подсознательно так сильно хотел здесь остаться, что выдумал, будто у тебя галлюцинации, или сказал, что у тебя галлюцинации...

КРИСТОФЕР. По-твоему, я соврал? Да?!

РОБЕРТ. Н... По-моему, ты соврал. Да.

КРИСТОФЕР. Сам ты врешь!

РОБЕРТ. Потому что ты хотел остаться. Но ты понимаешь, если ты останешься, если мы переведем тебя в третье отделение, то неизвестно, когда ты отсюда выйдешь.

КРИСТОФЕР. Как это?

РОБЕРТ. Мы тебя сможем полгода здесь продержать. Практически сколько захотим.

Пауза.

КРИСТОФЕР. Наверно, никакой ты не врач.

РОБЕРТ. Ну... нхе... могу тебя заверить, Крис, я очень даже «какой» врач.

КРИСТОФЕР. Докажи.

РОБЕРТ. Я ничего не должен доказывать.

КРИСТОФЕР. Это же нечестно! У меня же работа! Понял — нет? На работу надо ходить! Фруктовая лавка. На рынке. Я апельсинами торгую.

Пауза.

РОБЕРТ. Ты торгуешь апельсинами? (Я и не знал...)

КРИСТОФЕР. Да. И что я скажу покупателям? Как же я могу ими торговать, понял — нет? Говорю же, не готов я.

Пауза.

РОБЕРТ. Ну. Хорошо. Насколько я помню, поправь, если что не так: доктор Флаэрти сказал, что апельсины не оранжевые.

Он сказал тебе: «это не оранжевый апельсин».

О чем это говорит?

О том, что ты выдал первую попавшуюся ассоциацию. Мог бы и красным его назвать.

Это ерунда.

КРИСТОФЕР. Все это неспроста.

РОБЕРТ. Что неспроста?

КРИСТОФЕР. Это знак. Мне никто не верит — вот вам, пожалуйста.

Он любит апельсины. Каждый день посылка из Найроби. Я это доказал. Стоило сюда войти, и первое, что я вижу, — апельсины! Они посинели. Знак!

Пауза.

РОБЕРТ. Так, слушай... нам сейчас не надо об этом волноваться.

КРИСТОФЕР. Да я и не волнуюсь. Я боюсь.

РОБЕРТ. Тебе нечего бояться.

КРИСТОФЕР. Много ты знаешь.

РОБЕРТ. О, я много знаю, да. Потому что. Две причины. Я их назову, а ты больше не дергайся, хорошо?

Первое: все это можно решить, когда ты вернешься домой. Нечестно тебя здесь задерживать, пока мы разбираемся с этими проблемами.

Угрозы для жизни нет.

Это не опасно.

Ты для себя не опасен.

Мы будем регулярно видеться, с тобой ничего не случится, поэтому забудь пока обо всем этом.

КРИСТОФЕР. Мы будем видеться?

РОБЕРТ. Если я лично тобой займусь, то да. Возможно.

КРИСТОФЕР. Чего мне с тобой видеться?

РОБЕРТ. Так будет лучше. Потому что... иначе плохо будет.

КРИСТОФЕР. Но я хочу ходить к доктору Флаэрти.

РОБЕРТ. Лучше ко мне.

КРИСТОФЕР. Угу.

Пауза.

А второе что? Ты сказал, что две причины.

РОБЕРТ. Второе...

Пауза.

Доктор Флаэрти...

БРЮС. ...у него слегка нетрадиционный подход. Видишь ли, ты должен понять, его предложение оставить тебя здесь довольно необычно. Как правило, мы этого не делаем. Мы хотим тебя выписать.

Вернуть тебя домой. Понимаешь?

КРИСТОФЕР. Да, но он же просто волнуется за меня.

РОБЕРТ. Знаю, и это потому, что, видишь ли, Брюс, Брюс, понимаешь, Брюс немножко, как тут у нас говорится, Немножко Нытик и Малость Слабак.

Пауза.

Он Слишком Нервный.

Пауза.

Хе-хе. Шучу, конечно. Но он... понимаешь, я — Заведующий Отделением. Я — Главный. Я Тут Шишка.

Пауза.

Главная Шишка На Этой Елке.

Пауза.

В общем, это дело тонкое. Случай у тебя редкий. Но это область моего научного исследования, я про это книгу пишу, между прочим.

КРИСТОФЕР. Ты книгу пишешь? Че, правда? Правда, пишешь?

РОБЕРТ. Ну... должен признаться, я краснею с головы до пят, но...

КРИСТОФЕР. А про чего?

РОБЕРТ. Ну... она про... О психиатрических диагнозах. У людей... таких, как ты.

КРИСТОФЕР. Да ну, прям про таких?!

РОБЕРТ. Видишь ли, существует когнитивная терапия, которой возможно заменить паллиативные препараты.

Мой тезис такой:

Некоторые твои очевидно бредовые идеи определяются культурными особенностями твоего мышления.

Некоторые из них определены культурным прошлым.
«Культурные особенности и культурное прошлое или шизофрения».

Понял? «Или шизофрения». Не «и». Такое вот название.

Пауза.

КРИСТОФЕР. Что доктор Флаэрти об этом думает?

РОБЕРТ. Ну... он... еще не читал.

КРИСТОФЕР. Я о том, что я к тебе ходить буду.

РОБЕРТ. Ну... Да... ну дело в том... понимаешь...

Пауза.

Доктор Флаэрти пока не в курсе.

КРИСТОФЕР. Почему?

РОБЕРТ. Потому что не он тут старший. Я тут старший. А он — нет.

Пауза.

Потому что некоторые вещи, которые ты делаешь и в которые ты веришь, в его культуре можно принять только за безумие.

Пауза.

На мой личный взгляд, это довольно ограниченный подход... некоторые называют это «культурными притеснениями».

КРИСТОФЕР. Безумие...

РОБЕРТ. Это значит, что он не учитывает твои культурные особенности, по крайней мере в наших с ним разговорах.

Пауза.

Это не страшно... обычное дело... небольшой просчет, только и всего. Предмет довольно сложный. В нем многие путаются.

КРИСТОФЕР. Что он сказал?

РОБЕРТ. Пойми меня правильно, вряд ли он хотел тебя обидеть ... я почти уверен, что нет. Просто у него некоторый пробел в знаниях, и я пытаюсь его восполнить.

КРИСТОФЕР. Что он сказал?

РОБЕРТ. Ну... ну... раз ты спросил... он боится, что... назначая тебе курс лечения, мы исходили из цвета твоей кожи. Я-то считаю, что мы это правильно, этот фактор нельзя недооценивать. Иначе в заведениях, подобных нашему, развивается так называемый «этноцентризм». Обычно вреда от него нет, но в некоторых случаях от него недалеко до... мнэ... он приводит к «культурным притеснениям», которые, а это, в свою очередь, влечет за собой «узаконенный расизм».

КРИСТОФЕР. Расизм?

РОБЕРТ. Да. Опасность в том, что в итоге тебя «наказывают» за цвет кожи. (*Короткая пауза.*) За твою этническую принадлежность и особенности культуры. (*Короткая пауза.*) Тебя насильно сюда привели и заперли, хотя оснований для этого не было. (*Короткая пауза.*) Потому что ты черный.

Молчание.

КРИСТОФЕР. Меня наказывают?

РОБЕРТ. Наверное, это слишком сильное слово, но-но-но...

КРИСТОФЕР. За то, что я черный?

РОБЕРТ. Понимаешь, система несовершенна. Представители этнических меньшинств обделены обществен-

ным вниманием, это известный факт. Я только выразился немножко неуклюже...

КРИСТОФЕР. Он так сказал? Я тут сижу в дурке, потому что черный?

КРИСТОФЕР *вскакивает с места.*

РОБЕРТ. Нет, он не это сказал. Дай я закончу.

КРИСТОФЕР. Где он?

РОБЕРТ. Так, успокойся.

КРИСТОФЕР. Какого хрена?

РОБЕРТ. Крис, Крис, Крис, Крис...

КРИСТОФЕР. Он правда так сказал? Это потому, что я черный?

КРИСТОФЕР *направляется к двери, РОБЕРТ бросается за ним, преграждает ему путь.*

РОБЕРТ *(борется с ним)*. Стой, слушай, стой, слушай, стой, слушай, стой, слушай, стой, слушай, стой, слушай...

Пауза.

Крис, друг мой, друг мой, сядь, пожалуйста, и послушай меня минутку.

Наше колониальное прошлое латентно, но почти не подавлено...

КРИСТОФЕР. Херня!

Мечется из угла в угол.

РОБЕРТ. Ты устраиваешь бурю в стакане.

КРИСТОФЕР. Кто меня наказывает?

РОБЕРТ. Крис, я тебя прошу, сядь. Сядь. Ну давай. Я тебя умоляю.

КРИСТОФЕР *садится. Он утих, смотрит в одну точку.*

КРИСТОФЕР. Кто меня наказывает?

РОБЕРТ. Ну, ну, ну Система. Иногда Система преднамеренно наказывает людей.

КРИСТОФЕР. Поэтому у меня глюки? Меня наказывают?

РОБЕРТ. Нет... Крис...

КРИСТОФЕР. Поэтому я слышу голоса? Они трахают... мне мозги... эти голоса... мне страшно...

РОБЕРТ. Он просто сказал, что...

КРИСТОФЕР. Значит, я думаю чужие мысли...

РОБЕРТ. Да нет...

КРИСТОФЕР. Тогда чьи мысли я думаю?

РОБЕРТ. Ничьи...

КРИСТОФЕР. Доктора Флаэрти?..

РОБЕРТ. Так, давай не будем уходить от темы...

КРИСТОФЕР. Чувак, он слишком много дури курит, понял — нет? Любит дунуть, сразу видно.

РОБЕРТ. Что... это ты... про доктора...

КРИСТОФЕР. Он говорит, мне надо вернуться домой и травки прикупить. Почему? Потому что я черный?

РОБЕРТ. Та-ак... но... я уверен...

Пауза.

Травки. Для него? Или... для?..

КРИСТОФЕР. Он это, он говорит, типа если я тут ради колес торчу, то это не то место. Говорит, травка там, где веселее.

РОБЕРТ. Понятно, ну... Ясно... Мнэ. *(Короткая пауза.)*
Когда это было?

КРИСТОФЕР. Раньше. Перед тем, как ты пришел.

РОБЕРТ. Прямо только что?.. или еще раньше?

КРИСТОФЕР. Ну да. Утром сегодня.
РОБЕРТ. А.

Пауза.

Что он еще сказал?

КРИСТОФЕР. Сказал, что это «вуду». Вот почему я здесь. Вуду. Помнишь, ага?

РОБЕРТ. Н... ну...

КРИСТОФЕР. И он мне соврал. Говорил, что выпустит, а на самом деле хотел оставить. Соврал мне. А ты правду говоришь.

Пауза.

И, и, и я стараюсь, когда он на меня смотрит.

Пауза.

Можно мне кофе?

Свет гаснет.

АКТ ТРЕТИЙ

Следующий день. Брюс и КРИСТОФЕР сидят друг напротив друга, между ними на столе ваза с апельсинами.

БРЮС держит в руках доклад, читает.

КРИСТОФЕР курит и смотрит в одну точку.

БРЮС. «Он приказал пациенту почистить апельсин»...
Я тебе ничего не приказывал.

Читает дальше.

«...Заявив, что под шкуркой он того же цвета. Будто мякоть того же цвета, что и шкурка».

Хорошо, Крис, я предположил, я подсказал, наверное, мне не стоило, но ты же понимаешь, мы ведь не в первый раз об этом говорили, да? У тебя и без меня... (*читая*) галлюцинации...

Читает.

Пауза.

Ты правда так думаешь? Что я... что я? «дерзкий, неортодоксальный, высокомерный»? И ... «Вероятно, наркоман»?!. Ведь это же... это просто... в жизни такой ерунды не слышал!

Читает.

«Выхватил у консультанта чашку кофе, которую тот протянул пациенту... Употребил оскорбительный эпитет “негритос”».

Молчание.

Я не, гм, господи, да не употреблял я... эпитета... н-н...

Смотрит в пустоту.

Не называл я тебя... гм, э-э... Я этого не говорил.

КРИСТОФЕР. Чего не говорил?

БРЮС. Кристофер, погаси, пожалуйста. Кристофер? Я про сигарету.

КРИСТОФЕР *тушит сигарету об стол.*

Я-я-я не называл тебя э-э, гм, э-э... (*Короткая пауза.*)
«негритосом».

КРИСТОФЕР. Ты сказал «хитрожопый негритос». Сказал. Хрен отопрешься.

БРЮС. Я же за тобой повторил! Господи! Это цитата!

КРИСТОФЕР. Все равно нечего было говорить.

БРЮС. Да ну, с каких, с каких пор только ты имеешь на это право?

КРИСТОФЕР. Это невежливо.

БРЮС. Я знаю и, э-э...

Извини, извини...

Мне нехорошо...

Он берет себя в руки.

Пауза.

Ты действительно считаешь, что я это серьезно? Что я хотел тебя «спровоцировать»? Что я «допускаю расистские высказывания»?

КРИСТОФЕР. Слушай. Я не знаю. Не знаю я ничего. Просто домой хочу.

БРЮС. Да что с тобой?

С ума сошел?

Не пойму, ты пьян, что ли?

В дверях появляется РОБЕРТ, слушает.

Входит и садится.

РОБЕРТ. Ты хотел меня видеть.

БРЮС. У нас встреча.

Пауза.

Мы договорились встретиться. Все втроем. Если только нет чего-нибудь, что могло бы этому помешать.

РОБЕРТ. Я член совета, доктор Флаэрти, разумеется, я в курсе всего.

Пауза.

Сегодня было совещание руководства.

БРЮС. Да, я знаю. Как удобно.

РОБЕРТ *пожимает плечами.*

Ну? Чем мы теперь займемся?

РОБЕРТ. Видишь ли, вообще-то нам с тобой необходимо поговорить наедине.

БРЮС. Хорошо. Э-э. Кристофер, давай ты вернешься сюда через...

Смотрит на часы.

КРИСТОФЕР. Я ведь уже собрался.

БРЮС. Ничего. Иди в палату, я за тобой пришло.

КРИСТОФЕР. Но я ведь уже...

БРЮС. Крис, пожалуйста.

КРИСТОФЕР. Но мы...

БРЮС. Пожалуйста.

КРИСТОФЕР. Но... я же сегодня выхожу. Мои двадцать восемь...

БРЮС. Так, слушай...

КРИСТОФЕР. Мои двадцать восемь...

БРЮС. Крис...

КРИСТОФЕР. Мои двадцать...

БРЮС. Я знаю, но...

КРИСТОФЕР. Мои...

БРЮС. Я понял!

Пауза.

Не сейчас. Позже. Я за тобой пришлю.

КРИСТОФЕР. Я уже собрался.

БРЮС. Знаю.

КРИСТОФЕР *встает и выходит.*

РОБЕРТ. Я прекрасно знаю, что ты думаешь, и должен тебя заверить, это не имеет ко мне никакого отношения. (*Короткая пауза.*) Понимаешь, что бы он ни наговорил остальным членам совета... (*Короткая пауза.*) Я понятия не имел, что он сделал, когда пришел утром на совещание. Я был в курсе, что он хотел подать жалобу руководству, — я пытался его отговорить. Больше я и не знал ничего.

БРЮС. Вы же «и есть Руководство».

РОБЕРТ. Хорошо. Я участник совещаний. Один из многих.

БРЮС. Вчера вы сказали, что вы «и есть Руководство».

РОБЕРТ. В некоторых случаях... иногда это я, да, это я... тот, кто... да все мы — руководство. Каждую неделю другой человек, в зависимости от... это скорее комитет, чем, мнэ, чем...

БРЮС. Короче — вы это читали?

Пауза.

РОБЕРТ. Конечно, читал.

БРЮС. Дайте угадаю. Читали, потому что вы это и написали.

РОБЕРТ. Разумеется, я этого не писал. Ты меня за мерзавца какого-то держишь.

Пауза.

БРЮС (*читает*). «Несмотря на некоторые трудности, возникшие в связи с тем, как пациент интерпретирует факты, руководство пришло к заключению, что если вышеупомянутый апельсин и в самом деле следовало рассматривать как синий в целях аналогии»... В целях?»

Многозначительно смотрит на РОБЕРТА.

«то очевидно, что по сравнению с обычными цитрусовыми, будь то оранжевыми или желтыми»...

Многозначительно смотрит на РОБЕРТА.

«...он являлся представителем меньшинства. Попросив почистить апельсин, являющийся “представителем цитрусового меньшинства... и заявив, что мякоть апельсина такого же необычного цвета, назначенный врач словно намекал на”»...

Что вы ему наговорили?

РОБЕРТ. Я ничего не говорил.

БРЮС *читает*.

БРЮС. «Совет пришел к заключению». Как?

Каждый написал на бумажке самую дикую глупость в своей жизни, а потом вы тянули их из шляпы?

Или в бутылочку сыграли?

До такого и дети бы не додумались.

Мартышки жестами и то лучше изъясняются!

Господи!

РОБЕРТ. «Мартышки», значит.

БРЮС. Да.

РОБЕРТ. Опять аналогия?

БРЮС *на него смотрит.*

Это можно неправильно понять, БРЮС. Надо выбирать слова.

БРЮС. Ну что ж. Вы согласны с руководством?

РОБЕРТ. Я полагаю, что в этом случае я должен остаться в стороне. К тому же их больше интересует твоя версия случившегося. Напиши объяснительную, и они, скорее всего, оставят тебя в покое.

БРЮС. «Объяснительную» написать. Я же ничего не сделал! Поверить... не могу... Это так далеко зашло? Вы... я могу с ними просто поговорить?

РОБЕРТ. Ну... не совсем. Есть соответствующая процедура.

Пауза.

БРЮС *читает.*

БРЮС. «Совет рекомендует передать надзор за реабилитацией выписанного пациента старшему консультанту».

РОБЕРТ. По-моему, это хорошая мысль.

БРЮС. Почему?

РОБЕРТ. Я старший консультант. Он меня уже знает.

БРЮС. Зачем вам это нужно?

РОБЕРТ. Ни за чем. Но в данном случае это вынужденная мера.

БРЮС. «Вынужденная мера». Путь Наименьшего Сопротивления.

РОБЕРТ. Разумеется.

БРЮС. Ладно. Так. Вы хотите сами заняться пациентом. И...

Пауза.

Тогда вы сможете продолжить Ваши Исследования?

Пауза.

И Тогда Вы Закончите Вашу Книгу. Что, хорошая книга? Наверняка, раз вы ради нее на все готовы...

РОБЕРТ. Флаэрти, вы зарываетесь.

БРЮС. «Поиски Святого Грааля».

Отличное название главы.

«Панацея от черного психоза».

Представьте. Ни вам нехватки коек. Ни больниц.

Сколько мы сэкономим на уходе.

Получите кафедру — и глазом не успеете моргнуть.

РОБЕРТ. Что-что?!

БРЮС. Повторить?

РОБЕРТ. С ума сошел?

БРЮС. Да вас весь Научный Мир будет на руках носить. Только представьте! Какая блестящая возможность выделиться из числа прочих. Стать самым яйцеголовым из всех яйцеголовых. Возвыситься над толпой отвратительных мелких карьеристов, которые ради доходного места готовы начальству задницу лизать. Примазаться к оксфордским выскочкам, которые только тем и занимаются, что фланируют в твиде и «бабочках» по коридорам власти и трахают друг друга. А что, просто честно *работать* уже не в моде?

Пауза.

РОБЕРТ. Вообще-то, это в Модсли.

БРЮС. Что?

РОБЕРТ. Я читаю лекции в институте психиатрии при клинике Модсли в Далвиче. Не в Оксфорде.

БРЮС. Ах, в Модсли, ну это совсем другое дело.

РОБЕРТ. Настоятельно рекомендую тебе посетить ее. Я думаю, тебе это просто необходимо. И речь тут не об учебе.

Пауза.

Тобой и так уже интересуются. Если руководство потребует медицинское заключение, я окажусь в очень неудобном положении.

Молчание.

БРЮС. Ладно. Хорошо. Так. Разве вы не слышали... знаете, доктор... вы слышали, как Кристофер называет себя, то ли с издевкой, то ли с иронией, цитата: «хитрожопым негритосом». Вы слышали, как он это говорил?

РОБЕРТ. Несомненно.

БРЮС. Тогда, вероятно, вы слышали, как я цитировал его, признаюсь, с оттенком иронии?

РОБЕРТ. Я на твоём месте избегал бы иронии. Ты не Бенни Хилл.

БРЮС. Это... это просто оттенок значения. Это... то, как я говорил... несколько фамильярно... потому что мы подружились... и...

РОБЕРТ. Не мое дело разбираться в ваших оттенках, доктор. Мне кажется, они достаточно «вызывающие и неправомерные».

БРЮС. Только на ваш взгляд.

РОБЕРТ. То есть?

БРЮС. Мало ли что вам кажется. Возможно, вы мало жизнь знаете.

РОБЕРТ. Снова ты за свое, опять ведешь себя вызывающе.

Пауза.

Извините, доктор. Как ни крути, это оскорбительно, в наши дни расовые эпитеты не катят.

БРЮС. «В наши дни». Ясно. А раньше?

Пауза.

РОБЕРТ. Ты меня понял.

Брюс хватается доклад и рвет его в клочья.

Ты позволишь... ?

Достает мобильный телефон и набирает номер.

Это доктор Роберт Смит. Будьте добры, немедленно пришлите Кристофера сюда... наверх... да... нет, я в комнате для консультаций вместе с доктором Флаэрти... нет, он мой... нет, он был, но... он... н... я понимаю, но... дело в том, что теперь он мой пациент.

Откладывает телефон.

БРЮС. Что вы ему наговорили?

РОБЕРТ. БРЮС...

БРЮС. Что вы наделали?

РОБЕРТ. Это его жалоба. Почему бы тебе не поговорить с ним?

БРЮС. Я как раз собирался. (Как только ты свалишь.)

РОБЕРТ. Боюсь, это невозможно. До тех пор, пока я не побеседую с пациентом.

БРЮС... Что?

РОБЕРТ. Такова процедура. Я не могу позволить тебе оставаться с ним наедине. Прежде всего это вопрос старшинства. Вот если бы ты проявлял уважение к старшему по должности, прислушивался бы к мнению Знающего Человека, мы бы не оказались в таком дерьме.

БРЮС. Значит, мне больше нельзя видаться с Крисом без вас?

РОБЕРТ. Все вопросы к руководству.

БРЮС. Я только что задал вопрос «руководству», и, по моему, «руководство» врет.

РОБЕРТ. Я предоставляю тебе возможность защититься. Такова процедура. Чего еще ты хочешь?

БРЮС. Господи, это же шито белыми нитками!

РОБЕРТ. Хватит ныть, Брюс. Не глуй против ветра.

Пауза.

Да, раз зашел разговор, должен заметить, что я веду дневник.

БРЮС. Дневник?

РОБЕРТ. Дневник своего исследования, но в нем есть кое-что и на твой счет.

Достает дневник из кармана пиджака.

А теперь, когда ты утихомирился, я прочту тебе кое-что, пока не пришел мой пациент.

БРЮС. Как кстати он оказался у вас с собой.

РОБЕРТ (*читает*). «Двадцать шестое октября. Упомянул в разговоре с доктором Флаэрти о программе исследований культурной специфики бредовых представлений, он рассмеялся. Не заинтересован в привлечении афро-карибских и африканских пациентов к исследованию».

БРЮС. Я не смеялся... я... глупость какая...

РОБЕРТ. Это подтверждает, что ты вставлял мне палки в колеса. А я ведь твой Руководитель. Ты не имел права отказывать мне в такой просьбе без серьезных оснований.

БРЮС. Я... послушайте... как врач я возражаю... у меня есть возражения этического плана...

РОБЕРТ. По поводу чего?

БРЮС. По поводу использования пациентов как, как подопытных кроликов в...

РОБЕРТ. «Подопытных кроликов»? Знаешь, Брюс... «Обезьяны», «кролики», «вуду»... У тебя в ходу целый ассортимент оскорбительных словечек.

БРЮС. Что?

РОБЕРТ. Неужели ты не понимаешь, как это могут интерпретировать, — руководство например? Ты должен признать, что это выглядит некрасиво.

БРЮС. Тогда не нужно показывать это руководству.

РОБЕРТ. Что?

БРЮС. Я говорю, не нужно... показывать... доктор Смит... пожалуйста... это... это... разве обязательно им это показывать?

РОБЕРТ. Предлагаешь нам замять это дело?

Молчание. БРЮС смотрит на РОБЕРТА. РОБЕРТ листает страницы.

«Двадцать четвертое октября. Флаэрти намекнул, что мои исследовательские фонды идут на... цитата: “бабочки” и клюшки для гольфа».

БРЮС. Мы тогда напились. После регби.

РОБЕРТ. Это ты напился.

БРЮС. Но вы, вы, вы согласились со мной. Это же шутка!

РОБЕРТ. Ты приглашаешь меня на регби, а потом оскорбляешь. Тащишь к себе домой, кормишь погаными гренками, спаиваешь дешевым портвейном, а потом разглагольствуешь о беззакониях в медицине, как студент-недоумок, и еще ждешь, что тебе дадут Нобелевскую премию мира за вклад в психиатрию. Почему же мои идеи так тебя пугают?

БРЮС. Потому что...

Пауза.

Потому что они — херня, доктор.

Тема банальна, все давно изучено. Старье. Говно в бантиках.

Тема не основана на опыте.

Не годится для диссертации.

Не годится для монографии.

Кулинарная книга и то наделала бы больше шума.

Вы тратите больничные ресурсы, чужие время и деньги, и сами это знаете.

РОБЕРТ. На что ты намекаешь?

Пауза.

Видишь ли, все твое пустословие...

БРЮС. Пустословие?

РОБЕРТ. Звучит для других оскорбительно, Брюс. Так-то ты и попал под служебное расследование.

КРИСТОФЕР *входит с большим рюкзаком и садится.*

КРИСТОФЕР. Ничего, что я тут?

РОБЕРТ. Привет еще раз, Кристофер. Извини, что мы тебя вот так отослали. Мы уже закончили наше совещание, сейчас доктор задаст тебе пару вопросов, и ты можешь идти.

КРИСТОФЕР. Я уйду домой?

РОБЕРТ. Ты уходишь домой.

КРИСТОФЕР. Ну дела! Я иду домой.

БРЮС. Крис, я тебя чем-нибудь расстроил?

РОБЕРТ. Ты не имеешь права задавать этот вопрос.

БРЮС. Почему? Потому что он может на него ответить?

РОБЕРТ. Так предписывает юридическая норма.

БРЮС. Неужели мне уже предъявлены обвинения?

РОБЕРТ. Да, начато служебное расследование. Если обвинения предъявят официально, тебя отстранят от работы.

БРЮС. Какие же обвинения?

РОБЕРТ. Халатность.

БРЮС. «Халатность».

РОБЕРТ. «Расовая нетерпимость».

БРЮС. Еще какие? Я заинтригован.

РОБЕРТ. Злоупотребление...

БРЮС. «Злоупотребление». Отлично. Я этого ждал. «Злоупотребление». Гм-м. Знаете, что я думаю? Люди злоупотребляют словом «злоупотребление».

РОБЕРТ. Кристофер, извини нас, пожалуйста.

РОБЕРТ *берет БРЮСА под локоть и отводит в дальний угол комнаты.*

Доктор Флаэрти, если Кристофер останется в третьем отделении неизвестно на сколько и ему поставят диагноз «параноидная шизофрения», это разрушит его жизнь.

БРЮС. Без этого диагноза он не получит необходимой помощи.

РОБЕРТ. Это халатность.

БРЮС. Ладно вам, доктор Смит, вы вынесли предвзятый диагноз. Вы наблюдали его в течение одной беседы. И теперь ваше слово против моего.

РОБЕРТ. В течение двух бесед.

БРЮС. И увидели нечто совершенно другое, чем я.

РОБЕРТ. Почитай МКБ-10. Раздел «Обследование и диагноз».

БРЮС. Слушайте... слушайте, он склонен к суициду.

РОБЕРТ. Он не склонен к суициду, у него всего лишь депрессия.

БРЮС. У него депрессия, потому что он шизофреник.

РОБЕРТ. У него депрессия, потому что он здесь. Сколько ему лет?

БРЮС. Двадцать четыре.

РОБЕРТ. Двадцать четыре. Кристофер — яркий, веселый, обаятельный молодой человек — каково ему взаперти с хрониками, умственно отсталыми — да еще и все старше его?

У всех многотомная история болезни.

Они калечат себя.

Сидят на наркотиках, подавлены, режут вены, смеются, плачут и кричат — и это когда нет кататонического возбуждения.

Представляешь, какой это для него ужас и кошмар? День за днем — и никакого выхода.

Представляешь, каково это молодому человеку?

Это как тюрьма.

Это жестоко.

Молчание.

Так вот.

Я тщательно обследовал пациента.

Я проконсультировался с социальным работником и медсестрой.

БРЮС. Когда?

РОБЕРТ. Сегодня утром на совещании.

Мы считаем, что пациент должен проходить курс лечения, живя в обществе.

Мы пришли к выводу, что общество — подходящее для него место.

Если будем держать его здесь, сделаем только хуже.

БРЮС. Значит... решено и подписано. Я оказался не у дел.

РОБЕРТ. Это еще мягко сказано, доктор.

БРЮС. Зачем тогда расследование?

РОБЕРТ. Ну, понимаешь, хочешь верь, хочешь нет, но мы сомневаемся в том, надо ли было вообще его освидетельствовать.

БРЮС. Но, но, его же полиция привезла!

РОБЕРТ. Может, они повели себя «этноцентрично».

Он был пьян.

В депрессии.

Больницы забиты такими, как Кристофер.

Тюрьмы забиты такими, как Кристофер.

Обыкновенными людьми, у кого жизнь вдруг пошла наперекосяк, и однажды они оказываются на рынке, где ведут себя «странно». А на следующий день их сажают под замок, и через неделю они на грани катастрофы. Не пора ли что-нибудь с этим сделать?

Пауза.

Посмотри на него! Это же ужас! А?

Пауза.

(Кристоферу.) Извини, Крис.

КРИСТОФЕР. Ниче-ниче, валяйте, это не мое дело, ага.

БРЮС *смотрит прямо перед собой. Молчание.*

БРЮС. Значит, вы не поддержите меня? Как руководитель? Как наставник? Как друг?

РОБЕРТ. Это было бы в высшей степени неуместно.

БРЮС. Раньше вы думали иначе. А теперь поддерживаете эту кляузу.

РОБЕРТ. Не кляузу, а расследование.

БРЮС. Господи. Вот жена-то удивится.

Пауза.

Может, вы сами хотите рассказать? В следующий раз, когда мы пригласим вас на обед. Когда будет горбатиться у плиты, чтобы накормить вас повкуснее.

РОБЕРТ. Чтобы приготовить гренки с сыром, горбатиться не надо.

БРЮС. В следующий раз, когда я куплю для вас билет на регби.

РОБЕРТ. Если ты предоставишь это мне, мы будем сидеть на вип-трибуне.

БРЮС. Да волосатых распиздяев носится по полю и откусывает друг другу уши!

Пауза.

РОБЕРТ. Брюс, я просто прошу тебя написать объяснительную. Дать руководству твою версию. И немедленно. У тебя есть адвокат?

БРЮС. Почему это мне нужен адвокат? Это вам нужен адвокат. Чтобы доказать. Ушам не верю!

РОБЕРТ. И что ты принимаешь это так близко к сердцу? Чего злишься?

БРЮС. Потому что это важно для меня. Я вам доверился. Думал, вы на моей стороне. Думал, мы с вами сможем что-то изменить. Домой вас пригласил. Жена для вас старалась. Кормила. А вас надо было придушить.

РОБЕРТ. Брюс, ты захотел, чтобы я стал твоим руководителем. Твоим наставником. Ты ждешь, что я порекомендую тебя на должность консультанта.

БРЮС. А зачем вы согласились — только чтобы я добыл вам материалы для книги? Чтобы ее закончить? Чтобы... чтобы... доктор См... да что же... не понимаю...

РОБЕРТ. Я согласился потому, что ты мне понравился. Мне казалось, у тебя есть задатки.

Грешным делом, подумал, что смогу тебя чему-нибудь научить. Что тут особенного?

Ты что, совсем в себя не веришь?

Молчание. Они смотрят друг на друга.

КРИСТОФЕР. У вас конфетки нет, случайно?

БРЮС (*Кристоферу*). Я тебя вчера расстроил? Когда попросил почистить апельсин?

БРЮС *бросает ему апельсин из вазы*, КРИСТОФЕР *его ловит*.

РОБЕРТ. По-моему, ты это зря.

БРЮС. Ты расстроился?

КРИСТОФЕР *смотрит на РОБЕРТА*.

Не смотри на него. Смотри на меня.

КРИСТОФЕР. Я пить хочу, понял — нет? Хочу колу.

БРЮС. Получишь, если ответишь на мой вопрос.

РОБЕРТ. Доктор Флаэрти.

БРЮС. Я вчера тебя расстроил?

КРИСТОФЕР. Нет.

БРЮС. Может, ты потом расстроился, когда про это думал?

КРИСТОФЕР. Нет. Было интересно.

РОБЕРТ. Зарываешься, Флаэрти.

БРЮС. «Нет»? Хорошо. Как по-твоему, зачем я попросил тебя почистить апельсин?

КРИСТОФЕР. Чтобы узнать, какого цвета он внутри.

БРЮС. И какого же он цвета? Скажи своими словами, без моей помощи.

КРИСТОФЕР. Моими словами, типа, синий.

БРЮС. Почисти еще один. Этот синий или нет?

РОБЕРТ. Я бы не советовал это делать.

БРЮС. Продолжай, Кристофер. Давай. Я даже разрешу тебе его съесть.

Пауза. КРИСТОФЕР чистит апельсин. Пауза. Начинает с опаской есть.

Какого цвета апельсин, Крис?

КРИСТОФЕР. Синий.

БРЮС. Хорошо. И что, по-твоему, это значит?

Пауза.

КРИСТОФЕР. Что-то насчет моего папы.

РОБЕРТ. Хорошо. Достаточно.

БРЮС. Насчет папы? Отлично.

РОБЕРТ. Я сказал...

БРЮС. Как по-твоему, а я что про это думаю?

РОБЕРТ. Хватит!

БРЮС. Что это для меня значит?

КРИСТОФЕР. Что-то... тоже насчет папы?

РОБЕРТ. Сейчас не время и...

БРЮС. Ну так как же?

РОБЕРТ... не место.

КРИСТОФЕР. А фиг его знает.

БРЮС. Вот и я так думаю.

КРИСТОФЕР. Может, это знак.

РОБЕРТ. Я настаиваю...

БРЮС. Или случайное совпадение?

КРИСТОФЕР. Нет, не совпадение.

БРЮС. Тогда что же это за знак?

КРИСТОФЕР *достаёт из кармана мятую газетную вырезку и разглаживает её, затем протягивает БРЮСУ. БРЮС медленно качает головой.*

КРИСТОФЕР. Иди Амин Дада. Видишь? «Да — да». Еще один знак.

БРЮС. Нет, Крис... извини... пожалуйста.

Он прикасается к руке КРИСТОФЕРА.

Убери это. Сосредоточься.

РОБЕРТ. Почему ты на него давишь?

БРЮС. Что?

РОБЕРТ. Почему он должен это убрать?

БРЮС. «Почему»?

РОБЕРТ. Да. Он не ребенок. С какой стати?

Пауза.

БРЮС. Потому что он вырезал это из газеты.

РОБЕРТ. «Потому что он вы... » Правда?

Пауза.

И, и, и с чего ты это взял?

РОБЕРТ *выхватывает статью у КРИСТОФЕРА и изучает ее.*

БРЮС. Просто предположил.

РОБЕРТ. А я полагаю, он этого не делал. Полагаю, что статью дала ему мать. А что, собственно, тебя так волнует, Брюс?

БРЮС. Меня волнует то, что сегодня утром он сказал, будто его отец — Мухаммед Али. Видел по телевизору за завтраком, как тому вручали Лучшего спортсмена века.

Молчание.

РОБЕРТ (*Кристоферу*). Это правда?

КРИСТОФЕР. Семьдесят четвертый год. Заир. Въезжаешь, чувак?

РОБЕРТ (*Брюсу*). Почему ты раньше не сказал?

БРЮС. Когда раньше?

РОБЕРТ. Раньше, чем... сейчас.

Пауза.

Ты рассказал о его матери из Фелтэма, о синих апельсинах и шевроле, а о громе среди ясного неба сообщить не удосужился! Ну ты даешь!

Молчание.

Ладно. Хорошо. Так, что у нас получается? Два человека, две исторические личности, одна вызывает панический страх, другая — всеобщее обожание. Оба обладают необычайным могуществом. Оба образцы для подражания. Оба имеют африканские корни.

КРИСТОФЕР. Оба исламские фундаменталисты.

БРЮС. Ага, блин. Кристофер, прошу тебя. Не отвлекайся.

РОБЕРТ. Предупреждаю, доктор...

БРЮС. А теперь, что значит для тебя этот апельсин?

РОБЕРТ. На совещании вам запретили дальнейшие контакты...

БРЮС. А что этот апельсин значит для доктора Смита?

РОБЕРТ. Послушай... Кристофер...

КРИСТОФЕР. Ну, это легко...

РОБЕРТ. Крис?... Брюс...

БРЮС (*Роберту*). Сделайте одолжение, выслушайте своего пациента. Крис?

КРИСТОФЕР. Он сказал, что это человек.

РОБЕРТ. Я никогда...

БРЮС. Человек. Какой человек?

РОБЕРТ. Ничего не говорил...

КРИСТОФЕР. Черный, типа.

РОБЕРТ. Нет. Ну, хватит.

БРЮС. А ты с этим согласен?

КРИСТОФЕР. Не знаю.

РОБЕРТ. Да не то я сказал... не это я имел в виду... а ты меня не понял... так вот, это...

КРИСТОФЕР. Ты говорил...

РОБЕРТ. Хватит! Дай мне договорить.

КРИСТОФЕР. Ты сказал, что это я.

РОБЕРТ. Ладно, ладно, ладно, ладно... Ладно... Значит, так... Я просто предположил... что это неудачный пример, и он может вызвать... у кого-то легко уязвимого... у пациента... нежелательную ассоциацию.

БРЮС. Но это не ассоциация.

РОБЕРТ. Хорошо... и тем не менее... это может быть «неправильно понято». Может «оскорбить»...

БРЮС. Никто никого не оскорблял...

РОБЕРТ. Ну... по логике вещей...

БРЮС. По чьей логике?

РОБЕРТ. Ладно, хорошо. Хрен с этой сраной семантикой. Просто произошел неприятный инцидент...

БРЮС. Не было никакого инцидента...

РОБЕРТ. Хорошо, просто, просто... его это расстроило. Он был расстроен, понимаешь, и поэтому, поэтому, поэтому я и поставил этот вопрос на совещании...

БРЮС. Так это все-таки вы поставили вопрос на совещании?

РОБЕРТ. Что?

БРЮС. Вы сказали, что это вы поставили вопрос. Только что сказали. Что поставили вопрос сегодня на утреннем совещании.

Молчание.

КРИСТОФЕР. Еще он сказал, чтобы я научился лизать себе яйца. Правда, сказал. Приколно, но факт.

Все смотрят друг на друга. РОБЕРТ трет глаза.

(Я че, на циркача похож?)

БРЮС. Значит... доктор... это вы подали на меня жалобу.

Вы пожаловались руководству.

РОБЕРТ. Пациент был очень расстроен. Он был не в состоянии...

БРЮС. Ты был расстроен, Кристофер?

КРИСТОФЕР. Что? Когда?

РОБЕРТ. Точно, был.

БРЮС (*Кристоферу*). А сейчас ты расстроен?

РОБЕРТ. Я тут с тобой свихнусь! Пытаюсь все уладить. Стараюсь помочь.

РОБЕРТ *достает пачку сигарет дрожащей рукой.*

(*Прикуривает.*) Поделиться своими... знаниями... и опытом... как старший... как старший... старший консультант... заведующий отделением...

КРИСТОФЕР *берет сигарету и зажигалку, прикуривает, руки у него тоже дрожат.*

БРЮС. Крис, если я расстроил тебя, прошу прощения. Искренне. Я не хотел тебя обидеть. Я больше ничего такого не сказал?

Пауза.

Крис?

КРИСТОФЕР. Ты мне в голову мысли вложил.

БРЮС. Какие мысли?

КРИСТОФЕР. Просто мысли.

РОБЕРТ. Я требую прекратить это немедленно.

БРЮС. Да замолчите вы. Крис?

РОБЕРТ. Кристофер. Больше ни слова.

БРЮС. Можешь вспомнить что-нибудь конкретное?

КРИСТОФЕР *смотрит на БРЮСА, затем вылевывает апельсин и смотрит на долги у себя на ладони.*

КРИСТОФЕР. У меня в голове мысли не мои. Он сказал, что я твои мысли думаю.

БРЮС. Доктор Смит сказал?

КРИСТОФЕР. Поэтому мне надо убраться отсюда поскорее.

РОБЕРТ. Да не это я говорил.

КРИСТОФЕР. Из-за тебя, чувак, сваливаю!

РОБЕРТ. Послушай...

КРИСТОФЕР. Потому что ты нехороший.

РОБЕРТ. Хорошо... Кристофер...

КРИСТОФЕР. И теперь я не знаю, не знаю, не знаю, что мне думать! Я больше не знаю, что думать!

Когда я думаю, это не мои мысли, и говорю я не своим голосом. Ты, скажи мне, кто я.

А кто не я. Я больше не знаю, кто я!

Я не знаю, кто я!

РОБЕРТ. Крис...

БРЮС. Крис...

РОБЕРТ. Это потому, что ты здесь. Это место...

БРЮС. Ты все еще не пришел в норму...

РОБЕРТ. Конечно, ты здесь не можешь нормально сообразать. Да невозможно тут...

БРЮС. Ты здесь в безопасности, да? Здесь тихо...

РОБЕРТ. Ага, вот только больные орут как резаные...

БРЮС. Крис, тебе это нужно. Постарайся побыть здесь еще...

РОБЕРТ. Можешь уйти прямо сейчас, если хочешь...

БРЮС. Крис...

РОБЕРТ. Но нужно захотеть.

КРИСТОФЕР. Я и хочу!

БРЮС. Ты уверен, что готов?

КРИСТОФЕР. Ни в чем я не уверен, чувак!

РОБЕРТ. Кристофер...

БРЮС. Крис...

РОБЕРТ. Послушай... по...

БРЮС. Крис...

РОБЕРТ. Крис...

КРИСТОФЕР. ВСЕ ВСЕ ВСЕ ВСЕ ЗАТКНИТЕСЬ
ВЫ ОБА НА ХРЕН РАДИ БОГА У МЕНЯ ОТ ВАС
ЩАС БАШНЮ СНЕСЕТ!

Молчание.

БРЮС. Хорошо, послушай... (*Роберту.*) Мы можем поговорить с глазу на глаз?

РОБЕРТ. Исключено.

БРЮС. По-моему, вы сейчас не в том положении, чтобы спорить.

РОБЕРТ. Ты делаешь себе только хуже.

БРЮС. Тем не менее я бы вас попросил.

РОБЕРТ. Хорошо! Хорошо! Сам себе могилу роешь.

Роберт выходит. Молчание.

КРИСТОФЕР. Какого хрена тебе надо, Брюс?

БРЮС. Ну, в общем, гм-м, в общем — ситуация очень тяжелая.

КРИСТОФЕР. Да, ну ты понимаешь, прав он, не бери в голову. Понял — нет?

Пауза.

БРЮС. Ну, знаешь. Гм. Знаю я. Да. Я стараюсь.

КРИСТОФЕР. Если кто-то делает тебе плохо, надо поржать. Ага?

БРЮС. Дда... Ладно. Ладно. Просто, Крис... понимаешь... у меня это плохо получается... не Брат В Голову.

Вот так. Я люблю... Докопаться До Сути.

КРИСТОФЕР. Да ладно.

БРЮС. Я не шучу. Здесь в клинике я многое принимаю близко к сердцу. Часто думаю, как работа влияет на всю

мою жизнь. То, что происходит с тобой здесь, затрагивает и личную жизнь. Все взаимосвязано. Понимаешь, вот ты подал жалобу руководству, а они заключили, что я действовал «непрофессионально». Имеют право — они старше, опытнее... В результате всего этого... Меня могут уволить в первый же месяц! Ты не виноват. Я стараюсь не принимать это близко к сердцу. Но ты должен понять — это может повлиять и на твою, и на мою жизнь самым разрушительным образом. Ну? Теперь понял?

КРИСТОФЕР. Не учи меня жить.

Он тарачится на БРЮСА.

Раньше у меня была жизнь. Работа была. За прилавком на рынке.

БРЮС. Я как раз об этом.

КРИСТОФЕР. Мне есть куда пойти. У меня есть мама.

БРЮС. Твоя мама сейчас тебе не поможет.

КРИСТОФЕР. Я ей нужен. Она одинокая. Я без нее скучаю.

Пауза.

БРЮС (*ласково*). Крис... но ведь ты не знаешь, где она, верно?

Пауза.

Понимаешь, в чем тут дело. Если они выпустят тебя сегодня, ты, по их теории, должен будешь вернуться в свою семью. В свое окружение. Но ведь у тебя нет семьи? Больше нет. Насколько нам известно. И еще, если тебе нужна будет помощь, меня может здесь уже не быть.

КРИСТОФЕР. Я пойду к доктору Смигу.

БРЮС. Да... я знаю. Но, гм... ты и так можешь к нему пойти.

КРИСТОФЕР. В каком смысле?

БРЮС. Для этого незачем на меня жаловаться. Не хочешь, чтобы я и дальше тебя вел, — не буду.

КРИСТОФЕР. Я не хочу.

БРЮС. Значит, не буду. Прекрасно.

КРИСТОФЕР. Потому что ты вкладываешь мысли мне в голову.

БРЮС. Ладно... Крис, я, правда, не хотел. Может, другие тебе тоже вкладывают мысли в голову, только их за это не гнобят. Ты, ты, ты понимаешь?

КРИСТОФЕР. Нет.

БРЮС. Послушай... я не знаю, что доктор Смит вчера тебе наговорил, понятия не имею, хотя могу себе представить... давай откровенно. Я думаю, доктор Смит «подговорил» тебя, научил, что сказать начальству.

Пауза.

Наверное, ты повторяешь его слова.

КРИСТОФЕР. Я повторяю его слова? Он что, свои слова мне в рот вложил?

БРЮС. Да. Не буквально. Фигурально выражаясь... только ты не волнуйся.

КРИСТОФЕР. Нет, это ты мне в рот слова вложил. Когда я сказал, что хочу остаться, я испугался, и это из-за тебя. Поэтому я сейчас здесь! Это ты виноват!

БРЮС. Нет. Слышишь? Сейчас... нет. Это... нет. Дайка я тебе кое-что прочту.

Достает брошюру из папки с делом КРИСТОФЕРА.

Вот, держи. Неважно, уйдешь ты или останешься. Вот что Международная Организация Здравоохранения говорит о шизофрении. Не хочу тебя пугать, просто объяснить хочу. Ясность внести.

Читает.

«Часто больному кажется, что самые сокровенные его мысли... становятся известны окружающим. У него могут развиваться галлюцинации, объясняющие это явление влиянием естественных или сверхъестественных сил на мысли и действия индивида».

Тебе это знакомо?

Долгая пауза.

Кристофер выхватывает брошюру, комкает ее, бросает на пол.

КРИСТОФЕР. Ты просто выкрутиться хочешь.

БРЮС. Выслушай меня. Ты сам не понимаешь, что говоришь.

КРИСТОФЕР. Почему? Потому что я «негритос хитро-жопый»?

БРЮС. Слушай, заткнись.

КРИСТОФЕР. Ага, отлично, здорово. Сейчас-то все и раскроется.

БРЮС ударяет кулаком по столу.

БРЮС. Это не игрушки! Моя карьера под угрозой!

КРИСТОФЕР. Ах, твоя «карьера»!

БРЮС. И твоя... твоя... тебе тоже есть что терять! Нам обоим есть что терять, неужели не понятно?

Кристофер цыкает зубом.

Крис... прошу тебя, ради бога. Помнишь, что ты делал на рынке с апельсином? У тебя из-за этого могут быть крупные неприятности, понимаешь? Если бы ты делал

это... в своем квартале, например, я не знаю, что бы произошло...

КРИСТОФЕР. Я тебе никогда не верил. Гм-м. Ты мне нравился, но я тебе никогда не верил.

БРЮС. Что?..

КРИСТОФЕР. Ты сказал, что дашь мне колу, так? При свидетеле сказал, что дашь мне колу, если я отвечу на твои вопросы. И где она?

Че, думаешь, тупой я?

Думаешь, я тупой?

Сказал, что выпустишь, а теперь фиг.

Че за дела, Брюс?

БРЮС. Я выпущу тебя, Кристофер. Правда.

КРИСТОФЕР. Когда?

БРЮС. Скоро.

КРИСТОФЕР. Ах, «скоро»!

БРЮС. Когда тебе правильный диагноз поставят. Потерпи немножко.

КРИСТОФЕР. Я тебе не верю. Говоришь, я ниггер. Говоришь, вуду занимаюсь.

БРЮС. Это шутка была!

КРИСТОФЕР. Ах, шутка! Думаешь, мне смешно?

У меня для тебя тоже есть шутка. Я тебя засужу, чувак. Потому что оставаться здесь не хочу.

Ты меня не запрешь, белый. Такого ниггера тебе не запереть, белый. Как подойдешь — я буду лаять и кусаться. Понял — нет?

БРЮС. Это ты говоришь или... или чужие слова повторяешь? Это болезнь, или...

Пауза.

Или ты просто такой.

Или ты просто... говнюк.

То есть... почему ты так говоришь?

КРИСТОФЕР. Потому что ты сломал мне жизнь!
Потому что ты — Зло.
А еще ты фашист.
БРЮС. Как ты смеешь!

БРЮС *встает*. КРИСТОФЕР *встает*.

Ты, идиот долбаный ... Что ты наделал?

КРИСТОФЕР *начинает смеяться*.

Ничего смешного! Прекрати ржать! Заткнись! Тупой засранец! Чего ты ржешь?

РОБЕРТ *стоит в дверях, никем не замеченный*.

Заткнись! Тебе говорят!

КРИСТОФЕР. Ну и рожа у тебя, чувак!

БРЮС. Тебе будет не смешно, когда домой вернешься. Когда снова крыша поедет и начнешь голоса слышать, заговариваться и дергаться, как лунатик, и срать под себя станешь от страха, потому что твои соседи-зомби будут жрать твои мозги, псих ты несчастный!

Идиот!

КРИСТОФЕР. «Возлюби ближнего своего», говорят. Вот как я могу возлюбить ближнего, если мой ближний — фашист?

БРЮС. Они черные! Все твои соседи. Черный квартал. Ты, ты, ты придурок. Тупой кретин. Совсем свихнулся? Вот она — благодарность за то, что я гнию в этой дыре, дерьмо разгребаю, хожу на цыпочках, задницы лижу, а ты сидишь тут и ржешь, и кудахчешь, и тявкаешь, как последний идиот. Да когда тебя сюда привезли, ты свое имя не помнил! И вот — благодарность. А теперь ты расстроен.

Теперь я тебя, видите ли, расстроил. Ну, хорошо. Очень хорошо. Теперь твоя очередь.

Он замечает стоящего в дверях РОБЕРТА и молча смотрит на него.

РОБЕРТ. Когда ты говоришь «ближний», ты это в риторическом смысле или про кого-то конкретно?

РОБЕРТ *входит в комнату, берет апельсин из вазы, садится и чистит его.*

Мне вдруг пришло в голову, что, когда Крис говорит о «ближних», он не имеет в виду своих соседей. Да, Крис? Ты ведь не только родственников «братьями» называешь. (*Жует.*) Ближние — это вообще все, правильно? Люди, которые шарахаются от тебя на улице. Женщины на эскалаторе, которые прижимают к себе сумочки, когда ты проходишь мимо. Люди, которые смотрят на тебя — и не видят, как будто ты пустое место. Футбольные фанаты. Скинхеды. Которые кидаются бананами. Твои знакомые с рынка. Нам ли с Брюсом не понять, как это тяжело — принадлежать к культурно подавляемому меньшинству и к тому же страдать от приступов паранойи?

Вот такая комбинация.

Пауза.

Спрашивается: почему наши психбольницы забиты такими людьми? Как ты думаешь?

Пауза.

БРЮС. Роберт-Роберт-Роберт-Роберт-Роберт-Роберт...

Пауза.

Доктор...

РОБЕРТ *достает из кармана рецептурные бланки и заполняет один.*

РОБЕРТ. Иди в регистратуру, вызывай такси.

Пауза.

Крис? И ты сможешь отправиться домой.

КРИСТОФЕР. Думаешь, мне можно?

РОБЕРТ. Не можно, а нужно!

КРИСТОФЕР. Разве я готов?

РОБЕРТ. Да. Готов. Не навсегда же здесь оставаться!

(*Брюсу.*) Так ведь?

БРЮС. Я... что?.

РОБЕРТ. Ты ведь хочешь поправиться?

КРИСТОФЕР. Да... хочу.

РОБЕРТ. Тогда ты должен делать то, что должен.

Смелее.

КРИСТОФЕР. А?

РОБЕРТ. Смелее.

КРИСТОФЕР. «Смелее»?

РОБЕРТ. Да. Ты же смелый. Ты очень смелый юноша и все правильно делаешь. Вот твой рецепт.

Протягивает КРИСТОФЕРУ рецепт.

КРИСТОФЕР. Слышал, че он тут говорил?

БРЮС. Извини. Как-то вырвалось.

КРИСТОФЕР. Какого хрена ты все это?.

БРЮС. Прости, пожалуйста.

КРИСТОФЕР. Господи! Да ты сам не знаешь, что у тебя в башке творится. Понял — нет?

БРЮС. С тобой все в порядке?

КРИСТОФЕР. Что? Нет. Ты меня достал, чувак. Так вот, я тут не останусь, если ты собираешься трахать мне мозги. Понял — нет? Нефиг языком трепать. Это невежливо.

БРЮС. Да.

КРИСТОФЕР. Нехорошо как-то.

БРЮС. Да.

КРИСТОФЕР. Вот тебе бы это понравилось?

БРЮС. Прости, пожалуйста.

КРИСТОФЕР. Не прошу. Тебе это понравилось?

РОБЕРТ. Если хочешь подать еще одну жалобу...

КРИСТОФЕР. Так я и подаю. Я ему жалуюсь, а он даже не слушает.

БРЮС. Я... я лучше сяду.

РОБЕРТ. Ты не хочешь подать жалобу руководству?

КРИСТОФЕР. Не-а. Я в порядке.

РОБЕРТ. Это несложно.

КРИСТОФЕР. Да все в норме.

БРЮС садится и смотрит прямо перед собой. Они смотрят на него. Он берет апельсиновую корку, рассматривает, затем откусывает кусочек.

РОБЕРТ. Я скажу медсестре, чтобы она записала тебя на прием.

КРИСТОФЕР. Спасибо.

РОБЕРТ. Не за что.

КРИСТОФЕР. Не, чувак, спасибо, правда.

РОБЕРТ. Не стоит.

КРИСТОФЕР. Спасибо.

РОБЕРТ протягивает ему руку, КРИСТОФЕР пожимает ее. БРЮС смотрит на них. КРИСТОФЕР подходит к БРЮСУ, взгляд его становится странным.

Молчание. КРИСТОФЕР берет апельсин.

Ты когда-нибудь пробовал в такую штуку хуем ткнуть?

БРЮС *нервно на него смотрит.*

Я как-то попробовал в грейпфрут. На Рождество. В общем, нормально, только щиплет немножко. Больно сок едкий. В палате один чувак с тараканами это делал. Чес-слово. Сажает он таракана на самый кончик. На головку. Его заводит, как он ножками перебирает. Как думаешь, а тут внутри есть таракашки?

БРЮС. Что?..

КРИСТОФЕР. Тараканы тут есть?

БРЮС. Крис... прошу тебя...

КРИСТОФЕР. Мне нужна девчонка, чувак. Понял — нет? Я больше ничего не хочу. Просто чтобы какая-нибудь милашка была рядом. Тетка.

Молчание.

РОБЕРТ. Хочешь апельсин?

КРИСТОФЕР. А?

РОБЕРТ. Забирай. Не стесняйся.

Пауза.

На память. Тебе пора домой.

КРИСТОФЕР. Че ты с ним сделал?

Че ты туда напихал?

Че уставился?

КРИСТОФЕР *не берет апельсин.*

Он смотрит на РОБЕРТА и БРЮСА с подозрением.

Идет к двери, но вдруг останавливается.

РОБЕРТ. Все в порядке. Иди давай. Иди послушай регги.

КРИСТОФЕР *смотрит на РОБЕРТА. РОБЕРТ в конце концов улыбается и указывает ему на дверь. Кристофер выходит. РОБЕРТ смотрит на БРЮСА, качает головой, долго цокает языком.*

БРЮС. «Регги», значит?

РОБЕРТ. Как это в Африке называют? «Джангл»? Ха-ха-ха. (*Фыркает.*)

БРЮС *берет апельсин.*

БРЮС. Ну что ж. Значит, все.

РОБЕРТ. Что значит — «значит, все»?

БРЮС. Я все профукал, да?

РОБЕРТ. А, теперь понимаю. Ну в общем... да.

БРЮС. Я никогда не стану консультантом.

РОБЕРТ. А ты все еще хочешь?

БРЮС. Ну... конечно... но...

РОБЕРТ. А...

Долгое молчание.

БРЮС. Если только...

РОБЕРТ. Что?

БРЮС. Ну... ведь не обязательно давать делу ход... сейчас... да?

РОБЕРТ. Признаться, мне ни к чему портить репутацию своего отделения.

БРЮС. Да уж...

Пауза.

Ну да... И профессора тоже хорошо бы получить...

РОБЕРТ. Профессора? При чем тут это?

БРЮС. Да нет... ни при чем.

Брюс берет смятый, порванный отчет, тщательно его разглаживает.

Ну и что теперь?

Пауза.

Что дальше? До этой истории у нас ведь были нормальные отношения.

РОБЕРТ. Все гораздо серьезнее.

БРЮС. Но... вообще-то... вы прекрасный руководитель.

И блестящий педагог.

Пауза.

Да мне просто... повезло. Я вам очень благодарен.

Пауза.

За ваши замечания.

Пауза.

Я ведь мог совершить ужасную ошибку.

Пауза.

Могу я... пригласить вас в бар... чтобы выразить... свою благодарность.

Обсудить работу.

Давайте, я прочитаю вашу книгу.

Пауза.

РОБЕРТ. Нет. Наверное, не стоит.

БРЮС. Но... почему?

РОБЕРТ. Понимаешь, в чем дело...

Он забирает у БРЮСА отчет и разглаживает его.

Ты мне не нравишься, Брюс.

Ты слишком много говоришь.

Путаешься под ногами.

Молчание.

Понимаешь, ко мне приходят больные.

Всех цветов и вероисповеданий.

Они страдают.

Они уходят и больше не страдают.

И это благодаря мне.

Все благодаря мне.

Что тебя не устраивает?

БРЮС. Богом себя возомнили, что ли?

РОБЕРТ. Может, Архиепископом Кентерберийским?
Ха-ха-ха.

В этой больнице ты работать не будешь. Мы допустили ошибку. Выживает сильнейший, хотя теперь все равно. До свидания.

Он протягивает БРЮСУ апельсин.

На, съешь по дороге.

БРЮС *смотрит на апельсин, тяжело опускается на стул, чистит апельсин. Смотрит на РОБЕРТА. Тот идет к двери.*

БРЮС. Я хочу подать жалобу.

РОБЕРТ *останавливается.*

Я хочу подать жалобу руководству.

РОБЕРТ. Что?

БРЮС. Прямо сейчас.

Как ее оформить?

БРЮС *кусает апельсин. Они смотрят друг на друга.*

Свет гаснет.

Посвящается моей матери

Кевин Элиот

ИСКУССТВЕННОЕ ДЫХАНИЕ

Перевод Дениса Вдовенко и Елены Хрулевой
Copyright © 2001 Kevin Elyot

Искусство жить состоит в том, чтобы
уметь использовать тех, кто заставляет
нас страдать.

Пруст

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ФРЭНК, 46.

ЛОРА, 45.

ГОМПЕРЦ, 35.

ДЕННИС, 43.

ФИЛЛИП, 15.

КОРНЕЛИЯ, 28.

РОДЖЕР, 34.

*Действие происходит в доме и в ресторане.
Звучит танго. Включается свет.*

КУХНЯ

ФРЭНК и ЛОРА сидят около открытых французских окон, выходящих в сад. Одна из дверей кухни ведет в кладовку; кладовка также видна зрителю. Сцену наполняет солнечный свет. У ФРЭНКА на левом глазу огромная повязка. ЛОРА в темных очках. Она курит. Танго утихает, сливаясь со звуками летнего сада: ритмичным стуком поливальной машины, отдаленным треском газонокосилки, голосами играющих детей и пением птиц. Из другой комнаты слышится неуверенное исполнение на фортепиано Арии из «Вариаций Гольдберга» Баха.

ФРЭНК. ...вот, значит... значит завтра мне ее снимут.

Короткая пауза.

Они говорят, должно сработать, но, может быть, мне придется поставить еще одну, зависит от того, продолжу ли я принимать таблетки. Посмотрим. Здесь так хорошо.

Он поднимает лицо к солнцу.

Почти забываешь, что ты в спальном районе.

На секунду он отвлекается на что-то в саду. ЛОРА смотрит на него. Он снова поворачивается к ней.

Странно, должен тебе сказать, самому заходить в операционную. То есть обычно же сам не заходишь, да? Обычно тебя туда вкатывают, а ты совсем никакой, а я просто вошел — совершенно *compos mentis*. Правда, когда все началось, я потерял нить происходящего. Она спросила, как я себя чувствую, но я так старался не паниковать, что,

по-моему, даже не ответил, а она только один раз мне сказала, что она делает, когда вставила мне его и зашила. И все. Потрясающе, правда? После завтрака ты там — а к обеду уже дома. (*Смотрит в сад.*) Кто-то точно...

Короткая пауза.

Я только одного не могу понять, она вытаскивала глаз из глазницы или нет. Сама мысль о том, что я лежу, а он у меня на щеке болтается... Ты знаешь, наверное, все это без толку. Мне говорили, что все будет нормально, но по тому, как они себя ведут, понятно, что что-то не так.

ЛОРА *сжимает его руку.*

Вот как все повернулось. Смешно, правда? А мы думали, все будет легко и просто.

Короткая пауза.

Лора...

Она смотрит на него. Короткая пауза. Он целует ей руку. Оба смотрят в сад.

Господи, только бы все получилось, а если не получится...

Короткая пауза.

Я вчера ужинал со своим врачом. Хорошо, что мы с ним вроде как стали друзьями. Он думает, я сумасшедший. Говорит, это только временное ухудшение. Если бы я наверняка знал, что поможет, то согласился бы все терпеть: ночные кошмары, то, как я стал выглядеть, — но с меня хватит. Доктор Гомперц считает, что это равносильно

самоубийству, а мне кажется, я тогда смогу контролировать ситуацию.

ЛОРА прикуривает новую сигарету от той, которую почти докурила.

Ты, наверное, будешь скучать по этому месту. Ну, в общем...

Короткая пауза.

Он такой болтливый. Столько времени прошло с тех пор, как он потерял бойфренда, а он все время о нем вспоминает. Доводит себя до такого состояния, особенно если выпьет, мне так и не удалось поговорить с ним о...

Пауза.

В общем, была одна вещь... мне было очень важно поговорить с ним, поэтому, собственно, я и договорился встретиться, и... у меня... так ничего и не вышло.

Он снова отвлекается на что-то в саду.

Смотри, вон там, внизу... Наверное, просто тень. Мне вдруг показалось, что это...

Кухонный стол вдруг сдвигается примерно на фут. ФРЭНК вскакивает и оторопело смотрит на стол. ЛОРА напрягается.

Господи Боже!

Пауза.

Я, пожалуй, пойду...

ЛОРА смотрит на него.

... через пару минут.

Он снова садится за стол.

Лора, мне надо...

*Раздается рев приближающегося мотоцикла. Оба засты-
вают. Фортениано перестает играть. Мотоцикл все ближе.
ЛОРА начинает снимать очки. Свет резко гаснет, мотоцикл
приближается. Звук обрывается; свет резко включается:*

РЕСТОРАН

ФРЭНК и ГОМПЕРЦ за столиком. Перед ними напитки и меню. У ФРЭНКА на левом глазу повязка. ГОМПЕРЦ закрывает лицо салфеткой. Он непроизвольно всхлипывает. ФРЭНК очень смущен.

ГОМПЕРЦ. Извини...

ФРЭНК. Да нет, что ты...

ГОМПЕРЦ. Извини...

ФРЭНК. Да нет...

ГОМПЕРЦ вытирает глаза и лицо салфеткой, делает глоток.

ГОМПЕРЦ. Видишь ли, людям некогда думать о прошлом, они даже не хотят вспоминать, а я помню. Все еще не могу поверить. Одно мгновение — и все перевернулось. На хрена тогда вообще!. Извини, ты говорил...

Он закуривает.

ФРЭНК. Про кошмары. Например, вчера мне приснилось, что Алана Рикмана зажарили в благотворительных целях.

ГОМПЕРЦ. Он был здесь на той неделе.

ФРЭНК. А еще раньше мне приснилось, что я повора-
чиваюсь в кровати, а там Дэнис Нильсон, рядом со мной.
Это сон, конечно, но все-таки...

ГОМПЕРЦ. Дело в том, что я просто не доверяю лю-
дям. Не верю ни единому слову. Когда я вспоминаю пани-
хиду, все эти речи, стихи, соболезнования, обещания пи-
сать — полнейшая херня. Я, я, я — только о себе и думают.
(*Смотрит в меню.*) О-о-о, мусс из каракатиц. Знаешь,
столько было этих странных панихид за последние годы...

ФРЭНК. Волнистых попугайчиков ими кормят?

ГОМПЕРЦ. Смешно. Родился — никто тебя не знает,
умер — все забыли, а в промежутке — одно говно.
Жизнь — редкостная сука, точно тебе говорю. Барьш-
ников.

ФРЭНК. Что?

ГОМПЕРЦ *кивает в соответствующем направлении.*

А, да.

ГОМПЕРЦ. Вечное одиночество — такова наша доля,
и хоть ты тресни, ничего не поделаешь. С кем-то сходишь-
ся, убеждаешь себя, что нашел то, что надо, плодишь та-
ких же одиноких существ, и ничего не меняется.

ФРЭНК. Шикарное место. Спасибо тебе.

ГОМПЕРЦ. Посмотри на нас: мясо с кровью, упаков-
ванное в Армани. А что от нас остается в конце? Вонючая,
разлагающаяся масса. (*Подмигивая и улыбаясь кому-то.*)
Привет.

ФРЭНК. Слушай, а что тебя привлекло в медицине?

ГОМПЕРЦ. Гламур. Как глаз?

ФРЭНК. Ничего.

Пытается отпить из бокала, но проносит мимо рта.

ГОМПЕРЦ. Киппер суфле с корнишонами и сальсой
из вяленых томатов.

ФРЭНК (*вытирая пролитый напиток салфеткой*). Питер, а она на самом деле вынимала мой глаз из глазницы? То есть он просто болтался у меня на щеке?

ГОМПЕРЦ. И еще это чувство, что именно ты контролируешь ситуацию.

ФРЭНК. Контролируешь, да. Я как раз хотел с тобой поговорить об этом.

ГОМПЕРЦ (*указывая кивком*). Пинтер.

ФРЭНК (*оглядываясь*). А, ага.

ГОМПЕРЦ. И ты посмотри, кто с ним! Интересно. Продолжай.

ФРЭНК. Что?

ГОМПЕРЦ. Сны.

ФРЭНК. Ах да. Сны. Вообще-то, с этим я бы справился, но все остальное: понос, тошнота, головные боли, бесконечные таблетки и уколы, и особенно то, что мое тело меняется прямо на глазах. Когда-то я был в приличной форме, а теперь похож на военнопленного из фильма «Мост через реку Квай»: ноги, как спички, шея, как у индюшки, и задница висит, как старая занавеска. Это угнетает. Видеть себя в зеркале не могу. (*Указывая на повязку.*) И это при том, что я сейчас на таблетках...

ГОМПЕРЦ. Это временное ухудшение. Я же говорил, просто временное.

ФРЭНК. И дело не только в лекарствах. Мне надо уехать. Мне надо сменить обстановку.

ГОМПЕРЦ. Сардины сальтимбокка с пюре из карликовых кукурузных початков...

ФРЭНК. И мне очень хочется больше писать. Знаешь, иногда я думаю, что это важнее, чем здоровье. Дико звучит, да?

ГОМПЕРЦ. Видишь вон того официанта?

ФРЭНК. Что?

ГОМПЕРЦ. Дает в сортире кокс снюхивать со своего...

ФРЭНК. Господи.

ГОМПЕРЦ. И берет недорого, шлюшка грязная.

ФРЭНК. В общем, я к чему все это говорю...

ГОМПЕРЦ *внезапно всхлипывает.*

Господи.

ГОМПЕРЦ. Извини.

ФРЭНК. Да нет...

ГОМПЕРЦ. Просто... официант, похож на него.

ФРЭНК. А-а.

ГОМПЕРЦ. Вот так всегда, твою мать! Он даже умер не от того, от чего должен был! (*Доставая что-то из кармана.*) Попал под 134-й автобус...

ФРЭНК. Я знаю...

ГОМПЕРЦ... а какая поэтическая натура!

Это коробочка с кокаином. Он украдкой вдыхает.

ФРЭНК. Да...

ГОМПЕРЦ. Извини, так что ты говорил?

ФРЭНК. Я что-то запутался.

ГОМПЕРЦ. Про писательство.

ФРЭНК. Ах да. Просто ступор какой-то уже бог знает сколько времени, ты же знаешь.

ГОМПЕРЦ. Какая нелепая смерть!

ФРЭНК. Дело в том, что у меня наконец возникла одна идея, которая, кстати, некоторым образом связана с тем, о чем я хотел с тобой поговорить.

ГОМПЕРЦ *передает коробочку ФРЭНКУ.*

Спасибо.

Он неуклюже пытается нюхнуть.

ГОМПЕРЦ. Пудинг с кровью в кляре под сладким соусом? Шеф-повар, видимо, опять ширнулся. Наверно, я все же остановлюсь на ягненке, хрен с ним.

Он снова делает глоток.

Вся эта возня и нервотрепка, деньги, куда поехать — в Полинезию или Новую Англию, в какой цвет покрасить домик, а потом вдруг все. А мы ведь так хорошо ладили. Никакого секса, конечно — этим мы занимались на стороне. И еще, наверно, пюре. Вечно я ем это хреново пюре! Пожалуй, это наилучший вариант...

ФРЭНК. Пюре — это да...

ГОМПЕРЦ. ...не заниматься сексом со своим партнером. Это настолько все упрощает. Конечно, поначалу секс был, но когда начинаешь засыпать в самом разгаре, пора завязывать.

ФРЭНК (*возвращая коробочку*). Да, пожалуй. Питер, я хотел...

ГОМПЕРЦ. Твою мать, ну как можно не заметить автобус? Ну да, он был без очков — эстетка несчастная — но ярко-красный двухэтажный автобус!

Открывает коробочку, нюхает.

Не настолько плохо он видел. Боже, как мне его не хватает! Знаешь, временами — обычно когда я трезвый — мне кажется, что он где-то рядом. Я чувствую его запах или его руку на своем плече... Ты же никогда ни с кем не жил?

ФРЭНК. В смысле романтических отношений — нет. Но знаешь, это тоже определенным образом связано с тем, о чем я хотел поговорить.

ГОМПЕРЦ. Думаешь, нам стоит перепихнуться?

ФРЭНК. Нет.

ГОМПЕРЦ. Да, пожалуй, не стоит. Так что ты говорил...

Он снова закуривает.

ФРЭНК. Понимаешь, я спас жизнь...

Он вдруг корчится и хватается за живот.

ГОМПЕРЦ. Все нормально?

После короткой паузы:

ФРЭНК. Угу.

ГОМПЕРЦ. Конечно, остаются варианты, которые ты не пробовал.

ФРЭНК. Наверняка, но я тебе хотел сказать...

ГОМПЕРЦ (*кивая на проходящего мимо посетителя*).

Прада с бейсболкой? Я вас умоляю!

ФРЭНК. ...так вот, я еще хотел сказать, что с меня хватит, и я решил — все взвесил — и решил...

ГОМПЕРЦ. Что?

ФРЭНК. ...прекратить лечение.

ГОМПЕРЦ *вдруг замирает. Впервые за все время его внимание полностью обращено на ФРЭНКА.*

Ты должен понимать, как это изматывает. Пробиешь что-то, помогает, потом не помогает, и вот у тебя уже анализы ни к черту. Пробиешь что-то другое — может помочь, может не помочь, и так постоянно. И ты гадаешь перед каждой проверкой, в порядке анализа или нет, и если нет — что тогда? Я хочу избавиться от всего этого, хотя бы на время, и чтобы организм отдохнул от дряни, которую я в него закачиваю.

ГОМПЕРЦ *передает ему коробочку.*

Спасибо.

Он украдкой делает вдох, ГОМПЕРЦ наблюдает.

Ну... что скажешь?

ГОМПЕРЦ. А что ты хочешь от меня услышать?

ФРЭНК. У тебя должно быть какое-то мнение.

ГОМПЕРЦ. Почему?

ФРЭНК. Ты же врач.

ГОМПЕРЦ. Это твой выбор.

ФРЭНК. Питер...

ГОМПЕРЦ. Если ты этого хочешь... Должен сказать, я удивлен. Эти несколько лет мы тебя обследовали самым тщательным образом, прописывали все новое и лучшее. Я уж из вежливости не буду упоминать, во сколько это обошлось, но главное, что ты все еще с нами. И ты мне еще говоришь, что хочешь все бросить. Что ж, это твой выбор.

ФРЭНК. Послушай...

ГОМПЕРЦ. Это странно, потому что ты всегда шел на встречу. Я понимаю, молодые ребята, но в твоем возрасте. Вспомни, на что ты был похож. Можно и потерпеть...

ФРЭНК. Потерпеть!

ГОМПЕРЦ... в любом случае лучше, чем сдохнуть на хрен, но уж если тебе так приспичило помереть, ради бога. Как я уже сказал, это твой выбор.

ФРЭНК. Я всегда могу снова начать, если станет хуже.

ГОМПЕРЦ. Так не получится, и ты это знаешь. А теперь я тебе вот что скажу: лечил я одного парня, примерно твоего возраста, и в один прекрасный день он заявил мне то же, что и ты сейчас, и я, как ни пытался, не смог его образумить...

ФРЭНК. Питер, я еще кое-что хотел...

ГОМПЕРЦ. ...и он так и сделал, бросил лечение, даже написал статью в одну из этих безмозглых радикальных газетеночек про то, как врачи травят пациентов...

ФРЭНК. Я хотел еще...

ГОМПЕРЦ. ...и через несколько месяцев его снова уекли в клинику, с диагнозом «слабоумие», и он сразу же...

ФРЭНК. Питер, дашь ты мне сказать наконец!

Короткая пауза.

Извини. Дело в том, что тут еще одно обстоятельство. Меня это просто сводит с ума, и я ни с кем не могу поделиться.

Короткая пауза.

Около года назад, где-то в это же время, случилась ужасная вещь, и я до сих пор не уверен, виноват я в чем-то или нет. Вряд ли я вообще когда-нибудь узнаю, но я чувствую себя таким виноватым — сил нет это выносить, и это одна из причин, почему я... ну, в общем, почему мне нужно сделать перерыв.

ГОМПЕРЦ. У всех есть свои секреты.

ФРЭНК. Видишь ли, у меня есть подруга, Лора, и у нее...

ГОМПЕРЦ. Ну?

ФРЭНК. У нее была вечеринка — около года назад, я уже говорил, и...

Пищит пейджер.

ГОМПЕРЦ. Засранцы.

Он достает пейджер из кармана и читает сообщение.

Ну разумеется!

Он достает мобильный и набирает номер:

Как раз на самом интересном месте!

ФРЭНК. В общем...

ГОМПЕРЦ. Прошу прощения. (*В трубку.*) Привет, Криппен... Да... Угу...

Играет танго, свет гаснет. Когда свет включается, мы видим следующую сцену:

ГОСТИНАЯ

Музыка стихает. ЛОРА расставляет закуски, поправляет диванные подушки, прибирается. ДЕННИС завязывает галстук, ФРЭНК выпивает. Он без повязки.

ЛОРА. Как тебя угораздило? Это же вечеринка для Филлипа, а тебе надо было их позвать!

ДЕННИС. Не то чтобы я их звал...

ЛОРА. Роджер в своем репертуаре — вертит тобой, как хочет.

ДЕННИС. Они здесь проездом — что я мог сделать?

ЛОРА. Ты мог сказать «нет» и предложить другой день.

ДЕННИС. Они только сегодня могут.

ЛОРА. Сегодня мы не можем.

ДЕННИС. Мне казалось, ты будешь рада их видеть...

ЛОРА. Думаешь, Фрэнку интересно слушать твою болтовню? (Фрэнку.) Как тебе мартини?

ФРЭНК. Ну...

ЛОРА. Попробуй оливки. Сицилийские. (Денису.) Зачем ты снял трубку? Пусть бы автоответчик...

ДЕННИС. Он мой брат. Мы не виделись несколько лет.

ЛОРА. А если ты сейчас же не позвонишь в «Абдуллу», мы туда вообще не попадем. (Кивая на галстук.) Неужели ты в этом пойдешь?

ДЕННИС. Роджер и Корнелия прислали на Рождество.

ЛОРА. Я никуда с тобой не пойду, если у тебя на шее будут болтаться эти бумеранги.

ДЕННИС бросает взгляд на ФРЭНКА, закатывает глаза. В то время, как ДЕННИС выходит:

(Фрэнку.) Посмотри, какая прелесть!

Она быстрым движением раскрывает веер.

Филлип привез из Мадрида. Пожалуй, возьму его в ресторан; пятница, вечер — там бывает ужасно душно.

ФРЭНК. А где Филлип?

ЛОРА. Должен быть в душе, но, наверно, еще спит. Он был такой измочаленный, когда я забирала его из аэропорта. (*Через дверь.*) Милый, они будут через пару секунд.

Приглушенный ответ из дальней части дома.

Бог знает, чем они там занимались! Малыш Санчес — это его друг по переписке — такой тихий, прямо мышонок, совсем не в стиле Филлипа. Когда гостил у нас, был до того вежливый, я чуть со скуки не умерла. Но они точно что-то там вытворяли! Каждый раз, когда я звонила, они вроде как были в Прадо. Оно, конечно, большое, но не настолько же! Зато сеньор Моралес — это отец Санчеса — сказал, что его испанский стал намного лучше. Почти как его французский — благодаря тебе.

ФРЭНК. Он способный мальчик.

ЛОРА. Не знаю, в кого он такой. Я-то в школе не блистала.

ФРЭНК. Может быть, в отца.

ЛОРА *фыркает.*

ЛОРА (*берет его стакан*). Еще мартини?

ФРЭНК. А что Корнелия?

ЛОРА. Как она раздражает! Терпеть ее не могу. Может, она и хорошенькая — поэтому Рождер с ней и сошелся — но уж очень заурядная, и если не знать, кем она работает на самом деле, можно подумать, что в булочной торгует. И в голову не придет, что она вполне себе преуспевающий дизайнер. По-видимому, в Австралии ее заказами закидали.

ФРЭНК. Я думал, она по научной части.

ЛОРА. Она начала учить староанглийский — так, между делом. Представляешь? Меня тошнит от этого. А сейчас она наконец-то забеременела, после стольких попыток, так

что приготовься слушать болтовню будущей мамыши. А Роджер! Ведет себя как ребенок, иногда хочется его просто отшлепать. Он же младшенький, ему всегда все сходило с рук. Рядом с ним Филлип — просто взрослый мужик.

ФРЭНК. О, Филлип...

ЛОРА. В смысле — о, Филлип?

ФРЭНК. В смысле... Да нет, ничего...

ЛОРА. Ну, он, конечно, не идеален, но если посмотреть, какие мужчины его воспитывали...

ФРЭНК. Спасибо.

ЛОРА. Ну я же не тебя имела в виду, и ты это знаешь! Господи, да если бы не ты!...

Она обнимает и целует его.

Я говорю о других мужчинах в его жизни.

ФРЭНК. Ты слишком сурова к Деннису.

ЛОРА. Как будто он ко мне не придирается, просто он не выносит это на люди. Я так рада, что Филлип приехал. Когда мы остаемся вдвоем, мы чаще ругаемся. Поражаюсь, как мы еще друг друга не убили.

ФРЭНК. Не все же время вы ругаетесь.

ЛОРА. Ну, если только не дуемся друг на друга. А долго дуться мы не можем, потому что обязательно надо снова начать ругаться. Лучше уж быть одному, честное слово! Боже мой!

Она вдруг останавливается.

Говорю, аж самой противно. И как я могла все прошляпить? Мне сорок пять, и что? И ничего. А сколько было планов... Даже и не начинала. Я просто мать, и все.

ФРЭНК. Это важно.

ЛОРА. Этого недостаточно.

ФРЭНК. Ну, ты все время что-то делаешь. Никогда не бездельничаешь.

ЛОРА. Я знаю, знаю. У меня курсы, хор, сад, тот комитет, этот комитет, но что толку-то? Мне от этого не легче. Ой, извини, заболталась, как будто у тебя у самого мало забот. Расскажи ты о себе. Как ты, в порядке? Выглядишь хорошо. Пишешь? Расскажи.

ФРЭНК. Не сказать, чтобы сейчас хорошо писалось...

ЛОРА. Неужели я всегда такой была? Наверно, да. Какой ужас! Нет, все-таки нет. Думаю, я изменилась, как тебе кажется? А может, и не изменилась. Нет, я точно знаю, я раньше была счастлива. А может, и не была. Не знаю. Как ты думаешь, я изменилась? Если бы не Филипп, я бы с ума сошла. Извини, ты говорил про...

ФРЭНК. Не имеет значения.

ЛОРА. Нет, имеет. Про твою пьесу. Расскажи.

ФРЭНК. Честно говоря, она мне непросто дается. Ничего не могу уловить...

ЛОРА. Нет идей.

ФРЭНК. Возможно. Вообще-то у меня сейчас довольно тяжелый период. Меня постоянно обвиняют, что я пишу об одном и том же.

ЛОРА. Это о чем же?

ФРЭНК. Якобы о себе, но это совсем не так. Говорят, что это признак творческого банкротства.

ЛОРА. По-моему, личный опыт — единственное, о чем вообще стоит писать.

ФРЭНК. Но моя жизнь не так уж интересна, а была бы интересна, у меня не было бы времени о ней писать.

ЛОРА. О, как бы я хотела, чтобы сегодняшнего вечера просто не было!

ФРЭНК. Да... Хорошие оливки.

ЛОРА. Ты знаешь, ты прав. Я несправедлива к Деннису. Может быть, мы слишком друг к другу привыкли.

ФРЭНК. Возможно.

ЛОРА. Думаю, мне с ним повезло — в каком-то смысле. Он добрый, правда?

ФРЭНК. Правда.

ЛОРА. И он всегда со мной хорошо обращался, да?

ФРЭНК. Да.

ЛОРА. Я всегда могу на него опереться. Он... удобный — как мягкое кресло. (*Резко открывает веер.*) Какая прелестная... Вообще-то, я собираюсь от него уйти.

ФРЭНК. Ты это уже не первый год говоришь.

ЛОРА. На этот раз я серьезно. Как только Филлип закончит школу...

В дверях появляется ФИЛЛИП, растрепанный, в трусах.

Зайка! Ты же так не пойдешь, правда?

ФИЛЛИП. Я в ауте!

ЛОРА. Иди сюда, обними маму крепко-крепко!

Он подходит, она обнимает его.

Радость моя! Ты по мне скучал?

ФИЛЛИП. Угу.

ЛОРА. Ах, бесовестный! Наверняка даже не вспомнил обо мне ни разу!

ФРЭНК. Привет, Филлип.

ФИЛЛИП. Привет.

ФРЭНК. Хорошо провел время?

ФИЛЛИП. Угу.

ЛОРА. Ты так вырос. (*Фрэнку.*) Правда, он вырос?

ФИЛЛИП. Меня всего пару недель не было.

ЛОРА. Ты больше не мой маленький мальчик.

ФИЛЛИП. Мам!

Слышен звук приближающегося мотоцикла.

ЛОРА. Это наверняка они.

ФИЛЛИП. У Роджера мотоцикл?

ЛОРА. Видимо.

ФИЛЛИП. Круто!

ЛОРА. Наверно, воображает себя Марлоном Брандо или Джеймсом Дином. Детский сад.

Мотоцикл приближается.

Зайка, одевайся!

Мотоцикл все ближе.

Деннис!

Свет гаснет, звук мотоцикла нарастает. Он резко обрывается, свет загорается:

ГОСТИНАЯ

ЛОРА, ДЕННИС, ФИЛЛИП, ФРЭНК, РОДЖЕР и КОРНЕЛИЯ, на третьем месяце беременности, с напитками и закусками. У ног КОРНЕЛИИ — сумка. ФИЛЛИП держит стопку фотографий.

КОРНЕЛИЯ. А я говорю: «Какой смысл делать в ванной полочки из красного дерева, если на них все равно будет стоять шампунь по 3. 50 за флакон?» Банные принадлежности сразу выдают человека, правда, Лора?

ЛОРА. Не знаю.

КОРНЕЛИЯ. О да.

ЛОРА. Ну вот видишь.

ДЕННИС. Так ты будешь рожать в Эдинбурге?

КОРНЕЛИЯ. Да. Наконец-то у нас будет мальш. Жду — не дождусь.

РОДЖЕР. Наконец-то — прямо в яблочко.

ЛОРА. Тут неподалеку марокканский ресторанчик.

РОДЖЕР. Слышал, Фрэнк?

ЛОРА. Все же любят кус-кус?

КОРНЕЛИЯ. О, мы обожаем кус-кус, правда, Роджер?

РОДЖЕР (*Фрэнку*). Ты ведь знал Лору еще подростком, да?

ФРЭНК. Ну не то чтобы...

РОДЖЕР. Жаль. Я-то надеялся, что ты мне в подробностях расскажешь, как она смотрелась в синих шортиках и маечке. Представляешь, Фил, я был всего на год старше, чем ты сейчас, когда познакомился с твоей мамой.

ФИЛЛИП. Аа.

РОДЖЕР. Да. Семнадцать лет мне было, только усы начали расти. Не целовался ни разу.

ДЕННИС. Ни разу!

КОРНЕЛИЯ (*доставая что-то из сумки*). Лора, так мне было всего одиннадцать, когда ты уже вышла замуж! Надо же!

ЛОРА. Да.

КОРНЕЛИЯ (*протягивая ЛОРЕ сверток необычной формы*). Это тебе.

ЛОРА. О, спасибо.

КОРНЕЛИЯ. Ну, всем вам вообще-то. Небольшой сувенир из Австралии.

ЛОРА разворачивает сверток. Там абстрактная деревянная фигурка.

ЛОРА. Это...

КОРНЕЛИЯ. Аборигены делают.

ЛОРА. Да.

КОРНЕЛИЯ. Кажется, это племя гумбаингари, но мы не уверены. И кажется, это называется «Поцелуй», но в этом мы тоже не уверены.

ЛОРА. Ну, очень... мило, в общем.

Передает фигурку ДЕННИСУ.

КОРНЕЛИЯ. Аборигены просто потрясающие, правда, Роджер? И они рисуют эти удивительные картины, и эти штуки про животных, и всякое такое, и еще у них Времена сновидений, и как это...

ФИЛЛИП. У нас в школе есть учитель, австралиец.

КОРНЕЛИЯ. О.

ЛОРА. На удивление симпатичный.

ФИЛЛИП. Он нам рассказывал про Времена сновидений.

КОРНЕЛИЯ. Потрясающе, правда?

ФИЛЛИП. Ага. Я этим, типа, интересуюсь.

ЛОРА (*Деннису*). Тебе Мэриголд рассказывала про Времена сновидений?

РОДЖЕР. Кто такая Мэриголд?

ЛОРА. Его новая медсестра из Дарвина.

КОРНЕЛИЯ. Туда мы не доехали.

ЛОРА. Она, надо полагать, очень способная.

ДЕННИС. Да.

ЛОРА. И довольно милая.

ДЕННИС. Да вы же почти незнакомы.

ЛОРА. Все равно в ней есть что-то от сумчатых.

ФИЛЛИП. Большие сиськи.

ЛОРА. Филлип!

РОДЖЕР. О, мне как раз нужно пломбочку поставить.

КОРНЕЛИЯ. Лора, а ты что-нибудь знаешь про Времена сновидений?

ЛОРА. Нет.

ФИЛЛИП. Ну, есть такая теория, что времени на самом деле не существует, по крайней мере в том виде, как мы его воспринимаем. Типа, наша жизнь уже предопределена, а нам только остается в нее прийти. Все решено за нас, все готово. Мы себя обманываем, считая, что можем принимать какие-то решения, а на самом деле ничего мы не можем.

РОДЖЕР. Чушь собачья! Конечно можем. Гляди, вот мой палец, вот мой нос, и я принимаю решение им там поковырять.

ЛОРА. Австралия явно не пошла тебе на пользу.

ФИЛЛИП. А откуда ты знаешь, что так не было предопределено?

РОДЖЕР. Ой, Фил, хватит. Вот что значит образование. Забивают голову всякой чушью.

ЛОРА. Твою-то явно, Роджер. А вот другим школа идет на пользу.

РОДЖЕР. Забудь ты про эту школу. Выйди в реальный мир. Найди работу. Куда полезнее.

ЛОРА. Как же безответственно говорить такие вещи!

РОДЖЕР. От этой ученой дури крыша съезжает.

КОРНЕЛИЯ. Я теперь, между прочим, тоже наукой занимаюсь, так что думай, что говоришь.

ДЕННИС. Не обращай на него внимания, Фил. Он всегда был отличником — как ни странно. Лучший выпускник.

ФИЛЛИП. Но в университет ты не пошел?

ДЕННИС. Это потому, что папа сделал ему предложение, от которого он не смог отказаться.

РОДЖЕР. И абсолютно не жалею.

КОРНЕЛИЯ. А чем вы занимаетесь, Фрэнк?

ФРЭНК. Я писатель.

КОРНЕЛИЯ. Ух ты! А что вы пишете?

ФРЭНК. Пьесы.

КОРНЕЛИЯ. Пьесы! Вот это да! Я могла какие-то из них видеть?

ФРЭНК. Не думаю.

КОРНЕЛИЯ. Ну, а все-таки.

ЛОРА. Филлип, что там с фотографиями?

ФИЛЛИП. А, да.

КОРНЕЛИЯ. Ну, Фрэнк? Назовите несколько ваших пьес.

ЛОРА. А потом мы сразу же поедem, хорошо, Деннис?

ДЕННИС. Хорошо.

КОРНЕЛИЯ. Обожаю театр. Жаль, что Роджер со мной никогда не ходит. (*Роджеру.*) Но тебя это не особо трогает, правда ведь, пупсик?

РОДЖЕР. Я предпочитаю бары.

КОРНЕЛИЯ. А тебе нравится театр, Филлип?

ЛОРА. Между прочим, он прекрасный актер.

ФИЛЛИП. Мам!

ЛОРА. Он играл Меркуцио в «Ромео и Джульетте». Он был фантастический.

ФИЛЛИП. Мам!

ДЕННИС. Ты и правда был хорош, Фил.

ЛОРА. Я так им гордилась. Я еще подумала: «Бог мой! Я вырастила нового Бреда Питта!»

КОРНЕЛИЯ. О, как бы я хотела вырастить Бреда Питта.

РОДЖЕР. Лучше уж вырастить Памелу Андерсон.

КОРНЕЛИЯ. Нет, серьезно! Фрэнк, все же...

ЛОРА. Филлип, фотографии.

КОРНЕЛИЯ. Ну скажите. Не каждый день все-таки встречаешь драматурга.

ФРЭНК. Ну, последнее, что я написал — несколько лет назад, — называлось «Кусок пирога».

КОРНЕЛИЯ. И где это шло?

ФРЭНК. В Палладиане.

КОРНЕЛИЯ. В Палладиуме! Роджер, ты слышал?

ФРЭНК. Палладиан. Бар такой. В Энфилде.

КОРНЕЛИЯ. А-а.

РОДЖЕР. Во-о, такой театр мне годится.

КОРНЕЛИЯ. «Кусок пирога» — про что там?

ФРЭНК. Пруст в основном. Такая вымышленная беседа между Прустом и... и мной, в общем.

ЛОРА. Хорошая получилась пьеса, правда, Деннис?

ДЕННИС. Да.

РОДЖЕР. Пруст сраный.

КОРНЕЛИЯ. Роджер!

РОДЖЕР. Скука смертная, аж крысы дохнут. Извини уж, Фрэнк, но...

ФРЭНК. Он не для всех.

РОДЖЕР. Да ну! Мы его на французском проходили. Кто-нибудь бы уже засунул это сраное печенье ему в жопу.

ЛОРА. Роджер, следи за языком, будь добр.

КОРНЕЛИЯ. Он всегда такой после красного вина.

РОДЖЕР. У него было одно предложение, такое длинное, что я подрос на полдойма, пока дочитал до конца.

ЛОРА. Филлип, или ты показываешь снимки, или...

РОДЖЕР. До чего ж на себе заиклен! Господи Иисусе! Только о себе и мог писать! Кому, на хрен, какое дело до того, что запах старых панталон тетки Леони сподвиг его написать четыре тома бредятины?

ЛОРА. Мы уже все поняли.

РОДЖЕР. Сопляк шизанутый! Вот дал бы ему по зубам. Сноб недоделанный!

ДЕННИС. Роджер...

РОДЖЕР. Знаешь, если подумать, то мы все недоделанные, нет?

КОРНЕЛИЯ. Роджер!

РОДЖЕР. Налей нам, Дэн.

ЛОРА. Нет, честное слово...

ДЕННИС наливает РОДЖЕРУ еще.

РОДЖЕР. Видишь ли, проблема в том, что нам больше не за что бороться.

ЛОРА. Боже ты мой...

РОДЖЕР. В этом-то и проблема. Я имею в виду... посмотри на нас: безродные снобы. (*Указывая на Денниса.*) Стоматолог. (*На Корнелию.*) Дизайнер. (*На Фрэнка.*) Писатель. (*На себя.*) Виноторговец. (*На Лору.*) Э-э-э... В общем, болтаемся, как говно в проруби. А все почему? Потому что мы отказались от своего истинного «я» и теперь не знаем, кто мы есть на самом деле. Да и какая, на хрен, разница? Говорю тебе, Фил, все, что тебе надо знать, это то, что в конечном итоге ты никому не нужен, и если ты это поймешь, то справишься. Лора, ты в курсе, что ты охрентельно сексуальна?

*Он делает большой глоток вина и набивает рот чипсами.
Короткая пауза.*

КОРНЕЛИЯ. Вы читали «Беовульфа»?

ФРЭНК. Нет.

КОРНЕЛИЯ. «Истинно! исстари слово мы слышим
О доблести данов, о конунгах датских,
Чья слава в битвах была добыта!»

Чудесно, не правда ли? Я его изучала в вечерней школе в Сиднее на курсах староанглийского. Так увлекательно. Почитайте, если будет возможность.

ФРЭНК. Обязательно.

КОРНЕЛИЯ. Я хочу продолжать обучение в Эдинбурге. Не хочу все позабыть. Лора, ты никогда не ходила в вечернюю школу?

ЛОРА. У меня нет времени.

КОРНЕЛИЯ. А ты, Деннис?

ДЕННИС. Нет.

КОРНЕЛИЯ. А вы, Фрэнк?

ФРЭНК. Да...

КОРНЕЛИЯ. О! А что вы изучали?

ФРЭНК. Драматургию.

КОРНЕЛИЯ. А-а.

ФРЭНК. Я все еще учусь, вообще-то.

ЛОРА. Филлип, фотографии.

КОРНЕЛИЯ. Должно быть, непросто зарабатывать на жизнь пьесами?

ФРЭНК. Непросто. Я еще преподаю немного, чтобы...

КОРНЕЛИЯ. Ух ты! Что преподаете?

ФРЭНК. Английский.

КОРНЕЛИЯ. Понятно.

ФРЭНК. Иностранцам.

КОРНЕЛИЯ. А-а.

ЛОРА. Филлип!

ФИЛЛИП. Да. Точно.

Просматривает свои фотографии.

КОРНЕЛИЯ. Обожаю фотографии.

ФРЭНК. Вы были когда-нибудь в Мадриде?

КОРНЕЛИЯ. Нет. Не люблю корриду.

ДЕННИС. Это не повод не ехать.

КОРНЕЛИЯ. Мне просто неприятно находиться рядом. Только подумаю, вот я смотрю на Веласкеса или ем паэлью, а в нескольких кварталах убивают быка... (*Ежится.*) Кошмар...

ФРЭНК. Убивают?

ЛОРА. Вы же несколько лет прожили в стране, где убивают кенгуру!

КОРНЕЛИЯ. Да, но они при этом не надевают обтягивающие штаны и не загоняют их на арену.

ФИЛЛИП. Это потрясно.

ЛОРА. Что?

ФИЛЛИП. Коррида.

КОРНЕЛИЯ. Филлип, только не говори, что ты ходил это смотреть!

ФИЛЛИП. Ходил. Офигительно.

КОРНЕЛИЯ (*расстроенная*). М-м.

ЛОРА. Ты мне не рассказывал.

ФИЛЛИП. Да мало ли что мы делали. Кучу всего.

ЛОРА. Ты только один раз ходил?

ФИЛЛИП. Раз или два.

КОРНЕЛИЯ (*еще более расстроенная*). Ой...

ФИЛЛИП. У Санчеса семья этим просто болеет. Они мне все про корриду рассказали.

ЛОРА. Но Санчес такой скромный мальчик. Никогда бы не подумала, что он может этим увлекаться.

ФИЛЛИП. Он вообще фанат. Все-все мне рассказал. Это потрясно.

КОРНЕЛИЯ. Бедные, несчастные бычки!

ФИЛЛИП. Прямо так цепляет, меня ничего так не цепляло!

РОДЖЕР. Точно!

КОРНЕЛИЯ. Ты-то откуда знаешь?!

РОДЖЕР *пожимает плечами.*

Ты, что ли, был там когда-нибудь?

РОДЖЕР. Был разок.

КОРНЕЛИЯ. Когда?

РОДЖЕР. Когда ездили с классом в Испанию.

ДЕННИС. А, я помню, как ты ездил. Ты привез маме веер...

КОРНЕЛИЯ. И вас, школьников, водили на корриду?

РОДЖЕР. Нет.

ДЕННИС. А папе свиные колбаски.

РОДЖЕР. Мы с пацанами гоняли туда, посмотреть, что это за штука.

ДЕННИС. А мне шиш с маслом.

КОРНЕЛИЯ. О, Роджер!

РОДЖЕР. Ну что, не я же этого быка убивал!

ЛОРА. Давайте посмотрим фотографии.

КОРНЕЛИЯ. Нет уж, если они с корриды, то увольте!

ФИЛЛИП *передает* ЛОРЕ *фотографию*.

ФИЛЛИП. Это Санчес около... не помню чего.

ЛОРА (*передавая фото дальше, как и все последующие*). Я же говорила, он такой скромный мальчик!

ФИЛЛИП. А это Санчес на фоне... в общем, это Санчес.

ЛОРА. А ты здесь где-нибудь есть?

ФИЛЛИП. Ага. Вот Санчес, а вот я. Это мы на этой, как ее...

ЛОРА. Где?

ФИЛЛИП. Ну, на этой, Плаза.

ДЕННИС. Плаза Майор.

ФИЛЛИП. Точно. Не, на другой.

ЛОРА. Кто фотографировал?

ФИЛЛИП. Его сестра.

ЛОРА. Я думала, она уехала.

ФИЛЛИП. Ага. Она учится в Буэнос-Айресе, вернулась на летние каникулы. А вот я на рынке.

ЛОРА. Санчес снимал?

ФИЛЛИП. Ну... да...

ЛОРА. Нет, он не мог. Вон он, на заднем плане, разглядывает щенят.

КОРНЕЛИЯ. Щенята! Дайте-ка мне взглянуть!

ЛОРА *передает ей фотографию.*

ЛОРА. Так кто фотографировал?

ФИЛЛИП. Не помню. А это...

КОРНЕЛИЯ. Не может быть!

РОДЖЕР. Что такое?

КОРНЕЛИЯ. Щенятки! В клетках, набиты, как сельди в бочке! Бедные зверюшки! Что с ними делают?

ФИЛЛИП. Едят.

КОРНЕЛИЯ *(с ужасом)*. Нет!

ДЕННИС. Филипп!

ФИЛЛИП. Их там продают. И птиц продают, и даже обезьян. Офигительное место.

КОРНЕЛИЯ. Обезьянки!

ФИЛЛИП. Это я пью кофе.

ЛОРА. А где Санчес?

ФИЛЛИП. Он в тот день остался дома, да.

ЛОРА. Остался дома?

ФИЛЛИП. Да. Понос был.

ЛОРА. Кто тогда фотографировал?

ФИЛЛИП. Его сестра.

ЛОРА. А это что?

ФИЛЛИП. Где?

ЛОРА. На столе.

ФИЛЛИП. Кофе.

ЛОРА. В пепельнице.

ФИЛЛИП. А, это. Сигарета.

ЛОРА. Твоя?

ФИЛЛИП. Нет. Сестры. А это...

ЛОРА *отбирает у него фотографию.*

... бассейн. А это я.

ЛОРА. Да, я вижу.

ФИЛЛИП. Загораю.

ЛОРА. Кто фотографировал?

ФИЛЛИП. Сестра. (*Берет следующую фотографию.*)

А это...

ЛОРА. (*Все еще смотрит на фотографию в бассейне.*)

Я так полагаю, сигареты тоже ее?

ФИЛЛИП. Да.

РОДЖЕР. Что, Фил, небось рад, что решил их показать?

КОРНЕЛИЯ. Фрэнк, вы курите?

ФРЭНК. Я бросил.

ФИЛЛИП (*смотрит на следующую фотографию*). А это

у нас...

КОРНЕЛИЯ. А ты, Деннис?

ДЕННИС. Нет.

КОРНЕЛИЯ. А ты, Лора?

ЛОРА (*пристально изучая фотографию в бассейне*). Что?

КОРНЕЛИЯ. Куришь?

ЛОРА. Нет.

КОРНЕЛИЯ. Вот видите, так всегда: либо ты куришь, либо нет.

ЛОРА (*все еще смотрит на фотографию в бассейне*). А это что?

ФИЛЛИП. Где?

ЛОРА (*указывая пальцем*). Вот это.

ФИЛЛИП. Грязь.

ЛОРА. Что-то не очень похоже на грязь.

РОДЖЕР. Дайте-ка гляну.

ЛОРА (*не отдавая ему фотографию*). Что это такое?

ФИЛЛИП. Не знаю.

ЛОРА. Филлип.

ФИЛЛИП. Что?

ЛОРА. У тебя что-то в паху, и я хочу знать, что это такое!

ФИЛЛИП. Родинка.
ЛОРА. Филлип!

ДЕННИС *забирает у нее фотографию.*

Что это?

Короткая пауза.

ФИЛЛИП (*бурчит*). Татуировка.
ЛОРА. Что-что?
ФИЛЛИП. Татуировка.
ЛОРА. Татуировка?

ФИЛЛИП *кивает*.

Что там написано?
ФИЛЛИП. Аделаида.
ЛОРА. Кто такая Аделаида?

Короткая пауза.

ФИЛЛИП. Его сестра.
ЛОРА. Боже ты мой!
РОДЖЕР. Дай-ка глянуть.

ДЕННИС *отдает ему фотографию.*

ФИЛЛИП. Она всего пару сантиметров.
ЛОРА. Размер не имеет значения.
РОДЖЕР. Большинство думает иначе.
ЛОРА. Как тебе это в голову пришло? Ты же себя изуродовал!

ДЕННИС. Ну перестань...
ЛОРА. Что значит «перестань»?
ФИЛЛИП. Всего лишь татуировка.

РОДЖЕР. У меня тоже есть.

ЛОРА. А ты тут при чем?

РОДЖЕР. Я сделал ее в Сиднее.

КОРНЕЛИЯ. Какое совпадение!

РОДЖЕР. Маленький коала.

КОРНЕЛИЯ. На попе.

РОДЖЕР (*указывая пальцем*). Вот здесь.

КОРНЕЛИЯ. Это так мило. Он жует листок эвкалипта.

ФРЭНК. Больно было?

РОДЖЕР (*с энтузиазмом*). Да-а!

КОРНЕЛИЯ. Мы зовем его Колин.

ЛОРА. Да заткнитесь вы хоть на минуту!

ДЕННИС. Лора.

ЛОРА. Я звоню отцу Санчеса.

ФИЛЛИП. Не надо, мам.

ЛОРА. Это ни в какие ворота не лезет. Как он мог такое допустить?

ФИЛЛИП. Он ничего не знал. Это была моя идея. Я просто прикололся. А сеньор Моралес тут ни при чем.

ЛОРА. Его дочь — взрослая женщина!

ФИЛЛИП. Ей всего двадцать два.

ЛОРА. И ей позволили развращать моего сына!

ФИЛЛИП. Не так все было.

ЛОРА (*Деннису*). Ты ничего не хочешь сказать?

ДЕННИС. Ну...

ЛОРА. Просто в голове не укладывается.

ФИЛЛИП. Мы ничего такого не делали. Просто... она иногда с нами гуляла.

ЛОРА. Тогда почему ее имя красуется у тебя между ног?

ФИЛЛИП. Это прикол такой.

ЛОРА. Ты меня так разочаровал.

Она выходит. Слышно, как она поднимается наверх и хлопает дверью.

ФИЛЛИП. Ее ведь можно свести, да?

РОДЖЕР. Можно. Лазером.

ФИЛЛИП. Из-за какой-то сраной татуировки!

Он выходит. Слышно, как он, громко топая, поднимается наверх и хлопает дверью. Короткая пауза.

РОДЖЕР. Хочешь посмотреть мотоцикл?

ДЕННИС *кивает и выходит вслед за РОДЖЕРОМ.*

КОРНЕЛИЯ. Вы живете здесь поблизости, Фрэнк?

ФРЭНК. Нет. На другом конце города.

КОРНЕЛИЯ. Да? А где?

ФРЭНК. В Снэрсбруке.

КОРНЕЛИЯ *(с сожалением)*. А-а.

Короткая пауза.

У вас есть... партнер?

ФРЭНК. Нет.

КОРНЕЛИЯ *(с жалостью)*. А-а.

ФРЭНК. Меня устраивает.

КОРНЕЛИЯ. Ну и хорошо.

Короткая пауза.

Фрэнк — это полное имя?

ФРЭНК. Да.

КОРНЕЛИЯ. Приятно, когда тебя называют полным именем, правда?

ФРЭНК. Никогда об этом не задумывался.

КОРНЕЛИЯ. Многие называют Роджера Родж, но только не я. Его имя Роджер, и так я его и зову. И нашего ребенка, будь то мальчик или девочка, будут звать так, как его будут звать. Знаете, у австралийцев есть привычка все сокращать.

ФРЭНК. Seriously?

КОРНЕЛИЯ. Конечно. Кенгуру — кенгу, автомобиль — авто, профессор — проф. А Роджер все время был Родж. А меня звали Корни.

ФРЭНК. Вот как.

КОРНЕЛИЯ. А иногда Кор. Глупо, правда? А еще некоторые слова они удлиняют, но я не помню какие.

Слышен звук заводящегося мотоцикла.

Представляете, меня все за дуру считают.

ФРЭНК. Да?

КОРНЕЛИЯ. Потому что я женщина, и у меня детский голос, но мне все равно, потому что я знаю, что это неправда.

ФРЭНК. Конечно, неправда.

КОРНЕЛИЯ. Если бы они узнали меня получше, они бы поняли, что это не так. Кто вправе решать, какой голос должен быть у дизайнера, свободно говорящего на староанглийском?

ФРЭНК. Очень может быть, что вы умнее нас всех, вместе взятых.

Она запускает руку в одну из тарелок, набивает полный рот и тут же выплевывает.

Это сухая отдушка.

КОРНЕЛИЯ. Фу-у.

Она полощет рот напитком из своего стакана.

ФРЭНК. Все нормально?

КОРНЕЛИЯ. Да-да.

ФРЭНК. Может, воды?

КОРНЕЛИЯ. Нет, спасибо. Я думала, это чипсы.

За сценой слышится рев мотоцикла.

Роджер меня понимает. Вот почему я его так люблю. Не могу описать вам, Фрэнк, как я счастлива, что у нас будет РЕБЕНОК. Вы не представляете, какая это радость — носить частичку Роджера в себе.

Рев мотоцикла.

Вообще-то...

Короткая пауза.

Мне пришлось приложить столько усилий, чтобы добиться всего. Думаю, вам тоже.

ФРЭНК. Да, с той лишь разницей, что я, в общем-то, ничего не добился. Хотя и пытался.

Рев мотоцикла.

КОРНЕЛИЯ. Он обожает свои мотоциклы.

ФРЭНК. Конечно, есть люди, к которым все само плывет в руки. Взять, к примеру, Филлипа. Ему все так легко дается. А мне постоянно приходится всего добиваться.

КОРНЕЛИЯ. Да.

ФРЭНК. Я часто спрашиваю себя, чего я мучаюсь? Нужны годы, чтобы придумать сюжет, годы, чтобы написать текст, а дальше можешь считать, что тебе повезло, если его кто-то прочтет. А потом тебе говорят: «Это не совсем наш репертуар, но нам было бы интересно почитать вашу следующую пьесу», а ты думаешь: «Да меня и эта чуть не доконала!» Конечно, бывает иначе. Если о-о-очень повезет, твою пьесу сыграют раз двадцать в провинциальной дыре. Впрочем, никто же меня насильно не заставляет.

Короткая пауза.

Знаете, я ведь спас ему жизнь.

КОРНЕЛИЯ. Филиппу?

ФРЭНК. Да.

КОРНЕЛИЯ. Нет, я не знала.

ФРЭНК. Мы купались в пруду, несколько месяцев тому назад, и вдруг он исчез. Я нырнул и вытащил его, и... ну, сделал ему искусственное дыхание.

КОРНЕЛИЯ. Потрясающе. Вы ходили на курсы первой помощи?

ФРЭНК. Нет, нет. Я просто прижался губами к его губам — инстинктивно. Думаю, любой на моем месте поступил бы так же.

КОРНЕЛИЯ. Ну...

Короткая пауза.

А вы не пробовали познакомиться по объявлению?

Входит ЛОРА. Пристально смотрит на них обоих.

Знаешь, Лора, я тут подумала, если тебе прорубить дверь вон в той стене и еще одну в следующей комнате, получится нечто вроде анфилады. Было бы чудесно, правда? В общем...

Она выходит.

ЛОРА. Представь, каково с ней жить!

ФРЭНК. Она ничего.

ЛОРА. Анфиладу ей, твою мать! Ах, Фрэнк, как он мог такое с собой сотворить?

ФРЭНК. Он еще молодой.

ЛОРА. Мы все когда-то были в этом возрасте, но это же не значит, что надо ставить себе клеймо между ног!

ФРЭНК. Он своенравный малый. Это вполне в его стиле.

ЛОРА. Такие поступки под стать Роджеру, но Филипп! Это так глупо. У него такая прекрасная кожа!

ФРЭНК. Ее же почти не видно. Надо присмотреться, чтобы увидеть. То есть не каждому доведется до нее добраться, понимаешь? Конечно, кому-то и доведется, но... ну...

ЛОРА. Я знала, что он не мог столько раз ездить в Прадо. Каждый раз я звоню ему, а он мне: «Опять ездили в Прадо». Он лгал мне, Фрэнк! Готова поспорить, он и бедного Санчеса-то толком не видел. Они с Аделаидой, наверно, дали ему пакет начос и несколько песет и куда-нибудь отправили, а сами чем только ни занимались на этой Рамбле — в свободное время, когда не смотрели, как быков убивают.

ФРЭНК. Разве начос — не мексиканская еда?

ЛОРА. Да какая разница.

ФРЭНК. А Рамбла в Барселоне.

ЛОРА. Да насрать, хоть в Брикстоне! Эта испанская дрянь совратила моего сына, да еще и расписалась у него на яйцах.

ФРЭНК. Ну не совсем там.

ЛОРА. Плюс минус дюйм! Как подумаю, что какой-то жирный старый хрен тыкал иголками в пах моего сына, а эта шлюха смотрела и лыбилась с сигаретой в зубах, — о боже мой! А если иглы были зараженные?

ФРЭНК. Что за глупости!

ЛОРА. Ты, конечно, извини, Фрэнк, но делать это в мадридских трущобах!

ФРЭНК. А что, в Мадриде это опаснее? Миллионы людей делают татуировки, и с ними ничего не случается. Вот Роджер, например. Все с ним в порядке.

ЛОРА. Это не факт. Такое ощущение, будто он меня предал. Как он мог такое выкинуть? Он — единственный, на кого я могу положиться — кроме тебя, — и что вытворяет!

ФРЭНК. Лора, он всего лишь сделал татуировку. Он не сожрал младенца. К тому же их теперь сводят лазером.

ЛОРА. Они перфоментные.

ФРЭНК. Перманентные.

ЛОРА. Ну перманентные, один черт! Мы опаздываем в ресторан.

ФРЭНК. Давай не будем портить вечер. Забудем. По большому счету, это не так уж важно.

Короткая пауза.

ЛОРА. Пожалуй, ты прав. Просто очень тяжело отпустить его от себя. И самое ужасное, что это только начало.

Входит ФИЛЛИП, у него в руках компакт-диск. Она бросает на него взгляд и отворачивается. ФРЭНК внезапно чувствует себя лишним. Пауза.

ФИЛЛИП. Еще она научила меня танцевать танго.

ЛОРА. О господи!

ФИЛЛИП. Мама, она обычная девушка. Очень милая. Честно.

Короткая пауза. Он вставляет диск в музыкальный центр. Играет танго. Он медленно подходит к ЛОРЕ. Осторожно касается ее руки. Она отдергивает руку. Короткая пауза. Он снова пытается взять ее руку. На этот раз она позволяет ему. Он бережно разворачивает ее лицом к себе. Он кладет руку ей на талию и очень медленно начинает двигаться под музыку. Она равнодушно подчиняется. Он постепенно становится увереннее и начинает вести. Она сравнительно легко следует его движениям. ФРЭНК наблюдает: Вскоре они слаженно танцуют глаза в глаза. На одном из тактов ЛОРА внезапно начинает вести и исполняет весьма сложный элемент.

Офигеть, где ты такому научилась?

ЛОРА. О, я в свое время натанцевалась.

Они смеются и продолжают танцевать, все больше увлекаясь. Появляется ДЕННИС. Он некоторое время на-

блюдает, потом, незамеченный, выходит на кухню. ФРЭНК смотрит, как они танцуют, глядя друг другу в глаза, свет медленно гаснет. Музыка продолжает играть, в то время как свет зажигается:

КУХНЯ

ДЕННИС неподвижно сидит за кухонным столом. Из гостиной доносятся звуки танго. Входит ФРЭНК; он не ожидал увидеть ДЕННИСА. Они кивают друг другу. ФРЭНК не знает, уйти ему или остаться.

ДЕННИС. Ну, как ты?

ФРЭНК. Спасибо, ничего.

Короткая пауза.

ДЕННИС. Так что, все хорошо?

ФРЭНК. Да.

ДЕННИС. Ладно. Хорошо.

Короткая пауза.

Не было побочных эффектов или?..

ФРЭНК. Нет, по крайней мере пока.

Короткая пауза.

На самом деле — полная неопределенность. Причем для всех, и для врачей тоже. В один прекрасный день я могу проснуться, а у меня все зубы выпали, или горб вырос, или третий глаз, или еще что-нибудь. Но пока все нормально.

ДЕННИС. Да.

ФРЭНК. Да.

ДЕННИС. Ты бывал на Примроуз Хилл?

ФРЭНК. Кажется, раз или два. Или нет, не был.
ДЕННИС. Я...

ДЕННИС *прикрывает рот рукой.*

ФРЭНК. Все в порядке?

ДЕННИС *кивает. Короткая пауза. Убирает руку.*

ДЕННИС. Извини.

ФРЭНК. Ничего...

ДЕННИС. Извини.

ФРЭНК. ...страшного.

ДЕННИС *поднимается и закрывает дверь. Короткая пауза.*

ДЕННИС. Мадрид — прекрасный город.

ФРЭНК. Да.

ДЕННИС. Прекрасный.

ФРЭНК. Да, мне рассказывали.

ДЕННИС. Да.

Короткая пауза.

По правде говоря, я не был там со времен Франко, но думаю, что город все так же хорош.

ФРЭНК. Да. Уверен, так оно и есть.

ДЕННИС. Да.

Короткая пауза.

Ты знаешь, он никогда не мог уснуть... не мог уснуть без нее. Конечно, это не его вина. Она всегда любила его до безумия и всегда будет любить. Когда ее не было, он все время звал маму. Я и представить себе не мог, что можно

чувствовать себя так одиноко. Еще немного, и он начнет называть меня «стариком».

ФРЭНК. Я уверен, он ценит тебя не меньше, чем Лору. Да точно. Должно быть, замечательно иметь такого сына.

Короткая пауза.

ДЕННИС. Странная штука.

Короткая пауза.

ФРЭНК. Деннис, почему ты спросил про Примроуз Хилл?

ДЕННИС. М-м. Мне кажется, я ее теряю. Да. Я ее теряю.

Короткая пауза.

Однажды, сразу после того, как мы познакомились... Да, я ей тогда нерв удалял... Тогда, в тот день, мы сидели на вершине Примроуз Хилл — лето было в самом разгаре — и увидели невероятную вещь: у подножья холма лежал снег. Целые сугробы, сверкающие на солнце. Была середина лета, июль, жара. Мы не могли поверить своим глазам. Я смотрел на нее и думал: это самая замечательная женщина, и я люблю ее больше... больше, чем... ну... Снег — так странно. Мне казалось, это благословение свыше. Скорее бы уже в ресторан.

ФРЭНК. Что это было? Каприз природы или... ?

ДЕННИС. Оптический обман, вот и все. У меня любовница.

ФРЭНК. Да?

ДЕННИС. Мэриголд.

ФРЭНК. А-а.

ДЕННИС. Удивительная девушка. Ей всего девятнадцать. Моя лучшая медсестра. И вовсе она не похожа на сумчатое. Ты же не скажешь Лоре?

ФРЭНК. Нет, не скажу.

ДЕННИС. Спасибо. В общем, я уйду от нее.

ФРЭНК. От Лоры?

ДЕННИС. Да. Я люблю ее больше жизни, понимаешь?
Когда-нибудь и она полюбит меня.

Входит ФИЛЛИП.

ФИЛЛИП. Мама сказала, нам пора.

ДЕННИС. Да, пора.

Он выходит. ФИЛЛИП загребает чипсы из открытого пакета на столе и набивает полный рот. Он подходит к холодильнику и достает бутылку пива. ФРЭНК наблюдает. ФИЛЛИП открывает бутылку о край стола. Из бутылки вытекает пена. Он слизывает ее. Когда он поворачивается к ФРЭНКУ, то оказывается в его объятиях, и ФРЭНК страстно его целует. Он лихорадочно гладит все тело ФИЛЛИПА, трет ему промежность. Они продолжают целоваться, ФИЛЛИП опирается спиной о стол, стол сдвигается с места. Наконец, после продолжительного поцелуя, ФРЭНК отступает назад.

ФРЭНК. Спасибо за открытку.

ФИЛЛИП. Не за что.

Он делает глоток пива.

ФРЭНК. Красивый вокзал.

ФИЛЛИП. Я забыл, какую ты мне заказывал.

ФРЭНК. Антонелло де Мессина. «Мертвый Христос, поддерживаемый ангелом».

ФИЛЛИП. А, да.

ФРЭНК. Но неважно. Рад, что ты вообще обо мне вспомнил. Учитывая все обстоятельства.

ФИЛЛИП. Как ты?

ФРЭНК. Ничего.

ФИЛЛИП. Лечишься?

ФРЭНК. Пока да.

*Он стучит по деревянной крышке стола. ФИЛЛИП
вздрагивает.*

ТЬФУ-ТЬФУ, как бы не взглянуть.

ФИЛЛИП. Извини. Нужно собираться.

ФРЭНК. Будешь писать?

ФИЛЛИП. Кому?

ФРЭНК. Аделаиде.

ФИЛЛИП. Не знаю.

ФРЭНК. Будешь ведь.

ФИЛЛИП. Не знаю. Может быть. Не надо было этого
делать.

ФРЭНК. Ты особо не возражал.

ФИЛЛИП. Не надо было этого делать.

ФРЭНК. У тебя же встал.

ФИЛЛИП. У меня все время стоит, мне пятнадцать лет.

ФРЭНК. Почти шестнадцать.

ФИЛЛИП. Пора идти.

ФРЭНК. Ты мне снишься.

ФИЛЛИП. Господи! Я думал, мы договорились не
вспоминать об этом.

ФРЭНК. Боюсь, это не так-то просто.

ФИЛЛИП. Я же говорил, это ничего не значит. Ниче-
го не значит.

ФРЭНК. И это вся твоя благодарность.

ФИЛЛИП. Ты о чем?

ФРЭНК. Если бы не я, ты был бы уже на том свете.

ФИЛЛИП. Черт, да нигде б я не был! Все было бы нор-
мально, и ты это знаешь. Ты мне даже очухаться не дал.
Присосался ко мне, как пиявка, я и сказать ничего не
успел.

ФРЭНК. Ты чуть не утонул.

ФИЛЛИП. Да я просто воды наглotalся, и все.

ФРЭНК. Я спас тебе жизнь. Ты же знаешь. Тебе надо было сделать искусственное дыхание.

ФИЛЛИП. С каких пор искусственное дыхание делают языком?

ФРЭНК. Языком начал ты.

ФИЛЛИП. Херня!

ФРЭНК. Ты начал.

ФИЛЛИП. Потому что ты меня напоил.

ФРЭНК. Хватит!

ФИЛЛИП. Пора ехать.

Они не двигаются.

Сейчас все по-другому. Я был моложе.

ФРЭНК. Это было два месяца назад!

ФИЛЛИП. Да, но сейчас я чувствую себя взрослее, потому что... понимаешь...

ФРЭНК. Аделаида.

ФИЛЛИП. Слушай, Фрэнк, ты классный. Я к тебе очень хорошо отношусь, я к тебе очень, очень хорошо отношусь, и большое спасибо, что ты помог мне с французским, но то, что случилось на пруду, — ничего не значит. Это была ошибка.

ФРЭНК. Тебе понравилось.

ФИЛЛИП. Что там могло понравиться? Ничего не было.

ФРЭНК. Ты меня чуть не съел.

ФИЛЛИП. Просто у меня такой возраст. Я готов трахать все, что движется.

ФРЭНК. Ну спасибо.

ФИЛЛИП. Все, забыли.

ФРЭНК. Всего не забудешь.

ФИЛЛИП. Надо идти.

Он поворачивается, чтобы выйти. ФРЭНК останавливает его.

ФРЭНК. Филлип, давай встретимся еще один раз, только один...

ФИЛЛИП. Иди на хер...

ФРЭНК. Пожалуйста...

ФИЛЛИП. Нет.

ФРЭНК. Ну последний раз. Ну пожалуйста.

ФИЛЛИП. Нет!

ФРЭНК. Тогда покажи татуировку.

ФИЛЛИП. Фрэнк...

ФРЭНК. Ну давай.

ФИЛЛИП. Хватит уже.

ФРЭНК. Дай мне посмотреть...

ФИЛЛИП. Пора идти.

ФРЭНК... и тогда я отстану, обещаю.

ФИЛЛИП *снова пытается уйти, ФРЭНК останавливает его.*

ФИЛЛИП *(грубо отталкивает его).* Отвали!

ФИЛЛИП *пытается уйти.*

ФРЭНК. Я болен, черт побери!

ФИЛЛИП *останавливается.*

ФИЛЛИП. Ты же говорил, тебе лучше.

ФРЭНК. Да, но надолго ли? Это ведь не лечится, ты же знаешь. Можно сколько угодно укреплять иммунитет, но стоит что-нибудь подцепить, и что тогда? Выбор невелик. Правда в том, что мне, наверно, не так долго осталось. Я должен ловить каждый миг. Понимаешь, Филлип? Понимаешь ты это или нет?

ФИЛЛИП *(бурчит).* Да.

ФРЭНК. Со стороны может показаться, что я держусь, что все о'кей, но поверь, мне нужна забота, мне нужна поддержка, очень нужна. Там, на пруду, я знаю, ты был

немного пьян, и нам, может быть, не стоило этого делать, но было ведь неплохо, правда?

Короткая пауза.

Правда?

ФИЛЛИП *пожимает плечами.*

Мы друзья, вот и все — я не настаиваю на большем, и я был тебе хорошим другом, я надеюсь. Разве не так?

ФИЛЛИП. Так.

ФРЭНК. Я всегда был готов поддержать тебя, например, когда у мамы с папой были проблемы...

Короткая пауза.

Я просто хочу взглянуть на татуировку. Я что, о многом прошу? Пожалуйста...

ФИЛЛИП. Нас могут увидеть.

ФРЭНК (*указывая на кладовку*). Можно пойти туда.

Короткая пауза.

ФИЛЛИП. Только быстро, ладно?

ФРЭНК. Ладно.

С деловым видом ФИЛЛИП уходит в кладовку. ФРЭНК следует за ним и закрывает дверь. ФИЛЛИП спускает брюки.

ФИЛЛИП. Вот.

ФРЭНК *опускается на колени и изучает ТАТУировку.*

ФРЭНК. Неплохо сделали, да?

ФИЛЛИП. Все?
ФРЭНК. Дай я...

Он нежно прикасается к ней.

Повезло девочке.
ФИЛЛИП. Пора бы...

ФРЭНК *проводит по ТАТУировке языком. На кухню входит* ЛОРА.

ЛОРА. Филлип! Зайка!

ФРЭНК и ФИЛЛИП *замирают.*

Да где же?.. (*Выходя.*) Филлип!

ФИЛЛИП (*поспешно натягивая и застегивая брюки*). Ну все? Доволен? Все?

ФИЛЛИП *выбегает из кладовки через кухню и исчезает в саду.*

ФРЭНК (*взволнованно*). Господи! Что же я, мать твою... Боже... Боже мой...

ЛОРА (*за сценой*). Филлип!

ФРЭНК *выходит из кладовки, захлопнув за собой дверь.*
ЛОРА *выглядывает из-за двери.*

Ты не видел Филлипа?

ФРЭНК. Нет.

ЛОРА (*заходит*). Наш столик займут. Все в порядке?

ФРЭНК. Ага.

ЛОРА. Как тебе танго?

ФРЭНК. Это было здорово.

ЛОРА. У тебя крошка на губе. (*Смахивает ее.*) Поросяенок.

ФРЭНК. Спасибо.

ЛОРА. Вот уж девчонки за ним побегают!

ФРЭНК. Да.

ЛОРА. Чертенюк! (*Зовет его.*) Филлип!

Она быстро выходит, пританцовывая.

Филлип!

Свет гаснет. Когда свет включается, мы видим:

РЕСТОРАН

ФРЭНК и ГОМПЕРЦ, в тот момент, когда мы их оставили. У ФРЭНКА на левом глазу повязка. ГОМПЕРЦ разговаривает по телефону.

ГОМПЕРЦ. ...Отлично. Чао.

Откладывает телефон в сторону.

Ну слава богу!

ФРЭНК. Все в порядке?

ГОМПЕРЦ. Я кое-что не туда положил. Но ночная сестра нашла, слава богу. А то бы все отделение нанюхалось. Извини, ты говорил...

ФРЭНК. На чем я остановился?

ГОМПЕРЦ (*забирая коробочку у ФРЭНКА*). Что-то про ужасную вечеринку.

ФРЭНК. Ах да. Моя подруга Лора устроила эту вечеринку... Ты когда-нибудь совершал поступки, за которые тебе было стыдно?

ГОМПЕРЦ. Да. Постоянно.

Нюхает.

ФРЭНК. Как ты сказал: «одно мгновение — и жизнь перевернулась»...

ГОМПЕРЦ. Никогда не знаешь, что тебя ждет: нераскрытая тайна...

ФРЭНК. Да.

ГОМПЕРЦ. Двухэтажный автобус.

ФРЭНК. Так вот, на той вечеринке...

ГОМПЕРЦ. Похоже, мы ходим по кругу.

ФРЭНК. То, что случилось, — ужасно... просто трагедия... Это преследует меня уже год. А дело в том, что... Из этого вышла бы неплохая пьеса. Я вообще прихожу к мысли, что должен хвататься за все, что предлагает мне судьба.

ГОМПЕРЦ *протягивает ему коробочку.*

Спасибо.

Вдыхает.

ГОМПЕРЦ. Пожалуй, я взял бы говяжий стейк.

ФРЭНК. Ты со мной согласен?

ГОМПЕРЦ. Не согласен. Ты совершаешь ужасную ошибку.

ФРЭНК. Я сейчас не о лечении говорю.

ГОМПЕРЦ. Ты посмотри, какая задница!

ФРЭНК. Это неправильно. Я должен ей рассказать. Мне надо во всем признаться. Завтра же пойду и все ей расскажу.

ГОМПЕРЦ. Ты так и не сказал мне, в чем дело.

ФРЭНК. Да. Ну, в общем, на той вечеринке, год назад...

Пищит пейджер.

ГОМПЕРЦ. Господи!

Проверяет сообщение.

Извини.

Набирает номер на мобильном.

ФРЭНК. Ничего страшного.

ГОМПЕРЦ *(в телефон)*. Алло? Да...

ФРЭНК. В общем...

ГОМПЕРЦ *(в телефон)*. Черт! Эта пидовка опять не приняла септрин... *(Смотрит на часы)*. Хорошо, я буду через...

Свет гаснет. Тут же слышится рев мотоцикла, очень громкий. Он стихает, удаляясь. Свет зажигается.

КУХНЯ

ЛОРА и ФРЭНК, как мы их оставили в конце первой сцены: он с повязкой на глазу, она снимает темные очки. Они слушают, как затихает звук мотоцикла. Короткая пауза. На другом конце дома фортепьяно начинает сбивчиво играть Арию из «Вариаций Гольдберга» Баха. До нас, как и прежде, доносятся звуки летнего сада: поливальная машина, треск газонокосилки, голоса играющих детей и пение птиц.

ЛОРА. Ф-филлип... Ф-ффиллип... *(Она заикается.)*
Ровно г-год назад... Ф-ф. Ф-ф...

ФРЭНК *беспомощно смотрит на нее.*

К-каждый день... каждую минуту... я все п-пытаюсь п-понять, он с-сделал это нарочно, и-или п-просто решил п-полихачить... или его что-то расстроило и он... или это б-было п-предначертано свыше... И к-когда он несся на п-полной скорости, вс-вспомнил ли он обо мне х-хоть на секунду? Надеюсь, он п-просто лихачил... Как т-только подумаю, что он б-был в отчаянии... Мне хотелось бы, что-

бы он п-понял, счастье возможно, но это к-как раз сложнее всего понять.

Короткая пауза.

ФРЭНК. Он был счастлив. Я уверен в этом.

Ящик выскакивает из кухонного стола и с грохотом падает на пол, приборы разлетаются в разные стороны, ФРЭНК и ЛОРА в испуге возражают. Фортельяно замалчивает. Они смотрят на беспорядок, затем:

ЛОРА (*выкрикивает*). Все в порядке. Все нормально.

Короткая пауза. Фортельяно снова начинает играть.

ФРЭНК. Могу я... ?

ЛОРА. Не беспокойся. Я с-справлюсь. Правда. Я знаю, ты т-торопишься.

ФРЭНК. Лора.

ЛОРА. Да?

ФРЭНК. Я должен кое-что тебе сказать...

Из сада появляется РОДЖЕР, застаёт их врасплох.

РОДЖЕР. Доброе утро.

ФРЭНК. Доброе.

РОДЖЕР. Привет, Марсель. (*Кивает на повязку.*) Что, неудачный макияж? Привет, Лора.

ФРЭНК *внезапно морщится и хватается за живот.*

ФРЭНК. Прости, мне надо...

РОДЖЕР. Завтрак на волю просится?

РОДЖЕР и ЛОРА *остаются вдвоем. ЛОРА начинает собирать приборы. РОДЖЕР наблюдает за ней.*

ЛОРА. Зачем т-ты п-пришел?

РОДЖЕР. У меня была назначена встреча в городе, так дай, думаю, — заскочу, поздороваюсь. Так что — здравствуй. (*Прислушивается к фортепьяно.*) Что, все еще прячете на чердаке Горовица?

Короткая пауза.

Я помогу.

Хочет помочь ей.

ЛОРА. Не н-нужно.

РОДЖЕР. Знаю.

Короткая пауза.

ЛОРА. К-как Корнелия?

РОДЖЕР. Ничего. Передает привет. У нее все нормально.

Прибираются в тишине, затем он останавливается и смотрит на нее.

ЛОРА. Х-хочешь... ?

РОДЖЕР. Нет. (*Смотрит на выпавший ящик.*) Может быть, дело...

ЛОРА. Е-ерунда. Но чем с-скорее мы уедем из этого дома, т-тем лучше.

Она тоже останавливается. Короткая пауза.

РОДЖЕР. Корнелия — она изменилась, ты знаешь, после выкидыша. Довольно сильно. Ушла в себя. Про работу забыла.

ЛОРА. М-может быть, это пройдет.

РОДЖЕР. Может быть. Я стараюсь, делаю все, чтобы ей угодить, но не всегда получается. Иногда просто невыносимо. Честное слово. Пару недель назад мы ходили на фортепьянный концерт. Там целый вечер играли мелодию, которая якобы изображала пение птиц. Ты бы слышала — так ни одна нормальная птица не поет, во всяком случае — я не слышал. Твою мать, два часа подряд — трям-трам, трям-трам — будто Корнелия вытирает пыль с пианино. Чуть крыша не съехала. Под конец меня уже трясло.

ЛОРА. Ну уж...

РОДЖЕР. Честное слово. И трясло до самой ночи. И вот еще что: она больше дотронуться до себя не дает.

ЛОРА. Дай ей время.

РОДЖЕР. Я понимаю. Но прошло уже несколько месяцев.

ЛОРА. Значит, ей нужно больше времени.

РОДЖЕР. Пожалуй.

Короткая пауза. Он смотрит на нее, затем отворачивается.

У нее теперь кошка. Милая такая. Такая... пушистая. Она назвала ее Родинка.

Короткая пауза.

Везде с собой таскает.

ЛОРА. Д-даже на к-концерт? Т-так можно всех п-птиц распугать.

Они вяло улыбаются. Не зная что сказать, они смотрят в сад. В дверном проеме появляется ФРЭНК. Они не замечают его. Он наблюдает за ними.

РОДЖЕР. Хотелось бы вот так сесть со своим сыном, поговорить с ним о том о сем, как мама его достала, или

как он влюбился в какую-нибудь девчонку и с ума по ней сходит, и что ему теперь делать, и я бы сказал, что меня, старого хрыча, нужно спрашивать об этом в последнюю очередь... Но не судьба.

ФРЭНК проскальзывает в кладовку, прячется там и слушает.

Угораздило же меня оставить эти чертовы ключи в зажигании.

Короткая пауза.

Прости.

ЛОРА. Ничего.

РОДЖЕР. Прости.

Короткая пауза.

ЛОРА. В такие дни он мог лежать часами, закрыв глаза... думать о чем-то.

РОДЖЕР. Ты знаешь, с тех пор как мы познакомились, и дня не прошло, чтобы я не думал о тебе.

ЛОРА (*нервно озираясь*). Не надо...

РОДЖЕР. Это правда.

ЛОРА. Н-не хочу этого слышать.

РОДЖЕР. Клянусь тебе.

ЛОРА. Нет.

РОДЖЕР. В тот день, когда мы занимались любовью...

ЛОРА (*поднося палец к губам*). Т-с-с-с...

РОДЖЕР. Семнадцать лет назад.

ЛОРА. Роджер, п-прекрати.

РОДЖЕР. Это было семнадцать лет назад.

ЛОРА. Д-д-да.

РОДЖЕР. Точно.

ЛОРА. С-с-семнадцать.

РОДЖЕР. Да.

Короткая пауза. ФРЭНК не сводит с них глаз.

Я полжизни прожил с женщиной, которая даже не в моем вкусе. И почти не виделся со своим сыном.

Короткая пауза.

Так ведь?

На мгновение кажется, что фортепьяно заиграло громче. Она смотрит на него, собираясь заговорить, затем утыкается ему в плечо. Фортепьяно и другие звуки постепенно утихают. Мы слышим отдаленное танго. Они начинают медленно танцевать. ЛОРА почти повисла на нем. ФРЭНК осторожно выглядывает из кладовки. Танго стихает, они останавливаются. В тишине они смотрят друг другу в глаза. ФРЭНК стоит не шелохнувшись. Внезапно фортепьяно раздражается несколькими пассажами танго, очень фальшивыми, возвращая их к действительности. Они отходят друг от друга, ФРЭНК прячется.

ЛОРА (оглядываясь). Фрэнк м-может...

РОДЖЕР. Ничего, ничего...

Короткая пауза.

Мне пора.

Секунду они смотрят друг на друга.

ЛОРА. Д-деннис был бы рад т-тебя...

РОДЖЕР. В другой раз.

Он уходит через сад. ЛОРА смотрит ему вслед, ФРЭНК в это время выходит из кладовки. Фортепьяно вновь начинает играть Баха.

ФРЭНК (*притворившись, что только что вошел на кухню*). Ну вот, лучше. Иногда вдруг прихватывает. Еле добежать успеваю. А Роджер ушел?

ЛОРА. Ему надо б-было.

ФРЭНК. Мне это знакомо. Я не видел его... уже год.

ЛОРА. У него в г-городе встреча.

ФРЭНК. В общем... Наверно, мне пора.

ЛОРА. Ты, к-кажется, собирался что-то рассказать?

Короткая пауза.

ФРЭНК. Да, собирался. Я хотел сказать тебе...

Короткая пауза. Он целует ее.

...ты — мой самый лучший друг.

Он крепко обнимает ее.

ЛОРА. С-спасибо, что зашел. Это т-так важно для меня. Я д-действительно надеюсь, что у тебя все б-будет в п-порядке.

Они отпускают друг друга.

ФРЭНК. Я, наверно, скоро опять приду.

Собирается уходить.

Знаешь, странно: когда мы здесь сидели, на секунду мне показалось, что в саду...

ЛОРА. Да, это был Роджер.

ФРЭНК. Я знаю.

ЛОРА. Он всегда заходит с этой стороны.

ФРЭНК. Да, но на секунду мне показалось, что это был Филипп.

Длинная пауза.

ЛОРА. Показалось.

Короткая пауза.

ФРЭНК. Ладно, мне пора.

Она закрывает дверь на кухню. Короткая пауза.

ЛОРА. Это было один раз, и он был... совсем мальчишкой. Только раз. Я д-думала: «Да ладно, сколько еще будет таких моментов...» и заставила себя з-забыть. Но знаешь, таких больше не было. И я все гадаю, а что было бы, если... а что, если... а Ф-филлип так и не узнал. Это мне в наказание.

Музыка прекращается.

ФРЭНК. Нет, не говори так. Не говори. Это была просто авария, страшная авария. Нельзя всю жизнь чувствовать себя виноватой.

ЛОРА. Я п-пытаюсь прийти в себя, у-успокоиться...

ДЕННИС (*из другого конца дома*). Лора!... Лора!...

Она открывает дверь на кухню.

ЛОРА (*кричит*). Все в порядке, Д-деннис. Все в порядке.

Она закуривает и садится у окна. Снова играет Бах. Она надевает солнечные очки. ФРЭНК садится рядом с ней.

ФРЭНК. Я буду писать.

ЛОРА. Да. П-пьесу.

ФРЭНК. Нет. Тебе.

Она смотрит на него и улыбается, затем они смотрят в сад. Снова слышны звуки лета.

Ну я... я пойду.

Слышны последние такты Арии. Свет гаснет.

Конец

Филипп Ридли

БРОКЕНВИЛЬ (Разрушенск)

Перевод Марии Баевой, Елены Гурченковой
и Оксаны Куприяновой.
Copyright © 2001 Philip Ridley

ПРЕДИСЛОВИЕ

Большинство пьес в данной серии были созданы в рамках уникального масштабного проекта, организованного Королевским Национальным Театром в Лондоне и профинансированного ВТ (British Theatre).

В течение многих лет молодежные театры и школы просили Департамент образования КНТ (Королевского Национального Театра) порекомендовать им пьесы для постановки. Они искали современные, увлекательные, созданные не по заказу пьесы с интересными сюжетными линиями, герои которых по возрасту соответствовали бы молодым людям, которые их играли. В то время было очень мало пьес, написанных для молодежи от 11 до 19 лет. Поэтому мы решили попросить лучших драматургов написать короткие пьесы специально для молодых людей.

За шесть лет завершились два этапа нашего проекта, мы создали портфолио (сборник) новых пьес и попросили 150 школ и молодежных театров выбрать ту, которая понравилась им больше всего. Затем мы пригласили участников приехать на двухдневную выездную сессию и проработать сценарий вместе с драматургом, прежде чем поставить пьесу в своей школе или театре. Некоторые из постановок были позднее представлены на одном из десяти фестивалей профессиональных театров в Соединенном Королевстве. Каждый двухгодичный цикл завершался летним фестивалем в Королевском Национальном Театре, где сцена, кулисы, фойе были наполнены молодежной энергией и творчеством.

Но это еще не все. Как выяснилось, потребность в хороших новых пьесах для молодежи существует не только

в Соединенном Королевстве. Скоро начнется четвертый этап проекта, и на этот раз в портфолио (сборнике) будет больше зарубежных пьес. До тех пор пока будет необходимость, мы планируем продолжать эту интересную работу, питать и поддерживать ум, воображение и искренность молодых людей, а также взрослых, которые с ними работают.

Сьюзи Грэм-Адриани
Королевский Национальный Театр
Июль, 2000 год

Брокенвиль (Разрушенск)
Филипп Ридли

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

РЕБЕНОК.
ПОРТФЕЛЬ.
БЛЕСТКА.
ХОХОЛОК.
ЦАРАПИНА.
ТАТУ.
СТАРУХА.

Сказки соединяют прошлое с настоящим.

Сказки нужны глубокой ночью, когда ты не помнишь, как из того, кем ты был, ты стал тем, кто ты есть. Сказки создаются для вечности, в которой воспоминания померкнут, и вспоминать станет нечего, кроме сказок.

Тим О'Брайан

Ночь.

Мерцают звезды.

Серебристый свет луны освещает —

Разрушенный дом: потолок обвалился, стены вот-вот упадут, окна разбиты, лестница. На полу куски кирпича. Большая лужа.

Повсюду следы того, что здесь жила семья; валяются фотографии в рамках, игрушки и так далее. Еще кровать, стол, стулья. Все говорит о том, что здесь произошла какая-то катастрофа. При свете луны дом становится похож на склад чьих-то воспоминаний.

В доме — десятилетний мальчик. На его одежде — футболке, джинсах и кроссовках — следы случившейся ката-

строфы. В руках музыкальная шкатулка. Дальше его будут называть просто РЕБЕНОК.

РЕБЕНОК забирается в кровать, накрывается одеялом и открывает музыкальную шкатулку.

Слышатся нежные звуки колыбельной.

РЕБЕНОК открывает книгу сказок. Страницы почти превратились в лохмотья, но он пристально в них вглядывается, как будто читает книгу. Этот наполовину бессознательный ритуал успокаивает его. РЕБЕНОК устраивается на кровати поудобнее и плотнее закутывается в одеяло.

Он постепенно погружается в сон...

Пауза.

Входит пятнадцатилетний юноша, сжимая в руках портфель и фонарик. Школьная форма на нем мятая, неряшливая. Он производит впечатление очень серьезного, прилежного ученика; короткая стрижка и очки это впечатление усиливают. Дальше его будут называть ПОРТФЕЛЬ.

ПОРТФЕЛЬ освещает развалины дома фонариком.

Луч света падает на РЕБЕНКА.

Медленно ПОРТФЕЛЬ подходит к РЕБЕНКУ.

РЕБЕНОК тихо стонет во сне.

Музыкальная шкатулка все еще играет...

ПОРТФЕЛЬ подходит к луже. Некоторое время он пристально смотрит в воду, потом садится на землю. Он продолжает смотреть на воду.

Пауза.

Входит четырнадцатилетняя девушка, сжимая в руке фонарик. На ней платье, расшитое серебристыми блестками, и серебристые туфли на шпильках. Вечерний макияж, хотя и смазанный, в волосах блестки. Дальше ее будут называть БЛЕСТКА.

БЛЕСТКА. Есть тут кто-нибудь?

ПОРТФЕЛЬ. Я. Ты кто?

БЛЕСТКА. Я... я не помню.

Подходит к Портфелю.

А тебя как зовут?

ПОРТФЕЛЬ. Забыл.

Короткая пауза.

БЛЕСТКА. А я... у меня блески в волосах.

ПОРТФЕЛЬ. А у меня портфель в руках.

БЛЕСТКА. А что там?

ПОРТФЕЛЬ. Ручки. И... и тетрадь.

БЛЕСТКА. Тетрадь, наверное, подписана.

Портфель быстро пролистывает тетрадь.

ПОРТФЕЛЬ. Она чистая.

Блестка светит фонариком на Ребенка.

БЛЕСТКА. Я слышу... как это называется?

*Напевает мелодию, которую играет музыкальная шка-
тулка.*

ПОРТФЕЛЬ. Музыка.

БЛЕСТКА. Музыка! Точно!

ПОРТФЕЛЬ. Я тоже слышу.

БЛЕСТКА. То есть он не с тобой?

ПОРТФЕЛЬ. Кто?

БЛЕСТКА. РЕБЕНОК.

ПОРТФЕЛЬ. Нет.

Короткая пауза.

Ты была на вечеринке?

БЛЕСТКА. На вечеринке?

ПОРТФЕЛЬ. Ну, твоё платье. И волосы.

БЛЕСТКА. А... Наверное, была.

Короткая пауза.

Что случилось?

ПОРТФЕЛЬ. Где?

БЛЕСТКА. Везде.

ПОРТФЕЛЬ. Не помню.

БЛЕСТКА. Не помнишь. Я тоже. Ничего.

Показывает на часы на руке у ПОРТФЕЛЯ.

Сколько времени?

ПОРТФЕЛЬ. Они остановились. Полночь.

Входит четырнадцатилетний юноша, сжимая в руке фонарик. У него спортивная фигура; на нем джинсы, кожаная куртка и белая футболка. На голове ХОХОЛОК. Он держится самоуверенно и нагло. Дальше его будут называть ХОХОЛОК.

ПОРТФЕЛЬ (*вместе с БЛЕСТКОЙ*). Кто там?

БЛЕСТКА (*вместе с ПОРТФЕЛЕМ*). Кто там?

ХОХОЛОК. А вы кто?

Подходит к ПОРТФЕЛЮ и БЛЕСТКЕ.

ПОРТФЕЛЬ. У меня ПОРТФЕЛЬ.

БЛЕСТКА. А у меня блески в волосах.

ХОХОЛОК подходит к луже, смотрит на свое отражение и взбивает свой хохолок.

ПОРТФЕЛЬ. Ты тоже услышал музыку?

ХОХОЛОК. Допустим. Ну и чего?

БЛЕСТКА. А ты помнишь, как тебя зовут?

ХОХОЛОК. Естественно.

ПОРТФЕЛЬ. И как же?

ХОХОЛОК... Не скажу.

БЛЕСТКА. Он забыл.

ПОРТФЕЛЬ. Мы все забыли.

ХОХОЛОК. Всем нравился мой хохолок. Вот это я помню. Все меня хотели... это...

Короткая пауза.

Ну это... губами.

БЛЕСТКА. Целовать?

ХОХОЛОК. Да. Целовать. И... не только.

БЛЕСТКА. Не только?

ХОХОЛОК. Долго. Языком.

БЛЕСТКА. Сосаться?

ХОХОЛОК. Сосаться. Точно. Все хотели со мной сосаться.

БЛЕСТКА. А мне вот не хочется.

ХОХОЛОК (*указывая на Портфеля*). Ему хочется.

ПОРТФЕЛЬ. Нет!

ХОХОЛОК. Не ври!

РЕБЕНОК *опять что-то бормочет во сне.*

ХОХОЛОК *светит на него фонариком, потом подходит ближе.*

Это ваше?

БЛЕСТКА. Что?

ХОХОЛОК. РЕБЕНОК.

БЛЕСТКА (*вместе с ПОРТФЕЛЕМ*). Нет, не наш.

ПОРТФЕЛЬ (*вместе с БЛЕСТКОЙ*). Нет, нет.

ХОХОЛОК *снимает одеяло с РЕБЕНКА и заворачивает-ся в него.*

БЛЕСТКА (ПОРТФЕЛЮ). Сказать, чтобы он так не делал?

ХОХОЛОК *садится в угол и продолжает взбивать хо-холок.*

ПОРТФЕЛЬ. Часы есть?

ХОХОЛОК. Чего?

БЛЕСТКА. Время.

ХОХОЛОК *смотрит на наручные часы.*

ХОХОЛОК. Полночь.

ПОРТФЕЛЬ. Нет.

ХОХОЛОК. Без вас разберусь, что они показывают!

ПОРТФЕЛЬ. Вот увидишь, они остановились.

ХОХОЛОК *слушает, идут ли часы.*

ПОРТФЕЛЬ. Я прав?

ХОХОЛОК. Отвали.

Входит пятнадцатилетняя девушка, сжимая в руке фо-нарик. На ней темное платье, темная кофта, на пальце об-ручальное кольцо, в одном ухе сережка. На левой ноге видна ЦАРАПИНА. В ней чувствуется легкая грусть. Дальше ее будут называть ЦАРАПИНА.

ПОРТФЕЛЬ (вместе с БЛЕСТКОЙ). Кто там?

БЛЕСТКА (вместе с ПОРТФЕЛЕМ). Кто там?

ЦАРАПИНА. Я, просто я.

Короткая пауза.

А вы кто?

ПОРТФЕЛЬ. У меня портфель.
БЛЕСТКА. А у меня блески.

Короткая пауза.

ПОРТФЕЛЬ. А у него хохолок.
ЦАРАПИНА. Ну... а у меня царапина.
БЛЕСТКА. Обо что поцарапалась?
ЦАРАПИНА... . Не помню.

Светит фонариком на РЕБЕНКА.

Эта... музыка... Я ее слышала там... где я была. Она такая...

БЛЕСТКА. Красивая?

ЦАРАПИНА. Нет. То есть да. Но я забыла слово...

Короткая пауза.

Эта... для детей.

БЛЕСТКА. Детская песенка?

ЦАРАПИНА. Чтобы они засыпали.

ПОРТФЕЛЬ. Колыбельная.

ЦАРАПИНА. Колыбельная! Точно!

Входит пятнадцатилетний юноша с фонариком. Он коренастый, бритоголовый; в мешковатых брюках и рубашке в стиле милитари. На руке видна ТАТУировка. Над левым глазом у него пластырь. Дальше его будут называть ТАТУ.

ПОРТФЕЛЬ (вместе со всеми). Кто там?

БЛЕСТКА (вместе со всеми). Кто там?

ЦАРАПИНА (вместе со всеми). Кто это?

ТАТУ. Это я вас спрашиваю. Кто такие?

ПОРТФЕЛЬ. ...Портфель.
БЛЕСТКА. Блестка.
ТАТУ (*обращаясь к ЦАРАПИНЕ*). Ты?
ЦАРАПИНА. ...Что?
ТАТУ. Имя!
БЛЕСТКА. У нее Царапина.
ЦАРАПИНА. Да, я Царапина.
ТАТУ (*обращаясь к ХОХОЛКУ*). Ты?
ПОРТФЕЛЬ. Хохолок.
ТАТУ. А у него что, своего языка нет?
БЛЕСТКА. Есть, но он им только целуется.

Короткая пауза.

А у тебя что?
ТАТУ. Чего?
ПОРТФЕЛЬ. Как тебя называть?
ТАТУ. Называть? Меня...

Короткая пауза.

БЛЕСТКА. Это татуировка?
ТАТУ. Ну, вроде бы.
ПОРТФЕЛЬ. Покажи.

Разглядывает ТАТУировку.

Что это?
ТАТУ. Так... что-то.
ЦАРАПИНА. А что это значит?
ТАТУ. Забыл.

Морщится от боли в глазу.

БЛЕСТКА. Что случилось?
ТАТУ. Не знаю.

ПОРТФЕЛЬ. Он забыл.
БЛЕСТКА. Все забыто.
ЦАРАПИНА. Нужно промыть. Твой глаз.
ПОРТФЕЛЬ. Вон там лужа.

ТАТУ подходит к луже и промывает глаз.

У тебя есть часы?
ТАТУ. Остановились.
ПОРТФЕЛЬ (*вместе с БЛЕСТКОЙ*). Полночь.
БЛЕСТКА (*вместе с ПОРТФЕЛЕМ*). Полночь.

Входит СТАРУХА, сжимая в руках фонарик. Ей за семьдесят; на ней надеты один поверх другого поношенные свитера; ходит, опираясь на палку. На ее одежде — как и на одежде остальных — следы того, что случилось.

ПОРТФЕЛЬ (*вместе со всеми*). Кто там?
БЛЕСТКА (*вместе со всеми*). Кто там?
ЦАРАПИНА (*вместе со всеми*). Кто это?
ТАТУ (*вместе со всеми*). Стой, кто идет!
СТАРУХА. Не дрейфь! Просто СТАРУХА. Вот и все.

Светит на них фонариком.

А вы все кто?
ПОРТФЕЛЬ. Портфель.
БЛЕСТКА. Блестка.
ЦАРАПИНА. Царапина.
ТАТУ. Тату.
СТАРУХА (*обращаясь к ХОХОЛКУ*). Язык проглотил?
БЛЕСТКА. Нет, язык-то у него есть.
ПОРТФЕЛЬ. Он Хохолок.
СТАРУХА (*указывая на РЕБЕНКА*). А вот этот?
ЦАРАПИНА. Он не наш.
СТАРУХА. Из тех, что потерялись, да?

*Завод в музыкальной шкатулке закончился.
Музыка больше не играет.
РЕБЕНОК в ужасе просыпается и вскакивает с кровати.*

СТАРУХА. Не бойся. (Всем.) Хватит светить ему в глаза.

Подходит к РЕБЕНКУ.

Все хорошо.

РЕБЕНОК *пятится назад.*

Я тебя не обижу.

Подходит ближе к РЕБЕНКУ.

Теперь все в порядке.

Постепенно СТАРУХА подходит к РЕБЕНКУ вплотную. Она обнимает его.

Он испуган. И замерз. Кто-нибудь, разведите костер.

Пауза.

Что вы, РЕБЕНКУ помочь не можете? Забыли, как это делается? — Эй! ТАТУ! Костер!

ТАТУ. Ладно, ладно.

Начинает искать что-нибудь на растопку.

СТАРУХА (обращаясь к ЦАРАПИНЕ). Давай-давай. Чтобы костер горел, что-то нужно. Помнишь?

ЦАРАПИНА. Ой... да. Простите.

Начинает искать.

СТАРУХА. Не жгите то, что осталось целым. Берите только сломанное. Это все еще чей-то дом. Слышите?

ЦАРАПИНА. Да, конечно.

ТАТУ. Ладно, ладно.

ТАТУ и ЦАРАПИНА *складывают вещи для растопки посередине комнаты.*

ПОРТФЕЛЬ. Вы знаете, сколько времени?

СТАРУХА. Нет.

ЦАРАПИНА. Вы знаете, что случилось?

СТАРУХА. Нет.

БЛЕСТКА. Вы знаете, где мы?

СТАРУХА. Нет, нет, нет. Зачем столько вопросов? Сколько времени? Сколько-то. Что случилось? Что-то. Где мы? Там, где очень холодно, — Замороженск! Ха! Как вам это? — И где там костер, чтоб его?

ТАТУ. Почти готов.

РЕБЕНОК *смотрит, как ТАТУ и ЦАРАПИНА собирают вещи на растопку.*

СТАРУХА *наблюдает за РЕБЕНКОМ.*

Короткая пауза.

ЦАРАПИНА *находит мертвую птицу.*

РЕБЕНОК *показывает на нее пальцем.*

СТАРУХА. Что?

РЕБЕНОК *показывает на птицу пальцем.*

СТАРУХА. Что у тебя там?

ЦАРАПИНА. Птица.

ПОРТФЕЛЬ. Какаду.

СТАРУХА. Чей-то попугайчик, наверное.

РЕБЕНОК *протягивает к мертвой птице руку.*

Короткая пауза.

Отдай ему.

ЦАРАПИНА *отдает мертвую птицу* РЕБЕНКУ.

Разводите костер! Давайте! Живо-живо!

ТАТУ. Спички есть?

СТАРУХА. Нет.

Короткая пауза.

ТАТУ (*обращаясь к* ХОХОЛКУ). А у тебя?

ХОХОЛОК. Чего?

ТАТУ. Спички? Зажигалка?

ХОХОЛОК. Допустим.

ТАТУ. Гони!

ХОХОЛОК *отдает* ТАТУ *зажигалку.*

ТАТУ *поджигает собранные вещи.*

При виде огня РЕБЕНОК *начинает хныкать.*

СТАРУХА. Это просто маленький костерчик. Не бойся.

ТАТУ. А чего он боится?

РЕБЕНОК *по-прежнему хнычет.*

СТАРУХА *замечает книгу сказок.*

СТАРУХА. Это что?.. Сказки? Ты любишь сказки?

РЕБЕНОК *немного успокаивается.*

Хочешь, расскажу тебе сказку?

Короткая пауза.

Хочешь?

РЕБЕНОК *кивает.*

Ну сказку так сказку!

Открывает книгу и читает.

«Давным-давно стоял один город, и назывался он...»

Вглядывается в книгу.

Ой... страницы порваны.

РЕБЕНОК *опять начинает хныкать.*

Ничего страшного. Я что-нибудь сейчас придумаю.

Короткая пауза.

Давным-давно стоял один город, где все... все было разрушено. Как здесь. Никто не знал, почему все вокруг было разрушено. Но все-все-все и вправду было разрушено. И назывался этот город... назывался он...

ПОРТФЕЛЬ. Разрушенск?

СТАРУХА. Что —? А, да! Очень хорошо. Разрушенск. Ну вот, что-то уже получается. Давным-давно стоял один город, и назывался он Разрушенск. И в нем, как во всех сказочных городах, был...

РЕБЕНОК *опять начинает хныкать.*

ПОРТФЕЛЬ. Зámок!

СТАРУХА. Точно! (*Обращаясь к РЕБЕНКУ.*) Видишь верхушку этой стены? Там, где зазубренный кирпич. Вот такие были башни в замке... Что дальше?

РЕБЕНОК *вырывает у мертвой птицы перо и протягивает его* СТАРУХЕ.

Перо?

ПОРТФЕЛЬ. Он хочет сказку про перо.

РЕБЕНОК *кивает*.

СТАРУХА. Хочешь про перо, будет про перо. Ну так вот...

Короткая пауза.

В замке Разрушенска жил-был Король.

ПОРТФЕЛЬ. И Королева?

СТАРУХА. Естественно. Король и Королева Разрушенска. И Королева... о, она так сильно любила Короля.

ПОРТФЕЛЬ. А Король любил ее.

СТАРУХА. Нет. Король ее терпеть не мог. По правде сказать, Короля от нее тошнило.

ПОРТФЕЛЬ. Почему?

СТАРУХА. Битвы и войны! Вот чем жил Король. Войны и битвы. И вот его сердце... в общем-то, сердца у него не было.

ПОРТФЕЛЬ. Дырка от бублика.

СТАРУХА. Никакой любви.

ЦАРАПИНА. Бедная Королева.

СТАРУХА. О, это очень ее расстраивало.

ПОРТФЕЛЬ. И что она делала?

Короткая пауза

Что Королева —?

СТАРУХА. Слушай, умник, дай подумать!

Короткая пауза.

Волшебник! Точно! Королева пошла к Волшебнику. И сказала: «Я люблю Короля больше жизни, а Король... в общем, его от меня тошнит. Скажи мне, Волшебник, что мне нужно сделать, чтобы Король меня полюбил?»

ПОРТФЕЛЬ. И что он сказал?

СТАРУХА. Вот и скажи... Волшебник ПОРТФЕЛЬ.

ПОРТФЕЛЬ. Я? Но я... я забыл, как —

СТАРУХА. Забыл! «Забудь!» — сказал Волшебник. — «Забудь про Короля». Молодец, Волшебник Портфель! Но Королева сказала: «Я не могу забыть Короля. Нет. Придется тебе придумать что-то еще. Слышишь? Подумай еще, Волшебник Портфель».

Короткая пауза.

РЕБЕНОК *начинает хныкать.*

Может, придумать какую-нибудь волшебную песню?

ПОРТФЕЛЬ. Хорошая мысль! Я научу тебя петь волшебную песню.

СТАРУХА. «И я должна петь ее Королю?» — спросила Королева.

ПОРТФЕЛЬ. Правильно. Каждую ночь. Пока он спит.

СТАРУХА. «А потом что?» — спросила Королева.

Короткая пауза.

Живо-живо!

ПОРТФЕЛЬ. Если ты споешь эту песню... сорок раз и Короля все равно будет тошнить от тебя, то... тебя это перестанет волновать.

ЦАРАПИНА. Почему?

ПОРТФЕЛЬ. Потому что...

СТАРУХА. «Потому что, — сказал Волшебник Портфель, — если ты споешь эту песню сорок раз и если Король тебя не полюбит, то ты перестанешь его любить». Правильно?

ПОРТФЕЛЬ. Правильно.

СТАРУХА. А ты что скажешь? (*Обращаясь к ЦАРАПИ-
НЕ.*) А, Королева Царапина?

ЦАРАПИНА... . Я? Почему я?

СТАРУХА. Потому что речь идет о твоём муже.

ЦАРАПИНА. И?

СТАРУХА. У тебя обручальное кольцо.

ЦАРАПИНА. А... это так называется?

БЛЕСТКА. Это настоящее золото?

ТАТУ. Ты что, замуж собралась?

ПОРТФЕЛЬ. Тебе это надо?

ХОХОЛОК. И где твой парень сейчас?

ЦАРАПИНА. Не помню. Ничего не помню. Почему?
Почему?

СТАРУХА. Не переживай, что не помнишь. Прос-
то пой.

ЦАРАПИНА. Но... разве это возможно? Вы уверены?
Спеть песню и перестать любить? Так просто?

СТАРУХА. Это волшебство. Все возможно. Пой!

Короткая пауза.

ЦАРАПИНА... . Не помню.

СТАРУХА. Сейчас вспомнишь. Пару строчек. Поверь
мне.

Пауза.

Потом —

ЦАРАПИНА. Баю... баюшки-баю...

Не ложися на краю...

Придет серенький волчок

И ухватит за бочок.

Баю-баюшки-бай бай,

Поскорее засыпай.

Короткая пауза.

СТАРУХА. Сорок ночей Королева пела эту песню. И сорок раз каждое утро она спрашивала Короля...

ЦАРАПИНА. ...Ты любишь меня?

СТАРУХА. И сорок раз каждое утро Король отвечал...

СТАРУХА *смотрит на ТАТУ.*

РЕБЕНОК *смотрит на ТАТУ.*

Все смотрят на ТАТУ.

ТАТУ. ...Я?

СТАРУХА. Да проснись ты! (*Обращаясь к РЕБЕНКУ.*)
Все знали, что по утрам Король тормозил. (*Обращаясь к ТАТУ.*) Ты любишь эту девушку?

ТАТУ. Нет.

СТАРУХА. ...ответил Король.

Короткая пауза.

А потом, в ту ночь, когда Королева пела свою волшебную песню в сороковой раз, она почувствовала что-то внутри.

ЦАРАПИНА. Движение?

СТАРУХА. Толчок.

ЦАРАПИНА. Я... беременна.

ТАТУ. Беременна!

СТАРУХА. ...ахнул Король ТАТУ.

ЦАРАПИНА. А теперь ты меня любишь?

ТАТУ. Нет.

ЦАРАПИНА. Ну и хорошо.

ТАТУ. Это почему?

ЦАРАПИНА. Когда... когда у меня родится Ребенок — да, точно! Он будет любить меня. Я знаю, что я молода. Но я стану лучшей мамой на свете. Это мое тело. И мне ре-

шать, что делать! Слышишь? Мне все равно, что скажут другие! Да пошел ты к черту!

Короткая пауза.

ТАТУ *моргается от внезапной боли в глазу.*

СТАРУХА. На следующий день у Короля Тату заболел глаз.

ПОРТФЕЛЬ. Боль становилась все сильнее и сильнее.

СТАРУХА. Потом началось кровотечение.

ПОРТФЕЛЬ. Огромные сгустки черной крови.

СТАРУХА. А потом оттуда выпрыгнула лягушка.

ТАТУ. Лягушка?

СТАРУХА. ...удивился Король ТАТУ.

ТАТУ. Король Тату думает, что это бред какой-то.

СТАРУХА. На следующий день у него на руке появилась опухоль.

Короткая пауза.

Что будешь делать?

ТАТУ. А?

СТАРУХА. У тебя опухоль на руке. Нарыв. Мы хотим знать, что ты будешь делать. (*Обращаясь к РЕБЕНКУ.*) Правда?

РЕБЕНОК *кивает.*

ТАТУ. Вскрою нарыв.

ПОРТФЕЛЬ. Он вскрывает его.

СТАРУХА. И что оттуда выпрыгивает?

ТАТУ. ...лягушка?

СТАРУХА. Очень хорошо. А теперь тебе нужно выяснить, что это за болезнь. (*Обращаясь к РЕБЕНКУ.*) Да?

РЕБЕНОК *кивает.*

ТАТУ. А... как?

СТАРУХА. Спроси Волшебника, дурачок. Давай.

Короткая пауза.

Живо-живо!

ТАТУ. Что со мной?

ПОРТФЕЛЬ. Какие симптомы?

ТАТУ. Из меня выпрыгивают лягушки.

ПОРТФЕЛЬ. Тогда у тебя... Болезнь Лягушковыпрыгивания.

ТАТУ. М-м-м... Понятно.

СТАРУХА. Спроси, что это значит, Король ТАТУ. Давай.

ТАТУ. А что значит Болезнь Лягушковыпрыгивания?

ПОРТФЕЛЬ. Ты умираешь.

ТАТУ. Да ничего подобного!

СТАРУХА. Спроси его, почему, Король ТАТУ.

ТАТУ. ...почему?

ПОРТФЕЛЬ. Потому что... никто тебя не любит.

ТАТУ. Любят!

ПОРТФЕЛЬ. Кто?

ТАТУ. Она! Королева ЦАРАПИНА.

ЦАРАПИНА. Меня от тебя тошнит.

ТАТУ. Тогда другие.

ПОРТФЕЛЬ. Кто? Дай телефоны.

Короткая пауза.

ТАТУ. Я... не помню.

ПОРТФЕЛЬ. Значит, ты умираешь.

СТАРУХА. Повтори!

Короткая пауза.

ТАТУ. Я умираю.

СТАРУХА. Но знаешь, есть выход.

ТАТУ. Какой?

СТАРУХА. Скажи ему, Волшебник ПОРТФЕЛЬ.

Короткая пауза.

ПОРТФЕЛЬ. Если... если ты найдешь кого-то, кто тебя полюбит, тогда лягушки перестанут выпрыгивать из тебя. Ты будешь жить.

ТАТУ. А... если я никого не найду?

СТАРУХА. Твое сердце остановится, как только родится твой РЕБЕНОК.

Пауза.

ЦАРАПИНА. Давай, ищи!

ТАТУ. Ищу.

СТАРУХА. Сидя на заднице, любовь не ищут.

ТАТУ *делает несколько шагов по дому и подходит к луже* —

Однажды, когда Король гулял по берегу реки, он услышал крик о помощи. Пригляделся и увидел...

БЛЕСТКА. Рыбу!

СТАРУХА. Которая запуталась в водорослях.

ТАТУ. И... что было дальше?

СТАРУХА. Вот ты и скажи.

ТАТУ. Я ее пожарил.

ЦАРАПИНА. Ты искал любовь, а не ужин.

ТАТУ. Спас!

СТАРУХА. И потом ты сказал...

ТАТУ. Я... спас тебя, Маленькая Рыбка. И теперь я прошу тебя... прошу тебя...

ЦАРАПИНА. Он не может этого сказать.

ТАТУ. Могу!

ПОРТФЕЛЬ. Не можешь!
ТАТУ. Могу! Могу!
СТАРУХА. Докажи!
ТАТУ... Полюби меня!

Короткая пауза.

СТАРУХА. Но Маленькая Рыбка ответила...

Смотрит на РЕБЕНКА.

Да, ты. Что ответила рыбка?

РЕБЕНОК *что-то шепчет* СТАРУХЕ.

Маленькая Рыбка говорит: «Нет».

ТАТУ. Почему?

СТАРУХА. Потому что тебе не нужна любовь. *Настоящая* любовь. Тебе нужна просто благодарность. (*Обращаясь к РЕБЕНКУ.*) Да?

РЕБЕНОК *кивает.*

ЦАРАПИНА. Умная рыбка.

СТАРУХА. И Маленькая Рыбка уплыла от Короля как можно быстрее. Буль-буль-буль.

РЕБЕНОК *издает булькающие звуки.*

О, молодец.

Короткая пауза.

На следующий день Король нашел... (*Обращаясь к РЕБЕНКУ.*) Что?

РЕБЕНОК *показывает на небо.*

Небо?

РЕБЕНОК *мотает головой.*

ПОРТФЕЛЬ. Облако?

ЦАРАПИНА. Солнце?

БЛЕСТКА. Луну?

СТАРУХА. Звезду!

РЕБЕНОК *кивает и показывает на землю.*

БЛЕСТКА *(вместе с ЦАРАПИНОЙ)*. Упавшую Звезду!

ЦАРАПИНА *(вместе с БЛЕСТКОЙ)*. Упавшую Звезду!

РЕБЕНОК *кивает.*

ЦАРАПИНА. И что ты сделал, Король Тату?

ТАТУ. Спас ее.

СТАРУХА. Забрось ее обратно на небо. Давай.

ТАТУ *подбрасывает звезду вверх.*

ЦАРАПИНА. Теперь он попросит тебя полюбить его.

ТАТУ. Полюби меня, Упавшая Звезда.

СТАРУХА. Но Упавшая Звезда сказала...

РЕБЕНОК *что-то шепчет СТАРУХЕ.*

СТАРУХА. Ха! Отлично. Блеск-блеск. Что можно приблизительно перевести как: «С какой стати мне любить такую дубину, как ты?»

ТАТУ. Как Вы меня назвали?

СТАРУХА. Отвечай на вопрос!

ТАТУ. Не буду!

СТАРУХА (*вместе с ЦАРАПИНОЙ*). Отвечай!

ЦАРАПИНА (*вместе со СТАРУХОЙ*). Отвечай!

Короткая пауза.

ТАТУ. Потому что... Я очень сильный. Никто не смог бы... забросить тебя обратно, как я! Вот почему ты должна меня любить. Годится?

РЕБЕНОК *что-то шепчет* СТАРУХЕ.

Что он говорит?

СТАРУХА. Блеск-блеск.

ТАТУ. И что это значит?

СТАРУХА. Тебе не нужна любовь. Тебе нужно восхищение. И Упавшая Звезда перестала светить Королю.

РЕБЕНОК *отворачивается от* ТАТУ.

ЦАРАПИНА. Умная звездочка.

ТАТУ. И я не знаю, что дальше делать.

СТАРУХА. Король уже почти сдался, но тут он нашел яйцо.

Короткая пауза.

Найди его!

ЦАРАПИНА. Давай!

СТАРУХА (*вместе с ПОРТФЕЛЕМ*). Давай!

ПОРТФЕЛЬ (*вместе со СТАРУХОЙ*). Давай!

ТАТУ. Да что вы все на меня, на хрен, набросились? Это нечестно. Идите вы со своей тупой сказкой.

РЕБЕНКА *пугает эта неожиданная вспышка гнева.*

СТАРУХА. Ты расстроил Ребенка.
ЦАРАПИНА (*вместе с* ПОРТФЕЛЕМ). Найди его!
ПОРТФЕЛЬ (*вместе с* ЦАРАПИНОЙ). Найди его!
СТАРУХА. Живо-живо!

РЕБЕНОК *расстраивается еще больше.*

ТАТУ. Ладно, ладно. Сейчас найду.

Начинает поиски.

Нет здесь никакого яйца!
СТАРУХА. Подойдет что-нибудь маленькое.
ТАТУ. ...Маленькое?

СТАРУХА *показывает на* РЕБЕНКА.
Короткая пауза.
ТАТУ *подходит к* РЕБЕНКУ.
РЕБЕНОК *начинает хныкать от страха.*

СТАРУХА. Ш-ш-ш! Все в порядке. Он тебя не обидит.
(*Обращается к* ТАТУ.) Ведь нет?
ТАТУ. Конечно нет.

Короткая пауза.

Привет, Маленькое Яйцо.
СТАРУХА. Вот видишь! Он не такой страшный, как кажется.

РЕБЕНОК *успокаивается.*

ТАТУ. Теперь что?
СТАРУХА. Вот ты и скажи.

Короткая пауза.

ТАТУ. Я... я возьму это Маленькое Яйцо... и спрячу.

СТАРУХА. В лесу?

ТАТУ. Да.

СТАРУХА. И будешь заботиться о нем?

ТАТУ. Да.

СТАРУХА. А когда из яйца кто-нибудь вылупится?

ТАТУ. Я сделаю так, что он меня полюбит.

Молодец. Так Король и поступил. Он остался в лесу и заботился о Маленьком Яйце. Пока однажды не услышал треск скорлупы... (*Обращаясь к РЕБЕНКУ.*) Треск скорлупы, пожалуйста.

РЕБЕНОК *издает треск.*

СТАРУХА. И увидел?

ТАТУ. Глаз!

РЕБЕНОК *издает треск.*

СТАРУХА. А потом?

ТАТУ. Ключ!

РЕБЕНОК *издает треск.*

ТАТУ. Птенец!

РЕБЕНОК *открывает рот.*

ТАТУ. Что он делает?

СТАРУХА. Он хочет есть.

ЦАРАПИНА. Покорми его.

ТАТУ. Чем?

ПОРТФЕЛЬ. Пережеванными червяками.

Короткая пауза.

СТАРУХА. Давай.

ТАТУ *жует*.

Он подходит к РЕБЕНКУ и хочет отдать ему воображаемых червяков.

Не так.

БЛЕСТКА. Как птицы.

ЦАРАПИНА. Из клюва в клюв.

Короткая пауза.

СТАРУХА. Живо-живо.

ТАТУ *наклоняется к РЕБЕНКУ*.

Ближе...

Ближе...

ЦАРАПИНА. Птенец поел!

СТАРУХА. Сорок дней Король заботился о Птенце, а потом спросил...

Короткая пауза.

ТАТУ. ...Любишь меня?

СТАРУХА. А Птенец ответил...

РЕБЕНОК *что-то шепчет* СТАРУХЕ.

СТАРУХА. Да.

ЦАРАПИНА. Ты уверен?

СТАРУХА. Он уверен.

ТАТУ. Возвращаемся в замок!

СТАРУХА. Король Тату посадил Птенца в клетку. Поставил себе в комнату и никому не показывал.

БЛЕСТКА. Почему?

СТАРУХА. Чтобы он никого больше не полюбил.
ТАТУ. Хорошая мысль.

ЦАРАПИНА *раздраженно хмыкает.*

СТАРУХА. Королеву Царапину — о, ее это очень раздражало.

ЦАРАПИНА. Что там у тебя в комнате?

ТАТУ. Кто-то, кто меня любит.

ЦАРАПИНА. Тебя! Любит! Ха!

СТАРУХА. И вот настал день, когда у Королевы родился РЕБЕНОК.

ЦАРАПИНА. Что —? Ах да! Мой РЕБЕНОК.

БЛЕСТКА. Мальчик или девочка?

ЦАРАПИНА. Мальчик. Я надеялась, что это будет мальчик. Посмотри на его ручки.

СТАРУХА. Смотри, Король ТАТУ.

ЦАРАПИНА. Какие пальчики. Видишь?

ТАТУ. Угу.

ЦАРАПИНА. Само совершенство. Ой, смотри! Вот тут! Родинка на ноге. Видишь?

ТАТУ. Ага.

ЦАРАПИНА. Твой сын.

ТАТУ. Мой... сын.

ЦАРАПИНА. Мы вместе будем заботиться о нем.

Короткая пауза.

СТАРУХА. Король Тату отправился к Волшебнику Портфелю.

ТАТУ. Я? С какой стати?

СТАРУХА. Ребенок же родился? А ты жив!

ТАТУ. А, да! Точно! — Эй, Волшебник ПОРТФЕЛЬ. Я все еще жив. И смотри! Никаких лягушек. Значит, я теперь не помру. Так?

ПОРТФЕЛЬ. Все мы когда-нибудь помрем.

ТАТУ. Блин, ты же понял, что я имею в виду.

ПОРТФЕЛЬ. Ты не помрешь.

Короткая пауза

СТАРУХА. Итак... Король вернулся к себе и открыл дверцу клетки, где был Птенец.

ТАТУ. Вали отсюда! Ты мне больше не нужен. Лети в теплые страны или куда-нибудь еще.

СТАРУХА. Птенец вылетел из клетки.

РЕБЕНОК *машет руками.*

О, очень хорошо.

ТАТУ. Прощай, Птенец.

Короткая пауза.

ПОРТФЕЛЬ. И... это конец сказки?

СТАРУХА. Как думаешь? (*Обращаясь к РЕБЕНКУ.*)
Конец?

РЕБЕНОК *качает головой.*

СТАРУХА. Конечно нет! Я знаю! За то долгое время, что Птенец просидел в клетке, он сошел с ума. Правильно?

РЕБЕНОК *кивает.*

Птенец метался по замку как безумный.

ПОРТФЕЛЬ. Лови его!

ЦАРАПИНА. Лови его!

БЛЕСТКА. Он летит туда!

ТАТУ. Что тут творится?

СТАРУХА. И вот... одно перо...

Поднимает перо.

...падает прямо в рот маленькому Принцу.

ЦАРАПИНА. Не надо!

СТАРУХА. Надо! Одно перо падает в рот младенца.

Никто этого не заметил. К тому времени, как Птенца прогнали из Замка, из-за этого пера.

ЦАРАПИНА. Не надо! Пожалуйста!

СТАРУХА. Из-за этого пера сын Королевы задохнулся.

ЦАРАПИНА. Нет!

СТАРУХА. Твой ребенок умер!

Небольшая пауза.

Доволен?

РЕБЕНОК *кивает.*

РЕБЕНОК *берет перо у Старухи.*

РЕБЕНОК *кладет его в костер.*

Пауза.

Нам нужно найти еще что-то для костра. Как ты думаешь?

РЕБЕНОК *кивает.*

Нельзя же, чтобы он потух, да? Эй, ПОРТФЕЛЬ!

ПОРТФЕЛЬ. Да, да, ладно. (РЕБЕНКУ.) Хочешь помочь?

СТАРУХА (*Ребенку*). Ну?

РЕБЕНОК *кивает.*

Ну давай тогда.

РЕБЕНОК *ищет.*

Эй! Хохолок! Сделай что-нибудь полезное!

ХОХОЛОК *не двигается.*

ПОРТФЕЛЬ *что-то подбирает.*

Что это у тебя там?

ПОРТФЕЛЬ. Так, ничего... не обращайтесь внимания.

РЕБЕНОК *хочет рассмотреть.*

СТАРУХА. Покажи ему!

ПОРТФЕЛЬ. Но это не...

СТАРУХА. Покажи ему!

ПОРТФЕЛЬ. Это человеческий зуб! Доволен?

Отдает зуб РЕБЕНКУ.

Короткая пауза.

РЕБЕНОК *тянет ПОРТФЕЛЬ к костру.*

Ч-что он хочет?

СТАРУХА. Сказку про зуб. (РЕБЕНКУ.) Так?

РЕБЕНОК *кивает.*

Все сюда, подойдите сюда. Живо-живо.

РЕБЕНОК и ПОРТФЕЛЬ *салятся к огню.*

Остальные вокруг.

Пауза.

ПОРТФЕЛЬ. За тридевять земель был город Разрушенск.

СТАРУХА. Хорошее начало. Давай.

ПОРТФЕЛЬ. И ... там была ...
ЦАРАПИНА. Королева Царапина?
ПОРТФЕЛЬ. Да.

РЕБЕНОК *качает головой. Шепчет что-то* СТАРУХЕ.

ЦАРАПИНА. Что не так?
СТАРУХА. Не было Королевы.

Короткая пауза.

ПОРТФЕЛЬ. В Разрушенске был Король —

РЕБЕНОК *качает головой.*
Шепчет что-то СТАРУХЕ.

СТАРУХА. Не было Короля.
ПОРТФЕЛЬ. А где же они?

РЕБЕНОК *шепчет что-то* СТАРУХЕ.

СТАРУХА. О, это чудесно. (*Ко всем.*) Королева собирает ракушки. Но ближайший пляж в Разрушенске за много километров от замка. И туда очень трудно попасть. И вообще, это самое отдаленное место во всем королевстве.

ПОРТФЕЛЬ. И бьюсь об заклад, самое красивое.

БЛЕСТКА. И вот Король привел ее туда. Королеву, в смысле. Их сопровождала охрана.

ЦАРАПИНА. Он обычно делает это раз в год.

СТАРУХА. А пока их нет... угадайте, кто остался за главного?

РЕБЕНОК *шепчет что-то* СТАРУХЕ.

СТАРУХА. Их сын.
ХОХОЛОК. Принц Хохолок!

РЕБЕНОК *восторженно хлопает в ладоши*. ХОХОЛОК подбирается поближе к огню.

СТАРУХА. Какой красавчик этот Принц!

БЛЕСТКА. Не надо, он и так самовлюбленный.

ХОХОЛОК. А почему бы мне и не гордиться собой?

ПОРТФЕЛЬ. Ну давай, самовлюбленный Принц, гордись!

ХОХОЛОК. Вы когда-нибудь видели такие волосы? Видели? Это же само совершенство. А мои ресницы? Девчонки умерли бы, лишь бы иметь такие же. И, гляньте сюда —

поднимает футболку

— какие кубики. Если у вас от этого не текут слюнки, значит, во рту пересохло!

БЛЕСТКА. Да хорош уже!

ПОРТФЕЛЬ. Каждое утро Принц смотрится в зеркало и говорит...

ХОХОЛОК. ...А? Чего?

ЦАРАПИНА. Рассказывай, рассказывай!

БЛЕСТКА. Что говорит самовлюбленный Принц, когда смотрится в зеркало?

СТАРУХА. И подойди к луже.

ХОХОЛОК. Зачем?

ПОРТФЕЛЬ. Это зеркало, балда.

Короткая пауза.

ХОХОЛОК (*ПОРТФЕЛЮ*). Хочешь дотронуться до меня?

ПОРТФЕЛЬ. Чего-чего?

ХОХОЛОК. До моей кожи — вот здесь. Попробуй. Одним пальчиком. Вот так. Ты же точно хочешь.

Короткая пауза.

Ну, давай.

ПОРТФЕЛЬ *медленно приближается к ХОХОЛКУ, чтобы дотронуться до него, и как только он подносит палец...*

(Отпрыгивая в сторону.) Извини. Ты слишком уродлив, чтобы дотрагиваться до меня.

БЛЕСТКА. Ну так нельзя!

ЦАРАПИНА. Хулиган.

ПОРТФЕЛЬ (ХОХОЛКУ). Думаешь, можно надо мной издеваться? Да?!

ХОХОЛОК. Ну... да.

ЦАРАПИНА. Не расстраивайся.

ПОРТФЕЛЬ. Буду я еще из-за него расстраиваться.

ХОХОЛОК. Будешь-будешь, уродец.

ПОРТФЕЛЬ. Да замолчи ты, замолчи!

ЦАРАПИНА. Ответь ему.

БЛЕСТКА. Сделай что-нибудь.

ПОРТФЕЛЬ. А что я ему могу сделать? Ничего.

ПОРТФЕЛЬ *отворачивается.*

СТАРУХА. Да ты можешь сделать все, что угодно... Это же твоя сказка.

ПОРТФЕЛЬ *медленно поворачивается ко всем.*

Короткая пауза.

ПОРТФЕЛЬ. Принц... он проводил все время перед зеркалом. И говорил: «Поцелуй меня! Поцелуй меня! Поцелуй меня!»

ХОХОЛОК. Чего-чего?

СТАРУХА. Ну, вперед!

ХОХОЛОК. Ни за что.

РЕБЕНОК *начинает хныкать.*

СТАРУХА. Смотри, что ты наделал! Сказка. Рассказывайте!

ЦАРАПИНА (*вместе с БЛЕСТКОЙ*). Живо-живо!

БЛЕСТКА (*вместе с ЦАРАПИНОЙ*). Живо-живо!

ХОХОЛОК. Поцелуйменяпоцелуйменяпоцелуйменя!

РЕБЕНОК *понемногу успокаивается.*

СТАРУХА. Подойди к луже.

ХОХОЛОК *подходит к луже.*

ПОРТФЕЛЬ. И скажи по-человечески.

ХОХОЛОК. Поцелуй меня! Поцелуй меня! Поцелуй меня!

РЕБЕНОК *хлопает в ладоши.*

ПОРТФЕЛЬ. А потом, однажды, Принц поцеловал зеркало так крепко, что разбил его. И поранил губу.

РЕБЕНОК *что-то шепчет СТАРУХЕ на ухо.*

СТАРУХА. Как он поранился?

ПОРТФЕЛЬ. Ну... он даже не поранился. Это такой маленький порез. Как будто от бритвы.

ХОХОЛОК. Много ты знаешь про бритвы! Ха!

СТАРУХА. И что случилось? Кто-то пробрался внутрь?

ПОРТФЕЛЬ. Да.

ТАТУ. Кто-то очень маленький.

СТАРУХА. Я догадалась.

ПОРТФЕЛЬ. Паук.

СТАРУХА. Очень хорошо. И?

Короткая пауза.

Что-то произошло с Принцем?

ПОРТФЕЛЬ. Паук... проник к нему в кровь.

СТАРУХА. Ага!

ПОРТФЕЛЬ. И ... принц ужасно заболел.

СТАРУХА. Ага!

ХОХОЛОК. Поаккуратней, Портфель!

ПОРТФЕЛЬ. У него начали выпадать волосы.

ХОХОЛОК. Ну еще чего! Ни за что!

СТАРУХА. Принц жутко злился.

ПОРТФЕЛЬ. Но это не помогло.

БЛЕСТКА. А волосы все выпадали.

ЦАРАПИНА. Пучками.

ХОХОЛОК. Нет!

ПОРТФЕЛЬ. Пока он не облысел.

БЛЕСТКА. Молодец, Портфель!

ЦАРАПИНА. Да, молодец!

ХОХОЛОК. Я больше не играю!

Бежит в угол.

СТАРУХА. Если тебе не нравится сказка, измени ее.

Короткая пауза.

ЦАРАПИНА. Да у него мозгов не хватит.

БЛЕСТКА. Симпатичный, конечно, но тупой!

СТАРУХА. Обиделся, как девчонка!

ХОХОЛОК *возвращается из угла.*

ХОХОЛОК. Король и Королева — они ушли на... на...

Куда?

ПОРТФЕЛЬ. Разрушенский пляж.

ХОХОЛОК. А я здесь главный, да?

СТАРУХА. Королевство твое.

ХОХОЛОК. И народ?

СТАРУХА. Мы твои покорные слуги.

ХОХОЛОК. Побрейтесь налысо!

БЛЕСТКА. Так... Так ведь нельзя. Нельзя же?

ЦАРАПИНА. Конечно нельзя.

ПОРТФЕЛЬ. А по-моему, можно.

СТАРУХА. Думаю, можно.

ХОХОЛОК. Всем бриться!

ПОРТФЕЛЬ. И... покорные подданные побрили головы наголо.

ХОХОЛОК. Ха! Хватило мозгов? Я опять Само Совершенство в целом свете!

Смотрит на свое отражение в луже.

Поцелуй меня! Поцелуй меня! Поцелуй меня!

ПОРТФЕЛЬ. А потом Принц Хохолок начал чахнуть.

ХОХОЛОК. Чахнуть?

БЛЕСТКА. И никаких кубиков не осталось.

ПОРТФЕЛЬ. Он заперся в своей комнате и плакал... м-м-м... сейчас скажу... двадцать восемь дней и двадцать восемь ночей.

СТАРУХА. Иди в свою комнату.

ЦАРАПИНА (*вместе с БЛЕСТКОЙ*). Живо-живо.

БЛЕСТКА (*вместе с ЦАРАПИНОЙ*). Живо-живо.

ХОХОЛОК *уходит в угол.*

СТАРУХА (*РЕБЕНКУ*). Интересно, что он будет делать, а? Раньше Принц Хохолок был такой умный? Интересно, сможет ли он снова выпутаться.

ХОХОЛОК *возвращается из угла.*

ХОХОЛОК. Прекратите есть!

ЦАРАПИНА. Что?

ХОХОЛОК. Похудейте, как я.

БЛЕСТКА. Ну это просто глупо.

СТАРУХА. Это закон.

ПОРТФЕЛЬ. И все перестали есть, пока не зачали так же, как Принц.

ХОХОЛОК *смотрит на свое отражение.*

ХОХОЛОК. Поцелуй меня! Поцелуй меня! Поцелуй меня!

ПОРТФЕЛЬ. А потом у него выпал зуб.

Поднимает зуб.

БЛЕСТКА. У него выпадают зубы.

ПОРТФЕЛЬ. Принц закрылся —

ХОХОЛОК. Иду, иду!

Идет в угол.

БЛЕСТКА. Ну, сейчас начнется...

Короткая пауза.

ХОХОЛОК *возвращается из угла.*

ХОХОЛОК. Всем выдернуть зубы.

БЛЕСТКА. Так я и знала.

ПОРТФЕЛЬ. И Принц объезжал свои владения и смотрел на груды зубов и кучи волос.

ХОХОЛОК. Поцелуй меня! Поцелуй меня! Поцелуй меня!

ПОРТФЕЛЬ. Теперь кашляй кровью.

ХОХОЛОК. К-кровью?

ПОРТФЕЛЬ. Много-много крови.

БЛЕСТКА. Он умирает.

ХОХОЛОК. Нет.

СТАРУХА. Да.

ХОХОЛОК. Портфель?

СТАРУХА. Иди к себе в комнату.

ХОХОЛОК. Это *его* сказка.

Указывает на ПОРТФЕЛЯ.

СТАРУХА. Иди! Иди!

ХОХОЛОК *отходит в угол.*

ЦАРАПИНА. И что же он будет делать?

СТАРУХА. Не знаю. (*РЕБЕНКУ*). Или мы знаем?

ХОХОЛОК *возвращается из угла.*

ХОХОЛОК. Убейте себя.

ПОРТФЕЛЬ. Что?

ХОХОЛОК. Если я должен умереть, то и вы все умрете.

РЕБЕНОК *качает головой и шепчет что-то* СТАРУХЕ.

СТАРУХА. Он говорит, ты не вправе этого делать.

ХОХОЛОК. Я меняю сказку. Сама так сказала.

СТАРУХА. Ты меняешь ее неправильно.

ПОРТФЕЛЬ. Да, как-то слишком... предсказуемо.

ЦАРАПИНА. Это так грубо!

БЛЕСТКА. Ты как ребенок!

ТАТУ. Мы против.

СТАРУХА. Как? А, ну да! Замечательно! Значит, бунт
в Разрушенске! Давайте все взбунтуемся!

ХОХОЛОК. И что вы сделаете?

СТАРУХА (*РЕБЕНКУ*). Что бы ты придумал?

РЕБЕНОК *шепчет* СТАРУХЕ.

СТАРУХА. Нападем на Замок!

ТАТУ. Вооружайтесь.

РЕБЕНОК *шепчет* СТАРУХЕ.

СТАРУХА. Схватить Принца!
БЛЕСТКА. А потом что?

РЕБЕНОК *шепчет* СТАРУХЕ.

СТАРУХА. Разорвать его на куски!
ХОХОЛОК. Нет!
ТАТУ. Да!

ХОХОЛОК *пятится от них назад*.

СТАРУХА. Не дайте ему сбежать!
ТАТУ. Держите его! Держите его!
ПОРТФЕЛЬ (с ТАТУ). Не дайте ему сбежать! Держите его! (и т. д.)

БЛЕСТКА (с ТАТУ). Я до него доберусь! Держите его! (и т. д.)

ЦАРАПИНА (с ТАТУ). Он плохой Принц! Держите его! (и т. д.)

ТАТУ, ПОРТФЕЛЬ, БЛЕСТКА и ЦАРАПИНА *окружают* ХОХОЛКА.

ХОХОЛОК. Не трогайте меня! Пожалуйста!
ТАТУ. Убейте его!
ВСЕ (кроме ХОХОЛКА и РЕБЕНКА). Убить! Убить!
Убить! Убить!
ХОХОЛОК (*кричит*). Нееееееееет!

Тишина.

Пауза.

И вот —

СТАРУХА. Принц мертв.

РЕБЕНОК, *которому все понравилось, теперь восторженно хлопает в ладоши.*

(РЕБЕНКУ.) Тебе понравилось?

РЕБЕНОК *кивает, потом шепчет* СТАРУХЕ.

Пусть его склюют птицы.

РЕБЕНОК *изображает птичий клекот.*

Короткая пауза.

И вот —

Все изображают пугающий клекот птиц.

Повсюду светят фонариками.

Медленно клекот стихает...

Пауза.

БЛЕСТКА. А может, кровь Принца волшебная?

СТАРУХА. Волшебная?

БЛЕСТКА. Может, она... ну... чтобы у всех опять выросли волосы.

ЦАРАПИНА. И зубы.

ПОРТФЕЛЬ. О, это здорово. Мне нравится.

СТАРУХА (РЕБЕНКУ.) Ну как тебе?

РЕБЕНОК *качает головой.*

БЛЕСТКА. Но почему?

СТАРУХА. Он прав. Все живы. Вот и хорошо.

ХОХОЛОК. Никакой волшебной крови.

Короткая пауза.

СТАРУХА. Где зуб?

ПОРТФЕЛЬ. Вот он.

РЕБЕНОК *забирает у Портфеля зуб и бросает в костер.*

Короткая пауза.

РЕБЕНОК *указывает на что-то.*

СТАРУХА. Что?

РЕБЕНОК *указывает на что-то.*

ЦАРАПИНА. Что-то там.

Подходит к каким-то полкам.

Ваза?

РЕБЕНОК *качает головой.*

Это?

Берет осколок зеркала.

РЕБЕНОК *кивает.*

БЛЕСТКА. Что это?

ЦАРАПИНА. Зеркало.

РЕБЕНОК *садится к огню.*

СТАРУХА (к ЦАРАПИНЕ). Ты знаешь, что делать.

ЦАРАПИНА *подходит к огню.*

Все собираются вокруг.

Короткая пауза.

ЦАРАПИНА. Жила-была ...

БЛЕСТКА. Принцесса Блестка?

ЦАРАПИНА. Нет.

ТАТУ. Король Тату?

ЦАРАПИНА. Да.

Короткая пауза.

Но он был слепой Король.

ТАТУ. Почему это?

ЦАРАПИНА. Потому что у тебя была Королева. Но ты не любил ее. Это разбило ей сердце. Королева умерла из-за неразделенной любви. И, как только она умерла, ты... ты понял, что не можешь жить без нее, и... И выплакал себе все глаза.

РЕБЕНОК *взволнованно хлопает.*

Каждый день Король гулял в саду своего Замка.

СТАРУХА. Сад принадлежал покойной Королеве.

ЦАРАПИНА. Она посадила все эти цветы. Почувствуй их запах, Король.

ТАТУ. Как я хочу их увидеть.

БЛЕСТКА. Твой сын расскажет тебе о них.

Короткая пауза.

СТАРУХА. Принц Хохолок?

ХОХОЛОК. Я думал, я умер.

СТАРУХА. Новая сказка, новый Принц.

ТАТУ *кладет руки на плечи Хохолку.*

РЕБЕНОК *с наслаждением хлопает.*

ТАТУ. Опиши сад, Принц ХОХОЛОК.

ХОХОЛОК. Ой... ничего такой сад. Желтые вьющиеся цветы — ох, как они называются?

ТАТУ. Розы?

ХОХОЛОК. Точно! Розы. Повсюду. Желтые розы. Красные розы. И маленькие розы по всей ограде. И бабочки. И божьи коровки А запах! Обалденный! Ну как?

СТАРУХА. Удивительно здорово.

БЛЕСТКА. Да.

ЦАРАПИНА. Для Короля не было занятия любимей, чем сидеть в саду покойной Королевы и ... нюхать розы.

ТАТУ *втягивает носом воздух.*

ТАТУ. Очень... цветочно.

Короткая пауза.

ЦАРАПИНА. И вот, однажды, с неба прилетел Дракон.

СТАРУХА (РЕБЕНКУ). Они страшные, эти драконы.

ПОРТФЕЛЬ. А откуда он взялся?

СТАРУХА. Вон оттуда... с гор.

ЦАРАПИНА. Дракон впервые подлетел так близко к Замку. И знаете почему?

РЕБЕНОК *мотает головой.*

ХОХОЛОК. Из-за... запаха роз?

ЦАРАПИНА. Точно. Понимаете, розы росли и росли. Больше и больше год от года. И теперь этот обалденный запах достиг самых дальних гор. А ведь самое любимое занятие Дракона — поедать розы.

СТАРУХА. И что же Король?

ТАТУ. Да я вообще в ярости.

ХОХОЛОК. Пойди к Волшебнику.

ТАТУ. Ну точно, шас пойду. (РЕБЕНКУ.) Правильно?

РЕБЕНОК *утвердительно кивает.*

ТАТУ *идет к Портфелю.*

Этот Дракон собирается сжевать мой сад. Сделай что-нибудь.

ПОРТФЕЛЬ. Послушай моего совета. Отдай дракону один уголок своего сада. Вырасти розы специально для Дракона. Я уверен, он будет доволен и не тронет остальные. Я знаю Драконов. Они не жадные.

ТАТУ. Я не позволю этой ящерице-переростку разгуливать тут, как у себя дома, и портить своим видом мой двор.

ЦАРАПИНА. Но ты же его не видишь!

ТАТУ. Неважно. Где мой сын?

Короткая пауза.

Принц Хохолок!

ХОХОЛОК. Ох... извините! Тут я! Приветище, Король.

ТАТУ. Убей Дракона.

ХОХОЛОК. Но Волшебник сказал —

ТАТУ. Никаких «но». Это приказ. Отруби Дракону голову.

ХОХОЛОК. Ему нужно всего несколько кустов.

ТАТУ. Ни лепестка.

Короткая пауза.

ЦАРАПИНА. И вот... Принц Хохолок взял самый большой меч, какой только смог отыскать, и отправился в горы.

Короткая пауза.

СТАРУХА. Продолжай.

ЦАРАПИНА (с БЛЕСТКОЙ). Живо-живо.

БЛЕСТКА (с ЦАРАПИНОЙ). Живо-живо.

ХОХОЛОК. Если это испортит мой хохолок, быть беде.

ХОХОЛОК берет ножку стола и начинает забираться на груды обломков.

Дракон!

СТАРУХА. Громче.

ХОХОЛОК. Дракон!

СТАРУХА. Громче.

ХОХОЛОК. Дракон! Дракон! Дракон!

ЦАРАПИНА. И тут он что-то заметил. На вершине горы. Это было нечто огромное и... сделано из веток.

ХОХОЛОК. Чего-чего?

СТАРУХА. Тебе там виднее.

ХОХОЛОК... гнездо.

ЦАРАПИНА. А что внутри?

ХОХОЛОК. Яйца.

СТАРУХА. Сколько?

ХОХОЛОК. Девять.

РЕБЕНОК *хнычет и что-то шепчет* СТАРУХЕ.

СТАРУХА. Опиши их.

ХОХОЛОК. Они... они огромные. Все в разноцветных разводах. Как будто бензин в воду вылили.

РЕБЕНОК *одобрительно хлопает.*

ЦАРАПИНА. И тут-то на него Дракон и напал.

ХОХОЛОК. С чего это?

ЦАРАПИНА. Он защищал свое гнездо.

ХОХОЛОК. А я его не трогаю.

ПОРТФЕЛЬ. Дракон-то этого не знает.

ЦАРАПИНА. Принц нанес удар Дракону.

ХОХОЛОК. На получай!

ЦАРАПИНА. Дракон прогнал Принца Хохолка с горы.

ХОХОЛОК. Не трогай мой хохолок, ты, Дракон!

Спускается с груды обломков.

Ты не сможешь меня побить! Посмотри на мои мускулы. Мой пресс.

Кубики что надо.

БЛЕСТКА. Ой... это мы уже слышали!

ХОХОЛОК *размахивает ножкой стола.*

ХОХОЛОК. Вот тебе!

ЦАРАПИНА. Что ты сделал?

ХОХОЛОК. Отрубил ему голову.

Поднимает один из обломков.

ЦАРАПИНА. Отнеси ее Королю.

ХОХОЛОК *бросает обломок перед Королем.*

ХОХОЛОК. Посмотри, папа! А, ты не можешь. Ты же слепой. Но если бы мог, то увидел бы голову ужаснейшего из Драконов. Но я — да, я! Принц Хохолок! — Я сражался и победил. Раз плюнуть. Какая битва была!

ТАТУ. Ты молодец, сынок.

ХОХОЛОК. У Дракона не было никаких шансов против моих мускулов.

СТАРУХА. Но Принцу пора забыть о Драконе.

ХОХОЛОК. Почему?

БЛЕСТКА. Ему пора повзрослеть.

ЦАРАПИНА. И жениться.

ХОХОЛОК. Жениться!

СТАРУХА. На принцессе!

БЛЕСТКА. ...На мне?

ХОХОЛОК. Да кто захочет жениться на тебе? Только не я!

БЛЕСТКА. А кто захочет жениться на тебе? Только не я!

ЦАРАПИНА. Пусть Король Тату решает.

ТАТУ. Вы, двое, давайте женитесь.

Короткая пауза.

БЛЕСТКА *делает шаг навстречу* ХОХОЛКУ.

СТАРУХА. Ближе.

БЛЕСТКА *делает еще шаг.*

Ближе. (ХОХОЛКУ.) Ты тоже.

ХОХОЛОК *делает шаг*

БЛЕСТКА *делает шаг.*

Наконец, они оказываются рядом.

ПОРТФЕЛЬ. Принц и Принцесса поженились!

Разбрасывает обрывки бумаги вокруг, как конфетти.

Все радуются и хлопают в ладоши.

Короткая пауза.

СТАРУХА. Медовый месяц!

БЛЕСТКА (с ХОХОЛКОМ). Медовый месяц?

ХОХОЛОК (с БЛЕСТКОЙ). Медовый месяц?

Короткая пауза.

ХОХОЛОК. Привет, Принцесса.

БЛЕСТКА. Привет, Принц.

СТАРУХА. Целуйтесь.

БЛЕСТКА (с ХОХОЛКОМ). Что?

ХОХОЛОК (с БЛЕСТКОЙ). Что?

ПОРТФЕЛЬ. Пора сосаться!

ХОХОЛОК. Да она мне не нравится!

БЛЕСТКА. А он мне не нравится!

СТАРУХА. Это надо для сказки.

ХОХОЛОК и БЛЕСТКА *смущенно смотрят друг на друга. Они тянутся друг к другу, как будто действительно сейчас начнут целоваться.*

ХОХОЛОК. Я рассказывал тебе о Драконе?

БЛЕСТКА. Сто тыщ миллионов раз.

ХОХОЛОК. Я попал мечом ему прямо в глаз. Желтая слезь брызнула.

БЛЕСТКА. Ну все-все, хватит.

ХОХОЛОК. Я проткнул ему второй глаз.

БЛЕСТКА. Как же мы будем продолжать сказку, если ты все время рассказываешь про своего Дракона?

ЦАРАПИНА. Принцесса была очень расстроена. Она так любила Принца...

БЛЕСТКА. Эй, погоди!

ЦАРАПИНА. И больше всего на свете ей хотелось иметь от него ребенка.

БЛЕСТКА (*вместе с ХОХОЛКОМ*). Ну уж нет!

ХОХОЛОК (*вместе с БЛЕСТКОЙ*). Ну уж нет!

СТАРУХА. В этой сказке все должно быть именно так. Ты любишь Принца и хочешь иметь от него ребенка.

ТАТУ. К тому же мне нужен наследник.

СТАРУХА. Ну вот видите, все сходится!

Короткая пауза.

БЛЕСТКА. Принц... Я так тебя люблю и...

ХОХОЛОК. Я не хочу ребенка.

БЛЕСТКА. Но я люблю тебя и Короля.

ХОХОЛОК. Я не хочу ребенка.

БЛЕСТКА. Ну все, я сдаюсь.

Короткая пауза.

ТАТУ. Я пойду к Волшебнику.

СТАРУХА. Хорошая идея.

ПОРТФЕЛЬ. Волшебник Портфель здесь!

ТАТУ. Принцесса очень сильно любит Принца и хочет от него ребенка, но...

ХОХОЛОК. Я не хочу ребенка.

ТАТУ. Вот видишь? Что нам делать, Волшебник Портфель?

Короткая пауза.

Ну?

СТАРУХА. А сделай-ка ты зеркало, Волшебник Портфель?

ЦАРАПИНА *передает зеркало* ПОРТФЕЛЮ.

ПОРТФЕЛЬ. Зеркало! Да! Отличная идея. Ну... это же волшебное зеркало, ясное дело. Так... а что оно может?

ТАТУ. А ты не знаешь?

ПОРТФЕЛЬ. Ну много разных чудес.

Короткая пауза.

Придумал! Отнеси его Принцу Хохолку. Он посмотрит в него и забудет про Дракона.

Отдает зеркало ТАТУ.

ТАТУ. Так что... из этого? Принц будет смотреться в него целыми днями. И в чем волшебство?

ПОРТФЕЛЬ. Придумал! Потихонечку откалывай от зеркала маленькие кусочки. Такие малюсенькие, чтобы Принц не замечал. Пока это зеркало совсем не исчезнет. К тому времени... ну, Принц совсем забудет Дракона. Ну как?

ТАТУ. Договорились.

ПОРТФЕЛЬ. И еще. Сам в зеркало не смотришь. Это может быть очень опасно.

ТАТУ. Да я же слепой!

ПОРТФЕЛЬ. Ну тогда нет проблем.

ЦАРАПИНА. И Король отнес зеркало Принцу.

Держит зеркало перед ХОХОЛКОМ.

ХОХОЛОК *смотрит в зеркало и —*

ХОХОЛОК. Прикольно!

БЛЕСТКА. Что там?

ХОХОЛОК. Прикольно!

ПОРТФЕЛЬ. А как же твоя битва с Драконом?

ХОХОЛОК. Да кому она нужна?

РЕБЕНОК *хлопает в знак одобрения.*

СТАРУХА. Очень хорошо.

ЦАРАПИНА. Король пошел к Принцессе и рассказал про волшебное зеркало.

ТАТУ. Нам просто нужно откалывать по кусочку, пока Принц не видит. Скоро зеркала не станет. Принц забудет о битве с Драконом, и ты сможешь иметь от него ребенка.

ЦАРАПИНА. Ты кое-что забыл.

ТАТУ. Что?

РЕБЕНОК *шепчет СТАРУХЕ.*

СТАРУХА. Молодец. Не смотреться в зеркало.

ЦАРАПИНА. И вот однажды ночью Принцесса отколола маленький кусочек зеркала и посмотрелась в него —

БЛЕСТКА. О! Чудесно.

ЦАРАПИНА. И тут — гром с небес!

ТАТУ. Что случилось?

СТАРУХА. Дракон!

ЦАРАПИНА. Да не один! Помните, когда Принц возвращался после битвы с Драконом, он кое о чем забыл. Догадываетесь, о чем?

РЕБЕНОК *подбегает к ЦАРАПИНЕ и шепчет ей.*

Молодец! Гнездо!

РЕБЕНОК *шепчет ей снова.*

Яйца! Конечно! И теперь Драконы выросли и...

РЕБЕНОК *с шумом втягивает воздух, показывая, что нюхает.*

И учуяли розы.

РЕБЕНОК *размахивает руками, как крыльями.*

Они летят съесть сад.

СТАРУХА. Отлично.

ЦАРАПИНА. Драконы приближаются.

СТАРУХА. Драконы приближаются.

РЕБЕНОК *бежит вокруг, размахивая руками.*

ТАТУ. Принц! Сынок! Сделай же что-нибудь!

ХОХОЛОК. Круто!

ТАТУ. Принцесса!

БЛЕСТКА. Чудесно!

ТАТУ. Хватит смотреться в зеркало.

ПОРТФЕЛЬ. Я предупреждал!

ЦАРАПИНА. И скоро от сада ничего не осталось. Драконы... они съели все до последнего цветочка.

РЕБЕНОК *шепчет Царاپине.*

И не только?

РЕБЕНОК *указывает на Портфеля.*

Они съели Волшебника Портфеля?
ХОХОЛОК. Не повезло Портфелю!

РЕБЕНОК *указывает на Блестку.*

ЦАРАПИНА. И Принцессу Блестку.
ХОХОЛОК. Ха! Ха!

РЕБЕНОК *указывает на Хохолка.*

ЦАРАПИНА. И принца Хохолка!
ХОХОЛОК. Я опять умер!
ТАТУ. И меня?

РЕБЕНОК *качает головой.*

ЦАРАПИНА. Не съели Короля?

РЕБЕНОК *что-то шепчет Царاپине.*

Король остался жив. Он всем рассказывает свою историю. О том, как когда-то у него был самый красивый сад в королевстве. И он все потерял, потому что не захотел поделиться своим садом.

СТАРУХА. И это конец?

РЕБЕНОК *кивает.*

У кого зеркало?

БЛЕСТКА *поднимает зеркало.*

Ты знаешь, что делать.

БЛЕСТКА *кладет зеркало в огонь.*

РЕБЕНОК *указывает на ЦАРАПИНУ.*

Но... она же только что рассказывала сказку.

РЕБЕНОК *дотрагивается до серьги в ухе ЦАРАПИНЫ.*

Он хочет твою сережку.

ЦАРАПИНА *отдает сережку РЕБЕНКУ.*

БЛЕСТКА. Настоящий бриллиант?

ЦАРАПИНА. Вряд ли.

РЕБЕНОК *отдает сережку ТАТУ. Берет его за руку и тянет ближе к огню.*

Все собираются вокруг.

Короткая пауза.

Истории-сказки становятся все более и более театрализованными. Все двигаются по сцене, изображая что-то. Они все более изобретательно используют вещи в доме и свет костра и фонариков для усиления театрального эффекта.

ТАТУ. Жила-была... Королева.

ЦАРАПИНА. Королева ЦАРАПИНА.

ТАТУ. У нее был сын.

ЦАРАПИНА. Принц ХОХОЛОК.

ТАТУ. И жили они в Замке. Но Замок этот ... он был совершенно необыкновенным.

БЛЕСТКА *(вместе с ПОРТФЕЛЕМ).* Как это?

ПОРТФЕЛЬ *(вместе с БЛЕСТКОЙ).* Как это?

ТАТУ. Он... он был построен из золота... и бриллиантов.

Поднимает сережку над головой.

БЛЕСТКА (*вместе с* ПОРТФЕЛЕМ). Почему?

ПОРТФЕЛЬ (*вместе с* БЛЕСТКОЙ). Почему?

ЦАРАПИНА. Мне так захотелось.

ХОХОЛОК. А зачем?

ЦАРАПИНА. Для тебя, конечно. Когда ты родился, ах! — я была так счастлива. Я хотела, чтобы ты был со мной всегда. В безопасности. Поэтому я и построила этот Замок Драгоценностей. Посмотри на него! Это восьмое чудо света.

ХОХОЛОК. Это место?

ЦАРАПИНА. Посмотри повнимательней! Окна с витражами.

ХОХОЛОК. Из-за этого не видно, что происходит на улице.

ЦАРАПИНА. А зачем тебе туда смотреть?

Короткая пауза.

А стены покрыты золотыми листьями. Деревья выложены из изумрудов. Яблоки на них — из рубинов. Видишь? На потолке — карта звездного неба. Миллионы бриллиантов изображают звезды. Луна отлита из чистого серебра, а ее кратеры сделаны из перламутра. Восходящее солнце — сияние золота и платины. Видишь? А пол украшает... река из дробленого сапфира. Волны — из редкого хрустала. Видишь?

ХОХОЛОК. Поразительно.

ЦАРАПИНА. Да, пусть это поразит тебя. Пусть это так тебя очарует, что ты никогда не захочешь отсюда уйти. Смотри! Твоя одежда — чистый шелк, прошита шерстью единорога. А это — давай, я натру тебе виски этим маслом.

Чтобы изготовить одну его каплю, требуется миллион орхидей.

Короткая пауза.

Ты счастлив?

ХОХОЛОК. Ну да.

ЦАРАПИНА. И ты останешься со мной навсегда?

ХОХОЛОК. Ну да.

Короткая пауза.

Что случилось с папой?

ЦАРАПИНА. Ч- что?

ХОХОЛОК. С Королем. Что с ним случилось?

ЦАРАПИНА. Я тебе уже тысячу раз рассказывала.

ХОХОЛОК. Расскажи еще раз. Это же такая классная история!

Короткая пауза.

ЦАРАПИНА. Давным-давно — еще до того, как ты родился, — мне захотелось поехать к морю.

ХОХОЛОК. Это самое красивое место в Разрушенске, да?

ЦАРАПИНА. Но и добраться туда сложнее всего. Я слышала, что в этом море растет самый красивый в мире голубой коралл.

ХОХОЛОК. И Король отвез тебя туда?

ЦАРАПИНА. Мы хотели. Но далеко не уехали.

ХОХОЛОК. А что случилось?

ЦАРАПИНА. Мы заблудились в лесу.

ХОХОЛОК. А какой он, этот лес?

ЦАРАПИНА. Ужасное место.

ХОХОЛОК. А деревья такие же, как здесь? С изумрудными листьями и рубиновыми яблоками?

ЦАРАПИНА. Нет, нет. Настоящие деревья уродливы. Они не сверкают и не переливаются. И вот семь дней и ночей мы с Королем блуждали между этих уродливых деревьев. Мы не знали, куда идем. Король был так голоден, что начал собирать грибы и есть их сырыми.

ХОХОЛОК. А он не заболел из-за этого?

ЦАРАПИНА. Заболел. На следующий день он услышал голос.

ХОХОЛОК. Какой голос?

ЦАРАПИНА. Женский. По крайней мере, он так сказал.

ХОХОЛОК. А *ты* этот голос не слышала?

ЦАРАПИНА. «Ты все придумываешь», — сказала я Королю. «Нет», — ответил Король. — Этот голос зовет меня к себе в хижину в чаще леса». — «Тогда это ведьма! — сказала я. — Заткни уши!»

ХОХОЛОК. И он заткнул?

ЦАРАПИНА. Нет. На следующий день я потеряла сознание от голода и усталости. Когда я очнулась, Короля рядом не было. Я все искала и искала его в лесу. А потом — совершенно случайно — я вышла к Замку. Мне повезло!

ХОХОЛОК. А Короля так и не нашли?

ЦАРАПИНА. Нашли его тело. Через неделю. Он был мертв. Птицы выклевали ему глаза.

ХОХОЛОК. И ты — конечно же! — была беременна.

ЦАРАПИНА. Должно быть, это случилось той ночью, когда я была с Королем в последний раз. И я решила, что не отдам этому лесу своего ребенка, как отдала ему мужа. И я превратила Замок в чудо света. Все ценности, которые только были в Разрушенске, пошли на строительство. И все для тебя! Мой сын!

ХОХОЛОК. А можно я посмотрю?

ЦАРАПИНА. На что?

ХОХОЛОК. На лес.

ЦАРАПИНА. После всего, что я рассказывала?

ХОХОЛОК. Одним глазком?

ЦАРАПИНА. Нет.

ТАТУ. Но Принцу больше жизни хотелось увидеть лес.
Он начал искать щели в золотых стенах Замка.

ХОХОЛОК. Ничего!

ТАТУ. В витражах?

ХОХОЛОК. Ничего!

ТАТУ. И тогда он решил сам сделать дырку.

ХОХОЛОК *поднимает с пола ложку.*

Он украл с обеденного стола платиновую ложку. В ту ночь, когда все в Замке спали, он подошел к витражу и —
ХОХОЛОК. Разбил его!

БЛЕСТКА. Королева проснется от шума.

СТАРУХА. Тебе придется незаметно проковырять дырочку в стекле.

ХОХОЛОК. Но на это ведь уйдет целая вечность.

ТАТУ. Девять лет Принц незаметно проковыривал в стекле дырочку, пока не появился маленький глазок — размером с наперсток.

ХОХОЛОК. Наконец-то!

ТАТУ. Он посмотрел в глазок.

ХОХОЛОК. ...Темно.

ПОРТФЕЛЬ. Тебе придется ждать до утра.

ХОХОЛОК. Стойте! Кто-то заползает в эту дырочку!

БЛЕСТКА. Паук!

ХОХОЛОК. О, как здорово! Смотрите, он ползет! Вон!

ЦАРАПИНА. В чем дело?

ХОХОЛОК. ...Ни в чем.

ЦАРАПИНА. Не ври. Ай!

ХОХОЛОК. Что случилось?

ПОРТФЕЛЬ. Паук ее укусил.

БЛЕСТКА. Он ядовитый.

ЦАРАПИНА. Откуда ты знаешь?

СТАРУХА. Все об этом знают.

ХОХОЛОК. Ты что-то плохо выглядишь.

ЦАРАПИНА. Правда?

ХОХОЛОК. Тебе нужно полежать.

Доводит ее до кровати.

ЦАРАПИНА. Не ходи в лес.

ХОХОЛОК. С каждым мгновением Королеве становилось все хуже и хуже.

ЦАРАПИНА. Не ходи в лес.

БЛЕСТКА. Она даже не шевелится.

ЦАРАПИНА. Не ходи в...

СТАРУХА. Застыла!

Царапина застывает.

РЕБЕНОК *хлопает в ладоши.* <

ХОХОЛОК. Откройте ворота!

Проходит через пролом в стене.

Я в лесу. Круто!

ТАТУ. Он нашел мертвого дрозда.

ХОХОЛОК. Круто!

БЛЕСТКА. Сухую ветку.

ХОХОЛОК. Круто!

БЛЕСТКА. И отнес все эти клевые вещи обратно в Замок.

Возвращается под крышу здания.

ХОХОЛОК. Смотрите все! Королева говорила, что лес — ужасное место. Но это неправда. Смотрите. Там —

БЛЕСТКА. Круто?

ХОХОЛОК. ...полно сокровищ!

Короткая пауза.

Я хочу, чтобы мне сшили мантию из... дохлых птиц.

РЕБЕНОК *хлопает в ладоши.*

А корону сплели из... сухих веток.

РЕБЕНОК *хлопает в ладоши еще сильнее.*

И я хочу... чтобы в волосах у меня были листья. И чтобы я с ног до головы был покрыт грязью.

РЕБЕНОК *хлопает в ладоши еще сильнее.*

СТАРУХА *тоже.*

СТАРУХА. Очень хорошо, молодец!

ПОРТФЕЛЬ (*вместе с БЛЕСТКОЙ*). Да. Очень хорошо.

БЛЕСТКА (*вместе с ПОРТФЕЛЕМ*). Молодец! Хорошо!

Короткая пауза.

ХОХОЛОК. Этот лес — восьмое чудо света. Я хочу поселиться здесь навсегда. Буду есть белок и грибы. Пить дождевую воду. Впервые в жизни я счастлив. По-настоящему счастлив.

ЦАРАПИНА. Где мой сын?

ТАТУ. А потом — ко всеобщему изумлению — Королева пришла в себя!

ЦАРАПИНА. Мне гораздо лучше. Принц Хохолок! Сынок!

Хохолок подходит к Царاپине.

ПОРТФЕЛЬ. На нем мантия из дохлых птиц.

БЛЕСТКА. Корона из сухих веток.

ТАТУ. Он весь в грязи.

ЦАРАПИНА (*кричит*). Не-е-е-е-е-е-е-е-е-ет!

РЕБЕНОК *смеется*.

Короткая пауза.

ТАТУ. Той ночью Королева пришла —

ПОРТФЕЛЬ. Опять ко мне!

ЦАРАПИНА. Мой сын —

ПОРТФЕЛЬ. Свихнулся!

ЦАРАПИНА. Что мне делать?

ПОРТФЕЛЬ. Нужно уничтожить причину его безумия.

ЦАРАПИНА. ...Лес?

ПОРТФЕЛЬ. Точно!

ЦАРАПИНА. Уничтожить лес... Как?

ПОРТФЕЛЬ. Как хочешь.

РЕБЕНОК *показывает пальцем на костер*.

ЦАРАПИНА. Сжечь?

РЕБЕНОК *кивает*.

СТАРУХА (*обращаясь к ЦАРАПИНЕ*). Давай!

РЕБЕНОК *берет из костра горящую палку и отдает ее*
ХОХОЛКУ.

ХОХОЛОК. Я?

СТАРУХА. А, да! Очень хорошо. Ты!

ХОХОЛОК. Но... почему? Мне нравится лес.

СТАРУХА. Именно поэтому.

ХОХОЛОК *подходит к окну*.

ХОХОЛОК. Прощай, лес.

Выбрасывает горящую палку из окна.

ТАТУ. Дерево загорелось.

ПОРТФЕЛЬ. Еще одно.

БЛЕСТКА. И еще одно.

ЦАРАПИНА. И еще одно.

СТАРУХА. И еще! И еще!

ТАТУ. Весь лес горит! Горит!

Всем кажется, что это конец истории.

Но РЕБЕНОК не успокаивается.

Он что-то шепчет ТАТУ.

Искры летают в воздухе.

ЦАРАПИНА. И? И что?

РЕБЕНОК *подбегает к ЦАРАПИНЕ и что-то ей шепчет.*

Замок горит.

ХОХОЛОК. Давай убежим.

РЕБЕНОК *что-то шепчет ХОХОЛКУ.*

У меня одежда горит!

РЕБЕНОК *что-то шепчет Царاپине.*

ЦАРАПИНА. И у меня тоже.

ХОХОЛОК *(вместе с ЦАРАПИНОЙ).* На помощь!

ЦАРАПИНА *(вместе с ХОХОЛКОМ).* На помощь!

РЕБЕНОК *что-то шепчет СТАРУХЕ.*

СТАРУХА. У вас кожа горит.
ХОХОЛОК (*вместе с ЦАРАПИНОЙ*). Нет!
ЦАРАПИНА (*вместе с ХОХОЛКОМ*). Нет!

УРЕБЕНКА *начинается истерика.*
Он громко рыдает.

СТАРУХА. Ш-ш-ш! Успокойся.

СТАРУХА *обнимает РЕБЕНКА.* *Все собираются вокруг.*
РЕБЕНОК *постепенно успокаивается.*
Длинная пауза.

(*Обращаясь к РЕБЕНКУ.*) Это твой дом?

РЕБЕНОК *кивает.*

ХОХОЛОК. Что случилось с твоими мамой и папой?
СТАРУХА. А что с нами случилось? Кто-нибудь помнит? Хоть что-нибудь?

Короткая пауза.

Только рассказывать сказки. Нам здесь больше ничего другого не остается.

РЕБЕНОК *что-то шепчет* СТАРУХЕ.

Точно?

РЕБЕНОК *кивает.*

Он говорит, что, может быть, не все сгорело. В последней сказке. Не все уничтожено.

ТАТУ. А что осталось?

РЕБЕНОК *что-то шепчет* СТАРУХЕ.

СТАРУХА. Лист дерева?

ЦАРАПИНА. Просто... лист.

БЛЕСТКА. Это конец?

СТАРУХА. Нет. Это начало.

РЕБЕНОК *забирает у ТАТУ серезжку и кладет ее в огонь.*

Кто-нибудь, еще сказку.

БЛЕСТКА *согревает руки дыханием.*

БЛЕСТКА. Сказка про теплое дыхание. Годится?

РЕБЕНОК *радостно кивает головой.*

СТАРУХА. Так хочу услышать — умираю!

БЛЕСТКА. В лесу жила-была страшная Ведьма.

Все смотрят на СТАРУХУ.

СТАРУХА. Вот так всегда.

ХОХОЛОК *смеется.*

БЛЕСТКА. И вот эта страшная Ведьма влюбилась в Принца.

ХОХОЛОК *прекращает смеяться.*

Каждый день Ведьма подходила к Принцу и говорила —

СТАРУХА. У меня есть красивая маленькая хижина посреди леса. Если б ты только посмотрел на нее, она бы так

тебе понравилась. Я приготовлю мое коронное блюдо. Пирог с бельчатчиной и грибами. Ну же! Поцелуй меня! Поцелуй меня! Поцелуй меня!

СТАРУХА *приближается к ХОХОЛКУ.*

ХОХОЛОК *взвизгивает и убегает.*

Остальные смеются.

ХОХОЛОК. Да заткнитесь вы!

БЛЕСТКА. Принц пошел к Королю Тату и рассказал ему про Ведьму.

ХОХОЛОК. Она меня достала.

ТАТУ. Я знал ее когда-то давно. В те времена она жила здесь.

ХОХОЛОК. В Замке?

ТАТУ. Она развлекала нас волшебными фокусами.

ХОХОЛОК. И что произошло?

ТАТУ. Однажды на нашу страну напали. Я умолял Ведьму помочь. Просил ее... сделать мощное оружие.

ХОХОЛОК. А она?

СТАРУХА. Я добрая Ведьма. Я не могу вредить своим волшебством.

ХОХОЛОК. А у врагов было мощное оружие?

ТАТУ. Они могли уничтожить целую деревню.

Щелкает пальцами.

На раз!

ХОХОЛОК. Но ведь... она же видит все это и может передумать!

СТАРУХА. Я добрая Ведьма. Я не могу вредить своим волшебством.

ХОХОЛОК. А война все тянулась и тянулась?

ТАТУ. Долгие годы.

ХОХОЛОК. Но мы победили?

ТАТУ. В итоге да. Но... о, столько войн и сражений. Повсюду трупы. Куски тел.

ХОХОЛОК. Я надеюсь, ты дал по мозгам этой Ведьме?

ТАТУ. Я отправил ее в ссылку.

ХОХОЛОК. И все?

ТАТУ. А что еще я мог сделать? (*Обращаясь к СТАРУХЕ.*) С этой минуты ты будешь жить в лесу.

Короткая пауза.

ХОХОЛОК. Давай!

ТАТУ. Давай!

СТАРУХА *отходит в глубь сцены.*

ХОХОЛОК. Вот там и оставайся, старая карга.

СТАРУХА. Не смей меня так называть!

Короткая пауза.

Ты ведь знаешь, что я люблю тебя, красавчик ХОХОЛОК. Иди ко мне.

Короткая пауза.

Пожалуйста.

ХОХОЛОК *подходит к СТАРУХЕ.*

Думаю о тебе все время, спать не могу. Все мысли о тебе, сладкий мой. Твои глаза, они такие...! Чтобы иметь такие ресницы, я бы убила кого-нибудь! Пожалуйста... дай мне дотронуться до твоей прекрасной кожи.

ХОХОЛОК. Ни за что.

СТАРУХА. Тогда... а, я знаю! Да! Позволь поднести руку к твоим губам и почувствовать твоё дыхание.

СТАРУХА *смотрит на БЛЕСТКУ.*

Блестка улыбается и кивает.

ХОХОЛОК. Ни за что.

БЛЕСТКА. А потом, когда на страну снова напали...

ТАТУ. Принц! Сынок! Слышишь?

ХОХОЛОК. Вторжение!

ТАТУ. Взрывы! Бомбы! В этот раз у неприятеля еще более мощное оружие.

ХОХОЛОК. Деревни стерты с лица земли.

Щелкает пальцами.

На раз!

ТАТУ. И города.

ХОХОЛОК. Что же делать?

ТАТУ. Без понятия.

Короткая пауза.

ХОХОЛОК. Придумал!

Идет к СТАРУХЕ.

Слушай, Ведьмочка, если я разрешу тебе поднести руку к моим губам, как ты хотела... ты сделаешь мне мощное-премощное оружие?

СТАРУХА. Я добрая Ведьма. Я не могу вредить своим волшебством.

ХОХОЛОК *поворачивается, чтобы уйти.*

Подожди! Дай поднести руку к твоим губам!

ХОХОЛОК. И у меня будет оружие?

СТАРУХА. Да, да!

ХОХОЛОК *дышит на нее*, СТАРУХА *издает сладострастный стон*.

БЛЕСТКА. И вот... Ведьма сделала оружие.

ХОХОЛОК. Ужасный взрыв! Все горит! И пепел сыпется, словно снег!

ТАТУ. У них миллионы убитых.

ХОХОЛОК. Отлично.

ТАТУ. Но они продолжают сражаться.

ХОХОЛОК... Как это?

ТАТУ. Их оружие еще более мощное. Что нам делать?

Короткая пауза.

ХОХОЛОК *подходит к СТАРУХЕ*.

ХОХОЛОК. Эй! Вельмочка! Если я разрешу тебе ... потрогать мой хохолок, ты сделаешь еще более мощное оружие?

СТАРУХА. Я добрая Ведьма. Я не могу вредить —

ХОХОЛОК *поворачивается, чтобы уйти*.

Нет! Подожди! Я согласна! Только... о, дай мне потрогать твой стильный хохолок!

ХОХОЛОК. Только прическу не помни.

СТАРУХА *гладит его по голове и издает сладострастный стон*.

БЛЕСТКА. Оружие готово.

ХОХОЛОК. Король! Папа! Смотри! Таких взрывов ты еще не видел! Бах! Здесь еще сто тысяч миллионов лет ничего не будет расти!

ТАТУ. Неслабо.

БЛЕСТКА. Но у неприятеля все же более мощное оружие.

ХОХОЛОК. Не может быть.

ТАТУ. Боюсь, что может... Что делать? Есть идеи?

ХОХОЛОК... Вот блин!

Идет к СТАРУХЕ.

Если я разрешу тебе дотронуться до моего пальца —

СТАРУХА. Договорились!

Хватает ХОХОЛКА за палец.

БЛЕСТКА. Победа!

ХОХОЛОК. Это... это еще не конец.

ПОРТФЕЛЬ. Разве?

ХОХОЛОК. У меня идея.

БЛЕСТКА. Ни фиги себе.

ТАТУ. Ну, рассказывай.

ХОХОЛОК. Может, мне пойти к Ведьме и попросить ее... сделать Самое Мощное Оружие На Свете?

ТАТУ. Самое Мощное Оружие На Свете?

ХОХОЛОК. Чтобы больше на нас никто не напал. Это оружие положит конец всем войнам.

ТАТУ. Хорошая мысль. Но... она согласится?

ХОХОЛОК. Она без ума от меня. Она не сможет мне отказать.

ХОХОЛОК *идет к СТАРУХЕ.*

СТАРУХА. Не ожидала тебя снова увидеть.

ХОХОЛОК. Если я тебе разрешу потрогать меня, ты дашь мне Самое Мощное Оружие На Свете?

СТАРУХА. Самое Мощное Оружие На Свете? За то, чтобы тебя потрогать? Нет. Это уж слишком.

Хочет уйти.

ХОХОЛОК. Подожди! Можешь трогать где хочешь.
СТАРУХА. Где угодно?

Короткая пауза.

Нет, я не могу.

Опять хочет уйти.

ХОХОЛОК. Я разрешу тебе... обнять себя.

Короткая пауза.

Я разрешу тебе... поцеловать меня.

Короткая пауза.

С языком.

СТАРУХА... Нет, не могу.

Хочет уйти.

ХОХОЛОК. Я разденусь. Покажу тебе все свои мускулы. Я проведу с тобой ночь в твоей хижине. И ты можешь делать со мной все, что хочешь.

СТАРУХА. Все?

ХОХОЛОК. Все.

СТАРУХА. Заходи в хижину!

Короткая пауза.

БЛЕСТКА. Утром... Ведьма изменилась. Она уже не была старой и страшной.

ХОХОЛОК. Ты тоже красивая.

СТАРУХА (вместе с БЛЕСТКОЙ). Знаю!

БЛЕСТКА (*вместе со СТАРУХОЙ*). Знаю!

СТАРУХА *смотрит на Блестку, улыбается и кивает.*

СТАРУХА. Я была такой... из-за проклятия. Мне нужно было, чтобы кто-то меня... полюбил.

ХОХОЛОК. Мне... мне все еще нужно Самое Мощное Оружие На Свете.

БЛЕСТКА. Конечно. Только... на это потребуется время. И будет немножко больно. Мне. А... пока оружие не готово, тебе придется жить со мной в лесу. По рукам?

ХОХОЛОК... По рукам.

БЛЕСТКА *протягивает ХОХОЛКУ руку.*

Медленно — очень медленно — он берет ее.

Они прогуливаются.

БЛЕСТКА. Хочешь есть?

ХОХОЛОК. Пирог с грибами?

БЛЕСТКА. Пирог из бельчатины.

ХОХОЛОК. Не хочу я есть.

Короткая пауза.

БЛЕСТКА. Мне нравятся твои волосы.

ХОХОЛОК. Правда?

БЛЕСТКА. Тебе идет.

ХОХОЛОК. Спасибо. А мне... нравится твоя прическа.

БЛЕСТКА. Правда?

ХОХОЛОК. И глаза.

БЛЕСТКА. Глаза?

ХОХОЛОК. Они... сияют. И — смотри! Я отражаюсь в них!

ХОХОЛОК *и БЛЕСТКА смотрят друг на друга, они очень близко.*

*Наверное, они сейчас поцелуются.
Короткая пауза.
Вдруг —*

БЛЕСТКА. Ой!
ХОХОЛОК. Что случилось?
БЛЕСТКА. Больно.
ХОХОЛОК. Где?
БЛЕСТКА. Живот.
ХОХОЛОК. Что же делать?
БЛЕСТКА. Помоги мне лечь.

ХОХОЛОК *помогает* БЛЕСТКЕ *лечь на землю.*

ХОХОЛОК. Помогите! Кто-нибудь!
БЛЕСТКА. Не волнуйся! Это просто — а-а-а-а!
ХОХОЛОК. Кто-нибудь!
БЛЕСТКА. Посмотри, что у меня между ног!
ХОХОЛОК. Что сделать?

РЕБЕНОК *подбегает к ХОХОЛКУ и что-то шепчет ему.*

Ребенок!
БЛЕСТКА. Мальчик.
ХОХОЛОК. Мой сын.
БЛЕСТКА. Отнеси его к реке.
ХОХОЛОК. Он же не умеет плавать.
БЛЕСТКА. Его нужно искупать.
ХОХОЛОК. А, да! Да. Конечно.

Идет к луже.

Сейчас ты будешь чистеньким и хорошеньким, малыш.

В то время как ХОХОЛОК купает воображаемого ребенка, в нем происходят какие-то перемены.

Он успокаивается, становится более задумчивым.

Пауза.

БЛЕСТКА. Что случилось?

ХОХОЛОК. А... ничего.

БЛЕСТКА. Посмотри на его пальчики.

ХОХОЛОК... Просто совершенство.

БЛЕСТКА. Ой, смотри — родинка на ноге.

ЦАРАПИНА. Не давай никому его обижать.

ХОХОЛОК. Ни за что.

ЦАРАПИНА. Клянешься?

ХОХОЛОК. Клянусь.

ЦАРАПИНА. И чтоб тебе сдохнуть?

ХОХОЛОК... Да.

ЦАРАПИНА. Скажи.

Короткая пауза.

СТАРУХА. Скажи.

ХОХОЛОК. Чтоб мне сдохнуть.

БЛЕСТКА. Теперь нужно показать его Королю — это-го ребенка.

ЦАРАПИНА. Вашего ребенка.

СТАРУХА. И сказать ему, что, в конце концов, мы его сделали.

ХОХОЛОК. Чего?

БЛЕСТКА (*вместе со СТАРУХОЙ*). Самое Мощное Оружие На Свете.

СТАРУХА (*вместе с БЛЕСТКОЙ*). Самое Мощное Оружие На Свете.

РЕБЕНОК *в восторге хлопает в ладоши и поднимает над головой ракушку.*

ПОРТФЕЛЬ. Ракушка!

СТАРУХА (*обращаясь к ХОХОЛКУ*). Быстро!
ХОХОЛОК. Давным-давно... Жил-был Принц.
БЛЕСТКА. И Принцесса.

С этого момента повествование должно быть очень естественным, идет легко и быстро. Движение, работа с предметами, фонариками, костром — все используется для того, чтобы создавать образ за образом. Переход от статичного повествования к полноценному театральному представлению завершен.

Посмотрите на мои волосы. На мои сияющие глаза. Я просто совершенство.

ХОХОЛОК. Внешность — это еще не все.

БЛЕСТКА. Поцелуемся, а, Принц?

ХОХОЛОК. ...Не хочу.

БЛЕСТКА. Врешь.

Подходит к ХОХОЛКУ.

Давай! Ты же знаешь, что хочешь.

ХОХОЛОК *медленно наклоняется к ней.*

Он вот-вот поцелует ее.

Стой! Мы же брат и сестра.

ХОХОЛОК. Брат и се —? Да ладно тебе дурака валять!

БЛЕСТКА. Сам не валяй.

ХОХОЛОК. Не валяю, я уже вырос.

БЛЕСТКА. Ха!

ХОХОЛОК. Вырос!

ЦАРАПИНА. Не позволяй ей обижать себя, сынок.

ХОХОЛОК. Она не принимает меня всерьез.

ЦАРАПИНА. Твоя сестра никого не принимает всерьез.

ТАТУ. Даже меня.

ЦАРАПИНА. Она крутит тобой, как хочет.

ТАТУ. Она такая кокетка.

ХОХОЛОК. И с тобой кокетничает?

ТАТУ. А ты не замечаешь?

ХОХОЛОК. Но ты ведь Король. Ее отец!

ЦАРАПИНА. Она хочет получить Королевство.

ТАТУ. Да нет, что ты!

ЦАРАПИНА. Конечно, хочет!

ТАТУ. Но ведь он — Принц, и Королевство достанется ему. Будет кокетничать, ничего не добьется.

ЦАРАПИНА. Не знаю. От этих интриг у меня голова кругом. Мне нужен аспирин.

ХОХОЛОК. Я схожу на пляж и найду тебе ракушку.

ЦАРАПИНА. Ракушку?

ХОХОЛОК. Для твоей коллекции.

ЦАРАПИНА. Коллекции? Ах да! У меня же коллекция ракушек. Ну, спасибо. Давай, увидимся!

ХОХОЛОК ищет что-то около лужи.

БЛЕСТКА подходит ближе и наблюдает за ним.

БЛЕСТКА. Что ты делаешь?

ХОХОЛОК. Ищу ракушку для Королевы.

Поднимает ракушку.

Как ты думаешь, ей понравится?

БЛЕСТКА. Какая разница.

ХОХОЛОК *на что-то указывает пальцем.*

ХОХОЛОК. Смотри!

БЛЕСТКА... Что?

ХОХОЛОК. Кит!

БЛЕСТКА. Скучотища.

ХОХОЛОК. Вот и нет. Они совсем не скучные.

БЛЕСТКА. Расскажи хоть что-нибудь интересное про китов.

ХОХОЛОК. ...Волшебник Портфель знает много интересного.

ПОРТФЕЛЬ. Да?

БЛЕСТКА. Ну, я жду.

РЕБЕНОК *что-то шепчет Портфелю.*

ПОРТФЕЛЬ. Да! Откуда взялись киты. Готовы?

ВСЕ (*кроме РЕБЕНКА*). Готовы.

ПОРТФЕЛЬ. Давным-давно жили-были Волшебники, очень много Волшебников. Так много, что, куда ни плюнь, обязательно попадешь в Волшебника. В общем... однажды все эти Волшебники, чтобы скоротать время, собрались и решили поиграть. Вроде соревнования. Кто сможет превратиться в самое удивительное животное. В тот день появилось огромное количество животных.

ХОХОЛОК. Например?

ПОРТФЕЛЬ. Животные с двумя клювами и сотней ног. Животные с... рогами, которые светятся в темноте. Даже огромный летающий морской конек.

ХОХОЛОК. И где все они сейчас?

ПОРТФЕЛЬ. Их больше нет.

ХОХОЛОК. Почему?

ПОРТФЕЛЬ. Как только Волшебник превращался в одно из таких удивительных животных, он сразу же возвращал себе свой первоначальный облик.

ХОХОЛОК. Почему?

ПОРТФЕЛЬ. Он боялся забыть, как быть Волшебником.

ХОХОЛОК. Круто!

ПОРТФЕЛЬ. И вот однажды один Волшебник превратился в огромное животное, которое плавало по морям.

ХОХОЛОК. В кита!

ПОРТФЕЛЬ. Все Волшебники приветствовали его громкими аплодисментами. Они никогда не видели такое замечательное животное. Некоторые из них пришли в такой восторг, что тоже превратились в китов. Они плавали и плескались в море. Нырjali до самого дна, где лежали потерпевшие крушение корабли. Потом устремлялись к поверхности. И — вжих! Выпрыгивали из воды! А потом с грохотом падали обратно, и по всему морю ходили огромные волны. Им так понравилось быть китами, что они начисто забыли, как обратно превратиться в Волшебников. А потом... ну, в общем, они забыли, что когда-то были Волшебниками.

ХОХОЛОК. Чудесная сказка. Давай бросать камешки по воде.

БЛЕСТКА. Что делать?

ХОХОЛОК. Бросать камешки. Смотри! О, запрыгал! Раз! Два! Три! Четыре! Я почти добросил до голубого коралла. Он такой красивый и... благородный. Это моя мечта, знаешь. Дотянуться до голубого коралла.

БЛЕСТКА. Ты действительно изменился.

Уходит.

ХОХОЛОК. Вернись!

БЛЕСТКА. Папа, слышишь, что Принц говорит?

ТАТУ. А что такое?

БЛЕСТКА. Он хочет... меня поцеловать.

ТАТУ. Твой брат так тебя любит!

БЛЕСТКА. Он меня не так хочет поцеловать.

ТАТУ. Ты о чем?

БЛЕСТКА. Ой, давай сейчас не будем об этом, папа, ладно? Я ужасно устала, пока бежала от Принца.

ТАТУ. Ты убежала от него?

БЛЕСТКА. Я иду к себе в комнату.

БЛЕСТКА *садится на кровать.*
ХОХОЛОК и БЛЕСТКА *смотрят друг на друга.*
Короткая пауза.

Добросил?
ХОХОЛОК. Что?
БЛЕСТКА. До голубого коралла.
ХОХОЛОК. Он слишком далеко.
БЛЕСТКА. Тренируйся, тренируйся.

Короткая пауза.

ХОХОЛОК. Ты какая-то грустная.
БЛЕСТКА. Да?. Разве?

ХОХОЛОК *присаживается рядом с БЛЕСТКОЙ.*
Короткая пауза.

ХОХОЛОК. Что случилось?
БЛЕСТКА. Это... очень сложно объяснить.
ХОХОЛОК. А ты попробуй.
БЛЕСТКА. Ну... просто иногда я ощущаю себя неправильным героем в своей сказке.
ХОХОЛОК. А иногда правильным героем не в своей сказке. И никогда —
БЛЕСТКА (*вместе с ХОХОЛКОМ*). Правильным героем в своей сказке.
ХОХОЛОК (*вместе с БЛЕСТКОЙ*). Правильным героем в своей сказке.

Они наклоняются друг к другу.

БЛЕСТКА. Может, нужно просто... быть собой.
ХОХОЛОК. Какая бы сказка ни была.
БЛЕСТКА. И кто бы мы ни были.

Они наклоняются еще ближе друг к другу.

Еще ближе.

И вот —

ТАТУ. Эй вы, не забывайте, что вы брат с сестрой!

БЛЕСТКА. Он... он ворвался ко мне в комнату.

ТАТУ. Это правда?

ХОХОЛОК. Да что ты врешь!

БЛЕСТКА. Это ты врешь!

ТАТУ. Мне надоело смотреть, как ты изводишь сестру.

ХОХОЛОК. Я извожу?

БЛЕСТКА. Вышли его из страны.

ТАТУ. Вышлю.

БЛЕСТКА. Давай же!

ТАТУ. Ты выслан из страны.

ХОХОЛОК. Мама!

ЦАРАПИНА. Что здесь происходит?

БЛЕСТКА. Король выслал Принца из страны.

ЦАРАПИНА. Он не имеет права.

ТАТУ. Но я это сделал!

БЛЕСТКА. Если тебя что-то не устраивает, он и тебя вышлет из страны.

ЦАРАПИНА. Не посмеет.

БЛЕСТКА. Папа?

ТАТУ. Вы оба высланы из страны.

ЦАРАПИНА. Тогда прощай.

БЛЕСТКА. Прощай.

ХОХОЛОК. Прощай.

БЛЕСТКА. Прощай.

ЦАРАПИНА и ХОХОЛОК *отходят подальше.*

Что вы остановились?

ЦАРАПИНА и ХОХОЛОК *входят из дома.*

Папа, помоги мне надеть это ожерелье из акульих зубов.

Поднимает с пола обрывок веревки и подает его ТАТУ.
ТАТУ *вязывает его на шею* Блестки.

Ну, как тебе?

ТАТУ. Очень аппетитно.

ЦАРАПИНА. Ты ей отец, не забывайся.

БЛЕСТКА. Я могу забрать все мамины украшения?

ТАТУ. Да пожалуйста.

БЛЕСТКА. А оружие брата?

ТАТУ. Все, что хочешь.

БЛЕСТКА. Все?

ТАТУ. Все.

БЛЕСТКА. Солнце.

ТАТУ. ...Не понял?

БЛЕСТКА. Ну, не все целиком. Только лучик. Я не жадная. Достань мне его.

ТАТУ. А как?

БЛЕСТКА. Спроси у Волшебника.

ТАТУ *подходит к* ПОРТФЕЛЮ.

ПОРТФЕЛЬ . Ну что, ты хочешь поймать —

ХОХОЛОК. Он же тебе пока ничего не рассказал.

ПОРТФЕЛЬ. Идиот, я же Волшебник!

Короткая пауза.

Я дам тебе огромного морского конька.

ТАТУ. Да мне не нужен...

ПОРТФЕЛЬ. На этом огромном морском коньке ты долетишь до самого неба. Поймаешь солнечный луч. А потом отдашь его Принцу.

ТАТУ. Это для Принцессы.

ПОРТФЕЛЬ. Тогда не получишь ничего.

ТАТУ. Что ты имеешь в виду?

ПОРТФЕЛЬ. Принцессе не нравятся мои сказки. Если бы она горела, я бы на нее даже не пописал.

ТАТУ. Я высылаю тебя из страны.

ПОРТФЕЛЬ. Прощай.

ТАТУ. Прощай.

Короткая пауза.

Я... я знаю, кто мне поможет. Ты ведь Ведьма, так?

СТАРУХА. А я думала, все обо мне забыли.

ТАТУ. Мне нужен огромный морской конек.

СТАРУХА. Зачем?

ТАТУ. Ты же Ведьма, ты должна знать.

СТАРУХА. Знаю. Но не дам!

ТАТУ. Давай конька, или я... скормлю тебя пираниям.

СТАРУХА. Ладно, ты его получишь. Только будь осторожен. Ловить Солнечный луч — опасно. Люди половчее тебя пытались это сделать и превратились в сухарики.

ТАТУ. Давай конька, и точка.

СТАРУХА. Он позади тебя.

ТАТУ. ...Где?

СТАРУХА. Здесь!

ТАТУ. Где?

СТАРУХА. Огромные морские коньки невидимы.

ТАТУ. Принцесса Блестка! Я иду ловить Солнечный луч.

БЛЕСТКА. Счастливо.

ТАТУ. Поцелуешь меня на прощанье?

БЛЕСТКА. Поцелую, когда вернешься.

Короткая пауза.

ТАТУ. Я уже оседлал морского конька.

БЛЕСТКА. Давай-давай.

ТАТУ не знает, что ему делать.

Короткая пауза.

Чего ты ждешь?

ТАТУ по-прежнему не знает, что ему делать.

Короткая пауза.

Внезапно РЕБЕНКА осенило.

Он начинает бегать по дому в поисках какого-то предмета.

Наконец в старой коробке с принадлежностями для вечеринки он находит зеркальный шар.

Поднимает его над головой.

Свет отражается повсюду.

ТАТУ. Солнечный луч!

ТАТУ начинает бегать за РЕБЕНКОМ.

РЕБЕНОК смеется от удовольствия.

Все тоже смеются и подбадривают их.

Всем очень весело.

В конце концов ТАТУ загоняет РЕБЕНКА в угол.

ТАТУ отбирает у него зеркальный шар.

Оп-па!

Отдает зеркальный шар БЛЕСТКЕ.

БЛЕСТКА. Прекрасно!

ТАТУ. Поцелуй?

БЛЕСТКА. Потом! Я хочу положить мой Солнечный луч в эту ракушку.

Поднимает ракушку.

Моя сияющая корона!

ТАТУ *судорожно прижимает руки к сердцу.*

ТАТУ. А-а-а! Сердце!

БЛЕСТКА. Смотри! Я в короне!

ТАТУ. Помогите! Кто-нибудь!

СТАРУХА. Ты всех изгнал из страны.

ТАТУ (*СТАРУХЕ*). Но тебя же я не изгнал!

СТАРУХА *помогает ТАТУ добраться до кровати.*

СТАРУХА. Я же тебе говорила, что Солнечный луч — не очень удачная идея.

ТАТУ. Этого ты не говорила.

СТАРУХА. Ну не придирайся к словам.

ТАТУ. Принцесса рада?

СТАРУХА. С ума сходит от счастья.

ТАТУ. Это самое главное.

Ложится на кровать.

СТАРУХА. Удобно?

ТАТУ. Нет, не очень.

СТАРУХА. Ничем не могу помочь.

ТАТУ. Я не хочу умирать.

СТАРУХА. И здесь ничем помочь не могу.

ТАТУ. Поцелуй меня.

СТАРУХА *наклоняется к ТАТУ.*

Не ты! Принцесса!

СТАРУХА. Эй, Принцесса!

БЛЕСТКА. Что?

СТАРУХА. Не хочешь поцеловать Короля?

БЛЕСТКА. Нет.

СТАРУХА. Это может спасти ему жизнь.

БЛЕСТКА. Я занята.

СТАРУХА. И чем же?

БЛЕСТКА. Я ношу корону. Все падают ниц при виде меня.

СТАРУХА. Это из-за Солнечного луча, а не из-за тебя.

БЛЕСТКА. Заткнись. Или я скормлю...

СТАРУХА. Скормишь меня пираньям. Знаю, знаю.

(К ТАТУ.) Она не придет.

ТАТУ. Блин, мне всего-то нужен один поцелуй!

СТАРУХА. Боюсь, тебе становится все хуже.

ТАТУ. Поцелуй, блин!

СТАРУХА. Король умер.

БЛЕСТКА. Да здравствует Королева!

ВСЕ. Да здравствует Королева!

БЛЕСТКА. Хорошо. А сейчас... Надо похоронить старого бедного Короля. Мы сделаем это в море. Хочется покататься на корабле.

Начинает слегка покачиваться из стороны в сторону, как будто находится на борту корабля.

Постепенно все остальные начинают повторять ее движения.

Короткая пауза.

Смотрите! Кит!

ПОРТФЕЛЬ. Это я! Волшебник Портфель! Я превратился в кита. Плюх-плюх.

СТАРУХА. Смотри! Вода погасила твой Солнечный луч.

БЛЕСТКА. Моя корона!

СТАРУХА. Теперь все увидят, какая ты есть на самом деле.

СТАРУХА и ПОРТФЕЛЬ наступают на БЛЕСТКУ.

К ним присоединяются все, кроме РЕБЕНКА.

БЛЕСТКА. Нет... нет...

БЛЕСТКА *пятится.*

Остальные приближаются к ней.

Ближе.

Еще ближе.

И вдруг —

РЕБЕНОК. Хватит!

Все смотрят на РЕБЕНКА.

Короткая пауза.

СТАРУХА. Всё?

РЕБЕНОК. Сказка не может закончиться вот так.

СТАРУХА. Тогда заканчивай сам.

Короткая пауза.

РЕБЕНОК. Кит — начинает раскачивать корабль.

СТАРУХА. И?

РЕБЕНОК. Ракушка — катится по палубе.

ПОРТФЕЛЬ. Та-а-ак!

РЕБЕНОК. Принцесса пытается схватить ее.

Короткая пауза.

Ну давай.

БЛЕСТКА. Я ее схватила?

РЕБЕНОК. Ты упала за борт.

БЛЕСТКА. Я не утонула?

РЕБЕНОК. Нет. Кит тебя проглотил.

БЛЕСТКА. Съел?

РЕБЕНОК. Нет. Ты жива. У кита в животе.

БЛЕСТКА. Я в желудке кита.

РЕБЕНОК. Страшно тебе, наверное.

БЛЕСТКА. Я сейчас умру!

РЕБЕНОК. А ты жалеешь о том, что ты сделала с Принцем?

БЛЕСТКА. Да.

РЕБЕНОК. А о том, что ты сделала с Королевой?

БЛЕСТКА. Да.

РЕБЕНОК. Значит, им можно вернуться из ссылки?

БЛЕСТКА. Да.

РЕБЕНОК (*обращаясь к ХОХОЛКУ и ЦАРАПИНЕ*). Эй вы двое, возвращайтесь!

ХОХОЛОК и ЦАРАПИНА подходят ближе.

Теперь нам нужно перышко.

СТАРУХА. Зачем?

РЕБЕНОК. Я пощекочу киту нос.

ПОРТФЕЛЬ. Я сейчас чихну.

РЕБЕНОК. И вычихнешь Принцессу.

ПОРТФЕЛЬ. А-а-а-агчхи!

БЛЕСТКА. Я жива!

РЕБЕНОК. А теперь поцелуй Короля.

Короткая пауза.

Его ведь еще не выбросили за борт?

СТАРУХА. Нет, нет.

РЕБЕНОК. Блин, да целуй уже!

БЛЕСТКА *целует* ТАТУ.

ТАТУ *садится на кровати.*

ТАТУ. Я жив!

БЛЕСТКА. О, прости меня. Все простите. Пожалуйста. Простите.

Пауза.

РЕБЕНОК. Внимание-внимание, последняя сказка.

РЕБЕНОК *садится у костра.*

Все садятся вокруг него.

Жил-был Ребенок — я! Ему было очень страшно. И он встретил людей. И они... рассказывали ему сказки про —

СТАРУХА. Ведьм.

ПОРТФЕЛЬ. Волшебников.

ЦАРАПИНА. Королев.

ТАТУ. Королей.

ХОХОЛОК. Принцев.

БЛЕСТКА. Принцесс.

РЕБЕНОК. И теперь... мне уже не так страшно.

Затемнение.

Лео Батлер

СОБАЧЬЕ СЧАСТЬЕ

Переводчики Денис Вдовенко, Анна Генина,
София Горя, Влада Клименко, Мария Козловская,
Екатерина Коровина, Юлия Моисеенко,
Максим Петренко, Константин Романовский,
Оксана Ромина, Елена Хрулева, Анна Шульгат
Copyright © 2004 Leo Butler

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЭДДИ ВЕББЕР, пятьдесят семь лет.

СЬЮ ВЕББЕР, пятьдесят восемь лет.

БРЕТ, десять лет.

Сцены 1—3: Дом Эдди и Сью в Шеффилде. Рождественский вечер.

Сцены 4—10: Год спустя. пляж в Фуртэвентуре на Канарских островах.

День.

Сцена первая

Рождественский вечер. 5 часов.

Эдди и Сью сидят за столом. Рождественский ужин.

Молчание.

СЬЮ. Куда ходили-то?

ЭДДИ. Да никуда. До леса и обратно.

СЬЮ. Чего-то она потроха не ест.

ЭДДИ. Съест, куда она денется.

СЬЮ. Еле на ногах держится, бедняжка.

Молчание.

Не слышала, как вы ушли. Встала-то, еще восьми не было. Рановато вы сегодня вышли.

ЭДДИ. Нормально.

СЬЮ. А я, между прочим, волновалась. Весь день ни слуху ни духу. Я думала, может, случилось что.

ЭДДИ. Не-а.

СЬЮ. Думала, ты уж и не вернешься.

Молчание.

ЭДДИ. По парку гуляли.

СЬЮ. А-а.

ЭДДИ. Минут десять. По парку.

СЬЮ. Ага, я так и подумала.

ЭДДИ. До пруда. Через лес. По вертолетной площадке и назад.

СЬЮ. Совсем собаку загонял.

ЭДДИ. Да ладно тебе.

СЬЮ. Наследила по всему ковру.

ЭДДИ. Ей-то что.

СЬЮ. Только в воскресенье ее искупала, и вот, пожалуйста.

Молчание.

Оставь мне овощей, ладно?

Молчание.

Много их там?

ЭДДИ. Не очень.

СЬЮ. А-а.

ЭДДИ. Пара терьеров.

СЬЮ. Да что ты.

ЭДДИ. И вертолетчики.

СЬЮ. Не много, значит.

ЭДДИ. Не много.

Молчание.

Ретривер.

СЬЮ. Кто?

ЭДДИ. Золотистый ретривер. С воротником на шее.

Чтоб не чесался.

СЬЮ. О господи.

ЭДДИ. Кожная инфекция.

СЬЮ. О господи.

Молчание.

Ты хоть руки-то помыл?

ЭДДИ. Малиновку видели.

СЬЮ. Кого?

ЭДДИ. Красногрудку. На скамейке у детской площадки. Пришлось на поводок взять, чтоб не гоняла. Птичку-то.

СЬЮ. А я подумала, может, ты к Пэм заглянул.

ЭДДИ. Ну.

СЬЮ. Хорошо сидит.

Молчание.

Особенно на животе.

ЭДДИ. Правда?

СЬЮ. Я такой видела на витрине. В «Ти-Кей Максе».

На распродаже.

ЭДДИ. А-а.

СЬЮ. В уцененке. Но я думала, тебе такой не пойдет.

Не совсем твой стиль.

ЭДДИ. А у меня есть стиль?

СЬЮ. Своего нет.

Молчание.

Какая она заботливая.

ЭДДИ. Ага.

СЬЮ. Теперь тебе никакая простуда не грозит.

ЭДДИ. Не грозит.

СЬЮ. Ну как она? Держится?

ЭДДИ. Да вроде.

СЬЮ. Ты к ней заходи иногда.

Молчание.

Тяжело ей, должно быть. Праздники, а она одна.

ЭДДИ. Она не жаловалась.

СЬЮ. В ее-то возрасте.

Молчание.

ЭДДИ достает открытку из заднего кармана. Вынимает из конверта и ставит на середину стола.

ЭДДИ ест.

Молчание.

СЬЮ рассматривает открытку.

Молчание.

Как мило.

ЭДДИ. Поздравил ее от тебя.

СЬЮ *кладет открытку обратно на стол.*

Молчание.

СЬЮ. Повесим ее с другими? Места достаточно.

ЭДДИ. Для того и веревка натянута.

СЬЮ. Я и говорю.

ЭДДИ. Для того и веревка натянута.

Молчание.

СЬЮ. Пришлось цветную капусту положить с брюссельской. Все тарелки заняты.

ЭДДИ. Угу.

СЬЮ. Еще чуть-чуть, и она бы в кашу превратилась. А эту вообще с трех часов на 50 градусах держала. Боюсь, суховата.

ЭДДИ. Да нет, мягкая.

СЬЮ. Хочешь мою кожу?

ЭДДИ. Ага.

СЬЮ. Давай тарелку.

Молчание.

Там еще подливка осталась, если хочешь.

Молчание.

Ты обращение королевы пропустил.

ЭДДИ. А-а.

СЬЮ. Ничего не потерял. Ты ж ее знаешь.

Молчание.

Сбросила пару фунтов после операции.

ЭДДИ. К лету помрет.

СЬЮ. Ну и денек у нее сегодня. Уильям и Гарри, дай им Бог. Ругаются прямо за столом.

ЭДДИ. Ага.

СЬЮ. Все они одинаковые в этом возрасте. Дети есть дети. Кому достанется бабушкина корона? Каждые пять минут бегают к себе в комнату. Шумят.

Молчание.

Носятся по лестнице.

Молчание.

И как она еще нашла время для Би-би-си?

ЭДДИ. Это он.

СЬЮ. Кто?

ЭДДИ. Блэр.

СЬЮ. Что — Блэр?

ЭДДИ. Что он ей скажет, то она и делает, ё-моё.

СЬЮ. Оставь Блэра в покое.

ЭДДИ. ...

СЬЮ. Хотя бы сегодня.

ЭДДИ. Подхалим хренов.

СЬЮ. Что?

Молчание.

Что ты бормочешь?

Молчание.

Завтра снег обещают. Если погода хорошая...

Молчание.

Может, съездим в Чэтсворт? Посидим в пабе, перекусим?

Молчание.

И ей бы понравилось.

ЭДДИ. Это точно.

СЬЮ. Надену резиновые сапоги, прогуляемся с ней до пещер. До Лэдибауэра. Не помешает сменить обстановку.

Молчание.

Наденешь свой новый... как его там.

ЭДДИ. Чего?

СЬЮ. Ну как его там, этот...

ЭДДИ. Пуловер.

СЬЮ. Обновишь.

ЭДДИ. Ага.

СЬЮ. У тебя никаких планов нет?

Молчание.

Я говорю, планов никаких нет?

ЭДДИ. Нет.

СЬЮ. Значит, договорились.

Молчание.

Тебе не жарко в этой штуке?

Молчание.

Ой... чуть не забыла.

СЬЮ *протягивает* ЭДДИ *рождественскую хлопушку.*

Это «Маркс и Спенсер». Такие шикарные. Маркс и Спарк, смотри.

ЭДДИ дергает хлопушку за веревочку.

Понадейся на тебя, у нас бы и хлопушек не было. Пришлось бы прошлогодние склеивать.

СЬЮ надевает бумажную рождественскую корону.

Ну, как тебе?

Молчание.

А?

СЬЮ берет хлопушку ЭДДИ.

Слушай, я не для того заплатила 9,99, чтобы ты сидел как пень. Давай, Тед.

ЭДДИ берет хлопушку за один конец, СЬЮ — за другой. Они тянут, раздается хлопок. ЭДДИ надевает корону.

Молчание.

В коробке еще десять.

Молчание.

Тебе не обязательно эту надевать.

ЭДДИ. А я хочу эту.

СЬЮ. Да я просто...

ЭДДИ. Что?

СЬЮ. Не обязательно эту надевать.

ЭДДИ. Нормально.

СЬЮ. Сидишь тут с кислой рожей.

ЭДДИ. Да сказал же, нормально.

Молчание.

СБЮ *вынимает из хлопушки записку с шуткой.*

СБЮ. Что сказал конверт почтовой марке?

Молчание.

Вот поклею я тебя и поедем за моря.

Молчание.

СБЮ *разворачивает записку из хлопушки ЭДДИ.*

Почему у улиток блестят раковины?

Молчание.

Потому что они чистят их «Кометом».

Молчание.

СБЮ *разглядывает содержимое хлопушки.*

Ой, игрушка, смотри.

СБЮ *вынимает маленькую пластмассовую игрушку и разворачивает инструкцию. СБЮ изучает инструкцию.*

Как бы ее собрать?.

СБЮ *пытается собрать игрушку.*

Что-то не так. По-моему, вот это идет сюда, а это сюда.

Продолжает собирать.

Нет, не так.

Продолжает собирать.

А, вот так. Вот, смотри.

Игрушка разваливается.

Она вертеться должна. Это вертушка такая.

ЭДДИ берет игрушку и собирает ее, отдает ее СЬЮ.

ЭДДИ. На, кругани.

СЬЮ. Что?

ЭДДИ. Крути давай.

СЬЮ. Чего орать-то.

ЭДДИ. ...

СЬЮ. Без тебя знаю.

СЬЮ вращает игрушку, она соскакивает со стола.

Молчание.

Смешно.

Молчание.

А у тебя что?

СЬЮ берет хлопушку ЭДДИ и вытряхивает ее. Достает пластиковый браслет.

Ух ты!

СЬЮ вынимает браслет из упаковки.

Это хоть что-то.

СЬЮ надевает браслет.

Ну как?

Молчание.

Они едят.

Молчание.

Он звонил.

ЭДДИ. Что?

СБЮ. Он звонил.

Молчание.

Приятно было родной голос услышать. Сказал, если ты вдруг передумаешь, время еще есть. Он еще долго не ляжет.

Молчание.

Я ему говорю, не волнуйся за нас с отцом. Мы спокойно проведем это Рождество вдвоем. И так дел полно, я прямо с ног сбилась с этой чертовой индейкой. Один раз переживем.

ЭДДИ. Да.

СБЮ. Я ему сказала, делай, как тебе удобно, лишь бы ты был доволен.

Молчание.

Я сказала, что ты ему перезвонишь попозже, после ужина.

Молчание.

Сегодня рождественская серия.

ЭДДИ Чего?

СБЮ. «Дураки и кони». Рождественская серия. Специальная. У Делбоя очередной план, как заработать миллион. А этот не хочет ввязываться, Родни, в смысле. Он-то знает, что они опять вляпаются. Так и вышло. В конце все накрылось.

Молчание.

Судя по рекламе, обхохочешься.

Молчание.

Ты ведь позвонишь ему, Тед? А то он так расстроится. Позвонишь, да?

ЭДДИ. Ладно.

Молчание.

СБЮ. Так. В два он пообедал.

СБЮ *смотрит на часы.*

Наверное, уже там. К дедушке ее двоюродному поехали. По папиной линии. Ему уже, слава богу, за девяносто. И живет он на другом конце города. Еще с 50-х. Вся родня съезжается, дети, внуки. Сколько же их там? Человек двадцать — двадцать пять, не меньше. Все на машинах, прямо по мосту через Темзу. И так каждый год. Традиция уже. В общем, некогда ему было разговаривать. Сам услышишь. Толком ничего и не сказал. Говорит, они к нему неплохо относятся. У них там, конечно, шумновато, но люди они хорошие.

Молчание.

Дали денег на свадьбу.

ЭДДИ. Что?

СЬЮ. Ее отец. Он им чек выписал.

ЭДДИ. И сколько?

СЬЮ. Тот еще фрукт. Когда он мне звонил, они как раз шампанское разливали. В десять-то утра-то.

ЭДДИ. Сколько?

СЬЮ. Ничего не скажешь, образцовая семейка.

Молчание.

Он не сказал.

Молчание.

У них и пианино есть.

ЭДДИ. Рад за них.

СЬЮ. Говорит, будет петь со всем семейством. Это он-то. «Jingle Bells». Да он с детства не поет. Я ему говорю, ты б хоть потренировался, сынок. Говорю, под шампанское и поется лучше. А то еще бренди пропусти рюмку-другую, прости господи.

ЭДДИ. Разберется.

СЬЮ. Тут уж без выпивки никак.

ЭДДИ. Ну да.

СЬЮ. Все равно не удержишь.

Молчание.

В прошлом году под столом нашли.

ЭДДИ усмехается.

Прямо в короне.

Оба усмехаются.

(Хихикая.) И эта дурацкая... Как ее... Ну...

ЭДДИ смеется.

И в штанах запутался.

СЬЮ и ЭДДИ смеются.

До сих пор этот снимок где-то валяется.

Молчание.

ЭДДИ и СЬЮ едят.

Молчание.

Все лучшее — детям.

ЭДДИ. Ну да.

СЬЮ. Главное — забота.

Молчание.

В восторге от этого плеера.

ЭДДИ. От чего?

СЬЮ. Мы же ему плеер послали.

ЭДДИ. А-а.

СЬЮ. Так и просил передать. Прямо в восторге.

ЭДДИ. Ясно.

СЬЮ. В метро с ним ездит. Все веселей. Хочешь — диски слушай, хочешь — Би-би-си, хочешь — футбол. Я и сама бы от такого не отказалась.

ЭДДИ. Завтра начну.

СЬЮ. Что?

ЭДДИ. Калитку чинить за домом.

СЬЮ. Ты уже давно собираешься.

ЭДДИ. Надо петли купить.

СЬЮ. Так магазины закрыты до пятницы.

ЭДДИ. К обеду управлюсь.

СЬЮ. На завтра снег обещали.

ЭДДИ. Чтоб не дурила. Чтоб из дому не убегала.
СЬЮ. Хорошо бы и нам куда-нибудь выбраться, Тед.

Молчание.

Не знала, что тебе нравится Нил Янг.

ЭДДИ. Что?

СЬЮ. Диск, который тебе подарили.

ЭДДИ. Ну, нравится.

СЬЮ. Я-то не знала. Ты не говорил. Никогда не высказывал мнения.

Молчание.

Дождешься от тебя, как же.

ЭДДИ. Нет.

СЬЮ. Я-то точно не дождусь.

Молчание.

Что?

ЭДДИ. Что-то я слышал.

СЬЮ. Ты что-то слышал.

ЭДДИ. Кто-то рассказывал.

СЬЮ. Понятно.

Молчание.

На свадьбу надену?

ЭДДИ. Чего?

СЬЮ. К платью подойдет?

ЭДДИ. Ну да.

СЬЮ. Подойдет к платью.

Молчание.

СЬЮ снимает браслет.

Кладет обратно в пакетик.

Молчание.

Не затмить бы невесту.

Молчание.

СЬЮ *наливает вино и пьет.*

Она ему подходит, по-моему.

ЭДДИ. Ага.

СЬЮ. Хорошо на него влияет, в смысле. К сорока годам они вдвоем таких делов наворочают.

ЭДДИ. Тебе виднее.

СЬЮ. Красотка.

ЭДДИ. Чего?

СЬЮ. Ты же сам сказал. Тихоня, конечно. По телефону и слова не выгнешь. Но красотка, твои слова.

ЭДДИ. Да ну?

СЬЮ. Сказал, вылитая Кэтрин Зета-Джонс.

ЭДДИ. Когда это?

СЬЮ. Ты с бедной девочки глаз не сводил. Еще бы она не стеснялась, так ты на нее пялился.

Молчание.

Думала, может, они приедут.

ЭДДИ. Ага.

СЬЮ. Хотя бы завтра.

Молчание.

Напугал ты ее.

ЭДДИ. Чего?

СЬЮ. Говорю, напугал ты ее.

Молчание.

Сидел как истукан.

Молчание.

Странно все-таки.

ЭДДИ. Что странно?

СЬЮ. Трудно поверить, что он наконец остепенится. Я ему говорю, ты весь в отца, он таким же был, когда мы познакомились. Такие мечты. Такая шевелюра.

Молчание.

Всегда думала, ты угодишь в какую-нибудь хипповскую коммуны, спасая наш поганый...

ЭДДИ *хватает разделочный нож.*

Ты чего?

ЭДДИ *отрезает ножку индейки.*

Эдди...

Пауза.

Эдди, не надо...

ЭДДИ *берет ножку индейки и кладет ее на тарелку с запеченным картофелем.*

Возьми салфетку.

ЭДДИ *перекладывает себе на тарелку остатки картофеля.*

Аккуратней, опять всю скатерть заляпал.

ЭДДИ *выходит с тарелкой.*

Избаловал собаку!

Молчание.

СБЮ *наливает в бокал белого вина.*

СБЮ делает глоток.

Молчание.

СБЮ *отпивает половину бокала.*

СБЮ *заново наполняет бокал.*

СБЮ *делает глоток.*

Молчание.

СБЮ *растегивает блузку.*

Ощупывает левую грудь, проверяя; нет ли уплотнений.

Молчание.

СБЮ *застегивает блузку.*

Молчание.

Залпом выпивает бокал.

Молчание.

Встает со стула.

СБЮ *кладет остатки овощей и индейки на тарелку*

ЭДДИ.

Садится.

ЭДДИ *возвращается из кухни.*

Садится.

Ест.

Молчание.

Без этого никак нельзя, да?

Молчание.

ЭДДИ *ест.*

Молчание.

Не надо, Эдди. Прямо над ухом.

Молчание.

ЭДДИ *доедает, кладет вилку с ножом на тарелку.*

Молчание.

Еще осталось.

ЭДДИ. Объялся.

СЬЮ. Не похоже на тебя. Доедай.

Молчание.

Доедай, кому говорю.

Молчание.

ЭДДИ *прикуривает.*

Молчание.

Смотри, пепла не натряси.

ЭДДИ. Куда?

СЬЮ. Можешь испортить. Она так старалась.

Молчание.

Позвони ему.

Молчание.

А то поздно будет.

ЭДДИ. Сейчас.

Молчание.

СЬЮ. Я выходила.

Молчание.

Я выходила.

ЭДДИ. Да?

СЬЮ. К соседям. Заглянула к ним утром. Открытку от-
дать.

Молчание.

Предложила взять Брета на часок.

ЭДДИ. Чего?

СЬЮ. Он не такой уж плохой.

ЭДДИ. Маленький ублюдок.

СЬЮ. Думала, надо им как-то помочь, пусть отдохнут.
И нам веселее.

Молчание.

Всего на часок.

ЭДДИ. Ладно.

СЬЮ. У них и так с малышкой дел невпроворот. Из
роддома ведь только что, боже мой!

Молчание.

Я разрешила ему поиграть с Лаки.

ЭДДИ. Ты... ?

СЬЮ. Она и так сегодня нагулялась. Хватит с нее.

ЭДДИ. Во сколько?

СЬЮ. Да вот-вот придет.

Молчание

А может, он и вообще не придет. Может, он уже деся-
тый сон видит, знаешь ведь, какие они в этом возрасте. В
шесть уже баиньки.

Молчание.

Помоги мне с посудой.

Молчание.

Мы вдвоем мигом управимся.

ЭДДИ. Ладно.

СЬЮ. Она же тебя не ждет.

ЭДДИ. Кто?

СЬЮ. Пэмела. Она не...

ЭДДИ. Нет.

СЬЮ. Ну помоги мне тогда.

ЭДДИ. Ладно.

Молчание.

СЬЮ. Никто тебя не заставляет.

Молчание.

Делай что хочешь.

Молчание.

СЬЮ *наливает вина и пьет.*

Молчание.

Может, во что-нибудь сыграем потом?

Молчание.

«Счастливым случаем». Хорошая игра. Ты столько всего знаешь. Не то что я. Я-то вообще.

Молчание.

Хоть развлечемся.

Молчание.

Так. По-моему, пора бы уже...

Звонит телефон.

Это он, наверно.

Долгая пауза.

Ну, подойди же.

ЭДДИ *тушит сигарету.*

ЭДДИ *встает со стула.*

Телефон замолкает.

ЭДДИ *садится.*

Молчание.

ЭДДИ. Наверно, он еще позвонит.

СЬЮ. Наверно.

Молчание.

Подождем, может, он оставит сообщение ...

ЭДДИ. Я тебя не люблю.

Молчание.

СЬЮ. Каждый имеет право на свою точку зрения.

Молчание.

ЭДДИ. Решено.

Занавес

Сцена вторая.

Тот же день. 8 часов вечера.

БРЕТ и СЬЮ сидят за столом.

БРЕТ ковыряет вилкой рождественский пудинг.

СЬЮ потягивает вино.

Оба в рождественских коронах.

СЬЮ. Ну как?

Молчание.

Специально для тебя старалась. Мама говорит, ты его любишь. Она мне сказала. Она все время о тебе говорит.

Молчание.

Взбитые сливки.

Молчание.

Вырастешь большой и сильный. Как слон.

Молчание.

Чуть-чуть, а?

СЬЮ выдавливает сливки на пудинг БРЕТА.

Рождество, как-никак.

Молчание.

Ой.

СЬЮ *вытаскивает собачий волос из сливок.*

Похоже, это Лаки.

СЬЮ *убирает волос салфеткой, облизывает пальцы.*

М-м. Вкуснятина.

Молчание.

Правда, здорово? Санта тебе столько подарков принес. Это уж точно. Кто-то был хорошим мальчиком весь год. Кое-кому повезло. Сестричку подарили. Будет с кем подарками делиться.

БРЕТ. Типа того.

СЬЮ. Будет теперь с кем поиграть.

БРЕТ *пожимает плечами.*

Не больше твоей ладошки, да?

БРЕТ. Ага.

СЬЮ. Я ее видела.

Молчание.

Помню тебя в ее возрасте. Однажды сидела с тобой. Ты, конечно, не помнишь. В пеленках еще был, так вопил, что стены тряслись. Я уж и купать тебя пробовала, чтобы угомонился. Не тут-то было. На всю улицу орал.

Молчание.

За тобой небось девчонки в школе бегают? За таким-то красавчиком.

БРЕТ. Нет.

СЬЮ. Видела, как ты во дворе в футбол гонял. Ну просто Дэвид Бекхэм. От поклонниц отбоя нет, это точно. Так, поди, за штаны и хватают.

Молчание.

Весь в отца.

БРЕТ. Домой хочу.

СЬЮ. Ну, что ты.

БРЕТ. Домой хочу.

СЬЮ. Ты же только пришел.

БРЕТ. Отвали.

СЬЮ. А что ты обещал?

БРЕТ *пожимает плечами.*

Обещал хорошо себя вести.

Молчание.

Я маме обещала присмотреть за тобой. Не капризничай, она скоро придет.

БРЕТ. Можно колы?

СЬЮ. Ты еще лимонад не допил.

БРЕТ. Мама сказала, мне дадут колы.

СЬЮ. Все лимонад любят. Он вкусный и полезный.

Пей.

БРЕТ (*бормочет*). Ссака какая-то.

СЬЮ. Что?

БРЕТ. Ниче.

СЬЮ. Что ты сказал?

СЬЮ *отхлебывает лимонад.*

Ничего себе ссака.

Молчание.

БРЕТ. А у нас елка здоровенная.

СЬЮ. Конечно.

БРЕТ. Нашу с улицы видно, а вашу нет. Малявка какая-то.

Молчание.

СЬЮ. Какой у тебя свитер! У моего Дэнни такой же. В полоску. В детстве был. А однажды ему мотоцикл подарили. Игрушечный, в смысле. С Барри Шином в седле. Тебе бы такой понравился. Или гоночная машинка.

БРЕТ *пожимает плечами.*

Я в твоём возрасте и апельсину рада была. У нас и дом не украшали по праздникам. С моим-то папашей. Что Рождество, что Пасха, все одно. Никакой разницы. И поиграть не с кем. Ты бы так хотел?

БРЕТ. Нет.

СЬЮ. То-то же.

БРЕТ. А у меня есть Гэндальф.

СЬЮ. Здорово.

БРЕТ. И Голлум. Они живут у меня в шкафу. Разговаривают.

СЬЮ. Да что ты?

БРЕТ *пожимает плечами.*

А ты, наверное, Властелин Колец.

БРЕТ. Нет.

СЬЮ. А по-моему, да.

БРЕТ. Я Фродо.

СЬЮ. А я тогда кто?

БРЕТ. Никто.

Молчание.

Ну хочешь, будешь пещерным троллем.

СЬЮ. Ой.

БРЕТ. А больше некем.

СЬЮ. А что делает пещерный тролль?

БРЕТ. Его убивают.

СЬЮ. Что?

БРЕТ. Тебя убьют.

СЬЮ. Ой!

БРЕТ. Стрелой в глаз.

СЬЮ. Ну, разве что понарошку.

БРЕТ. Нет.

Молчание.

СЬЮ. Спой мне песенку.

Молчание.

Ты же знаешь, что поют на Рождество. Разве вас в школе не учат? Я вот в школьном хоре пела.

Молчание.

СЬЮ поет:

*Тихая ночь, дивная ночь.
Дремлет все, лишь не спит
В благоговеньи святая чета,
Чудным Младенцем полны их сердца,
Радость в душе их горит,
Радость в душе их горит.*

*Тихая ночь, дивная ночь.
Глас с небес возвестил:
«Радуйтесь, люди, родился Христос,
Мир и спасение Он нам принес,*

*Свьше нас свет посетил,
Свьше нас свет посетил!»*

БРЕТ *доедает пудинг и кладет вилку.*

БРЕТ. Я всё.

СЬЮ. Что надо сказать?

БРЕТ. Спасибо.

СЬЮ. Что — спасибо?

БРЕТ. Миссис Веббер.

СЬЮ. Правильно.

БРЕТ. Миссис Веббер.

СЬЮ. Хорошо.

БРЕТ. Миссис Веббер, Миссис Веббер, Миссис Веббер!

Молчание.

СЬЮ. Ну вот, молодец.

БРЕТ. Можно я с собакой поиграю?

СЬЮ. Эээ...

БРЕТ. Мама сказала, можно.

СЬЮ. Боюсь, они уже ушли, зайчика.

БРЕТ. Нет, не ушли.

СЬЮ. Они только до парка и обратно. Скоро вернуться.

БРЕТ. А как же...

СЬЮ. Вряд ли она захочет играть. Она уже старенькая. Как они с Тедом загуляют на весь день, так она потом вообще без сил, встать не может. Ей в мае пятнадцать будет. По-собачьи это сто с лишним.

БРЕТ. Я знаю.

СЬЮ. Вот и хорошо.

Молчание.

Может, пока со мной поиграешь, а?

Молчание.

Ну, ладно.

Молчание.

Как дома-то дела?

Молчание.

Загляни под елку, нет ли там чего для тебя.

Молчание.

Ой.

СБЮ замечает на столе альбом с фотографиями.

Смотри-ка, что я нашла.

БРЕТ. Отвяжись.

СБЮ. Может, Лаки найдем, если повезет.

СБЮ берет фотоальбом и садится рядом с БРЕТОМ.

Открывает альбом и показывает ему фотографии.

Молчание.

Тут она еще щенок. Много лет назад. В 88-м. И моя нога в кадр попала, смотри-ка.

БРЕТ пожимает плечами.

А эта еще раньше. Луна-парк. Это мой Дэнни в очереди на американские горки. Он здесь чуть постарше тебя.

Молчание.

А это мы втроем на водных горках. Посмотри, какая мордашка, посмотри.

Молчание.

Снова Лаки. Летом, на озерах.

Молчание.

Дэнни на соревнованиях. Бег в мешках. Третье место занял.

Молчание.

А это когда он Бой Джорджем увлекался. Рожу скорчил. Кажется, это как раз после прививки.

Молчание.

Лаки.

Молчание.

Ой, смотри, смотри. Это Дэнни в школьной постановке. «Багси Мэлоун». Его тут не узнать, правда? Он там, сзади, видишь?

Молчание.

А это он с очередной подружкой. Не знаю, что с ней стало.

Молчание.

Это он перед выпускными экзаменами.

Молчание.

А это после выпускных экзаменов.

Молчание.

Вылитый Нил из того фильма про хиппи. Глаза как блюда.

Молчание.

А это он на автостанции. По дороге в Лондон. В университет. Большой, сильный такой, правда?

БРЕТ *пожимает плечами.*

И ты таким же вырастешь.

Молчание.

Лаки.

Молчание.

А это мы Лаки купаем.

Молчание.

Это даже не знаю что.

Молчание.

Опять Лаки. Лижет объектив. Во носилце. Как такой называется?

БРЕТ *пожимает плечами.*

Рыло, что ли.

Молчание.

Лаки с папочкой в парке. В том году.

Молчание.

Лаки с яблоком на голове. Одна из шуточек моего Теда.

Молчание.

А вот она в корзинке, смотри.

Молчание.

Лаки.

Молчание.

Снова Лаки.

Молчание.

СБЮ *пролистывает фотоальбом.*

Молчание.

СБЮ *откладывает фотоальбом.*

Молчание.

СБЮ *наливает себе бокал вина и пьет.*

Молчание.

Выпей бренди, если хочешь.

Молчание.

Какое же Рождество без глоточка бренди или...

БРЕТ. Теперь можно домой?

СБЮ. Эээ...

БРЕТ. Мне скучно.
СЬЮ. Ну, не знаю...
БРЕТ. С тобой скучно.
СЬЮ. Думай, что говоришь.
БРЕТ. Пошла ты.

Молчание.

СЬЮ. Знаешь, что делают с такими словами?
БРЕТ. Нет.
СЬЮ. Спускают в унитаз. Или крысам на съеденье.

Молчание.

Ты ж туда не хочешь?
БРЕТ. Хочу.
СЬЮ. В унитаз.
БРЕТ. Уж лучше, чем здесь.

Молчание.

СЬЮ. Ты разве не хочешь узнать, что Санта тебе принес?
БРЕТ. Я сам Санта.
СЬЮ. Да ну?
БРЕТ. Ну да.

Молчание.

СЬЮ. По-моему, там что-то для тебя.

Молчание.

БРЕТ *слезает со стула и идет к елке. Рассматривает елку.*

Хороший мальчик.

БРЕТ *срывает с верхушки ангела.*

Брет!

БРЕТ. А глаза у него где?

СЬЮ. Сломаешь!

БРЕТ. У него глаз нету.

СЬЮ. Ну-ка отдай.

БРЕТ. А как же он...

СЬЮ. Верни на место!

БРЕТ *бросает ангела на пол.*

Брет!

БРЕТ *наступает на него.*

Молчание.

Ну, разве так можно?

БРЕТ. Нет.

СЬЮ. Фу, как некрасиво.

Молчание.

Ну?

Молчание.

БРЕТ *поднимает ангела.*

Ему столько же лет, сколько мне.

БРЕТ. И что?

СЬЮ. Только на Рождество и достаем.

БРЕТ. Пусть он что-нибудь скажет.

СЬЮ. Нет.

БРЕТ. Ну пусть, я хочу. Пусть поговорит.

СЬЮ. Я же сказала...

БРЕТ. А я хочу!

СЬЮ. А он сейчас не хочет говорить.

Молчание.

БРЕТ *возвращает ангела на елку.*

Хороший мальчик.

Молчание.

А вот это кому?

БРЕТ *рассматривает пакет с подарком.*

Сюрприз.

БРЕТ *разворачивает подарок. Это футболка местной команды «Шеффилд Вензди».*

Вот это да. Очень шикарно. Это ведь ваши цвета, верно? Не помню, за кого ты болеешь — «Вензди» или «Юнайтед».

БРЕТ. «Юнайтед».

СЬЮ. Ой.

БРЕТ. Красный с белым.

СЬЮ. Точно?

БРЕТ. Клинки.

СЬЮ. А я думала...

БРЕТ. Ну и дура.

Молчание.

СЬЮ. Ладно, я уверена, ее всегда можно поменять.

БРЕТ. Нет, нельзя.

СЬЮ. А я уверена...

БРЕТ. У меня уже есть одна.

СЬЮ. Что?

БРЕТ. Дура.

СЬЮ. Послушай...

БРЕТ. Мне каждый год дарят новую. По субботам хожу в ней на игру. Вэйн Эллисон лучше всех, самый крутой. И еще Козлюк.

СЬЮ. Понятно.

БРЕТ. Майкл Тонг тоже ничего.

СЬЮ. А мой Дэнни болел за «Вензди».

БРЕТ. Ну и что?

СЬЮ. Всегда ходил на их игры, когда они еще были в первом дивизионе.

БРЕТ. Вот урод.

СЬЮ. Что?

БРЕТ. Урод. Только лохи за «Вензди» болеют.

Молчание.

СЬЮ. Давай хоть примерим, а?

БРЕТ. Нет.

СЬЮ. Вдруг подойдет.

БРЕТ. Не буду...

СЬЮ. Ну, давай.

БРЕТ. ...мерить эту...

СЬЮ. Подожди...

БРЕТ. Ай!

СЬЮ. Ну, что ты, как маленький...

БРЕТ. Уйди!

СЬЮ. Брет...

БРЕТ. Отстань от меня!

СЬЮ. Ну, сейчас.

БРЕТ. Нет.

СЬЮ. Дай посмотрю.

БРЕТ. Это не моя команда!

СЬЮ. Да брось ты...

БРЕТ. Это не моя!..

СЬЮ. Я тебе щас покажу твою команду, мать твою, одевай!

БРЕТ. Но...

СЬЮ *дает БРЕТУ оплеуху.*

СЬЮ *идет к столу и садится.*

СЬЮ *наливает вино и пьет.*

Молчание.

БРЕТ *надевает новую футболку.*

Молчание.

СЬЮ. Ну вот. Не умер же?

БРЕТ. Нет.

СЬЮ. Покажись.

Молчание.

Ну, принц да и только.

Молчание.

Правда, весело?

БРЕТ. Нет.

СЬЮ. Дуешься, что ли?

БРЕТ. Нет.

СЬЮ. Что ты, как бука?

Молчание.

У-уу, бука какой.

Молчание.

Ты ведь маме не скажешь про тетю Сьюзен?

БРЕТ *пожимает плечами.*

Пусть это будет наш маленький секрет.

БРЕТ. Ты первая начала.

СЬЮ. Я?

БРЕТ. Ты.

СЬЮ. Ой, ну какой же ты...

БРЕТ. Сам бы никогда не пришел. Меня мама за-
ставила.

СЬЮ. Если бы ты слушался...

БРЕТ. Я вообще сюда идти не хотел.

СЬЮ. Не всегда получается так, как хочешь.

БРЕТ. Не хотел я.

СЬЮ. Значит, придется потерпеть.

БРЕТ. Нет.

СЬЮ. Ты ведь не хочешь, чтобы мама расстроилась?

БРЕТ. Да ей плевать.

СЬЮ. Не надо ее расстраивать.

БРЕТ. Она терпеть тебя не может.

СЬЮ. Перестань...

БРЕТ. И папа тоже.

СЬЮ. Что за чушь.

БРЕТ. Терпеть не может.

СЬЮ. Такого не может быть.

БРЕТ. Я сам слышал.

СЬЮ. Глупости какие, Брет. Послушай...

БРЕТ. Даже во двор не выходит.

СЬЮ. Сядь.

БРЕТ. Не выходит белье развешивать, пока ты во дво-
ре. Она сказала, ей не нравится, как ты мою сестру на руки
берешь, говорит, ты грубая. Сказала, так только коты тас-
кают. Говорит, она тебе разрешает только потому, что ты
старая и глупая и своих у тебя нет.

Молчание.

СЬЮ. Хочешь еще пудинга?

Молчание.

Съешь еще немного.

БРЕТ. Нет.

СЬЮ. Самую малость, давай.

БРЕТ. Можно мне в туалет?

СЬЮ. Не выдумывай.

БРЕТ. Писать хочу.

СЬЮ. Не валяй...

БРЕТ. Хочу...

СЬЮ. ...дурака.

Молчание.

Мало тебе неприятностей?

БРЕТ. Нет.

СЬЮ. В школе.

БРЕТ. Врешь ты все.

СЬЮ. Уроки срываешь. Дерешься. Маленьких обижаешь.

БРЕТ. Заткнись.

СЬЮ. Мать мне все рассказала.

Молчание.

Кто мальчику нос расквасил, а?

Молчание.

БРЕТ. Врет она.

СЬЮ. Я ушам своим не поверила. Быть такого не может, так я и сказала.

БРЕТ. А че сразу я?

СЬЮ. Конечно, не ты.

БРЕТ. Маркус из соседнего дома, это все он. Это он начал.

Молчание.

СЬЮ *заново наполняет бокал.*

СЬЮ. А я-то думаю, кто это мой мусорный бак каждое утро опрокидывает. Прошлый раз полчаса мусор собирала.

Молчание.

Ты, конечно, про это ничего не знаешь.

БРЕТ. Нет.

СЬЮ. Уверен?

БРЕТ. Отвали.

СЬЮ. Может, у матери спросим?

Молчание.

То-то она обрадуется.

БРЕТ. А че я-то?

СЬЮ. Ладно. Кое-кто умеет хранить секреты.

БРЕТ. Да не я это.

СЬЮ. Брет...

БРЕТ. А че все время я-то?

Молчание.

СЬЮ. Бедный мой, как я тебя понимаю.

Молчание.

СЬЮ *наливает в стакан бренди и протягивает БРЕТУ.*

Да, раньше тебе все внимание.

Молчание.

БРЕТ *колеблется, затем отпивает бренди.*

Теперь о сестренке надо заботиться. Ясное дело, им не до тебя.

Молчание.

Одиноко, наверное, бывает.

БРЕТ. Ненавижу ее.

СЬЮ. Что?

БРЕТ. Даже говорить не умеет.

СЬЮ. Твоя бы воля, ты бы им всем показал.

БРЕТ. Да уж.

СЬЮ. И я б тебе помогла.

Молчание.

Мне через стенку все слышно.

Молчание.

Мать с отцом без конца ругаются; подумать страшно, каково тебе.

Молчание.

Думаю, они вообще скоро разбегутся.

Молчание.

Но ты всегда можешь прийти ко мне, ты же знаешь.

БРЕТ. Да.

СЬЮ. Здесь тебе всегда рады.

БРЕТ. Да.

СЬЮ. Что «да»?

БРЕТ. Да, миссис Веббер.

Молчание.

СЬЮ. Смотри-ка.

СЬЮ встает.

Берет сумочку и вынимает кошелек.

СЬЮ достает из кошелька двадцатифунтовую банкноту.

Протягивает деньги БРЕТУ.

Возьми, купи себе что-нибудь.

БРЕТ берет банкноту и прячет в карман.

Вместо футболки.

Молчание.

СЬЮ подходит к елке и снимает ангела.

Молчание.

СЬЮ с ангелом в руках подходит к БРЕТУ.

Молчание.

(*За ангела.*) С Рождеством, Брет.

Молчание.

(*За ангела.*) С Рождеством, Брет.

Молчание.

СЬЮ протягивает ангела БРЕТУ.

Посели его в шкафу вместе с другими, хочешь?

БРЕТ. Угу.

СЬЮ. А как ты его назовешь?

БРЕТ. Миссис Веббер.

СЬЮ. Хорошее имя.

Молчание.

Иди сюда.

БРЕТ. Зачем?

СЬЮ. Иди сюда. Давай.

Молчание.

Вот и ладно, вот и хорошо.

Молчание.

Устал, зайнька.

Молчание.

Они, наверно, гадают, куда ты подевался.

Молчание.

Давай я тебе постелю в комнате Дэнни.

БРЕТ. Угу.

СЬЮ. У него все стены футболистами увешаны. Может, узнаешь кого.

Молчание.

Сбегай домой. Скажи им. Скажи, что хочешь остаться у тети Сью, чтобы не путаться у них под ногами. Телек будем смотреть, мультики там какие-нибудь. Согласен, да? Посидим тихонько.

Молчание.

Сегодня же Иисус родился.

Молчание.

Пижаму возьми и игрушки какие хочешь.

Молчание.

БРЕТ. Нарисуем новые.

СЬЮ. Что?

БРЕТ. У меня фломастеры есть. Нарисуем ему новые глазки, ладно? Чтобы он мог видеть.

Занавес

Сцена третья

Полночь. Эдди в кресле смотрит телевизор.

На коленях у него корзинка с орехами. Колет орехи щипцами и ест.

Пьет пиво из бутылки.

Под глазом — синяк.

Молчание.

Появляется Сью в ночной рубашке. Она несет одеяло, простыни и подушку.

СЬЮ. Постелила ему у тебя в комнате. Только на одну ночь.

СЬЮ *начинает стелить постель для ЭДДИ.*

Ну и свинарник ты там развел. Так вот куда мои лучшие чашки подевались. Окурки валяются.

Молчание.

Даже Дэнни умел пользоваться пылесосом.

Молчание.

Разве можно спать на таких простынях? Говорила же, им давно в стирку пора.

Молчание.

Так пойдет?

ЭДДИ. Ага.

СБЮ. Полотенце возьмешь в шкафу.

Молчание.

Должно быть, с ног валишься.

ЭДДИ. Валюсь.

СБЮ. Заметно.

Молчание.

Завтра рано вставать. Столько всего надо успеть. Сказала, возьмем его с собой, если захочет. Он и за городом ни разу не был. Думала, свозим его на Змеиный перевал. Если машина не подведет. Если это не слишком...

ЭДДИ *бросает в СБЮ орехом.*

Эдди...

ЭДДИ *бросает в СБЮ орехом.*

Перестань.

ЭДДИ *бросает в СБЮ орехом.*

Перестань, Эдди.

ЭДДИ *ест.*

Молчание.

СБЮ *подбирает орехи.*

Кладет их обратно.

Молчание.

Пойди, погляди на него.

ЭДДИ. Я телевизор смотрю.

СЬЮ. Спит как убитый. Такой лапочка. Прямо как наш.

Молчание.

Тед, ну пойди, погляди на него.

ЭДДИ. У тебя волосы выпадают.

СЬЮ. Что?

ЭДДИ. Волосы выпадают.

Молчание.

СЬЮ. Кто сказал?

ЭДДИ. Мяу.

СЬЮ. Что?

ЭДДИ. «Кто сказал мяу?»

СЬЮ. Не ори на меня.

ЭДДИ. Отойди.

СЬЮ. Дети спят.

ЭДДИ. У тебя жопа не стеклянная.

СЬЮ. Сделай потише.

ЭДДИ. Весь экран загорела.

СЬЮ. Дай сюда пульт.

СЬЮ берет пульт и уменьшает громкость.

От этих воплей его кошмары замучают.

Молчание.

ЭДДИ переключает каналы.

Молчание.

ЭДДИ ест.

Молчание.

«Спартак».

ЭДДИ. Ага.

Молчание.

СБЮ. Эдди.

Молчание.

Эдди...

ЭДДИ. Ну, что?

СБЮ. Уже поздно.

Молчание.

Можно мне с тобой посмотреть?

ЭДДИ. Ну, если тебе надо.

СБЮ. Вдвоем веселее.

Молчание.

А может, в моей комнате ляжешь?

Молчание.

У меня там все по-новому. Кровать теперь у окна. По утрам такая прелесть — солнышко светит.

Молчание.

Хорош, правда?

ЭДДИ. Что?

СБЮ. Тони Кертис.

ЭДДИ. Кто?

СБЮ. Такой актер, а его забыли. Незаслуженно.

Молчание.

Принесем с кухни маленький телик. Возьмем удлинитель.

Поставим его на шкаф. Согреемся.

Молчание.

Можешь там курить.

ЭДДИ. Чего?

СЬЮ. Приоткроем окно. Обогреватель включим...
Какая тебе разница. Не замерзнем.

ЭДДИ. Ага.

СЬЮ. Я совсем не против.

ЭДДИ. Ну, спасибо.

СЬЮ. А то перепугаешь ребенка утром. Застанет тебя в таком виде, что подумает?

ЭДДИ *вытягивает сигарету из пачки.*

Что он подумает, Тед?

Молчание.

А?

ЭДДИ. Пусть думает.

СЬЮ. Не будь таким...

ЭДДИ. Оставь меня в покое.

СЬЮ. Эдди...

ЭДДИ. Исчезни!

СЬЮ. Я же тебя просила...

ЭДДИ. Да е-мое...

СЬЮ. Так ты ложишься?

Молчание.

ЭДДИ *прикуривает.*

Молчание.

Пора бы уже завязывать. К шестидесяти раку заработаешь. Кончишь, как твой папаша, с дырищей в горле.

Молчание.

Не говори, что я тебя не предупреждала.

Молчание.

Она без папочки места себе не находит.

ЭДДИ. Чего?

СЬЮ. Лаки.

Молчание.

Возьмем ее с собой в спальню, ладно? Пусть поспит на кровати разок. Она совсем без сил. После твоих прогулок.

ЭДДИ. Сью...

СЬЮ. Она хоть поела?

Молчание.

Тед.

ЭДДИ. Что?

СЬЮ. Где она?

Молчание.

Собака, где она?

Молчание.

Ты калитку закрыл?

ЭДДИ. Да.

СЬЮ. Где же она?

ЭДДИ. Иди спать.

СЬЮ. Не могла же она исчезнуть.

ЭДДИ. С ней все в порядке.

СЬЮ. Не могла же она исчезнуть, Тед.

ЭДДИ. Я ее купил!

СЬЮ. Но...

ЭДДИ. Она моя!

Молчание.

ЭДДИ тушит сигарету.

Молчание.

СЬЮ. Ты ее оставил там.

ЭДДИ. Да.

СЬЮ. Ты ее оставил там.

Молчание.

Ты же знаешь, она не может без своей корзинки.

Молчание.

Ты ведь ее знаешь, Тед, она с ума сойдет одна.

Оставил ее. С кем попало...

ЭДДИ. Она не кто попало.

СЬЮ. Именно кто попало.

Молчание.

ЭДДИ. Пэмела.

СЬЮ. Прекрасно.

ЭДДИ. Ее зовут Пэмела.

СЬЮ. Шлялся весь вечер.

ЭДДИ. Все уже.

СЬЮ. Что?

ЭДДИ. Все кончено.

СЬЮ. Что она с тобой сделала?

ЭДДИ. Сью...

СЬЮ. Синяк.

ЭДДИ. Отстань.

СЬЮ. Под глазом —

ЭДДИ. Не лезь.

СЬЮ. Вы подрались?

ЭДДИ. Я ударился.

СЬЮ. Ударился?

ЭДДИ. Об дверь.

СЬЮ. Какую дверь?

ЭДДИ. Входную.

СЬЮ. Когда уходил от нее?

ЭДДИ. Да, когда уходил.

ЭДДИ берет пульт и хочет прибавить звук.

СЬЮ отбирает у него пульт и выключает телевизор.

СЬЮ. Да ссадина просто.

ЭДДИ. Дай сюда.

СЬЮ. Ты что, не видел, куда идешь?

ЭДДИ. Нет.

СЬЮ. Куда же ты смотрел?

ЭДДИ. Бывает.

СЬЮ. Надрался.

ЭДДИ. ...

СЬЮ. Да ничего ты не надрался, ты просто не видел, куда шел.

ЭДДИ. Слушай...

СЬЮ. Обманываешь меня.

ЭДДИ. Я же сказал...

СЬЮ. Так ты... ее... что ли... это?

ЭДДИ хочет взять орех.

СЬЮ сбрасывает корзинку с орехами у него с колен.

Молчание.

Прямо клеймо.

Молчание.

СЬЮ *ползает по полу, собирает орехи, складывает их в корзинку.*

На хрена ей такой сдался?

ЭДДИ. Действительно.

СЬЮ. Такой-то женщине.

Молчание.

Твой поезд давно ушел.

ЭДДИ. Сью...

СЬЮ. Я тебе не дура!

СЬЮ *кладет последний орех в корзинку.*

Отдает корзинку ЭДДИ.

Молчание.

СЬЮ *подходит к столу и наливает себе вина.*

Пьет.

Молчание.

Что, от него ни слуху ни духу?

ЭДДИ. Чего?

СЬЮ. Ну от этого, мужа ее.

ЭДДИ. Нет.

СЬЮ. Значит, вряд ли они опять...

ЭДДИ. Она продает дом.

СЬЮ. Что?

ЭДДИ. Виллу присматривает.

СЬЮ. Что?

ЭДДИ. Виллу в Испании.

Молчание.

По Интернету.

СЬЮ. А.

ЭДДИ. Надеется найти там работу.

СЬЮ. Небось отговаривал ее, да?

Молчание.

Ты же знаешь ее, Тед.

Молчание.

С детства такая, семь пятниц на неделе. Каждый месяц новая блажь, ты же знаешь.

Молчание.

Надо йодом помазать. Чтоб быстрее прошло.

Молчание.

Ну и правильно. Там солнце.

ЭДДИ. Ага.

СЬЮ. И цены с нашими не сравнить. Сама бы не отказалась.

Молчание.

Я уж забыла, когда мы последний раз отдохнуть ездили.

Молчание.

Эдди.

Молчание.

Эдди...

ЭДДИ. Да не плачу я.

Молчание.

СЬЮ. Пошли спать.

Молчание.

Хотя бы сегодня, Тед, пожалуйста. Пойдем ко мне.

Молчание.

СЬЮ *подходит к столу и садится.*

Наливает вина и пьет.

Молчание.

Чего-нибудь читаешь?

Молчание.

Эдди...

ЭДДИ. Чего?

СЬЮ. Что-то в туалете твоих книжек не видно. Дума-
ла, может, ты...

ЭДДИ. Нет.

СЬЮ. А я вот читаю.

Молчание.

Иэна Макьюэна. «Дитя во времени».

Молчание.

Уже второй раз читаю.

ЭДДИ. А-а.

Молчание.

СБЮ. Думала, может, ты Синатру читаешь. Ну, он тебе на день рождения подарил.

ЭДДИ. Нет.

СБЮ. Хоть бы начал.

Молчание.

Новости смотрел?

Молчание.

Слава богу, что его поймали. Хоть что-то делать начали наконец-то.

Молчание.

Как ты думаешь?

Молчание.

А магазинчик на углу турецкая семья купила. Приятные люди.

Молчание.

Ты их уже видел?

Молчание.

В пятницу опять на работу.

Молчание.

Вставать рано.

Молчание.

Дэнни снова звонил. Несколько раз. Сказала, отец перебрал и дрыхнет.

Из пушки не разбудишь.

Молчание.

Он все ждет, что ты позвонишь. Ждал, по крайней мере. Сейчас, наверно, уже спит. Завтра им снова в гости. Везет его и своей мамочке, лошадей показать.

Молчание.

Конюшни у них, видите ли. Хочет его на лошадь посадить. В такую-то погоду.

Молчание.

Сучка избалованная.

Молчание.

Вертихвостка. Они даже не собираются...

Молчание.

Детей заводить.

Молчание.

Зря он вообще туда уехал. И чего мы его отпустили, Тед.

Молчание.

Она его все равно бросит.

Молчание.

Найдут у него рак.

Молчание.

Найдут у него рак, и она его бросит.

Молчание.

Помяни мое слово: следующее Рождество втроем встречать будем.

Молчание.

Я там номер записала.

Молчание.

Он ждет звонка, Тед.

Молчание.

ЭДДИ роется в кармане.

ЭДДИ достает коробочку в подарочной упаковке.

ЭДДИ разворачивает подарок.

Это футляр для ювелирных украшений.

ЭДДИ открывает его.

Молчание.

СЬЮ. Эдди...

ЭДДИ. Выключи свет.

СЬЮ. Посмотри на меня.

ЭДДИ. Выключи...

СЬЮ. Посмотри на меня, Тед.

Молчание.

Нам на пенсию скоро.

Молчание.

Отведи ее к ветеринару.

ЭДДИ. Что?

СЬЮ. Скажи, что она заболела. Скажи, не ест ничего.

Молчание.

Это быстро. Она и не почувствует.

Молчание.

Зароем ее в саду.

Молчание.

Не ходи туда.

ЭДДИ. Что?

СЬЮ. Ты ведь собираешься.

ЭДДИ. Нет.

СЬЮ. Ну и иди. Давай!

ЭДДИ. С чего ты взяла... ?

СЬЮ. Ползай там на коленях!

ЭДДИ. Да я не...

СЬЮ. Любишь ее, да?

Молчание.

Любишь?

Молчание.

Кобель.

ЭДДИ. Ага.

СЬЮ. Кобель бесстыжий, всю жизнь мне...

Звонит телефон.

Молчание.

Возьми трубку.

Молчание.

Поговори с ним.

Молчание.

Поговори с ним, давай.

Молчание.

Мать твою, Эдди Веббер, возьми трубку, это же твой сын!

Телефон перестает звонить.

Долгое молчание.

СЬЮ скалится на ЭДДИ.

СЬЮ рычит на ЭДДИ.

СЬЮ ходит вокруг ЭДДИ, скалясь и рыча.

СЬЮ лает на ЭДДИ.

СЬЮ рычит, скалится и лает на ЭДДИ.

Молчание.

СЬЮ садится за стол.

Она пытается налить себе вина. Там осталось совсем немного.

Молчание.

ЭДДИ вынимает ожерелье из коробочки.

ЭДДИ подходит к СЬЮ.

ЭДДИ надевает на СЬЮ ожерелье.

Молчание.

ЭДДИ. Раздевайся.

Молчание.

Рубашку снимми. Хочу на тебя посмотреть.

Молчание.

ЭДДИ *возвращается к креслу и садится.*

Молчание.

ЭДДИ *снимает рубашку.*

ЭДДИ *снимает туфли.*

ЭДДИ *снимает брюки.*

ЭДДИ *ложится в постель.*

Молчание.

Входит БРЕТ в пижаме. В руках ангел.

Молчание.

БРЕТ. Я не могу заснуть.

Молчание.

Заснуть не могу.

Молчание.

БРЕТ *дергает СБЮ за руку.*

Я не могу заснуть. Шум какой-то.

Занавес

Сцена четвертая

Год спустя.

Пляж в Фуэртевентуре на Канарских островах. Рождество.

Солнечный день.

Два лежака и пляжный зонт.

СБЮ *в купальнике лежит на животе.*

Молчание.

СБЮ *поворачивается на спину.*

СБЮ *закрывает глаза.*

Молчание.

СБЮ *надвигает шляпу на глаза.*

Молчание.

СБЮ *открывает глаза, медленно садится.*

СБЮ *оглядывается и берет лосьон для загара.*

СБЮ *выдавливает лосьон и натирает им плечи.*

Молчание.

СБЮ *встает и идет к пляжному зонту.*

СБЮ *старается раскрыть зонт...*

У нее не получается.

СБЮ *снова пытается открыть зонт.*

Не может.

Молчание.

СБЮ *возвращается к лежаку и ложится на живот.*

Сцена пятая

Чуть позже.

Пляжный зонт раскрыт.

ЭДДИ и СБЮ *лежат на спине.*

ЭДДИ *еще не обсох после купания, ноги прикрыты полотенцем.*

Молчание.

СБЮ. *Чувствуешь ветерок?*

ЭДДИ. *Что?*

СБЮ. *Ветерок.*

Молчание.

Вот.

ЭДДИ. Что?
СЬЮ. Разве не чувствуешь?
ЭДДИ. Нет.
СЬЮ. Вот опять.

Молчание.

Неохота идти на этот ужин, правда?
ЭДДИ. Ага.
СЬЮ. Триста человек будут есть индейку. И думать
противно.

Молчание.

Там было одно место вчера. В старом городе.
ЭДДИ. Если хочешь, пойдем.
СЬЮ. Снаружи вроде ничего.

Молчание.

Подарки с собой возьмем. Там откроем.

Молчание.

Далеко плавал?
ЭДДИ. Чего?
СЬЮ. Далеко плавал, говорю?
ЭДДИ. Не очень.
СЬЮ. С берега тебя не видно было.
ЭДДИ. До камня и обратно.
СЬЮ. А, понятно.

Сцена шестая

Чуть позже.
ЭДДИ *натирает спину* СЬЮ *лосьоном для загара.*

СЬЮ. Плечи не забудь.

ЭДДИ. Да ты уже вся в лосьоне.

СЬЮ. Что?

ЭДДИ. Лоснишься вся.

Молчание.

СЬЮ. Не там.

ЭДДИ. Чего?

СЬЮ. Чуть левее.

Молчание.

Чуть выше.

ЭДДИ. Так нормально?

СЬЮ. Еще.

ЭДДИ бережно спускает ляжки с плеч СЬЮ.

ЭДДИ выдавливает лосьон на ладонь.

ЭДДИ натирает СЬЮ плечи.

Вот, хорошо.

Сцена седьмая

Немного позже.

СЬЮ и ЭДДИ сидят на лежаках.

Пьют «Фанту» из бутылок через соломинку.

Вдали слышна песня Клиффа Ричарда «Mistletoe and Wine».

Молчание.

СЬЮ. Слыпишь?

Пауза.

Это Клифф.

ЭДДИ. Чего?

СЬЮ. Опять Клиффа крутят.

Молчание.

ЭДДИ. Кому-то кажется, что это весело.

СЬЮ. Ну да, весело.

Молчание.

Ей бы здесь понравилось.

ЭДДИ. Что?

СЬЮ. Простор.

Молчание.

СЬЮ *ложится на лежак.*

Молчание.

ЭДДИ *берет пачку сигарет.*

ЭДДИ *достаёт сигарету и прикуривает.*

Очень крепкие, Тед.

Сцена восьмая

Немного погода.

СЬЮ *загорает в одиночестве.*

Маленький мальчик БРЕТ с ведром и лопаткой строит замок из песка.

Молчание.

СЬЮ *садится.*

Молчание.

СЬЮ *наблюдает за мальчиком.*

Молчание.

СЬЮ *ложится обратно.*

Сцена девятая

*Немного погодя.
ЭДДИ и СБЮ загорают.
Молчание.*

ЭДДИ. Измельчали они.
СБЮ. Кто?

Молчание.

Кто измельчал? Что?

Молчание.

Кто?

Молчание.

Ты что-то сказал?
ЭДДИ. Ронни О'Салливан.
СБЮ. Что Ронни?

Молчание.

ЭДДИ. Клифф Торберн.
СБЮ. Что?
ЭДДИ. Рэй Риардан.

Молчание.

Ураган Хиггинс.

Молчание.

Джимми Уайт.

Молчание.

Помнишь, мы ходили на снукер?

СЬЮ. Кто?

ЭДДИ. Стив Дэвис.

СЬЮ. А.

ЭДДИ. Прошел в полуфинал.

Сцена десятая

Чуть позже.

ЭДДИ *загорает.*

СЬЮ *сидит на краю лежака, вытряхивает песок из шлепанцев.*

Молчание.

СЬЮ. Ты как?

Молчание.

СЬЮ *надевает шлепанцы.*

Пойду окунуться.

СЬЮ *встает с усилием.*

Я недолго.

СЬЮ *берет саронг.*

ЭДДИ *садится.*

СЬЮ *завязывает саронг на талии.*

Молчание.

ЭДДИ. Не заплывай далеко.

Занавес

Марк Равенхилл

ПРОДУКТ

Перевод Татьяны Осколковой
Copyright © 2005 Mark Ravenhill

Офис. Кинопродюсер Джеймс и актриса Оливия.

ДЖЕЙМС.

Значит, нож.

Ты видишь нож, и глаза твои округляются.

Он вытаскивает его из-под... нож появляется из-под... на нем такая... м-м-м... рубаха до полу.

Высокий такой парень, он высокий такой, смуглый парень и —

И тут он берет нож, он берет нож, и он вспарывает этим ножом целлофановую обертку на круассане, и кладет круассан в рот, и кладет нож в этот, ну как его... веревочный кармашек впереди стоящего кресла.

Тебе хочется кричать, — ты сейчас закричишь:

У него нож. У этого высокого смуглого парня нож.

Но что-то — тебя удерживает. Ты принимаешь решение в сотые доли секунды, и ты не кричишь. Ты видишь в проходе загорелых, светловолосых и откровенно женоподобных стюардов, и ты не кричишь.

Почему? Почему? Почему? Потому что...

Давай пойдем, кто она такая, давай? Давай потихонечку разбираться, кто такая Эми.

«Простите, — говоришь ты высокому смуглому парню, — это мое место». Ты с детства сидишь у окна, и он встает, чтобы тебя пропустить, и ты открываешь багажный отсек, расположенный над сиденьями, — а багаж у тебя весь от Гуччи, Гуччи снаружи, Гуччи внутри, это будет великолепно смотреться, ты открываешь багажный отсек и видишь...

Коврик. Маленький восточный аккуратно свернутый коврик.

Ты — крупным планом. Удивление, ужасное предчувствие, не знаю, я просто хочу ... просто сыграй это.

Это ваше?

Да.

Вы занимаетесь йогой?

Нет. Это молельный коврик. Я на нем молюсь.

О!

И ты сидишь, и ты... ты смотришь в окно, и ты... страх... ты в самолете, самолет в воздухе, а рядом высокий смуглый парень, у тебя над головой его молельный коврик, а в кармашке перед тобой — его нож.

Дамы и господа. Будьте любезны выключить все имеющиеся у вас электроприборы.

И ты открываешь сумку, и ты достаешь свой мобильный, и ты выключаешь мобильный, и тут мы — твой крупный план — ты смотришь на телефон, и что-то в тебе обрывается... задеты какие-то струны души, и тут мы видим — о! это же рана, у Эми душевная рана, и это как-то

связано с мобильным, что-то такое... м-м-м... понимаешь, тут такой эмоциональный якорь, в общем, надо, чтобы тебе посочувствовали.

Ты полюбишь ее, я уверен. Я надеюсь, ты ее полюбишь. Она такая настоящая. Я так хочу, чтобы ты, наконец, сыграла настоящую женщину, после этих твоих последних трех-четырех...

И тут этот парень поворачивается, он поворачивается, этот высокий и смуглый, этот парень поворачивается, и вдруг его голова оказывается на плече твоего пиджака — это Версаче, ты летишь в Версаче, это костюм от Версаче — его смуглая голова лежит на великолепном плече твоего шикарного Версаче, и он засыпает.

А ты глядишь на, ты глядишь на него... ты... а пахнет он совсем по-другому.

И знаешь, что ты хочешь сделать? Знаешь, что ты хочешь сделать? В общем...

Ты хочешь... короче, ты хочешь... ты хочешь дотянуться до ножа... дотянуться до ножа, и ты хочешь схватить этот нож — да? — и выхватить его из веревочного кармана, и ты хочешь ощутить в руке его тяжесть, а потом ты хочешь вонзить в него этот нож, вот тебе, и вот, и, и вот тебе, вот тебе, пока кровь, пока кровь не захлещет из этого смуглого тела, кровь, которая забрызгает тебя всю, и вот у тебя уже почти не видно лица, одна кровь, и ты хочешь закричать

Это за башни. Это за цивилизацию. Это за нас за всех, сволочь.

Ты этого не скажешь. Ты этого не сделаешь. Это внутренний монолог. Сыграешь? Я хочу, чтобы ты сыграла это

глазами. Ты умеешь играть гла... ? Ну конечно, конечно, умеешь. Я просто обожаю твою работу.

Это за нас за всех, сволочь.

Понимаешь? Ты меня понимаешь? У Эми рана. Она... она есть у каждого, у каждого своя рана. Банально, конечно, но это я, это то, что я говорю моим сценаристам... покажите мне рану... и... прошу тебя... Я расскажу тебе про ее рану, если ты — да? да? да?

Господи, какое счастье, что ты здесь.

В общем, Эми не трогает нож, она его не берет, он там, где лежал, и самолет приземляется, и смуглый парень прячет нож под рубашу, и он достает с багажной полки молельный коврик, и это такой... они больше никогда не встретятся, но... это мир страстей, кино — это мечта, это территория кино, поэтому, поэтому, поэтому...

Ночь, дождь, гроза в аэропорту, у твоих Джимми Чу сломался каблук, на стоянке только одно такси, и это его такси, и вдруг он говорит:

Пожалуйста — садитесь

Страшно, но ведь заводит. Приключение началось. В машину с незнакомцем.

В страхе и возбуждении ты садишься, и на сиденье между вами молельный коврик, и на сиденье между вами нож, и ты, и ты:

В какую сторону вы едете?

Я не знаю. В какую сторону вы едете?

Я — я — я —

Поедем к вам?

К тебе? К тебе? Ты повезешь его к себе?

Твой крупный план. Крупный план ножа. Крупный план молельного коврика. Его крупный — здесь нужно, нужно такое правильное освещение — да? Свет какой-то такой — в общем, тебе вдруг кажется, что он красивый.

А ты, а ты, а ты — это надо сыграть, она нестерпимо сексуальна. И ты, я просто уверен...

Ты нестерпимо сексуальна, он красив, и наплевать на молельный коврик с ножом, и ты говоришь таксисту:

В Доклендс, пожалуйста.

А он говорит:

Конечно, дорогуша, сейчас сделаем Доклендс.

И вы выходите на Трафальгарской площади.

Ты живешь в здании скотобойни, старая переделанная скотобойня, у тебя невероятно стильная квартира типа студия, как приятно быть дома, как странно, как тревожно впускать в свой мир этого смуглого парня, но ты открываешь дверь, и ты впускаешь его, и он кладет на пол свой нож и молельный коврик, и ты предлагаешь ему вина, а он не пьет, а ты очень даже —

И ты нервничаешь, и ты выпила больше полбутылки, время от времени тебе на глаза попадается нож и молельный коврик, и вот ты уже выпила всю бутылку и ты...

Меня зовут Эми. Я открываю кол-центры, я везде открываю кол-центры, я время летаю, летаю, летаю, кругами, наша планета такая маленькая.

Мужчина, высокий смуглый мужчина у тебя в квартире.

Твоя сексуальность настолько... она так пронзительна, так пронзительна... она распалает, и ты — ты сама себе удивляешься — но ты его хочешь, ты хочешь его, ты хочешь этого смуглого парня, и ты прижимаешься к нему.

Мохаммед

Но ему страшно. Он девственник, он ничего не знает о мире пронзительной сексуальности, и ему страшно.

Эми, я боюсь.

Мохаммед, не бойся. Не надо... Ш-ш-ш-ш-ш. Ш-ш-ш-ш-ш.

И ты ведешь его к кровати, и — как это красиво — у тебя будет дублерша, Беата, твоя дублерша — и ты ведешь его к кровати, и ты раздеваешь его, его тело выскальзывает из одежды, и, наконец, ты можешь, ты можешь, ты можешь ... утолить свою нестерпимую сексуальность.

Сначала он медленный, неуверенный, неловкий, но вот вы начинаете двигаться в такт, тела и души, и вы находите музыку вашей... и ты кончаешь, кончаешь, кончаешь, кончаешь, кончаешь, и это лучший оргазм твоей жизни.

Как это странно, ты — Эми — ты, у которой такая рана, вдруг вдруг вдруг сливаешься воедино с этим смуглым парнем. Мы должны... мы должны прочесть это на твоём лице. Сыграешь? Можешь... ? Конечно. Я обожаю твою работу. Обожаю. Я видел, как ты умеешь из ничего сделать кон-

фетку. Ненависть. Любовь. Р-р-аз. Уже властность. Р-р-аз. Уже покорность. Ты это делала даже с говняным сценарием и с партнерами, которых и в сериал-то взять стыдно. Ты — чудо, история — чудо, надо только пробить.

Но потом — ночь идет — ночь идет, и, может быть, ты спала, но ты просыпаешься, ты просыпаешься — как будто тебя толкнули — ах — ты протягиваешь руку — ты протягиваешь руку — ты протягиваешь руку — ты — и как это уже неоднократно бывало — ты в постели одна.

Он —? Он ушел? Воспользовался тобой и ушел?

Глаза привыкают к темноте. Нет. Он не ушел. Он не... нож и молевой коврик лежат на полу, где он их оставил, значит, он не ушел, он просто, он...

И тут ты видишь его. Ты видишь его смуглое тело. Ты видишь смуглое тело, которое движется по твоей офигенно стильной квартире в стиле студия — которая когда-то была скотобойней, — и ты видишь его, и он ходит по квартире и разглядывает твои вещи, черные и белые, хромированные и матовые, плазменный телевизор и blue tooth, и твои тренажеры, и ты понимаешь, ты понимаешь, ты понимаешь, что он делает, и ты вскакиваешь, ты вскакиваешь голая — голое тело Беаты выпрыгивает из кровати — и слова просто вырываются, просто вырываются из тебя слова, и ты кричишь:

Хватит ко мне прицениваться. Блядь, хватит прицениваться. Да, моя жизнь ничего не стоит. Да, у меня полно дел, но это ничего не значит. Да, все эти вещи — просто хлам и барахло. Да, я никогда не верила в Бога. Да, я совершенно одна, и я впускаю в себя первого встречного, который проявит хоть чуточку.

Да да да да

(Над этим куском у нас работает настоящий театральный драматург.)

А ты, а ты кто такой? Кому ты подчиняешься? Иمامу? Диктатору? Аллаху? Да ты посмотри на меня, посмотри на меня. Что бы ты сделал со мной? Если бы мог? А? Паранджу бы надел? Забил бы камнями. Не можешь?

Он останавливается. Стоит как вкопанный, он стоит, и он слушает.

Да с какой стати ты ощущаешь свое превосходство? Я — свобода, я — прогресс, я — демократия — а ты — страх и тьма, и зло, и я ненавижу тебя.

Его сперма еще стекает у тебя по ноге. Это между нами, деталь такая. Мы это не будем снимать.

И тут ты, тут у тебя выступают слезы, да, слезы, и ты — да, твоя рана — тут ты, повинувшись какому-то импульсу, мгновенно хватаешь свой мобильный и включаешь давнишнее сообщение, голосовое сообщение из прошлого, полученное — тогда, когда в тебе возникла эта рана, когда вся эта боль начала болеть.

И ты — включаешь громкую связь и кладешь телефон на пол рядом с моленным ковриком и рядом с ножом, и ты кладешь телефон, и ты стоишь голая, и Мохаммед стоит голый — как Ева, как Ева — и вы слушаете

О Господи о Господи о Господи о Господи о Господи (мы пробьем это)

О Господи, Эми, что-то случилось с башней. Они... вторая башня горит.

И — Эми, любимая, по-моему, нас они тоже достали. Любимая, по-моему, они врезались в нашу башню. Мы

горим. Черт. Мы горим. Детка, мне придется прыгать — и я хочу, чтоб ты знала, я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя всем — а-а-а-а-а-а.

И сообщение кончается, и Эми падает, падает на пол и рыдает, ты сможешь, конечно, я знаю, ты сможешь...

Я получаю кучу сценариев. Это моя работа. Я получаю... у меня на столе сотни тысяч историй, и, они в основном, они, они, они...

Экскременты души.

Никто не понимает главного, не понимает правду... рану.

Но этот сценарий, эта история, я — я был тронут. Я был потрясен. — Когда я — я ее прочел, я бросился на пол в офисе и заплакал, понимаешь? Понимаешь ты?

И я хочу...

Есть силы более влиятельные, чем я. Есть Главная Власть. Зеленый свет включаю не я. Я был у Главного, и я сказал: Вот наконец, вот настоящий... я хочу сделать это кино, я плакал, как женщина, когда я читал сценарий, теперь я должен рассказать эту историю людям, и Главный сказал мне: найди большую звезду.

И я — и я — и я — вот честно, веришь — нет — я о тебе подумал. Ты — Эми. Ты мой первый, ты мой единственный выбор для Эми —

Потому что так же, как и она, ты... Я знаю, ты носишь в себе боль, я знаю... это видно, видно с экрана, в тебе столько боли, и я это вижу, все это видят, поэтому...

Я восхищаюсь тобой, ты меня волнуешь.

Поэтому давай... сделаем кино.

... сообщение кончилось. Послание из прошлого, послание из башен, и Эми падает на пол своей роскошной квартиры, и она рыдает, и она, она кричит:

Троя больше нет. Я никогда не увижу Троя. Трой погиб в башнях, и я Троя больше никогда не увижу.

И к тебе подходит Мохаммед, и он тебя обнимает.

Ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш.

И на какое-то мгновение это утешает, утешает, но тут мы видим твоими глазами молельный коврик и нож, и ты говоришь:

Мохаммед, я должна знать. Я должна знать, Мохаммед.

Ш-ш-ш-ш-ш. Не сейчас, Эми, не сейчас.

Нет, Мохаммед, я должна — ты из Аль Каиды?

Не сейчас, Эми, не сейчас. Ш-ш-ш-ш-ш. Ш-ш-ш-ш-ш. Ш-ш-ш-ш-ш.

И он кладет тебя на кровать, и он держит тебя в объятиях, и, боже мой, как утешает это смуглое тело.

Значит, так, давай не будем играть Эми с какой-то оценкой, давай не будем судить... давай просто... давай просто сыграем женщину, женщину, которая, лежа здесь в эту ночь, влюбилась, влюбилась в мужчину, в мужчину с ножом и молельным ковриком, женщину, которая в эту ночь, заснув в объятиях Мохаммеда, в объятиях его смуг-

лых рук, забыла, впервые после 11 сентября 2001 года забыла, забыла дым и смятение, забыла звонки, забыла, как рушились башни, забыла падение Троя.

И давай — час за часом, день за днем — она все больше погружается в мир Мохаммеда, час за часом, день за днем, и вот уже другие мужчины начинают собираться в ее квартире, другие мужчины в длинной одежде, с ножами и молельными ковриками — их приходит семь, потом восемь, потом девять, потом сразу десять, они раскладывают коврики на полу, они звонят в Мекку, беседуют, планируют.

Это что — ячейка? Это — это фундаменталистская террористическая угроза в самом сердце твоего мира?

Ты должна спросить, ты должна потребовать ответа, но ты не, ты влюб — это любовь — безумная, глупая, слепая — Сердце — более крупный орган, чем Мозг, как говорят в нашем бизнесе, который называется шоу.

И вот однажды они собираются — Мохаммед и другие мужчины с ножами и молельными ковриками в твоей шикарной квартире в стиле студия, и ты готовишь для них напитки, неожиданно открывается дверь, дверь открывается, и ты видишь, ты видишь, ты видишь, видишь у себя, в своей собственной квартире его, он у тебя в квартире, он идет по твоей квартире, по твоей квартире, у тебя в квартире Усама.

И он подходит к тебе, и он тебе улыбается — улыбка жестокая — и он

Мир тебе

Почему ты не —? вот ножи, вот — почему ты не бросаешься на него? ты бы могла, ты должна, ты —

Это внутренний конфликт, ты переживаешь, ты играешь внутренний конфликт. Все так... ради Троя, ты должна отомстить, ты должна броситься на него, ты должна отомстить, но ты не делаешь этого — и тут тебя целуют, тебя целуют — теплый легкий поцелуй, — Усама целует тебя в лоб.

Теперь план ясен. Ты знаешь, как работает ячейка. Теперь ты знаешь, что эти люди несут зло.

Европа будет разрушена. Гаага. Рейхстаг. Тейт Модерн. Они шахиды. Они будут нагружены, опутаны взрывчаткой, и завтра, завтра в полдень они взорвут здания и людей, неся горе и разрушение.

И сейчас они обсуждают Мохаммеда. Что он будет делать? Какая задача у Мохаммеда?

Ты хочешь крикнуть: «Мохаммед нет нет нет нет. Я люблю тебя». Твои губы шевелятся, но слов не слышно.

И тут ты узнаешь, ты видишь, Усама поворачивается, он поворачивается к Мохаммеду, и он дает Мохаммеду задание: Евродиснейленд.

И тогда ты делаешь шаг вперед, и ты слышишь свои слова, как будто за тебя говорит кто-то другой:

Если ты это сделаешь, Мохаммед, я этого не переживу. Я не могу тебя потерять. Я уже потеряла Троя. И я не стану терять тебя. Я — женщина, и я люблю этого мужчину.

И тут ты обращаешься к Усаме:

Позволь мне пойти вместе с ним. Опутайте меня взрывчаткой, пусть я пойду вместе с ним, пусть я погибну вместе

с моим мужчиной в полдень, посреди континента в Евро-диснейленде.

Ни одна женщина никогда

Умоляю, великий Мулла, умоляю. Я женщина, но я люблю этого мужчину и хочу умереть вместе с этим мужчиной.

Текут минуты, камера на лица джихадистов, ждущих решения муллы Усамы. Крупный план Мохаммеда — глаза его увлажнились. Твой крупный план — ожидание, ожидание.

И тут Усама улыбается, и он кивает.

«Да».

Ты умрешь вместе со своим мужчиной.

Этой ночью ты лежишь в объятиях Мохаммеда, ты лежишь и ждешь звонка, который скажет «пора на задание, садись на поезд, экспресс Евростар», ты лежишь в темноте, и он говорит:

Я люблю тебя, Эми, я люблю тебя всем сердцем и благодарю Аллаха за твоё мужество, за то, что ты совершаешь самоубийство вместе со мной.

Я просто должна это сделать, Мохаммед.

Но мне страшно. Когда с двенадцатым ударом часов тело мое разорвется на части, я отправлюсь в Рай. Мне легко покинуть этот мир и отправиться в Рай. А ты? Куда отправишься ты?

Я... я... я... я... не знаю, Мохаммед. А где... а я, я смогу попасть в Рай?

Нет. Тебе не суждено попасть в Рай.

Ах!

Это наши последние часы.

Тогда возьми меня. Возьми меня. Возьми меня. Будь во мне все эти последние часы. Заполни меня всю, везде, где только можно, пока мне не станет больно и я не смогу больше этого вынести. Иди сюда, Мохаммед, иди.

И он берет тебя, берет тебя, и ты хочешь, хочешь, хочешь, и, наконец, ваши слившиеся воедино тела настигает сон, а потом начинается, начинается этот кошмар.

Вы приехали, вы в Диснейленде, и вы нагружены и обязаны всеми известными видами взрывчатки, и ты глядишь вокруг — без одной минуты двенадцать, и ты глядишь вокруг — и ты видишь людей, и ты не понимаешь... хорошие люди, хорошие, толстые, счастливые, веселые люди. Стоят в очередях, едят, пьют, катаются. Это твои люди. Что ты делаешь? Что ты делаешь?

Через сорок секунд ты отнимешь у них жизнь. Через сорок секунд ты в клочья разорвешь все живое.

Как ты можешь? Почему ты это делаешь?

Avez vous vu ma mere? (*франц.* Вы не видели мою маму? — *Прим. пер.*).

Ты видишь маленькую девочку, с шариком в руках и с ушками Микки-Мауса на голове, сколько ей — года три?

Avez vous vu ma mere? Je veux ma mere. S'il vous plait — je cherche ma mere (*франц.* Вы не видели мою маму? Я хочу к маме. Пожалуйста — я ищу маму. — *Прим. пер.*).

И ты хочешь крикнуть:

Нет смысла, лапочка. Никакого, блядь, смысла. Она — уже труп. И я — уже труп. И ты — уже труп. Мы все — трупы в Волшебном Королевстве Жизни.

Но ты не — ты берешь ее за руку — осталось двадцать секунд, но ты берешь ее за руку —

Ты ты, шахидка, берешь за руку маленькую хорошенькую девочку с шариком и ушками Микки-Мауса, и ты идешь с ней по главной улице, потому что ты думаешь: пусть эти последние несколько секунд она будет не одна, разыскивая маму, чем умрет в одиночестве, страхе и отчаянии.

Время подходит, подходит — десять, девять, восемь, семь, шесть —

Взрывчатка на твоем теле пульсирует и вибрирует, как будто рвется выполнить свою смертельную задачу —

Пять

Mama mama ou est mama? (*франц.* Мама мама где моя мама? — *Прим. пер.*).

Четыре

К вам приближается фигура.

Bonjour — J'm'appelle Mickey. Vous est ma amie. Comment t'appelle tu? (*франц.* Привет — меня зовут Микки. Ты — мой друг. Как тебя зовут? — *Прим. пер.*).

Я — Смерть. Я — Смерть. Беги, Микки. Бегите, жители Волшебного Королевства. Я — Смерть.

Три

Bonjour — fille jolie. Quelle balon jolie. (Привет. Какая красивая девочка. Какой красивый шарик.)

Ou est mama? (Где моя мама?)

Два

Je ne sais pas. Moi, je ne suis pas votre mere. (Я не знаю. Я не ваша мама.)

Один. Осталось мгновенье — нет, этого не, этого не может быть — а вдруг судьба и ошибка компьютера все-таки спасли мир, и тут —

Бууум!

Из твоей спины, из груди, из влагалища вырывается сила, раздается взрыв, и в последний миг своей жизни ты видишь голову ребенка, оторванную от тела, — кровь хлещет тебе в глаза — голову ребенка швыряет на тебя, и когда ты умираешь, ты слышишь ее голос:

Мама

Ты вздрагиваешь и просыпаешься. Три часа утра, три часа утра в твоей шикарной квартире в стиле студия, и ты смотришь на Мохаммеда, и вдруг тебя переполняет отвращение.

Что это? Что ты делаешь?

Его не должно быть здесь. Не должно быть — он должен сидеть за решеткой. Плевать в него, пинать его, унижать его.

Свинья. Собака. Ты хуже животного. Чтоб ты в говне валялся. Чтоб ты в обоссанных штанах ходил. Чтоб ты жрал свои фекалии, ублюдок.

Ты полна решимости, и ты берешь трубку, и ты звонишь в Войска Специального Реагирования.

И ты рассказываешь обо всем — то с гневом, то со слезами, — ты рассказываешь всю эту ужасную историю.

И вот уже к вам едет машина забрать... Мохаммеда и взрывчатку.

Опять одна. Еще один человек, который, как выяснилось, тебе не подходит. С каждым годом становится чуточку больнее, и однажды станет так больно, что ты не сможешь любить.

Последний раз, только один раз взглянуть на Мохаммеда перед тем, как он исчезнет

Он совсем мальчик — кто бы мог подумать, что он окажется... ? — он совсем мальчик.

И ты идешь к нему, и ты садишься на кровать, и ты гладишь его темные-темные волосы.

Прости меня, Мохаммед, прости.

И ты наклоняешься, и ты нежно целуешь его в спящие губы.

Сука.

Он вдруг открывает глаза, его рука поднимается и бьет тебя в челюсть.

Сука. Сука. Сука.

А-а-а-х-х-х!

Сука. Ты предала нас.

Его гибкое тело выпрыгивает из кровати, и он бьет тебя в живот, у тебя перехватывает дыхание, во рту — сгустки крови.

Ты предала Аллаха.

Я не буду этого делать. Я не стану убивать невинных детей.

И ты боишься за свою жизнь. Ты боишься, что Мохаммед убьет тебя — расчлененное тело в собственной квартире, — ты вспоминаешь про нож. И что-то тебе подсказывает — хватай нож — хватай нож — вот он лежит, он раскроит меня сверху донизу. Ты кидаешься к ножу, ты хватаешь нож — и кидаешь взгляд на Мохаммеда. Но он не пытается завладеть ножом.

У него в руках канистра с бензином. Откуда она взялась?

Он смотрит на тебя. Смотрит прямо в глаза. Проходят секунды. По ночной улице проезжает грузовик, доставляющий мясо в Дувр. (Это деталь.)

И тут вдруг печаль наполняет его глаза, и он говорит:

Я слаб. Я ничтожен. Похоть толкнула меня к женщине. Я предал Джихад.

И он выливает бензин из канистры на свое смуглое тело, встряхивая волосами, словно девушка под душем после хоккея.

Мир есть юдоль страданий и горя. Да?

Да. Да. Да.

О Аллах, пусти меня в Рай, молю тебя, Аллах. Я предал Джихад, но я умоляю, Аллах.

И он подходит к плите, и он берет спички, и ты понимаешь, что он сейчас сделает.

Мохаммед — нет.

Я предал муллу, я предал наше дело. Прощай.

Он чиркает спичкой.

Но Мохаммед я люблю тебя я люблю тебя я люблю тебя всей душой больше чем Троя больше чем Башни люблю твою силу твоё страдание твою душу я — Бежим, бежим, пока не приехали войска, давай начнем все с начала, у меня есть домик в деревне —

Нет. Я любил тебя, Эми. Но мы всего лишь люди.

А что же еще есть на свете? Люди. Одинокие, израненные люди и их любящие сердца.

Нет. Есть Рок, есть воля Аллаха, есть наше Дело. И это больше, чем человеческая жизнь. Любимая, мне жаль тебя с твоим маленьким миром людей. Нет цели... Как ты можешь с этим жить? Моя печаль с тобой.

Он поднимает глаза.

О Аллах, пусти в Рай раба твоего.

И тут — раз! — и он горит, пламя побежало по его телу, по коже, по волосам, слышен треск, и какой-то сладковатый запах заполняет твою квартиру, бывшую скотобойню.

И тогда — это надо глубоко прочувствовать — ты кричишь:

О, возьми меня, возьми меня, Мохаммед. Обними меня этими сильными руками. Я люблю тебя. Я не знаю тебя. И никогда не узнаю. Я никогда не поверю в то, во что веришь ты. Но обними меня этими огненными руками, прижми ко мне свою пылающую грудь, обожги меня горящими чреслами.

И ты — как будто в рапиде — твою мать, да точно в рапиде — ты кидаешься к горящему мужчине.

И тут — жизнь, страшась смерти, бегущая, бегущая от нее, кстати, о мотивации: умирающая от рака мать, самоубийство лучшего друга, отец, углывающий в забвение Альцгеймера, — всю свою жизнь ты боялась, твое отрицание смерти, а теперь — в момент, когда ты призываешь Ангела Смерти забрать тебя, свобода абсолютная опьяняющая

Йес Мохаммед Йеееееcccc!

Ты... ты совсем рядом, ты тянешь к нему руки, пламя всего в нескольких сантиметрах от тебя, твои волосы уже издают треск и шипенье, и тогда, тогда, тогда твои руки обнимают его, и его кожа начинает сплавляться с твоей.

Йеееееcccc!

И вдруг звон стекла — знаешь, кто за тебя будет делать трюки? Лиз, эта офигительная лесбияночка, — звон стекла, и вы оба падаете падаете падаете, четыре этажа и в бассейн

Под водой тела, эти извивающиеся тела, пламя становится дымом, мокрым и черным, ваши тела, извивающиеся под водой одно над другим.

И, наконец, вы всплываете — восемьдесят процентов ожогов у него, двадцать у тебя, но

Тут любовь, это типа как огромная волна облегчения, вдруг у вас случается любовь, любовь прямо в бассейне, и вы целуетесь, вы ласкаете друг друга, вы трахаетесь в воде, наслаждение от секса и боль от ожогов — все сливается воедино.

Но они уже здесь. ФБР, мусора, ОМОН — все войска спецназначения, какие только бывают в природе, — и они вырывают Мохаммеда из твоих объятий, и ты кричишь:

Пожалуйста, не надо — я люблю его. Вы должны — любовь победит это. Я знаю. Да, это ужас и страх, он творил злодеяние, да — но сегодня ночью мы обрели любовь и я —

Последнее, что ты видишь. Ты последний раз видишь Мохаммеда — обожженное тело, запах хлорки, ты все еще чувствуешь его внутри себя — а приклад винтовки толкает тебя на землю, и открываются двери автомобиля, свирепый лай собаки, на руках и ногах любимого защелкиваются наручники.

Ты выбегаешь на улицу — ты кидаешься наперерез автомобилю — ты на грани безумия — я очень хочу увидеть, как ты сыграешь эту грань, — ты преграждаешь дорогу автомобилю — они, конечно же, остановятся, раз ты стоишь? — но автомобиль несется прямо на тебя — в после-

дний момент нервы у тебя не выдерживают — раз! — ты отпрыгиваешь с дороги.

Струсила. Как ты презираешь себя за трусость. Если восемнадцатилетний мальчик может взорвать себя, почему ты не можешь встать на пути машины, чтобы спасти жизнь любимого?

Ты с трудом поднимаешься. У тебя уже выступают кровоподтеки. Ты видишь бригаду телевизионщиков, в темноте к тебе бежит какой-то рыжий с микрофоном, а тебе мокро, холодно и очень одиноко.

Нет. Он не плохой человек, говоришь ты телевизионщикам. Он хороший, и я его люблю.

Тут тебя начинает тошнить, колени подгибаются, и ты теряешь сознание.

Пару дней ты без сознания. За тобой ухаживает Мать. Мать, или соседка, или тетя какая-нибудь, не важно. Она любит поучать, понимаешь? Трахаться уже не может, задницу надрать никому не может, но такие люди тоже нужны.

И эта мудрая старая женщина, эта женщина, которая в смысле секса уже умерла и поэтому может думать о более высоких вещах, эта женщина говорит:

Успокойся, деточка, успокойся. Его надо забыть. Ты должна отпустить Мохаммеда. Всему свое время, время Мохаммеда кончилось, пора начинать новую жизнь.

А ты лежишь в постели, и ты чувствуешь тепло ее мудрости, и ты говоришь:

Да маматетясоседка да.

И наступает пустота. Пустота, которую заполнял он.
И ты опять начинаешь

жить. Ты опять начинаешь летать вокруг глобуса. Нестовое желание находить все новых клиентов в странах с развивающейся экономикой. Ты проводишь несколько недель в Китае.

А когда возвращаешься, опять появляется Нейтан. Нейтан, который был влюблен в тебя в школе. Нейтан, который женился на инструкторе по фитнесу, но потерял ее в железнодорожной катастрофе. Нейтан, который тебя все время любил.

Вы сидите с ним в суши-барах, в театрах и такси, и он держит тебя за руку, и он трогает тебя за коленку, и все время говорит, какая ты необыкновенная, но ты этого не слышишь.

И ты берешь у Нейтана в рот. Ты берешь в рот его толстый красивый член и заводишь все глубже, глубже, пока не начинаешь давиться, потому что ты знаешь, если начать давиться, можно что-то почувствовать. Но ты ничего не чувствуешь.

И ты умоляешь Нейтана стукнуть тебя по голове. Ты даешь ему палку и говоришь: ну давай же, давай, ударь меня. Но он любит тебя так нежно, и он убегает в ночь, так уходит от тебя Нейтан.

Ты ошиваешься на вокзале, даешь тинейджерам в сортирах и закоулках — ищешь запах, который отобьет запах Мохаммеда.

(Это на грани, да? Это, блядь — это, блядь, реально на грани. Как ты считаешь? Что ты об этом думаешь? Скажи что-нибудь. Просто чтобы я представлял, так ли я...

Я уж перед тобой и так, и сяк, а ты

Ну, ты даешь. Ты даешь. Наслаждайся своей властью. Я бы на твоём месте тоже. Была бы у меня такая власть, я бы тоже ею наслаждался.

Ах ты сука, сука. Я тебя обожаю, сука ты этакая. Снимаю шляпу.

Нет стой стой стой. Стой. Дослушай до конца. Дослушай до конца или я...

Спасибо.)

Бар. Бар с телевизором. Сраный привокзальный бар с проститутками и алкашами, и ты вдруг видишь Мохаммеда на экране. Их тайно вывезли из тюрьмы. Видно плохо — просто какая-то серая тень движется по экрану. Но ты сразу чувствуешь. Человек, которого волокут за волосы через весь экран, так что волосы вот-вот оторвутся от черепа, — твой любимый. Ты видишь, как тюремщица прикладывает ему электроды к яйцам, ты видишь его лицо, исполненное достоинства, ты видишь, как ржут и улюлюкают охранники, ты видишь, как ему плюют в глаза, ты видишь его тело, танцующее под током, когда электроды прижигают ему мошонку, которую ты так часто ласкала по ночам.

В этот вечер ты сидишь в своей шикарнейшей квартире в стиле студия, и эти кадры опять и опять прокручивают в новостях, и ты слушаешь политиков, экспертов, юристов и знаменитостей, пытающихся как-то объяснить происходящее, и каждый раз это новая версия, и каждый раз к мошонке Мохаммеда прикладывают электроды, плевком летит ему в лицо, гогот и ржанье, а потом его тело танцует под током.

И подобно тому как твой любовник вздрагивает под током, ты вздрагиваешь от внезапного прозрения. Ты вска-

киваешь со стула, бросаешь полотенце на пол, ты поворачиваешься обнаженным телом к экрану и вскрикиваешь:

Держись. Держись. Потому что я спасу тебя — любимый.

И камера отъезжает от тебя вверх вверх вверх, как будто боги, небо, высшие силы слышат и одобряют тебя.

Монтажный кусок. Ты на тренировках. Мужской боксерский клуб, где ты качаешься до изнеможения. Озеро с ледяной водой, где ты часами плаваешь на рассвете, когда даже утки еще не проснулись. Тибетский монастырь, где тебя учат дышать, бить, рубить. Горный аул, ты с Калашниковым наперевес готовишься стрелять по взлетающим в небо мишеням.

И по мере того, как сменяются кадры, мы обнаруживаем, что Эми на них уже нет. Она исчезла. Эми — чья жизнь состояла из кофе, самолетов и тоски, Эми — постоянно искавшая идеальную диету, идеального мужчину и психоаналитика, которому можно доверять, — эта Эми как будто сбросила кожу, и под ней оказалась Эми, состоящая из мускулов, воли и силы.

Ты — герой. Рядом с тобой мы — ничто. Рядом с тобой мы — о спасительница, о спасительница, о спасительница.

Если б только ты могла спасти меня, если бы только — эта история была... в ней есть внутренняя правда, в этой ист... но... мы как раз и хотим...

Нет. Ты права. Это, блять, тупо. И я, блять, тупой. Чушь какая-то. Что это за... ? Что это за история? Что это за... больше трех миллионов за уик-энд не собрать. Что это такое? Говно.

Значит, тебе не... ты не...

Я вызову машину...

(*В телефон.*) Машину для... да, да... на наш счет.

Спасибо. Спасибо. Спасибо.

Послушай...

Осталось совсем... ладно?

Последняя ночь в твоей шикарной квартире в стиле студия, где когда-то была скотобойня. И ты в своей шикарной квартире берешь с пола коврики Мохаммеда, и ты благословляешь его, и кладешь его в рюкзак, и берешь нож Мохаммеда, и целуешь лезвие, и ты вешаешь его на перемычку к другому оружию.

И следующий кадр —

Буум! Дверь в коридор сносит взрывом, иходишь ты — фурия в камуфляже.

«Где он? Где он?» — орешь ты охраннику-кубинцу, отшвыривая его к стене.

«Отвечай, твою мать, где?»

И твой кулак — бум, бум, бум — кубинцу по черепу.

«Я иду к тебе», — кричишь ты, прорываясь через охрану, бегущую навстречу. Твои пули достигают их, вмазывают в стену, и вот уже реки крови текут по коридорам тюрьмы Дяди Сэма.

Мохаммед! Мохаммед! Мохаммед!

Бум! Ты распахиваешь дверь первой камеры. Шурясь от света, танцуя от радости и благодаря Аллаха, оттуда высыпают мужчины и женщины в тюремных робах.

Но его нет. Так много лиц — но нет среди них твоего любимого.

Ты распахиваешь вторую дверь, третью, четвертую — они заполняют коридоры тюрьмы, великий карнавал заключенных.

Вот он! Мохаммед! Ты бежишь к нему, ты кидаешься к нему, хватаешь его за плечо —

Простите?

Незнакомый человек в страхе смотрит на свирепого воина, прильнувшего к нему всем телом.

И... Ты продолжаешь поиски, тыходишь в лифт — опускаешься ниже, ниже и ниже — и, наконец...

Тусклый свет. Там, наверху, над тобой тюремные роботы сражаются с охранниками, но здесь мертвая тишина. «Крадись, словно кошка, нападай, словно тигр», — говорил тебе тибетский монах. И ты крадешься в полумраке неслышно, как кошка, — и нападаешь, как тигр, когда охранник выходит из-за угла, перерезав ему горло одним точным взмахом ножа Мохаммеда.

Наконец ты видишь силуэт за решеткой. Он рыдает.

О Мохаммед.

У него вырваны волосы, он весь в ожогах, в синяках и —

Эми?

Да, Мохаммед

Уходи. Не хочу тебя видеть

Пожалуйста —

Сука западная. Ты разрушила мою связь с Аллахом

Мохаммед

Сука западная. Ты развратила мне тело и истерзала душу

Мохаммед

Сука западная. Не попасть тебе в Рай

Умоляю, Мохаммед. Я была... та Эми, какой я была, — она мне отвратительна. Отвратительны ее метания, ее бесцельная жизнь, ее болезненное упадничество. Да, отвратительна — и я молюсь о том, чтобы возродиться — возродиться в глазах Аллаха. И не будет мне покоя, пока не освобожу этот мир от неверных и не очистятся люди перед Аллахом, любимый, мы сделаем это вместе, мы будем сражаться, мы будем работать, чтобы очистить этот лживый мир и проложить всем дорогу в Рай.

Эта тюрьма — настоящий ад

Я пришла забрать тебя отсюда. Умоляю, Мохаммед, позволь мне...

Да, любовь моя

И ты вырываешь решетку, и он выходит, твой истерзанный возлюбленный. Как нежно ты его обнимаешь. Как нежен, как бесконечен ваш поцелуй, в котором сливаются ваши души.

(У нас за это будет куча призов, наград — только бы не испоганить...)

Пойдем, — говоришь ты Мохаммеду, ведешь его по коридору, и тут —

Вжик! Одна-единственная охранница — ты ее убиваешь, но она успевает выстрелить, пуля ударяется о стену и рикошетом — мы видим, как медленно, очень медленно летит пуля, — прямо Мохаммеду в голову. Он оседает на пол, и — медленно-медленно — кровь толчками течет у него из ушей, изо рта.

Нет Бога, нет Ангелов в этом мире, и...

И тут принципиальный момент. Нужно найти потрясающего оператора, тут вообще-то такой момент, когда душа отлетает от тела. Ты когда-нибудь... ? А я видел. Видел такое, и — м-м-м-м — если удастся заснять это на пленку... тогда, блин, все — поцелуйте меня в задницу.

В общем, душа Мохаммеда покидает тело и летит в Рай.

И ты скорбишь, и ты взрослеешь в этот момент утраты — в смысле, не постепенно — а сразу

И ты видишь, что все — притворство и пустота.

И ты вынимаешь нож, и ты чувствуешь, какой он тяжелый и острый, и ты наставляешь его на себя, о, сделай это, сделай это, сделай это, с достоинством древнего римлянина. —

Но тут

Субъективная камера

И мы видим рюкзак с молельным ковриком.

И ты достаешь молельный коврик. И тут тебе надо сыграть: нож или молельный коврик? Молельный коврик или нож. Что? Что же ты ... ?

Нож. Молельный Коврик. Лицо. Нож. Молельный Коврик. Лицо.

И ты... ты опускаешь нож. Ты не убиваешь себя.

И ты идешь и берешь коврик, ты оглядываешься по сторонам — не зная, как правильно расположиться, — и —

Внезапное озарение — это надо как-то выделить — ты встаешь на колени, ты встаешь на колени на коврик и — она потрясающий образ.

Аллах? Аллах, я отомщу.

Спасибо, что выслушала. Спасибо, что пришла. Я счастлив, что рассказал тебе эту историю. И если ты хочешь вернуться ко всяким своим агентам, пиарщикам, менеджерам, к этим твоим ребятам, и ну... поиздеваться, использовать это, чтобы... Ладно, хорошо. Главное, я тебе рассказал, я тебе рассказал.

(Оливия выходит. Джеймс звонит по телефону.)

Але. Она в восторге. В восторге. Просто в восторге.

Дэвид Грэйг

АМЕРИКАНСКИЙ ПИЛОТ

Перевод Оксаны Роминой
Copyright © 2006 David Greig

Линде МакЛин

Политика смягчает действительность.
Дуглас Данн — *Я Фоторепортер*

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

Маленькая ферма, расположенная высоко в горах сельской местности, в стране, которая на долгие годы погрязла в гражданской войне.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АМЕРИКАНСКИЙ ПИЛОТ.

ФЕРМЕР.

ТОРГОВЕЦ.

САРА, ЖЕНА ФЕРМЕРА.

ИВИ, ДОЧЬ ФЕРМЕРА.

КАПИТАН.

ПЕРЕВОДЧИК.

ТРИ АМЕРИКАНСКИХ СОЛДАТА.

АКТ ПЕРВЫЙ

1.

ФЕРМЕР. Американский пилот был самым красивым человеком, которого я когда-либо видел. Его кожа отливала золотом. Он был высокий и сильный, а глаза его были синие, как небо, с которого он упал. Когда я смотрел на него, облако непривычных мыслей поднималось у меня в голове, как мошки над потревоженной травой. Да, он был с нами в одной комнате, но он был не таким, как мы. Казалось, что у нас нет ничего общего. Все то время, что он провел с нами, я чувствовал, что еще секунда, и я поцелую его.

...

Американский пилот беспокоил меня.

Я знал, чем скорее он исчезнет из моего сарая, тем лучше.

2.

*Старый деревенский сарай для домашнего скота.
Темно.*

АМЕРИКАНСКИЙ ПИЛОТ сидит в углу. Он ранен и испытывает сильную боль. У него явно повреждена нога, а форма летчика разорвана и окровавлена. Он слушает музыку через наушники. Подпевает слабым и усталым голосом.

Песня Снуп Догги-Дог «Gin and Juice».

Дверь с шумом открывается.

Яркий утренний свет заливает сарай.

Входят ФЕРМЕР и ТОРГОВЕЦ. УТОРГОВЦА в руках старое ружье.

ПИЛОТ перестает петь.

Они смотрят на него. ТОРГОВЕЦ подходит к ПИЛОТУ и смотрит на его форму. Он тщательно ее исследует и подходит звезднополосатый шеврон.

Он с силой бьет АМЕРИКАНСКОГО ПИЛОТА в лицо прикладом ружья.

Отходит назад.

ФЕРМЕР. Бога ради.

ТОРГОВЕЦ. Что?

ФЕРМЕР. Помягче.

ТОРГОВЕЦ. Что?

ФЕРМЕР. Ничего.

...

Просто не ожидал, что ты его ударишь.

ТОРГОВЕЦ. Он Американец. Видишь, на форме. Это американский флаг.

ФЕРМЕР. И что?

ТОРГОВЕЦ. Надо его подготовить.

ФЕРМЕР. Ладно. Как скажешь.

ТОРГОВЕЦ. Я старейшина деревни. Когда появится КАПИТАН, он у меня спросит, готов ли пленный разговаривать. И что я ему скажу?

ФЕРМЕР. Ну, теперь ты можешь сказать, что ты его подготовил.

ТОРГОВЕЦ. Надо, чтоб он боялся. Нам побег не нужен.

ФЕРМЕР. Как это — побег?

ТОРГОВЕЦ. Ну, надумает убежать.

ФЕРМЕР. Куда?

ТОРГОВЕЦ. В горы.

ФЕРМЕР. У него сломана нога.

ТОРГОВЕЦ. Он Американец. Никогда не знаешь, чего от них ожидать.

ФЕРМЕР. Может, еще раз его ударить?

ТОРГОВЕЦ. Одного раза достаточно. Я ему уже показал.

ФЕРМЕР. Я знаю тебя много лет, мой друг. Ты ТОРГОВЕЦ. Ты повидал мир. А я просто ФЕРМЕР. Я уважаю твой опыт.

ТОРГОВЕЦ. Я знаю, как такие вещи делаются.

ФЕРМЕР. Но я никогда не видел, чтобы ты бил того, кто не может ответить.

Несколько секунд они оба смотрят на ПИЛОТА.

Торговцу становится немного стыдно.

Он подходит к ПИЛОТУ и осматривает его лицо.

ТОРГОВЕЦ. Где ты его нашел?

ФЕРМЕР. Недалеко. Полмили отсюда.

ТОРГОВЕЦ. Вчера вечером?

ФЕРМЕ. РПосле заката. Я гнал овец обратно через речку и увидел человека у зеленого камня. Было темно, но по силуэту я понял, что он не местный. Ну, я кричал: «Эй! Эй!»

А он стоит, облокотившись на камень, и ничего не говорит. Я подошел. Палку наготове держу, если что.

Он не двигается, ну я поближе подхожу и вижу, что это вроде солдат.

ТОРГОВЕЦ. Он ПИЛОТ. Это форма летчика.

ФЕРМЕР. ПИЛОТ.

Я увидел, что он ранен. Лицо у него было синее, а тело холодное. Он очень плохо выглядел. Мне показалось, что он провел несколько дней на холме. Не знаю, чем он питался. Неделя была холодная, а у него сломана нога. Когда он пытался идти, она волочилась сзади. Не знаю, как он не закричал от боли? Ну, я его взял на спину и принес сюда. САРА ночью приходила посмотреть его ногу. А как только солнце взошло, я послал одного из мальчишек за тобой.

ТОРГОВЕЦ. Кто еще знает, что он здесь?

ФЕРМЕР. Ну, мальчишки знают, значит, и все остальные. Я не подумал, что это надо держать в секрете.

ТОРГОВЕЦ. Да... ммм.

ФЕРМЕР. Что «да... »?

ТОРГОВЕЦ. Все очень непросто. Много всякого может быть... разных сложностей. Это очень серьезно для нас. Вот и все.

Короткая пауза.

ФЕРМЕР. Я думаю, его не стоило бить.

ТОРГОВЕЦ. Я его не сильно ударил.

ФЕРМЕР. Ты его довольно сильно ударил.

ТОРГОВЕЦ. Я его просто сильно толкнул, и все.

ФЕРМЕР. У него синяк.

ТОРГОВЕЦ. Да он по горам бродил бог знает сколько дней. Он весь в синяках.

ФЕРМЕР. Он мучается от боли. Ему нужен врач.

ТОРГОВЕЦ. Мне кажется, не надо его куда везти.

ФЕРМЕР. Почему?

ТОРГОВЕЦ. В целях безопасности.

ФЕРМЕР. У тебя безопасней, чем у меня.

ТОРГОВЕЦ. Ты его нашел.

ФЕРМЕР. Ну и что?

ТОРГОВЕЦ. Ничего. Это место не хуже других.

ФЕРМЕР. Человек ранен. Сарай не подходящее для него место.

ТОРГОВЕЦ. Надо подождать КАПИТАНА. Он скажет, что делать.

ФЕРМЕР. Но ты же старейшина. По-моему, такие вещи как раз твоя забота.

ТОРГОВЕЦ. Хорошо. Я старейшина и говорю, что он должен остаться здесь, хотя бы до приезда КАПИТАНА.

ФЕРМЕР. О господи.

ТОРГОВЕЦ. Мы не знаем, что решит КАПИТАН.

ФЕРМЕР. А что же мне с ним делать сейчас?

ТОРГОВЕЦ. Удостовериться, что с ним все в порядке.

ФЕРМЕР. Как? Врезать еще раз по челюсти?

ТОРГОВЕЦ. Я ему в челюсть не давал. Я просто подвинул его голову, чтобы можно было рассмотреть эмблему на форме.

ФЕРМЕР. Может, надо его еще подготовить? Может, пнуть его? Извини, что я цепляюсь, но не хочется проблем с КАПИТАНОМ. Мне нужны более точные инструкции.

ТОРГОВЕЦ. У тебя же есть голова на плечах, черт возьми.

ФЕРМЕР. Да, и она говорит мне, что нужен врач.

ТОРГОВЕЦ. Просто позаботься, чтоб он не помер.

Короткая пауза.

ФЕРМЕР. Я его покормил.

ТОРГОВЕЦ. Хорошо.

ФЕРМЕР. Он захочет позавтракать.

ТОРГОВЕЦ. Правильно.

ФЕРМЕР. У меня не самый лучший урожай в этом году.

ТОРГОВЕЦ. Нет.

ФЕРМЕР. Ну, чтоб старейшины знали...

Короткая пауза.

ТОРГОВЕЦ *опять подходит к ПИЛОТУ.*

ПИЛОТ *вздрагивает.*

ТОРГОВЕЦ. НЕ ДУМАЙ БЕЖАТЬ. ТЫ. НЕ ДУМАЙ БЕЖАТЬ.

...

ЕСЛИ СБЕЖИШЬ, УБЬЮ. ПОНЯЛ?

ФЕРМЕР. Мне кажется, он только по-английски понимает.

ТОРГОВЕЦ *изображает убегающего человека. Человека убивают.*

ТОРГОВЕЦ. ПОНЯЛ?

Они оба смотрят на ПИЛОТА.

Не знаю, друг. У меня мало опыта в таких делах. Мне это не нравится. Многое зависит от того, какой путь мы выберем, потому что мы не знаем. Это может хорошо обернуться, а может и очень плохо. Мы просто не знаем.

ФЕРМЕР. Да...

ТОРГОВЕЦ *дает* ФЕРМЕРУ *несколько помятых и грязных банкнот.*

ТОРГОВЕЦ. Это оплатит его пребывание здесь.

ФЕРМЕР. Спасибо, друг.

ТОРГОВЕЦ. Бог в помощь.

ФЕРМЕР. Удачи.

ТОРГОВЕЦ. Удачи.

ТОРГОВЕЦ *уходит.*

ФЕРМЕР *остаётся. Он стоит и смотрит на ПИЛОТА.*

ПИЛОТ. Пить. Мистер. Воды. Воды.

ФЕРМЕР *не понимает.*

ФЕРМЕР. Со мной бесполезно разговаривать, ПИЛОТ. Я не понимаю ни слова из того, что ты говоришь.

Он достаёт сигарету. Закуривает.

Хочешь?

Протягивает сигарету ПИЛОТУ.

ПИЛОТ. Я не курю.

ФЕРМЕР *продолжает предлагать сигарету.*

Черт. Почему бы нет?

ПИЛОТ берет сигарету, затягивается и начинает каш-
лять.

Кашель причиняет ПИЛОТУ боль.

Черт побери.

Он возвращает сигарету.

ФЕРМЕР тоже затягивается.

Снова предлагает сигарету ПИЛОТУ — ради смеха.

ПИЛОТ смотрит на него, понимает, что это шутка.

Они оба смеются.

Смех снова причиняет боль ПИЛОТУ.

Черт.

Они снова смеются.

Они перестают смеяться.

Воды.

ПИЛОТ изображает, что пьет.

ФЕРМЕР. Воды.

3.

САРА. История мира, моя жизнь от начала до конца, жизни моих трех сыновей, жизнь моей дочери, жизнь моего брата и жизни моих сестер, жизни, Хвала Господу, моего отца, и матери, и мужа — все наши истории от начала до конца — все в воле Господа Бога. Воля, которой мне не дано когда-либо понять. Я только знаю, что мысли Господа полны бесконечного милосердия и сострадания, и я уверена, что моя история и история каждого мужчины и каждой женщины в этой деревне занимают не

больше места в мыслях Господних, чем одна травинка в мыслях женщины, созерцающей бескрайний луг в разгар лета. Поэтому все, что я могу сказать об АМЕРИКАНСКОМ ПИЛОТЕ, это то, что наша встреча была просто мигом в вечности — легкий ветерок, чуть колыхнувший траву на маленьком участке луга, — мелькнувшая мысль. Его появление не побеспокоило меня и не сделало счастливой. Я просто выполняла долг гостеприимства, и все. Я вымыла его раны и перевязала ногу. Я накормила его. Я принесла ему воды.

4.

ПИЛОТ пьет воду. САРА и ФЕРМЕР стоят и смотрят на него.

ФЕРМЕР. Его мучает жажда.

САРА. Еще бы.

ФЕРМЕР. ТОРГОВЕЦ дал мне немного денег на его содержание.

Он отдает деньги САРЕ.

САРА. Что мне с ними делать?

ФЕРМЕР. Посмотри, что можно купить. Может, мясо. Может, найдешь таблетки от боли.

САРА. Где же я найду таблетки?

ФЕРМЕР. Может, у кого есть?

ПИЛОТ смотрит на САРУ. Улыбается.

Короткая пауза.

ПИЛОТ. Погоди.

ПИЛОТ роется в кармане своей формы и достает маленький бумажник. В бумажнике фотография. Он показывает фотографию САРЕ.

Вот. Моя жена. Франческа. Мой сын. Карл. Карл. Это парад в штате Джорджия. Видишь, это Карл с утенком Даффи. Утенок Даффи?

Она не берет фотографию. Он кладет ее на землю перед ней.

Наверное, вы понятия не имеете, кто такой утенок Даффи.

*САРА поднимает фотографию.
Показывает ФЕРМЕРУ.*

ФЕРМЕР. Похоже на утенка Даффи.

Она смотрит на фотографию.

САРА. Они так молоды.

Отдает фотографию обратно ПИЛОТУ.

Мне не нравится, что он здесь.

ФЕРМЕР. Я знаю, дорогая.

САРА. Попробую купить курицу в деревне.

ФЕРМЕР. Правильно

САРА. Не думаю, что стоит покупать мясо. Мы не знаем, сколько он здесь пробудет.

5.

ИВИ. Однажды мне приснилось, что небо раскрылось, и за ним был другой мир. Однажды мне приснилось, что я шла по деревне за нашим осликом, просто шла следом за ним, а деревня все не кончалась, один дом за другим и так до бесконечности, пока я не проснулась, так что я привыкла думать о странных вещах, более странных, чем те, что

приходят на ум большинству людей. Поэтому я не удивилась, когда поняла, что Бог выбрал меня для чего-то совсем необычного. Я с детства знала, что я особенная; и придет день, когда моя особенность раскроется; и я стану святой, или мученицей, или кинозвездой, или акробатом, а может быть, учителем — но я не ожидала того, что случилось, — признаюсь, это застало меня врасплох. Зная, что у меня есть предназначение, я всегда внимательно прислушивалась к тому, о чем я думаю, что мне нравится и что не нравится, потому что это могло быть важным. В один прекрасный день я могла быть призвана учить всему этому, или петь об этом, или просто сообщить это тем, кто не знает. Поэтому, пока АМЕРИКАНСКИЙ ПИЛОТ был с нами, я решила для себя следующее: людей не должны избивать, мне не нравится видеть кровь, мне не нравится видеть кровь даже у барана. Мне не нравится запах крови. Мне не нравится запах моей собственной крови, и крови козы, и крови другого человека. Я не хочу, чтобы меня отправили на небеса без единого человеческого слова, и я не хочу мочиться в штаны. Мне все это совсем не нравится. Нет.

...

Но мне нравился АМЕРИКАНСКИЙ ПИЛОТ.
Да, он мне нравился.

6.

ПИЛОТ *спит*.

ФЕРМЕР. Он заснул.

ИВИ. Бедняга.

ФЕРМЕР. Он американец.

ИВИ. Он светится. Кажется, что он светится.

ФЕРМЕР. Америка, Иви, это страна далеко отсюда.

ИВИ. Господи. Я знаю, папа.

ФЕРМЕР. Ну да, наверное, знаешь.

ИВИ. Я много чего знаю про Америку.

ФЕРМЕР. Откуда?

ИВИ. Из телевизора.

ФЕРМЕР. Где же это ты телевизор смотришь?

ИВИ. У Руфи дома есть телевизор.

ФЕРМЕР. Я не знал.

ИВИ. Он у них недавно.

ФЕРМЕР. Что ж ты смотришь?

ИВИ. Господи, папа. Ты же смотришь телевизор в магазине.

ФЕРМЕР. Смотрю. В магазине. Но не уверен, что мне нравится то, что я вижу.

ИВИ. Машины. Музыка. Танцующие индийские девушки. Ну и все такое.

ФЕРМЕР. Откуда у отца Руфи телевизор?

ИВИ. Не знаю.

ФЕРМЕР. Не знаю, что ты там видела по телевизору, но Америка очень могущественная страна с сильной армией. Еще у них есть президент. Люди там безумно богаты, но они дьяволы, они не уважают женщин, и посмотри — они повсюду распространяют распушенности и греховности, и этот вот — один из них.

ИВИ. Он светится.

ФЕРМЕР. Он не светится.

ИВИ. Светится.

ФЕРМЕР. Это просто солнце на него так светит.

ИВИ. Бог так солнцу повелел.

ФЕРМЕР. Ну ладно.

ИВИ. Значит, он светится.

ФЕРМЕР. Он просто...

Ладно, я подумал, что тебе стоит на него посмотреть для образования.

ИВИ. Можно с ним поговорить?

ФЕРМЕР. Думаю, не стоит.

ИВИ. Я говорю по-английски.

ФЕРМЕР. Правда?

ИВИ. Меня зовут Иви. Как тебя зовут? Я говорю по-английски.

ФЕРМЕР. Что это означает?

ИВИ. Это означает: «Меня зовут Иви. А тебя? Я говорю по-английски».

ФЕРМЕР. Мне не нравится, что ты телевизор смотришь у Руфи.

ИВИ. Как еще я смогу узнать о мире?

ФЕРМЕР. Не обращай на меня внимания. Я просто завистливый старик.

В твои годы я...

Тебе ведь не интересно?

ИВИ. Интересно.

ФЕРМЕР. Когда мне было сколько тебе сейчас. Я хотел стать инженером. Это было глупо, но мне хотелось построить дамбу. В общем, однажды мне сказали, что я должен жениться на твоей маме, а это бы положило конец всем моим планам. Ну, я и сказал нет.

ИВИ. Я знаю эту историю.

ФЕРМЕР. Ну ладно.

ИВИ. Ты вскоре подумал, что стоит сперва посмотреть на то, что теряешь, и пошел через долину и лес, шел всю ночь, пока не дошел до города и не нашел ее дом. Ты залез на стену и увидел ее во дворе. И тогда ты подумал, что она красивее любой дамбы.

ФЕРМЕР. Но дело в том, что я не мог быть студентом и содержать семью. Чтобы прокормить семью, мне нужна была земля. Так что я отказался от моей идеи и начал... ну... в общем, инженером я не стал. Не суждено было. Но ты... у тебя все может быть совсем по-другому.

...

Но с телевизором осторожнее.

ИВИ. Я его никогда не смотрю одна.

ФЕРМЕР. Ты хорошая девушка, ИВИ. Надеюсь, мы подберем тебе хорошую пару. Мы посматриваем, знаешь.

ИВИ. Но вы еще никого не нашли.

ФЕРМЕР. Они все ужасные. Мне никто не нравится. Не хочется тебя отпускать. Сын — это одно. Сын — это хорошо. Мне, конечно, не стоит этого говорить. С сыном не поговоришь.

Дочь же — ...

Да, не хочется тебя отпускать.

ИВИ. Он просыпается.

Американец переворачивается во сне.

Он открывает глаза и стонет.

ПИЛОТ. Ааааа.

Твою мать...

Господи.

ИВИ. Меня зовут ИВИ. Как тебя зовут? Я говорю по-английски.

ПИЛОТ. Ты говоришь по-английски? ОК. Меня зовут Джейсон Рейнхард. Я офицер Военно-воздушных сил США. ОК?

ИВИ. ОК.

ПИЛОТ. Если вы меня доставите к ближайшему телефону или радиопередатчику, я лично позабочусь о том, чтобы правительство США отблагодарило вас и вашу семью. ОК?

ИВИ. ОК.

ФЕРМЕР. Что он сказал?

ИВИ. Не знаю.

Она снова говорит с ПИЛОТОМ по-английски.

ИВИ. Меня зовут ИВИ. Как тебя зовут? Я говорю по-английски.

ПИЛОТ. Мисс. Меня зовут Джейсон Рейнхард. Понимаете?

ИВИ. Безнадёжно. Он не понимает.

ПИЛОТ. Джейсон Рейнхард. Джейсон.

Телефон.

ПИЛОТ *изображает телефонный звонок.*

Телефон. ОК?

ИВИ. ОК.

Ему нужен телефон.

ФЕРМЕР. Думаю не стоит. Скажи ему, что это невозможно.

ИВИ. Но в магазине есть телефон.

ФЕРМЕР. Просто скажи, что это невозможно.

ИВИ. Ладно.

Она изображает телефон и трясет головой.

Нет. ОК?

ПИЛОТ (*понимает, что все бесполезно*). ОК. ОК.

Звуки паркующегося джипа.

ФЕРМЕР. КАПИТАН. Веди себя хорошо.

ИВИ. Что ему нужно?

ФЕРМЕР. Кто его знает?

ИВИ. Что он собирается делать?

ФЕРМЕР. Не знаю, ИВИ. Скажи ПИЛОТУ, что все нормально. Скажи по-английски.

ФЕРМЕР *уходит.*

Иви подходит к ПИЛОТУ.

Она очень серьезна.

ИВИ. ОК.

ПИЛОТ. ОК?

ИВИ (*поет и танцует*). I don't know what it is, that makes me feel like this, I don't know who you are but you must be some kind of superstar. Cos you got all eyes on you no matter where you are.

ПИЛОТ *смеется.*

ПИЛОТ. ОК. ОК.
ИВИ. ОК.

7.

КАПИТАН. Это мой район. Я здесь главный. Когда я приезжаю в деревню, я раздаю деньги. Когда я ем с ФЕРМЕРОМ, я спрашиваю его об урожае. Я запоминаю имя старшего сына в каждой семье. Я всегда и везде ношу темные очки, даже в пасмурные дни. Я так делаю, потому что люди ждут этого от меня. Если на моем участке появляется американец, люди думают, что я знаю, как поступить. Если я не буду знать, они начнут беспокоиться. Я лично ничего не имел против АМЕРИКАНСКОГО ПИЛОТА. В другой жизни мы могли бы быть друзьями. Но мы не были в другой жизни. Мы не шли вместе по улицам Осло в поисках бара. АМЕРИКАНСКИЙ ПИЛОТ упал с неба на мою территорию. Он был моим пленным, и я должен был решить, что с ним делать.

8.

КАПИТАН, *Переводчик*, ФЕРМЕР, ТОРГОВЕЦ и ИВИ.

УКАПИТАНА *в руках автомат Калашникова.*

КАПИТАН *вяло поднимает ружье и наводит на ПИЛОТА.*

Они все смотрят на ПИЛОТА.

КАПИТАН. Его обыскали? ..

ТОРГОВЕЦ. Не знаю. Ты его обыскал?

ФЕРМЕР. Нет. (ТОРГОВЦУ.) А ты?

ТОРГОВЕЦ. Разумеется, я его не обыскивал. Я думал, что...

ФЕРМЕР. Ты мне не сказал его обыскивать.
ТОРГОВЕЦ. О господи. Ты сам не мог догадаться?
КАПИТАН (ТОРГОВЦУ). Обыщи его.
ТОРГОВЕЦ. Есть, сэр.
КАПИТАН. Мэттью, помоги ему.
ПЕРЕВОДЧИК. Да, сэр.
(ТОРГОВЦУ.)
Ты, поддержи его руки. Посмотрим, что у него тут.

*Обыск причиняет ПИЛОТУ боль.
Через несколько секунд.*

ИВИ. Ему больно.
КАПИТАН. Это твоя дочь?
ФЕРМЕР. Это ИВИ.
КАПИТАН. Здравствуйте, ИВИ.
ИВИ. Вы ему делаете больно.
КАПИТАН. Здесь не место для девушки.
ФЕРМЕР. Я знаю, но она говорит по-английски.
КАПИТАН. Мэттью — мой ПЕРЕВОДЧИК.
ФЕРМЕР. Иви, иди, сделай чай для КАПИТАНА.
ИВИ. Они делают ему больно.
ФЕРМЕР. Делай, что говорят.

Пауза.

ИВИ.

ИВИ *уходит.*

ПЕРЕВОДЧИК. Американца обыскали, КАПИТАН.
КАПИТАН. Так. Посмотрим.
Семейные фотографии.
Солдатский медальон.
Нож.
А это что?

ПЕРЕВОДЧИК. Компьютер, сэр. Играет музыку.

КАПИТАН. Как он может играть музыку?

ПЕРЕВОДЧИК. Это компьютер, сэр.

КАПИТАН *с удивлением рассматривает электронное устройство.*

ПИЛОТ. Сэр. Меня зовут Джейсон Рейнхард. Я офицер Военно-воздушных сил США. За мое спасение объявлена награда. Если же вы причините мне вред, американские войска найдут и убьют вас. Переведи ему это. Постарайся, чтобы он понял.

КАПИТАН. Что он говорит?

ПЕРЕВОДЧИК. Это сложно.

КАПИТАН. Ну общий смысл?

ПЕРЕВОДЧИК. Он хочет домой. Американцы найдут и убьют Вас. И что-то там еще Я не уловил.

КАПИТАН. Что здесь происходит? Почему американец тут? ФЕРМЕР — на кого ты работаешь?

ФЕРМЕР. Я не понимаю.

КАПИТАН. НА КОГО ТЫ РАБОТАЕШЬ?

ФЕРМЕР. Ни на кого.

КАПИТАН. Зачем здесь американец? Ты американский шпион?

ФЕРМЕР. Нет, сэр.

КАПИТАН. Все знают, что американцы дают деньги Правительству. Все знают, что американцы обучают армию Правительства. И тут вдруг АМЕРИКАНСКИЙ ПИЛОТ на моей территории. Что я должен думать?

ФЕРМЕР. Я не знаю. Я нашел его в поле неподалеку.

ТОРГОВЕЦ. У Правительства нет друзей в нашей деревне, КАПИТАН.

КАПИТАН. Я не с тобой говорю. Ты очень плохо справился с этой ситуацией, старейшина. Все в округе знают об американце. Правительство уже знает об американце.

Сейчас даже американцы, наверное, знают об американце. Мне только этого не хватало.

Где ты его нашел?

ФЕРМЕР. Немного вверх по реке. У большого камня в форме лягушки. Он прятался там от ветра.

Короткая пауза.

КАПИТАН. Чего его там не оставил умирать?

ТОРГОВЕЦ. Мы знали, что вы захотите поговорить с ним, КАПИТАН.

ФЕРМЕР. Он был еще жив.

КАПИТАН. Переведи ему, Мэттью.

(Кричит ПИЛОТУ в лицо.)

ЧТО ТЫ ТУТ ДЕЛАЕШЬ?

ПЕРЕВОДЧИК. Он спрашивает, что ты тут делаешь?

КАПИТАН. КТО ТВОЙ СВЯЗНОЙ?

ПЕРЕВОДЧИК. Он говорит, эээ... эээ...

Где предательство?

ПИЛОТ. Меня зовут Джейсон Рейнхард. Я офицер...

КАПИТАН. ЗАТКНИСЬ.

КАПИТАН *с размаху бьет ПИЛОТА по лицу.*

ПИЛОТ *корчится от боли.*

Заткни свою пасть.

ПЕРЕВОДЧИК. Он говорит.

КАПИТАН. Не надо это переводить, Мэттью. Мне нужно подумать. Где обломки?

ТОРГОВЕЦ. Какие обломки?

КАПИТАН. Самолета, черт побери. Он ПИЛОТ. Где его самолет? Где?

ТОРГОВЕЦ. Я не знаю.

ФЕРМЕР. Он провел много дней в горах. Они могут быть в нескольких милях отсюда. Выше в горах. Если бы они упали близко, их бы увидели.

КАПИТАН. Ты прав. Тот, кто увидит обломки, поймет, что здесь американец. У него там передатчик где-нибудь передает данные о его местонахождении. Американцы будут его искать и, в конце концов, найдут. Черт. Черт. Черт. Что в компьютере? Дай-ка посмотрим.

КАПИТАН *пытается открыть MP3 плеер.*

ПИЛОТ. Эй ты, осторожно. Это моя музыка.

КАПИТАН *пинает ПИЛОТА ногой.*

КАПИТАН. Заткнись.

КАПИТАН *надевает наушники...*

Слушает.

Дает один наушник Переводчику.

Они оба слушают.

ПЕРЕВОДЧИК. Мне кажется, это просто музыка, сэр.

КАПИТАН. Это не музыка. Это... Не знаю что.

ПЕРЕВОДЧИК. Это хип-хоп, сэр.

КАПИТАН. Это может быть какой-нибудь код, ты, жалкий очкарик. Господи. Господи боже мой. Ты же у нас образованный, Мэттью. Выключи. Это невыносимо. Если это код, мы все равно его никогда не пойдем. Мне уже плевать. Я устал. Принеси веревку из машины и свяжи его.

ПЕРЕВОДЧИК *уходит.*

ТОРГОВЕЦ. У вас есть магнитола в машине?

КАПИТАН. Конечно есть.

ТОРГОВЕЦ. Мне тут кое-что привезли в магазин. Только-только из-за границы. Может, подойдет, и мы сможем послушать это в машине.

КАПИТАН. Тебе поставляют такое оборудование?

ТОРГОВЕЦ. Есть один контакт в Дубае.

ПИЛОТ. Там вся моя музыкальная коллекция, твою мать.

ТОРГОВЕЦ. Вы хотите, чтобы я взял компьютер, сэр? Я посмотрю, подойдет ли он к тому, что мне привезли в магазин.

КАПИТАН. Да.

ТОРГОВЕЦ. Что, вы думаете, следует сказать в деревне?

КАПИТАН. Скажи, что американец умер от ранения. Не пускай сюда никого. Пошли кого-нибудь к камню и несколько человек в горы. Может, найдут самолет.

ТОРГОВЕЦ. Есть, сэр.

КАПИТАН. Важно, чтобы все делали то, что надо. Понял?

ТОРГОВЕЦ. Да, сэр.

КАПИТАН. Молодец. Иди.

ТОРГОВЕЦ *уходит*.

Он не понимает.

ФЕРМЕР. КАПИТАН, извините, что обращаюсь.

КАПИТАН. Извинить? За что?

ФЕРМЕР. Я тоже не понимаю.

КАПИТАН. Нет?

ФЕРМЕР. Это мой дом. И мне хотелось бы понять, что происходит в моем доме.

КАПИТАН. У тебя происходит Америка.

ФЕРМЕР. Боюсь, я все еще не понимаю.

КАПИТАН. Посмотри на него, ФЕРМЕР. Он слаб, жизнь почти покинула его. Если бы это был огонь, то от него остался бы последний уголек. Но это малюсенькое дыхание жизни — самая могущественная сила в радиусе ста миль. Это то же самое, что подобрать камень, а окатиться с ураном на руках. Как дыхание Бога.

ФЕРМЕР. Вся жизнь, КАПИТАН, — дыхание Бога.

КАПИТАН. Ты думаешь? Когда я с Ним встречу, это будет мой первый вопрос к Нему.

Извини. Мне не стоит богохульствовать в чужом доме.

ФЕРМЕР. Я не набожен.

КАПИТАН. Посмотри на него, ФЕРМЕР. Он весь в крови и собственной моче, но его кожа блестит золотом. А от нас несет поражением. Посмотри на нас. Он наш пленник, но одно его присутствие принижает нас.

ФЕРМЕР. Что вы собираетесь с ним делать?

КАПИТАН. Что смогу.

Дверь открывается.

ПЕРЕВОДЧИК. Жена ФЕРМЕРА приготовила нам пирог, сэр.

КАПИТАН. Неси сюда.

ПЕРЕВОДЧИК (*кричит в сторону ИВИ*). Он говорит сюда принести.

Входит ИВИ, с трудом придерживает дверь, стараясь не уронить поднос.

КАПИТАН. Придержи дверь, Мэттью. Ты что, варвар?

ПЕРЕВОДЧИК. Извините.

КАПИТАН. Спасибо, ИВИ.

(*Он надкусывает.*)

Вкусный. (*ФЕРМЕРУ*). Твоя жена хорошо готовит пирог.

ФЕРМЕР. Слава богу.

КАПИТАН. Да, слава богу.

Я знал отца твоей жены. Сражались вместе, когда мы свергли короля.

ФЕРМЕР. Ее отца многие знали.

КАПИТАН. Он был хороший человек.

ФЕРМЕР. Он был хороший человек, хвала господу.

КАПИТАН. Ну, как дела на ферме?

ФЕРМЕР. Нам нелегко приходится.

КАПИТАН. Легко никогда не было.

ФЕРМЕР. Слава богу, зима мягкая. Холода были, но пока ни одна овца не погибла. Пока.

КАПИТАН. Будем надеяться на хорошее лето. Нападения были?

ФЕРМЕР. Слава богу, в этом году не было. Только одно в прошлом.

КАПИТАН. Правительственные войска расположились у края долины. Их трудно сдерживать, но в долину они еще не вошли. Пока.

ФЕРМЕР. Я слишком стар для войны. Но конечно, мой младший сын присоединится к вам. Когда подрастет.

КАПИТАН. Надеюсь, это не понадобится.

ФЕРМЕР. Я уверен, вы победите, КАПИТАН.

КАПИТАН. Расскажи мне о своей дочери.

ФЕРМЕР. Иви?

КАПИТАН. Она говорит по-английски.

ФЕРМЕР. Как оказалось.

КАПИТАН. Она ходит в школу?

ФЕРМЕР. Посылаем, когда можем. Когда есть что учителью дать.

КАПИТАН. А мужа ей подыскали?

ФЕРМЕР. Все еще ищем.

КАПИТАН. Позови ее. Я хочу с ней поговорить.

ФЕРМЕР. ИВИ. Поди сюда.

Иви подходит.

Садится.

КАПИТАН. Сколько тебе лет, Иви?

ИВИ. Шестнадцать.

КАПИТАН. Ты послушна?

ИВИ. Кому?

КАПИТАН. С таким язычком она мужа не найдет.

ФЕРМЕР. По-моему, это правильный вопрос.

КАПИТАН. У меня была дочь твоего возраста, ИВИ. Ее звали Белль. Она была несчастьем для своей матери. Ты — несчастье своей матери?

ИВИ. Нет.

КАПИТАН. Почему я тебе не верю?

ИВИ. Не знаю. Откуда мне знать, что Вы думаете?

ФЕРМЕР. ИВИ.

КАПИТАН *смеется.*

КАПИТАН. У тебя голос, как у моей дочери. Странно. Правда, она похожа на Белль, Мэттью?

ПЕРЕВОДЧИК. Похожа.

КАПИТАН. Белль очень нравилась Мэттью.

ИВИ. Мне очень жаль, что такое случилось с вашей семьей.

КАПИТАН. Спасибо.

ИВИ. Вы их еще увидите на небесах.

КАПИТАН. К сожалению, Иви, я не религиозный человек. Боюсь, мне не попасть на небеса.

ИВИ. Просто не надо бить людей.

КАПИТАН *смеется.*

КАПИТАН. У тебя кулаки сжаты, ИВИ. Хочешь меня ударить?

КАПИТАН *посмеивается.*

Что? У тебя что-то в руке? Не хочешь показывать? Что ты там прячешь, Иви? Покажи.

ИВИ. Это для ПИЛОТА.

КАПИТАН. Что там?

ФЕРМЕР. Таблетки от боли. Я попросил принести.

КАПИТАН. От боли? Тебе кажется, у него что-то болит?

Посмотрим.

...

Извините.

КАПИТАН *встает и подходит к ПИЛОТУ. Наступает своим ботинком на ногу Американца. Американец кричит от острой боли.*

Да, правда. Похоже, ему больно. Мэттью, дай ему таблетку.

Переводчик подходит к ПИЛОТУ.

Я здесь решаю. Понятно?

ФЕРМЕР. Да, КАПИТАН.

КАПИТАН. Я решаю.

ПЕРЕВОДЧИК. Открой рот.

Это аспирин.

Посмотри.

Здесь сказано.

Аспирин.

Выпей чай.

Это просто чай.

Выпей.

Открой рот.

ПИЛОТ *открывает рот. Переводчик кладет ему таблетку аспирина на язык. Аккуратно вливает ему в рот чай.*

КАПИТАН. Спроси, какая у него миссия. Скажи, что я пойму, если он начнет врать. Пусть немедленно говорит, а то спущу с него шкуру.

ПЕРЕВОДЧИК. Он хочет, чтобы ты рассказал о своем задании. Если не будешь энергично разговаривать, он возьмет? «Возьмет»? Нет. Отдерет! Твою кожу от твоих мышц — ну, ты знаешь — кожу снимет — как же это называется, слово такое — спустит? Так?

ПИЛОТ. Меня зовут Джейсон Рейнхард...

КАПИТАН *снова бьет его ногой.*

ПИЛОТ *стонет.*

ИВИ. Прекратите. Прекратите это. Прекратите. Прекратите это!

ФЕРМЕР. Замолчи, ИВИ, пожалуйста.

ИВИ. Не замолчу.

КАПИТАН. ТИХО.

Он наводит ружье на ИВИ.

Здесь что, никто не понимает, что я не могу разобраться в ситуации, пока не увижу всей картины. Я должен увидеть всю картину.

Короткая пауза.

Он отводит ружье от Иви и переводит на ПИЛОТА.

Снимает с предохранителя.

ПИЛОТ. Меня зовут Джейсон Рейнхард. Я офицер Военно-воздушных сил США. Если вы причините мне вред, вас найдут и будут судить.

ПЕРЕВОДЧИК. Бесполезно. Он повторяет одно и то же.

КАПИТАН. ФЕРМЕР, заведи девчонку и уходи. Иди, занимайся своей фермой. ИДИ. ИДИ.

ФЕРМЕР. Пошли, ИВИ.

ИВИ. Отстаньте.

ФЕРМЕР *уводит ИВИ из сарая.* -

КАПИТАН. Наконец-то, Мэттью. Только мы и он. Три военных вместе.

ПЕРЕВОДЧИК. Не уверен, что я хочу это видеть.

КАПИТАН. Дай сюда твои очки.

ПЕРЕВОДЧИК. Зачем?

КАПИТАН. Делай, что говорят.

Переводчик отдает ему очки.

КАПИТАН *показывает три пальца.*

Сколько пальцев?

ПЕРЕВОДЧИК. Не знаю. Я не вижу.

КАПИТАН. Наугад.

ПЕРЕВОДЧИК. Четыре.

КАПИТАН. Три. Просто переводы. Что бы ни произошло, ты все равно не увидишь.

ПЕРЕВОДЧИК. Я бы предпочел в очках.

КАПИТАН *отдает ему очки.*

КАПИТАН. В глубине души ты хочешь видеть.

ПЕРЕВОДЧИК. Я не хочу видеть насилие. Но я также не хочу видеть мир как в тумане.

КАПИТАН. Насилие обостряет зрение.

ПЕРЕВОДЧИК. Страх обостряет зрение.

КАПИТАН. А ты сейчас боишься?

ПЕРЕВОДЧИК. Боюсь.

КАПИТАН. Меня?

ПЕРЕВОДЧИК. Его.

КАПИТАН. Скажи, что ему нечего бояться.

ПЕРЕВОДЧИК. Но это же неправда?

КАПИТАН. Все равно скажи.

ПЕРЕВОДЧИК. КАПИТАН говорит: «Не бойся».

ПИЛОТ. ОК. Скажи своему КАПИТАНУ, что наши будут меня искать. Они уже сейчас ищут. ОК? Скажи ему это. Скажи, что, если он мне не поможет, он будет считаться врагом Соединенных Штатов Америки, и к нему так и отнесутся при встрече с нашими войсками.

ПЕРЕВОДЧИК. КАПИТАН уже считается врагом Соединенных Штатов Америки. Имей хоть какое-то уважение к нему. Скажи, что тебе здесь надо.

ПИЛОТ. Послушай. Послушайте меня секунду. Вы можете делать со мной, что хотите. Я ничего не знаю. ОК? Я ничего не знаю об этой грязной дыре или вашей долбанной войне, которую вы ведете. Я просто врезался в долбанную гору. ОК. Я врезался. Это несчастный случай. Поступите правильно. Вы знаете, что надо сделать. Мы все знаем, что надо сделать, так что сделайте это. О.К. Хватит терять время, лучше доставьте меня к телефону. Если я умру здесь, вы пожалеете, что на свет родились. Скажи ему. Скажи ему это.

Длинный монолог отнял у ПИЛОТА силы.

ПЕРЕВОДЧИК. Он ничего не скажет.

КАПИТАН. Конечно, ничего не скажет.

ПЕРЕВОДЧИК. Может, стоит его пытаться. Заставить говорить.

КАПИТАН. Ну что он может нам сказать?

ПЕРЕВОДЧИК. Не знаю. Что он тут делает. Какие у них планы.

КАПИТАН. Мы все равно не пойдем.

ПЕРЕВОДЧИК. Мы же не дураки.

КАПИТАН. Та информация, которой он обладает, нам ничего не скажет, потому что она к нам не относится. Эта информация о другом мире. Он даже не поймет наши вопросы. Это все равно что допрашивать слово о смысле предложения.

ПЕРЕВОДЧИК. Американцы будут его искать. И в результате найдут.

КАПИТАН. Ты думаешь, я этого не знаю?

ПЕРЕВОДЧИК. Я просто говорю.

КАПИТАН. В один прекрасный день, Мэттью, меня поймут мои враги. Меня изобьет сброд правительствен-

ных солдат. Меня свяжут, как курицу, на меня будут плевать и мочиться, меня изувечат. Отнесут на поле, где одна только галька и сорняки, и в пыли поставят на колени. У меня будут всего секунды, чтобы попросить прощения у Бога и понять, насколько бессмысленно было все, за что я сражался. Последнее, что я почувствую, будет вкус моих сломанных зубов. Вот что случится со мной, Мэттью, рано или поздно.

...

Американский спутник будет свидетелем моей смерти.

Картинку загрузят в компьютер вместе с фотографиями пустыни и моря.

...

Понимаешь?

Что бы мы ни делали, нашей судьбы не изменить.

ПЕРЕВОДЧИК. Правительство — наш враг. Американцы дают деньги правительству. Это наш шанс, нанести удар нашим врагам. Люди этого ждут.

КАПИТАН. А что, если мы его вернем? Может, американцы помогут нам с деньгами и оружием?

ПЕРЕВОДЧИК. Не думаю. Американцы поддерживают Правительство по той же причине, почему я их ненавижу. Потому что правительство за деньги сделает что угодно. Американцы ничего Вам не дадут, потому что они Вас боятся.

КАПИТАН. Ты думаешь?

ПЕРЕВОДЧИК. Они боятся Вас, потому что Вы представляете истинную волю Вашего народа. Вас нельзя купить.

КАПИТАН. Может быть, можно. Они никогда не спрашивали.

ПЕРЕВОДЧИК. Вы знаете, что это бесполезно.

КАПИТАН. Хорошо. Мы будем держать его в заложниках. Потребуем выкуп.

ПЕРЕВОДЧИК. Они не заплатят.

КАПИТАН. Мы договоримся.

ПЕРЕВОДЧИК. Америка не договаривается. Они не торгуются.

КАПИТАН. Все в этом мире торгуются. Это разумно.

ПЕРЕВОДЧИК. Неразумно слону торговаться с муравьем.

КАПИТАН. Так что же ты предлагаешь?

ПЕРЕВОДЧИК. Есть люди, которые дают миллион долларов за голову американца. Мы могли бы получить больше за ПИЛОТА.

КАПИТАН. Эти люди — террористы.

ПЕРЕВОДЧИК. Мы все сейчас террористы.

КАПИТАН. Я солдат.

ПЕРЕВОДЧИК. Вам уже не дано решать, кто Вы.

КАПИТАН. Нам бы пригодился миллион долларов.

ПЕРЕВОДЧИК. Мы смогли бы лучше вооружить наших людей.

КАПИТАН. Это бы помогло нам на год или два. Набрался бы сил. Когда ты говоришь «голова», Мэттью, что именно ты имеешь в виду?

ПЕРЕВОДЧИК. Нам нужна видеокамера.

КАПИТАН. Это по-варварски. Он наш пленный. Пленных выкупают.

ПЕРЕВОДЧИК. Если Вы меня послушаете. Наша борьба попадет на первые страницы газет по всему миру.

КАПИТАН. Сейчас нас не понимают несколько дипломатов. А будет не понимать весь мир.

ПЕРЕВОДЧИК. А что, Вы думаете, нам делать?

КАПИТАН. Я думаю, что бы мы ни делали, результат будет все равно тем же.

ПЕРЕВОДЧИК. Вы решаете.

КАПИТАН. Ты мне нравишься, Мэттью. Почему ты со мной остаешься?

ПЕРЕВОДЧИК. Я верю Вам. Вы хороший командир. Я также верю, что в этой ситуации Вы наша последняя надежда.

КАПИТАН. Надежда на что?

ПЕРЕВОДЧИК. Надежда самим решать свою судьбу.

КАПИТАН. Ты думаешь, это когда-нибудь случится?

ПЕРЕВОДЧИК. Наверное, нет.

КАПИТАН. Но ты все еще со мной.

ПЕРЕВОДЧИК. Я просто пытаюсь поступить, как надо.

КАПИТАН. Я устал, Мэттью. Я воюю в этой долине 35 лет. Ты не представляешь, как я хочу, чтобы это уже закончилось. Как я хочу уехать обратно в Осло. Снять комнату в Хилтоне, напиться, взять девочек...

ПЕРЕВОДЧИК. Вы нужны нам здесь.

КАПИТАН. Ты не представляешь, как я хочу быть в Норвегии. Рядом с норвежской женой. С моими норвежскими детьми, играющими в моем норвежском саду, и слушать норвежский джаз. Ты не представляешь, как я хочу быть норвежцем.

ПЕРЕВОДЧИК. Я знаю.

КАПИТАН. Лучше бы я не возвращался.

Короткая пауза

Я чувствую себя слабым, Мэттью. Его присутствие делает меня слабым. Наверное, я слишком слаб, чтобы убить его. Ты так стремился его убить, может, сам это и сделаешь?

ПЕРЕВОДЧИК. Мне будет тяжело. Боюсь, что станет плохо.

КАПИТАН. Ты ходил со мной на задания. Убивал.

ПЕРЕВОДЧИК. Меня всегда тошнит.

КАПИТАН. Мне очень жаль, Мэттью.

Оставь меня одного. Подожди в машине. Я должен решить, что делать.

ПЕРЕВОДЧИК *уходит.*

КАПИТАН *поднимает фотографию ПИЛОТА, берет его нож и вынимает лезвие.*

Целуй мой ботинок.

КАПИТАН *подносит свой ботинок к лицу ПИЛОТА. ПИЛОТ отворачивается.*

Целуй.

ПИЛОТ. Нет.

КАПИТАН. Я ничего тебе не сделаю. Просто поцелуй ботинок.

Лицо ПИЛОТА по-прежнему отвернуто от КАПИТАНА.

Пожалуйста.

...

Что тут такого? ЧТО ЭТО ИЗМЕНИТ? Я просто хочу, чтобы ты почувствовал пыль на моих ботинках. Давай. Пожалуйста.

ПИЛОТ. Пошел ты.

КАПИТАН *опускает ногу.*

КАПИТАН. Ты лучше умрешь, мальчишка. Невыносимый мальчишка. Зачем ты сюда пришел? Зачем тебе надо было сюда приходиться?

КАПИТАН *садится рядом с ПИЛОТОМ. Смотрит на фотографию его жены.*

Она очень красивая.

Ну, скажи что-нибудь. Скажи что-нибудь такое, что поможет нам в этой ситуации. Помоги мне. Скажи, как поступить.

ПИЛОТ *плюет* КАПИТАНУ *в лицо*.
КАПИТАН *вытирает лицо носовым платком*.

Извини, сынок.

КАПИТАН *возвращает фотографию* ПИЛОТУ.

МЭТТЮ! МЭТТЮ!

Вбегает ПЕРЕВОДЧИК.

Мэттью, переведи ему,
В мире есть власть.
И есть боль.
И одно должно быть равно другому.
Если причиняешь боль,
Значит, у тебя власть.
Если у тебя власть,
Ты причиняешь боль.
Чтобы избежать конфликта,
Власть должна быть перераспределена между людьми.
К сожалению.
Чтобы перераспределить власть,
Необходимо перераспределить боль.
ПЕРЕВОДЧИК. Я не могу это перевести.
КАПИТАН. Почему?
ПЕРЕВОДЧИК. Очень сложно.
КАПИТАН. Тогда скажи ему, что ракета, взорвавшая
мою семью, была сделана в Америке.
ПЕРЕВОДЧИК. Он хочет, чтобы ты знал, что его се-
мью убила американская ракета.
КАПИТАН. Иди в город. Достань видеокамеру. Собе-
ри двадцать мужчин. Встретимся здесь завтра утром.
ПЕРЕВОДЧИК. Есть, сэр.

ПЕРЕВОДЧИК *уходит*.

КАПИТАН. ФЕРМЕР. ФЕРМЕР.

Входит ФЕРМЕР.

ФЕРМЕР. Да, сэр.

КАПИТАН. Я уезжаю. Охрана будет сторожить дом ночью.

ФЕРМЕР. А американец? Вы его забираете?

КАПИТАН. Все будет в порядке. Ситуация под контролем.

ФЕРМЕР. Я надеялся...

КАПИТАН. Завтра его уже не будет.

ФЕРМЕР. Да? Хорошо. Хвала Господу.

КАПИТАН. ФЕРМЕР...

Твоя дочь...

ФЕРМЕР. Извините ее. Она опрометчива.

КАПИТАН. Она мне нравится.

ФЕРМЕР. Да?

КАПИТАН. Переводчику нужна жена. Он образованный человек, и ему нужна образованная жена. Большинство женщин в округе не умеют читать. Подумай, может, Иви подходит ему?

ФЕРМЕР. Я подумаю, но...

КАПИТАН. Если я умру, не назначив преемника, мой отряд распадется. Здесь начнется хаос. Я хочу назначить Переводчика своим преемником. Он образованный и умный, но он также слаб. И не уверен в себе. Такая женщина, как Иви, стала бы ему опорой. Я хочу, чтобы Переводчик был сильным. Он должен стать сильным, чтобы продолжить мое дело.

У меня не осталось сыновей.

Есть только он.

ФЕРМЕР. Я хочу, чтоб у Иви была спокойная жизнь.

КАПИТАН. Если ты отдашь Иви, я не стану забирать твоего сына. Подумай. У тебя есть время.

ФЕРМЕР. Я подумаю.

КАПИТАН. А пока вот, возьми деньги.

ФЕРМЕР. За что?

КАПИТАН. За то, что нашел американца.

ФЕРМЕР. Я же ничего не сделал. Просто... нашел его.

КАПИТАН. Потрать их на школу для ИВИ.

Удачи, ФЕРМЕР.

ФЕРМЕР. Удачи, КАПИТАН.

КАПИТАН уходит. Звуки отъезжающего джипа.

ПИЛОТ. Господи. Подонок этот ваш КАПИТАН, мой друг. Очень вас жаль. Господи. Очень жаль вас, люди. Вы в таком дерьме.

ФЕРМЕР *смотрит на ПИЛОТА.*

ФЕРМЕР. Я знаю, что ты сейчас чувствуешь.

Входит САРА.

Она несет одеяло.

Кладет его на пол.

САРА. Холодная ночь сегодня.

ФЕРМЕР. Да.

САРА. По всей дороге солдаты. Мне это не нравится.

ФЕРМЕР. Они скоро уйдут.

САРА. Мальчишки были в восторге от джипа. Пришлось накричать на них, чтобы слезли. Они туда забрались. Изображали из себя водителей. Изображали, как стреляют из автомата.

ФЕРМЕР. Просто игры.

САРА. Мне это не нравится.

ФЕРМЕР. КАПИТАН дал нам деньги.

Он показывает ей деньги.

САРА. Так много.

ФЕРМЕР. Да.

Отдает ей деньги.

Поздно уже. Иди в дом. Я скоро приду. Нужно бросить корм овцам, пока не стемнело.

САРА *смотрит на ПИЛОТА.*

САРА. А он приносит в дом деньги.

Пауза.

Прямо как корова.

САРА *уходит.*

ФЕРМЕР *стоит еще несколько секунд.*

ФЕРМЕР. Зачем ты сюда пришел?
Зачем тебе надо было сюда приходиться?

ФЕРМЕР *уходит.*

ПИЛОТ *смотрит вверх.*

ПИЛОТ. Где вы?

Начинает молиться.

АКТ ВТОРОЙ

1.

Утро.

ПИЛОТ *спит.*

Снаружи в саду слышны голоса ФЕРМЕРА и ИВИ. Они спорят.

ИВИ. Нет!

ФЕРМЕР. Иви, подожди.

ИВИ. Нет.

ФЕРМЕР. Послушай секунду.

ИВИ. Нет.

Входит ИВИ. Она несет поднос с завтраком для ПИЛОТА.

Захлопывает за собой дверь.

Она кладет поднос рядом с ПИЛОТОМ и смотрит, как он спит.

Входит ФЕРМЕР.

ФЕРМЕР. Перестань твердить «нет».

ИВИ. Нет.

ФЕРМЕР. Я просто прошу тебя встретиться с ним.

ИВИ. Тихо. Ты его разбудишь.

ФЕРМЕР (*тише*). Переводчик — образованный человек. И мне показалось, достаточно разумный.

ИВИ. Ты говорил, что я могу сказать да или нет на любое предложение о замужестве.

ФЕРМЕР. Я помню.

ИВИ. Значит, «нет».

ФЕРМЕР. Вы с ним толком не познакомились. А ты уже говоришь «нет», не дав ему никакого шанса.

ИВИ. У него постоянно спадают очки с носа. Он хлопает, как свинья. Он думает, что все знает.

ФЕРМЕР. Если бы у меня были очки, они тоже могли бы спадать.

ИВИ. Ну и что.

ФЕРМЕР. Я думаю, что тоже иногда хлюпаю. Если бы твоя мать рассуждала, как ты, то мы никогда бы не поженились.

ИВИ. Вот и хорошо. Если бы вы не поженились, то я бы тогда не родилась.

ФЕРМЕР. ИВИ. Он скоро придет. Я хочу, чтобы ты с нами позавтракала. Ты должна быть вежливой. И все. Я тебя не прошу. Я тебе говорю. Понятно?

ИВИ. Как ты можешь так поступать со мной?

ФЕРМЕР. Как — так?

ИВИ. Продавать меня.

ФЕРМЕР. Не преувеличивай.

ИВИ. Сколько? А? Сколько я стою? Сколько?

ПИЛОТ стонет и просыпается. ФЕРМЕР и ИВИ перестают спорить, они немного смущены.

ПИЛОТ. Черт.

Ааах.

О-о-о...

Доброе утро.

ИВИ. Доброе утро, Мистер Джейсон.

ПИЛОТ. Это мне?

Это для меня?

ФЕРМЕР. Скажи, чтоб поел.

ИВИ. Я завтрак. Мистер Джейсон. Съешь меня.

ПИЛОТ. Что?

ИВИ. Съешь меня. Я завтрак. Съешь меня.

ПИЛОТ. ОК. ОК. Я тебя съем.

Я страшный серый волк. Я тебя съем.

ПИЛОТ смеется.

ИВИ. У него хороший смех.

ФЕРМЕР. Он просто американец. Не слишком увлекайся.

Снаружи подъезжает джип.

Звучит длинный и громкий звук клаксона.

Джип тормозит.

ПЕРЕВОДЧИК *вернулся.*

ФЕРМЕР *выходит.*

ИВИ. Я знаю, кто тебя послал.

Вчера вечером я молилась.

Ты здесь, чтобы спасти нас.

Я здесь, чтобы спасти тебя.

Я знаю.

ПИЛОТ. Ты хорошая девушка, ИВИ. Ты мне нравишься.

ИВИ. Я знаю, ты меня понимаешь.

2.

ПЕРЕВОДЧИК. Белль испарилась. Капля воды упала на горячую сковородку. Мысль уходит. Была однажды река, а теперь сухое русло. Была свадьба, была ракета, и Белль испарилась. Она очень красиво пела. Я... у меня точно кость в горле. Я любил Белль, когда она пела. Я любил Белль. И мне не осталось даже частички ее тела. Мое сердце из кожи, мой живот — это море, мой разум — пейзаж боли. Я уже давно стал призраком. Когда я увидел Американского ПИЛОТА, к моему удивлению, я захотел ударить его. Мне казалось, что, если я сделаю ему больно, мне станет немного легче. И когда я воткнул в него нож, я почувствовал облегчение — неожиданное соединение, как будто я был снова с Белль, — мне не осталось даже частички ее тела, ни частички — Белль испарилась, но когда я нанес удар АМЕРИКАНСКОМУ ПИЛОТУ, я увидел ее в его глазах.

3.

Входят ПЕРЕВОДЧИК и ФЕРМЕР.

ПИЛОТ. Вот черт, очкарик вернулся.

ПЕРЕВОДЧИК. Доброе утро, Джейсон Рейнхард.

ФЕРМЕР. Он выдержал ночь.

ПЕРЕВОДЧИК. Похоже на то.

ФЕРМЕР. Я так понимаю, что вы его забираете.

ПЕРЕВОДЧИК. Он может остаться на сегодня.

ФЕРМЕР. Да. Понимаю.

ПЕРЕВОДЧИК. Его нужно еще раз допросить.

ФЕРМЕР. Ну да.

ПЕРЕВОДЧИК. Можешь идти. Я дальше сам.

ФЕРМЕР. Я хотел предложить Вам позавтракать с нами. С моей семьей.

ПЕРЕВОДЧИК. Спасибо, но я должен остаться с ним.

ФЕРМЕР. Это всего лишь на час. Я уверен, он не сбежит.

ПЕРЕВОДЧИК. Я предпочел бы остаться здесь.

ФЕРМЕР. Так мы можем подать завтрак сюда.

ПЕРЕВОДЧИК. Правда, не стоит хлопот.

ФЕРМЕР. Никаких хлопот. Я попрошу жену принести еду сюда.

ИВИ уходит.

ПИЛОТ. Эй, мистер. Мне надо в туалет.

ПЕРЕВОДЧИК *уходит.*

Эй! Эй, вернись, гад.

-

ПЕРЕВОДЧИК *возвращается со старым ржавым бидоном, из которого поят скот. Ставит бидон перед ПИЛОТОМ.*

ПЕРЕВОДЧИК. Писай в это.

ПИЛОТ *с трудом поднимается на ноги, облакачивается на стену, чтобы удержаться. Ему очень больно стоять.* ПЕРЕВОДЧИК *не помогает.* ПИЛОТ *мочится.*

Это причиняет ему боль. ПИЛОТ пытается скрыть боль, но у него не получается. ПЕРЕВОДЧИК не реагирует. ПИЛОТ смотрит на его выражение лица.

ПИЛОТ. Сукин сын. Ты что, гад, получаешь от всего этого удовольствие?

ПИЛОТ *заканчивает. Теряет силы.*

Моча с кровьюю.

ПЕРЕВОДЧИК *выносит ведро.*

ПИЛОТ *падает на пол.*

У него льются слезы.

Несколько секунд он находится в одиночестве.

Входит ФЕРМЕР.

ФЕРМЕР. Завтрак готов.

ФЕРМЕР *видит ПИЛОТа. Замирает. Видит всю ситуацию.*

Входит ПЕРЕВОДЧИК.

По-моему, ему...

ПЕРЕВОДЧИК. Все в порядке.

Входят САРА и ИВИ с подносом еды и ковриком.

ИВИ разворачивает коврик.

Они кладут еду перед ПЕРЕВОДЧИКОМ.

ФЕРМЕР. Это моя жена САРА.

ПЕРЕВОДЧИК. Доброе утро, САРА.

ФЕРМЕР. САРА, это...

ПЕРЕВОДЧИК. Мэттью.

САРА. Доброе утро, Мэттью.

ФЕРМЕР. ИВИ Вы уже знаете. ИВИ?

ИВИ. Здравствуйте.

ФЕРМЕР. Садитесь, Мэттью.

САРА. Иви приготовила завтрак.

ФЕРМЕР. Мы очень любим гостей. Они у нас так редко бывают. Садитесь.

ПЕРЕВОДЧИК *садится. Они все садятся.*

ПЕРЕВОДЧИК *ест.*

Пьет чай, хлюпая, как свинья.

Его очки спадают на нос.

САРА, ИВИ и ФЕРМЕР *наблюдают за ним.*

Вкусно?

ПЕРЕВОДЧИК. Вкусно.

ФЕРМЕР. ИВИ хорошо готовит.

ИВИ. Это мама готовила.

ФЕРМЕР. Скромничает.

ИВИ. Нет.

САРА. Мэттью, расскажите, чем занимается Ваш отец.

ПЕРЕВОДЧИК. Отца нет в живых. Господи, упокой его душу

САРА. Господи, упокой его душу.

Пауза.

А что он делал — до смерти — Ваш отец?

ПЕРЕВОДЧИК. Он был Архитектором в столице. Строил дома для богатых семей.

ФЕРМЕР. Архитектор. Ты слышала, ИВИ?

ПЕРЕВОДЧИК. Он умер, когда я был в Америке.

ИВИ. Вы были в Америке?

ПЕРЕВОДЧИК. Я получил стипендию и поехал в Америку, когда мне было восемнадцать. Мой отец был связан с политикой. Его расстреляли во время революции.

САРА. Какой ужас!

ФЕРМЕР. Иви интересуется Америкой. Расскажите о Вашем путешествии, пожалуйста.

ПЕРЕВОДЧИК. Я провел три месяца в Нью-Йорке. Потом поехал на поезде в Сан-Диего и пробыл там тоже три месяца.

В Сан-Диего я гулял вдоль широких улиц. Видел в магазине целую стену с апельсиновым соком, стена была больше, чем ваш дом. Один человек пригласил меня в свой дом. У него в каждой комнате был телевизор. Там у каждого человека есть машина. В машинах играет музыка. Я никого не знал. Человек, который пригласил меня в свой дом, пытался приставать ко мне. Мне было очень одиноко в Сан-Диего. Я потратил все свои деньги на выпивку, сигареты и порно.

САРА. Господь простит Вас.

ПЕРЕВОДЧИК. Господь простит меня.

Американский поезд больше похож на дворец, чем на поезд. Нью-Йорк очень опасный город. Лично меня там не ограбили, но люди говорили, что меня могут ограбить. В Нью-Йорке я выступал на политическом вечере. Пришло много людей. Они пожертвовали деньги на помощь нашему народу, но я не знал, кому их переслать. Я потратил их на порнографию. Я был влюблен в Америку. Америка — это самое совершенное общество на земле. С этим нельзя поспорить. Как это объяснить? Почти каждый день я сидел на скамейке и рыдал. Может быть, я был бы счастливее в Москве. Тогда я был коммунистом.

САРА. Господь простит Вас.

ПЕРЕВОДЧИК. Лучше бы я не видел Америку. Лучше бы я там остался. Лучше бы Америки не существовало. Лучше бы они захватили нас и превратили в своих рабов,

потому что это было бы лучше, чем тот ад, в котором мы находимся сейчас.

Проблема в том, что американцы считают, что все люди на земле тоже американцы.

Они думают, что слово американец равно слову человек.

Я не американец...

Извините. Мне не стоит об этом говорить. Я вел себя невежливо. Вы очень вкусно готовите, ИВИ. Хвала Господу.

ФЕРМЕР. Хвала Господу.

Короткая пауза.

САРА. Скажите, Мэттью, а Ваша мать жива?

ПЕРЕВОДЧИК. Моя мать живет с моим братом в столице. Мы мало общаемся. Бог даст, мы увидимся перед ее смертью. Но все это так трудно.

САРА. Я уверена, что она молится за Вас каждый день.

ПЕРЕВОДЧИК. Люди КАПИТАНА придут с минуты на минуту. Если возможно, я бы купил у вас барана, чтобы накормить их. Покажите ваших овец.

ФЕРМЕР. Конечно. Я отведу Вас на пастбище.

ПЕРЕВОДЧИК. Спасибо за завтрак, ИВИ.

Приятно было познакомиться с Вами.

ПЕРЕВОДЧИК и ФЕРМЕР *уходят.*

САРА *начинает прибираться.*

САРА. Ну что?

ИВИ. Никогда.

САРА. Я понимаю тебя. Наверное, он слишком ученый. Его движения слишком мягки. Его глаза слишком задумчивы. Он ни на что путное не способен.

ИВИ. Никогда, никогда.

САРА. Но у него хороший аппетит. Это хорошо. Трудно любить мужчину с плохим аппетитом.

ИВИ. Нет.

САРА. КАПИТАН порекомендовал его. Мужчина меняется, когда находит жену. Твой отец ел как воробушек, когда мы познакомились. Сейчас он возмужал.

ИВИ. Я не хочу за него.

САРА. Он печален. Ты обычно веселая. Вы сможете дополнять друг друга. Если он станет важным человеком, всем будет от этого польза.

ИВИ. Сто тысяч раз нет.

САРА. Он спасет мне сына, ИВИ.

САРА *уходит.*

ИВИ *остаётся.*

Пауза.

ПИЛОТ. ОК?

ИВИ. ОК.

ПИЛОТ. ОК.

ИВИ. Когда я с тобой, все становится ясно.

ПИЛОТ. ИВИ. Скажи отцу, что Америка хочет вам помочь. Америка хочет вашей свободы. Скажи отцу. Если они меня убьют, здесь будут бомбы. Если не убьют, здесь будут деньги. Ты понимаешь?

Он указывает вверх.

Наши ребята ищут меня. Они меня найдут. Вы должны поступить правильно, ИВИ. Вы должны.

ИВИ. Зачем ты здесь? Ты же из Америки.

ПИЛОТ. ОК.

Он протягивает к ней руку.

Она позволяет ему дотронуться до нее.

ИВИ. Зачем ты здесь?

ПИЛОТ. Эй. Эй. Не плачь. Все будет хорошо, детка. Просто попроси отца достать мне телефон. Все будет хорошо. Просто достаньте мне телефон.

Она пятится от него назад.

ИВИ. Не могу. Я не могу это сделать! Я не могу!

ИВИ уходит.

4.

ТОРГОВЕЦ. Для меня АМЕРИКАНСКИЙ ПИЛОТ означал лишнюю работу. КАПИТАН разбрасывался деньгами в деревне, а это провоцировало споры, с которыми мне приходилось разбираться. Ну, как обычно. Было много забот, как накормить и где разместить его людей. Кто этим занимался? Я. Это мои трудности. Я все время нахожусь на грани, пытаюсь балансировать на травинке. Я не гонюсь за славой. У меня хроническая язва желудка, но я не показываю вида. Я всегда все продумываю на несколько шагов вперед. Где же прибыль? В каждой ситуации есть прибыль, если знаешь, где ее искать. Я могу отыскать копейку в снегу. Есть ПИЛОТ. Он американец. Это обстоятельства. Где прибыль? Моя задача найти эту прибыль.

5.

Ранний вечер.

Из джипа доносится музыка.

Это музыка из MP3 плеера ПИЛОТА. Песня Металлики «Burn Motherfucker Burn»

ПИЛОТ. ГРОМЧЕ МУЗЫКУ.
НЕСИТЕ ПИВО.
ЗОВИТЕ ШЛЮХ.
ГУЛЯЕМ.

ПИЛОТ *смеется.*

Входит ТОРГОВЕЦ, *за ним следует* ФЕРМЕР.

ТОРГОВЕЦ. Четыре тысячи песен. Мой партнер в Дубае продает адаптеры за пять баксов. Сам покупает их в Америке за два. А я сейчас продал плеер и адаптер солдатам КАПИТАНА за сто баксов. Ха-ха. Четыре тысячи песен. Вот это Америка, ФЕРМЕР. Ничего в голове держать не надо. Даже песни.

ПИЛОТ *снова молчит.*

ФЕРМЕР. Мне кажется, тебе не стоит здесь находиться.

ТОРГОВЕЦ. Да ладно.

ФЕРМЕР. КАПИТАН сказал...

ТОРГОВЕЦ. Вот.

ТОРГОВЕЦ *достаёт из-за пазухи бутылку виски. Передаёт* ФЕРМЕРУ.

На. Выпей.

ФЕРМЕР *глотаёт из бутылки.*

ФЕРМЕР. Ты уже почти все выпил.

ТОРГОВЕЦ. Да есть еще.

ФЕРМЕР. Ты знаешь, что с ним будет?

ТОРГОВЕЦ. Не забивай себе голову. Это как облака. Они высоко над нами. Есть солнце, есть дождь. Это все, что нам надо знать. Пойди, покарауль. Дай знак, если кто идет.

ФЕРМЕР. Ради бога, не надо его больше бить.

ТОРГОВЕЦ. Иди давай. Охраняй дверь.

ФЕРМЕР. Что?

ТОРГОВЕЦ. Иди.

ФЕРМЕР *выходит.*

ТОРГОВЕЦ *подходит к ПИЛОТУ с ножом в руках. Хватает его за форму.*

ПИЛОТ. Отцепись.

ТОРГОВЕЦ. Заткнись.

ТОРГОВЕЦ *бьет ПИЛОТА по лицу.*

Достает согнутый лист факса.

Отдает ПИЛОТУ.

ПИЛОТ *разворачивает лист и читает.*

Америка знает, что ты здесь. Я рассказал моему контакту в Дубае. Они хотят доказательств, прежде чем мне заплатить. Ты сиди здесь. Они сюда придут. Это твое доказательство. А мне нужно мое.

ТОРГОВЕЦ *срывает медальон с именем и номером ПИЛОТА. Кладет его себе в карман.*

ФЕРМЕР. Все в порядке. Они там все пьют возле костра. Никто сюда не придет.

...

Боже, что ты делаешь?

ТОРГОВЕЦ *возвращает нож ФЕРМЕРУ.*

ТОРГОВЕЦ. Деревня была здесь задолго до появления ПИЛОТА, и после него деревня останется здесь. Нам надо позаботиться о себе.

ФЕРМЕР. Они его убьют, так?

ТОРГОВЕЦ. Облака плывут над нами, а у нас меняется погода.

Оставь виски себе. Не говори ничего КАПИТАНУ.

ТОРГОВЕЦ *уходит.*

ФЕРМЕР *стоит, держа в руках нож и виски.*

Снова делает глоток из бутылки.

Подходит к ПИЛОТУ.

Разрезает веревку, которой ПИЛОТ был привязан к столбу.

ФЕРМЕР. Беги. Иначе они убьют тебя. Они меня, наверное, за это убьют. Беги. Они не увидят. Ну. Давай. Они там заняты бараном. Ты выиграешь пару часов, а может, и целую ночь. Беги! — БЕГИ!

ПИЛОТ *не двигается.*

Бога ради!

ПИЛОТ. Я должен остаться здесь.

ФЕРМЕР. Давай же!

ФЕРМЕР *пытается подтолкнуть ПИЛОТА и помочь ему встать на ноги.*

ПИЛОТ. Нет. Нет. Все ОК. Я ОК.

ФЕРМЕР. Не ОК. Не ОК. Они убьют тебя.

ПИЛОТ. Наши ребята ищут меня.

Он указывает вверх на небо.

Они меня будут здесь искать. Они меня найдут. Ваши там гуляют. Только зарезали барана. Они уже ничего сегодня не сделают. Наши уже здесь скоро будут. Очень скоро. Все ОК.

ФЕРМЕР *оглядывается на дверь.*

ФЕРМЕР. Слишком поздно.

Поздно...

Он снова привязывает ПИЛОТА.

Слишком поздно.

ПИЛОТ. Все ОК. Все хорошо.

ФЕРМЕР. ОК

ПИЛОТ. ОК.

Входит ПЕРЕВОДЧИК.

Он несет видеокамеру и треножник.

Черт.

ПЕРЕВОДЧИК. Ты можешь идти. Я дальше сам.

ФЕРМЕР *уходит.*

ПЕРЕВОДЧИК *устанавливает камеру.*

Ты скоро умрешь, но кажется, что ты не боишься.

Ты боишься?

...

Я все время боюсь. Мой разум — пустыня страха и горя.

И все мои мысли, даже самые светлые, должны выживать в этой пустыне. Обычно они умирают...

ПЕРЕВОДЧИК *находит нож на полу.*

Смотрит на нож.

Они там гуляют. Виски и баранина. Мне не нравятся гулянья. Мне не нравятся песни. Терпеть не могу запах жареного мяса.

...

Попробуй, переведи мои мысли. Я должен переводить твои мысли на мой язык. А теперь ты переведи мои мысли на твой.

ПИЛОТ. Я не понимаю. Говори по-английски. Я тебя не понимаю.

ПЕРЕВОДЧИК *вонзает нож в сломанную ногу ПИЛОТА.*

ПИЛОТ *вскрикивает.*

ПЕРЕВОДЧИК *вынимает нож.*

ПИЛОТ *корчится от боли.*

ПЕРЕВОДЧИК *выходит за дверь.*

Его тошнит.

Снова входит, снимает очки и вытирает их о рубашку.

Входит КАПИТАН.

КАПИТАН. С ним все в порядке?

ПЕРЕВОДЧИК. Я ударил его ножом в ногу.

КАПИТАН. Зачем?

ПЕРЕВОДЧИК. Хотел посмотреть, смогу ли я это сделать.

КАПИТАН. Тебя вырвало?

ПЕРЕВОДЧИК. Да.

КАПИТАН. Значит, ты не безнадежен.

Короткая пауза.

Холодно.

ПЕРЕВОДЧИК. Да.

КАПИТАН. Наверное, пойдет снег.

ПЕРЕВОДЧИК. Камера готова, сэр. Вы написали, что ему нужно сказать?

КАПИТАН. Нет.

ПЕРЕВОДЧИК. Послание важно.

КАПИТАН. Я знаю.

ПЕРЕВОДЧИК. Его услышит весь мир.

КАПИТАН. Я знаю.

ПЕРЕВОДЧИК. Мы сможем рассказать им, за что мы воюем.

КАПИТАН. Напомни мне, Мэттью, — за что? Я позабыл.

ПЕРЕВОДЧИК. Мы сражаемся за шанс...

КАПИТАН. Мы сражаемся за маленькое стратегическое преимущество в войне, у которой никогда не будет конца. Не слишком убедительное послание.

ПЕРЕВОДЧИК. Нам нужно хоть что-то.

КАПИТАН. Мы бедные люди в очень бедной стране и можем собрать очень маленькую и очень бедную армию. В общем и целом. Мы ничто. Если мы заявим о себе, американцы уничтожат нас.

ПЕРЕВОДЧИК. Но мы сможем рассказать всем ...

КАПИТАН. О чем?

ПЕРЕВОДЧИК. О справедливости.

КАПИТАН *смеется.*

КАПИТАН. Представь себе семью, Мэттью. Они несметно богаты, и у них сто слуг. В одно прекрасное утро они просыпаются и находят своего младшего сына убитым прямо в постели. Они знают, что это сделал один из слуг, но не знают кто. В поисках преступника им нужно проверить мотив убийства у каждого из ста слуг. И вот они сидят за столом, и им приходится вспомнить сотню обид, которые они нанесли своей прислуге, сотню оскорблений, которые висят у них на совести.

Пусть американцы вспоминают, что у них на совести.

Пусть это их мучает.

ПЕРЕВОДЧИК. Я не хочу, чтобы это их мучило. Я хочу послать конкретное сообщение.

КАПИТАН. Неизвестность — вот послание на века. Они никогда не смогут от него избавиться. Никогда не смогут отомстить.

ПЕРЕВОДЧИК. И что же несет это повеление?

КАПИТАН. Боль.

ПЕРЕВОДЧИК. Я верю в борьбу. То, что вы предлагаете, звучит на грани нигилизма. Послание — вот что важно. Оно делает нас рациональными.

КАПИТАН. Когда имеешь дело с неограниченной властью, Мэттью, нигилизм становится рациональным. Камера готова?

ПЕРЕВОДЧИК. Да.

КАПИТАН. Включай.

КАПИТАН *поднимает ружье. Направляет на ПИЛОТА. Он располагается так, чтобы не попасть на видеозапись.*

ПИЛОТ. Не делай этого. Скажи ему, чтоб он не делал этого.

ПЕРЕВОДЧИК. ОК. Кажется, записывает.

ПИЛОТ. Скажи ему, чтоб он не делал этого. Это ужасная ошибка.

ПЕРЕВОДЧИК. Заткнись.

КАПИТАН. Готово?

ПЕРЕВОДЧИК. Да.

КАПИТАН *целится.*

Подождите. Я подумал. Надо все-таки проверить, работает ли камера. Минутку.

ПЕРЕВОДЧИК *отматывает пленку и нажимает «play», чтобы посмотреть, играет ли запись.*

ПИЛОТ. Скажи ему, что он подписывает свой собственный смертный приговор. Скажи ему.

ПЕРЕВОДЧИК. Тут только голубой экран.

КАПИТАН. Что?

ПИЛОТ. Что происходит?

ПЕРЕВОДЧИК. Что-то не так. Она не записывает.

ПИЛОТ. Опустит ружье, ОК?

КАПИТАН. Не могу больше. Обойдемся без камеры.

ПИЛОТ. ОК? ОК?

ПЕРЕВОДЧИК. Какой смысл его убивать, если не будет записи? Я сейчас все сделаю. Нужно просто посмотреть инструкцию еще раз. Минуту.

ПИЛОТ. Не стреляй, ОК?

КАПИТАН. Предложи мне другой выход, американец. Клянусь богом, ты светишься.

Предложи мне что-нибудь.

ПИЛОТ. Пожалуйста...

КАПИТАН. Да он в штаны намочил.

ПИЛОТ. НУ ГДЕ ВЫ?

ПЕРЕВОДЧИК. Да заткнешься ты?

ПИЛОТ. НУ ГДЕ ВЫ?

КАПИТАН. Мы могли бы быть в Норвегии.

Пить водку.

Разговаривать о жизни.

Ни слезинки между нами.

...

Ты намочил в штаны.

Но все равно твое присутствие принижает меня.

КАПИТАН *поднимает ружье.*

ПЕРЕВОДЧИК. Что вы делаете?

КАПИТАН. Целюсь.

ПЕРЕВОДЧИК. Честное слово, мне нужна только минута.

Врывается ИВИ.

Она подбегает к ПИЛОТУ.

Падает на колени рядом с ним.

ИВИ. НЕ УБИВАЙТЕ ЕГО. ВЫ НЕ МОЖЕТЕ ЕГО УБИТЬ.

Если вы его убьете, вам придется убить и меня.

ПЕРЕВОДЧИК. ИВИ.

КАПИТАН. Уведи ее, Мэттью.

ИВИ. Послушайте.

Он был послан нам.

Я знаю.

На то есть причина.

КАПИТАН. Возвращайся к отцу, дитя.

ИВИ. Америка послала его, чтобы спасти нас.

ПЕРЕВОДЧИК. Он просто потерпел аварию.

КАПИТАН. ФЕРМЕР.

ИВИ. Америка послала его.

КАПИТАН. ФЕРМЕР. ИДИ СЮДА.

ИВИ. Он пришел спасти нас, КАПИТАН.

Он посланец. Разве Вы не видите?

Он послан, чтобы испытать нас.

КАПИТАН. Все, хватит.

Он поднимает ружье.

ИВИ. Америка на нашей стороне

Он рассказал мне

Америка видит нас

Америка нас видит, КАПИТАН, так же хорошо, как
если бы нас показывали по телевизору

Все нападения.

Весь ужас

Америка видела

Голод

Сражения, грабежи

Америка видела

Он рассказал мне

У нас не осталось надежды

У нас были только пыль и горе

Мы были потеряны, но Америка послала его нам, что-
бы сказать

Мы не одни

Мы можем спастись

Нас найдут

Мы можем быть американцами

Входят ФЕРМЕР и САРА.

ФЕРМЕР. ИВИ, ради бога.

САРА. ИВИ, поднимись.

КАПИТАН. Оставьте ее.

ИВИ. Я знаю, КАПИТАН, я знаю, потому что я молилась, а я могу молиться сильнее, чем все остальные, потому что я делаю это каждый день. Я только что была на пастбище, и у меня было видение, видение, КАПИТАН. Я видела новую дорогу через нашу долину, КАПИТАН, я видела машину, мчащуюся по дороге на большой скорости; я видела дамбу, и вертолеты над долиной кружились, точно стая гусей; и я видела людей в красивой одежде; и мост... а когда видение пропало, я услышала его зов.

КАПИТАН. Звучит красиво, ИВИ.

ИВИ. Америка хочет этого для нас, КАПИТАН.

Но мы должны верить.

Мы должны поступить правильно.

ПЕРЕВОДЧИК. Сэр. Нас ждет дело.

ФЕРМЕР. ИВИ, пожалуйста.

САРА. Извините нас, КАПИТАН.

ФЕРМЕР. Пойдем, дорогая.

ФЕРМЕР *хватает* ИВИ *за руку*.

ИВИ. Я видела дамбу, папа. Огромную дамбу в конце долины. Дамбу.

ФЕРМЕР. ИВИ, ЗАТКНИСЬ.

ФЕРМЕР *дает ей пощечину*.

Пощечина оказывается очень сильной, -

ИВИ ошарашена.

Извините. Простите, КАПИТАН.

КАПИТАН. Вылитая Белль.

ПЕРЕВОДЧИК. Только не это.

КАПИТАН. Как похожа.

ПЕРЕВОДЧИК. Вы же не верите ей?

Ради бога, КАПИТАН.

Вы не верите ей.

6.

САРА. Она была такая же, как и ее отец. Она мечтала. Он никогда не был ФЕРМЕРОМ в душе, его слишком привлекал цемент. Однажды он перегородил реку недалеко от зеленого камня и сделал водопой для овец. Старейшины решили, что из-за этого не хватает воды в деревне, и ему пришлось разобрать плотину, камень за камнем. Он строил пристройки к дому. Он сделал новый этаж. Каждый год он тратил часть наших денег на новый известковый раствор. Он мечтал. Он строил планы, не думая о воле Господа. Если Бог дал тебе дом без водопровода, не планируй строить ванную комнату. Если Бог послал войну, не мечтай съездить в город. Бог послал нам АМЕРИКАНСКОГО ПИЛОТА. Бог велел забрать мою дочь от меня. Бог решил, что мне надо остаться одной. Это был план Божий для меня. Больно и бессмысленно мечтать о жизни, в которой все было бы по-другому.

7.

Ночь.

КАПИТАН оголен до пояса.

Перед ним стоит маленький тазик с водой.

Он бреется одноразовой бритвой.

Переводчик чистит ботинки КАПИТАНА.

Во время этой сцены КАПИТАН укладывает волосы и усы гелем, одевается в отглаженную, чистую военную форму. Он не надевает темные очки.

ПЕРЕВОДЧИК. Пожалуйста, не делайте этого.

КАПИТАН. Дай мне зеркало.

ПЕРЕВОДЧИК *передает ему маленькое зеркало.*

ПЕРЕВОДЧИК. Вы же не можете ей верить?

КАПИТАН (*про волосы*). Не слишком много?

ПЕРЕВОДЧИК. Пожалуйста.

КАПИТАН. Камера работает?

ПЕРЕВОДЧИК. Да.

КАПИТАН. Проверил?

ПЕРЕВОДЧИК. Проверил.

КАПИТАН. Все готово?

ПЕРЕВОДЧИК. Да.

КАПИТАН. Ты нашел ей военную форму?

ПЕРЕВОДЧИК. Взял у парней.

КАПИТАН. Чистая? Не порвана? Надеюсь, не одного из погибших?

ПЕРЕВОДЧИК. Хорошая ... может ... все-таки ... пождем ... пока ... не решайте сейчас...

КАПИТАН. Нужно, чтобы она отлично выглядела на видео.

ПЕРЕВОДЧИК. Зачем? Зачем? Ее все равно никто не увидит.

КАПИТАН. Ошибаешься, Мэттью, ее увидит весь мир. Все спутниковые станции будут проигрывать запись снова и снова. Мертвый американец — это просто трагедия, а живой американец, американец на опасном пути к счастливому возвращению, американец в объятиях юной девушки — вот это история. Да еще какая — весь мир захочет узнать, чем она закончится.

ПЕРЕВОДЧИК. Она сделает из нас посмешище.

КАПИТАН. Она будет сенсацией. Молодая девушка, святая, во главе армии — святая девушка с посланием надежды.

ПЕРЕВОДЧИК. Она не святая.

КАПИТАН. У нее есть какой-то огонь внутри.

ПЕРЕВОДЧИК. Она еще дитя.

КАПИТАН. Она невинна. Ее присутствие...

Как будто с меня смыли 35 лет грязи.

ПЕРЕВОДЧИК. Вас убьют. Ее убьют. наших лучших парней убьют.

КАПИТАН. Возможно, ты прав, Мэттью, но я чувствую, как будто мне снова двадцать пять. Я полон энергии и жизни. снова готов идти в долину, строить новую армию и брать столицу.

ПЕРЕВОДЧИК. Безнадежно. Безнадежно. Безнадежно.

КАПИТАН. Это сенсация. Ты умен, Мэттью, но ты ничего не понимаешь в сенсациях.

ПЕРЕВОДЧИК. Я понимаю, что правительственные войска разгромят вас прежде, чем вы достигнете края долины.

КАПИТАН. Правительственные войска увидят нас открыто идущими по долине, а это поступок настолько сумасшедший, что они задумаются хотя бы на минуту, чтобы понять, где тут ловушка, а во главе армии они увидят Иви, а рядом с ней американец на осле. Американец! Они не посмеют атаковать. Американец — наш талисман, наша защита. Они подумают, что у меня есть поддержка авиации. Они задумаются. До них дойдут слухи, что эта девушка святая. Они подумают, что у меня есть поддержка на небесах. Они испугаются. Пойдут нам навстречу. Мы договоримся с Правительством. Пока мы будем идти к столице, весь мир будет смотреть на нас, и за нами пойдут три тысячи человек. Им придется открыть ворота.

ПЕРЕВОДЧИК. Ни один мужчина не пойдет за девушкой.

КАПИТАН. За кем, как не за девушкой, им идти, когда генералы, чиновники и политики продались и давно погрязли в коррупции? Кому же еще верить? Люди увидят наше видео на Си-Эн-Эн и поверят ей, они поверят и пой-

дут за ней; и за каждым новобранцем последуют еще двое из соседних городов.

ПЕРЕВОДЧИК. Нет. Не могу...

КАПИТАН. В первые годы войны я мечтал о министерстве. Это было все. Я бы носил костюм и отвечал за транспорт. Я достал бы кредит на строительство дороги. Нанял бы некоррупцированных подрядчиков. Дорога обеспечила бы хоть небольшое развитие для этой деревни. Да, тогда я смеялся, сколь малы были мои амбиции. Я не вспоминал о министерстве долгие годы. Мои мысли были заняты каждым небольшим продвижением вперед по долине. Защитой окопов. Для меня Иви как капля воды в пустыне, Мэттью.

ПЕРЕВОДЧИК. Простите, но я не могу одобрить это... я...

КАПИТАН. Я — КАПИТАН, Мэттью, и мне не нужно твое одобрение.

ПЕРЕВОДЧИК. Она не святая. И она не Белль.

КАПИТАН. Я готов. Пойду, позову ее.

КАПИТАН *уходит*.

ПИЛОТ. Что вы собираетесь со мной делать?

ПЕРЕВОДЧИК. Тебя освободят.

ПИЛОТ. ОК. Доставьте меня к телефону. Наши ребята ищут меня. Вы же военные. У вас тут должен быть где-то телефон или какая-нибудь связь.

Переводчик развязывает ПИЛОТА.

ПЕРЕВОДЧИК. Джейсон Рейнхард. Ты видишь меня? Посмотри глазами. На мне плохая одежда. Я цивилизованный человек. В 80-м в этой стране была поэзия и жасминовые деревья, и я учусь на учителя. Преподаю марксизм-ленинизм для детей. Я в деревне убеждаю людей построить систему орошения. Вы убить моего президента. Вы не хо-

теть больше марксизм-ленинизм. Я хочу мою страну. Хочу носить свои башмаки. А ты хочешь продавать мне сигареты. И ты хочешь меня принести тебе телефон.

...

Ты принеси телефон ко мне.

Возвращается КАПИТАН с ИВИ.

ИВИ одета в поношенную военную форму.

КАПИТАН. Хорошо, ИВИ. Встань здесь.

ИВИ. Где? Здесь?

КАПИТАН. Вот так. Не смотри на меня. Смотри в камеру. Она включена?

ПЕРЕВОДЧИК. Да.

ИВИ. И что говорить?

КАПИТАН. Скажи, что говорила мне. Повтори все так же.

Об Америке.

Только на этот раз говори в камеру.

8.

ТОРГОВЕЦ. Можете называть это предательством, но я торговец. У торговца нет врагов, как нет и друзей. В нашем деле об этом не думают. У нас, конечно, есть конкуренты и есть клиенты, а враги — это те люди, с которыми ты не можешь вести дела, а какой же из тебя торговец, если ты не можешь вести дела с людьми. В сделке есть прибыль, а сделка осуществляется в реальном мире — не в выдуманном мире и не в том мире, в котором тебе хотелось бы жить. Прибыль существует в настоящей, а не в будущей жизни. Что ж, на это ушло время, пришлось подождать. Но у меня есть телефон. У меня есть факс. У меня есть связи, и есть доступ в Интернет. Конечно, оглянувшись назад, это можно было бы назвать предательством, но я предан не стране. Я предан прибыли. Одной только прибыли.

9.

*Из джипа играет музыка.
Песня Schoolly D «Signifyin' Motherfucker».
Слышен смех и крики снаружи.*

ФЕРМЕР. ПИЛОТ, я принес тебе виски. На, выпей.
Заглушит боль.

*Он открывает бутылку и дает ПИЛОТУ.
ПИЛОТ делает глоток.*

ПИЛОТ. Господи, что за гадость?!
ФЕРМЕР. Они там едят баранину. Пьют. Слушают твою музыку. Оказывается, моя дочь святая. А мне приказано провести тебя к границе.
Пей.

*Он передает бутылку ПИЛОТУ.
ПИЛОТ снова делает глоток.*

ПИЛОТ. Крепкая штука.
ФЕРМЕР. Тебе нужно выпить. Со сломанной ногой, на осле, по горной дороге. Тебе нелегко придется.
ПИЛОТ. Да, дела...
Сначала вы, ребята, собираетесь меня прикончить.
А через минуту веселье и выпивка.
ФЕРМЕР. Надень это.
ПИЛОТ. Что это?
ФЕРМЕР. Для тепла. Надень.

ФЕРМЕР *дает ему теплую одежду, одеяло и шапку.*
ПИЛОТ *заворачивается в одеяло.*
Надевает шапку.
ФЕРМЕР *помогает ему. Весь процесс причиняет ПИЛОТУ боль.*

ПИЛОТ. ОК.
ФЕРМЕР. ОК.

ФЕРМЕР достает сигарету. Прикуривает. Предлагает сигарету ПИЛОТУ. ПИЛОТ берет и тоже закуривает. Начинает кашлять. Потом смеется. Они оба смеются.

ПИЛОТ. ОК.
ФЕРМЕР. ОК.

ФЕРМЕР курит.

ПИЛОТ. Ну теперь я выгляжу, как ты. Тебе нравится шапка?

ФЕРМЕР. Хорошо. Очень хорошо.

*ПИЛОТ подпевает словам песни, двигаясь как рэппер.
Оба смеются.
Пьют.*

ОК. ОК.
А вот это?
Это грустная песня.
У нас в долине поют.
Послушай.

*ФЕРМЕР начинает петь.
Он поет грустную песню, которую обычно поют на похоронах.*

*Замолкает.
Пауза.
Они пьют.*

*Входит ТОРГОВЕЦ.
ПИЛОТ продолжает одеваться.*

ТОРГОВЕЦ. Я принес ружье.

ФЕРМЕР. Тебя так и подмывает ему снова врезать? Не повезло, дружище. Американец теперь наш друг.

ТОРГОВЕЦ. Я принес ружье тебе. КАПИТАН сказал, что тебе понадобится ружье.

ФЕРМЕР. Вот как. Я ничего не знаю про оружие.

ТОРГОВЕЦ. Просто повесь на плечо.

ФЕРМЕР. Но я не знаю, как им пользоваться.

ТОРГОВЕЦ. Об этом не беспокойся.

ФЕРМЕР. Не беспокоиться? Это же ружье.

ТОРГОВЕЦ. Оно все равно не заряжено.

ФЕРМЕР. Как это?

ТОРГОВЕЦ. КАПИТАН сказал дать тебе ружье, а про пули ничего не говорил.

ФЕРМЕР. Зачем оно мне нужно без пуль?

ТОРГОВЕЦ. Для видимости. Ты знаешь, что оно не заряжено, а другие не знают.

ФЕРМЕР. Понятно.

ТОРГОВЕЦ. Это хитрость.

ФЕРМЕР. Понимаю.

ТОРГОВЕЦ. Чисто символически.

ФЕРМЕР. Тяжелое на вес.

(Целится, изображает звук выстрела.)

ТОРГОВЕЦ. Осторожнее с ним.

ФЕРМЕР. Ладно.

ТОРГОВЕЦ. Это мое ружье. Вернешь, когда все закончится.

ФЕРМЕР. Не беспокойся.

ТОРГОВЕЦ. ФЕРМЕР, слушай... этот план с ИВИ... я тут думал... если все это попадет на телевидение... много людей узнает о нашей деревне... для нас это может быть выгодно — появятся гости.

ФЕРМЕР. Ты имеешь в виду туристов?

ТОРГОВЕЦ. Паломников — это для нас выгодно...

ПИЛОТ. Шшш. Эй, ребята...

Шшш.

ТОРГОВЕЦ. Что он говорит?

ПИЛОТ. Тихо.

ФЕРМЕР. Что?

ПИЛОТ. Вы слышите? Слышите?

ФЕРМЕР. Не понимаю.

ПИЛОТ. Я этот звук узнаю за мили.

ТОРГОВЕЦ. Позови ИВИ. Она говорит по-английски.

ФЕРМЕР. Со мной бесполезно разговаривать, Мистер Джейсон. Я не понимаю ни слова из того, что ты говоришь.

ПИЛОТ. Это они. Это они.

ФЕРМЕР. ИВИ! Подойди сюда на минуту.

Короткая пауза.

Входит ИВИ.

ИВИ. Что, папа?

ФЕРМЕР. Мне кажется, что он хочет что-то сказать.

10.

Звуки приближающихся вертолетов, сначала издаലെка, потом ближе.

ФЕРМЕР. Иви, ты слышишь это?

ИВИ. Я слышу.

Звук, похожий на порыв сильного ветра.

ТОРГОВЕЦ. Черт возьми, что это?

ПИЛОТ. ЛОЖИСЬ!

Совсем рядом гремит сильный взрыв.

Дом ФЕРМЕРА неожиданно попадает под жестокую атаку. Очень громко разрываются снаряды, один за другим.

В перерывах между взрывами становится темно и тихо.

ИВИ истерично кричит.

ПИЛОТ прикрывает ее.

ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО.
ДЕРЖИСЬ ЗА МЕНЯ. ОК? ОК?

*Теперь вертолет зависает прямо над сараем.
С треском ломается потолок.
Внутрь проникает свет от прожекторов.
С потолка опускается трос.
Врываются три солдата.*

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ. ГДЕ АМЕРИКАНЕЦ?
ПИЛОТ. Я АМЕРИКАНЕЦ, ДЖЕЙСОН РЕЙНХАРД,
ВОЕННО-ВОЗДУШНЫЕ СИЛЫ.
ВТОРОЙ СОЛДАТ. ТЫ МОЖЕШЬ ИДТИ?
ПИЛОТ. СЛОМАНА НОГА.
ВАМ ПРИДЕТСЯ МЕНЯ ПОДНЯТЬ.
ПЕРВЫЙ СОЛДАТ. ДАВАЙ.
ВТОРОЙ СОЛДАТ. Вперед! Вперед!

ПИЛОТА поднимают на тросе вверх. Он забирает с собой ИВИ.

ФЕРМЕР. Остановитесь. Пожалуйста. Остановитесь.

ФЕРМЕР бежит к солдатам.

ТРЕТИЙ СОЛДАТ. Черт черт черт черт.

ТРЕТИЙ СОЛДАТ открывает огонь по ФЕРМЕРУ и ТОРГОВЦУ. Убивает обоих.

Вбегают КАПИТАН, Переводчик и люди КАПИТАНА.

КАПИТАН. Иви!

Они стреляют по американцам. Американцы отстреливаются.

Бомбежка продолжается.

Стрельба продолжается.

Конец

Надежда Гайдаш

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Лео Батлер

Родился в 1980 году. Учился в колледже «Роуз Брафорд» по стипендии фонда Пегги Рэмси. Был участником проекта для молодых драматургов театра «Ройял Корт». Первая пьеса Лео Батлера «Из камня» (*Made of Stone*, 2001) принесла ему награду как «самому многообещающему драматургу». Его последующие пьесы «Чрезмерная» (*Redundant*, 2001) и «Собачье счастье» (*Lucky Dog*, 2004) были поставлены в театре «Ройял Корт» и тепло приняты критиками. В настоящее время Лео Батлер — постоянный автор театра «Ройял Корт».

Дэвид Грэйг

Родился в 1969 году в Эдинбурге и вырос в Нигерии. Учился в Бристольском университете. Ему заказывали пьесы «Ройял Корт», Национальный театр, Королевский Шекспировский театр. В настоящий момент Грэйг — штатный драматург Национального театра Шотландии.

Среди последних его пьес — «Далекие острова» (*Outlying Islands*, 2002), «Сан-Диего» (*San Diego*, 2003) и «Пиренеи» (*Pyrenees*, 2005). В 2006 году по его пьесе «Архитектор» (*The Architect*, 1996) снят фильм.

Марина Карр

Родилась в 1964 году в графстве Оффали, училась в Дублинском университете. Штатный драматург театра «Абби» и «Тринити-Колледжа» при Дублинском университете. В 2003 году преподавала ирландскую литературу в университете Вилланова (США).

Многие пьесы Марины Карр наполнены античными аллюзиями или основаны на сюжетах древнегреческих мифов. Как и многим ирландским драматургам, ей присущи черный юмор и жесткая натуралистичность. Эти поэтические трагедии из ирландской жизни удостоиваются наград и ставятся по всему миру.

Среди пьес Марины Карр — «Май» (The Mai, 1994), «Ариэль» (Ariel, 2002), «Женщина и пугало» (Woman and Scarecrow, 2006) и др.

Мартин МакДонах

Родился в 1970 году в Лондоне, где провел детство и учился. Семья имела обыкновение проводить летние каникулы в Гэлуэе, и Макдонах выучил тот странный диалект, на котором говорят в Западной Ирландии и который он позже стал использовать в своих пьесах. В 1996 году он удостоился премии Круга критиков «Самый многообещающий драматург». Штатный драматург Королевского национального театра (Лондон), в марте 2006 года удостоился Оскара за фильм «Револьвер» (Six Shooter), в котором он был сценаристом и режиссером.

Неожиданные повороты сюжетов и непредсказуемые финалы пьес, яркие характеры и сочный язык, органичный сплав черного юмора, трагизма и пронзительной лиричности сделали Мартина МакДонаха одним из самых популярных и успешных драматургов как в англоязычном мире, так и за его пределами, в том числе и в России.

Среди самых известных пьес МакДонаха — «Королева красоты» (The Beauty Queen of Leenane, 1996), «Сиротливый Запад» (The Lonesome West, 1997), «Человек-подушка» (The Pillowman, 2003) и др.

Джо Пенхолл

Родился в 1967 году в Лондоне. Работал режиссером в театре «Ройял Корт» в Лондоне.

Джо Пенхолл написал: «Немое шоу» (Dumb Show), «Любовь и понимание» (Love and Understanding), «Бледная лошадь» (Pale Horse) и «Пуля» (The Bullet). Его режиссерским кинодебютом стал короткометражный фильм «Предприниматель» (The Undertaker) с Рисом Ифансом в главной роли, премьера фильма была показана на Кинофестивале в Лондоне. В 2000 году переделал

свою пьесу «Несколько голосов» (Some Voices) в киносценарий. Премьера фильма была показана в специальной программе Каннского фестиваля «Две недели режиссеров».

За «Синий апельсин» Джо Пенхолл был удостоен премии Лоренса Оливье и премии Круга критиков.

Марк Равенхилл

Родился в 1966 году в графстве Сассекс. Изучал драматургию и филологию в Бристольском университете. Первая же пьеса Марка Равенхилла — «Шопинг а ****ing», поставленная в театре «Аут оф Джойнт», принесла ему мировую славу. Черный юмор, новый, открытый подход к морали и к табуированным темам, включающим секс и наркотики, сделали «Шопинг а ****ing» пьесой мирового значения. Четвертая пьеса Равенхилла, «Откровенные полярные снимки» (Some Explicit Polaroids, 1999), как и «Шопинг а ****ing», стала настоящим театральным бестселлером. В ней драматург впервые поднимает политические вопросы, сталкивает свойственный поколению конца XX века нигилизм с идеалами 70-х годов. Также он написал пьесы: «Фауст мертв» (Faust Is Dead, 1997), «Сумка» (Handbag, 1998), «Резня» (The Cut, 2005), «Гражданство» (Citizenship, 2006) и др. Марк Равенхилл по праву считается одним из лидеров так называемой «новой волны» британской драматургии. Пьесу-монолог «Продукт» Марк Равенхилл, по сути, написал для себя — он впервые (и с блеском) сыграл премьерные показы «Продукта» в Лондоне, Эдинбурге, а затем и в Москве.

Филипп Ридли

Родился в 1964 году в Лондоне, где сейчас живет и работает. Изучал живопись в Школе искусств Сент-Мартин. Начиная свою карьеру как художник и артист перформанса, выставлялся по всей Европе и в Японии. Еще будучи студентом, основал театральную труппу, играл во многих постановках, снял несколько короткометражных фильмов. Несмотря на многообразие его талантов — однажды Ридли назвали «культурной революцией в одном лице», — он всегда называет себя «рассказчиком». Филип Ридли — автор трех книг, одного киносценария, пяти пьес для взрослых, среди которых получившая множество наград пьеса «Самые быстрые часы во Вселенной», и пяти пьес для детей.

Филип Ридли поставил также два полнометражных фильма по собственным сценариям — «Зеркальная кожа» (*The Reflecting Skin*), получившая одиннадцать международных наград, и «Темный полдень» (*The Passion of Darkly Noon*), получивший приз кинофестиваля в Порто «за лучшую режиссуру».

Дэвид Харроуэр

Родился в 1966 году в Эдинбурге, живет в Глазго. Его первая пьеса «Ножи в курицах» была поставлена в театре «Траверс» в 1995 году, когда драматургу не было еще и двадцати лет, и сразу принесла ему славу и успех. Другие пьесы — «Убей стариков, пытай молодых» (*Kill the Old Torture Their Young*, 1998), «Кокон» (*The Chrysalids*, 1999), «Культурный слой» (*Dark Earth*, 2003) и др. «Черный дрозд» (*Blackbird*, 2005) в постановке Петера Штайна стал одним из центральных событий Эдинбургского международного фестиваля 2005 года.

Кэрил Черчил

Родилась в 1938 году в Лондоне, детство провела в воспетом поэтами-романтиками Озерном краю и в Монреале (Канада); в Оксфордском университете изучала английский язык и литературу. Ее первая пьеса, «Внизу», была написана в студенческие годы; впервые поставлена в 1958 году и завоевала премию на студенческом театральном фестивале. Затем последовали пьесы для радио и телевидения, а в 1972 году состоялась первая профессиональная театральная постановка — знаменитый лондонский театр *Royal Court*, являющийся центром современной драматургии, поставил пьесу Кэрил Черчил «Собственники». В 1974—1975 годах Кэрил работала штатным драматургом *Royal Court*, а затем сотрудничала с такими известными театральными группами, как *Joint Stock* и *Monstrous Regiment*, написав целый ряд пьес, завоевавших признание публики и критиков. Ее пьеса «Большие деньги» получила премию газеты *Evening Standard* в номинации «Лучшая комедия года» и премию BBC имени Лоуренса Оливье в номинации «Лучшая современная пьеса». Престижные театральные премии получили также пьесы «*Top Girls*», «*Девятое облако*» и «*Фен*», В 2001 году Кэрил Черчил была награждена премией, которая присуждается драматургам за многолетнюю успешную деятельность: *Obie Sustained Achievements Prize*.

Драматургию Кэрил Черчил отличает интерес к животрепещущим социально-политическим проблемам и эксперименты с формой. Но внешний сюжет занимает ее гораздо меньше, чем сюжет интеллектуальный, неожиданные ходы и повороты в обсуждении темы оказываются не менее интересными, чем событийные перипетии. Черчил часто сознательно создает ситуацию исторического анахронизма, в ее пьесах встречаются герои, жившие в разные эпохи, в разных странах, и такой парадоксальный подход к построению сюжета создает особое драматургическое напряжение.

Кевин Элиот

Родился в 1951 году в Бирмингеме. Учился в Бристольском университете, работал актером. Среди его пьес — «Начистоту» (Coming Clean, 1982), за которую он удостоился премии Сэмюэля Беккета, «Согласие» (Consent, 1989), «Лунный Камень» по роману Уилки Коллинза (The Moonstone, 1990), «Моя ночь с Рэгом» (My Night with Reg, 1994), за которую он получил премии Evening Standard, Лоуренса Оливье и Круга театральных критиков, а также награды Писательской гильдии. Кевин Элиот также пишет радиопьесы и сценарии для кино. Пьеса «Искусственное дыхание» (Mouth to Mouth, 2001) номинировалась в 2002 году на премию Лоуренса Оливье.

БЛАГОДАРНОСТИ

Все пьесы в данной антологии напечатаны с разрешения правообладателей. Британский Совет благодарит за содействие в приобретении авторских прав следующие организации: The Agency («Искусственное дыхание» Кевина Элиота), Casarotto Ramsay & Associates Limited («Калека с острова Инишмаан» Мартина МакДонаха, «Американский пилот» Дэвида Грэйга, «Ножи в курицах» Дэвида Харроуэра, «Там вдали» и «Top Girls» Кэрил Черчил, «Продукт» Марка Равенхилла), Curtis Brown Group Limited («Синий апельсин» Джо Пенхолла), Judy Daish Associates Ltd. («Собачье счастье» Лео Батлера), The Rod Hall Agency Limited («Брокенвиль» Филиппа Ридли).

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Джеймс Кеннеди</i> . Предисловие	7
<i>Саша Дагдейл</i> . Новая британская драматургия	9
<i>Анна Генина</i> . Новая британская драматургия на русском языке: опыт переводческого семинара	16
<i>Кэрил Черчил</i> . Top girls	19
<i>Марина Карр</i> . Порция Кохлан	117
<i>Мартин МакДонах</i> . Калека с острова Инишмаан	175
<i>Дэвид Харроуэр</i> . Ножи в курицах	259
<i>Кэрил Черчил</i> . Там вдали	301
<i>Джо Пенхолл</i> . Синий апельсин	323
<i>Кевин Элиот</i> . Искусственное дыхание	435
<i>Филипп Ридли</i> . Брокенвиль (Разрушенск)	493
<i>Лео Батлер</i> . Собачье счастье	583
<i>Марк Равенхилл</i> . Продукт	651
<i>Дэвид Грэйг</i> . Американский пилот	683
<i>Надежда Гайдаш</i> . Коротко об авторах	751
Благодарности	756

АНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Дизайнер

Т. Репина

Редакторы

А. Генина, О. Аскольдова

Корректор

Э. Корчагина

Компьютерная верстка

С. Пчелинцев

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:

129626, Москва,
абонентский ящик 55

Тел.: (495) 976-47-88

факс: (495) 977-08-28

e-mail: real@nlo.magazine.ru

Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная № 1.

Печ. л. 24. Тираж 1500. Заказ № 627

Отпечатано в ОАО «Типография “Новости”»
105005, г. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 2008 г. вышли:

Серия «Художественная серия»

Гриша Брускин
ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ

Гриша (Григорий Давидович) Брускин (р. 1945) – известный художник и писатель. В 2001 году издательство “Новое литературное обозрение” опубликовало книгу Гриши Брускина “Прошедшее время несовершенного вида” — коллекцию записок, связанных с жизнью автора и его ближайшего окружения. В 2003 году вышла книга “Мысленно вами”, в которой из обрывков воспоминаний, писем, семейных анекдотов, притч, документов, смешных и трагических историй составлена своего рода Книга жизни нескольких поколений. В 2005 году «НЛО» выпустило книгу Брускина “Подробности письмом”. Если в первой книге герой — автор, во второй два героя — автор и его жена Алеся, то в третьей герой вроде бы отсутствует. Или героев столько, сколько букв в русском алфавите. «Прямые и косвенные дополнения» — новая книга Гриши Брускина, многие ее персонажи уже знакомы читателю по предыдущим произведениям. Своего рода четвертая серия многосерийного фильма и в то же время самодостаточное произведение.

Новое
Литературное
Обозрение

ISBN 978-5-86793-602-0

В Антологии современной британской драматургии впервые опубликованы произведения наиболее значительных авторов, живущих и творящих в наши дни, — как маститых, так и молодых, завоевавших признание буквально в последние годы. Среди них такие имена, как Кэрил Черчил, Марк Равенхил, Мартин МакДонах, Дэвид Хэроуэр, чьи пьесы уже не первый год идут в российских театрах, и новые для нашей страны имена — Дэвид Грейг, Лео Батлер, Марина Карр. Антология представляет самые разные темы, жанры и стили — от черной комедии до психологической драмы, от философско-социальной антиутопии до философско-поэтической притчи. Переводы выполнены в рамках специально организованного семинара, где особое внимание уделялось смыслу и стилю, поэтому русские тексты максимально приближены к английскому оригиналу. Антология современной британской драматургии будет интересна и театральной аудитории, и широкой публике.